

Кашинская
ПРАВДА

23 СУББОТА

МАРТА 1991 ГОДА
№ 60 [12609] Цена 10 коп.

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

РОССИЯ СЕГОДНЯ ДЕРЖИТСЯ НА ТРУЖЕНИКАХ

— считает народный депутат страны
В. П. АСТАФЬЕВ

С ИБИРЯК, солдат Великой Отечественной войны, писатель Виктор Петрович Астафьев много выстрадал и всегда говорил правду. Сейчас он пишет роман. Но каждое утро ему с трудом удается взяться за перо. Не дают покоя думы о нашей сегодняшней жизни, о судьбе русского народа.

В чем причины духовного, политического, экономического кризиса России? Об этом корреспондент ИАН беседует с писателем.

— Не буду идеализировать жизнь до революции, — говорит Виктор Астафьев. — Еще Салтыков-Щедрин писал: «Разбуди меня среди ночи и спроси: «Чем занимаются сейчас в России?» И я, не открывая глаз, отвечу: «Воруют». Сгоречью придется констатировать: нация не сложилась. До 1861 года в России было крепостное право, которое практически возродилось для крестьян при Советской власти. Это оказалось последней стадией нищеты и рабства. В Риме патриций обязан был кормить своих рабов, иначе его разоряли. Колхоз не отвечал за смерть крестьянина. Невозможно подсчитать, сколько их лежит в земле. В Колпашеве (Западная Сибирь) подмыло берег: обнаружены трупы расстрелянных «врагов народа». В Красноярске, где ни копнет экскаватор, — погребение. И так по многим местам страны. Над заброшенными могилами наших отцов растет пшеница. Живучи на погосте, всех не оплачешь.

— Однако Россия держится...

— Сегодня до нас доносится гулкое эхо войны, мы все еще ощущаем ее последствия. В те годы лилась кровь, не жалели стариков и детей. Миллионы наших соотечественников прошли через лагерь. Всего там побывало 112 миллионов... Русские, национальными чертами которых были доброта и отзывчивость, стали жестокими и равнодушными. Люди научи-

лись жить не работая, эксплуатировать друг друга и ненавидеть. Россия, однако же, сегодня держится на тружениках, которые работают не покладая рук и не думают о зарплате. Они иначе не могут, так воспитаны. Своей честностью они пытаются противостоять идеологической демагогии. Таких людей все-таки больше, чем лентяев и трусов.

— Есть ли силы, которые могут остановить наше падение?

— Партия потеряла своих лучших людей. Демократические силы очень разрознены. Как было в России во все времена — сами в себе запутавшиеся, болтливые. У меня осталась надежда на возрождение крестьянства. Но на это потребуется много времени и усилий. Идет сопротивление партократии, ратующей за сохранение совхозов и колхозов и выступающей против частной собственности.

Еще одна реальная сила — церковь, духовенство. Почему руководство страны вдруг повернулось к ней лицом? Потому, что она может способствовать стабильности, удержать народ от бунта.

Сейчас от кровопролития Россию удерживает Горбачев. Но у него нет преемника. Не дай бог после него поднимутся оголтелые силы, которые рвут рубахи на груди, пуп царпают. Они могут устроить кровопролитие.

А нам еще одно кровопролитие, еще одну революцию не выдержать.

— Сейчас много споров об армии. Каково ваше к этому отношение?

— «Военная тайна» дает возможность огромному количеству людей жить припеваючи: носить генеральские мундиры, получать большие деньги, строить охотничьи домики. Секретность позволяет брать из народного бюджета столько, сколько надо. И выпускать старые танки, ра-

ит, и есть нечего. Мы и сейчас так живем. Если прибрать по-хозяйски только то, что производим, то вполне хватило бы для того, чтобы прокормить народ.

— Несколько слов о вашем романе...

— Молодежь считает наше поколение сталинским, а мы и не знали, что он из себя представляет. Сталин вел свои интриги, убивал людей, а мы воевали. Вы знаете, почему после ранения солдат старался попасть в свою

часть? Да потому, что если вновь ранят, то на поле боя тебя не предадут и не бросят. Я сам не раз испытал это на себе. Как до сих пор помню взгляды своих товарищей-разведчиков, которые уходили, чтобы не вернуться. И те, кто уходил в ночь, и те, кто оставался, понимали это.

Название моего романа «Прокляты и убиты» взято с одной из писаниц старообрядцев юга Красноярского края. Вот какие строки были там на старославянском: «Все, кто сеет на земле смерть, братоубийство, раздоры, будут прокляты и убиты». Это о русском народе сказано. В книге не будет обобщений и повествований о вождях. Хочу рассказать правду о солдатской войне, жизни в окопах, на передовой. Это мой долг.

— Мне жалко расставаться с образом супердержавы, одержавшей победу во второй мировой войне. А вам?

— Мы завалили немцев трупами и залили кровью. Соотношение потерь 10:1. Мы были супердержавой по территории, количеству населения, сырьевым ресурсам. Но мы свою державу подточили изнутри, распродали, лес сожгли, утопили. Мы истощаем свой потенциал, как та баба, которая доит корову, молоко проквашит, скормит поросенку, снова до-

Интервью вел
П. ЗУБКОВ.
(ИАН).

ЮРИЙ АФАНАСЬЕВ О СЕБЕ, О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ, ОБ ОППОЗИЦИИ, О КПСС:
"ПАРТИЯ ВИНОВНА НЕ ПРОСТО В ОШИБКАХ - ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ"

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА И СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР

6-1990

Выходит с января 1989 г.

17

ИМЯ В ПОЛИТИКЕ

Юрий Николаевич АФАНАСЬЕВ

*народный депутат СССР, ректор Московского
государственного историко-архивного института.*

*Имя этого человека хорошо известно историкам —
комментарий Ю. Н. Афанасьева к опубликованному
нами историческому документу вы только что
прочитали. Но Афанасьев — это еще и имя
в политике. С ним беседует обозреватель журнала
«Родина»*

Юрий МАКАРЦЕВ

— Юрий Николаевич!
Очевидно, вы не родились
левым радикалом... 30 лет
в партии — можно
предположить, что когда-то вы
были и «примерным» членом
КПСС.

— Да, действительно я был
примерным членом КПСС,
и довольно долго. Я учился на
историческом факультете МГУ.
Сталинский стипендиат, комсорг
курса, я, как и многие, не
очень-то задумывался над
науками, которые изучал...

ЮРИЙ АФАНАСЬЕВ О СЕБЕ, О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ, ОБ ОППОЗИЦИИ, О КПСС:
 "ПАРТИЯ ВИНОВА НЕ ПРОСТО В ОШИБКАХ — ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ"

I. КАКОЕ ХОДИТ ЗА ПОЛИТИКОМ ЭХО

— Юрий Николаевич! Согласитесь, лето-90 с точки зрения социальной напряженности и насыщенности его событиями крупномасштабной значимости «скучным» не назовешь. Третья сессия Верховного Совета СССР, первый Съезд народных депутатов РСФСР, учреждение Российской компартии, XXVIII съезд КПСС... Политики этим летом «оказалось столь много», что иные депутаты и делегаты тайком покидали заседания в Кремле и мчались домой взглянуть на урожай или подписать деловые бумаги, скопившиеся на их столе. Благодаря многочасовым трансляциям многие домохозяйки узнают теперь общественных деятелей в лицо и понимают, кто из них к какому лагерю принадлежит. А вот вы, Юрий Николаевич, в мае — июне, было замечено, куда-то «пропали». Новая обстановка в стране — может быть, взяли тайм-аут для раздумий? Или находились в отпуске — тогда где его проводили и как?

— Я действительно в конце весны — начале лета брал отпуск. Побывал в Японии, Южной Корее, Дании, Голландии, Франции, США, получилось почти что кругосветное путешествие. Отнюдь не туристическое. Во всех перечисленных странах я выступал на симпозиумах и конференциях. Проблематика самая разная, но так или иначе она касалась происходящих в Советском Союзе процессов. Подробнее? Скажем, в Амстердаме я выступил на Сахаровском конгрессе с докладом «Современная оппозиция в СССР». Вскоре, кстати, и впервые в нашей стране подобный международный конгресс, носящий имя Андрея Дмитриевича, соберет гостей в Москве. А, допустим, в США меня привело приглашение колледжа в г. Амхерсте штата Массачусетс, где мне вручили степень почетного доктора в области гуманитарных наук. В Японии и Южной Корее телекомпаниями организовали серию конференций, «круглых столов» и созвали для участия в дискуссиях советологов, специалистов по Советскому Союзу со всего света. Полемистом от нашей страны выбрали меня. Так, собственно, прошел мой отпуск.

Но «пропадал» я, конечно, не в отпуске. В последние месяцы снова принципиально изменилась обстановка в стране. Надо было не спеша, по возможности всесторонне обдумать новую ситуацию. Я не могу сказать, что на сегодня все уже ясно. Но вот о чем уже сказать можно.

XXVIII съезд КПСС уже определился в своих результатах. И они дают основание еще раз со всей определенностью подчеркнуть, что сложившаяся у нас система общественных отношений губельна для страны. Вместе с тем, будучи исторически бесперспективной и обреченной, она оказалась весьма устойчивой, способной к самосохранению. Помимо свойственной тоталитарному государству концентрации в руках правящей верхушки всех форм и рычагов власти, помимо корыстной заинтересованности влиятельного меньшинства населения, имеющего доступ к тем или иным кормушкам, и помимо невоспитанности широких общественных слоев, прочность системы определяется еще и выявившейся за последние годы ее мобильностью, ее способностью к мимикрии и регенерации, способностью изменять свои формы без изменения существа. Парт-аппарат продемонстрировал на съезде высокое искусство выхолащивания и приспособления к своим интересам таких, казалось бы, противоположных ему идей, как гласность, парламентаризм, многопартийность, элементы многоукладности в народном хозяйстве и прочее. Все это, конечно, в соответственно деформированном виде. Кроме того, идет новый процесс всасывания и ассимиляции аппаратом мыслящих и общественно активных людей. Допущения их к конструктивной и полезной работе *внутри* системы и в ин-

тересах ее укрепления. Сказанное заставляет коренным образом изменить взгляд на перестройку. Говорят: перестройка не имела успеха, не принесла достаточных плодов. Это совершенно не те слова. Объективно, независимо от личных установок тех или иных ее инициаторов и участников, перестройка, по Горбачеву, есть форма самосохранения и упорочения тоталитарной системы путем частичной ее модификации. И с этой точки зрения она развивается вполне успешно.

XXVIII съезд еще раз подтвердил, что ни на какую иную перестройку руководство КПСС пойти не хочет и не может. Оказавшиеся у власти радикальные демократы, будучи сжатыми со всех сторон продолжающим господствовать аппаратом, вынуждены идти на компромиссы и полумеры. Их одинокое противостояние режиму, равно как и вынужденные полумеры, могут очень быстро лишиться их широкой общественной поддержки. Эта ситуация и есть предмет моих раздумий в последнее время.

— Я, признаться, не знал, что «японские заявления Ю. Афанасьева» из вашей отпускной поры. Коллеги с Сахалина прислали мне номер местной газеты «Гермес», читаем: «Личная инициатива бьет ключом, все заметнее распространяясь и на внешнеполитическую сферу. С особой энергией осваивает «народная дипломатия» в последнее время зону советско-японских разногласий по поводу территориальной принадлежности южной части островов Курильской гряды. Плюрализм позиций поистине безграничный. На крайнем левом фланге — предложение народного депутата СССР Юрия Афанасьева «возвратить» Японии острова, на которые претендует Токио, и выдвинутая чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым идея продать их японцам».

В этой связи я слышал такие суждения: ну, зачем, мол, Ю. Афанасьев похода «влез» в сложную и невероятно запутанную проблему послевоенных договоренностей стран! Да еще в такой тяжелый для нашей собственной страны момент истории! Лучше бы, допустим, он предложил формулу решения проблемы Нагорного Карабаха — тогда бы «рукоплесканию ему и эхо повторяло б». В самом деле, Юрий Николаевич, не занесли ли вас на Дальнем Востоке в «популизм международно-го толка», а?..

— Что тут можно сказать?.. Вот я в Японии. Я историк. Любому историку в Японии задают вопрос по поводу этой сложной, трудной проблемы. Можно, конечно, ответить уклончиво: мол, вопрос слишком туманный, я, мол, не профессионал в области истории дипломатии, специально Курилами никогда не занимался, извините. И все, к тебе никаких претензий.

Но как я мог промолчать, если знаю, что отношения между Японией и Советским Союзом не отрегулированы до настоящего времени. Если знаю: где нам перестройка удавалась, так это в области внешней политики. У Горбачева тут определенный позитивный капитал, и не замечать его нельзя. Однако и здесь не все безоговорочно, и здесь далеко не все возможности, резервы разрядки использованы. Одна из таких точек — Курилы, это я тоже прекрасно знаю. И также знаю, что мир в целом сегодня испытывает переходное состояние и ялтинское «мирное устройство» сейчас преодолевается.

В отношении Восточной Европы оно преодолевается очень быстрыми темпами, и люди воспринимают это хорошо. А на другом конце земли ялтинское мироустройство упирается в Курилы. Делать вид, будто всего этого я не вижу, не знаю?.. Потому, находясь в Японии, я говорил то, что знал как историк и что мне подсказывала совесть гражданина.

Да, убежден, что Южные Курилы, отторгнутые от Японии в результате второй мировой войны, должны быть ей возвращены. Это позволит строить отношения

• ЮРИЙ АФАНАСЬЕВ О СЕБЕ, О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ, ОБ ОППОЗИЦИИ, О КПСС:
 "ПАРТИЯ ВИНОВАНА НЕ ПРОСТО В ОШИБКАХ - ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ"

с нашим дальневосточным соседом не на основе акта о капитуляции, как это сегодня происходит. Заключив мирный договор, мы нормализуем отношения с великим народом, с большой страной Японией, которая, считаю, во многом определяет конфигурацию современного мира. На пользу самим себе, Японии и другим народам.

— Тяжело? Да, поэтому я говорю: не просто взять да и вернуть острова, а начать переговоры с Японией по этому вопросу. Сам процесс возвращения территорий, с моей точки зрения, требует какого-то времени. И этапов. Сначала, допустим, демилитаризация островов. Далее, возможно, совместное владение ими с со-

зданием совместных предприятий. И, наконец, передача южной части островов Курильской гряды с последующей, повторяю, нормализацией отношений между нашими странами.

Примерно так я высказывался, давая интервью в Японии. Знаю, есть другие точки зрения, пусть их тоже выскажут авторы — почему бы нет?

— Юрий Николаевич! Одни утверждают, что как общественный деятель вы последовательны в своей критике системы и в своих действиях, другие, наоборот, упрекают вас в непредсказуемости и «невывисляемости», что, разумеется, минус в рейтинге серьезного политика. Последнее можно проиллюстрировать одним примером. В сентябре 1989 года в Ленинграде, выступая на конференции демократических движений, вы говорили буквально следующее: «Мы должны, конечно, действовать решительно, но в то же время и очень ответственно, потому что ситуация показывает, что народ очень накален и терпение его на исходе. Психологический климат таков, что одно неосторожное действие, одно необдуманное слово могут послужить сигналом к событиям, могущим принять необратимый, катастрофический стихийный характер».

Проходит несколько месяцев, начало 90-го: в стране стреляют и убивают, «бунтует» Прибалтика, люди там и тут взвинчены экономической и политической нестабильностью. Подвеси спичку — вспыхнет пожар. Но как раз в это самое время вы, Юрий Николаевич, и ваши друзья призываете вроде как к «репетиции

февральской революции», а потом к всеобщей политической забастовке. Зачем? «Раскачать» власть? Но ведь все равно никто не был тогда, в начале года, готов взять ее в свои руки, да вроде бы и не собирался...

— Я тут, видите ли, никакого противоречия в своих действиях не усматриваю. Все объяснимо. Упоминание о «февральской революции», помнится, впервые было сделано на митинге, состоявшемся 4 февраля на Манежной площади в Москве. Выступая там, я сказал, что в наши дни происходит не что иное, как продолжение «февральской революции» в стране. В самом деле так. Кто присутствовал на том митинге, не мог, думаю, не заметить радостных лиц, приподнятого настроения

многих участников демонстрации. А она — все ведь забывается — проходила в поддержку демократических преобразований в стране, декларировала, что согласием в обществе можно достигнуть большего, чем это достигнуто уже.

Накануне следующего митинга, прошедшего 25 февраля, обстановка накалилась, запугивание граждан со стороны Верховного Совета и правительства назлоктризовало атмосферу во многих городах. Но люди все-таки не испугались, вышли на митинги, вышли, чтобы выразить свою волю, доказать: многого можно добиться и мирным путем. Кремль или Лубянку никто штурмовать, естественно, не собирался. Какое тут подстрекательство? Скажите, как можно было не сравнить эти дни с февральской революцией?!

Что касается забастовки. Она представлялась нам так: предупредительная, политическая, символическая — с целью пробуждения сознания людей. Чтобы они выступили против полумера, против непоследовательности, призвали общество довести дело перестройки до конца. Никакой деструктивности в этой политической акции я, например, не усматриваю.

II. В ТО ВРЕМЯ КАК ЕЛЬЦИН, ПОПОВ И СОБЧАК ПРИШЛИ К ВЛАСТИ...

— Известный немецкий мыслитель немарксистского направления Макс Вебер утверждал следующее: «Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям

ЮРИЙ АФАНАСЬЕВ О СЕБЕ, О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ, ОБ ОППОЗИЦИИ, О КПСС:
 "ПАРТИЯ ВИНОВАНА НЕ ПРОСТО В ОШИБКАХ - ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ"

(идеальным или эгонистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает».

Разве вы, Юрий Николаевич, не принадлежите тоже к соискателям власти, как ваши друзья и коллеги из межрегиональной депутатской группы — Б. Н. Ельцин, Г. Х. Попов, С. Б. Станкевич, И. И. Заславский, А. А. Собчак? Все они сегодня ушли с площадей митинговой демократии, заняли кресла руководителей высокого ранга, не собираетесь ли вы последовать их примеру? Может быть, пока вам просто не повезло?..

— К этому я не стремился и не стремлюсь. Я не готовил себя к какому-нибудь новому престижному креслу или должности. Ректор — это та должность, которая меня вполне устраивает. Я морально подготовил себя к мысли: и место ректора могу потерять и тогда буду жить без должности, даже без работы — я для себя решил, что мне по силам и такая жизнь. А решил я это, когда начал говорить то, что думаю, публично, везде.

Почему я говорю обо всем этом сейчас, после пятилетних попыток преодоления сталинизма? Откуда эти мысли о возможности худших времен? Да потому, что сталинщина жива: разжалование генерала КГБ Калугина за правду — вопиющее беззаконие в форме президентского указа. Воистину красноречивейшее свидетельство бесплодности попыток улучшить систему. Ее можно преодолеть именно как систему. Но таких попыток горбачевское руководство не предпринимало и, как показали эти пять лет, предпринять не способно.

Вообще-то безоглядная открытость противопоставлена политикам и людям, которые хотят сделать политику своей профессией. Аксиомой является и другое. Любая должность, любое руководящее кресло сковывает творческую личность. Нет, я не причисляю себя к политикам. Я историк. И постараюсь, сколько хватит сил, говорить об истории нашей и зарубежной исторической науки, о состоянии исторического знания, исторического сознания в нашем обществе — именно в этом я вижу свое предназначение. А то, что мне поневоле довелось прикоснуться к политике, — так это жизнь заставила, невыносимая боль за то, до какого состояния довели наше общество приверженцы Единственно Верного Учения, перемешивая 73 года людское тесто с целью вылепить светлое будущее.

— «Прикоснуться к политике»?.. Вас, Юрий Николаевич, не только причисляют к лидерам оппозиции, но и считают главным ее идеологом. А что же «оппозиция в СССР», о которой вы много говорите у нас и за рубежом? Поясните, пожалуйста, сложилась ли она у нас серьезно в стране, стала ли фактором демократического и социального равновесия в обществе?

— Нет, не сложилась. Для оппозиции, чтобы считать ее инструментом демократического саморегулирования общества, в стране нет главного условия — полной свободы личности. Нет и традиций, связанных с выражением «особого мнения». Нет экономических оснований для такой свободы. Ведь практически все люди в СССР не граждане, они подданные Государства-левиафана, они в полной феодальной зависимости у него. Это нечеловеческое существование на огромном нашем географическом пространстве продолжается столетия. Советская история — всего лишь заключительный этап и, пожалуй, наиболее мрачный период этого существования.

— Вы критикуете Горбачева, как говорится, при всяком удобном случае. Но разве вы не признаете в нем крупную личность, одаренного политика, талантливого практика социальных преобразований? Статус, у вас не было личных встреч с Михаилом Сергеевичем?

— С Горбачевым я никогда не встречался близко и личных бесед с ним не имел. А вот общение — это было. Раз примерно пять я писал адресованные на его

имя записки, они в основном касались вопросов развития исторической науки и культуры в стране. На некоторые из них последовала положительная реакция — вот, собственно, и все.

Что касается оценок его личности, я считаю, что Горбачеву принадлежит огромная историческая заслуга в том, что он стал инициатором крупных социальных преобразований. Таких, о масштабе которых он сам в начале перестройки, видимо, не догадывался. Это, конечно, очень много. Я, правда, выступая в аудиториях, подчеркиваю: всю инициативу и саму идею перестройки «отдавать» одному Горбачеву нельзя. Надо воздать должное и А. Д. Сахарову: многие вопросы преобразования общества он ставил раньше Горбачева, ряд мыслей и разработок Андрея Дмитриевича потом интегрировались в понятие «новое мышление». Многие из реализуемых ныне идей исходили от А. И. Солженицына и диссидентов, разбросанных в свое время андроповцами по всему свету. К стыду нашему, мы до сих пор не нашли в себе мужества, чтобы извиниться перед ними, сказать им спасибо. Они все еще живой позор нашей якобы демократии.

Потом дальше, по разным причинам, постепенно, особенно заметно после марта 1989 года, когда состоялись выборы народных депутатов, Горбачев стал смещаться вправо. Каковы причины — вопрос особый. На мой взгляд, сейчас «перестройка по-горбачевски» закончилась, и Михаил Сергеевич, таким образом, остается политическим лидером пролога или прелюдии перестройки. Сможет ли Горбачев как лидер вписаться в новый этап общественного переустройства — это зависит от него самого.

— А Б. Н. Ельцин? Как смотрят «межрегиональщики» на своего сопредседателя, ставшего ныне Председателем Верховного Совета РСФСР? Теперь Борису Николаевичу на митинги ходить некогда... Означает ли это, что оппозиция потеряла на него все свои права?

— К Ельцину я отношусь как к личности, ознаменовавшей новый этап в нашей истории. У нас всегда был «заметен» только один человек, один лидер, а тут — оппонент ему, фигура № 2. Заявить о себе Ельцин сумел, еще будучи первым секретарем Московского горкома партии. У него есть качества, позволяющие ему быть на виду у всего общества и пользоваться его доверием. Мне импонирует и то, что Борис Николаевич меняется. Не сравнить его вчерашние и сегодняшние речи...

Всё должно понимать и то, что программа, представленная Ельциным, когда он баллотировался на пост Председателя Верховного Совета России, не только его личная — она наработана всем демократическим движением и, в частности, межрегиональной группой. Что тревожит? Мне кажется, что Ельцину, будучи во главе Верховного Совета республики, предстоит еще дополнительно обдумать факт нового своего положения в новой политической расстановке сил в стране. Он, Попов, Станкевич, Заславский, Собчак... Все эти люди из лагеря нашей оппозиции современному руководству теперь сами оказались у власти. Как им строить отношения с Горбачевым, с правительством — этот вопрос нами недостаточно продуман. Да, ситуация требует размышлений. То ли Ельцин, Попов, Станкевич, будучи на своих постах, останутся по-прежнему в оппозиции к существующему руководству, то ли они с ним сольются? Ответа на этот вопрос пока нет, однако жизнь, думаю, заставит его быстро найти.

А вот на Украине левые демократы в правительство сознательно не пошли. Сказали: в Совмин республики нам пока рано. Остались парламентской оппозицией. Я думаю, это обоснованная позиция. Но во многих случаях ситуация складывается иначе. В некоторых местах, в том числе и на республиканском уровне,

ЮРИЙ АФАНАСЬЕВ О СЕБЕ, О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ, ОБ ОППОЗИЦИИ, О КПСС: "ПАРТИЯ ВИНОВА НЕ ПРОСТО В ОШИБКАХ — ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ"

произошел прорыв левых сил к власти. Это тоже естественно и вполне объяснимо. В тяжелейших условиях, в которых находится общество, все способные, талантливые люди должны, пускай и по-разному, содействовать тому, чтобы трудностей было меньше, и практически их преодолевать. Проблема в том, что левые, оказавшись у власти, остаются в то же время в оппозиции по отношению к политическому курсу полумер, проволок, риторики, то есть к курсу нынешнего руководства СССР. Разрешить эту проблему может дополнительное прояснение позиций путем обнародования «пакета» мер, обеспечивающих выход из кризиса и переход к новому качеству общества. То есть нужна реальная альтернатива нынешнему руководству СССР, альтернативная программа всех демократических сил, включая и тех, кто оказался у власти.

III. ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО «ПРИМЕРНОГО» ЧЛЕНА КПСС

— Юрий Николаевич! Должность ректора Историко-архивного института вы получили в 1987 году, и тогда это кресло предполагало обязательное членство руководителя вуза в составе КПСС. То есть тогда вы воспользовались теми привилегиями партийной номенклатуры, против которых резко протестуете сегодня, критикуя партию во всем и вся. «Выступай с либералами, а обедай с консерваторами» — известное изречение Оскара Уайльда было адресовано, как я сам слышал на одной из политических дискуссий, вам и другим демократам как упрек в следовании двойной морали.

Однако, говорят, вы недавно расстались с КПСС... По своей ли воле или вас заставили сдать партбилет в райкоме? Почему «развод» произошел именно в этом году, а не раньше?

— Решение о выходе из КПСС у меня созрело довольно давно. Не скажу несколько лет тому назад — это было бы неправдой, но то, что таким побуждениям не меньше года, — это уж точно. Решение «было во мне», я о нем никому не говорил. Не то чтобы колебался: выйти — не выйти, а просто до какого-то времени я был убежден, что, оставаясь в партии, я смогу кое-что сделать — с точки зрения разъяснения людям, что же это за социально-политический институт — КПСС. Мне хотелось убедить как можно большее число коммунистов: прошлое у КПСС преступно, будущего у нее нет. Жесткая оценка? Наверное. Из чего она проистекает.

КПСС не состоит из одних злоумышленников, в ней были и сегодня есть честные люди, и они не должны воспринимать мои слова о «преступном прошлом партии» как оскорбление в свой личный адрес. В истории партии надо видеть этапы ее развития, чтобы понимать, как и почему она деградировала до нынешнего своего состояния. Партию дооктябрьского периода тоже можно жестко критиковать. Но при этом нельзя не видеть, что тогда у партийцев было больше искренности, вдохновения, их сплачивали цель, чувство долга, мечта. Хотя и на заре своего становления партия не была демократичным образованием. Понятно: условия подполья с одной стороны, борьба, направленная на захват власти и удержание ее, — с другой.

«Особые» взаимоотношения партии с обществом начали складываться уже в тот период. Она была изначально задумана и создана как партия-авангард, а не как парламентская партия. По своему родовому свойству сущностью этой партии стал монолог, а не диалог. Монополия, а не плюрализм мнений. После 17-го года партия интегрировалась в режим, а точнее говоря, слилась с государством, превратилась по отношению к обществу во враждебную силу. Отсюда — целая серия невероятных с современной точки зрения преступлений. Не ошибок, а именно преступлений...

В партии я состоял почти 30 лет. Я не скрывал поначалу негативного, а потом явно враждебного своего отношения к КПСС. О своих взглядах я заявлял публично. Даже в райкоме партии, на бюро, я говорил о том, что остаюсь в этой партии, чтобы открыть глаза другим: или партия покается или никакого ее оздоровления не случится, она так и будет нести беду людям.

Но вот обнародовали «Открытое письмо ЦК КПСС к коммунистам страны» — я понял, что с руководством этой партии разговор по душам и взаимопонимание невозможен. Тогда я вышел из КПСС.

— Очевидно, вы не родились левым радикалом, к коим вас сегодня причисляют политологи. 30 лет в партии — можно предположить, что когда-то вы были и «примерным» членом КПСС. Как же, Юрий Николаевич, произошла эволюция ваших взглядов и не вызвана ли она, в частности, может быть, какими-то «невыстребованными идеалами» вашей молодости?

— Да, действительно я был примерным членом КПСС, и довольно долго. Я учился на историческом факультете МГУ. Сталинский стипендиат, комсорг курса, я, как и многие, не очень-то задумывался над науками, которые изучал. Я повторял «Краткий курс» как любой догматик, как повторял его любой коммунист. Первые сомнения относительно справедливого устройства общества у меня появились после смерти Сталина. Я шел среди участников похоронной процессии и слышал ругательства в адрес «отца народов» — это как-то не укладывалось в моем «чистом» политическом сознании.

— А сколько вам лет?

— 34-го года рождения... Однако внутренний процесс переоценки ценностей начался после XX съезда КПСС, после доклада Хрущева — мы его знали почти наизусть. Но и тогда еще окончательный перелом не наступил. После окончания МГУ я оказался в Красноярском крае на освобожденной комсомольской работе. Патристический порыв, энтузиазм, желание распахнуть целину, настроить побольше электростанций — эти чувства всецело владели молодежью моего поколения. Мы работали, не щадя себя, день и ночь и считали, что это и есть настоящая и красивая жизнь. Так продолжалось до конца 60-х годов, пока в стране не начался процесс реанимации сталинизма.

В 1970-м я поступил в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, получил для подготовки диссертации право на годичную стажировку во Франции. Вот оттуда я уже вернулся, можно сказать, совершенно иным человеком. Много узнал, читая эмигрантскую литературу, произведения английских, французских, американских историков. Много понял.

— Можно ли обнаружить «нового человека» в той диссертации, которую вы защитили в Академии? Или все-таки это был конъюнктурный научный труд?

— Я писал работу по истории нашей Октябрьской революции — как ее оценивали в своих работах французские ученые. Диссертация, конечно, в духе того времени. Я клеймил взгляды французских историков, я разоблачал и показывал их научную несостоятельность. Вот такую защитил диссертацию. А потом с головой окунулся во французскую историческую науку, этой теме я посвятил себя вплоть до 1980 года. Занимался только наукой, политики не касался.

— Вы работали одно время в журнале «Коммунист», в редакции главного теоретического издания КПСС. Убеждали читателей, что, мол, партия-авангард вечна и непобедима? Или как?

— В «Коммунисте» я работал совсем недолго, занимал должность редактора отдела истории. Написал одну статью, ставшую, по оценкам историков, заметным явлением. Подготовил к печати ряд материалов, но ни один из них не дошел до журнальной полосы — ни при

ЮРИЙ АФАНАСЬЕВ О СЕБЕ, О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ, ОБ ОППОЗИЦИИ, О КПСС: "ПАРТИЯ ВИНОВНА НЕ ПРОСТО В ОШИБКАХ — ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ"

главном редакторе Косолапове, ни при главном — Фролове. Я вынужден был из «Коммуниста» уйти.

— И все-таки когда вы, Юрий Николаевич, почувствовали вкус к политике?

— В начале 80-х я заведовал сектором зарубежной культуры в Институте истории АН СССР — вот тогда и началась моя научная активность политизированного свойства. Произошли столкновения с руководством института. Последовали первые письма в инстанции и «на высочайшее имя». В них речь шла о том, что историческое сознание общества затемнено и деформировано, надо принимать меры.

— Но вернемся, Юрий Николаевич, к партии. Я тоже, как и вы, несколько лет провел за рубежом, работая корреспондентом центральной газеты. Согласитесь, у западных граждан иной менталитет, нежели у наших людей. Вряд ли у нас дома политика привлечет очень многих, станет делом их жизни. Как вы относитесь к прогнозам: КПСС после своего обновления, несмотря ни на что, останется самой многочисленной партией, другим политическим образованиям «для разгона» нужны годы и годы...

— Все-таки я считаю, что у КПСС нет будущего, после кризиса ей не встать на ноги. Партия, повторяю, виновна не просто в ошибках — преступлениях против человечности. Дело даже не в лидерах. Теоретическая и философская база партии противоречит всем концепциям построения в нашей стране демократического общества и правового государства.

— А не собираетесь ли вы, Юрий Николаевич, подобно народному депутату СССР Н. Травкину, организовать «свою» партию и стать во главе ее?

— Нет у меня таких мыслей. Я ученый-историк и буду следовать этому своему жизненному амплуа.

IV. БЕДНЫЕ ИСТОРИКИ!..

— Юрий Николаевич! Почему у нас мало издавались Карамзин, Ключевский, Соловьев и другие историки? Бумаги не хватало или идеология мешала?

— Карамзин написал «Историю государства Российского». Труд этот, конечно, имеет право на существование, но ведь это напрочь идеологизированная, политизированная история. Она определенно сталкивала идеологию с идеологией. Ключевский, как и Карамзин, очень талантливый историк и читается куда интереснее, чем тысячи сегодняшних публикаций, но он придерживался схемы не лучше марксистской. А, допустим, М. Н. Покровский не понаравился Сталину тем, что пытался объяснить историю какими-то законами и причинами. Сталину надо было объяснять события поступками и действиями царей, князей, полководцев.

Наша история никак не выкарабкается из пеленок. Она практиковалась у нас не как знание историческое, а как разновидность пропаганды и продолжения политики. Но при этом у нас есть настоящие ученые-исследователи — античники, историки культуры, медиэвисты, которые во все, даже сталинские, времена практиковали тот вид исторических исследований, который к числу позорных не отнесешь.

— Большой ли конкурс в вашем Историко-архивном институте?

— Человек двенадцать на место.

— Хорошо ли учите студентов и что им преподаете вместо «Истории КПСС»?

— Вместо этого курса у нас будет изучаться как предмет история политических партий и движений. Мы переделали и переработали многие курсы — именно с точки зрения деполитизации обучения. Марксистский период преподается в вузе в разделе истории философии... Ввели много спецкурсов, в том числе и по истории русской философии. Продолжаем решать проблему

сочетания в процессе преподавания точных наук и гуманитарного знания. Есть у нас, в частности, факультет информатики, что тоже позволяет соответствующим образом формировать «мозги». Овладение основами математики, лингвистики, психологии в вузе обязательно для всех студентов...

— Бедные историки! Много знают — гроши получают... Следите ли вы, Юрий Николаевич, как ректор и народный депутат СССР за разработкой нормативных актов, которые повысили бы социальную защищенность специалистов-историков и работников архивного дела?

— В эту сферу, признаюсь, мы еще толком не добрались, а когда доберемся, не знаю. Вообще-то, на мой взгляд, законы о социальной защищенности историков и архивистов должны приниматься не на союзном, а на республиканском уровне. Когда до нас у законодателей руки дойдут? Столько проблем у страны, и каких — глобальных, неотложных, по сути дела, речь идет о нашем самовывживании.

Но тем не менее. В порядке законодательной инициативы я внес в Верховный Совет проект Закона «Об архивном деле СССР», разработанный группой ученых нашего института. Закон этот призван обогатить социальную память общества, повысить профессионализм и, если хотите, достоинство историков и архивистов. Кроме того, он должен способствовать становлению отечественной истории как науки за счет существенного расширения ее постоянной базы и расширения свободы творчества исследователей.

— Юрий Николаевич, что вы наработали и напечатали как ученый в последнее время?

— Года два назад я выступил как главный редактор и один из авторов сборника «Иного не дано». Мне кажется, этот труд наших историков, обществоведов и публицистов сыграл свою роль в прояснении того, кто мы есть и почему нам трудно. В этом году выходит третий том работы выдающегося французского историка Фернана Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм». Я был инициатором этого издания и ответственным редактором перевода с французского, написал довольно большую вводную статью. Вместе с французским историком Марком Ферро мы выпустили у нас и во Франции, на мой взгляд, интересную книгу «50/50. Опыт словаря нового мышления» — статьи наших и французских авторов. Несколько статей в ней — мои. В прошлом году во Франции вышла книга — диалог по истории и современности «Этот великий проблеск с Востока». Ее авторы я и известный публицист и ученый Жан Даниель. Написал я и главу в учебник МГУ по истории развития исторической науки во Франции в конце XIX — начале XX века. Сделал несколько научных докладов, к сожалению, не очень много. Знаете ли, работа ректора, работы депутата и политическая деятельность отнимают много времени и сил.

— А есть ли историки в вашей семье?

— У меня двое детей. Сын в настоящее время работает в Марокко — преподает русский язык и литературу. Дочь — химик-технолог, сейчас в декрете, занимается ребенком. Жена — экономист-строитель.

— И она тоже, как вы, за приватизацию экономики?

— Конечно. В семье мы все единомышленники.

2 июля 1990

ПОПРАВКА

В № 4 «Родины» за 1990 г., стр. 56 допущена ошибка: вместо «А. Н. Косыгина» следует читать «Н. А. Тихонова».

blue-red

В. КОЖИНОВ: "Я НЕ СТОЛЬКО ОСУЖДАЮ ЮРИЯ АФАНАСЬЕВА, СКОЛЬКО СОЖАЛЕЮ..."

МНЕНИЕ ОППОНЕНТА

Вадим КОЖИНОВ

ЗЕРКАЛО НЕ ОБМАНЕТ

Должен признаться, что подготовленная редакцией «Родины» беседа дала мне возможность гораздо лучше понять Юрия Афанасьева. Ранее я видел в нем прежде всего беспринципного политика и в 1989 году даже высказал в печати удивление по тому поводу, что некоторые «более солидные люди» — такие, как, например, Гавриил Попов, — не опасаются «апеллировать к «авторитету» Ю. Афанасьева. Ведь это ж попросту компрометантно...»

Теперь же я в известной мере готов взять свои слова назад и даже принести извинения Ю. Афанасьеву. Целый ряд его признаний убеждает, что те или иные негативные черты его политического облика — это, как говорится, скорее беда, чем вина...

Мы с Афанасьевым — люди одного поколения и даже начали жизнь почти одинаково. Я совершенно ясно представляю себе, как должно было формироваться сознание и поведение человека, которого в самые юные годы сделали секретарем курсового комитета ВЛКСМ на наиболее политизированном — историческом — факультете МГУ и (это было почти обязательным «дополнением») сталинским стипендиатом. Затем его приняли в КПСС и отправили на освобожденную идеологическую работу. В качестве очевидной награды за нее он позднее получил направление в святая святых — аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, где готовили верхний эшелон идеологических кадров. И вот к моменту перестройки он оказывается уже членом редколлегии и зав. отделом главного теоретического органа партии — журнала «Коммунист».

Нужно прямо сказать: только люди, способные на мощнейшее внутреннее сопротивление своему окружению (как, например, М. С. Горбачев), могли, пройдя такой жизненный путь, сохранить самостоятельность мышления или, скажу резче, способность к мысли вообще.

Ю. Афанасьев, о многом поведав в интервью откровенно, все же утверждает, что, получив в начале 70-х годов престижнейшую по тем

временам годичную стажировку во Франции, там «многое понял». Позволительно усомниться в этом. Ведь в единственной книжке под его именем, изданной в 1980 году и посвященной обзору или, вернее будет сказать, поношению работ новейших французских историков, он не только всячески «клеил» и «разоблачал» этих самых историков, но и недвусмысленно заявлял: «Характерной особенностью общественной жизни современной Франции (это о Франции 1980 года! — В. К.) является нарастающее массовое движение, ставшее сегодня уже не отдаленной, а непосредственной, реальной угрозой господству монополий и самому существованию капиталистического строя» (Ю. Н. Афанасьев. Историзм против эклектики. М., 1980, с. 227). Такого рода фразы, часто появлявшиеся в печати, вызывали у меня и моих собратьев-литераторов хохот не только в 1980-м, но и двумя десятилетиями ранее...

В беседе Ю. Афанасьев говорит, что опубликовал в «Коммунисте» статью, «ставшую, по оценке историков, заметным явлением». Не знаю, каких историков он имеет в виду, но статья эта, напечатанная в сентябрьском номере «Коммуниста» за 1985 год (то есть через полгода после начала перестройки), предоставляет возможность увидеть, что автор и в эту перестроечную осень оставался еще, в сущности, на позициях пресловутого «Краткого курса»... Вот что говорилось в «заметной» статье: «Требования, предъявляемые сегодня к общественным наукам, наиболее исчерпывающе сформулированы на июньском (1983 год) Пленуме ЦК КПСС. Главный смысл, можно сказать, пафос решения Пленума по этому вопросу... состоит в решительном повороте всего фронта общественных наук к практике, и прежде всего к проблемам совершенствования развитого социализма». Или еще: «Принцип партийности, предполагающий четкость социально-классовых критериев в отношении к прошлому, остается актуальнейшим и сегодня» («Коммунист», 1985, № 14, с. 110, 113).

Искренне признаюсь, что, познакомившись сначала с этими сужде-

ниями, а затем с прямо-таки противоположными, опубликованными всего через два с лишним года (в 1988-м), я подумал, мягко говоря, о «приспособленчестве». Но нынешняя беседа с Афанасьевым на страницах «Родины» заставляет меня прийти к иному выводу.

Теперь ясно: до последнего времени историк попросту не понимал положения ни в стране, ни в мире; потому ему и казалось в 1980 году, что во Франции вот-вот будет ликвидирован капиталистический строй, а осенью 1985-го он еще был убежден в безусловной правомерности и плодотворности коллективизации¹.

Отказаться от мнения о «приспособленчестве» побуждает и вполне естественное соображение: в сентябре 1985 года было уже, в сущности, совершенно невыгодно превозносить развитый социализм и благословлять коллективизацию... Повторю еще раз: не столько вина, сколько беда Афанасьева в том, что лишь к 1988 году он освободился от «повторения» (пользуюсь его словом) догм «Краткого курса».

Я уже говорил, что моя сознательная жизнь началась примерно в одно время с вступлением на жизненную арену Ю. Афанасьева. Правда, в сталинские годы сам мой человеческий склад уберег меня и от комсомольской карьеры, и от стипендии имени вождя. Но в пору XX съезда я всем существом увлекся открывавшимися, как казалось тогда, перспективами благого исторического творчества, тоже стал секретарем комитета крупного комсомольского коллектива и даже членом одного из московских райкомов ВЛКСМ. Вскоре мне было предложено вступить в КПСС и стать освобожденным работником в МК комсомола. Но мне повезло. Вокруг были люди, в диалоге с которыми я быстро сумел понять, что значат и события 1956 года в Венгрии, и сразу же сменившиеся

¹ В. Кожинов трактует таким образом слова Ю. Афанасьева: «Некоторые упрекали даже М. А. Шолохова за классовый подход в художественном изображении коллективизации в советской деревне, как если бы художник воссоздал не ход истории, не реальную драму, а просто «действие личной недоброй воли». — Ред.

В. КОЖИНОВ: "Я НЕ СТОЛЬКО ОСУЖДАЮ ЮРИЯ АФАНАСЬЕВА, СКОЛЬКО СОЖАЛЕЮ..."

травлей хвалы в адрес популярнейшего тогда романа Дудинцева «Не хлебом единым», и т. д., и т. п. Я отказался вступить в КПСС и с удовлетворением дождался выбытия из ВЛКСМ по возрасту. И (что важнее всего) стал искать себе учителей не в учреждениях, подобных Академии общественных наук при ЦК КПСС, а в совершенно иных местах — например, в мордовском городе Саранске, где жил и работал арестованный еще в двадцатые годы М. М. Бахтин (1895—1975), которого считали давно погибшим... Я приехал к Бахтину в 1960 году и после очень трудной борьбы добился издания его книг о Достоевском (1963) и Рабле (1965). Вспомнить здесь о Бахтине в высшей степени уместно потому, что Афанасьев называет его теперь («Иного не дано». М., 1988, с. 504) «замечательным ученым», который вызывал «глубочайший резонанс в западной культуре», но тут же выражает сожаление, что Бахтин, мол, «недостаточно широко известен у нас». В данном случае следовало бы говорить не о «нас», а о себе. В АОН при ЦК КПСС о Михаиле Михайловиче Бахтине, конечно, не говорили. Но как человек, который по завещанию Михаила Михайловича является его душеприказчиком, могу дать информацию: «у нас» издано полтора десятка книг М. М. Бахтина общим тиражом около четверти миллиона экземпляров, и нет, пожалуй, ни одного серьезного специалиста в области любой из гуманитарных наук, который не опирался бы так или иначе на наследие этого ученого.

Вспомнить об этом необходимо и потому, что Афанасьев в беседе признает: настоящие ученые были и есть «во все, даже сталинские времена». И определяет свою задачу так: «постараюсь, сколько хватит сил, говорить об истории нашей и зарубежной исторической науки... именно в этом вижу свое предназначение». Задача нужная и важная, но интервью заставляет усомниться в том, что он действительно готов к ее исполнению. Вот, например, он «глобально» говорит о России: «**нечеловеческое** (выделено мною.— В. К.) существование на огромном нашем географическом пространстве продолжается столетия». Или, далее, о тех, кто воссоздал это самое «существование», — о трудах великих русских историков. У Карамзина — «напрочь идеологизированная, политизированная история», а Ключевский «придерживался схемы, не лучше марксистской» (слово «марксистский» в устах Ю. Афанасьева, который около сорока лет произносил его коленапре-

клоненно, звучит теперь как бранное).

Можно бы, конечно, взяться доказывать, что Россия достойна не меньшего уважения и любви, чем какая-либо другая великая страна. Но, пожалуй, убедительнее будет не отвлекаться от высказываний самого историка. Он заявил недавно: «Такие, как Лосев... — это своего рода «ошибки природы», это задержавшиеся на нашей земле ихтиозавры, которых по нормам обитания не должно было быть. Это жемчужины, таланты, которые чудом остались» и т. д. («Вопросы истории», 1988, № 6, с. 73)¹.

Что ж, только что посмертно опубликована автобиографическая повесть А. Ф. Лосева (1893—1988) «Жизнь», в которой он, словно предвидя нынешние рассуждения Афанасьева, так говорит о России:

«Сколько связано с этим именем всякого недоброжелательства, даже злобы, ненависти, хуления... Водворились презрительные клички: «квасной патриотизм», «ура-патриотизм», «казенный оптимизм» и пр., и пр. Это культурно-социальное вырождение шло рука об руку с философским слабоумием... По адресу Родины стояла в воздухе та же самая матерщина, что и по адресу всякой матери в устах разложившейся и озлобленной шпаны...» («Юность», 1990, № 5, с. 88 и далее).

Надеюсь, тому, кто пропел дифирамб Алексею Федоровичу, неудобно будет попросту отмахнуться от суждений этого мыслителя. Но хочу подчеркнуть, что не считаю афанасьевские нападки на Родину результатом того «вырождения», о котором пишет Лосев. Как раз напротив! Хотя историк сообщил в беседе, что ему уже 56 лет, его попытки самостоятельно размышлять начались только в 1988 году, и, таким образом, его мыслям как бы всего два года от роду... И тогда он понятен, этот, уж простите, до смешного примитивный нигилизм, в глазах которого и Карамзин — ничтожество, и Ключевский — жалкий схематик, и сама Россия — некое «нечеловеческое» недоразумение.

¹ Без сокращений высказывание Ю. Афанасьева приобретает несколько иной смысл: «Плохое состояние, низкое качество нашей исторической науки объясняется еще и многими десятилетиями селекции серости. Наконец, нельзя не сказать о самой среде обитания историков. Ведь такие, как Лосев, Аверинцев и Лотман, — это своего рода «ошибки природы», это задержавшиеся на нашей земле ихтиозавры, которых по нормам нашего обитания не должно было быть. Это жемчужины, таланты, которые чудом остались и прозябли в нашей действительности почти при полном отсутствии питательного гюмуса для исторического знания». — Ред.

В заключение прошу читателей понять меня правильно: я не столько осуждаю Юрия Николаевича Афанасьева, сколько сожалею, о том, что так сложилась его судьба. Если бы ему повезло и он тридцать лет назад соприкоснулся с мыслью таких людей, как А. Ф. Лосев или М. М. Бахтин, все могло бы быть по-иному...

РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ В ОПАСНОСТИ - ПАРТОКРАТИЯ НАСТУПАЕТ

«РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА»
ЧЕТВЕРГ, 7 ФЕВРАЛЯ

ОБРАЩЕНИЕ К РОССИЯНАМ

Уважаемые народные депутаты! Сограждане!
Демократия в опасности. Решается судьба Рос-
сии.

Вашим оружием является референдум — всенарод-
ное голосование по новой Конституции Российской
Федерации.

1.000.000 подписей — решение о проведении рефе-
рендума.

Проект Конституции России был разработан Кон-
ституционной комиссией Съезда народных депутатов
РСФСР, опубликован в «Аргументах и фактах» и
«Российской газете».

В нынешней кампании травли демократического про-
екта объединились все консервативные силы.

Только новая Конституция, принятая всем народом,
создаст условия для защиты демократической суверен-
ной России, каждого человека, для предотвращения
хаоса и кровопролития.

Инициатива проведения референдума может ис-
ходить от государственных и общественных органов,
коллективов предприятий, учреждений и организаций, а
также отдельных граждан.

На собраниях должно быть зарегистрировано не
менее 300 человек, имеющих право участвовать в ре-
ферендуме. Инициаторы референдума за 10 дней уве-
домляют местный Совет народных депутатов о месте
и времени проведения собрания.

Верховный Совет РСФСР в соответствии со ст.
10 Закона о референдуме РСФСР обязан объявить
референдум по требованию 1 миллиона граждан Рос-
сии, которые имеют право на участие в референдуме.

Предлагаем занять активную гражданскую пози-
цию в организации собраний и регистрации инициа-
тивных групп в Советах народных депутатов при испол-
комах.

Призываем вас принять на собраниях следующее ре-
шение:

Мы, граждане Российской Федерации, в соответ-
ствии со статьей 109 Конституции РСФСР обра-
щаемся к Верховному Совету РСФСР с требованием вы-
нести на референдум проект Конституции Россий-
ской Федерации, разработанный Конституционной ко-
миссией Съезда народных депутатов РСФСР, и объ-

явить выборы Президента Российской Федерации все-
народным голосованием.

Собрание должно утвердить текст проекта закона,
выносимого на референдум, и избрать инициативную
группу референдума в составе не менее 10 человек, по-
ручить ей организацию сбора подписей.

Предлагаем регистрацию инициативных групп на-
чать в согласованный день в связи с исчислением
3-месячного срока сбора подписей со дня регистрации
1-й инициативной группы (к примеру, 11 февраля).

Конституцию Российской Федерации — на рефе-
рендум! Все на референдум!

Президиум социально-правовой коллегии
Социал-демократической партии России.

Адрес для согласования даты регистрации инициа-
тивных групп, телеграмм с информацией, получения макета
подписного листа, Закона о референдуме РСФСР и
консультаций: 103274, Москва, Краснопресненская
наб., дом 2, Дом Советов РСФСР, РЕФЕРЕНДУМ.

Контактные телефоны: 205-54-60; 205-92-31; 205-
97-04.

РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ В ОПАСНОСТИ - ПАРТОКРАТИЯ НАСТУПАЕТ

Не ошибитесь, выбирая свою судьбу

- Противники проекта новой Конституции напирают на необходимость «социалистического выбора»
- Но за привлекательными словами — сплошной обман, закрепощение людей партийно-государственными структурами

Нам, россиянам, предстоит установить Основной Закон будущей жизни. Не только для себя, но и для детей, внуков, правнуков. Хватит, наверное, чуть ли не ежегодно переписывать Конституцию, как это делается на союзном уровне, чтобы угодить очередному политическому лидеру, прислословить любую статью так, чтобы она этому лидеру была в пору и нигде не жала. Время вернуться к утраченному общечеловеческим, в том числе и нашим российским, ценностям.

На наше рассмотрение представлены два проекта Конституции России. Один подготовлен Конституционной комиссией, другой — депутатами блока «Коммунисты России». В чем их различие?

Начнем с наименования государства. В первом проекте наша республика именуется «Российская Федерация», т. е. речь идет об исторически сложившемся союзе российских республик. В этом союзе «никакая идеология не может устанавливаться в качестве официальной государственной идеологии» (ст. 1.4.2.). Государство должно заниматься тем, чем занимаются нормальные цивилизованные государства всего мира: обеспечением правопорядка, развитием экономики, обороной, социальной защищенностью граждан.

Авторы второго проекта предлагают по-прежнему именовать Россию «социалистической» республикой. Якобы из уважения к выбору трудящихся, сделанному в 1917 году. То есть идеология опять ставится выше экономики, реальных жизненных потребностей людей. Семьдесят три года нам с гипнотической настойчивостью твердят, что мы «первые в мире социалистические». Но разве может государство поголовной бедности, бесправия человека, бюрократии, государство насилия, двуличия, беззакония и лжи, разгула массовой преступности, воровства и алкоголизма именоваться «социалистическим»?

Конечно, для определенной — «рулевой» — прослойки оно давно уже стало коммунистическим, потому что блага, добытые тяжким трудом всего народа, про-

ливаются в их кормушки через потайные рога изобилия. Но что получаем мы, живущие на скудную, облагаемую немислимыми налогами зарплату?

Не будем обманывать себя: мы построили совсем не то общество, на борьбу за которое заманили щедрыми посулами «светлого завтра» наших дедов и прадедов предки сегодняшних «коммунаров». У нас самая низкая в Северном полушарии заработная плата, жизненный уровень трудящихся.

Наш отечественный «совокупный капиталист» — так называемая административно-командная система, присвоившая себе право бесконтрольно распоряжаться нашими ресурсами, мыслью, творчеством, трудом, — показал себя наилучшим эксплуататором XX века. Сегодня действительно пророческим представляется вывод Ф. Энгельса о том, что государственная собственность не разрешает конфликта. Что «чем больше производительных сил возьмет государство в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать». (Соч. К. Маркса, Ф. Энгельса, т. 20, стр. 290).

Основу этого класса новых эксплуататоров, пришедшего к власти в 1917 году, составляет «номенклатура», выбивающаяся к власти подкупом, обманом, коррупцией и родственно-клановыми связями. Представители этой элиты, на наш взгляд, определяют и линию блока «Коммунисты России», родившего «идеологический» проект Конституции, в котором навечно закрепляются украденные у народа права, прежде беззаконие, террор и порабощение каждого из нас.

Поэтому статьи их проекта грешат юридическими несуразностями. Возьмем, к примеру, статью 13 их проекта: «Экономическая власть трудящихся обеспечивается их правом на средства производства и результаты труда...». Что это за формулировка? Она ведь не говорит ни о чем конкретном, потому что истинному собственнику

закон должен установить три правомочия — владения, пользования и распоряжения собственностью.

Не меньше тумана и в статьях 14 и 16 проекта «Коммунисты». Хотя в этих статьях собственность и называется «народной», но коллективом оставляется лишь право «хозяйственного владения» и «участия в управлении» предприятиями. А настоящими хозяевами и распорядителями результатов труда по-прежнему остаются министерства — существующие или перекарсившиеся в концерны.

А вот уже статья 17 в проекте коммунистов ставит все точки над «i» в вопросе экономической власти трудящихся: «Трудовой коллектив не вправе прекращать свою деятельность без разрешения собственника народного имущества». Проще говоря, рабочие и служащие остаются даже не в найме — крепостными у министерств и партийных структур, разваливших экономику некогда великой державы.

Называть сегодня «социалистической» не только Россию, но и всю нашу многострадальную, обманутую страну, которой посылают из разных стран продовольствие, — это уже даже не рядовой обман. Преступление против народа и человечности.

Консерваторы маскируют свои интересы (риском назвать их шкурными) своей подчеркнутой заботой о сохранении Союза ССР. Но где и когда Верховный Совет РСФСР или его руководители заявляли, что они против Союза? Остается выяснить, кто и за какой союз республик борется. Препятствует ли, в котором Россию разорили «во имя будущего коммунизма и мировой революции», уже никому, в первую очередь России, не нужен.

Чтобы сохранить прежние оклады, и ведут бурную пропагандистскую кампанию вокруг решений Верховного Совета России. И Советский Союз онде разваливает, и войну законнов» ведет, и сто миллиардов в союзный бюджет не отдал. Ложь! Заявляем это как юристы с полной ответственностью.

Разве российский парламент деньги, отобранные у союзных

РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ В ОПАСНОСТИ — ПАРТОКРАТИЯ НАСТУПАЕТ

131

министерств, себе по карманам растолкает? Нет, они направляются на повышение зарплат и пенсий малоимущим слоям, на возрождение крестьянства. Не случайно ведь Советский республикой поставил вопрос однозначно: в случае повышения в союзном масштабе цен (а это, судя по всему, павловский кабинет произведет) сначала — компенсация населению, а потом уже — переписывание товарных ярлыков.

А куда девает деньги республик (как и 20—30 лет назад) союзный центр? На новые повороты рек вспять (сейчас добираются уже до Амура), на содержание огромного аппарата бюрократии и на подкармливание ситятельного генералитета, количество которого у нас превышает число генералов чуть ли не во всем остальном мире.

Пора наконец-то признать: стремясь к распространению идеологии социализма по всему миру и «выручить пролетариев загнываемых стран» вопреки их собственному желанию, мы проводили настолько агрессивную политику, что ей нет аналогов в мире. И получили в результате тьму танков и пушек при полном отсутствии масла.

Многослойная бюрократическая система сейчас оказывает мощное давление на Президента, Верховные Советы и депутатов всех уровней. Ее «успехи» налицо. В период кризиса государства не единожды повышается заработная (а заработанная ли?) плата партийному аппарату. Лидеры обанкротившихся капзэсэсных структур бьются за власть «до последнего патрона», и потому во многих регионах страны так активно летят из автоматов пули и стреляные гильзы. А прогрессивные деятели покидают политическую арену. Многие, в отличие от Э. А. Шеварднадзе, без всякой, увы, борьбы или прямого обращения к народу.

Крепнут на глазах в союзном парламенте и на союзном Съезде народных депутатов реакционнейшие группы «Союз» и «КПСС» — не без поддержки Президента, которого они же и атакуют, требуя решительных шагов «по наведению порядка». Все челове-

ство увидело, какой «порядок» несут мирному населению парни в черных беретах.

Мы видим, что консервативные силы не оставляют никакой надежды на перемены ни России, ни другим республикам. Какой суверенитет? Какая самостоятельность? А чем тогда занять себя протиравшим всю жизнь штаны по канцеляриям творцам бумаг? Вот они и затормозили в очередной раз принятие закона об отзыве депутатов. Расчет тут простой и верный. Не пользуясь у народа никакой популярностью, многие консервативные депутаты, не избранные всем населением и прошмыгнувшие сквозь партийные и другие лазейки в избирательном законе, вынуждены были бы уступить свои места в Советах людям честным и мыслящим. Но закона нет, и избиратели могут сколько угодно выходить на митинги и манифестации. Совесть от этого у некоторых «народных избранников» не прибавляется. И от крика в парламенте они не отказываются.

Поэтому обращаемся к гражданам-избирателям России. **ДАВАЙТЕ ВЫСКАЖЕМСЯ ЗА ПРОВЕДЕНИЕ РЕФЕРЕНДУМОВ О ВОТУМЕ ДОВЕРИЯ СОЮЗНЫМ ДЕПУТАТАМ ИЗ ГРУППЫ «КПСС» И РЕСПУБЛИКАНСКИМ — ИЗ ГРУППЫ «КОММУНИСТЫ РОССИИ».** Просим людей, согласных принять участие в работе инициативных групп по проведению референдума, сообщить об этом по адресу редакции или в ассоциации избирателей по месту жительства. При этом необходимо в соответствии с Законом РСФСР о референдумах указать свои данные.

Однако даже если такие референдумы и не состоятся, то нельзя забывать: в результате голосования за проект Конституции РСФСР каждый из вас может повлиять на выбор собственной судьбы. Либо стать человеком, либо оставаться рабом у парто-и прочей «кратии».

Мы призываем граждан России голосовать за вариант проекта, предложенный Конституционной комиссией России. В нем, конечно, есть недоработки и слабые места. Но их легко исправить. Главное — сам проект направлен на то, чтобы СДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ И СВОБОДНЫМ ГРАЖДАНИНОМ.

Помните об этом, люди российские.

В. ЛУГАНЦЕВ,
кандидат юридических наук,
депутат Волгоградского
облсовета,
а также депутаты облсовета
В. ЗЕНИН, В. ЧАСТУНИН,
В. КОНОВАЛОВ,
Л. ЗЕМЛЯНАЯ, А. ЮЩЕНКО,
Н. КУРГАНСКИЙ,
И. ЛУКАШЕВ, Д. НЕСТЕРОВ,
А. КРУПАТИН.

1/1

14

РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ В ОПАСНОСТИ - ПАРТОКРАТИЯ НАСТУПАЕТ

«НАРОД ПРОТЕСТУЕТ»?

А ПРАВДА ЛИ ЭТО?

□ Нежданно-негаданно в адрес Конституционной комиссии РСФСР посыпались негодующие телеграммы из Липецкой области. Судите сами, насколько это случайно...

Все началось с выступления секретаря Конституционной комиссии, народного депутата России О. Румянцева в радиопрограмме «Россия». Речь шла, в частности, о том, что в Липецкой области обсуждение проекта новой Конституции республики ведется, мягко говоря, не очень корректно. Областное руководство среагировало незамедлительно: комиссия Съезда народных депутатов РСФСР по этике тут же получила жалобу — мол, все факты вымышлены... Что же происходило и происходит на самом деле?

Не будем вдаваться в полемику с тезисами непримиримых противников проекта новой Конституции. Остановимся лишь на методах борьбы с проектом, весьма некорректными способами обработки и «накручивания» общественного мнения. И Липецкая область, где областной партийной организацией совсем еще недавно руководил один из нынешних секретарей ЦК КПСС Ю. Манаенков, в этом смысле не просто показательна.

Вот лишь несколько фактов. 19 ноября было проведено обсуждение проекта Конституции России в совхозе «Вперед» (село Калаусовка Грязинского района). Организовали и проводили его отнюдь не работники сельсовета или депутаты. Необычный интерес проявили, кроме се-

кретаря совхозного парткома А. Зеленова, заместитель заведующего отделом горкома КПСС О. Яблоков и инструктор Липецкого обкома этой же партии В. Юшков. Направленность руководящих речей четкая: проект не принимать.

20 ноября — общее собрание трудового коллектива СТОА, собранное как открытое партийное. От всего коллектива собрано не то тридцать человек, не то тридцать один, кворума явно не было. Против проекта Конституции проголосовали 13 человек, однако это решение было подано в качестве решения всего трудового коллектива объединения. На прошедших затем цеховых собраниях люди с возмущением заявляли: коллектив СТОА с решением партсобрания не согласен и выражает недоверие партийной организации объединения.

В районах КПСС города Липецка под расписку раздавали «руководящие указания» с громким названием «Будет ли Россия социалистической?». «Общий смысл проекта заключается в закрытии социализма в России», — пугает анонимная разработка, напоминающая, как две капли воды, ту, которая подготовлена несколькими партийными функционерами — докторами и кандидатами наук по заказу ЦК РКП. Этот цитатник широ-

ко использовали при подготовке ораторов для прошедших вскоре собраний, на которых звучало одно и то же: «Заклеймить!.. Покрыть!.. Осудить!..».

23 ноября на сессии Липецкого облсовета основной докладчик от президиума В. Шишкин сделал заявление: постоянная комиссия по социалистической законности приняла решение снять предлагаемый проект с обсуждения на сессии Верховного Совета России (ни много ни мало!). На самом же деле комиссия приняла решение о необходимости переработки проекта. Эта переработка была сделана Конституционной комиссией РСФСР еще до конца минувшего года.

Примечательная деталь. Когда на этой сессии облсовета попросил слова один из присутствовавших народных депутатов России и пояснил, что проект еще не вынесен на всенародное обсуждение, что его пока рассматривают в предварительном порядке местные Советы, а потому не надо вводить в заблуждение избирателей, председательствующий В. Донских (первый секретарь обкома КПСС) тут же отключил микрофон.

С 15 ноября газета липецких коммунистов «Ленинское знамя» объявила настоящую войну проекту новой Конституции России. И тут уже все правила приличия отброшены в сторону. На

голове читателей изливается огромное количество откровенной лжи, имеющей четкую направленность: дескать, «так называемые демократы» только и мечтают, как продать страну мировому империализму, а трудящихся сделать рабами. Однако сами трудящиеся не очень-то поверили в это, и в адрес Конституционной комиссии РСФСР пошли письма и телеграммы, в которых сообщается: «По липецкой земле идет ползучая и назойливая война против новой Конституции», «Партократия надеется вновь обмануть нас всех и жить за счет народа вечно», «Нельзя допустить, чтобы люди поверили в откровенную ложь организаторов кампании на страницах коммунистической печати».

«Протесты», организованные секретарями партийных комитетов по заданию ЦК РКП, весьма стандартны, написаны буквально в одних и тех же выражениях. И это позволяет сделать вывод, что в духе старой традиции центр разослал на места образец, по которому следовало «выражать настроение масс». Естественно, обком КПСС не сообщал Конституционной комиссии о собраниях, которые были абсолютно не похожи на те, о которых мы говорили выше. А между тем такие собрания шли и идут повсюду, в том числе и в Липецкой обла-

РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ В ОПАСНОСТИ - ПАРТОКРАТИЯ НАСТУПАЕТ

15/

сти. С одобрением проекта выступили сотрудники института «Тяжпромэлектропроект», большие рабочие коллективы ряда цехов Липецкого металлургического комбината, сотрудники политехнического института. Во многих микрорайонах прошли стихийные собрания жителей.

Для выяснения ситуации на местах Комитет Верховного Совета России по средствам массовой информации, связям с общественными организациями и изучению общественного мнения организовал экспресс-опрос в трех городах Центральной России — Москве (столица), Липецке (областной центр), Лихославле (малый город).

Бригады интервьюеров в течение 9 часов опрашивали жителей в трех точках. В Липецке они работали в центре города, во вновь застроенном микрорайоне и на окраине с преимущественно частным сектором. При обработке осуществлялась стандартизация результатов — это давало возможность добиться максимальной объективности, устранить возможные перекосы в социально-демографическом составе опрошенных, т. е. ни одна из социальных групп населения не «перевешивала» по отношению к другим.

Возьмем результаты исключительно по Липецку. Отношение к проекту новой Конституции, опубликованному в «АиФ» и «Российской газете», в целом благоприятное.

☆ полностью поддерживают: 22 процента,

☆ в целом поддерживают: 18 процентов,

☆ скорее отрицательно: 14 процентов,

☆ абсолютно не приемлют: 6 процентов,

☆ не смогли оценить: 40 процентов (в основном — из-за того, что не читали проект).

Согласуется ли это с телеграммами - близнецами «от имени трудящихся нашей области»?

Можно привести аналогичные примеры и по другим областям. В ряде случаев процент людей, поддерживающих проект, намного выше, чем в Липецкой.

С типовыми «телеграммами протеста» мы уже знакомили читателей в дни работы внеочередного Съезда народных депутатов России. Полагаем, что в ближайшее время ЦК РКП активизирует атаки на проект Конституции РСФСР, и редакция сможет познакомить читателей с новыми образчиками «творчества трудящихся», которые совпадают слово в слово, независимо от географии их создания — будь то Калининград-областной или Владивосток.

Пользуясь возможностью, хотим ответить и на обращения некоторых наших читателей. «Почему «Российская газета» не публикует мнение о проекте депутатов из блока «Коммунисты России» и других противников документа, представленного Конституционной комиссией?» — спрашивает, например, пенсионер А. Киреев из Рязани.

Ответ прост: ни одного подобного предложения в редакцию не поступало. Так что в отсутствии плюрализма надо винить не нас.

Мы же приглашаем читателей к активному разговору о проекте.

Главная политическая редакция «РГ».

L000040

JAKOREWAA

.05-FEB-1991 11:49:01

А. СОБЧАК: САМОЙ ТРАГИЧЕСКОЙ ОШИБКОЙ М. ГОРБАЧЕВА СТАЛО ЕГО УЧАСТИЕ В ПОПЫТКЕ СОХРАНИТЬ ЕДИНСТВО СОЮЗА ПРИМЕНЕНИЕМ ВОЕННОЙ СИЛЫ В ПРИБАЛТИКЕ

№ 4, 27 января 1991 г.

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Генсек одолел президента

Поскольку я не смог поместить заявление членов совета учредителей «МН» (№ 3) — был в отъезде — хотел бы высказаться. Самой трагической ошибкой (ошибкой ли?) Михаила Горбачева стало его участие в попытке сохранить единство Союза применением военной силы в Прибалтике. А самым постыдным для меня был отказ президента — уже в который раз! — от признания своей причастности к подобным методам «политического диалога». После кровавой ночи в Вильнюсе, после штурма десанниками и сотрудниками КГБ литовского телевидения президент заявил, что лично он ничего не знал, ни о чем не ведал. Это его заявление вкупе с аналогичными заявлениями министра обороны и министра внутренних дел — добавим сюда и телевыступление председателя КГБ, тоже оправдывавшего расстрел мирных граждан, — произвело на весь мир самое тягостное впечатление.

Президент обязан был найти мужество и принять на себя груз ответственности за происшедшее. Это оттолкнуло не только демократов, но и многих военных, его, президентской волей брошенных на усмирение независимых республик Прибалтики, а наутро удививших, что они-де совершили это по собственной инициативе.

Для политического деятеля утрата доверия — самое страшное. Но утрата может быть разной: политик может потерять доверие в народе, но сохранить власть, если ему верит его окружение, верят те, на кого он опирается (чиновники, полиция, армия и т. д.). Но если утрачивается и то, и другое — шаг до беды.

Президент так и не сумел стать настоящим президентом своего народа, а остался генеральным секретарем. Что бы ни произошло с нами дальше, народам нашей страны уже не забыть ни Тбилиси 1989 года, ни Баку 1990-го, ни Вильнюса 1991 года.

Как установила комиссия Съезда народных депутатов СССР, Горбачев не был причастен к бойне перед Домом правительства в Тбилиси. Но он ничего не сделал, чтобы виновные в той страшной ночи были наказаны. До сих пор не показан по телевидению фильм, снятый операторами КГБ, хотя решение о таком показе принято Съездом народных депутатов СССР — высшим законодательным органом страны. Но если тогда, в апреле восьмидесят девятого, этот человек, по видимому, был объектом заговора реакции, то в дальнейшем ситуация стала меняться. В Баку войска бездействовали, когда шли погромы армян, и лишь после прекращения погромов, когда бежал из города первый секретарь компартии Азербайджана и фактически власть перешла к Народному фронту, танки — тоже ночью — штурмовали столицу республики. Акция проводилась по указу Председателя Верховного Совета СССР, ну а те, кто ее исполнял, сделали все, чтобы крови было больше. Еще через год президент стал полностью послушен силам прошлой эпохи, силам, которые сумели перетянуть его на свою сторону. Он перестал быть прежним демократом и реформатором. Генсек победил президента.

Тбилиси, Баку и Прибалтика. Эти три вехи определили и личную драму Михаила Горбачева, и судьбу перестройки, столь блистательно им начатой в середине восьмидесятых.

Августин СОБЧАК,
народный депутат СССР.

L000045 - 01

JAKOREWAA

05-FEB-1991 11:52:58

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ В ВС СССР ВОПРОСА О ПРИОСТАНОВКЕ ДЕЙСТВИЯ
ЗАКОНА О ПЕЧАТИ, КОММЕНТАРИЙ Ю.КАРЯКИНА

№ 4, 27 января 1991 г.

Президент предлагает И отказывается

В минувшую среду, в последний день работы четвертой сессии Верховного Совета СССР, в парламентских дебатах возник вопрос о приостановке действия Закона о печати. Публикуем отрывки из стенограммы обсуждения, записанной на диктофон в пресс-центре парламента.

L000045 - 02

JAKOREWAA

05-FEB-1991 11:53:09

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ В ВС СССР ВОПРОСА О ПРИОСТАНОВКЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНА О ПЕЧАТИ, КОММЕНТАРИЙ Ю.КАРЯКИНА

ГОРБАЧЕВ: ...Я бы поддержал предложение, чтобы Верховный Совет взял контроль над всем телевидением и радио, над всеми газетами, чтобы там присутствовали все точки зрения. (Шум в зале). Вот я вношу предложение такое. И все.

ЛУКЬЯНОВ: Этот механизм придется тогда продумать Президиуму Верховного Совета, как это организовать все. Это сложный вопрос. (Шум). Тогда, в связи с этим предложением, у меня вот какое будет соображение (...). Поручить Президиуму Верховного Совета рассмотреть предложение и принять решение по вопросу реализации вот этой идеи — объективности в средствах массовой информации, обеспечения объективности. Мы внесем и вам это предложение, и сами начнем работать в этом направлении. Это вопрос сложный. Есть, товарищи, возражения? Надо голосовать? Ясно? Тогда будет реализовываться предложение Президента СССР. Есть возражения? Хорошо. Это принимается. Спасибо. Пожалуйста, проголосуем? Давайте. Только надо сформулировать эту идею. Только за предложение давайте проголосуем: поддержать вот это предложение президента. (К микрофонам подходят депутаты, в том числе Аркадий Мурашев). А, это появились блюстители объективности! Пожалуйста! Мурашев, четвертый микрофон.

МУРАШЕВ: Анатолий Иванович! Уважаемые депутаты! Я просил бы сейчас скоропалительно этот вопрос не решать. Потому что Закон о печати принят, и для того чтобы сформулировать хоть какие-то предложения, понадобится очень большая проработка. И лучше не торопиться сейчас выносить суждения. Тем более, что касается объективности, то в значительной мере она соблюдается: есть первая программа, есть Ленинградское телевидение, есть «Советская Россия», есть «Российская газета» — каждый смотрит и читает то, что ему ближе...

ГОРБАЧЕВ: Одну минутку, я вношу не это предложение. Я вношу предложение: все-таки всех нас волнует, и я должен сказать, что мы переживаем и предстоит пережить недели, месяцы — очень серьезный период принятия самых далеко идущих предложений в обществе. И сейчас может тот, кто расположен к политическим спекуляциям, найти всегда предмет этих спекуляций. Потому что не так просто будут эти решения, и общество нуждается в объективности и в том, чтобы присутствовали все точки зрения... Верховный Совет — это же Верховный Совет, он обладает законодательным правом... Чтобы, начиная от «Правды», газеты ЦК КПСС, в ней присутствовали все точки зрения, и «круглый стол», где будут присутствовать представители всего спектра мнений, и до — кого? — до «Курантов», до «Коммерсанта» тоже... Как это сделать? Вот здесь говорят, что Закон о печати. Можно сейчас принять решение приостановить Закон о печати. Верховный Совет и обеспечит полную объективность. Верховный Совет располагает всеми полномочиями, чтобы решить этот вопрос. (Шум в зале).

ЛУКЬЯНОВ: Пожалуйста, депутат Логунов, четвертый микрофон.

ЛОГУНОВ: ...Я хотел бы поддержать предложение президента и, со своей стороны, при-

глашаю в любое время или прибыть в Москву или мы поедем в Прибалтику и встретимся, готовы переговорить, провести беседу с представителями комитета спасения как Литвы как Латвии, так и Эстонии. Интерес к деятельности этого комитета очень большой. Мы готовы провести эту беседу и слово в слове опубликовать в «Российской газете».

ГОРБАЧЕВ: Товарищ Логунов, но мое предложение шире. В связи с ситуацией, в которой мы находимся, и периодом важнейших решений нам очень важен сейчас конструктивный диалог и сотрудничество. Я вижу, упахнет керосином...

ЛУКЬЯНОВ: Депутат Карякин, пожалуйста, четвертый микрофон.

КАРЯКИН: Президент сказал, что нужно приостановить Закон о печати хотя бы на месяц. Напоминаю, что один раз мы уже его приостанавливали в 18-м году и после этого не могли восстановить 70 с лишним лет.

ЛУКЬЯНОВ: Понятно.

ГОРБАЧЕВ: Позвольте отреагировать моему старому, нет, не оппоненту, как я другому: мы ведем с товарищем Карякиным в это время диалог и обмениваемся мнениями. И в общем-то не настаиваю. Тут говорят, приостановит Закон о печати? Я только хочу высказать мнение, чтобы телевидение — программа «Взгляд» или первый канал — отдало весь плюрализм мнений и оценок, точек зрения. И не только первый канал, а и второй и третий, и четвертый, и пятый. И все остальные. Одну минутку, сейчас я закончу мысль. И не только телевидение, но и все газеты, включая «Правду», «Москву Ньюс» («Московские новости» — Англ.), под которой вы писались, что преступный режим сегодня президента в преступники зачислены. В чем бы не только эта точка зрения — владельцев «Москву Ньюс» («Московские новости» — Англ.), но другая бы была точка зрения отражена в «Москву Ньюс» («Московские новости» — Англ.). Вот за это. Что во всех газетах присутствовали точки зрения общества, а не позиции политических групп, тем более узких групп. Я вот за это. Если это поддержите, пусть закон сам по себе и это будет совместно с законом, плюрализм.

КАРЯКИН (в отключенный микрофон). Таким образом, я понимаю вас так, что снимаете свое предложение о приостановке Закона о печати?

ГОРБАЧЕВ: Не ставлю! Вот вы и Мурашев сказали, как быть с Законом о печати, это не ставлю. Но с одним требованием: всех газетах, на всех каналах, во всех колониях — все точки зрения. И у микрофон. Чтобы успевали выступать не только представители одной депутатской группы, но и мне.

Итог дискуссии. Президиуму Верховного Совета вместе с Комитетом Верховного Совета СССР по вопросам печати поручено разработать меры обеспечения объективного освещения событий, происходящих в стране, в печати, по радио и телевидению. 275 депутатов проголосовали «за», 32 — «против», 30 воздержались.

L000045 - 03

JAKOREWAA

05-FEB-1991 11:53:19

СТЕНОГРАММА ОБСУЖДЕНИЯ В ВС СССР ВОПРОСА О ПРИОСТАНОВКЕ ДЕЙСТВИЯ
ЗАКОНА О ПЕЧАТИ, КОММЕНТАРИЙ Ю.КАРЯКИНА

ПЕРЕЧИТЫВАЯ СТЕНОГРАММУ

Снова загнать джинна в бутылку?

К дебатам о свободе печати

Меня поразила (чтоб не сказать — потрясла) та легкость, та непринужденность, с какой президент внес свое предложение: «Можно сейчас принять решение приостановить Закон о печати».

И меня вовсе не радует, не вдохновляет та легкость, непринужденность, с какой президент тут же снял свое предложение.

В этом эпизоде обнажилась хрупкость, незащищенность нашей демократии вообще и гласности в особенности.

Счастливы были бы ошибиться, но не могу не думать: а поставь президент свое предложение на голосование в Верховном Совете, оно могло бы и пройти, и даже с восторгом. Догадываюсь о реплике президента, если бы наш диалог был продолжен: «Опять драматизируете!..»

Ничуть не драматизирую. «Слово не воробей: вылетит — не поймаешь». Президент, однако, сумел поймать. Но я-то не могу обманывать других и не хочу обманываться сам. Что стоит за всей этой легкостью и непринужденностью? Внес предложение — и какое! — и тут же снял его... Что это — оговорка или проговорка? Беззаботность или расчет, так сказать, «пробный шар»?

Гласность, Закон о печати давно уже мешают... Чему мешают? Кому мешают? Вот в чем вопрос.

Да, сначала «слева» и «справа», со стороны сторонников и противников обновления была непомерно завышена оценка гласности. Одни непомерно на нее надеялись, другие столь же непомерно ее боялись. Почти всем казалось (одним — с восторгом, другим — с ужасом): вот выйдет «Покаяние» — и все старое рухнет.

То же самое казалось и со многим другим: вот опубликуют «Реквием» Ахматовой, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, «Окаянные дни» Бунина — и...

Опубликовали. Все опубликовали, даже то, о чем и не грезились в самых смелых мечтах и снах. Пошли пьесы, фильмы и т. д. и т. п. И что же? Очень хочется сказать: а в сущности, ничего не изменилось.

Но так ли это? Не так.

В 1964-м, после снятия Хрущева, выяснилось: были выпущены из нескольких бутылок несколько джиннов, но их сумели опять загнать в бутылки, а бутылки снова закупорить. Но солженицынский джинн вылетел навсегда. Но вслед ему вырвался сахаровский нравственный гений. Но правда была посеяна.

За минувшие шесть лет оказались откупорены сотни, тысячи бутылок, и никакими силами не удастся заманить джиннов обратно и еще раз их закупорить.

Как? Цензурой? Кравченками? Возвращением лигачевых с пенсии? Глушением «голосов»? Взятием всех ксероксов на учет?

Слишком много правды вырвалось на свет, в слишком многих людях проснулась совесть, пробудился стыд трусости и воскре-

сло мужество, слишком — слава Богу — честно определили свою жизнь Шаталины и слишком честно начинают ее Явлинские, слишком много девушек и женщин вспомнили наконец и вдруг, что любви достойны только достойные, слишком много юношей почувствовали красоту истины и поступка и, наконец, слишком много детей никогда больше не захотят стать Павличками Морозовыми. Как их всех усмирить? Сколько крови для этого понадобится?

Гласность не излишество при сверхсильной жизни, не монополия «интеллигенции». Гласность — это просто нормальный духовный воздух нормальных людей. Она еще больше, чем «интеллигенция», нужна и рабочим, и крестьянам, военным, пенсионерам, инвалидам, детям. Она еще больше нужна не тем, кто является профессионалом слова, а тем, кто им не является. Гласность еще больше нужна социально немым, социально униженным и оскорбленным. Она элементарное, «элементарное», первоначальное условие нормальной жизни.

Юрий КАРЯКИН.

-АЯ-

CODE: экономика

ТЕМА: "АРХАНГЕЛЬСКИЙ МУЖИК" — ФЕРМЕР ПРОКОРМИТ СТРАНУ, ЕСЛИ
ЕМУ НЕ МЕШАТЬ. Н. СИВКОВ РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

("Комсомольская правда" от 30.1.90, стр. 1)

Я, Николай Сивков, «архангельский мужик»

Крестьянин

накормит

страну,

если его

не сажают

на «голодный

пак».

Там, дома, на правом берегу Двины, у меня — нэп. Который вводили в 20-е и так и не ввели в 80-е. Но сейчас много чего в стране не ввели. Вот закона о том, чтобы землю крестьянам давать, нет, а землю уже берут. Так и я: «пробил» себе нэп.

Помните, к чему пришли в 1921-м? С весны объявить крестьянину твердую сумму натурального налога, которую он обязан уплатить. Остальное — его. Сегодня же со свободного крестьянина берут подрывной налог, налог за землю, налог с прибыли. Чтобы во всем разобраться, во первых, нужно бухгалтера держать. А во вторых, невыгодно это: чем больше у тебя прибыль, тем больше с тебя дернут. А крестьянин, он не всегда умный, но всегда хитрый. Он припрятывает — лачнет свою прибыль. Так зачем разводить в стране мошенников?!

Наше правительство — как неверная жена. Сегодня поклянется — завтра обманет. А

я не пирожки пеку и не шашлычки жарю — у меня производство заложено на десятилетие.

В прошлом году Совмин принял постановление о налогообложении прироста средств, направляемых на оплату труда. В нем четко сказано: на 2 года освободить от налогов кооперативы сельскохозяйственные, строительные и строительно-дорожные. Понятно почему: не хватает продовольственных товаров, жилья, дорог. Надо стимулировать освобождением от налогов именно эти виды деятельности. Но вслед за постановлением Минфин уже неофициально выдает инструкции, якобы разъясняющие смысл этого правительственного постановления. Где черным по белому написано: да, сельскохозяйственные или строительные кооперативы не платят налоги при условии, что они занимаются только этим видом деятельности. Достаточно одного процента другой деятельности — если я,

к примеру, мясо повез в город или стал им на базаре торговать — все, должен платить кабальные налоги. На рынке торговать — это же не сельскохозяйственная деятель-

ность. То есть Минфин фактически «зарезал» постановление правительства. В деревне ведь невозможно заниматься чисто сельским трудом. Я вот вам сказал, что у меня нэп. Но он у меня — 8 месяцев в году. Зимой-то мне заняться нечем. Сижу, проедаю заработанное летом. А начинаю мебель делать — меня же вмиг задушат налогами, — я уже перестану значиться сельскохозяйственным кооперативом.

Хочу вас убедить, что мой нэп не одному мне выгоден. Я, например, против повышения закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Будут подниматься закупочные цены — вырастут и в магазине

Не надо. Я продавал, продаю и готов продавать мясо по государственной закупочной цене. Мне выгодно, понимаете. У меня нет накладных расходов, я не кормлю конторскую ораву — себестоимость продукции у меня низкая.

Продаю свою продукцию я не только государству. У меня 7 коров, я отвожу молоко в поселок — по 50 копеек литр с доставкой на дом. (В Москве, в магазине, по-моему, дороже). Это и есть мой рынок.

У меня сейчас 5 тракторов, машина, лошадь хорошая, 7 коров, 7 телят и еще 10 на откорме, 194 га земли. «Наклерываются» два квартала леса. Это при том, что я хозяин — не рисковый. Меня хоть всегда и держали «на плаву» журналисты, и поэтому власти прямо прихлопнуть никогда не решались, но подловить всегда старались. И я всегда хозяйничал «аккуратно» — не рисковал, космических результатов не достигал.

Еще, признаюсь, использую наемный труд. Тот самый, которого сегодня, как черт лапана, пугаются. Кладу работнику в день 15 рублей. Это минимум. И рабочий день обязательно нормирован. Если плохо работает — отказываюсь, но ниже 15 рублей планку не опускаю. Выше — поднимаю. Я думаю, любой «свободный колхозник» позавидует такому «батраку».

Вот так и живем. Мы, о которых постоянно говорят, что «все нет».

Э. ШЕВАРДНАДЗЕ: Я УХОЖУ В ОТСТАВКУ. ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ МОИМ
ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ ДИКТАТУРЫ

6 - Н О В О Е В Р Е М Я - № 1 91

СТРАНА

Д РА М Ы П Е Р Е С Т Р О Й К И

Галина Сидорова,
политический
обозреватель
«Нового времени»

И зал взорвался. Аплодировали сторонники и противники, друзья и враги — большинство стоя. Аплодировали Поступку человека, сумевшего подняться над собой. Поступку политика, сломавшего барьеры дозволенного, поставленные Системой руководителю советского типа.

Но вспышка погасла. И многие попытались отмахнуться от наваждения, бросились искать причины. Что это было: личная обида, каприз, амбиция, минутная слабость министра иностранных дел? Как это, Горбачев не знал?.. — шепотком шелестело в кулуарах съезда, по редакциям газет и очередям.

А накануне четвергового события, как свидетельствуют близкие к министру люди, в доме по Плотникову переулку всю ночь не остывал телефон. Э. Шеварднадзе проводил референдум, в котором участво-

вали только члены его семьи. Он сообщил им о своем намерении. За отставку высказались единогласно. Несмотря на все последствия, с которыми сопряжен подобный шаг в нашем обществе.

В семь утра в четверг о своем решении министр сообщил ближайшим помощникам. В 11.45 — Съезду народных депутатов.

Горбачев действительно до этого момента не знал. Он знал о другом случае — о намерении Э. Шеварднадзе уйти в отставку в декабре 1989 года, после того как Главный военный прокурор Катусев ввел в заблуждение участников второго Съезда народных депутатов в отношении тбилисской трагедии. В апреле 89-го именно обещание Э. Шеварднадзе разобраться и наказать всех без исключения виновных в гибели людей помогло успокоить страсти в Тбилиси. И министр, как человек слова, оказался в результате в нелепой, неприемлемой для него ситуации: вместо наказа-

Э. ШЕВАРДНАДЗЕ: Я УХОЖУ В ОТСТАВКУ. ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ МОИМ ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ ДИКТАТУРЫ

/ 2 /

ния — демарш Катусева в защиту тех, кто дискутировал с демонстрантами саперными лопатками. Тогда Горбачев все-таки уговорил Шеварднадзе остаться.

Когда новый Верховный Совет СССР утверждал Э. Шеварднадзе на пост министра иностранных дел — а было это чуть больше года назад, — он закончил свое выступление такими словами: «Как министр, я вполне любое законное решение, оставляя, однако, за собой право подать в отставку, когда не смогу согласиться с ним по соображениям политики или морали».

Так что же заставило министра выполнить свое обещание именно сейчас?

Человек, шагающий через барьер

Думаю, чтобы это понять, нужно вернуться к началу, посмотреть, какой путь прошел «мятежный министр», истории по образованию, к политическому Свипшу. Восхождение было стремительным, но не было легким. И прежде всего потому, что он, сам дитя Системы, всегда рвался из ее тисков и каким-то немислимым образом, именно раздвигая эти рамки, когда дерзостью, когда обезоруживающим обаянием, упорно шел вперед по, в общем-то, проторенной дорожке: секретарь Кутаисского горкома комсомола, секретарь ЦК ЛКСМ Грузии, министр внутренних дел республики и затем с 1972 по 1985 год ее партийный руководитель. Были на этом пути и два безработных месяца — результат очередного неповиновения. Дитя Системы в дитя времени, он, как и все его поколение, пропустил через себя драмы народа и страны: гибель старшего брата — защитника Брестской крепости, крушение кумира в лице Сталина и, наконец, 56-й год, когда безоружная молодежь Тбилиси, не понявшая и не принявшая решений XX съезда, вышла на тогдашнюю площадь Ленина. Ее давили танками, расстреливали, а трупы сбрасывали в Куру.

Возможно, именно те события заставили молодого комсомольского вожака задуматься о непреходящих общечеловеческих ценностях. Выступая на пленуме ЦК Компартии Грузии после другой тбилисской трагедии, разывшейся 33 года спустя, он сформулирует свое кредо: «Как бы ни было тяжело, трудно оправдать решение прибегнуть к помощи войск и разговаривать с наро-

дом из-за танков и бронетранспортеров... Никто и ничто не в состоянии оправдать гибель ни в чем не повинных людей». И потом уже в беседе с нами, журналистами: «Мы и на международной арене и во внутренней политике выступаем за диалог, как бы трудно ни было. Тем более надо вести его с собственным народом. Научиться говорить с каждым человеком на понятном языке, аргументированно, обоснованно...»

ке, аргументированно, обоснованно...»

Для самого Э. Шеварднадзе этот принцип был законом. Где бы ни кипели страсти, он вопреки всем правилам безопасности и элементарному чувству самосохранения шел в толпу, к людям.

В селе Лыхны, когда в конце 70-х годов бушевала Абхазия, они с Капитоновым приехали на стадион, где собрался довольно бурный сход. Партийных руководителей встретили градом камней. Капитонов, пригнулся. Шеварднадзе, не дав охране опомниться, шагнул через барьер и оказался в толпе. И тут же обратился к старцу: мол, мы же гости, почему же вы принимаете нас на стадионе, можем сесть как люди, поговорить. Старец, сначала воспринявший такое предложение в штыки, вскоре сдался, пригласил к себе. За ходом переговоров село следило всю ночь. К утру стало ясно: кровопролития не будет.

В 70-е годы «отдушиной», в которую уходили политические страсти в Грузии, был футбол. Во время матча тбилисской команды с воронцовградцами толпа, недовольная судьейством, хлынула на поле. В считанные минуты сетка ворот заполнилась милицейскими фуражками. Ситуация стала управляемой. Очевидцы рассказывали мне, что кое-кто из сидевших на правительственной трибуне депутатов спешно отвинчивал с ладкана депутатские значки, чтобы не попасть под горячую руку. И снова Первый перешагнул через барьер прямо в гущу потасовки, заставил себя слушать и в конце концов успокоил толпу.

В апреле 1989-го я сама наблюдала, как Э. Шеварднадзе уговаривает отчаявшихся от горя и гнева людей. Тогда же в Тбилиси я обратила внимание еще на одну особенность этого человека: в любой обстановке все замечать. В один из драматических моментов отнимавшего все душевные и физические силы разговора в душном переполненном зале студии «Грузия-фильм» он, заведев

Э. ШЕВАРДНАДЗЕ: Я УХОЖУ В ОТСТАВКУ. ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ МОИМ ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ ДИКТАТУРЫ

меня и коллегу из АПН, ни слова не понимавших по-грузински, успел шепнуть кому-то из тбилисских знакомых, чтобы нас вытащили из толпы и тихонечко нам переводили...

Сложная история нашей страны опутывала своими противоречиями политических деятелей.

Будучи министром внутренних дел Грузии, Э. Шеварднадзе упорно боролся с коррупцией: за взяточничество предстали перед судом и понесли суровые наказания многие высшие руководители республики, включая министра финансов. В то же время некоторые преступления, за которые в те годы сажали, с пози-

ций сегодняшнего дня выглядят нормальной предпринимательской деятельностью.

Пользуясь благорасположением Брежнева, дерзкий руководитель грузинских коммунистов проводил у себя в республике экономические реформы, которые вполне отвечают духу сегодняшнего дня, но по тем временам были «экономическим диссидентством».

Министр внутренних дел Грузии Э. Шеварднадзе создал при своем ведомстве центр по изучению общественного мнения, в котором сотрудничали специалисты по различным криминологическим проблемам, дававшие рекомендации, как лучше, к примеру, вести борьбу с наркоманией. Один из его сотрудников вспоминает, что шеф ругал журналистов за то, что они не используют данные центра. В ответ, правда, слышал: есть такая организация — Главлит...

Теймураз Степанов, проработавший с Э. Шеварднадзе 15 лет, сам по профессии журналист, рассказывал, что однажды тот спросил его: «Почему вы не пишете материалов о социальной пассивности наших людей? Им не хватает социального протеста». Теймураз ответил: «Но ведь существует репрессивный аппарат...» И услышал на это: «Он не будет существовать вечно». В другой раз, перед очередным пленумом ЦК КПСС, уже при Андропове, Шеварднадзе попросил своего помощника написать все, что тот думает о нашей стране и об обществе. Уловив признаки колебаний, посоветовал: «Пора избавляться от этих страхов»...

13 /
Через ошибки и противоречия Э. Шеварднадзе искал свою дорогу к Храму. Именно он, еще до начала перестройки, взял на себя решение выпустить в свет «Покаяние» Тенгиза Абуладзе.

Министр учится

В июле 1985 года, через четыре месяца после того, как Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Михаил Горбачев, Э. Шеварднадзе был назначен министром иностранных дел.

МИД встретил чужака настороженно, даже враждебно. Слишком много здесь перевидали «обкомовских» и «цэковских послов» — мастеров на все руки, кроме разве что дипломатии. Министр чувствовал отношение и не торопил события. Он учился, слушал, впитывал.

Первое испытание выпало 31 июля — встреча с тогдашним госсекретарем США Дж. Шульцем. Она проходила в посольстве США в Хельсинки в канун празднования 10-й годовщины общеевропейского совещания. Шеварднадзе

нервничал и перед началом беседы сказал госсекретарю: «Знаете, я человек новый на этом месте, поэтому лучше буду читать по бумажке». По свидетельству участников, встреча была напряженной. Американцы в тот момент меньше слушали советского министра, а больше обращали внимание на то, как он говорит, дрожат ли руки, когда перерачивает страницы, в общем, снимали мерку с человека. После беседы Шеварднадзе сказал партнеру: «Когда я шел сюда, я очень волновался, как получится у нас беседа. Теперь успокоился, знаю — на вашей стороне опыт, а за нами — правда». Только спустя некоторое время стало ясно, что подразумевал советский министр. Принципом его дипломатии и политики стала честность.

Помимо знания жизни и потребностей страны Э. Шеварднадзе привнес в политику свои человеческие качества — порядочность, доброжелательность, неординарность мышления, азарт, обаяние. Неудивительно, что сегодня его любят и уважают коллеги. «Я горжусь назвать этого человека своим другом, —

Э. ШЕВАРДНАДЗЕ: Я УХОЖУ В ОТСТАВКУ. ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ МОИМ
ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ ДИКТАТУРЫ

171

скажет Дж.Бейкер в день, когда Э.Шеварднадзе объявил о своей отставке. — Мне будет не хватать его».

По свидетельству бывалых дипломатов, министр учился быстро, на лету схватывая и премудрости дипломатических процедур, и информацию. Период чтения бумажек во время бесед закончился уже через несколько недель. Новый министр обнаружил гибкость ума, умение слушать и слышать собеседника, улавливать суть проблемы и ставить точные вопросы партнеру — качества наиболее ценные для дипломата. Несколько раз наблюдая за тем, как он вел переговоры подряд с разными министрами, я обратила внимание на его компьютерную память: он всякий раз как бы переключал ее на тот момент, когда прервали разговор с этим конкретным собеседником в их предыдущую встречу.

Любопытно. Громько, который знал английский и полвека провел на дипломатической службе, никогда не пользовался синхронным переводом, предпочитая иметь запас времени, чтобы отреагировать. Шеварднадзе, который не знает иностранных языков, с первого дня признавал только синхрон. Видимо, внутренняя интуиция позволяла ему компенсировать потерю информации при переводе. А тратить лишнее время — не в его правилах.

Самолетная жизнь

Новый министр быстро завоевал авторитет в своем ведомстве. Сложнее было переломить годами складывавшийся образ Советского Союза. И здесь опять все начиналось с перешагивания барьеров. В Канберре и Оттаве, Монтевидео и Лондоне наших дипломатов встречали рассерженные толпы, требовавшие соблюдения прав человека, вывода войск из Афганистана. И Э.Шеварднадзе, как когда-то в

Дж.Буш и Э.Шеварднадзе. Советско-американское партнерство изменило мир

Грузии, шел в толпу, к людям, разговаривал.

Пожалуй, первые признаки нового в политике Горбачева-Шеварднадзе стали заметны именно в области прав человека. Громько обычно говорил своим американским собеседникам: «Вы можете рассуждать по этому вопросу, но я вас слушать не буду». После чего Шульц распинался как бы перед стеной. Э.Шеварднадзе уже на второй встрече с Шульцем сказал госсекретарю: «Мы должны в центр наших обсуждений поставить вопрос о правах человека». После чего эти проблемы стали спокойно обсуждать, обмениваться информацией, в том числе списками с конкретными фамилиями. Постепенно советские инакомыслящие потянулись из психушек, желающие начали выезжать.

А потом был Афганистан. Даже профессиональные дипломаты, специалисты по региону не верили, что можно вывести войска и оставить

Э. ШЕВАРДНАДЗЕ: Я УХОЖУ В ОТСТАВКУ. ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ МОИМ ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ ДИКТАТУРЫ

/ 51

Афганистан дружественным государством. Удалось Э. Шеварднадзе, возглавивший комиссию Политбюро по Афганистану, летал в эту страну семь раз. Причем уже и после ухода советских войск, в условиях, когда не было защиты аэродрома. Летал на гражданском самолете: взлет в полной темноте, в так называемом «стакане». И наконец, логическое продолжение этой дипломатической линии: недавнее согласие СССР и США прекратить поставки вооружений воюющим сторонам в Афганистане.

За пять лет министр объехал Европу — от Исландии до Турции, пересек Африку, Азию, Северную и Южную Америку, побывал в Австралии, Японии. Он открывал нас миру, а мир — нам. Во многие страны, даже в такие издавна дружественные, как Вьетнам, Монголия, Камбоджа, это был первый визит советского министра иностранных дел. Жизнь в самолете. Один-два дня на страну, переполненные встречами, беседами и почти избавленные с легкой руки Шеварднадзе от протокольных мероприятий. Мы, журналисты, сопровождавшие министра в поездках в течение последнего года, не раз наблюдали, что происходило, если он обнаруживал в программе визита временной зазор, на который все остальные, естественно, смотрели с надеждой и облегчением. Обычно следовало вежливо-вопросительное: «А это что такое?» Что означало: улетим раньше... И не потому, что министру не хотелось увидеть страну за пределами зала переговоров. Он берег время, боялся не успеть, смотрел на несколько ходов вперед. Пять с половиной лет сложились в один длинный рабочий день.

Что дала нам внешняя политика Горбачева — Шеварднадзе?

Она вывела страну из враждебного окружения. Благодаря ей закончилась «холодная война», и мы имеем отношения политических союзников со всеми бывшими «противниками». Подписаны качественно новые двусторонние договоры с Германией, Францией, Италией. Сегодня не советские солдаты роют окопы в Германии, а немцы строят для них жилье в Советском

Союзе. В единой отныне Европе создаются новые структуры безопасности и сотрудничества. Мы потеряли союзников по лагерю, но имеем потенциальных партнеров по интересам в лице государств Восточной Европы. Произошла нормализация отношений с Китаем, демилитаризованы тысячи километров

советско-китайской границы. Идет диалог с Японией, с двумя Кореями, отныне у нас с обеими нормальные дипломатические отношения. Заключены советско-американский Договор по ракетам средней дальности и Договор о сокращении обычных вооруженных сил в Европе. По существу, готов и договор по стратегическим вооружениям. Впервые Москва и Вашингтон выступают партнерами в урегулировании региональных конфликтов — в Анголе, на Юге Африки, в Афганистане, Камбодже, в Персидском заливе.

Жульничество в мундире

Причину отставки министра нельзя осмыслить, не поняв, что для Э. Шеварднадзе честность в политике — своего рода внутренний закон. Он говорил в одном из интервью: «Мы больше не пытаемся обманывать друг друга и действительно создаем новую систему отношений в области внешней политики... Традиционный торг — дело прошлого. Дипломатия теперь больше похожа на науку, сложную как высшая математика».

Переговоры он вел примерно так: да, мы с вами больше не противники, но для уверенности в себе, для нашей безопасности нам нужно то-то и то-то. Партнеры могли не соглашаться, предлагали свой вариант. Тогда и начинались «честные переговоры». Однако за улыбками, внешним изяществом и легкостью дипломатии в стиле Шеварднадзе крылся огромный труд, изнурительная борьба со своими же экспертами в мундирах и их руководителями. Он хотел переломить образ советских как ненадежного партнера. Ну а те, которые в мундирах, исходили из того, что успех переговоров в том, чтобы «наколоть» противоположную сторону.

Я сама наблюдала за одной из таких баталлий, развернувшихся буквально в последнюю минуту перед ноябрьской встречей Э. Шеварднадзе и Дж. Бейкера в Москве. Со-

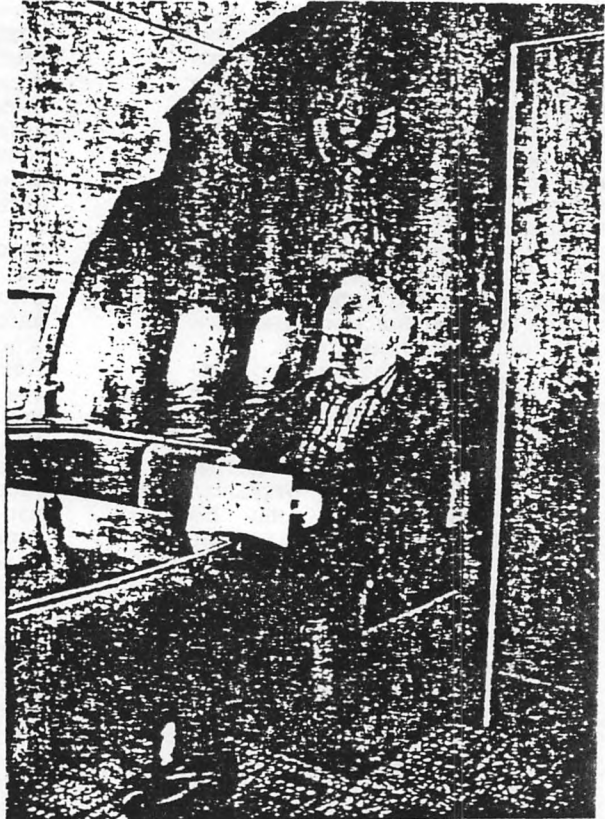
Э. ШЕВАРДНАДЗЕ: Я УХОЖУ В ОТСТАВКУ. ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ МОИМ
ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ ДИКТАТУРЫ

/ 6 /

ветскому министру сообщили, что почти тысяча танков подверглась перекраске в цвет ВМФ — естественно, чтобы вывести их из-под сокращений, так как по венскому мандату военно-морские силы под сокращения не попадали. Тогда военных удалось остановить. Лишние танки вроде бы исчезли. Но в Париже, когда руководители европейских государств уже собрались на историческое подписание Договора о сокращении обычных вооруженных сил в Европе, советские «морские» танки всплыли снова — уже в списке тех данных, которыми стороны обменялись друг с другом при подписании. Руководителя американской делегации Вулси незадолго до этого уверяли, что у нашей морской пехоты танков — единицы и не стоит даже о них говорить. Американец же увидел единицы с нулями. И вновь дипломаты замяли скандал под честное слово: мол, подпишем договор и сразу разберемся. Договор подписали. А теперь довольные военные ссылаются на то, что на «морские» танки мандат не распространяется. Подтасовка налицо. Подрыв престижа советской внешней политики тоже. Плюс реальная возможность, что американцы это соглашение не ратифицируют. И все тогда пойдет прахом.

Это только один пример. А сколько их было во время переговоров с американцами?! Сейчас за спиной МИДа продолжают маневры министерства обороны вокруг объявленного министрами готовым к подписанию Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений. Так что дело не в критике министра со стороны двух депутатов-полковников.

Консерваторы в Верховном Совете готовят тем временем массивную атаку на договор с Германией, грозят, что не ратифицируют его. Но задумаемся, что это может означать? Если СССР не ратифицирует договор, в котором подтверждается, что Германия включает территорию ФРГ, ГДР и Берлина и отказывается от любых территориальных претензий, она формально будет свободна претендовать, к примеру, на Калининградскую область.

Самолет стал и домом, и рабочим кабинетом

Или другая большая проблема, постоянно поднимаемая консерваторами: о непродуманном выводе советских войск из Восточной Европы.

На днях я узнала, что вопрос о необходимости пересмотра отношений с восточноевропейскими соседями на более современной основе, необходимости вывода советских войск и о том, чтобы заранее предусмотреть последствия такого шага, ставился в записках МИДа высшему политическому руководству страны еще четыре года назад. Тогда до его рассмотрения руки не дошли. Сегодня об этом не вспоминают.

Диссидент от политики

Э. Шеварднадзе часто подчеркивал: внешняя политика начинается дома. Думаю, в этом и кроется ключ к разгадке причин его отставки. «Наш приоритет — обеспечение максимально благоприятных

Э. ШЕВАРДНАДЗЕ: Я УХОЖУ В ОТСТАВКУ. ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ МОИМ ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ ДИКТАТУРЫ

171

условий для перестройки в стране, — говорил он мне в интервью год назад. — Совершенно очевидно, что перестройка, вернувшая честное имя стране, рождает желание и готовность помочь нам. Но надо откровенно сказать: если наши внутренние трудности будут умножаться консерваторами и недоброй волей, нетерпимостью и всяческим эгоизмом, оглядкой на демагогические принципы былого, нам все сложнее будет отстаивать мир, снижать напряженность, вести дело к более широкому и необратимому разоружению, к интеграции в мирохозяйственную систему».

Все переговоры министра с самыми разными его партнерами начались и заканчивались обсуждением ситуации у нас в стране.

У советской внешней политики не было надежного тыла. Она сама стала щитом для происходящих в СССР перемен. Сегодня внутренняя политика «догнала» внешнюю и пытается этот щит пробить. В том смысле, что внутриполитическая борьба выплеснулась в сферу внешней политики, как только та затронула политические и экономические интересы тех, кто в нашей стране существовал за счет воспроизводства внешних и внутренних врагов.

Что же ожидает внешнюю политику?

Все наши руководители разных рангов поспешили сделать заявления, что курс Москвы не изменится. Но мне все-таки представляется, что министр ушел именно потому, что давление изнутри на внешнюю политику со стороны военно-промышленного комплекса настолько усилилось, что стало загонять ее в угол. Критика всех последних наших внешнеполитических шагов не встречала никакого отпора ни в Верховном Совете, ни в высшем политическом руководстве. Меня не оставляет мысль, что президент отдал внешнюю политику на поругание консерваторам и реакционерам, будучи уверен, что здесь его собственный имидж и доброе отноше-

Редкий момент, когда вся семья собралась вместе

ние к новому Советскому Союзу достаточно сильны, чтобы позволить себе некоторый откат, а консерваторы отвлекутся тем самым от маневров на внутривнутриполитическом плацдарме. Так это или нет, но доведение до отставки Э. Шеварднадзе, близкого соратника, одного из последних могикан, на мой взгляд, шаг опрометчивый. Все это может осложнить наши отношения с зарубежными партнерами, среди которых авторитет министра чрезвычайно высок и не раз помогал сглаживать острые углы в отношении к нам остального мира. Все это в итоге отразится на и без того сложной ситуации внутри страны и на положении самого президента.

По-видимому, в выходе из замкнутого круга, где все сводилось к межведомственным распрям, министр увидел единственный способ протеста против передачи внешней политики на откуп консерваторам, попытался таким образом разбудить дремлющих или занятых выяснениями отношений между собой демократов.

Сегодня огромная власть сосредоточивается в центре. Созда-

Э. ШЕВАРДНАДЗЕ: Я УХОЖУ В ОТСТАВКУ. ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ МОИМ
ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ НАСТУПЛЕНИЯ ДИКТАТУРЫ

ются структуры прямого президентского правления. И вот уходят Шеварднадзе, Бакатин. . . Отодвигается Яковлев. В конце концов может прийти и до самого Горбачева, а конституционные структуры, дающие супервласть, прямо падают в руки реакционеров от ВПК.

Депутат и полковник Н.Петрушенко рассуждал перед журналистами в кулуарах съезда: «Зря пугаете военным переворотом. Если полковники придут к власти, то им ее преподнесут на блюде с голубой каемочкой и скажут: товарищи полковники, возьмите власть, мы, гражданские политики, не способны ее удержать в условиях дефицита власти и воли политического руководства. Так что если это и произойдет, то конституционным путем».

Вполне допускаю, что интуиция министра и его информированность подсказали ему, что грядут события, которые он не сможет остановить, но и не захочет быть к ним причастным по своим убеждениям. Меня, например, беспокоят сообщения о патрулировании Клайпеды, других прибалтийских городов солдатами с автоматами. Уже это само по себе способно спровоцировать столкновения, которые могут перекинуться и в другие регионы. А уж от усмирения бунта до диктатуры один шаг.

На Западе все это поняли лучше, чем у нас. И потому так заволновались. Судя по всему, уход Э.Шевард-

надзе с поста министра там восприняли не как сигнал, что курс нашей страны изменился, а как предупреждение о реальной опасности подобного развития событий, в результате чего от нас, надо отдавать себе в этом отчет, мировое сообщество отвернется, как от Саддама Хусейна.

Отставка министра наводит и на менее мрачные размышления. В

демократических государствах уход политических деятелей, в том числе из высших эшелонов власти, — обычное дело. В США они быстро находят себе место в Совете по международным отношениям, Ренд корпорейшн или других подобных организациях, в консультативных и адвокатских фирмах, на ниве бизнеса. Известные политики из Европы, Латинской Америки, Африки становились генеральными секретарями ООН. Нас раньше подобные проблемы не занимали. наших лидеров из кабинетов либо отправляли в почетную ссылку в одно из посольств, либо на кладбище, либо вообще выносили из истории. Сам в расцвете сил и славы не уходил никто. Так что же сегодня может предложить политику такого класса, как Э.Шеварднадзе, наша страна или мировое сообщество?

Кто же следующий министр? На мой взгляд, кем бы он ни был, это будет человек президента, возможно, более послушный и покладистый, чем предшественник. И кем бы он ни был, Э.Шеварднадзе поднял планку внешней политики на такую высоту, удержаться на которой его преемнику будет нелегко.

И все-таки, к сожалению, происходящее сегодня уже после того, как шок от события 20 декабря прошел, не внушает оптимизма. Главная опасность, задуматься о которой меня заставила отставка министра, в том, что консерваторы не противопоставляют в открытую своей программы курсу Горбачева. Не имея собственного лидера, они проводят «тихую политику» выживания его ближайших сторонников; сомкнувшись с крайней реакцией, пытаются подорвать курс президента изнутри и в конце концов использовать самого президента в собственных интересах.

Отставка Шеварднадзе стала первым призывом на таком уровне к разрыву с реакцией, к консолидации демократов. Это призыв, обращенный к каждому политику, депутату, ко всем нам, ответить для себя на вопрос, кто мы, с кем мы. Это призыв к президенту, пока не поздно, сделать выбор — с кем он?

ЭДУАРД ШЕВАРДНАДЗЕ: МОЯ ОТСТАВКА ДОЛЖНА БЫЛА ПОСЛУЖИТЬ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ, ЕСЛИ НЕ ПРЕОДОЛЕТЬ КРИЗИС В СТРАНЕ, ТО ДИКТАТУРА НЕИЗБЕЖНА

В ГОСТЯХ У ЭДУАРДА ШЕВАРДНАДЗЕ

По поручению коллектива «Московских новостей» главный редактор газеты Егор Яковлев поздравил министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе с Новым годом, пожелав здоровья и благополучного разрешения всех дел. Во время встречи состоялась беседа.

Шеварднадзе заметил, что решение об отставке ни в коей мере не определялось его отношениями с Михаилом Горбачевым. давними и доверительными. Не было это и результатом эмоционального всплеска. Решающим стало другое.

«Нынешний внешнеполитический курс Советского Союза принес свои плоды — стали утверждаться отношения, основанные на балансе интересов, взаимном партнерстве. Я старался никого не обманывать и чтобы меня, в свою очередь, тоже не обманывали. Это получалось. Но в конце концов я убедился, что если дестабилизация страны будет продолжаться, а процесс демократизации приостановится, то следовать прежнему внешнеполитическому курсу станет невозможно. Развитие событий может привести к повторению того, что случилось в Тбилиси или Баку, — о каком тогда новом мышлении стоит говорить. Разумеется, мы будем по-прежнему стремиться развивать отношения со всеми странами. Но захотят ли этого наши партнеры? Они не смогут не считаться с общественным мнением своих стран.

Все согласны с тем, что страна в кризисе — наступают хаос, анархия. И в то же время многие отрицают возможность диктатуры. Я же считаю: если страну не удастся вырвать из кризиса, то диктатура неизбежна. В чем выход? Народ и народы должны объединиться. И прежде всего это должны сделать демократические силы. Ради сохранения демократии, тех суверенитетов, которые сегодня формируются, во имя нашего общего спасения. Драматизирую? Нет, не думаю.

Сейчас все время повторяют тезис о необходимости дисциплины и порядка. Они жизненно необходимы. Но, к сожалению, в мышлении многих и многих дисциплина, порядок ассоциируются с

применением силы. Не уверен, что и президентское правление, и любые другие карательные санкции, откуда бы они ни были направлены, могут стать способом для решения нынешних проблем. Мне очень трудно примириться с мыслью, что на фоне процесса демократизации допустимы насилие, беззаконие, расправы. И разве это может не сказаться на внешнеполитическом курсе страны, на образе Советского Союза?

Мой шаг с отставкой был самый простой, может, наивный, но честный: насторожить депутатов и сказать съезду о реальной опасности. К сожалению, большинство на съезде оказалось настроено по-другому».

Выход из сложившейся ситуации в стране Шеварднадзе видит прежде всего в преодолении бездействия. Еще три года назад на переговорах с одним из западных лидеров были услышаны добрые советы: как сократить в стране массу не обеспеченных товарами денег. В первую очередь открыть рынок жилья, решительно повысить процент от вкладов в сберегательные кассы. Советы были приняты к сведению и даже даны указания для их реализации. Но три года потребовалось для того, чтобы решить вопрос о повышении процента от вклада. И сделали это, когда было поздно: люди уже не собираются копить деньги — ищут любой товар, чтобы их истратить.

«Беда в том, что многие из нас просто перестали заниматься делами. Постоянно заседаем на съездах, сессиях, собраниях, пленумах, вместо того чтобы решать и работать — должностные лица, министры и даже президент. Принимаем

законы, которые никто не выполняет. И сегодня, конечно, труднее всех президенту: он первым решительно начинал и первым проявлял большую смелость. Ему теперь очень трудно...»

С болью говорил Шеварднадзе о нынешнем продовольственном положении. Если известно, что продуктов меньше не стало, но они не доходят до людей, если все время твердят о спекуляции и саботаже, если все ратуют за порядок, то, значит, надо сознательно пойти на точную систему. Каждый человек должен иметь гарантию, что свои 200 граммов масла в месяц он получит. Если сегодня не хватает для этого государственных ресурсов, надо использовать те кредиты, которые получили и получаем от многих стран. Отдачи от них люди не видят. Еще достаточно много тех, которые считают: чем хуже — тем лучше. Нет, не в какой-то диктатуре надо искать выход, а в создании элементарного порядка в рамках демократии и законности.

На вопрос, каким видит для себя Шеварднадзе наступающий год, он ответил, что хотел бы заняться созданием Ассоциации по проблемам внешней политики. Есть немало интересных людей, которые охотно бы взялись за анализ и прогноз международных проблем. «Вполне возможно, что те подходы, которые мы находили до сих пор по самым сложным вопросам международных отношений, могут помочь в разрешении тех конфликтных ситуаций, которые так тревожат нас внутри страны, — в наших международных отношениях».

Фото Бориса КАУФМАНА.

№ 1, 6 января 1991 г.

"МОЗГОВОЙ ШТАБ" "МН" ДАЕТ ОЦЕНКУ ПРОШЕДШЕМУ СЪЕЗДУ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ И ПРОГНОЗИРУЕТ РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ: РАСКОЛ СРЕДИ ДЕМОКРАТОВ, УГЛУБЛЯЕТСЯ РАЗРЫВ МЕЖДУ НИМИ И ГОРБАЧЕВЫМ

№ 1, 6 января 1991 г.

1

Кто, на ваш взгляд, победил и кто проиграл на съезде? Как это повлияло на «имидж» съезда?

Сергей СТАНКЕВИЧ: На съезде победила идея авторитарной модернизации. Идея же демократического выхода из кризиса проиграла. Более того, сам потенциал демократических сил оказался невостребованным. Еще более консервативным, на мой взгляд, стал и «имидж» съезда. Наиболее популярный в прошедшие две недели лозунг — закон и порядок. Причем, с точки зрения многих, закон и порядок любой ценой. Для демократов же порядок ценой ГУЛага абсолютно неприемлем.

Юрий РЫЖОВ: На этом съезде проиграл сам съезд, и соответственно еще более потускнел его «имидж».

Николай ШМЕЛЕВ: Расклад сил на съезде отнюдь не внушал надежды. Слово «диктатура» произнесено, оно стало «работящим» словом. И оно означает реальную перспективу, если негативные тенденции в экономике не удастся остановить. Как быстро это произойдет, гадать не берусь, но полагаю, много времени не понадобится: появится сначала мягкая диктатура, которая проложит дорогу жесткой, сначала бескровная, потом непременно с кровью. Наш министр иностранных дел тут совершенно прав.

Владимир ТИХОНОВ: Если в общих чертах, то это явный проигрыш демократических сил, это результат их неорганизованности и неумения настроиться на волну момента. Научились только говорить, не обращая внимания на тех, кто слушает.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО: Надежда на демократическое представительство в стране перечеркнута. Мы перестали быть народным собранием. Мы отдаем и отдаем все большие объемы власти президенту, берем ее взаймы у парламента и отдаем...

Василь БЫКОВ: Для меня очевидно, что победили консервативные, если не сказать — реакционные силы. Обнаружилось и падение парламентской активности демократов, и их отступление. Оно определило и образ съезда, который свернул на проторенную дорожку поддержки и одобрения аппаратных решений.

Юрий КАРЯКИН: Победили правые. «Имидж» съезда — хуже некуда.

Геннадий ЛИСИЧКИН: Съезд вызвал разочарование не только у нас, но и у людей, далеких от политики. Слишком схоластичным, слишком оторванным от жизни оказался круг рассматриваемых вопросов.

Николай ПЕТРАКОВ: На съезде заметно обозначилось противостояние, во-первых, между республиками, во-вторых, между республиками и центром. Часть принятых на съезде решений носит как бы надреспубликанский характер. И поэтому совершенно неясно, согласны ли республики с ними и намерены ли их исполнять. В этих решениях съезд, как мне кажется, проиграл.

В КОТОРЫЙ РАЗ

Как обратили внимание наши читатели, редакция все чаще стремится использовать советы учредителей «МН» как независимого издания в качестве экспертов. С нашей точки зрения, этому «мозговому штабу» газеты особенно удаётся жанр прогноза. Вспомним хотя бы прогноз, сделанный накануне IV Съезда народных депутатов («МН», № 50): развитие событий было предсказано нашими учредителями в ряде случаев с точностью до деталей. Закрепляя традицию, мы вновь попросили наших учредителей — народных депутатов СССР оценить итоги съезда и дать прогноз развития политической ситуации в стране. Их ответы на экспресс-опрос представляют, на наш взгляд, интерес как своеобразный социальный барометр.

НА РАСПУТЬЕ

Гавриил ПОПОВ: В очередной раз победили те, кто господствовал в стране с 1917 года и кто руководит перестройкой с 1985 года. То есть высшие слои аппарата, который осуществляет централизованное управление страной. Однако у этого руководства по-прежнему нет никакой жизнеспособной конструктивной программы.

Демократические силы проиграла — в этом мнения наших учредителей сходятся. Но проиграл и сам съезд. Он не взял на свою ответственность ни одного решения, не принял программы антикризисных мер. Зато в очередной раз продемонстрировал готовность отдать всю власть президенту.

Похоже, съезд исчерпал свои возможности и как представительный орган власти. Интересы меньшинства не защищены здесь ни процедурой голосования, ни регламентом. Это лишает смысла любую дискуссию, так как заранее можно с уверенностью предсказать, каким результатом она завершится. Но он вряд ли станет последним Съездом народных депутатов, поскольку не мешает авторитарной системе в силу своей управляемости, но создает видимость народовластия.

"В КОТОРЫЙ РАЗ НА РАСПУТЬЕ" (2)

2

**Есть ли, по-вашему, какой-то
запас антикризисных идей
у Михаила Горбачева?
Что подразумевает президент,
говоря о непопулярных мерах?**

Сергей СТАНКЕВИЧ: Думаю, что запас идей пока есть, хотя он и ограничен и составляет набор достаточно стандартных решений. Но что существеннее — у президента нет команд. А тех, кто мог бы составить ее основу, Горбачев приносит в жертву. Причем я имею в виду не только ближайших советников, но и единомышленников на всех уровнях управления. Это, по-моему, одна из самых слабых сторон ныне существующего президентства.

Непопулярные меры — это прежде всего денежная реформа. Еще несколько месяцев назад ее можно было избежать, теперь невозможно. Вполне вероятно, что президент, говоря о непопулярных мерах, имеет в виду и более жесткую линию центра в отношении республик. Что касается меня, то я бы хотел, чтобы в числе президентских мер были непопулярные в отдельных слоях общества: радикальная земельная реформа, развитие предпринимательства, муниципализация местной власти.

Юрий РЫЖОВ: Я думаю, запас антикризисных идей Горбачева исчерпывается введением чрезвычайных форм президентского правления в отдельных регионах и даже шире. Возможно, с применением силы.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО: Есть две «карты»: земля как основа перемены уклада и деньги как основа соединения людей по доброму желанию, как основа ликвидации тромба в экономике. Одну из них — карту земли, вполне доступную Горбачеву,

открыл Ельцин. Взял себе. Вторую Ельцин открыть не может, потому что Россия — часть общего, а деньги сами по себе есть общее. Это товар товаров, это обмен веществ в организме. В 1921 году, как только поняли, что штык не работает, завели червонец. У Горбачева главный аргумент, главная антикризисная мера, на мой взгляд, денежная реформа в какой угодно форме, но как предотвращение повальной инфляции.

Василь БЫКОВ: Если даже такие идеи и есть, то президент их держит в секрете. Ведь по-настоящему радикальных идей по выходу из кризиса он не предложил. То, на чем он настаивал и настоял, — референдум по частной собственности на землю, поправки к конституции — вряд ли коренным образом изменит ситуацию к лучшему. Идея сильной власти вообще «идея с бородой», она всегда присутствовала в нашей жизни. А результат?..

Владимир ТИХОНОВ: Президент принимает решения, исходя только из сегодняшней ситуации, понимая ее именно так, как видится она в узком кругу, что не отражает всей глубины общественных процессов. Не вникая в их содержание, президент полагает, что это злобные деяния неких деструктивных сил. Между тем единственной его опорой в последние годы были именно демократические силы, которые сегодня он, вероятно, хотел бы загнать в угол.

Что подразумевает, говоря о непопулярных мерах? То, что уже проводится в жизнь грабительские налоги, которые на корню губят еще не родившееся свободное предпринимательство. Горбачев имеет в виду и мораторий на забастовки. Между тем забастовки не крайняя мера. Крайние меры появятся тогда, когда политика принуждения с помощью силы будет проводиться в жизнь.

Николай ШМЕЛЕВ: Я бы не взялся гадать за президента, что он подразумевает под непопулярными мерами. Горбачев — профессиональный политик, и хороши или плохи его идеи, запас у него есть: как все-таки свести к минимуму угрозу распада Союза и как все-таки восстановить властные структуры на всех уровнях, поскольку паралич власти сейчас ощущают все. Я, например, согласен, что мы перестарались с Советами народных депутатов и породили беспомощные, аморфные дискуссионные клубы. Правда, не очень уверен, что конструкция кабинетного правления президента лучше. Совершенно неясно, зачем, например, там фигура премьер-министра... Как экономиста меня очень огорчает, что не предполагается тех неотложных антикризисных экономических мер, которые необходимы. Я не услышал ответа на вопрос о свободе предпринимательства в стране, о том, что будет с бюджетным дефицитом, что собираются делать с рыночными ценами, с горой «горячих» денег.

Геннадий ЛИСИЧКИН: Антикризисных идей высказывается Горбачевым вроде бы немало. Но указы, которые он подписывает (по крайней мере в сфере экономики) только усугубляют кризис. Существует противоречие между программными заявлениями и их воплощением.

О непопулярных мерах. Я бы, например, считал необходимым целый ряд таких мер. Прежде всего прекращение оплаты бессмысленного труда. Почему общество должно содержать заводы, выпускающие самовоспламеняющиеся телевизоры, или колхозы, собирающие по шесть центнеров пшеницы с гектара? Надо наконец сказать правду в лицо каждому с помощью зарплаты. Сейчас предпринимается слишком много популярных шагов, чтобы успокоить тех, кто не хочет работать.

Гавриил ПОПОВ: Запас антикризисных идей у президента есть, но это те идеи, которые не в состоянии преодолеть кризис. Не знаю, о каких непопулярных мерах ведет речь Горбачев. По-моему, меры, принимаемые сейчас, более чем непопулярны.

Юрий КАРЯКИН: Президент, по-моему, исчерпал свой запас идей. Если в Горбачеве не родится новый Горбачев, дело погибнет. Очень трудно при его теперешней (раньше не было) неоткровенности ответить на вопрос о непопулярных мерах. Самое непопулярное, по-моему, — это наметившийся разрыв между президентом и интеллигенцией. Нравственной поддержки у него теперь нет.

Николай ПЕТРАКОВ: Антикризисные идеи содержались во всех программах, даже в правительственной. И в принципе они совпадают с теми, которые высказывает Международный валютный фонд. Но дело в том, что эти идеи не реализуются.

«Непопулярные меры» — понятие относительное. Непопулярные у кого? Популярные у кого? Идея повышать пенсии с помощью печатного станка популярна, но кто при этом вы-

играет? Неужели пенсионер, который через полгода обнаружит, что прибавка на самом деле равна нулю?

Опрос показывает: эксперты вынуждены лишь догадываться, что сам президент понимает под антикризисными идеями и непопулярными мерами. Очевидно одно: все силы были брошены на воплощение сильной исполнительной власти. Но под какие идеи востребована эта власть, остается неизвестным.

Эксперты в принципе согласны с тем, что без непопулярных мер экономику уже не реанимировать. Но только в том случае, если эти меры окажутся непопулярны для традиционной уравнилельной психологии, для бюрократической верхушки и далеко не сломленной административной системы.

3 Ваша позиция: как следует поступать демократам в сложившейся ситуации?

Сергей СТАНКЕВИЧ: Демократам следует, по-моему, осознать, что авторитарное правление — это плохо, но без власти еще хуже. Поэтому необходимо поддержать укрепление исполнительной власти, но при определенных условиях. Имею в виду четкость президентской программы, систему демократических противовесов, прежде всего усиление контрольных функций парламента.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО: Есть такое правило: говори правду, тогда тебе не придется вспоминать, что ты там выдумывал. Может быть, попробовать быть безупречно честными и ни во что не играть. Не последний же раз в стране были выборы. Надо быть порядочным до конца и говорить только то, что думаешь.

Юрий РЫЖОВ: Демократы не должны поощрять ту чехарду в структурах власти, которую мы наблюдаем в последнее время. Она уже удручающа, а поправки, внесенные в конституцию, дают ей новый толчок.

Владимир ТИХОНОВ: Я думаю, организовываться. И наконец понять: если мы хотим реформ, демократические движения должны стать политическими, а следовательно — организованными. Второе — надо создавать постоянное политическое давление снизу на парламенты и правительства. Нужна сильная оппозиция.

Геннадий ЛИСИЧКИН: Наши демократы, согласившись войти в органы власти, вынуждены теперь принимать чужие правила игры. Но можно ли носить воду в бочке, в которой нет дна? Мне кажется, надо было бы сначала изменить правила игры, а потом в ней участвовать. Сегодня как раз и следовало бы консолидировать те силы, которые способны это сделать.

Василь БЫКОВ: По-прежнему отстаивать свои демократические позиции. Без пауз и отступлений. Паузы сразу заполняют силы контрреформы.

Николай ПЕТРАКОВ: Демократам надо побороть комплекс неполноценности. Он возник оттого, что свобода в определенной степени не завоевана ими, а дарована.

Здесь происходит некий сбой в политической ориентации. Демократам кажется, что свободу отберет тот, благодаря кому она вообще у нас появилась. Но уверен, Горбачев останется приверженным демократическим взглядам. Опасность же исходит от тех социальных групп, которым перестройка невыгодна, от военно-промышленного комплекса. Однако задача демократов не клеймить этих людей, а привлечь их на свою сторону.

Гавриил ПОПОВ: Необходимо в ближайшее время завершить разработку общей платформы демократических сил и для России, и для СССР в целом. Следует также реорганизовать само демократическое движение, создав четкую структуру. Как бы это ни противоречило демократическим устремлениям, этап более жесткой организации неизбежен. В тех случаях, когда демократы находятся у власти — в местных ли Советах, в республиках ли, они должны в ускоренном темпе и максимально реализовать те перестроечные меры, которые находятся в их компетенции. В нашем сверхцентрализованном государстве реальных прав и у местных Советов, и даже у республик не так много. Поэтому надо показать избирателям, что действительно находится в ведении местных властей, и продемонстрировать свое стремление преобразовать хотя бы эти участки.

Или же ситуация в стране изменится в результате победы республик над центром, или демократическим силам придется временно отступить, уйти в оппозицию и начать подготовку к новым выборам и к новому циклу преобразований, который наступит скорее всего уже в 1991 году, после того как решения, принятые на IV съезде, продемонстрируют свою несостоятельность.

Итак, характерно одно: никто конкретной программы действий (может быть, за исключением Гавриила Попова) не предлагает.

Демократы были на высоте, когда политический климат им благоприятствовал, когда идеи демократизации не нуждались в практической расшифровке, а потому совпадали и с представлениями президента, и с представлениями широких масс. Сегодня ситуация изменилась — и раскол в демократическом движении очевиден.

Изменилась и расстановка политических сил. Центр политической борьбы сместился в республики. Впереди два референдума — о частной собственности и будущем Союзе.

От итогов референдумов будет зависеть многое. Если мы хотим, чтобы они подтолкнули реформы, надо немедленно действовать. Демократические силы сегодня уже имеют и свою печать, и свои организации на местах. Самое время использовать их в созидательных целях. Кто, кроме демократов, способен объяснить народу истинный смысл преобразований, показать, что частная собственность и суверенитет — нормальные основы цивилизованной жизни?

На распри нет времени. Силы надо использовать на общее противостояние правому наступлению.

-----СЦ-----

ОТСТАВКА ШЕВАРДНАДЗЕ — ПОПЫТКА ПРЕДУПРЕДИТЬ СССР И ЗАПАД ОБ УСИЛЕНИИ РОЛИ ПРАВЫХ СИЛ В РЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

№ 1, 6 января 1991 г.

Дэвид РЭМНИК,
московский корреспондент
«Вашингтон пост»

Запад и поворот вправо

Через несколько дней после того, как Эдуард Шеварднадзе в своей речи высказал тревожные опасения о возможности установления диктатуры, на площади напротив Моссовета прошла демонстрация в защиту демократии, в которой приняли участие 1000 человек. То ли из-за мороза, а скорее из-за гнетущего чувства усиливающейся реакции на Съезде народных депутатов настроение среди собравшихся было довольно мрачным.

Свои ответы на мои вопросы многие заканчивали в свою очередь вопросом: «Какова будет реакция Запада на поворот вправо, крутые меры по отношению к Молдове, прибалтийским и закавказским республикам, возврат к экономическому диктату центра?»

Во время своей последней поездки в США Эдуард Шеварднадзе беседовал с государственным секретарем Джеймсом Бейкером, заявления которого носили явно предостерегающий характер. По словам сотрудников госдепартамента, Бейкер сказал Шеварднадзе: хотя администрация Буша с пониманием относится к тому, что Москве необходимо по крайней мере на какое-то время восстановить сильный контроль за системой распределения и другими экономическими механизмами, развал которых особенно ярко проявился в последние шесть месяцев, Советский Союз должен развивать экономическую и политическую реформы, если он и в дальнейшем рассчитывает на поддержку со стороны США.

Как знать, может быть, это предупреждение Бейкера и стало одной из причин, побудивших Шеварднадзе принять решение об отставке. Прекрасно зная политическую кухню Запада и Кремля, Шеварднадзе, по-видимому,

решил, что в конечном счете его предостережение Советскому Союзу и всему миру окажет большее воздействие на ход истории, чем если он останется на посту министра иностранных дел. Только циник может объяснить его выступление «грузинским темпераментом».

Еще год назад американцы недооценивали серьезность национальных движений в союзных республиках. Но теперь им становится все более очевидно, что в большинстве республик те силы, которые наиболее решительно выступают за создание демократических политических систем и переход к рыночным отношениям, одновременно выступают либо за немедленный выход из состава СССР, либо по крайней мере за ослабление центра вопреки устремлениям Горбачева.

На протяжении многих месяцев руководители республик, от Витаутаса Ландсбергиса в Литве до Бориса Ельцина в России, делали попытки переориентировать внимание Вашингтона с центра на республики, давая ему понять, что не стоит возлагать все надежды на одного человека или на одну столицу. Возможно, своей отставкой Шеварднадзе добьется того, чего не сумели достичь Ландсбергис, Ельцин и другие, а именно: привлечет внимание Запада к обостряющемуся конфликту между волей народа и занявшими круговую оборону органами КПСС, КГБ и армии.

Прошлой весной, когда Литва провозгласила свою независимость, администрация Буша дала понять Горбачеву, что не будет вмешиваться в его отношения с балтийскими государствами. Ландсбергис посчитал это предательством, о чем и заявил во всеулышание. Но Буш был уверен, что Горбачев сможет найти выход из этой тупиковой

ситуации, и одно время казалось, что он его нашел. В Вашингтоне с облегчением перевели дух, когда Горбачев снял экономическую блокаду и появилась надежда, что осенью начнутся серьезные переговоры о предоставлении республикам независимости.

Но переговоры закончились ничем, зато ситуация в республиках крайне усложнилась. Провозглашение независимости или суверенитета одной республикой за другой заставило Горбачева изменить свои первоначальные намерения сделать прибалтам поблажку. Под прессингом правого крыла, зорко следящего за каждым его шагом, Горбачев пришел к выводу, что либо все республики без исключения должны остаться в составе СССР, либо нет.

И вот теперь Запад с тревогой ожидает следующего шага. Если Горбачев больше не желает проявлять гибкость, если он действительно считает, что ситуация в республиках требует принятия решительных мер, тогда Запад тоже должен будет отреагировать.

-----СЦ-----

CODE: CCCP

ТЕМА: СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ НЕ ЗНАЮТ ИСТОРИИ, ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ПОСЛЕДНИХ СЕМИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ. НАЧАЛО РАБОТ ПО ПОДГОТОВКЕ "ОЧЕРКОВ ИСТОРИИ КПСС" ДАЕТ НАДЕЖДУ, ЧТО ЭТОТ ПРОБЕЛ БУДЕТ ВОСПОЛНЕН

— «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 44, 30 октября 1988

ПОЧЕМУ!

Концепция — правда

Дмитрий КАЗУТИН

На живой, подвижной и очень пестрой «карте будней» все четче прослеживаются главные силовые линии перестройки. Это линия демократизации, политической реформы, линия экономической реформы. Это линия обновления общественного сознания, линия, если угодно, реформы духовной. «В нашей публицистике, художественных и научных изданиях, — отмечалось в докладе на XIX партконференции, — идет небывалый по масштабу, открытости, интеллектуальной насыщенности разговор о путях обновления социализма, истории и современности».

Связь истории с современностью становится еще очевиднее, когда в одном и том же номере газеты читаешь о встрече в ЦК КПСС с пионерами арендного подряда и о заседании комиссии ЦК по подготовке «Очерков истории КПСС». Комиссия обсудила принципы, на которых должна быть построена концепция «Очерков». Важнейшие из этих принципов — историзм и диалектика в анализе фактов, бесстрашие перед результатами этого анализа, безусловная, свободная от политической конъюнктуры правда изложения. Таким образом, осуществляется демонтаж системы сталинской историографии.

История в руках Сталина была мечом, занесенным над головами инакомыслящих и инакопоступающих. Аресты, заменившие дискуссии в области исторической науки, обеспечили к середине 30-

годов безраздельную победу «сталинской школы». Ее оценки господствовали в исторической науке в течение полувека, навязывались школьникам и академикам.

Коль скоро речь идет об историках и истории, позволю себе историческую аналогию. Нынешнее состояние общественного сознания в чем-то напоминает состояние умов русского образованного общества в первой четверти прошлого века. До выхода «Истории государства Российского» Николая Карамзина Россия не знала своей истории. Мы не знаем истории, по меньшей мере последних семи десятилетий. Этим аналогия ограничивается, ибо нынешняя ситуация неизмеримо сложнее предкарамзинской. И сложность заключается в том, что в умах наших современников живет устойчивая иллюзия исторического знания. Если же любой достаточно образованный человек — профессиональные историки не в счет — попытается сам для себя уяснить источники своих познаний в новейшей истории, то придет к ошеломляющему выводу. Такими источниками — помимо полузабытых школьных учебников — окажутся исключительно кинофильмы, театральные спектакли, телевизионные передачи, а в основе большинства из них — концепция сталинского «Краткого курса», этого «священного писания» административной системы.

Освободить массовое сознание от все еще гнездя-

щихся в его глубинных пластах пережитков догматической идеологии, вытеснить из нашей исторической памяти мифологические представления и образы бюрократической чеканки, помочь народу в выработке подлинно исторического мышления — вот какие задачи должны, на мой взгляд, вдохновлять тех, кто будет писать «Очерки истории КПСС».

Это не только общепартийное, это — общенародное дело, и вести это дело следовало бы международно, гласно. Ведьма обнадеживает тот факт, что работа над «Очерками» будет организована на конкурсной, соревновательной основе. Думается, что процедура конкурса, гражданская позиция авторов, которым будет отдано предпочтение, должны стать объектом общественного мнения.

Когда начинаешь вчитываться в стенограммы партсъездов, статьи и брошюры оклеветанных и уничтоженных Сталиным большевиков-ленинцев, реально понимаешь всю гигантскую сложность осмысления послеоктябрьского периода истории партии. Настало время до конца разобраться в том механизме, который позволил безнаказанно вытравлять из сознания партии ленинский гуманизм, ленинский дух партийного товарищества, ленинский демократизм, ленинское требование смелости и самостоятельности мысли.

Столь же важно объяснить,

как в этих условиях оказалось возможным, что, говоря словами писателя Александра Гельмана, «нравственное ядро партии никогда не умирает... но, свернувшись, сжавшись, сохраняло свое внутреннее достоинство. Иначе не могло бы быть ни двадцатого съезда, ни сегодняшней перестройки». Чтобы ответить на такие вопросы, мало одной научной «опытности». Необходимы свежесть и смелость взгляда, концепции, необходимая научная и гражданская совесть.

В связи с этим хотелось бы напомнить одно высказывание Михаила Покровского, который при всех недостатках и ошибках своей школы был крупным ученым. Противопоставляя маститого историка Погодина «мальчишкам» — Соловьеву и Кавелину, Покровский писал: «Старый приказный от исторической науки великолепно понимал, что для него и его «охранительницы», как имевший он историю, опасны именно общие концепции «мальчишек», а вовсе не их мелкие специальные монографии. Теперешние Погодины, брюзжащие на современных «мальчишек», понимают это не хуже их предшественника середины XIX века».

Начало работ по подготовке «Очерков истории КПСС» показалось мне первым ударом погребального колокола на похоронах нашего исторического невежества. Умирают мифы, рождается правда.

CODE: СССР

ИТЕМ: СБОРНИК "ИНОГО НЕ ДАНО" — "КАТЕХИЗИС ПЕРЕСТРОЙКИ": ИНТЕРВЬЮ
С СОЦИОЛОГОМ Ю. ЛЕВАДОЙ

/1/

"Литературная газета" 26.10.88 стр. 3

Что дано и что еще нужно взять

*О сборнике «Иного не дано»
наш корреспондент беседует с социологом
Юрием Левадой*

В июне этого года к XIX партийной конференции издательство «Прогресс» выпустило сборник «Иного не дано» под общей редакцией Ю. Н. Афанасьева. Книга о семистах страницах сразу привлекла внимание в самых разных кругах. О ней много спорят, ее (при символическом тираже 50 тысяч экземпляров) разыскивают и выпрашивают.

Что же пробудило столь значительный интерес?

Тридцать четыре автора сборника — от академика А. Сахарова до молодого политолога А. Миграняна — предлагают свой подход к проблемам нашего общества, каким оно пришло к поре необходимого обновления. Историки и философы, экономисты и социологи, писатели и публицисты, ученые — естественники и гуманитарии, кажется, не обошли стороной ни одной составной того сложного социума, в котором мы живем и который так хотели бы сделать динамичным, сильным, отвечающим императивам Времени.

Родилось даже определение у читающих: «катехизис перестройки».

Что ж, если и катехизис, то совершенно нового толка — без догм. Концепции и точки зрения в сборнике подвижны, полемичны, иногда открыто субъективны, весь он устремлен не к утверждению окончательных истин, а к поиску путей обновления, анализу новой реальности. Вот что принципиально, вот что позволило издателям представить «Иного не дано» как «политическую книгу нового поколения».

Не берем очертить весь круг идей и объектов сборника. Постаремся обозначить его ядро.

КОРР. У сборника — три измерения. Прошлое нашего социума, его истоки, история. Наше настоящее — со всем грузом противоречий, «детерминированных» предыдущим развитием. И — ощупывание возможного будущего. Начнем с прошлого?

Юрий Левада. Ну что ж, ведь в нашей сегодняшней жизни исторический спор занимает такое место, какое, по-моему,

никогда и нигде. Ни в одной стране мира. Мне кажется (несмотря на предупреждения типа: «Хватит, сколько можно?») этот спор будет еще набирать силу. Только-только решили говорить о Сталине, о Бухарине. Еще немножко воздуха наберем

— будем обстоятельно говорить и о Троцком. И всерьез о Ленине как фигуре не только гениальной, но и трагической.

Я не помню, где и когда так важно было заниматься делами и деятелями не близкого прошлого, но это нужно для оценки нашего нынешнего и нашего будущего состояния.

Тут ведь еще и практический аспект: понять свободу действий людей в истории — значит понять возможности современного действия, движения в желаемом направлении.

Есть точка зрения, что наш путь железно предопределен. На эту тему ярче всех может быть, поэтому страшнее всех написал И. Клямкин в статье «Какая улица ведет к храму?» (в «Новом мире»). Так или иначе мы решили историческую задачу: получили могучую страну, заводы и прочее...

Эта точка зрения мне кажется спорной и опасной. Да, мы не можем переделать историю, но обязаны передумать ее. И тогда все яснее становится, что выбор был всегда. Заранее поставленной задачи перед историей нет, люди ставят разные задачи, переоценивают, действуют. И всегда есть альтернатива: выжить — погибнуть. И выжить по-разному. Сегодня тоже.

КОРР. В статьях сборника — у Дзарасова, Бугенко, Афанасьева и других — много смелых, новых оценок того, что мы получили к периоду сталинщины, каковой социализм. Административно-командный, казарменный, уравнилительный и т. д. Негатив проявлен очень резко. И, думается, серьезных оппонентов у таких оценок нет.

Ю. Л. Я бы сказал, что ситуация в принципе парадоксальная. Негативная программа объединяет не только сторонников перестройки, но... и ее потенциальных противников. И самые разные люди — будь хоть те, что стоят на неопочвенных позициях, будь то сторонники ортодоксально-догматических концепций — все одинаково не приемлют существующего.

Ортодоксы, например, могут цепляться за символы «истинного» социализма, но и они соглашаются, что его нет. Некоторые считают, что он был в 20-е или в начале 30-х. Но с тем, что в 60-х и 70-х от него одни вывески остались, даже они соглашаются.

ПИСАТЕЛЬ Ю. ЧЕРНИЧЕНКО: "...СИСТЕМУ АГРОГУЛАГА НАДО ЛОМАТЬ. НАДО ДАТЬ НАКОНЕЦ ВОЗМОЖНОСТЬ НАРОДУ САМОМУ НАКОРМИТЬ СЕБЯ"

10 ■ Собеседник ■ № 41 ■ октябрь 1990

Юрий Черниченко:

«Хватит спасать КОЛХОЗЫ— время спасать НАРОД»

— Появились ли у вас уверенность в том, что на сессии РСФСР решится проблема передачи земли в частное владение крестьянам или это опять утонет в дебатах, а потом бесконечных поправках наших парламентариев?

— Россияне избрали демократический парламент, и он вопреки пессимистическим взглядам вдруг заработал очень здорово. Это, конечно, дрожжи Ельцина плюс дерзкое мышление того окружения, которое он вокруг себя собрал. Я был в комитете Верховного Совета россиян и слушал, удивляясь: как люди могли измениться за считанный год! Это те же председатели колхозов, те же директора, по 20—25 лет отрубившие на горьком своем поле. Они пришли к выводу, что без реформы, без кардинальной ломки отношений ничего не получится. Это говорят они сами, а не выскочки вроде меня или клытые научные сотрудники вроде Шмелева — Тихонова — Лисичкина!

— В планируемой россиянами реформе есть какие-нибудь конкретные предложения, помогающие изменить систему хозяйствования, или это благие пожелания?

— Они приготовили около сорока

серьезнейших документов касательно крестьянского хозяйства, налогов, собственности на землю. Не в тех расплывчатых основах законодательства, которые мы в Верховном Совете СССР родили за полгода яростных споров. Когда сохраняется монополия колхозов-совхозов, человек не сможет никому сказать: «Вот это моя земля», — потому что не имеет права на куплю-продажу. Не может распоряжаться ею по-настоящему. Это как ружье со сломанным бойком: вроде и оружие, а не стреляет. Народ же в парламенте РСФСР подумал прежде всего о том, как закон будет воспринят в обычных Ивanteeвке, Козолуповке, Петровке. Во-первых, ты получаешь право выйти из колхоза-совхоза с бесплатным наделом земли и своей долей средств производства. Во-вторых, можешь приобрести землю в частное владение — ограниченный законом участок пашни и угодий. Принцип платности земли — очень серьезный момент. Ясно, что он встретит отпор. Однако суть его такова: если человек купил землю для того, чтобы построить дачу, то должен заплатить за нее во много раз больше того, кто хочет вести на земле аграрное производство, до-

ПИСАТЕЛЬ Ю. ЧЕРНИЧЕНКО: "...СИСТЕМУ АГРОГУЛАГА НАДО ЛОМАТЬ. НАДО ДАТЬ НАКОНЕЦ ВОЗМОЖНОСТЬ НАРОДУ САМОМУ НАКОРМИТЬ СЕБЯ"

10 ■ Собеседник ■ № 41 ■ октябрь 1990

(5)

бывать хлеб насущный. Если у него приусадебное хозяйство — он платит мало, если только гараж — много. Хорошая земля — дорогая; скудная, дальняя — дешевле, тут и вся схема. Теперь уже и верхние эшелоны говорят: «Вся власть Советам». Но откуда эта власть, чем властвовать, если нет земли, — только идеологией? Как, собственно, и было... Законы Верховного Совета СССР до сих пор никакой земли у колхоза-совхоза взять не позволяют, хотя она и опустынена, заросла, дичает. Говорят, что грузин в щедрую минуту может подарить приятелю Алазанскую долину: она ему не принадлежит. Так и мы с землевладением. Советы, раздавайте ту землю, какой у вас нет. У сельсовета во владении только 10 квадратных метров палисадника под окнами, остальное у директора совхоза, это большой хозяин, перед его дверью сам сельсовет шапку снимает... РСФСР же предлагает четкую концепцию: земля, которая три года подряд дает на 20 процентов меньше обычного, забирается в фонд запаса. Депутатские комиссии Советов изымают ее безвозмездно, и эти участки становятся реальной основой для серьезной аграрной реформы. Их можно сдавать в аренду и продавать на конкурсной основе с безусловным преимуществом для селян, защищаясь от дельцов теневой экономики. Колхозы и совхозы пре-

— Как вы считаете, не впадем ли мы сейчас в новую крайность? Прежде объявляли панацеей от всех бед колхозы, теперь решили от них полностью отказаться.

— Когда нашего брата, пишущий люд, обвиняют в подобном, когда говорят, что мы противники колхозов и хотим растащить их, — это, извините, обычный клинический подход. Никто из нас к таким вещам не призывает. Хорошо отлаженное хозяйство — это машина, прикасаться к ней ломом раздела может только сумасшедший или преступник, но проверяет на прочность рынок, проверяет изо дня в день. Я согласен, уважаемый председатель, и впредь тебя слушаться, но изволь обеспечить мне не два процента годовых, а нормальных восемь — как у соседа. Не то уйду — или переизберу тебя. Благодетелей мне не нужно, тем более взялся за гуж — не говори, что

мешает райком-обком. Просто ты, дорогой, бездарен как экономическая личность. Как только возникает такой разговор, колхоз перестает быть элементом агрогулага, он преобразуется в кооператив, альянс добровольно работающих людей.

— Но даже если будут приняты такие замечательные законы, вы не боитесь, что реальная действительность перевернет их по-своему? Мы ведь и сейчас знаем немало случаев, когда люди пытаются работать на земле по-новому, но встречают жесточайшее сопротивление.

— Люди поступают так, как их учили с восемнадцатого года. Вспомните, вначале были созданы комбеды, вне выборов и закона, не подчинявшиеся никому. Органы, единственной задачей которых было найти, отнять хлеб и частью его воспользоваться. Ведь до 50 процентов оставалось комбедам! Возникла специальность — бедный. Профессия такая: жить тем, что ты бедняк. За норму берется нищета, общая масса крестьян — бедные, хорошие, правильные, они наша надежда и опора, а те, кто 16 часов в сутки вкалывает, для кого и дождь не страшен, и заморозки, и жена у него с утра до ночи работает для своей корысти, — те отщепенцы. Прибыльность хозяйства становится социально осуждаемым явлением. Человек трудящийся осуждается как накопитель. В итоге рождается социум транжир и хапуг, общество люмпенов. Вот вам пример. Два человека, Соснин и Кунаков — это их подлинные фамилии, — далеко-далеко на реке Каме были довольно выдающимися людьми в областной иерархии. Один дорос до первого секретаря горкома партии, другой вышел в начальники областной мелиорации. В областном исчислении это люди генеральского звания. Они вдруг почувствовали внутреннее желание остаток добрых и сильных лет пожить иначе. Все бросили — чины, зарплаты, лестницу служебного роста — и основали в опустевшей Хмелевке кооператив. Но бывшие сослуживцы не оставили такой измены и объединились в яростной ненависти к поступку этих «выкрестов». Как это — зарабатывать свой хлеб, не расписываясь в ведомости горкома, а вилами, в сапогах, в бычьей моче? Они ведь как на ладони. Над ними высоко-высоко

сидит областное управление статистики, и там у них есть некая замечательная Клара. Она опытный коррективщик огня и шлет свои снаряды умело, кладет их в самую точку. В жизни это выглядит так. Наши Соснин и Кунаков — арендаторы у совхоза. Совхоз — развалюха, но как государственное предприятие он получает дотацию — семь рублей за килограмм говядины. Состоя у него оброчным мужиком, Соснин мог бы получать тоже семь рублей, сдавая выращенный скот. Но ему платят

ПИСАТЕЛЬ Ю. ЧЕРНИЧЕНКО: "...СИСТЕМУ АГРОГУЛАГА НАДО ЛОМАТЬ. НАДО ДАТЬ НАКОНЕЦ ВОЗМОЖНОСТЬ НАРОДУ САМОМУ НАКОРМИТЬ СЕБЯ"

10 ■ Собеседник ■ № 41 ■ октябрь 1990

только два рубля 14 копеек, оставляя разницу лендлорду. А поскольку он сам скот покупает по два рубля за кило живого веса, то остается ему на все про все 14 копеек. Жив будешь — женишься не захочешь. Траты на корма и горючее такие, что конкурент совхоза непременно должен разориться. Ладно, думает Соснин, не получилось здесь, попробую-ка я в Чердыне, на севере, где состоялся партначальством. Ему председатель одного из колхозов говорит: «Готов тебе помочь, чтоб ты мне помог: между нами чуть ли не 400 километров, если ты у меня скупишь бычков и вырастишь, а осенью за мое хозяйство сдашь, то уплачу тебе ту цену, которую дают мне». Логично? Осенью наш Соснин сдал на мясокомбинат 22 тонны мяса. Израсходовал большие деньги на перевозку и корма и рассчитывал расплатиться. Но наша наблюдательная Клара мигом узнала через своих осведомителей об этой акции и накрыла эту рыночную акцию прямым попаданием. Председателю пригрозили всеми карами, он отправил назад полученные от мясокомбината деньги, а наш Соснин не получил вообще ничего. Год работал даром! Более того, он должен расплатиться за транспорт, за корма, теперь уже неизвестно из какого кармана. «Идет охота на волков, идет охота...»

— Это когда было?

— Да нынешней весной, 90-го года. Спайка людей, какую можно назвать номенклатурой, партократией, как будет угодно, работает уже бескорыстно. Ведь этой Кларе ничего не нужно, кроме как задушить классового врага. Робкому председателю вроде уже нечего бояться, но угроза больших «шишек» из Перми привычно сработала — выдал давнего приятеля, предал в тяжкий час... Боязнь за самого себя! Да и директору банкрота-совхоза не жалко бы отдать Соснину заработанные им деньги, только зачем? Чтоб строился, укреплялся, самим порядком в хозяйстве обличал тебя? Нет уж, себе дороже. Пусть разорится один Соснин, чем станут ненужными сто совхозных (районных, областных) чиновников. Нынешняя осень с ее обломным, словно бы насмешливым урожаем показала: без механизма насилия, без угрозы отобрать партбилет колхозный председатель собирать и сдавать хлеб-картошку не будет. Отдавать добро за деревянные рубли ему нет смысла — и заготовки оказались сорваны. Россия срочно пошла путем натурального обмена, бартерных сделок — вы нам зерно, мы вам колготки и «телеки-видики». Практически это «ситец-керосин» ленинских лет, только ныне меновые ценности приходится брать за кордоном — и Силаев послал гонцов в Южную Корею за бытовой электроникой и прочим западным неликвидом типа кроссовок, джинсов и «шарпов».

— Какой же вы представляете себе роль аппарата в будущем управлении сельским хозяйством? Совместимо ли старое с новым, его ведь пытаются совместить?

— Крестьянская партия России говорит: верните землю народу. Дайте народу самому накормить себя. А это значит, что принудительное землевла-

дение исчезнет, три миллиона управленцев именно как управленцы останутся без работы. Как только нет плана, нет и борьбы за план. Для аппарата это смертельная опасность, и идеологическое припудривание здесь будет от Полозкова до кубанского Кондратенко, от пенсионера Лигачева до Стародубцева — «вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...». В стране скопились миллионы тонн бумаги, исписанной в доказательство единственной правильности существующей системы. Вы представляете этот Эверест? Наружно это выглядит как торжество рационального плана, науки и т. д., а внутренне и подлинно — как помещичье землевладение КПСС. Компартия — первый помещик мира! На земле нет и не было императора или раджи, который бы лично и через управителей владел и управлял 230 миллионами гектаров пашни и почти 600 миллионами гектаров сельхозугодий. Да еще указывал, что и когда сеять, почему продавать... А в СССР это есть! Ни сотки земли от Бреста до Курил вы без согласия партаппарата не возьмете. Эта партвласть над пашней и сделала страну самой отстающей в аграрном отношении.

— Хорошо, управленцев оттесним в сторону. А кто останется? Помнит ли вообще простой крестьянин, замордованный нашими прикказами, когда надо сеять, когда убирать?

— Людей, готовых нравственно и материально взять на себя ответственность за землю, мужиков с уверенностью хозяина, пока очень и очень мало. Можешь утешаться — зато это соль земли, характер будущего и т. д., но кормиться 500 дней перехода к рынку — надо! Импорт не накормит, и рушить кормящие структуры может только поджигатель социальных пожаров. Думается, что село наиболее податливо для рыночных перемен: есть пустая земля — засевай, собирай, продавай... Село не Рижский рынок, грибок преступности здесь менее опасен, чем в ушлых городах. Насчет же готовности технической, обученности народа... Утверждаю и горжусь, что народ у нас

бесконечно даровит именно в аграрном смысле. Ибо согнанный на три процента пашни, он и на усадьбах от сарая до баньки 60 лет подряд ведет монокультуру картошки — и живет-кормится, берет громадные объемы овощей, плодов, получает треть производимого мяса, молока... Получаю наслаждение от общения с людьми Крестьянской партии. Один фермер, чуваш из Ульяновска, говорит: «Я человек чести, не подписываю никаких бумажек, говорю «да» или «нет» — это мое крепкое купеческое слово. Я не заставляю никого за себя работать и думать. Кругом меня у совхозных рабочих хлеб сгнил, у меня все собрано, до листочка клевер заложен, я благодарю Бога, что он послал такой год. Еще два-три подобных года, и я не буду знать, куда девать мясо, молоко и деньги». Вот ощущение человека, абсолютно потерянного нами. Если говорить объективно, то наш гигантский, чудовищно дорогой аграрно-промышленный комплекс, совсем недавно прожравший 600 миллиардов рублей,

ПИСАТЕЛЬ Ю. ЧЕРНИЧЕНКО: "...СИСТЕМУ АГРОГУЛАГА НАДО ЛОМАТЬ. НАДО ДАТЬ НАКОНЕЦ ВОЗМОЖНОСТЬ НАРОДУ САМОМУ НАКОРМИТЬ СЕБЯ"

10 ■ Собеседник ■ № 41 ■ октябрь 1990

()

есть регион тяжкого однообразия. Из овощей — капуста. Одна! А на земле ее, капусты, двадцать или тридцать видов. Мы с Василием Беловым стояли перед овощной лавкой в Париже и не знали, что тут продается. Вот вам и аграрии! Почему же вы совхоз-колхоз, который кормит вас отвратительным хлебом и пестицидным молоком, считаете культурным, мичуринским, передовым, а тех, кто производит сотни культур в чудовищных условиях, полагаете дикими, отсталыми, безграмотными?

— *Землю людям дидут, но надо еще иметь и орудия производства, технику, и ее в стране не хватает?*

— Если сейчас дадут крестьянину землю, то ему в первые четыре-пять лет не понадобится никаких машин. Страна завалена калечью, как Куликово поле, изломанным железом, большой техникой. Еще лет пять, не меньше, будут выколачивать возможности из прежней подлеченной техники, а потом еще лет 15 станем переплавлять то, чем за 70 лет завалили грады и веся. Вы оглянитесь: мы стали страной плюшкиных, мы тонем в старье, дряни, не расстаемся с ветошью и хламом. «Немытая Россия» — это у Лермонтова было политическим эпитетом, но ныне это звучит и буквально. Я увидел у полтавского фермера Ивана Рассохи вымытый двигатель трактора — синий, сверкающий и поступил, как персонаж того же поэта: «ахнул дерзкий и упал». Я в жизни не видел вымытого двигателя, оказывается, он цветной, красивый. Фермеры покупают технику один раз на всю жизнь. Если она может достаться им практически даром, получив во владение, они еще очень долго будут извлекать из нее все новые лошадиные силы. Я в Аиове ездил год назад на тракторе 1940 года выпуска — такая бережливость возможна и у нас. Не ищите в извилинах очередного министра ответ на то, почему комбайн не скашивает, элеваторы не вмещают, железные дороги не перевозят, а страна наполовину живет хлебом покупным, золотым. Дело в системе, и речь сейчас идет об агонии системы.

— *Как вы относитесь к программе «500 дней»? Способны ли они исправить эту систему?*

— Я решительно на стороне энергичной, реформаторской программы Ельцина. Их счет дням — даже с опасностью опоздания — отличает российский проект от резиновых и туманных посулов пяти лет перестройки. У нас нечему больше верить, кроме этих 500 дней. Когда Горбачев к ним присоединился, то он подтянул к себе спасательный плотик. Николай Иванович, при человеческом моем сочув-

ствии к нему, являет собой тип плачущего большевика. Но мы ведь ищем сурового и жесткого хозяина, которого можно не любить, но считаться с которым нужно. Хватит спасать колхозы — время спасать народ. Вы поняли шутку, какую сыграл над нами нынче русский Бог? Он напомнил всем продовольственную программу, о которой старательно забыли, и выполнил намеченное. Прыжок урожайности фантастический: по данным ушедшего Никитина, мы вырастили биологический урожай в 300 миллионов тонн зерна. Но в системе агрогулага это совершенно не нужно, это провокация, вражеская вылазка, люди поймут, какой же страна урожай будет терять. Итогом самого высшего урожая в истории СССР стали не только очереди за хлебом, а просто кенгуринные прыжки цен на мясо. Когда я теперь говорю избирателям, что мясо может стоить 100 рублей килограмм (на рынке), на меня смотрят, как на вражеского шпиона. Но, уважаемые, давно ли мясо стоило пять-шесть рублей? А теперь 25. Это горькая ирония, кто ей рад? Но, может быть, это и последний аргумент, подсказанный свыше, в пользу того, что систему агрогулага надо ломать. Надо дать наконец возможность народу самому накормить себя.

— *Вы писатель, журналист большую часть своей жизни посвятили проблемам сельского хозяйства. И каков же результат? Не жалеете ли вы о потраченных силах? Правильным ли был выбор пути?*

— Есть такой закон. Человек достиг каких-то возрастных высот и видит тропинку, по которой поднялся на гору своих лет. Ему непременно хочется видеть логику и разум в изгибах тропы, и он объясняет: вон там я свернул поэтому, а звон там — потому... Вот и я ищу оправданий и логики в поворотах своей судьбы. Мол, откликнулся на XX съезд партии — и поехал на алтайскую целину, дескать, мой дед умер в колхозе от голода в страшный 33-й год — я и посвятил жизнь крестьянской проблеме... Это и так, и очень не так. Просто глядишь на тропинку, выше которой уже один вечный снег, и охота свой путь выдать за плановый, продуманный. На самом деле было одно: не хотелось делать подлости и трусить. Всегда боялся увидеть себя дрейфуном и подлым. Только и всего. Жизнь прошла, а с харчами точь-в-точь как в послевоенной молодости: «хочешь жареного хлебца?»

Беседу вела
Марина Мордовина.

CODE: L000068

RAJWITSCHERB

04-APR-1990 13:46:46

ИТЕМ: НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ ТРАВКИН ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПЛАТФОРМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО БЛОКА "ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ"

"АиФ" №8/90 стр.8

Мы продолжаем публикацию платформ неформальных групп и общественных движений.

Наш корреспондент А. УГЛАНОВ встретился с членом совета Московского отделения блока «Демократическая Россия» народным депутатом СССР Н. ТРАВКИНЫМ.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ блок «Демократическая Россия» объединяет кандидатов в народные депутаты РСФСР всех уровней, выступающих за последовательные и безотлагательные демократические и социально-экономические преобразования. Цель — переход от власти номенклатуры к власти народа.

Учредительная конференция блока проходила 21—22 января 1990 г. В ней приняло участие свыше 170 кандидатов в российские Советы более чем из 20 регионов республики. На конференции были приняты: платформа избирательного блока «Демократическая Россия», декларация «К народовластию в России», ряд резолюций и обращений. Критериями принадлеж-

ности к блоку была признана поддержка основных положений его платформы и декларации.

На 20 февраля в избирательный блок «Демократическая Россия» вступило уже более 5 тыс. кандидатов в народные депутаты.

На региональном уровне создаются советы блока, в задачу которых входит утверждение списков и ознакомление с ними избирателей. В составе совета его Московского отделения — народные депутаты СССР, балотирующиеся на нынешних выборах: М. Бочаров, Б. Ельцин, И. Заславский, С. Станкевич и др., а также активисты избирательного движения И. Боганцева, В. Боксер, О. Орлов и др.

Платформа «Демократической России» опубликована. Поэтому

остановлюсь на тех положениях, которые более полно представлены в других документах блока.

Мы выступаем за народовластие, реализуемое через испытанные мировой практикой демократические институты, за политическую и экономическую демонополизацию и децентрализацию, законодательные гарантии многопартийности и многоукладности экономики.

Мы убеждены, что любые экономические нововведения должны оцениваться в зависимости от того, стимулируют ли они человеческий труд, направленный на улучшение качества и повышение производительности, либо отбивают эти желания.

Нынешние реформы, меры и программы усиливают давление на трудящегося. А чем больше у него отбирают, тем хуже он трудится. Поэтому последовательным результатом реформ должно стать постепенное снижение налоговой планки с производителя. Человек прежде всего должен работать на увеличение личного потребления, а не на

абстрактные «нужды государства», которые зачастую оборачиваются бессмысленным поворотом рек или доказательством всем своей воли и мощи на чужой территории.

Гарантии эффективных стимулов для высококачественного или творческого труда мы планируем сочетать с системой амортизационных мер, позволяющих обеспечить достойное существование лицам с фиксированными доходами: пенсионерам, многодетным матерям, инвалидам, некоторым категориям служащих, учителям, а также работникам милиции и кадровым военнослужащим.

Для двух последних категорий мы предлагаем экономически обоснованную систему страхования за счет соответствующих ведомств. Итоговая сумма страховки, составляя не менее 50 тыс. руб., будет реально соответствовать расходам и издержкам на обустройство, социальную и профессиональную адаптацию.

Мы будем добиваться подлинного суверенитета России, предлагающего приоритет респуб-

ликанского законодательства над общесоюзным в важнейших вопросах хозяйственной и культурной жизни. Мы выступаем за духовное и культурное возрождение России. Необходимо воз- вратить исторические наименования городам и улицам, вернуть храмы верующим, поддерживать самобытность укладов, традиций и языков всех населяющих Россию народов.

Мы, придерживаясь различных точек зрения на многие частные вопросы, объединились в блок «Демократическая Россия» ибо осознаем ответственность переживаемого момента. От нынешних выборов зависит, возродится Россия и использует весь свой потенциал на благо народов, ее населяющих, или она так и будет играть неблагоприятную роль «старшего брата» в семье, оказавшейся на грани банкротства. Пока еще на грани...

Нас все сдерживают, успокаивают: «Поспешишь — людей насмешишь», а я вспоминаю древнюю поговорку: «Поздно приходящим — кости».

Давайте попытаемся успеть.

-БР-

ПАРТИЙНЫЙ РИТУАЛ ЗАНИМАЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЕ МЕСТО В СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ. ПО РИТУАЛУ ЛЕГЧЕ ВСЕГО СУДИТЬ: ПРОИСХОДИТ ЛИ ВСАМДЕЛИШНАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЖИЗНИ ИЛИ ВСЕГО-НАВСЕГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СМЕНА НОМЕНКЛАТУРНЫХ ЕДОКОВ ГОСПИРОГА ...

"РОССИЯ", №5, стр.1 и 5

ПОГОДА НА ЗАВТРА

Трагический карнавал

Партийный ритуал и народная судьба

Виктор ГУЛЬЧЕНКО
Обозреватель «России»

«Перестройка» любого достигшего полной зрелости организма (по гречески КЛИМАХ) по законам природы, пока еще не отмененная Указом короля, неминуемо ведет к угасанию данного организма, а потом и, увы, к полному его отмиранию.

Эпоха «перестройки», воследовавшая за с треском провалившимся «зрелым социализмом», окончательно и бесповоротно завершилась в ночь с 12 на 13 января. В те часы и минуты, когда старый Новый год еще пленял непреходящим своим обаянием многих уставших от текущей жизни наших соотечественников.

Вслед за хлопками пробок шампанского прозвучали выстрелы. А к брызгам шампанского прибавились и капли крови.

Чей? Литовской? Русской? Польской? Еврейской?..

Что случилось? «Наша» побали «внешних»? Люди одной нации проучили другую? Нет. Это над народом в который уже раз безнаказанно и нагло надругались «слуги народа». В который уже раз они сделали это чужими руками.

Но это их, «слуг народа», руки в крови! В крови многих народов, населявших и населяющих не только землю великодержавной территории, обнесенной колючей проволокой «единения» и «интернационализма». Их руки в крови народов Восточной Европы, Азии, Латинской Америки повсюду, где пытались привить побег «мирового коммунизма», рано или поздно страдали люди. И продолжают страдать.

Ученые «чучкеизма - бесоюзизма» не все-таки и не верно, но им уже почти век морочат головы поколений, стонящих лагерными шеренгами в беспросветное «светлое будущее».

Сегодня, как и вчера, одни жертвы сменяют другие. Сегодня, как и вчера, с хрустом, безжалостно ломаются людские жизни и судьбы под знаменами оголтелого, несконченного партоблудия, макулатурными тоннами унавоживающего нашу некогда весьма плодородную почву.

Мирриады ничем не обеспеченных слов бесперебойно выбрасывает натруженная глотка «коллективного разума».

Ум на поверку оказывается глупостью, честь оборачивается подлостью и коварством, совесть - элементарной бессовестностью.

«Чучкеизм - бесоюзизм» - истинная чума XX века, тяжкая болезнь человечества, его идейный СПИД. Великая мечта, если продолжить полагать ее таковой, уже давно сделалась величайшим заблуждением.

Андерсеновская сказка о голом короле ныне грозит окончательно стать настольной книгой, наподобие некогда владевшего зачумленными умами «Краткого курса».

Гол, увы, не только король. Давно голы и свита короля, и подавляющее большинство его подданных.

Короля, как известно, играет свита. Нынешняя свита блистательно сыграла своего короля. Великолепная эта игра должна быть оценена самыми бурными и самыми продолжительными аплодисментами. Браво, свита, браво!..

Вот уже шестой год все мы - восторженные герои свиты, вот уже шестой год мы морочим друг другу головы тем, что в одночасье от-

рылось андерсеновскому мальчику.

«Перестройка» чего? По логике: того, что построено. А что построено? Да ничего. Разрушено очень многое. Значит, «перестройка» разрушенного?..

Очередной этот партийно-идеологический жупел уверенно сменял вчерашние «зрелый» и «развитый» социализм, НТР, химизацию, мелдиорацию и все прочее, также ничего путевого не выражавшее.

Никогда не было у нас никакого социализма - ни развитого, ни незрелого. Никогда не было у нас Советской власти. Как никто и никогда не отдавал фабрик - рабочим, а земли - крестьянам.

Десятилетиями упоенно создавался миф о «поступательном движении» черт знает куда. Нас то приближали к «светлому завтра», то отдаляли от него, но мы неизменно оказывались в положении осла, бегущего за недослаженной морковкой, болтающейся перед его ноздрями.

Слишком уж мрачное настало «сегодня», чтобы можно было и дольше тешить себя иллюзиями о предстоящей жизни в коммунистическом раю. Из крошечного ада реальности в крошечный рай партийной мечты - неужто это единственный путь, оставшийся у человечества?..

Политиканство, надолго помрачившее российский ум, в пору приравнять к величайшему преступлению перед Отечеством. Идеологизация всей страны взамен истинной, текущему веку прилечающей ее электрификация, привела к ошибкам, грандиозный масштаб которых доведется осознать, наверное, лишь нашим внукам или даже правнукам.

Тоска по лучшей жизни, за упрямым отсутствием таковой, предельчески обернулась

ПАРТИЙНЫЙ РИТУАЛ ЗАНИМАЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЕ МЕСТО В СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ. ПО РИТУАЛУ ЛЕГЧЕ ВСЕГО СУДИТЬ: ПРОИСХОДИТ ЛИ ВСАМДЕЛИШНАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЖИЗНИ ИЛИ ВСЕГО-НАВСЕГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СМЕНА НОМЕНКЛАТУРНЫХ ЕДОКОВ ГОСПИРОГА ...

2.

каким-то бесконечным сном, декретированным маразмизирующим классовым сознанием - дочиста обанкротившимся, но не желающим поступаться принципами. В затрепанном призыве оптимистов «идти до победного конца» удручает не столько «до победного», сколько «до конца».

До какого-такого «конца»? До того, что ли, момента, когда силы Добра одолеют-таки силы Зла и наступит — этот самый «конец»? Или проще: требуется положить свои жизни, дабы другим потом хорошо стало?

Кто же это придумал - приносить не себя, а других в жертву, отдавать жизнь за чье-то счастье? Неужто ему чужой судьбы не жалко? В какую прорывищу улетели все эти жертвы (миллионы людей), а счастья все нет! Нельзя швырять людские судьбы, будто уголь в паровозную топку. Нельзя в ожидании «победного конца» самозабвенно самоуничтожаться, что весьма характерно для нынешней эпохи климакса.

Принесение народа в жертву - одна из главных составных партийного ритуала, заместившего после октябрьского переворота 1917 года ритуал церковный.

Подмена веры в Бога верой в Партию неслегко далась воинствующим атеистам, засученными рукавами внедрявшим партийную религиозность: нет - рай на небе! Дашь рай на земле!

Реальные достижения политиканства - истинное посярмление человеческого идеала, трагическая пародия счастья. Какое

уж тут «до победного конца»!

Усилия людей, потраченные на возведение пустоты, на рытье бездонного котлована, их пот, слезы и судьбы - невосполнимая утрата.

Попраirie подлинной веры, отторжение человека от подлинного его предназначения в угоду требующему все новых жертв социальному экспериментаторству, чудовищным опытам на живых гражданах своей же страны - вот счет, который продолжает выставлять сама действительность неутомному политиканству.

Классовый блуд, нацеливающий на подавление, уничтожение одних людей другими, на присвоение чужого добра, на эксплуатацию чужих чувств и мыслей, - действительно очень заразная болезнь. Врачевать ее необычайно трудно, пока наследники Шарикова готовы и сегодня устанавливать «социальную справедливость» путем дележа и перераспределения чужой собственности, насаждать «социальное равенство» путем уравнивания радивых с нерадивыми, умелых с неумелыми, умных с глупыми.

Среди несовершенных, как правило, законов, при таком гвалте принимаемых ныне дилетантами-парламентариями, не хватает, быть может, еще одного: Закона об Умном и Дураке. Когда бы Умный имел право оставаться умным даже в глупые времена и был бы во всем огражден от посягательств Дурака; и когда Дурак в свою очередь сдерживался бы обязанностью не въезжать на чужом горбу в рай - хотя бы даже и в карточный, талонный рай.

По принятии Закона об Умном и Дураке появился бы реальный шанс организовать «утечку глупости» - взамен нынешней, имеющей, впрочем, крепкие традиции «утечки умов».

Запад мы можем победить не столько военным оружием, ежегодно сжирающим многие миллиарды, сколько именно «утечкой глупости», отнимающей у нас гораздо больше. При планомерно налаженной «утечке глупости» из СССР дни Запада буквально сочтены.

Это у них там знание - сила. Наша главная сила - в незнании. Нелюбовь и даже ненависть ко всяким там ученым и профессорам у нас не случайна, а глубоко закономерна, она происходит из «единственно верного» учения «чучхеизма - бесовизма».

Партийная диктатура основана на культе невежества, коварства и грубой силы, на убежденном бескультурье. Суррогаты культуры в виде произведений быстро внедренного в литературу и искусство социалистического реализма надолго увели нашу страгу в сторону от цивилизованного мира.

Партийная диктатура сильна презрением к просвещенности, фанатичным следованием своему ритуалу, строгим соблюдением его правил.

. 1.

ПАРТИЙНЫЙ РИТУАЛ ЗАНИМАЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЕ МЕСТО В СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ. ПО РИТУАЛУ ЛЕГЧЕ ВСЕГО СУДИТЬ: ПРОИСХОДИТ ЛИ ВСАМДЕЛИШНАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЖИЗНИ ИЛИ ВСЕГО-НАВСЕГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СМЕНА НОМЕНКЛАТУРНЫХ ЭДОКОВ ГОСПИРОГА ...

3.

В пору Ивана Грозного Александровская слобода, в которой он любил жить, являла собой замечательный объект пародии. В слободе этой с таким искусством сочетались благочестие и разврат, что современным вождишкам районного, областного и даже центрального масштаба умению государеву еще учиться, изиращающих на самих себя с трибуны ленинского Мавзолея (а если буквально - то прямо с крышки гроба Ильича), до конференций и съездов с «группами скандирования» и еще недавно практиковавшегося «Единого политдня»; от торжественных клятв в лютых публичных разнасов до задушевных «бесед с народом», транслируемых по телевидению; от традиционного присутствия комиссаров и партротов где бы то ни было до встреч и проводов партийно-правительственных делегаций, а также участия в похоронах по высшему разряду и много-многое другое.

Персонажи партийного ритуала могли носить одинаковые одежды военного или полувоенного кроя, произносить одинаковые речи одинаковыми голосами и даже иметь одинаковое выражение лица, походку, жесты. Что их внешность и манера! Даже их жены, и те частенько походили одна на другую. О мыслях говорить не приходится; мысли циркулировали сверху вниз, согласно принципу демократического централизма.

А партучреждения и их партработники! Это невиданная и неслыханная нигде уникальная генерация чиновников, служак-аппаратчиков, вечно чем-то занятых, а по существу не занятых ничем - выдающихся махровых бездельников, лишь отнимающих у других время, всем мешающих и со всех чего-то спрашивающих скучными, занудливыми голосами, гикающих и мэкающих на своих нескончаемых партмолельбах. А заседания бюро, а выволочки с вызовами «на ковер», а парткомиссии и партконтроля, пародирующие то заседания масонской ложи, то какого-нибудь следственного органа. И все, буквально все погружено во мрак тайны секретные бумаги «слушали-постановили», сургучные печати, слова о политической бдительности... Целое царство-государство, заставляющее многих и многих работать на себя, трепетать в страхе, потеть и краснеть. А еще инструкции и инструкторы, постановления и решения, заседания самого Политбюро - масса людей, упоенно выступающая в «авангардной роли». Роль эта - в тотальной концентрации реальной, а не декоративной власти, в распределении всяческого дефицита. Усилиями партработников давно создан некий номенклатурный рай, в соответствии с их райцентровскими потребностями и вкусами. Психологией, этикой и эстетикой райцентра дышит у нас теперь буквально все - от изуродованного облика столиц до поразительной манеры изъясняться. Пренебрежение к существительным и глаголам лишь внешнее свидетельство пренебрежения к человеческой личности. Поистине триумфальное косноязычие красноречиво выявляет несостоятельность и даже абсурдность мыслительных процессов. Устойчиво неправильные ударения сообщают дополнительное очарование этому «абсурду вместо музыки».

Говорить - главная забота и главная работа коммунистических лидеров. Ленин, правда, еще и беспрерывно писал. Но без говорения нет партработников, а без партработников, как мы видим и по сей день, нет и жизни.

Партработники, равно как и комсомольские работники, со вкусом расквартировавшие сами себя в реальной действительности, являют собой подлинный авангард «лишнего звена». Того самого отряда наших сограждан, кто, как умеет, оправдывая свое существование, мешает жить остальным.

А референты и помощники, часовые и телохранители, портные, повара, личные летчики, шоферы и врачи - их деятельность и они сами тоже есть составная часть партийного ритуала.

Партийный ритуал когда-нибудь должен быть тщательно описан и изучен. Партийный ритуал занимает центральное место в социальной нашей культуре, да и в культуре в целом. Недаром именно партийному ритуалу отвечает стиль многих архитектурных сооружений.

Нигде так не близки человек с ружьем и человек с портфелем, как в мире партийного ритуала. Ничто так не обескураживает и не вызывает сотен детских вопросов «зачем» и «почему», как партийный ритуал.

Сколько партийного ритуала - столько и партийной власти, хотя ритуал - всего лишь внешнее ее обозначение.

ПАРТИЙНЫЙ РИТУАЛ ЗАНИМАЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЕ МЕСТО В СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ. ПО РИТУАЛУ ЛЕГЧЕ ВСЕГО СУДИТЬ: ПРОИСХОДИТ ЛИ ВСАМДЕЛИШНАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЖИЗНИ ИЛИ ВСЕГО-НАВСЕГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СМЕНА НОМЕНКЛАТУРНЫХ ЕДОКОВ ГОСПИРОГА ...

И все же именно по ритуалу легче всего судить: происходит ли всамделишная демократизация жизни или всего-навсего осуществляется смена номенклатурных едоков госпирога, процесс декоративно-прикладного перераспределения власти, процесс очередного перезахоронения Советов...

Трагический финал эпохи климакса, в основных и наиболее существенных чертах себя исчерпавшей, мог бы, допустим, стать и таким: по радио вдруг передадут сообщение: «Комитет общественного спасения СССР берет на себя всю полноту власти в свои руки, распускает все верховные органы, отстраняет Президента и его команду и т.д. и т.п.»

Какой бред, какая чушь, какая убогая ублюбочная фантазия! - воскликнет здесь любой.

Конечно же, чушь и бред, но разве не по сходным старым калькам скроены наши балтийские путчи по уикэндам (пока - балтийские и пока - поуикэндам)? Разве не берет многих людей на планете оторопь от этих новогодних перевертышей, ставящихся, похоже, на поток!

В один уикэнд - Литва, в другой - Латвия, еще через неделю (типун на язык!) - быть может, Эстония! Кто знает, вдруг сейчас, когда вы читаете эти строки, очередные brave парни из ОМОНа выполняют очередную просьбу очередного (дворового, подзаборного, чердачного) «комитета спасения». Быть может, передовые отряды КПСС, потрянув конспиративной ее стариной, в центре или на местах вдохновляют или поощряют новые боевые отряды «комитетчиков».

От ленинского «красного террора» и сталинской репрессивной «жатвы» миллионов людей до нынешних убийств в республиках проделан, кажется, достаточный путь, чтобы убедиться в бесплодности насильственного удержания народов страны в национальных «комнатах» всесоюзной «коммуналки».

«Комитет общественного спасения СССР», разумеется, и чушь и бред. Но все чаще (а теперь - острее всего по понедельникам) мучает мысль: где же у нас СССР? Не выдаем ли мы желаемое за действительное?

Ведь нет же у нас продуктов при рекордном урожае.

Нет у нас сейчас правды при наличии одноименной газеты и примкнувшего к ней Центрального телевидения.

Нет у нас уважения к беспартийному большинству, хотя партийное меньшинство надорвало голос, выступая то и дело от его имени.

Нет у нас искренней заботы о мире и согласии.

Нет у нас народа и граждан, а есть искусно сталкиваемые «национальные меньшинства» и «национальные большинства».

• Есть мыслимые и немыслимые пороки, закрепленные когда-то нашими идеологами за капитализмом. Есть феодальная раздробленность, коварство без любви, шулерство от игры в наперсток до игры в те же «комитеты национального спасения».

Есть героизация, романтизация нахрапа и силы, опасная игра в мыгжигжигских Рэмбо.

И еще есть беспардонное вранье и заметание следов в неспешной деятельности бесчисленных комиссий.

Есть изощренное искусство дирижировать залом и, когда требуется, давить на него.

Есть виртуозное лавирование между одними и другими, пятыми и десятками.

Есть резкое падение авторитета короля и его свиты.

Есть придворные диссиденты, столь непохожие будто бы друг на друга, - Рой Медведев, например, или Александр Невзоров («Александр-шоу» последнего оставило далеко позади «Александр-шоу» самого Маслякова).

Есть «верные ленинцы», перековавшиеся в «верных горбачевцев», а ныне спешащие в первых рядах пробиться в очередные «верные...»

Есть бесконечная очередь в коммунизм, в которой каждый из нас проводит целую жизнь - от рождения до самой могилы буквально.

Есть, наконец, дочиста разоренная страна, есть тусклое, беспросветное, скотское существование. Есть инфляция рубля и депальвация совести.

И если все это - «социалистический выбор», то нельзя хотя бы на недельку уступить его Западу?

А может, предоставить право исключительного пользования этим выбором тем, кто, укрывшись от жизни и народа за стенами Кремля, издает указы и законы, одобряет и голосует? Может, там они наконец данный выбор и осуществят, а народ потом к ним подтянется?

А может быть, там, за стенами Кремля, и находится теперь СССР - весь целиком, и другого СССР вообще нет?..

CODE: CCCP

ИТЕМ: "ДИСЦИПЛИНА НОВЫХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРОТИВ ДИСЦИПЛИНЫ БЕЗГЛАСНОСТИ", ГОВОРIT ЕГОР ЯКОВЛЕВ

3

ДИСЦИПЛИНА И ПОСЛУШАНИЕ

Егор ЯКОВЛЕВ

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 42, 16 октября 1988 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Начнем с притчи...
Настоятель призвал послушника и посадил его в землю листьями вниз, а клубнями вверх. Когда послушник вернулся, настоятель спросил: сделал ли он, как было велено? «Я посадил растение клубнями вниз, а листьями вверх», — признался ученик. — Иначе ничего бы не выросло». «Нет, ты не прав», — сказал настоятель. — Выросло бы послушание».

Тот послушавшийся послушник скорей всего не понес привычного для нас наказания: не был уволен с работы за ревизию распоряджений начальства, не оказался на скамье подсудимых за нарушение служебной инструкции, за ним не захлопнулись двери редакции за публикацию несанкционированной статьи. В те времена еще не была сформулирована хорошо известная нам истина: сперва завизируй, потом импровизируй. И все-таки одно произошло, это несомненно: послушник перестал быть послушником. Он стал гражданином. Потому что талант гражданина — это умение действовать согласно своим убеждениям, с максимальной пользой для общества.

Безропотное послушание вырастает там, где бездумная исполнительность есть добродетель, а здравый смысл отступает перед командой свыше. Выпускай продукцию, хоть и ложится она мертвым грузом на складах. Публикуй статью, даже если вреда от нее больше, чем пользы.

Осуждай того, кто утверждает очевидное, — его правоту признают завтра, а сегодня — осуждай. Одним словом, умеи соглашаться, когда черное выдают за белое. И не вздумай доказывать, что в действительности все иначе, чем на самом деле. Послушание одобряет и ценит прежде всего тот, кто лишен возможности доказывать и убеждать — умеет лишь руководить да приказывать, делу и разуму вопреки.

Сразу же после победы социалистической революции Ленин говорил, что «теперь все зависит от образования товарищеской дисциплины, а не казарменной... от дисциплины самих трудящихся масс». Между тем командно-административные методы руководства обществом, господствовавшие у нас многие десятилетия, преследования за инакомыслие и расправы за самостоятельность культивировали дисциплину казар-

менную. Селекция послушания проводилась настолько успешно, что и по сей день нет нужды завозить этот продукт из-за рубежа — его в достатке на многие годы вперед.

В некоторых странах трудящиеся время от времени прибегают к так называемым «забастовкам усердия». Неукоснительно и слепо выполняются все инструкции, все предписания — и сразу же останавливается городской транспорт, прекращается подача энергии, все сходит с рельс. Но давайте ответим

себе по совести: мало ли у нас тех, кто всю свою сознательную жизнь участвует в забастовке усердия без ее объявления, самоотверженно выполняет все парадоксы, все рекомендации — во имя буквы, а не существа дела?

В истории советского общества, наверное, не было такого периода, когда бы не шла речь о значении дисциплины, ее необходимости. Но дисциплина — это тип общественных связей. У сегодня мы говорим о ней иначе, чем вчера. Да, и теперь крайне важна безупречная исполни-

тельная дисциплина. Да, и теперь необходимо дисциплинированное выполнение того, что решено, принято, утверждается в жизни. Но именно сегодня, пожалуй, как никогда, именно во времена революционного обновления необходима дисциплина сознательная. У перестройки, очевидно, свои законы. И первый из них — сознательная дисциплина.

Мы в пути. Мы движемся от прежнего к новому. Наша действительность мозаично-разнообразна. Михаил Горбачев обратил внимание на сложность нынешнего переходного периода, в котором будут сосуществовать все методы, все способы работы — старые и новые. «В нашей перестройке, — говорил он, — есть немало трудностей. Сложная мозаика настроений, сумятица в умах, иллюзии, нетерпение, раздражение — все это есть, все, как говорится, налицо». Существуют прежние структуры, которые воспроизводят и командно-административные методы руководства, и требуют привычного послушания. И разворачивается экономическая реформа, начинается реформа политической системы нашей страны, разрабатывается новое изби-

рательное право. Но пока — старое и новое в одном сплаве. Конечно же, старые структуры в силу своей многолетней устойчивости неудержимо тянут в свою сторону. И нужно сознательное решение, сознательная дисциплина. Дисциплина постановленного утверждения идеалов перестройки против дисциплины «как бы чего не вышло». Дисциплина новых демократических отношений против дисциплины безгласности. Дисциплина той обратной связи с действительностью, с результатами твоей деятельности, которая и есть суть ответственности. Мы живем в те времена, когда самый большой дефицит ответственности у тех, кто готов беспрекословно выполнить любые указания. Нельзя, сидя на верблюде, косить траву — гласит восточная мудрость. Вот и на верблюде казарменной дисциплины не везет в перестройку.

...А закончим парадоксом, высказанным однажды Оскаром Уайльдом, над ним, честное слово, стоит задуматься: «Непокорность, сточки зрения всякого, кто знает историю, есть основная добродетель человека. Благодаря непокорности стал возможен прогресс...»

CODE: СССР

ИТЕМ: КОНСЕРВАТОРЫ НАЧАЛИ ВЫСТУПАТЬ БОЛЕЕ АКТИВНО С ПРИМЕНЕНИЕМ ФАКТОВ, КОТОРЫЕ НЕ ВСЕГДА ЛЕГКО ОПРОВЕРГНУТЬ. ТИРАЖ "МН" - 250 ТЫС., "СОЮЗПЕЧАТЬ" ПРОСИТ НЕСКОЛЬКО МИЛЛИОНОВ И ОБЕЩАЕТ РАСПРОСТРАНИТЬ

КОМСОМОЛЦЫ УЗБЕКИСТАНА

6 ОКТЯБРЯ 1988 ГОДА

СПЕЦВЫПУСК № 3

ГОСТЬ

«ПОЗИЦИИ»

У входа в редакцию «Московских новостей» толпа людей. Человек сто. Может быть, больше. С трудом протискиваюсь между ними — стоят по обе стороны тротуара. И каждый старается пробраться поближе к стенду со свежим номером газеты. Одни читают Роя Медведева. Другие — репортаж из зала Верховного суда СССР. Третьи... Словом, читают газету от корки до корки. И поэтому, когда удалось договориться о встрече с главным редактором «Московских новостей» Егором Владимировичем Яковлевым, первым делом хотелось спросить: «И что, здесь всегда вот ТАКИ?»

— Да, — он кивает головой. Для него это картина привычная, она скорее печалит, чем радует — слишком мал тираж. — А как в Ташкенте? — с интересом ждет ответа.

— У нас стенды с газетой только у здания Союза писателей. Они собирают много народа. К свежему номеру газеты бывает не пробиться. Так что негативная оценка газеты, прозвучавшая с трибуны XIX Всесоюзной партийной конференции, никак не сказалась на читательском интересе.

— Ну, во-первых, это не было оценкой всей газеты, а лишь одного материала, которая, на наш взгляд, тоже достаточно спорная. А во-вторых, это не было оценкой конференции в целом, а лишь отдельных ее участников. Конечно, это было малоприятно слышать. Но не столь неприятны были сами выступле-

ния, сколько обидны эпидемии, которыми определенная группа участников конференции поддерживала каждое слово этих выступлений.

Но здесь есть другой момент, который нужно понимать и относиться к этому спокойно. На первом этапе, когда эпоха гласности только начиналась, «либералы» не чувствовали реального противодействия, они имели возможность излагать собственные позиции, их еще не надо

было отстаивать всерьез. Через какое-то время консервативная часть общества поняла, что средства массовой информации можно использовать точно так же, как это делают «либералы». И если раньше после той или иной публикации нам звонили наши возмущенные противники и требовали «Запретить!», на

Егор ЯКОВЛЕВ:

«КОНСЕРВАТОРЫ— —ЛЮДИ ДЕЛА...»

что мы очень деликатно предлагали: а вы напишите... И больше не звонили. А — сегодня они уже пишут. Они пишут, возражают. Да это и понятно. На первом этапе «консерваторам» казалось, что вот пофумят, и кончится. Не кончилось. Больше того, им остается все меньше жизненного пространства. А как писал Ленин, консерваторы в отличие от либералов, люди очень деловые и они очень по-деловому ведут наступление.

CODE: СССР

2

ITEM: БОЛЕЕ АКТИВНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ КОНСЕРВАТОРОВ ПРОТИВ "МОСКОВСКИХ НОВОСТЕЙ"

У них появляется своя пресса, свои теоретики, есть сторонники, воспитанные в лучших традициях командно-административной эпохи. Так что нам надо быть во всеоружии.

При этом на конференции очень верно расставлены акценты по многим вопросам деятельности печати. После любой из наших ошибок, не-

ференции, как запрет на смелые, самостоятельные выступления газет, не следует особенно огорчаться. Я убежден, наступило время, когда уже невозможно черное выдать за белое. В борьбе за гласность печать выстоит.

— Но в этой борьбе в куда более трудном положении, как правило, оказывается молодежная печать. Постоянное деление тем на молодежные и немолодежные, на «жизнь вообще» и на «молодежные проблемы» (ими и занимайтесь!). Но разве можно согласиться с таким делением!..

— Но это обычная тенденция. Когда я работал в журнале «Журналист», нам тоже часто говорили: вы — «Журналист», вот и занимайтесь проблемами печати, и нечего вам делать в проблемах социально-политических... Что же касается молодежной проблематики, то я сам когда-то работал первым секретарем одного из райкомов комсомола Москвы и могу сказать, что молодежных проблем в отрыве от всех остальных — социально-политических, экономических, экологических и прочих — не существует. Так же, как не существует отдельно детских, женских, проблем пенсионеров... Все это наша жизнь, и отделить одно от другого просто невозможно.

— Многие журналисты в этом да и во многих других вопросах возлагают большие надежды на Закон о печати.

— Никакой закон не сможет

избавить нас ни от наших проблем, ни от глупости отдельных руководителей, ни от противодействия наших противников. На мой взгляд, полагаться надо на собственную точность, компетентность, глубокое знание проблем.

— И последний вопрос от имени всех читателей вашей газеты у нас в республике. Чем объяснить, что нет подписки на «Московские новости» на русском языке?

— Разумного объяснения этому я не нахожу. Что касается моего личного мнения по этому поводу, то я считаю, что это большая нелюбовь к газете, большое нежелание чтобы она дошла до широкого читателя, стремление сделать ее работающей не за рубежом и не беспокоящей никого у нас.

— Какой сегодня у газеты тираж?

— Двести пятьдесят тысяч экземпляров. Но «Союзпечать» просит несколько миллионов и обещает распространить.

— Одно можно сказать совершенно точно — читателей у вашей газеты значительно больше, чем ее тираж.

— И это радует.

М. КИРПИЧЕНКО,
наш корр.

СНИМОК ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ
«КОМСОМОЛЬЦА»...

Фото автора.

точностей и прочего у меня шуточно спрашивают, сколько я получил от противников перестройки... Конечно, любое наше неточное выступление, непроверенный факт, некомпетентное замечание — это все вода на мельницу противников перестройки.

В целом конференция положительно оценила деятельность прессы, и если где-где «консерваторы» приняли критические высказывания в адрес газет, прозвучавшие на кон-

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ "МН" : 1991 -Й ГОД МОЖЕТ СТАТЬ ГОДОМ ПОВОРОТА

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА»

5 января 1991 года 2-я стр.

Его называют одним из «архитекторов перестройки». Одним из тех, кто оказал наибольшее влияние на происшедшие с весны 1985-го перемены. И вот в январе 1991-го он заявляет:

Прелюдия закончилась. Начинается перестройка

Член Президентского совета СССР, президент общества «Милосердие и здоровье» Александр Николаевич ЯКОВЛЕВ отвечает на вопросы «Московской правды».

— Первые дни года, рождественские праздники — чем не время для прогнозов, для раздумий о том, что нас ждет в ближайшем и отдаленном будущем...

— Конечно, каждому хотелось бы провозгласить: худшее позади, а впереди — добрые времена, успехи, согласие. Увы, гораздо реалистичнее предполагать, что год 1991-й будет тяжелым. На мой взгляд, перестройка только начинается. Завершилась прелюдия к настоящему переустройству нашей государственной и общественной жизни. Мы вступили в пору создания новой государственности и новых экономических отношений. Только с подписанием Союзного договора, с раскрепощением экономики можно будет говорить о реальных шагах на пути к цели — обществу, способному предоставить максимум возможностей для самореализации личности. А это и есть главная задача перестройки, ее революционная суть.

— Зачастую нам приходится слышать иные толкования. Вот, скажем, такой расхожий вариант. Да, говорят, происходят революционные процессы, поскольку власть переходит от партии, от номенклатурно-административно-командной системы к подлинным избранныкам народа, к Советам. То есть от некоей элитарно-аппаратной верхушки к демократическим структурам. Но мы ведь понимаем, что это не совсем так, а кое-что — и вовсе не так. И все же

— Ответил бы на это утверждение. А ключевым в этой ситуации считаю переход от неэкономических форм принуждения к экономической и творческой свободе. И если задуматься в существо задачи, если учесть реальное состояние общества и сознание миллионов людей, искаженное, искривленное десятилетиями страха и подозрительности, тотального контроля и нетерпимости к свободомыслию, — понятнее становятся причины нынешних обострений в обществе. Увы, в истории было и так, что демократические решения осуществлялись недемократическими методами. Их и сейчас, очевидно, многие ждут и требуют. Мы же затеяли то, что в мировой истории еще не удавалось — перейти от не-свободы к свободе без кровопролития, без всеобщего насилия. И вроде большинство в обществе — за такую цель. Кто станет во всеуслышание отрицать необходимость возрождения духовности, нравственности, милосердия, кто выступит против творческого раскрепощения человека? Но методы, но пути, но пути вошедших в кровь и в плоть представлений...

Как можно, скажем, рассчитывать на быстрое преодоление синдрома врага, «вражеской руки», вколоченного в сознание человека десятилетиями целенаправленной пропаганды? Противника искали всюду и во всем. Доносительство возвели в ранг патриотизма. И можно ли сегодня удивляться, наблюдая, как де-

же обладающие известной культурой люди критикуют других не за идеи или позиции, а как «идейных противников», «аполитетов», от дискуссии по существу быстро переходят к разбору неких личных качеств и биографий. Сюда же, к атавизмам, отношу и призывы к само-

критике и критике. Это — не что иное, как рецидив сталинского требования покаяния и воспитания покорности. Ну-ка, мол, покритикуй сам себя, признай ошибки, а мы потом решим, как с тобой быть.

— Но и верим-то чаще не в идеи, не в законы, а в конкретных людей, в личности. Возводим их на пьедестал, чтобы потом свергнуть, освобождая место для новых героев...

— И это, увы, тоже — из тех традиций, что закрепились на уровне почти генетическом. Конечно, хотелось бы много. Но давайте не отрываться от реальности. Ее надо понимать и учитывать.

— В таком случае не избежать малоприятного вопроса о причинах падения популярности «команды Горбачева», к которой, очевидно, вполне закономерно относят и вас, Александр Николаевич.

— Во-первых, повторю, что программа общественного обновления архисложна, а потому ошибок, сбоев, неудач не избежать. Критикуют Президента и его сторонников нередко по делу. И такая критика только помогает находить верные решения. Но очень много и огульных обвинений, и стремления докрасна раскалить обстановку. Причины разные. Одна из них — в вековечном неумении современников адекватно оценивать настоящее, в том числе и в личном плане, или, скажем, творческом или политическом срезе. Происходят события глобального масштаба. А мы чаще всего видим, чувствуем, анализируем лишь фрагменты этой картины.

ОКОНЧАНИЕ НА 2-й СТР.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ "МН" : 1991 -Й ГОД МОЖЕТ
ГОДОМ ПОВОРОТА

121

НАЧАЛО НА 3-Й СТР.

Это, кстати, касается и поступков отдельных политиков. Привычные мерки тут неприемлемы. Скажем, волна сенсационных отставок, «самоотводов» только в нашей практике беспрецедентна и загадочна. У нас ведь привыкли, что попавший в «коридоры власти» человек держится за кресло до последнего. А тут — добровольно уходит... Это ведь тоже — ломка представлений, серьезнейшие изменения в духовной, нравственной сфере. Человек ощущает невозможность дальнейшего пребывания на том или ином посту, в той или иной «команде» — и уходит без промедления, сознавая ответственность за судьбу дела.

— Но мы ведь не станем идеализировать ситуацию. Тех, кто будет бороться за свои кресла до последнего и уж точно не уйдет добровольно, предостаточно на всех уровнях власти.

— Их, думается, большинство. Их интересы перестройка задает самым болезненным образом. Тьмы и тьмы чиновников сознают, что демократизация экономики, переход к рыночным отношениям сделают ненужными многие должности, функции. А ничего другого они в жизни не знают и не умеют.

— Все так. Однако именно этих людей мы озадачиваем составлением важных проектов, программ, которые как раз нацелены, по идее, на ту самую демократизацию... То есть, проще говоря, толкаем их на «номенклатурное самоубийство».

Стоит ли, в таком случае, удивляться неэффективности принимаемых решений, падению исполнительской дисциплины?

— Знаете, я бы тут затронул еще одну «модную», многих волнующую тему — о реальности «переворота». На мой взгляд, она есть — но не в привычном для нас понимании, не в верхних эшелонах власти, а на уровне среднего управленческого звена, того коренного чиновника, который, по сути дела, и сегодня еще правит страной. Президент может принимать какие угодно решения, но если их блокирует этот чиновник, пробуксовка неизбежна. Он распределяет фонды, ресурсы, он вертлит отрасли, регионы. И пока у него реальная власть — противодействие перестройке неизбежно. Вот такой саботаж и может стать реальным «переворотом».

Однако хочу напомнить о том, что именно в нынешнем году предстоит создать, закрепить новые структуры, способные вытеснить, нейтрализовать существующую систему министерств и ведомств. Должны родиться не управляющие, а координирующие звенья. Иначе не поломать сталинскую модель экономического тоталитаризма.

— Задача, в общем-то, понятна. Но уж больно часто мы видим не реальную ломку управленческих структур, а смену вывесок.

— Но кто же мешает ломать эту тенденцию изнутри? Однако и «сверху» меры нужно пред-

принимать незамедлительно. Не концерн — монополист, а несколько фирм, выпускающих родственную продукцию, а потому превращающихся в конкурентов, нужны для новой экономики.

— Кто же мешает, наконец, осуществить «приговор»?

— Защитников у сложившейся системы много. Собираются директора предприятий и объединений — почти все поддерживают министерства. Им, видимо, удобнее жить «в системе». Ни о поставщиках, ни о заказчиках голова не болит. Все привычно, все понятно. А что говорить о самих управленцах?

Кстати, не исключено, что они меньше бы сопротивлялись реконструкции системы, если бы меньше давил на них все тот же страх. И не только в житейском, материальном плане, хотя потеря высокого заработка и иных благ — удар чувствительный. Есть еще и страх «вылететь из обоймы», потерять статус. Более того — попасть в опалу.

Так или иначе, повторю, ряды защитников системы, породившей и нынешний экономический кризис, и коррупцию, взяточничество, разлившей души потенциальных работников, а ныне — профессиональных иждивенцев, — плотны и обширны. Преодолевать их сопротивление и трудно, и опасно. Это надо обязательно учитывать, критикуя Президента и его «команду» за медлительность, нерешительность и т. д.

— Но мы ведь прекрасно помним, что поначалу Михаила Сер-

геевич прочно опирался на поддержку самых широких слоев общества. И прежде всего — трудящихся.

— Главная причина перемен в атмосфере, в отношении к действиям инициаторов перестройки ясна. Представьте, что завтра вдруг заполнятся полки магазинов, насытится товарами потребительский рынок. Все просчеты, неудачи, промедления будут прощены и забыты, не правда ли? В том-то и дело, что перестройка была затеяна в момент приближения острейшего социально-экономического кризиса.

— Многие считают, что товары есть. И припоминают историю свержения Н. С. Хрущева. Перед его смещением тоже резко обострился дефицит продуктов, курева. А буквально через день после Пленума ЦК все пропавшее вновь появилось в магазинах. Представьте, что сейчас произойдет что-то похожее. И демократические цели отступят перед стремлением людей нормально жить, питаться...

— Товары действительно есть. Но припрятывают их, скорее, не по политическим мотивам; ждуть повышения цен, чтобы продать подороже. Да и о рыночной экономике знают мало. Одни ждуть беды, другие обогащения.

Однако вопрос, действительно, гораздо острее и глубже. Недопустим такой исход, при котором революционная ситуация приведет к дискредитации гуманных целей, когда в обществе воцарится недоверие к

демократическим идеям. Вот поэтому-то и важно сейчас возрождение духовности, нравственности. Люди должны жить достойно, но нельзя к этому стремиться любой ценой, безоглядно. Если каждый будет кричать «дай!», невзирая на положение в стране, в городе, если в человеке не возродится уважение к работе, к профессионализму — беды не избежать. Разбудить души после затянувшегося «летаргического сна» — сложная задача. Но мы должны ее решить. В том числе и пропавшей гуманностью, милосердием.

— Схожие цели ставит перед собой религия...

— И в этом направлении с ней нужно взаимодействовать. Нравственные постулаты, глав-

ные каноны веры оудят в людях добро. А его сейчас очень не хватает нашему обществу, раздираемому враждой и подозрительностью. Честно говоря, такого разгула этих явлений мы в 1985-м не предполагали. Да и сейчас — кто возьмется точно прогнозировать развитие событий?

Но вот действовать, практически исполнять, наконец, то, что должно в корне изменить экономическую, социальную ситуацию в стране, надо — теперь уже без промедлений и сомнений. Да, всем надоело ощущение переходности, промежуточности переживаемого периода. 1991-й может стать годом поворота.

Беседу вел
Ш. МУЛАДЖАНОВ.

В СССР НАДО ИЗМЕНИТЬ ПРИРОДУ САМОГО ЧЕЛОВЕКА

1. Feb. 91

"Советская Эстония" № 7 (10.1.91) с.2

Речь идет об изменении собственной природы

— Борис Андреевич, давая характеристику обществу, в котором мы жили и живем, анализируя, почему так болезненно происходят в нем перемены, вы говорили о нем, как о тоталитарном, уникальном по характеру обществе иллюзий, обществе абсурда, в основу которого положено не производство, а распределение жизненных благ. Вы пессимист?

— Напротив, беспримерный оптимист — если бы это было не так, если бы не рассчитывал на успех и перспективу, я никогда бы не рискнул открыть чисто хозяйственную службу изучения общественного мнения. ВР — просто реально смотрю на вещи в их историческом развитии. Что же касается болезненности происходящих процессов, так этого избежать нельзя. Речь ведь идет не просто об изменениях где-то там, где нас не касается. Нет, речь об изменении нас самих, самих себя, так сказать собственной природы, собственной плоти об освобождении от тоталитарных отношений. И главный противник здесь — сама масса, противостоящая изменению привычных условий: пусть бедно, но привычно.

— Как вы относитесь к референдуму о земле, о новом Союзном договоре?

— В целом я отношусь к референдуму резко отри-

цательно, как к любому референдуму в нашей ситуации. К референдуму прибегают, как правило, антидемократические способы правления и в том случае, если им нужно решить собственные задачи. Проведение референдума о земле и по любому другому вопросу союзного государства означает лишь то, что ныне существующая власть не рассчитывает решить эти вопросы демократическим путем, а собирается их решить обманным образом — обманным по отношению к тем декларациям, которые были сделаны в отношении демократии как главного

направления нашего развития. Если бы не было декларации демократии — то все было нормально: продолжает существовать тот же самый тип общества, тот же самый тип государства — проводим еще один референдум, как проводили их неоднократно под названием «всенародное обсуждение». Только на этот раз будут приходиться в дом и спрашивать: что вы думаете по поводу земли и по поводу частной собственности. Лично я бы не удивился, если в шестидесяти процентах случаев люди не знали бы, о чем идет речь, и ответили бы «да» или «нет» в зависимости от настроения в этот момент. Но скорее будут говорить «нет» особенно частной собственности, а почему — об этом мы говорили, когда рассуждали о менталитете, саморазрушении и самовосприятии, дожденном семьдесятю годами режима.

— Можно ли в этом случае говорить о манипулировании массовым сознанием?

— Безусловно, общественное мнение — это ведь не просто «да-нет»: общественное мнение — это всегда совокупное высказывание множества лиц по тому или иному вопросу. Так вот, чтобы мнение по тому или иному вопросу в обществе возникло, необходимы как минимум четыре принципиаль-

но важных условия. Первое — в обществе должна присутствовать в открытой форме свободная информация по данному предмету. Обращали ли вы внимание, что в тоталитарном обществе распределению подлежали не только предметы материального мира, в результате огромные слои населения оказывались обкраденными той или иной информацией. И сегодня мы наблюдаем ту же самую картину. Следующее условие — наличие у широких масс интереса к данной информации. Вы можете завалить общество самой открытой информацией по тому или

иному вопросу, но если у населения к нему не будет интереса, то и общественного мнения на этот счет не возникнет. Третье условие — наличие в обществе развитых форм общения, дискуссий. Это вопрос о коммуникативном пространстве — где встречаться, где обсуждать? Здесь есть и второй момент — у нас отсутствует язык общения, навыки ведения дискуссий, что мы наблюдаем даже на заседаниях высшего органа страны. И, наконец, четвертое — способность масс формулировать собственную позицию, выразить ее в словах и понятиях, понятных для других. Помните, у Маяковского: улица корчится безязыкая — нечем ей кричать и разговаривать? Это все чрезвычайно серьезно, и это — про нас сегодня.

То есть когда нас уверяют, что у нас по любому вопросу есть общественное мнение — это тоже манипуляция массовым сознанием. Нас уверяют, что оно уже есть, в том числе и по поводу «500 дней», а опрос, который я провел, показывает, что большая часть понятия не имеет, что это такое. И это естественно. Откуда? Даже если мы с вами, аудитория социологов и политологов, сейчас обсудим «500 дней», то убедимся, что и мы понятия о них не име-

ем. Так же без понятия голосовали и депутаты — «за» программу или «против» нее.

— Соглашаясь с вами, что мы вступили в процесс смены цивилизации, думаю, нужно добавить, что на этот путь вступили не только мы, но и весь мир, хотя каждая страна на своем уровне.

— Мне кажется, что весь мир вступил не в процесс смены цивилизации, а в процесс освоения нового мышления. Это не пролагандистский лозунг, это связано с глобальным осознанием необходимости изме-

нения стратегии отношений между народами и странами с разными идеологическими системами. Но цивилизация в Америке, Европе, Австралии, Китае остается той же, что и была вчера и сегодня. Что же касается нас, то тут как раз речь идет о смене цивилизации, о том, что мы пытаемся перейти от «нечеловеческого общества» с ярко выраженным антиличностным характером к «человеческому обществу».

— «Сталин умер вчера», — писал Михаил Яковлевич Гецфер. Так ли это?

— Ошибся, по-моему, Михаил Яковлевич Гецфер. Он не умер вчера. Он еще жив, и долго еще будет жить. В этом смысле очень мне кажется смелым и верным фильм «Сталин с нами», где как раз показаны люди, которые думают именно так. Режиссер, мне кажется, гораздо более прав, чем Михаил Яковлевич Гецфер. Кстати, великолепный историк, глубочайший теоретик.

— Вопрос не по теме: что, по-вашему, нас, людей живущих в Союзе, ждет?

— Вопрос как раз по теме. Нас ждет прекрасное будущее, я думаю. Другой вопрос — доживем ли мы до него...

Вопросы и ответы записала
Э. КЕКЕЛИДЗЕ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СТАНИСЛАВА ШАТАЛИНА ПРЕЗИДЕНТУ ГОРБАЧЕВУ:
" ВЫ ИЛИ НЕ ХОТИТЕ БЛАГА СВОЕМУ НАРОДУ ИЛИ ХОТИТЕ, НО БОИТЕСЬ,
ЧТО В БОРЬБЕ ЗА ДОСТИЖЕНИЕ ЭТОЙ ЦЕЛИ ПОТЕРЯЕТЕ СВОЮ ВЛАСТЬ" "

"КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА", 22.01.91, стр.2

Нельзя бороться со злом при помощи зла

Кризис власти, прежде всего исполнительной, налицо. Сегодня, когда хаос и нестабильность захлестнули страну, когда наше ближайшее будущее предстает в багрово-грязном свете — в этих условиях острейшие дискуссии развернулись вокруг фигуры Президента СССР как главы исполнительной власти.

Публикуя «открытое письмо» Станислава Шаталина Президенту СССР, мы исходим из того, что академик хорошо знаком с М. С. Горбачевым, работал с ним в одной «команде». Несмотря на некоторую субъективность, С. Шаталин, на наш взгляд, довольно аргументированно подводит итог этой работе и в очередной раз предостерегает...

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Я не люблю писать письма. Но что делать, приходится ломать себя — слишком велика ставка: на карту поставлена судьба народа.

О Вас много написано, особенно в последнее время. Политические обозреватели и журналисты охотно «рисуют» Ваши политические портреты. Но все субъективны, хотя Вы и являетесь объективной реальностью, данной нам в ощущении.

Субъективен и я. Чтобы быть честным и понятным, я должен сказать несколько слов о себе.

Я не «отщепенец», заквашенный на дрожжах антикоммунизма, и не диссидент. Я родом из сверхкоммунистической семьи, в 1962 г. вступил в КПСС, достигнув посткомсомольского возраста. Мой отец долгое время работал уполномоченным КПК, потом секретарем Калининского обкома партии, еще ВКП(б).

Мой дядя после смерти И. В. Сталина был в должности секретаря ЦК КПСС, ведал ее кадрами. Я сживал на коленях у М. Ф. Шкирятова и Г. М. Маленкова, знал В. М. Молотова, А. А. Анд-

реева, Н. М. Шверника. Слово «пленум» я узнал раньше, чем Вы, а в 9 лет увидел пистолет у отца под подушкой. В годы «застоя» меня несколько раз собирались исключить из партии, разумеется, коммунистической, ибо, как Вы, наверное, помните, многопартийности тогда еще не было. Сейчас я член ЦК КПСС, избранный не по Вашему списку, хотя откровенный социал-демократ по убеждениям, о чем честно и публично докладывал моему народу, КПСС. Вам лично. Так что с происхождением (в отличие от многих прибалтов) у меня все в порядке.

Ну, а теперь к делу. Страна находится в состоянии тяжелейшего кризиса, разложения и одичания. Стремительно приближается экономическая катастрофа, и для того, чтобы ее избежать, реально ничего не сделано. Прогноз правительства на 1991 г. — это просто химера. Бюджет 1991 г. — фикция, и приведет он к резкому повышению цен, особенно на продовольствие. Бюджетная война закончилась бюджетным «военным миром». Это ясно любому профессионалу. Глубинные причины всех наших проблем очевидны для любого, кто просто хочет действительно задуматься, у кого сохранилась хотя бы капля здра-

вого смысла. Это — тоталитарная коммунистическая идеология, заполнившая все поры нашего искалеченного и одурманенного общества. Межнациональная и межсословная ненависть. Причем имейте в виду, и я много писал об этом, говорил об этом Вам и всем нам, то бишь «руководству», что Госкомстат и все, кто может, нас бесстыдно обманывают.

Все мы с радостью и надеждой встретили апрельскую революцию 1985 г. И Вы, Михаил Сергеевич, объективно, желая того или нет, просто как умный, нормальный человек явились инициатором этого похожего на жизнь движения. Поняли, по крайней мере, что дальше так жить нельзя, хотя и не знали, как нужно. И никто Вас за это не упрекает и упрекать не может.

Вы долго проявляли нерешительность во внутренней политике, хотя уже к XXVII съезду КПСС, ну уж а к июньскому Пленуму ЦК КПСС в 1987 г. все стало абсолютным ясно. Думаю, в душе и Вы понимали, что путь «реформ», полумер, лакировки — это путь в неизбежный тупик. Я хорошо помню атмосферу подготовки Вашего доклада XXVII съезду партии и июньскому Пленуму. И, наконец, было сказано вслух о необходимости радикальной экономической реформы, а следовательно, о смене всей общественно-политической си-

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СТАНИСЛАВА ШАТАЛИНА ПРЕЗИДЕНТУ ГОРБАЧЕВУ:

" ВЫ ИЛИ НЕ ХОТИТЕ БЛАГА СВОЕМУ НАРОДУ ИЛИ ХОТИТЕ, НО БОИТЕСЬ, ЧТО В БОРЬБЕ ЗА ДОСТИЖЕНИЕ ЭТОЙ ЦЕЛИ ПОТЕРЯЕТЕ СВОЮ ВЛАСТЬ "

стемы. Ведь Вы, Ваши ближайшие соратники — марксисты. Но сказав «а», мы не сделали «б» и все утопили в море заклинаний и с еще более неудержимым усердием стали добывать нашу уже смертельно больную экономику. Кризис усиливался, и в конце июля 1990 г., в очередной раз убегая в больницу от очередного инфаркта, я узнал о том, что Вы заключили политический союз с Б. Н. Ельциным. Слава Богу, подумал я, он услышал наши молитвы. Президент СССР создал, наконец, впервые в нашей жизни неанонимную команду из 13 человек по разработке союзной концепции перехода к рыночной экономике. С какой радостью, легкостью, очарованием, надеждой и ответственностью работали мы в этот блаженной памяти август прошлого года. Все были равны. И мои сверстники Евгений Ясин, Николай Петраков, я годившийся мне в сыновья Григорий Явлинский, и Андрей Михайлов, который мог бы быть в моем звонке. Мы решали сложнейшие проблемы (из-за которых сейчас льется кровь) с предста-

вителями всех республик, шахтерами, посланцами почти всех партий. Надо было успеть к 1 сентября.

И в конце августа, прервав свой отпуск, Вы провели с нами семичасовую встречу. Скажу откровенно, страна, объективности ради, должна это знать, какое неизгладимое впечатление произвела эта встреча на мою команду. Вы, по-моему, сами тоже не поверили, что эти «юнца» (а их к этому времени поубавилось) при крайнем саботаже, особенно со стороны бывшего председателя Госплана СССР Ю. Д. Маслюкова, бывшего министра финансов СССР В. С. Павлова (сейчас он работает у Вас премьер-министром) и других, грубо нарушавших все Ваши указы, против чего Вы, однако, не протестовали и никого не наказали, а некоторых даже «повысили» (не ввели десантные войска ни в Госплан, ни в Минфин), сумели за 25 дней совершить, как сказал академик А. Г. Аганбегян, подвиг: написали программу «500 дней» и проекты важнейших законов, необходимых для ее реализации. Я гордился своей командой,

сам совершал чудеса, на которые сейчас, наверное, уже не способен. Хотя поживем — увидим. Потом Вы шаг за шагом стали «задвигать» программу, публично заявив до этого, что она Вам нравится значительно больше правительственной. А. Г. Аганбегян было поручено соединить программу «500 дней» и правительственную, кося и трепетную лавь. Спасибо Аbelу Гезевичу, он решительно встал на нашу сторону и за три дня методом вычеркивания мы сделали с ним «президентский» вариант программы, который на 99,5% опирался на «500 дней». О чем я и сказал на сессии Верховного Совета СССР, членам которого ее и разослали. Ситуация ухудшилась, но не безнадежно. Пока депутаты изучали программу, я слетал на две недели в США, где все ведущие экономисты высоко оценили профессиональный уровень «500 дней».

Затем Верховный Совет одобрил «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике». Это уже была катастрофа, которую можно было бы избежать только и только в случае создания компетентного коалиционного международного правительства, пользующегося поддержкой и доверием народа. Увы, все произошло с точностью до наоборот.

Вы, Михаил Сергеевич, с Вашим интеллектуальным потенциалом, соратниками, которые оказались рядом, были волены сделать правильный ход. Вы знали и знаете его, хотя находитесь вместе с нами в жесточайшем политическом, экономическом, международном, социальном, духовном и нравственном цейтноте. Это — аксиома, и я знаю это лучше, чем Ваши политические биографы, ко-

торы нарисовали Ваши портреты в независимых газетах. Значит, нужно только ответить на «простенький» вопрос: почему Вы не хотите, я подчеркиваю это, можете, но не делаете правильный ход? Почему? Я рассмотрю две возможности. Первое: Вы не хотите блага своему народу. Второе: Вы хотите блага своему народу, но боитесь, что в борьбе за достижение этой цели потеряете свою власть. Все остальное сво-

дится к комбинации первого и второго. Теперь давайте оценим ситуацию, и я позволю себе быть нахалом, утверждая, что лучше других в стране могу справиться с этой задачей.

Сейчас, особенно после событий в Литве, а теперь и в Латвии, Вы попали в целом под справедливый огонь левоцентристских сил. Но они — я тоже являюсь левоцентристом — иногда также живут в мире соблазнов и борются со злом при помощи зла. Я решительно против такого пути и начисто отвергаю первую возможность. Думаю, что большинство левоцентристских движений разделяет мою точку зрения. Вы — не враг своего народа и не радетель интересов, скажем банально, номенклатуры.

Реально Вас волнует вторая возможность — Вы боитесь потерять власть. Цинизм ли это? Отнюдь нет. Любому политик, даже коммунист-«бессребреник», боится потерять власть. По-моему, кто из великих политиков говорил, что любовь и деньги правят миром. Любовь безусловно, деньги несомненно, но и власть обязательно. Боязнь потерять власть — естественный инстинкт нормального политика, а не самоубийцы.

Михаил Сергеевич, выступив резко против Вашей нынешней политики, я тем не менее утверждал и утверждаю сейчас, что, опираясь на левоцентристский блок, Вы много сильнее, чем в союзе с правыми, главными лидерами которых является руководство ЦК Компартии РСФСР, ряд деятелей Политбюро ЦК КПСС. Именно они, в ночь с 16 на 17 ноября, когда родились 8 пунктов Вашей программы президентского управления, сыграли реакционную роль. Но Вы даже не посчитали необходимым посоветоваться об этом с Вашими верными соратниками с начала перестройки — членами Президентского совета — Н. И. Рыжковым, В. А. Медведевым, Е. М. Примаковым, А. Н. Яковлевым, другими и приклучившим к ним С. С. Шаталиным.

А Ваша капитуляция перед «черными полковниками» Алксисом, Петрушенко, Макашковым меня просто поражает. Хотел бы специально

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО СТАНИСЛАВА ШАТАЛИНА ПРЕЗИДЕНТУ ГОРБАЧЕВУ:
" ВЫ ИЛИ НЕ ХОТИТЕ БЛАГА СВОЕМУ НАРОДУ ИЛИ ХОТИТЕ, НО БОИТЕСЬ,
ЧТО В БОРЬБЕ ЗА ДОСТИЖЕНИЕ ЭТОЙ ЦЕЛИ ПОТЕРЯЕТЕ СВОЮ ВЛАСТЬ" "

подчеркнуть, что как экономист-математик я мыслю в терминах многомерного пространства, включаю в левоцентристский блок и часть интеллигенции, рабочего класса, крестьян, армии, ВПК, КГБ,

МВД... Сейчас создалась уникальная ситуация: борьба за сохранение Вашей власти совпадает с борьбой за благо народное и человеческое достоинство. Вы ничем, повторяю, ничем не рискуете, но преодолейте в себе какое-то мистически подозрительное отношение к демократам.

Надо иметь в виду и то, что без крупномасштабного сотрудничества с Западом (включая, разумеется, Японию, Южную Корею и других «драконов») никакой эффективной, рыночной экономики мы никогда не создадим, не решим ни текущие, ни стратегические проблемы экономического развития. А на Западе (надеюсь, Вы знаете об этом) эйфория по поводу нашей перестройки давно прошла. Ваша нынешняя политика делает Запад все более сдержанным. Здесь не должно быть никаких иллюзий. Некоторые фирмы после событий в Литве отказали лично мне в гуманитарной помощи медикаментами и детским питанием на сумму 40 млн. американских долларов. Спросите у медиков и экономистов, что это такое.

Что же надо сделать немедленно?

1. Вернуться к жесткому варианту программы «500 дней», прибавив к ней много дельного, сказанного в последнее время.

2. Отказаться от политически-тушьяковского соблазна подписать Союзный договор, ибо это недостижимо и только накаляет международные отношения, катастрофически усиливает центробежные, сепаратистские тенденции, ведет к ускорению развала Союза.

3. Создать Экономический союз политически абсолютно суверенных республик, основанный на принципах программы «500 дней». Любовь с первого взгляда, любовь все сжигающая хороша и божественна для мужчины и женщины, а в политике лучше любовь по расчету.

4. Вы должны немедленно отказаться от поста Генерального секретаря ЦК КПСС, и она к пользе народной развалится, перестанет претендовать на монополю-авангардную роль, а если останется, то обычной парламентской партией.

5. Немедленно создать международное, межпартийное, межсословное правительство народного доверия, состоящее из умных, компетентных, честных, известных стране людей. Возможно, в легитимной форме Совета Федерации...

Если, Михаил Сергеевич, Вы всего этого не понимаете, Ваш долг перед народом немедленно уйти в отставку вместе со всем окружением, разумеется. Политик не должен допускать того, чтобы его жалели.

Бывший член бывшего
Президентского совета
СССР
академик
С. ШАТАЛИН.

CODE:

ITEM:

ИНТЕРВЬЮ С НАРОДНЫМ ДЕПУТАТОМ СССР Б. ЕЛЬЦИНЫМ - НЕОБХОДИМА РАДИКАЛИЗАЦИЯ ВСЕХ РЕФОРМ И РЕШЕНИЕ НАЦВОПРОСА, А ГОРБАЧЕВ ОТСТАЕТ В СВОИХ ДЕЙСТВИЯХ НА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ

- 1 -

СОВЕТСКАЯ
ЭСТОНИЯ

20 февраля 1990 г.

У русского человека все-таки есть
Родина, — утверждает Б. Н. ЕЛЬЦИН

ИНТЕРВЬЮ с народным депутатом СССР Б. Н. ЕЛЬЦИНЫМ

Когда я шел утром на назначенную встречу по Калининскому проспекту Москвы, я почему-то вспомнил об одном эпизоде XIX Всесоюзной партконференции. О том, когда Егор Кузьмич Лигачев тряс угрожающе пальцем и вскрикивал: «А ты, Борис...», и как Борис Николаевич Ельцин просил конференцию о своей политической реабилитации. Тогда его просьбу отклонили. Его реабилитировали время и народ.

— Борис Николаевич, на прошедшем Пленуме ЦК КПСС вы заявили, что длительная монополия партии на власть превратила ее в бюрократическую структуру, которая довела страну до крайнего состояния, а народ, десятки миллионов его, до нищеты. И за это надо отвечать. Отвечать, конечно, составу Центрального Комитета партии, отвечать членам Политбюро, а не, как обычно принято, только первому лицу.

Можете вы выделить кого-нибудь конкретно из состава ЦК и Политбюро, кто наиболее виноват перед народом?

— Каждый должен на своем участке отвечать за себя. Лигачев должен отвечать за Продовольственную программу, за антиалкогольное постановление, которое нанесло столько ущерба. Он должен отвечать и за кадровую политику. Это его набор первых секретарей, которые сегодня наиболее консервативны и являются фактически тормозом перестройки. Он же комплектовал аппарат

ЦК КПСС. Да еще много в чем можно его упрекнуть.

— А кроме Егора Кузьмича?

— Ну, пожалуйста, Горбачев. События в Тбилиси...

— Это все-таки на нем?

— Так ведь Лигачев его сейчас заложил вместе с Политбюро. Значит, Политбюро все же заседало, об этом и надо народу сказать. Потом ошибки и непоследовательность в проведении перестройки.

Дальше. Почему так спокойно ушли Кунаев, Щербицкий, Романов, Гришин, которые довели страну до глупейшего состояния. Ушли с почетом, с дачами с большими пенсиями. Со всем, всем, всем, что полагается работающему члену Политбюро.

Язов. Он должен ответить и за Тбилиси и за Баку, и за отсутствие вообще каких-то обновлений и реформ в армии, где за пять лет ничего не изменилось.

Разумовский. Почему пять лет обновление в партии затягивается? Называя себя

авангардной партией, она плетется все время в хвосте общества, которое все время опережает КПСС. Прибалтийские республики опережают общество, а партия в самом конце. Парадокс! И перестройку внутри себя не призвала вообще. Обновления никакого нет. Только сейчас партия представила платформу, но, к сожалению, не до конца радикальную. И я голосовал против нее.

— Вы были единственным?

— Единственный. Но это не значит, что другие полостью поддерживают ее. Счи просто боятся открыто голосовать против. К сожалению, такой элемент страха еще есть.

— На Пленуме ЦК КПСС вы предложили отказаться от принципа демократического централизма и заменить его общедемократическими принципами, обеспечивающими подлинный плюрализм в партии, гаран-

CODE:

ITEM: ИНТЕРВЬЮ С НАРОДНЫМ ДЕПУТАТОМ СССР Б.ЕЛЬЦИНЫМ - НЕОБХОДИМА РАДИКАЛИЗАЦИЯ ВСЕХ РЕФОРМ И РЕШЕНИЕ НАЦВОПРОСА, А ГОРБАЧЕВ ОТСТАЕТ В СВОИХ ДЕЙСТВИЯХ НА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ

- 2 -

тми прав меньшинства, свободу мнений и отстаивание своей позиции членом партии, гражданином страны, политических прав и свобод личности. Каким образом должно измениться мышление в партии, чтобы

осуществить эти принципы?

— Первое. Дать возможность создать различные фракции и платформы. Вот в чем плюрализм.

— Но пошли ли рядовые члены партии до этого?

— Я думаю, что надо хотя бы начать эти процессы, для того чтобы быстрее прийти до конечной цели. При встречах в первичных организациях, а я встречаюсь много, люди все-таки высказываются за то, что партия не должна больше быть такой жесткой.

Перед Съездом народных депутатов проходит Пленум, где все расставляется по своим местам. Я говорю на Пленуме, что нельзя такое решение принимать, и не только принимать, но и обсуждать нельзя. Это вопросы съезда, и только съезд уполномочен их решать. Потом принимается решение, и я оказываюсь в дурацком положении. Соответственно с принципом демократического централизма я должен подчиниться большинству, но это противоречит моим принципам. Как же я должен на съезде работать: как член КПСС или как народный депутат?

Демократический централизм перешел к нам ведь с ленинских времен, когда он создавал партию подпольную боевую, готовившуюся взять власть, а не демократическую.

Это во-первых. А во-вторых, Ленин всегда имел в виду, что принципы действуют внутри партии и никак не распространяются на Советы и другие гражданские институты.

— Вам, Борис Николаевич, принадлежит мысль о том, чтобы отказаться от аппарата как инструмента власти, перейти на демократические принципы самоуправления в партии силами выборных органов и советов секретарей первичных партийных организаций?

— Да, перейти на безпартийную структуру партии.

— А что же станет с работниками нынешнего аппарата? Где этих людей можно использовать?

— Ну, кто на что способен. Кто журналист, кто у станка, кто строитель...

— Вы уверены, что они способны на что-то еще? После десятилетней службы в аппарате?

— Я уверен, что большинство из них ни на что не способны. Но, во-первых, там есть люди в возрасте, их надо отправить на пенсию. Ну, а те, кто еще способен могут пойти в сферу обслуживания, в другие отрасли. В конце-концов у нас пока еще нет безработицы, у нас наоборот, слишком много рабочих мест.

— К вопросу о многопартийности. Когда конкретно и как конкретно? И в какую из партий вы сами вошли бы?

— Я считаю, что если обновление партии сейчас и в результате решений XXVIII съезда КПСС окажется более радикальным, чем предусмотрено в платформе, утвержденной последним Пленумом, то первый этап — это создание в партии разных фракций и платформ, которые имели бы свой состав, свою организационную структуру и свое представительство во всех органах власти. Иначе произойдет раскол партии и создание новой партии.

— На какой платформе?

— У нас есть демократическая платформа. Но дело не в названии, а в принципах, в программе. У нас подготовлены декларация и положение о демократической платформе в КПСС. А если не в КПСС, то — в новой партии.

— Значит, вы вступите в Демократическую партию?

— Дело не в названии...

— ... а в демократической платформе?

— Да.

— Статья 6 Конституции СССР. Если ее в ближайшее время отменят, что это даст? Ведь до 1977 года не было конституционной статьи о монополии партии.

— Верно. Но не было и того, что сейчас партия отказывается от монополии на власть. В этом суть дела. То есть равенство всех политических партий и общественных организаций в жизни общества. Пусть каждая не декларативно, а по существу и на деле доказывает, какая из них будет авангардной партией, которую действительно выберет общество.

— Вернемся к КПСС. Вы предлагаете постепенный, наряду с созданием органов местного самоуправления, переход на горизонтальную структуру в партии, то есть объединение коммунистов по целевому, функциональному и территориальному принципам. Как вы думаете, коммунисты примут это новшество?

— Думаю, что не все примут. Здесь надо исходить из нескольких этапов. Мне кажется, что в этом принципе заключается приближение к людям, к народу. Но этот процесс должен проходить медленно, спокойно. Надо готовить к этому психологию коммунистов. На втором этапе надо убрать политорганы и парторганизации в государственных учреждениях.

— Отсюда возникает вопрос о том, как можно деполитизировать армию, МВД, КГБ?

— Ликвидировав там политорганы.

— Обязательная беспартийность для офицеров и служащих армии, МВД, КГБ — у нас это возможно или это утопия?

— Я считаю, что не утопия. Надо прийти и до того, чтобы президент, неважно страны или республики, на время своих полномочий тоже приостанавливал свое членство в любой партии или общественной организации. Он должен в своих решениях быть независим.

— Почему вы на Пленуме ЦК КПСС подняли вопрос о подчинении партийных средств массовой информации только съезду или партийной конференции?

CODE:

ИТЕМ: ИНТЕРВЬЮ С НАРОДНЫМ ДЕПУТАТОМ СССР Б.ЕЛЬЦИНЫМ - НЕОБХОДИМА РАДИКАЛИЗАЦИЯ ВСЕХ РЕФОРМ И РЕШЕНИЕ НАЦВОПРОСА, А ГОРБАЧЕВ ОТСТАЕТ В СВОИХ ДЕЙСТВИЯХ НА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ

- 3 -

— Как промежуточный этап, чтобы потом вообще их сделать независимыми.

— Сейчас ощущается влияние кого-нибудь из членов Политбюро на средства массовой информации?

— Да, прямое. Как может не влиять, скажем, на «Правду» ЦК если главный редактор «Правды» секретарь ЦК КПСС.

— Во многих своих выступлениях вы настаивали и настаиваете на том, чтобы отказаться от номенклатуры, элитарности, не вмешиваться в вопросы назначения или выборов руководителей тех рангов, которые относятся к прерогативе местных Советов или Съезда народных депутатов. Отказаться от всех привилегий в партии. А какие сейчас привилегии имеют члены ЦК и Политбюро ЦК КПСС?

— Членов ЦК и Политбюро надо разделить. Это разные понятия. У членов Политбюро сплошные привилегии. Легко сказать о том, чего они не имеют. Их жизнь из привилегий и состоит.

Существует такой монстр, как 9-е управление КГБ СССР, обслуживающее руководство. И неизвестно, сколько народ на его содержание тратит, а там людей не одна тысяча. На всех дачах и особняках (а их сотни), которые пустуют годами, находится охрана. Госдачи, на которых живут члены Политбюро, ведь бесплатны. А там повара официанты, охрана.

— Борис Николаевич, а за что они платят? Скажем, сшили им костюм или съели они вкусный обед, кто это оплатит?

— А вдруг я окажусь в неудобном положении. Вдруг они позавчера от всего этого отказались! Но тогда, когда я был в составе Политбюро, то все это шло через 9-е управление. У них даже специальные детские сады и санатории детские.

— Завершая разговор о внутрипартийных делах, хотелось бы спросить, как вы относитесь к снижению размеров членских взносов?

— Во-первых, я считаю, что надо освободить от взносов студентов и пенсионеров. Это безоговорочно. А для других коммунистов снижение суммы взносов в 1,5—2 раза — это реально.

— Вы высказали мысль, что нужен переход от унитарного принципа построения государства и соответственно КПСС к добровольному союзу народов и добровольному союзу компартий республик. Как этого добиться на нынешнем этапе развития нашего общества?

— Так, как вы и добиваетесь.

— Парламентским и демократическим путем?

— Да, парламентским и демократическим путем. Но конечно, если не будет сделана глупость и не будут силой удерживать какую-нибудь республику, желавшую выйти из состава СССР.

— В своей предвыборной программе вы, в частности, предлагаете разработать программу организованного добровольного возвращения в Россию русского населения, ныне проживающего в национальных районах СССР. Как вы представляете себе осуществление такой программы морально и материально?

— Я считаю, что в пределах Российской Федерации нужно дать самостоятельность всем автономиям. А на остальной территории создать, пока условно, шесть самостоятельных русских территорий, где большинство населения — русские. И чтобы русский анал, что у него все-таки Родина есть. Как у эстонца, у латыша, у литовца. У любого другого. Поэтому нужен закон о том, что если человек или семья хотят добровольно вернуться, или просто приехать на эту самостоятельную русскую территорию, их там с удовольствием примут. Во-первых, с учетом компенсаций того имущества, что остается там, в республике, и, во-вторых, конечно, надо создать рабочие места и социальные условия для проживания в России. Прежде всего ждем мы людей в

сельские местности, где у нас колоссальный вакуум. Сотни деревень ведь разорены. Нам надо восстановить эти земли — в былые времена Россия не только кормила себя, но и экспортировала продукты питания. А сейчас...

— Вы высказывали мысли о поддержке некоторых прогрессивных идей из программы «Памяти». Какие это идеи?

— Нет, я так не говорил. Вернее, я говорил, что «Память» сейчас распадается на фракции. Экстремистскую часть я категорически отвергаю. А то, с чего начиналось это движение: борьба за охрану памятников, за их реставрацию, изучение русской культуры, истории, архитектуры, — это я вполне поддерживаю.

— Каким вы видите будущее для республик Прибалтики? Степень их независимости? Существование их в СССР или вне державы?

— Я за максимальную независимость республик. Центру нужно оставить только какой-то небольшой луч стратегического планирования с минимальным аппаратом. Вот что должен из себя представлять центр. Все остальное должны решать республики.

Мне кажется, что, получив такую почти максимальную самостоятельность, процент тех, кто хочет выйти из состава СССР, несколько уменьшится, и напряжение спадет. Почему бы не попробовать, что такое самостоятельность, но в составе СССР? Пройдет несколько лет, ну, скажем, три года, и тогда и республика, и ее народ определяются: если все обещанное осталось только на бумаге, законы не работают и центр не хочет отдавать власть республикам, то тогда вполне возможно, что республики пойдут на отделение от СССР.

— В своем интервью газете «Санди таймс» вы сказали, что есть предположение тому, что в Советском Союзе может произойти «румынский вариант».

CODE:

ИТЕМ: ИНТЕРВЬЮ С НАРОДНЫМ ДЕПУТАТОМ СССР Б.ЕЛЬЦИНЫМ - НЕОБХОДИМА РАДИКАЛИЗАЦИЯ ВСЕХ РЕФОРМ И РЕШЕНИЕ НАЦВОПРОСА, А ГОРБАЧЕВ ОТСТАЕТ В СВОИХ ДЕЙСТВИЯХ НА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ

— Допустим, у нас в центре не будут приниматься радикальные меры, способствующие демократизации и обновлению общества. А люди уже устали, изменений к лучшему не происходит, и единственный выход в этом положении заключается в том, что народ сам возьмет судьбу в свои руки. Но уверены ли мы, что этот процесс произойдет в цивилизованных рамках, как в ГДР, Чехословакии, Болгарии, а не как в Румынии. Ведь у нас эти органы — КГБ, армия — слишком сильны. На живых примерах мы видим, что они могут быть введены в действие. И вот тогда может вспыхнуть гражданская война. Хотя, конечно, этого ни в коем случае нельзя допустить, потому что это гибель людей.

— Вы высказывали мнение, что М. С. Горбачев отстает в своих действиях постоянно на два-три года. Где же выход?

— Выход — ему надо изменить свое мышление.

— Каким образом?

— Может быть, он все-таки поймет, что надо отказаться от опоры на правое, консервативное крыло. Наконец, надо сделать свой выбор между народом и аппаратом. Прошло и время полумер и компромиссов, которые просто заводят в тупик и ничего не дают. Пора принимать именно радикальные меры.

— В печати в последнее время много разговоров о том, что конечная цель вашей избирательной кампании — стать президентом России.

— Нет, я не ставил такой задачи. Просто избиратели при выдвижении высказали требование, чтобы я не поступил бы так, как на I Съезде народных депутатов СССР, где я взял самоотвод. Вот на это я дал согласие. Это не значит вовсе, что я всеми силами буду бороться за президентство в России.

— Но если вас все-таки выберут, какие будут ваши первые шаги?

— Первые шаги те, что не сделал центр в целом по стране. Это радикализация всех реформ. И первый вопрос среди прочих — это национальный вопрос. Надо предупредить осложнения в этой сфере. Национальным образованиям надо дать сразу политическую и экономическую самостоятельность, право на самоопределение, право на выход даже. И этим снять напряжение, которое существует.

Р. АМОС.
(ЭТА).

Москва.

- 14 -

Под новыми вывесками в России укрепляется командно-административная система

Рабочая трибуна 10 ноября 1990 г. - стр. 7

Маска, мы вас знаем!

На многих служебных зданиях в Москве срочно собраны вывески со словом «министерство» и прибиты новые со словом «концерн». Или, как вариант, «ассоциация». Что это означает?

СТАРИННЫЙ особняк на Zubовском бульваре много лет занимало Министерство легкой промышленности РСФСР. Отсюда шли предписания большому и малому фабрикам от Смоленска до Владивостока: что, в каком количестве и по какой цене выпускать, сколько держать рабочих и ИТР, сколько им платить и прочее, и прочее.

— А ныне характер нашей деятельности в корне изменился, — говорит бывший министр, а сейчас председатель Российской государственной ассоциации легкой промышленности (Рослегпром) А. Бирюков. — Раньше мы командовали предприятиями, а сейчас обслуживаем их нужды.

А как же иначе, если производственники содержат всех этих управленцев на свои кровные? В прежние-то времена министерство кормилось из государственного бюджета. Теперь живет за счет предприятий, которые, получается, и должны заказывать музыку. Это теоретически. А на практике?

Побывала я как-то на учредительном съезде еще одного крупного объединения предприятий, выпускающих товары массового спроса. — концерн «Ростекстиль» (бывшее Министерство текстильной промышленности РСФСР). На съезд прибыли более 500 директоров текстильных, трикотажных и

других предприятий. Кто еще не вступил в концерн — жеропялись поскорей оформить членство. Энтузиазм добровольного вступления вызывал, признаться, недоумение.

Ведь столько лет подряд эти же директора проклинали министерство за его диктат, за то, что заставляло работать на цифру плана, а не на потребителя, абсолютно не считалось с выгодой предприятий... И вот сейчас, только-только получив «вольную», директора спешат снова под крыло прежних своих мучителей?..

— Неужто действительно мучители превратились в благодетелей? — спрашиваю у знакомого директорарядно-ткацкого комбината. — Но, чур, отвечать откровенно.

Разговор шел в перерыве между заседаниями, когда делегаты курили в вестибюле. Услышав вопрос, мой собеседник огляделся вокруг и отвел меня в сторону.

— Скажу, если вы не будете в прессе указывать моей фамилии. Оно, наше бывшее министерство, и в своем новом качестве накладывает лапу на все сырье. С чем тогда я останусь? Другого выхода нет, кроме этого, — он кивнул в сторону входных дверей и даже не улыбнулся невольному каламбуру.

Стало кое-что проясняться насчет «хозяев» и «слуг». Ради того, чтобы не остаться без сырья, а значит, и без

работы, наденешь хомут любой самой новой конструкции.

Надо сказать, надевание тяглого приспособления было обставлено полным набором демократических процедур. Председатель концерна, бывший министр Б. Беляев на том съезде постоянно подчеркивал: «Я только предлагаю. Решать вам». И предложил предприятиям отчислять в пользу концерна 5 процентов от прибыли, остающейся в распоряжении коллектива. Зал зашумел: «Много!» А один из директоров, подойдя к микрофону, сказал:

— Давайте сначала определим поточнее функции концерна, потом — какой численности аппарат нужен для выполнения этих функций, а уж затем — сколько этот аппарат будет стоить. Что же мы начинаем-то с конца?

Однако Беляев «отшил» советчика:

— Численность аппарата уже определена. И сумма расходов на его содержа-

ние тоже: 6,1 миллиона рублей в год. Вам роздана смета расходов — поищите в своих бумагах. Надо ее утвердить.

Такое складывалось впечатление, что главное для руководства концерна — не функции, а сам аппарат. Функции, то есть услуги, которые концерн намерен оказывать «своим» предприяти-

Под новыми вывесками в России укрепляется командно-административная система (1)

ям.— не цель, а повод сохранить аппарат в передрыгах сегодняшней жизни.

Мысль о безусловной первичности благосостояния аппарата не покидала и в ходе знакомства с вышеупомянутой ассоциацией «Рослегпром». В бывшем Минлегпроме РСФСР, скажем, не было заместителя министра по финансам—отсутствовала надобность. Ассоциация же без зампреда по финансам никак не обойдется: тут паевые взносы, стартовый капитал, свой коммерческий банк, кредиты предприятиям... Справиться со всем этим под силу лишь опытному специалисту. А такого в старом министерском аппарате как на грех не оказалось. Что делать? Конечно, если думать об интересах дела—пригласить человека со стороны. Уж от такого-то поста не откажется и настоящее финансовое светило. Однако руководство ассоциации предложило эту должность бывшему начальнику главка фарфоро-фаянсовой и фурнитурной промышленности А. Ковалеву.

Что общего между фарфоровой, фурнитурой и финансами? Только то, что все три слова начинаются на «ф». Но вряд ли этого достаточно, чтобы руководить кредитно-финансовой деятельностью ассоциации с годовым объемом выпуска продукции более 17 миллиардов рублей.

А в концерне «Ростекстиль» заместителем председателя по экономике стал Р. Покачев, по специальности технолог. Вот какие примеры братской солидарности показывают аппаратчики.

Самое досадное: если раньше замминистров просто назначали и ни у кого из производственников разрешения не спрашивали, то теперь-то спрашивают, ставят вопрос на голосование. И хоть шушукались директора меж собой: «Какой он к шутам финансист! Какой там экономист!»—но большинство проголосовало «за». Перечить не стали: как бы не вышло себе дороже.

Вот ведь что получилось. Едва вырвались из-под министерской кабалы—тут же угодили в другую, вроде бы добровольную. А куда деваться в нынешних условиях!

И все-таки насчет «куда деваться» хотелось бы уточнить: не будь сегодня ассоциаций вкуче с концернами, стали бы предприятия хозяйствовать сами по себе или начали бы объединяться «снизу», по собственной инициативе? Оказалось, этот вопрос не застал директоров врасплох. Думали над ним, задавали его себе еще раньше. Потому с готовностью отвечали, что, конечно, войти в рынок поодиночке, врозь очень рискованно. Наверное, стали бы объединяться, но только совсем поиному. Большинство склонялось к идее создания концернов (причем не одного, а многих!) из предприятий разных ведомств, работающих на один конечный продукт.

Например, концерн «Мужской костюм». Собрать в один «кулак» фабрики первичной обработки шерсти (сейчас они в агропроме), камвольно-суконные комбинаты (их захватил «Ростекстиль»), швейные фабрики (они вошли в «Рослегпром») и те машиностроительные заводы, которые изготавливают оборудование—специфичные его виды для этой подотрасли. Такая структура объединения позволила бы избавиться от самого жестокого кошмара наших дней, имя которому—диктат поставщика. Всех смежников

удалось бы заинтересовать в выпуске конечного продукта и наконец-то поставить их отношения с головами на ноги.

Да, обдумывали директора такие варианты, прикидывали. Только сделать ничего не успели. Аппаратчики из узурпированных министерств их опередили, создав структуры «под себя», повторяющие, по сути, структуры бывших министерств, закрепив тем самым ведомственную разобщенность.

Оптовые ярмарки нынешнего года высветили с полной очевидностью пагубность гигантских (министерского размаха!) объединений подобного типа. Поставщики сырья, воспользовавшись некоторой свободой, всячески придерживали товар и не хотели продавать его своим постоянным смежникам. Они искали покупателя повыгоднее, норовили побольше продать за границу. Но ведь известно, что экспортировать сырье—самое последнее дело, гораздо выгоднее появиться на внешнем рынке с готовым продуктом. А что делать, если изготовители этого продукта разделены ведомственными барьерами и выгоду ищет каждый для себя? В результате все проигрывают. Больше всего те, кто венчает цепочку смежников: эти вообще останутся с носом. Например, многие текстильные, швейные, трикотажные фабрики закупили на будущий год сырья в пределах 15 процентов от потребности. (Такая цифра приводилась на недавнем съезде профсоюза рабочих текстильной и легкой промышленности). Это значит, что многие предприятия вынуждены будут закрыться, люди останутся без работы, и это при огромном неудовлетворенном спросе на товары массового потребления.

Получается парадокс: спрос на товары есть, мощности для их выпуска—тоже, есть и сырье, нет только одного—нужной организации дела, способной увязать интересы всех партнеров. Взамен мы имеем сплоченные группы высокопоставленных столичных чиновников, с комфортом устроившихся в новых условиях.

Предвижу возражение со стороны этих чиновников: «Но ведь наше благополучие—и зарплата, и премии—зависит от результатов хозяйственной деятельности предприятий. Мы заинтересованы, чтобы производственники хорошо работали!»

Под новыми вывесками в России укрепляется командно-административная система

Правильно. Теперь давайте посмотрим, какими способами намерены аппаратчики обеспечивать эту работу. Выяснилось — способами, проверенными временем застоя. Ассоциация «Рослегпром», например, бомбардирует письмами Президиум Верховного Совета и Совмин Российской Федерации, требуя, чтобы тот своим авторитетом оказал давление на смежников, распорядился «вести республиканский межведомственный госзаказ на поставку предприятиям ассоциации кожевенного, овчинно-шубного, пушно-мехового сырья, тканей, пряжи, других комплектующих материалов и изделий: выделить ассоциации 320 млн. инвалютных рублей для закупки химических материалов и комплектующих изделий...»

То есть курс абсолютно ясен: в болото приказных методов, где нет места рыночным отношениям.

В роскошном кабинете министра, то бишь, извините, председателя ассоциации «Рослегпром» я бывала и раньше. Кажется, здесь ничего не изменилось. Впрочем, перемены есть: появился новенький персональный компьютер со всеми подobaющими атрибутами конца XX века. Я посочувствовала было умной машине: придется ей служить замшелым методам управления. Но оказалось, экран компьютера не светится, он ни к чему не подключен. Украшает интерьер. И, наверно, помогает хозяину и посетителям кабинета не спутать, в каком времени мы живем.

Л. БИРЮКОВА.
(Наш спец. корр.).

- 108 -

ПРАВДА 29 января 1991 года стр. 1-2

Что такое «друзья демократии»

ПРИЕМ ПЕРВЫЙ — создание декораций. Попов расставляет их так, что возникает почти полная иллюзия жизни. Он даже делает вид, что смотрит на сцену вместе со зрителем-читателем: «Я нашел силы... посмотреть на страну, демократов и себя со стороны...» После этого формулируются «десять главных ответов».

Вот первый ответ: «Борьба идет за то, какой вариант перестройки будет реализован — демократический или аппаратный». Итак, мы заинтригованы. На наших глазах разворачивается борьба между «демократами и аппаратчиками». Для нас, которых с детства учили, что демократы — это которые за народ радеют, ясно, что «наши» схлестнулись с какими-то нехорошими силами.

Второй ответ нас, конечно, не обрадует — оказывается, демократы не могут... хотя и у аппарата сил тоже не хватает. Охватившее нас огорчение заставляет окончательно забыть о том, что первый главный ответ вовсе и не ответ, а ширма, за-

крывающая истинную расстановку сил. Но декорации двигаются все быстрее, новые слова-перевертыши гроздьями повисают в следующих «главных ответах».

В третьем ответе на сцене возникает нечто тяжелое, тупое, неповоротливое с табличкой «центр», и Попов нетерпеливо выстраивает вокруг центра хором из «конструктивной части демократических сил» и «конструктивной части аппарата». И тут неожиданно всплывает слово «коалиция».

Четвертый ответ, конечно же: заграница нас поддержит, а продержаться надо всего 2—3 года.

Но что это? Пятый ответ выдвигает на сцену нечто невообразимое, и не поймешь сразу, что это, но уж очень страшное — «нынешний президентский вариант аппаратной перестройки». Возникшую среди «наших» панику режиссер пресекает решительно. Надо отсмеяться, говорит он, вплоть до ухода со сцены (это уже в шестом ответе).

И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ НАРОДА?

Недавно были напечатаны объемистые статьи Г. Х. Попова, в которых автор, по его мнению, дает ответы на злободневные вопросы современной политики. Знакомство с ними заставляет обратить внимание не только на содержание статей. Пожалуй, впервые в столь высокой концентрации мы встретились с набором приемов, которые иначе как деправдизацией не назовешь. Поэтому анализ написанного невозможно провести без разбора хотя бы некоторых приемов.

Главные ответы Попова под №№7—10, по-видимому, предполагают, что воздействие главных ответов 1—6 настолько убийное, что читатель уже готов к борьбе за новые прямые выборы... президентов, губернаторов, мэров, старост. Кого бы еще нам выбрать?

Итак, в чем суть первого приема? Она заключается в том, что реальные общественные процессы затуманиваются, а читателю предлагаются эрзацы. Такие декоративные заместители жизни легко распознавались бы, если бы этот прием был единственным в наборе «друзей демократии».

ПРИЕМ ВТОРОЙ — использование известных слов для обозначения неизвестных ранее явлений, а то и для обозначения явлений, реальный смысл которых прямо противоположен смысловой нагрузке известного термина. Так уже произошло с обозначениями — кто правый, кто левый. Нас в последнее время настойчиво обучают, что на-

силы» были добрым соседом слов «борьба за свободу и демократию». Так что все радикалы ходят ходить в левых. Даже если сквозь радикализм некоторых отчетливо проглядывали самые махровые неонацистские краски, то нам предлагалось всех их чохом числить в борцах за свободу и демократию. А кто же у нас теперь разоблачен как правый? Это, конечно, прежде всего коммунисты. Они главные реакционеры и есть. Вообще нас стремятся потихоньку приучить, что каждый, кто произносит слово «патриотизм», «Родина», честно трудится, кто еще тянется к этим понятиям, тот, конечно, особо опасен и должен вызывать тревогу у каждого «борца за свободу и демократию».

Еще один метод, избранный радикалами в качестве, пожалуй, главного, — разрушение, деструктивность как первооснова социального мышления. Разумеется, если просто прокричать на площади «бей, ломай, круши!», то не все тебя поймут. Поэтому надо сначала убедительно показать необходимость разрушения, неотвратимость разрушения, сузить многовариантность взглядов до одновариантного. Разрушению подлежит все. Нравственность? — все дозволено. Самоуправление через Советы? — неэффективно. Идея артельного, коллективного интереса, коллективной ответственности? — архаично, противоречит свободе и правам личности. Казалось бы, подобные приемы должны вызывать внутреннее сопротивление, идея разрушения как первого шага долж-

(Окончание на 2-й стр.)

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

стоящий левый — это радикал, и чем радикальнее, тем левее, а настоящий правый — тот, кто консервативен. При этом забывают, что радикализм может быть очень и очень правым, может даже создавать таких вампиров, как Гитлер, Муссолини, и других.

Характеристика типа «правые круги» в пропаганде не столь далеких времен чаще всего содействовала со словами «реакционные силы», а слова «левые

на отталкивать потенциальных сторонников, и тем не менее раз за разом метод срабатывает.

Почему? Кризис выбивает у нас почву из-под ног, мы теряем ощущение управляемости, осознанности происходящего и готовы пойти на такую ломку, такое разрушение сложившихся структур, которое нам представляется управляемым.

Так что слова с приставкой «де» входят в политический оборот часто не как элемент деструктивности, а как элемент спасительной конструкции, которая обещает положительный эффект. Демонополитизируем экономнику (без этого не работают товарно-денежные механизмы), демонтируем административную систему (на ее месте должна возникнуть эффективная система управления и самоуправления) и т. д.

Но вот появляются слова, точный смысл которых в реальной жизни отличается от объяснения в политическом словаре. Нам говорят: «департизуем производство, все партии должны уйти», а читать нужно — долой парткомы КПСС с заводов и фабрик. Кстати, выступая за департизацию, некоторые новые партии намерены создать свои ячейки на производстве, в армии и в КГБ.

Нам говорят: «демонтируем сегодняшние границы между республиками как помеху для свободного переселения народов», читай — демонтируем СССР.

Главное, что логика деструктивности неумолима. Шаг за шагом она подводит к той черте, за которой, кроме разрушений, ничего и нет. Вместо культуры она предлагает нам штампованный заменитель, который держится на эксплуатации отнюдь не лучших сторон человеческой природы. Она предполагает мираж быстрого достижения многочисленных благ и требует за это совсем мало: разрушения самих основ нашего общества.

Вот как это выглядит в рекомендациях Попова.

Денационализация. Само это слово автор употребляет многократно в разных контекстах. Во

первых, он пишет через запятую: «денационализация, разгосударствление». Затем слово «разгосударствление» пишется через запятую со словом «приватизация». Автор подчеркивает: фундамент всего — частная собственность, главное в перестройке в экономическом плане — это дележ государственной собственности между новыми владельцами. Теперь Попов в родной стихии, он с жаром начинает рассуждать, «кто получит», «сколько получит», «как получит», «кто будет делить». У него даже подготовлен вариант на случай, если те, кто стоят «в общей очереди на разгосударствление, на приватизацию», не захотят стать собственниками. Оказывается, мы обязаны создать подходящие условия для «претендентов со стороны».

Разумеется, автор понимает разницу между терминами «денационализация» и «приватизация», и отождествляет их, на наш взгляд, не случайно, а преследуя определенные политические цели. Он последователен в отстаивании принципа — демократично только то, что выдвигается на частной собственности. Поэтому демократичен, с его точки зрения, лишь тот вариант разгосударствления, при котором каждому будет вручена бумажка с надписью: твоя доля бывшей госсобственности равна 15 тыс. рублей. Правда, у некоторых читателей может возникнуть вопрос: если эти облигации будут иметь хождение наравне с денежными знаками, то не произойдет ли быстрое обесценивание и денег, и облигаций?

Но в конечном итоге автору не до таких деталей. Декорация демократии важнее демократии. Он спешит дать свой «демократический» вариант разгосударствления, его беспокоит, что процесс уже идет. И идет, по его мнению, не так. Недаром он приводит пример — Московский университет. Автор спрашивает: кто может претендовать на государственную собственность,

например на имущество Московского университета? Только нынешнее руководство МГУ или еще какая-то созданная преподавателями альтернативная организация? После такого вопроса прямо-таки хочется скорее бежать и отстаивать имущество МГУ от посягательств внешнего руководства.

Давайте все-таки раздвинем декорации и посмотрим на вещи как они есть. Недаром постановлением Совмина СССР в соответствии с Указом Президента все имущество МГУ объявлено исключительной собственностью Московского университета, который благодаря указанным документам стал общесоюзным, самоуправляемым, автономным. Можно сказать, что на наших глазах происходит историческое для национальной культуры событие: университет переходит на самоуправление.

Кто же стал «собственником»? Ведь, по мнению Попова, «с демократической точки зрения, любой гражданин страны должен иметь право претендовать на свою долю в любой государственной собственности». А мы видим, преподаватели МГУ не спешат в очередь на приватизацию. Произошло ли разгосударствление собственности в данном случае? Да, мы считаем, произошло — университет автономен, государственные органы управления не вмешиваются, не диктуют, как и на что ему тратить выделяемые средства, а также те средства, которые зарабатывает сам университет.

Произошла ли приватизация собственности в данном случае? Нет, не произошла. Собственность университета осталась неделимой. Управление ею осуществляется на основе устава демократическим путем, с участием и под контролем коллектива университета.

Оказывается, вопросы, поставленные Поповым, имеют к реальной жизненной ситуации слабое отношение. Более того, в них

следы все тех же приемов де-
правлизации — несуществующие
конфликты ставятся на первое
место, а жизненно важные про-
блемы затушевываются.

Десоветизация. Поскольку вни-
 манию читателей были предло-
 жены сразу два текста (один в
 «Огоньке», другой в брошюре),
 то бывает полезным заглядывать
 в оба. Десять главных ответов на
 вопрос «что делать» огоньков-
 ского варианта в брошюре отсут-
 ствуют, и в том числе главный
 ответ номер семь: «И сразу же
 начать борьбу за новые Консти-
 тации СССР и РСФСР, за новые
 прямые выборы населением по
 спискам политических партий как
 депутатов законодательных ор-
 ганов, так и руководителей ис-
 полнительных органов...» Словом,
 состав вынешних Советов автора
 совсем не устраивает. Почему?
 Да потому, что депутаты «изби-
 рались не как представители ка-
 ких-то партий, а как личности.
 Они не подотчетны никому, кро-
 ме избирателей». Казалось бы,
 странные слова в устах челове-
 ка, у которого частота употребле-
 ния слова «демократия» при-
 ближается к максимально воз-
 можной.

Однако не будем спешить. нас
 приглашают подняться на такие
 высоты «чистого разума», отку-
 да во многом по-новому (ой ли)
 выглядит то, что только что бы-
 ло привычным и понятным. Ока-
 зывается, «все гораздо сложнее,
 послеперестроечная система не
 вырастает естественным образом
 из прошлого, ее надо искус-
 ственно, извне насаждать на пер-
 скопанное поле прежнего
 строя».

Автор называет этот тезис
 «фундаментальным фактом». Ну
 факт или не факт, мы еще по-
 смотрим. А что касается фунда-
 ментальности, то тут прямо в
 точку, такого рода выводы и в
 самом деле говорят о некоторых
 фундаментальных вещах. Стано-
 вится не по себе, когда, говоря о
 насаждении извне да на перско-
 панном поле, автор напичивает:

«кстати так же, как пришедший
 извне административный соци-
 ализм». И уж если говорить о са-
 мом фундаментальном выводе из
 фундаментального тезиса, нас
 хотят уверить, что ни избирате-
 ли, то есть мы с вами, ни зави-
 сящие только от нас депутаты
 не способны понять, что такое
 хорошо, а что для нас плохо.
 К нашему собственному счастью
 нужно нас опять тащить за уши,
 чего бы нам это ни стоило. А по-
 тому, конечно же, все дозволено,
 так как то, что должно прийти,
 вовсе не продукт всеобщего со-
 гласия. Ведь что подделаешь с
 этим народом, который не ве-
 дает, что «корень бед — в нежела-
 нии вернуться в доно цивилиза-
 ции, в стремлении сохранить Со-
 веты».

Как-то не верится, что мож-
 но опереться на такой фунда-
 мент. Если убрать декоративные
 эффекты, акценты, политический
 подтекст, то что, собственно,
 предлагается? И насколько сам
 автор последователен в своих ре-
 комендациях? Когда он говорит
 о необходимости трех систем вла-
 сти — законодательной, исполни-
 тельной и судебной, он спорит
 разве только с самим собой. Вся
 законодательная деятельность
 последних лет, а это именно
 деятельность Советов, состо-
 ит как раз в оформлении на за-
 конной основе подобного разде-
 ла власти. Надо ли использовать
 для этого хлесткие термины ти-
 па «десоветизация», надо ли об-
 являть курс на десоветизацию
 всеобщим лозунгом?

Попов пишет: «В демократи-
 ческой республике власть у парла-
 мента, а на местах избирают не
 органы власти, а органы само-
 управления — муниципалитеты».
 Значит, по нему, органы само-
 управления не являются органа-
 ми власти, то есть не принадле-
 жат ни к одной из трех систем
 власти, за которые он сам ра-
 тует. И разве система Советов
 виновата, что депутаты на ме-
 стах вместо того, чтобы забо-
 титься о насущных проблемах

населения, занялись политиче-
 ским словоблудием?

По-видимому, в этом абзаце
 своего текста он слово «власть»
 понимает иначе, чем в другом.
 К этому мы немного уже привык-
 ли. Так, слово аппарат у Попо-
 ва собирательно-ругательное.

И вдруг читаем: «В советской си-
 стеме главное — заседания Со-
 ветов, а в демократической рес-
 публике — работа аппарата». То
 есть «аппарат» — это плохо, ко-
 гда это аппарат в советской си-
 стеме, и хорошо, когда это аппа-
 рат в демократической респу-
 блике. Наша республика, разумеет-
 ся, к такому не относится.

Вообще, отношение к аппарату
 у Попова своеобразное. Судя по
 размаху, с которым создавались
 бюрократические структуры Мос-
 совета (просьба не путать с ап-
 паратом исполкома), Попов аппа-
 рат любит. Затраты на содержа-
 ние штата новых советников, ру-
 ководителей групп, отделов и
 т. д. приблизились к миллион-
 ным. Но он любит не весь аппа-
 рат, а только свой собственный.
 Здесь он выступает как после-
 довательный сторонник частной
 собственности.

С чего рекомендует Попов на-
 чать демонтаж Советской вла-
 сти? С разгона Съезда народных
 депутатов. Он пишет: «Надо до-
 биваться такого варианта Сою-
 зного договора, в котором была
 бы заложена идея прекращения
 полномочий Съезда». «Если аппа-
 рат не позволит провести вы-
 боры — демократам останется
 путь внепарламентской борьбы.
 Такая борьба будет неизбежно
 жестокой и скорее всего за-
 кончится установлением демо-
 кратической диктатуры», грозно
 ставит нас в известность
 Гавриил Харитонович. «Демокра-
 тическая диктатура» — вот оно
 его заветное. Жаль, что Попов
 заодно не назвал нам предпола-
 гаемого диктатора или на край-
 ний случай — состав хуны.

Дефедерализация. Так что же
 такое дефедерализация? Нам
 снова помогает авторская под-
 сказка, когда через запятую
 пишется «дефедерализация»,
 «деимпериализация», предлага-
 ется вспомнить «распад Ав-
 стро-Венгрии, распад Британской

/

шерки». Далее автор со свойственной ему раскрепощенностью говорит о демонтаже СССР. Итак, дефедерализация, деюмшерализация, демонтаж СССР.

С легкостью необыкновенной «на месте СССР формируются тридцать четыре, а то и пять десятков независимых государств», «уменьшаются Эстония и Молдавия», меняются границы, люди переселяют «на новые места жительства».

И снова логика деструктивности торопит подвести нас к важному месту — вачивать это новое «великое переселение народов вужно с роспуска Съезда народных депутатов». Союзный парламент надо избирать на двух-трехлетний период... Он может изменить состав СССР... «нынешний Съезд такой роли исполнить ве может».

И снова в путаных текстах Попова мы не найдем таких «реакционных» слов, как «дружба народов», «историческая общность», «взаимовыручка». Только самый новый пропагандистский товар — «империя», «цветр

выбирает курс на демонстрацию силы», «свободная миграция» и т. д. Это и понятно, ведь основа основ политического словаря Попова — дележ, делим, делимся, разделяем, разделяемся, продаем, продаемся...

Итак, три кита, на которых держится «демократический» вариант перестройки, — денационализация, десоветизация, дефедерализация. Потому и понятно, отчего усилия автора не привели к цели — дать ответ на вопрос «что делать». Главная причина, кажется, в том, что стихия разрушения слишком увлекла автора, реальные противоречия были им самими заслонены декоративными фигурами мнимых внутренних врагов демократии. На этом пути ответа на вопрос «что делать» не найти.

С. АЛЕШИН.

Член парткома МГУ,
кандидат физико-математических наук.

И. МЕЛЬНИКОВ.

Секретарь парткома МГУ,
кандидат физико-математических наук.

г. Москва.

ОГОНЕК

N2
4-12.1.91

стр. 2-3.

Сергей АЛЕКСЕЕВ,
народный депутат СССР,
председатель Комитета
конституционного
надзора СССР

Я ИСПЫТЫВАЮ неловкость оттого, что рискнул написать эти заметки. Есть некая этическая некорректность в комментировании вторым своих же, однажды уже сказанных слов, мыслей. Но я надеюсь, что читатель поймет меня. Речь с трибуны перед многолюдным форумом — это все же устное выступление, когда не всегда сразу найдешь нужное, единственно верное слово, нередко что-то упустишь, а главное, из-за жесткого регламента, бешено мчащихся немногих минут, отведенных для рядового выступления, начинаешь комкать, сжимать фразы, упускать аргументацию, исходные соображения. А они-то подчас и есть то главное, из-за чего отважился выйти на трибуну.

СНАЧАЛА то, о чем знаю только я. Об исходном замысле моего выступления на IV Съезде народных депутатов СССР. Представитель секретариата сказал, что это будет выступление-отчет о работе Комитета конституционного надзора. Но такой отчет, мне подумалось, вряд ли необходим: Комитет только-только начинает свою работу; лишенный до внесения в Конституцию СССР изменений в национально-государственное устройство права рассматривать республиканские законы, он сосредоточил свою деятельность на утверждении в нашем правовом бытии международно признанных фундаментальных прав человека и сделал в этом направлении определенные шаги, на мой взгляд, существенные. Народные депутаты соответствующие материалы получили.

Так о чем же выступать?

О самом главном — о концепции кардинального обновления нашего общества. Мы сейчас все, представители и приверженцы разных партий и движений, буквально зациклились (порой употребляя одни и те же, буква в букву формулировки) на одном и том же — «рынок», «полные полки», «частная собственность», «человек», ну, быть может, еще одна-две повторяющиеся формулы. И что это все? Из-за этого все страсти и вихри политических бурь?

РЕЧЬ ПОСЛЕ РЕЧИ, ИЛИ КОММЕНТАРИЙ К СОБСТВЕННОМУ ВЫСТУПЛЕНИЮ

А ведь есть цель! Это современное правовое гражданское общество, вобравшее передовые достижения цивилизации. И это как раз может объединить всех нас: и сторонников демократической партии, и сторонников либеральной партии, и приверженцев социалистических идеалов в их изначальном гуманном значении (к которым, кстати сказать, и принадлежит автор этих строк).

И вот мне показалось крайне важным попытаться хотя бы контурно очертить концепцию нашего обновления — так, как она понимается мной. Сдобрать это, отправляясь от центрального пункта дискуссии, развернувшейся на Съезде, — вопроса о власти, необходимости ее укрепления в наше до предела сложное, драматическое время.

А ВОТ ТЕПЕРЬ комментарии. Буду приводить выдержки из своего выступления, взятые из стенограммы Съезда. А потом небольшие пояснения по самым существенным, на мой взгляд, вопросам.

Итак, начнем. Вот выдержка из вступительной части.

«Для всех теперь, кажется, стало ясным, что для проведения кардинальных демократических преобразований нужна крепкая, дееспособная государственная власть. Вместе с тем мы не в состоянии отбросить в принципе ошибочное, но укоренившееся мнение о том, что крепкая власть — это власть диктатуры и власть авторитарная. К этому, конечно же, есть определенные исторические предпосылки. История учит, что крепкая власть при определенных условиях, перейдя через какую-то невидимую грань, становится вла-

стью авторитарной, а то и абсолютной».

В чем тут соль вопроса? А в том, что политическая власть — это необходимая для совместной жизни людей и в то же время самая коварная, жестокая, непокорная сила. Достаточно ей достигнуть известной величины, «критической массы», как она начинает действовать по своим законам и нравам, коверкая и подчиняя людей — представителей власти, делая их своими заложниками, носителями ее безудержно нарастающей демонической силы. И сколько примеров и в истории, и в нашей жизни. Вкусил человек сладкий плод власти, и вот он весь тут — в ожесточенной схватке за власть, в ее обретении или в возвращении к ней, наращивании ее мощи. А если еще обстоятельство жизни такие, что надо то и дело «власть употреблять», и эти обстоятельства все нарастают и нарастают? И вот потянулась, потянулась жестокая, а то и кровавая дорожка — сначала к авторитарной, а потом и к абсолютной власти.

Что же делать?

«Выход, думается, один. Он в том, чтобы проводить укрепление нашей власти, повышение ее эффективности в контексте кардинальных структурных преобразований всего государства».

Вот в этих словах — «структурные преобразования государства» в общем-то и заложена заявка на концепцию, притом такую, которая, как мне представляется, соответствует современному уровню цивилизации, ведет к возвращению к ее достижениям и ценностям.

Структурные же преобразования государства охватывают ряд ключевых звеньев. Главные из них, по моему разумению (и с точки зрения проблем власти), — три.

ПЕРВОЕ ЗВЕНО

«...наше государство должно стать государством гражданского общества, общества, в котором экономическая власть, власть собственника принадлежит не ведомствам, а производителям. Мы провозгласили этот лозунг, но он очень трудно реализуется. Главное дело перестройки, без которого нам не решить никакой проблемы, — преобразование собственности...»

«...Вот тогда, я думаю, наши граждане получат главное, что составляет суть демократии, — экономическую свободу, хозяйскую власть, которая сейчас монополизирована государством. И тогда государство, освобожденное от непомерных тягот собственности, с которой все равно ему не справиться, станет государством гражданского общества, государством, которое будет устанавливать мир, согласие, координацию нашей жизни».

В заключительном фрагменте стенограммы выпало одно слово (то ли я его не сказал, то ли в записи изъян). Это слово о том, что в государстве, не отягощенном гигантской собственностью, власть становится умеренной, то есть такой, когда она не достигает «критической массы» и потому не имеет еще крутого нрава, внутренних законов самовозрастания, ведущих ее к власти авторитарной, абсолютной.

А вообще-то суть гражданского общества — вопрос вопросов. Нередко его определяют просто — это общество гражданских прав, общество граждан. Это верно. Но все же корень вопроса — в собственности, точнее — в персонализированной (по иной, более идеологизированной терминологии — частной) собственности, когда абсолютными обладателями средств производства,

материальных и объективированных духовных благ становятся «персоны» — люди, носители прав и интересов. Если же собственность соединяется с политической властью — хотя, конечно, в каких-то пределах такое соединение неизбежно — и это соединение опять-таки достигает своей «критической массы», наступают неотвратимый крах, застой, стагнация, паразитирование, общий упадок. И тогда не только в принципе невозможен рынок (для товарно-рыночных отношений требуется до 70—75 процентов «свободных» товаропроизводителей — персонализированных собственников), но и гражданское общество в принципе невозможно. Ибо первоосновой статуса свободного гражданина, его неотъемлемых прав является экономическая свобода — исходный элемент демократии, а в ее основе — персонализированная собственность.

И у кого в поле зрения мои публикации и выступления последнего времени, тот знает, что я, неустanno, безбожно повторяюсь, бью и бью в одну точку, заявляя, что нам не решить ни одной проблемы кардинального обновления, если мы в кратчайшее время не преобразуем отношения собственности, не преодолеем чудовищный государственный собственнический монополизм, не сделаем производителя хозяином средств производства. Мне показалось, что я уже надоел читателю и слушателю такого рода заявлениями и что их не воспринимают или, хуже того, не разделяют. Но когда на Съезде после слов о необходимости объявить, что отныне и навсегда все средства производства принадлежат производителям, раздалась аплодисменты, мне подумалось: нет, нас много, и надо повторяться и бить — бить в одну точку, иначе не уйти нам от краха и не будет нам прощенья от сограждан наших и наших потомков.

ВТОРОЕ ЗВЕНО

«Второй ключевой момент. Считаю, что наше государство должно стать государством права. Не просто подчиненным законам (законы могут быть разными, в том числе и антидемократическими), оно должно стать государством права — в самом высоком смысле, — единственного в мире инструмента, способного предотвратить перерастание власти в авторитарную. Речь идет, следовательно, о верховенстве права в обществе».

Тут тоже есть неточность, впрочем, такая, которую ни одна стенограмма уловить не в состоянии. Слово «право», помнится, я стремился произнести так, чтобы оно начиналось с заглавной буквы — «Право» или вообще еще лучше все целиком написано заглавными буквами — «ПРАВО».

А по сути вопроса — вот что. Пора сломать наши стародавние стереотипы и идеологемы, когда право рассматривалось как сугубо классовая сила, орудие принуждения, средство политики. Да, есть в праве момент принуждения, общеобязательности. Но в своей истинной сущности оно — явление цивилизации и культуры, призванное противостоять голой силе, произволу, самочинным действиям, беззаконию. И вот оно, право в таком понимании, способно установить такой порядок, когда для государственных органов и должностных лиц действует строго разрешительная система: любое властное действие должно быть легитимировано законом, что и пресекает авторитарные методы управления.

И все же не это, наверное, самое главное. Верховенство права в обществе означает известную «святость» права как принципа и святость Конституции как принципа. И недопустимость никаких односторонних действий, акций, которые бы по воле одного лишь субъекта — какими бы замечательными лозунгами, декларациями, заявлениями и т. д. они ни прикрывались — нарушали сложившиеся правовые реалии и принципы, связанные с правами людей. (Тут нужно еще подумать и подумать, насколько правомерно со ссылкой на абсолютный национальный суверенитет совершать действия, недопустимые с точки зрения государственного суверенитета, — односторонне ломать действующий и не измененный на конституционных началах правопорядок.) И самое святое — верховенство права в обществе означает утверждение во всей общественной жизни в качестве абсолютных и нерушимых — безусловно абсолютных и нерушимых! — международно признанных фундаментальных прав человека. И тут я, признаюсь, не удержался и все же сказал о том, что на утверждение международно признанных прав человека и направляет свою деятельность Комитет конституционного надзора...

ТРЕТЬЕ ЗВЕНО

«И наконец, наше государство, как ни странно это прозвучит, должно стать действительно государством. Мы долго жили под лозунгами, которые были оправданы борьбой за власть, революцией, но которые нвобоснованно превратились в догматы. Один из них — отмирание государства — неведомыми путями привел к безраздельному господству аппарата. Другой из этих лозунгов — всевластие всех уровней Советов».

Что же мы получили, осуществив его в условиях перестройки (первый лозунг отошел в сторону, потому что есть бесценные вещи, относящиеся к политической жизни, которые должны быть тоже ценностями цивилизации и культуры)? Мы получили нечто страшное. Мы получили многовластие. Мы получили, как это ни страшно сказать, десятки тысяч парламентов в стране. И они действительно стремятся к всевластию. Но именно потому, что стремятся обладать всей властью, ничего по существу не решают, а только блокируют решения друг друга по вертикали.

Мы упустили ряд ценностей, ряд достижений культуры. Да, Советская власть — наше достояние. Но к нему мы должны подходить с учетом ценностей цивилизации. Одна из них — строгое различие между государством и местным самоуправлением. Государство — это Верховные Советы республик и Союз. Они действительно суверенные органы. Они действительно законодательные, там нужны парламенты. Другие Советы — это местное самоуправление. Они имеют власть, но не государственную, а муниципальную. Власть, построенную по другому типу. По типу мэрии, по типу земств. Вопрос, я считаю, должен быть решен очень быстро, иначе наше государство распалется на 50 тысяч удельных княжеств».

Сначала вот о какой вещи, думается, малозамечаемой. Авторитарная власть тоталитарного типа действует не только и, пожалуй, даже не столько через государство. Ведь государство — тоже продукт цивилизации, для него характерны стабильное построение, устойчивые формы, процедуры, закрепляемые в законе, и т. д. Для тоталитарных же режимов присуще «однобокое» государство, где доминируют административно-репрессивные, карательные органы,

и ведущее значение во всей политической жизни имеют как раз негосударственные структуры — партии, «движения», «фронты», «отряды» и т. д. (один из самых безжалостных диктаторов в истории — Сталин, до конца тридцатых годов вообще не занимал какого-либо ведущего государственного поста). Вот почему, для того чтобы предотвратить превращение власти в вторичную, нам нужно именно «настоящее государство».

И нужно, чтобы такое «настоящее государство» было надлежащим образом организовано, выступало в качестве современного, незаидеологизованного, светского, впитывающего достижения цивилизации в политико-государственной жизни. И прежде всего такие достижения:

— Строгое отделение государственной власти от муниципальной;

— последовательное разделение «трех властей» — законодательной, исполнительной, судебной. Причем за первым крупным шагом — образованием эффективного президентства (процесс, еще не законченный, пока он замыкается выяснением отношений «парламент — президент», тогда как главное — выработка механизмов функционирования президентства во всей стране — остается в стороне) — настало время сделать другой крупный шаг — возвести в ранг высшей власти в государстве наряду с законодательной и исполнительной также и судебную, и на общегражданском и на конституционном уровнях. Жаль, что, когда я достиг этого пункта, время моего выступления подошло к концу. Я же хотел сказать, что, хотя наш Комитет и называется «надзором» (с чем я изначально не был согласен) и хотя по постановлению Съезда его компетенция не распространяется на законы республик, мы в Комитете строим его деятельность как судебную, правосудную, целеустремляя ее на утверждение в нашей право-

вой системе международно признанных фундаментальных прав человека И, думается, последнее заключение Комитета о признании неконституционными всех актов, затрагивающих права, свободы и обязанности граждан, если такие акты не опубликованы, — тому подтверждение.

А вот заключительную часть выступления комментировать вообще не буду: так как она, пожалуй, была обращена не столько к разуму, сколько к сердцу: тех, к кому я обращался и обращаюсь сейчас.

Приведу заключительные слова целиком (тем более, как мне рассказали друзья, при телевизионном репортаже они выпали; хотя в них — «изюминка» всего сказанного).

«Последний аккорд моего выступления посвящаю вот чему. Неделю назад по служебной командировке я был в суде государства Европейского сообщества. Была напряженная работа. Там, кстати, я узнал, что в Европе уже идет речь о федерации. И у них нет сомнений, что европейское право имеет верховенство над национальным правом Франции, Дании, Англии и всех других суверенных государств».

Но об этом стоит поговорить особо. Проходя по этому суду, в одной из палат я увидел расписанные на 12 языках надписи. На двенадцати! О чем эти надписи? Верховенство закона, неотвратимость наказания? Нет, эти надписи были вот какие, послушайте: «Через любовь и справедливость — к единению!» Не принять ли и нам этот лозунг: не через силу, не через озлобление, не через другие факторы, которые сейчас все время мелькают, в через любовь и справедливость?»

НЕПРАВОВОЕ ПОЛЕ БОЯ

Сегодня в гостях у «МН» председатель
Комитета конституционного надзора
Сергей АЛЕКСЕЕВ

Егор Яковлев: На прошлой неделе я прочел в «Комсомолке» за вашей подписью короткое высказывание о событиях в Вильнюсе, где особо подчеркнуто: это ваше личное мнение. Так вот первый вопрос. Вы, как личность, известный правовед, как гражданин, наконец, и вы как председатель Комитета конституционного надзора — совпадают ли во мнениях эти два лица или бывают между собой в разладе?

Сергей Алексеев: Разлада нет. Но есть все же разница положений. Когда я высказываюсь как правовед, гражданин, во мне говорят только моя совесть и профессиональный опыт. Когда же я выступаю как председатель Комитета конституционного надзора, как руководитель коллегиального органа, мне не только по внутреннему убеждению, но и по строгому предписанию закона не дано вещать от имени этого органа. Это было бы нарушением как принципов, ради которых и создавали наш комитет, так и норм, которые прямо предписаны законом.

Что касается событий в Вильнюсе: все, что случилось там, произошло за рамками права, за рамками Конституции. То, что совершили вооруженные силы и так называемый комитет национального спасения, — это вне права. Но я обязан видеть и вторую сторону событий. Считаю, что литовское руководство при всей гражданственности своих намерений, при стремлении выразить понятные национальные интересы и чаяния грань законности тоже переступило, не посчиталось с правовыми реалиями. Мы можем сегодня сколько угодно осуждать произошедшее с Прибалтикой в 1940 году. Я лично очень со-

переживаю жителям этих республик, болею этим. Но прошли десятки лет, люди зажились со случившимся, возникли новые правоотношения и структуры, межнациональные браки и разнообразные связи... Можно ли их разрушить? Не равно ли это разрушению самой жизни?

Е. Я.: Я тоже думал об этом. Ландсбергис, на мой взгляд, начал действовать так, как будто пришел через неделю после вторжения советских войск в Прибалтику.

С. А.: Если же оценивать положение в одной формуле, то в Литве создается, я бы сказал, «неправовое поле», простор для силовых, односторонних действий, за которыми следуют произвол, беззаконие, то страшное, от чего мы уходим и никак не уйдем.

Е. Я.: Давайте проследим за конкретными нарушениями законности, начав с создания в Литве подпольного комитета национального спасения.

С. А.: Опасен не сам комитет, опасна его претензия на власть. Когда общественный комитет присваивает себе не свойственную ему функцию, становится инициатором захвата власти, в какой-то степени держит под контролем вооруженные силы, само это уже ставит его вне закона, вне Конституции.

Е. Я.: Ни для кого не секрет, что этот комитет стал, по сути, производной структурой от КПЛ (на платформе КПСС). Как вы это расцениваете с точки зрения закона? В то же время КПЛ — поощряемый отряд КПСС. Что можно сказать о партиш, которая причастна к созданию такого комитета, с такой практикой «спасения»?

С. А.: Все это — за рамками законности, как и вообще прямое партийное руководство государством, не соответствующее Конституции в связи с отменой известной 6-й статьи. Ну, а с точки зрения самих интересов коммунистической партии, это дискредитация партии, что мы и ощущаем сегодня как катастрофическое падение ее авторитета. Однако здесь все же корректней говорить о политической и моральной ответственности. Юридическая, тем более уголовная ответственность по признаку принадлежности к какой-либо партии или общественному движению — это феномены сталинской и гитлеровской «юстиции». Между тем тут, как и везде, должна торжествовать правовая ответственность за личную вину при нарушении закона, устанавливаемого судом.

Е. Я.: Действия армии по приказу неконституционной организации, убийство людей — это ведь все относится к разряду уголовных преступлений, не так ли?

С. А.: Такая постановка вопроса правомерна. Я не могу пока дать полной юридической квалификации событий, но то, что здесь есть криминал, регулируемый уголовным правом, безусловно.

Е. Я.: Какова по закону ответственность министра обороны, если одно из подразделений армии совершает антиконституционные действия?

С. А.: Думаю, с него тоже можно спросить. Здесь два варианта: либо он был в курсе дела — тогда следует одна мера ответственности; либо какие-то подразделения выпали из-под его контроля, стали неуправляемыми, но и за это следует отвечать.

Е. Я.: Как с точки зрения правоведа выглядит эпизод, когда армия захватывает государственную радио- и телевизионную станцию под тем предлогом, что та ведет антисоветские передачи?

С. А.: В рамки Конституции такая инициатива военных никак не вписывается.

Е. Я.: А как вписывается в рамки Конституции заявление президента, который, выступая после трагической ночи, мотивировал нападение на станцию именно так: вела антисоветские передачи.

С. А.: Это политические объяснения, но не правовые.

Е. Я.: Имеет ли право президент действовать, исходя из политических соображений, а не правовых?

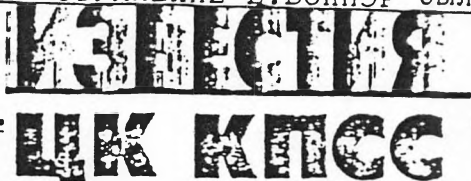
С. А.: Я бы не ставил вопрос так жестко. У президента в соответствии с его статусом все же имеется известная свобода поступать по своему усмотрению, его деятельность не регламентирована до каждого шага. К тому же, вы знаете, президент не действовал, он только мотивировал чужие действия. Если верить материалам, его прямой причастности к событиям в Вильнюсе нет. Политическая аргументация событий — его право.

Е. Я.: Но мотивирование тех или других поступков, их оценка в устах президента — это уже напоминает действие. Даже бездействие президента и то похоже на действие. За трагедию в Тбилиси, несмотря на выводы комиссии Верховного Совета во главе с Собчаком, никто не был призван к ответственности. Вам не кажется, что в таких случаях сама мотивация переходит в последующие действия? Скажем, если генерал Родионов после Тбилиси получает высокое назначение на должность начальника Академии генштаба, то начальник гарнизона Вильнюса воспринимает это не иначе как: действуй, и тебя в обиду не дадут. А вот на днях на дверях «МН» появилась листовка — создан комитет спасения России с не менее хлесткими требованиями, чем в Литве. Провозглашен ультиматум латвийского комитета спасения. Для меня это — развитие определенного сценария...

С. А.: Все это очень тревожно. Если трагедия в Вильнюсе — взрыв эмоций, единовременный эпизод, это одно. Если же перед нами развитие совмещенного сценария, то здесь события более серьезные для всей страны. И они требуют надлежащей оценки на самом высоком уровне.

С П

Куда идет «Демократическая Россия»?

90г.

В конце октября состоялся учредительный съезд движения «Демократическая Россия». Публикуем информацию, полученную из Отдела ЦК КПСС по связям с общественно-политическими организациями.

Съезд работал 20—21 октября 1990 г. в московском кинотеатре «Россия». На съезд прибыл 1181 делегат, избранный от 71 области, краев и автономных республик. Делегаты представляли ряд демократических партий и общественно-политических объединений, включая их региональные организации. Особенностью формирования состава участников съезда была обязательная антикоммунистическая платформа организаций и партий, которые они представляют. Поэтому оргкомитет не пригласил на съезд представителей Компартии РСФСР и некоторых партий центристского блока, признающих возможность сотрудничества с КПСС.

Открыл съезд председатель оргкомитета А. Мурашов. Он изложил свое понимание истории российского демократического движения, современным этапом которого является, по его мнению, движение «Демократическая Россия», призванное стать «гарантом общественного согласия и опорой будущему президенту республики».

Заместитель председателя Л. Пономарев сообщил об основных принципах работы оргкомитета: «идеологическом — альтернатива руководству КПСС и организационном — отход от любых способов насильственного решения национальных, социальных проблем и других вопросов».

О необходимости принятия новой Конституции России и проблемах движения говорил сопредседатель Социал-демократической партии России О. Румянцев.

Выступивший на съезде Н. Травкин назвал демократические силы, объединяющиеся в некое аморф-

ное «Мы», «структурами, не способными к действию». Он отметил, что в нынешнем виде они «не будут представлять серьезной опасности для КПСС». Поэтому Н. Травкин предложил не делать упора на консолидацию в рамках «Демократической России» как движения, а укреплять такие структуры, как Демократическая партия России, способные, по его мнению, на «серьезные действия».

Полемизируя с Н. Травкиным, идею создания «Демократической России» как широкого движения поддержали председатель Октябрьского райсовета г. Москвы И. Заславский и один из лидеров нынешней Республиканской партии России В. Лысенко. Одной из первых задач движения В. Лысенко считает борьбу за отставку союзного правительства. «Демократическую Россию» он рассматривает как информационно-координационную структуру, объединяющую и партии, и отдельных граждан в борьбе против тоталитаризма. На первом этапе, по его словам, должна осуществляться «деструктивная работа — отставка союзного правительства, ликвидация на местах совмещений партийных и советских постов, департизация КГБ, МВД, Советской Армии, ликвидация привилегий, отчуждение собственности КПСС». В качестве «конструктивной работы» он назвал подготовку экономической программы для каждого региона, конкретных механизмов по приватизации собственности и социальной защите всех слоев общества.

Часть выступивших в первый день работы съезда (М. Астафьев, Г. Якунин, А. Оболенский) призывали к скорейшему устранению КПСС с политической арены.

Кроме того, в первый день работы съезда развернулась дискуссия по уставу движения.

21 октября на утреннем заседании съезда, посвященном образованию руководящих структур «Демократической России», возникли

серьезные разногласия между выступавшими членами оргкомитета и делегатами некоторых регионов.

Работа съезда была подчинена двум изначально поставленным задачам: принятию устава, на основе которого движение может считаться официально и структурно оформившимся блоком демократических партий и объединений, и образованию выборных руководящих органов, способных определять стратегические цели и ставить текущие задачи, а также координировать деятельность партий и региональных демократических образований, входящих в структуру движения, по их выполнению.

Основная задача учредительного съезда — провозглашение движения и принятие устава — была выполнена. На втором заседании 21 октября устав был принят большинством голосов делегатов. По вопросу образования руководящих органов на съезде возникли существенные разногласия между оргкомитетом и делегатами от регионов и партий. В адрес оргкомитета высказывались серьезные замечания. В частности, утверждалось, что он «пытается заорганизовать съезд и навязать свою, ни с кем не согласованную повестку дня и организовать контролируемые им руководящие структуры». В итоге длительных дискуссий координирующие органы движения поручено образовать Совету представителей на ближайшем пленуме. По решению съезда оргкомитет сохраняет свои полномочия до пленума и формирует по представлению региональных структур и партий Совет представителей.

Внешне вся работа съезда выглядела крайне не согласованной. Многие доклады, касавшиеся организационных вопросов движения, звучали довольно противоречиво. Вокруг выработки основных ориентиров движения — принятия новой Конституции России, проведения прямых выборов президента республики и «завершения начатого демонтажа коммунистического движения» — нагнеталась атмосфера острой нетерпимости к КПСС и противостояния, как выразился А. Мурашов, «утопически деятельной коммунистической заразе».

Кульминационным моментом полемике по организационным и программным вопросам явилось выступление Елены Боннэр, лейтмотивом которого был призыв к сохранению демократической сущности в современном демократическом движении, недопущению вождизма и манипуляций отдельными демократами всем движением в целом. В неприкрытой форме она выразила недоверие Т. Гляну, О. Калугину и Н. Иванову как лицам, которые «не могут быть подлинными демократами», так как ранее, «работая на ключевых постах в КГБ и прокуратуре, занимались подавлением демократов, а ныне претендуют на лидерство в демократическом движении».

Съезд так и не выработал единого программного документа. Однако основные стратегические цели и текущие задачи были определены в обращениях, декларациях и резолюциях. В качестве основной политической задачи предусматривается разрушение СССР путем выхода из него РСФСР и национализации всей собственности Союза на ее территории (декларация съезда по текущему моменту).

Провозгласив в основной декларации движения, что соглашение между Президентом СССР и Председателем Верховного Совета РСФСР оказалось сорванным, съезд призвал торпедировать президентскую программу выхода из экономического и политического кризиса путем активизации деятельности демократических фракций в Советах всех уровней по реализации собственных предвыборных программ на местах. По сути, «Демократическая Россия» пытается спровоцировать невыполнение основных постановлений и рекомендаций из центра, обострить экономический хаос и свести таким образом на нет все усилия Президента и союзного правительства по стабилизации политического и экономического положения в стране.

В обоснование своих действий в этом направлении съезд выдвинул положение «о создании необходимых условий для реализации идеи суверенитета России» (обращение учредительного съезда движения «Демократическая Россия»

к демократическим фракциям в Советях).

Конкретные меры по разрушению Советского Союза как единого государства «Демократической Россией» таковы:

— осуществление координационным органом подготовки и проведения актов гражданского неповиновения, конкретная цель которых — отставка правительства Горбачева — Рыжкова;

— выражение со стороны широкой демократической общественности поддержки курсу российского парламента и правительства на радикальную экономическую реформу, а также оказание давления на Верховный Совет РСФСР с целью обострения его противоречий с Президентом и Верховным Советом СССР и ускорение выхода России из СССР (резолуция съезда, обращение к Верховному Совету РСФСР и Верховному Совету СССР);

— участие в разработке новой Конституции РСФСР и подготовке проведения референдума по ее принятию Верховным Советом РСФСР (заявление съезда о Конституции), а также координация действий демократической фракции на ближайшем Съезде народных депутатов РСФСР в ее поддержку (заявление А. Мурашова на итоговой пресс-конференции).

Для осуществления поставленных задач «Демократическая Россия» намеревается использовать методы парламентской политической борьбы. В связи с этим съезд постановил создать группу координации деятельности депутатских фракций «Демократическая Россия» в российских Советах всех уровней, которая должна руководствоваться решениями фракции движения в Верховном Совете РСФСР. Кроме того, на съезде принято решение поручить депутатской фракции «Демократическая Россия» Съезда народных депутатов РСФСР рассмотреть вопрос об образовании политического консультативного совета движения, а соответствующие рекомендации утвердить на втором съезде движения. Таким образом, «Демократическая Россия» стремится подчинить своим целям и координировать деятельность всей депутат-

ской вертикали сверху донизу, от Верховного Совета РСФСР до местных Советов районного уровня. По утверждению председателя оргкомитета А. Мурашова, фракция движения составляет около трети депутатского корпуса всех уровней за исключением союзного.

Серьезную ставку «Демократическая Россия» делает на митинговые способы реализации текущих задач. Она обращается к Вооруженным Силам и правоохранительным органам с демагогическими призывами о выходе из КПСС, департизации армии, МВД и прокуратуры, с требованиями не выполнять указы высшего командования, не «выступать в качестве полицейской службы одной партии...» и т. п. Движение пытается дестабилизировать положение в армии, деморализовать и в конечном итоге разрушить ее.

С целью привлечь на свою сторону широкие слои населения движение организует акты гражданского неповиновения, митинги, манифестации. Конкретными акциями стало проведение 7 ноября альтернативной демонстрации и «Дня поминовения жертв коммунистического террора».

Следует отметить, что в работе съезда не приняли участия такие политические лидеры демократической ориентации, как А. Собчак, Г. Попов, С. Станкевич и некоторые другие. Ю. Афанасьев, которого рассматривали как одного из лидеров движения, ограничился присутствием во второй день работы съезда, не выступив на нем и не сделав каких-либо заявлений.

Съезд выявил существенные организационные противоречия между «центром» и местными структурными движениями, выразившиеся в неспособности сформировать руководящие органы, предложить реальную программу действий и механизм ее реализации.

В то же время было бы неправильно недооценивать значение прошедшего съезда, так как он открыл качественно новый этап политической борьбы в стране: налицо первая серьезная попытка организационного оформления сил, оппозиционных КПСС, стоящих в основном на антикоммунистических позициях.

ДЕМОНТАЖ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ В СССР ПРИВЕЛ К КОНСТИТУЦИОННОМУ КРИЗИСУ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К РАЗВАЛУ СОЮЗУ

4 - Н О В О Е В Р Е М Я - № 49 90

Конституционный кризис

Николай Попов,
доктор исторических наук

Делать вид, что все волнения в стране от неустроенности и от голода, — значит обманывать себя и других. Наведение порядка на железной дороге и в торговле — это одно, а разрешение главного, конституционного кризиса — это другое, и это главное

Наш президент в Париже находился на вершине триумфа: во многом благодаря его внешней политике состоялись окончательные похороны «холодной войны», заключаются договоры о дружбе с западными буржуазиями, Европа все больше объединяется, включая нас в свои границы и объятия; но сама страна, которую представляет любимец Новой Европы президент Горбачев, разваливается. Этот парадоксальный факт является парадоксом только внешне: распад Союза — следствие того самого процесса, который привел нас в Европу и повернул вспять гонку вооружений.

Все то, что происходит в мире и в Европе, что именовалось в разное время «победой политики мирного сосуществования», «нового мышления», в первую очередь было не успехами нашей дипломатии и тонких маневров за столом переговоров, а реакцией остального мира на наши внутренние дела, на наши попытки или хотя бы намерения стать более цивилизованной страной. Шаги к свободе, гласности, самокритике — вот наши главные внешнеполитические козыри. И один из главных шагов в цивилизованности и демократии, от тоталитаризма — это то, что мы дали уйти своим восточноевропейским младшим братьям. Мы разжали братские объятия, не устроили вторую «Чехословакию-68», и за это мир нам благодарен и готов помочь выбраться из экономической ямы, в которую мы себя сами столкнули.

Когда мы провозгласили ускорение, это мало кого в мире затронуло. Когда была объявлена перестройка с целью мобилизовать наконец все преимущества социализма, снабдив его «человеческим лицом», это тоже не вызвало особого энтузиазма на Западе. Гласность как первое условие развития демократии действительно впечатлила мир — как широкую публику, так и профессиональных политиков на Западе. Исключительно важным, можно сказать, историческим было заявление М.С. Горбачева, что гуманитарные, общечеловеческие ценности для нас теперь важнее классовых и всех прочих. Для тех, кто разбирается в нашей идеологии, это был смелый и принципиально важный шаг: если это не пропаганда, а всерьез, значит, мы не собираемся больше никого свергать силой, сажать на чужие престолы братьев по классу, давить танками отступников от марксизма. Было немало других заявлений, которые вызвали уважение остального мира и рост к нам доверия, — осуждение сталинского террора, вторжения в Чехословакию, агрессии в Афганистане, но фактический отказ от классовой борьбы в мировом масштабе — это был решительный шаг, по сути дела, подрывавший основу под «расколом мира на два лаге-

ря», постоянной конфронтацией двух систем и в конечном счете под угрозой войны и гонкой вооружений.

От победного шествия к «принципу домино»

Чтобы лучше осознать, что происходит на наших глазах, надо представить, что происходило вообще с нашими мессианско-имперскими амбициями за послевоенное время. Прежде всего мы без особого шума постепенно откапались от идеи «мировой революции», «победного шествия социализма по планете». Было признано, что в развитых странах Запада «капитализм имеет еще значительные резервы» и социалистической революцией там пока не пахнет. В «третьем мире» были попытки военного вмешательства для распространения идей коммунизма, как, например, в Анголе, Эфиопии и последний раз в Афганистане. Но эта эра, очевидно, в прошлом. Так называемые национально-освободительные движения будут развиваться без нас. Этот третий, наружный круг империи распался, что вряд ли вызывает у кого-либо большие сожаления.

Гораздо более драматичным был распад второго, среднего круга империи — бывшего социалистического лагеря. Союзники по антигитлеровской коалиции отдали страны Восточной Европы Сталину на заклание, и с тех пор их народы копили ненависть к восточной метрополии, освободившей их от фашизма, но отделившей тут же «железным занавесом» с колючей проволокой от остального мира. Многие удивляются — как все это так внезапно рухнуло? Чему тут удивляться — все держалось на нашей армии, и железный кулак незамедлительно обрушивался на отступников, как это было в ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии. Без поддержки наших танков марионеточные правительства здесь не удержались бы и месяца. Так оно и случилось.

Вообще-то отказ от имперских амбиций шел постепенно. Сейчас уже все забыли, что такое «еврокоммунизм» — самостоятельная линия европейских компартий, предававшаяся анафеме долгие годы. В 70-е годы гегемония КПСС была постепенно отменена, начались контакты с социалистами и социал-демократами, негласно был признан плюрализм левых движений и доктрин. Брежнев и Андропов поощряли венгерские демократические эксперименты.

Однако главное испытание новой имперской терпимости пришло в Польше в 1979 году, когда «Солидарность» бросила вызов компартии и правительству. Весь мир ожидал ввода советских танков со дня на день. Этого сделано не было.

Тем не менее именно Горбачев открыл ворота к свободе странам Восточной Европы. За это, собственно, и Нобелевская премия, так же как и за усилия по разоружению. В ряду многих внешнеполитических актов и

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС (2)

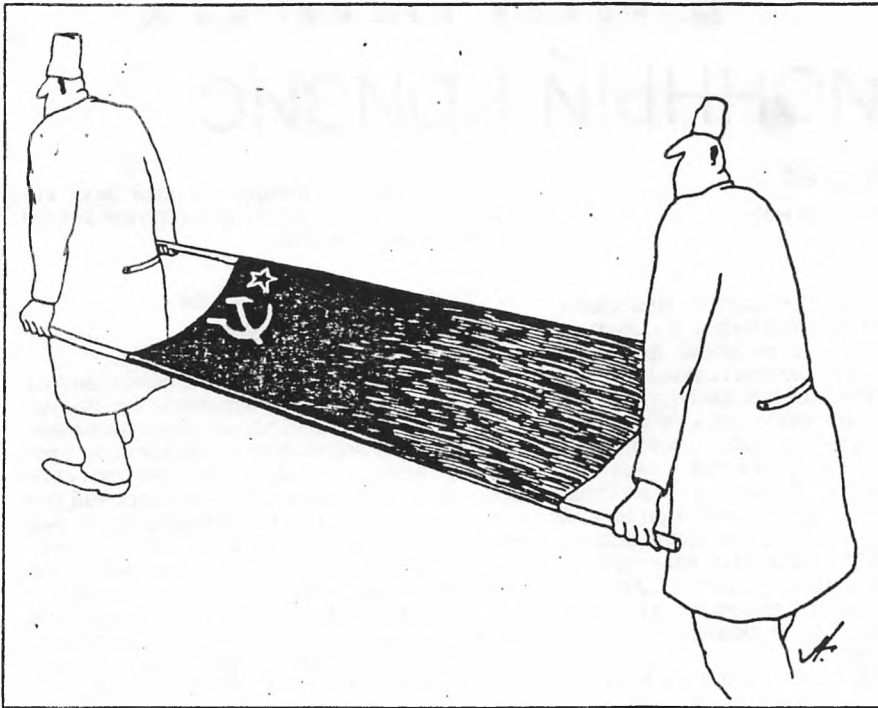

Рисунок Аркадия Гурского

символических жестов было совещание стран Варшавского блока в Бухаресте в 1989 году. Там не говорилось напрямую о возможности выхода из блока, но декларировалось, что отныне все эти страны будут сами определять свою внешнюю политику. Это было принципиальное заявление, после которого события развивались по собственной логике. В соответствии с известным «принципом домино» осенью 89-го восточноевропейские режимы попадали один за другим.

Демонтаж, переходящий в раскол

Главная же причина всего этого неостановимого процесса — в демонтаже тоталитарной системы в СССР. Обретая свободу сами, мы неизбежно должны дать ее и другим. За всем хаосом перехода к рынку многие у нас забыли, в чем, собственно, главная, историческая важность происходящего. Хотя кому сейчас до истории, когда речь идет о выживании? Так вот, главное все же в прекращении диктатуры коммунистической партии или, точнее, ее аппарата, верхушки над своей страной, над социалистическим лагерем, над мировым «революционным движением».

В этом процессе неизбежен, как это ни страшно звучит, распад и ядра империи — самого Советского Союза. Распад вовсе не означает исчезновения с карты Земли, вполне возможно, потом возникнет какой-то новый союз или содружество на иных принципах. То, что разваливается сейчас, это не священная семья народов, как долгие годы провозглашала официальная пропаган-

да, а сталинское унитарное государство, в котором большие и малые народы управлялись кровавой рукой из одного центра, не имея никакой возможности не только самостоятельно решать свою судьбу, но и показывать малейшее отклонение от линии партии, начертанной Вождем. Добавьте еще к этому безостановочную русификацию с исчезновением национальных языков и культуры и в то же время размывание самой русской культуры и постоянное избивание наиболее талантливых русских и национальных кадров — и вы получите «союз нерушимый республик свободных».

Мало смысла в разговорах и «традиционных узах дружбы», «вековых связях народов» Советского Союза, которые грех нарушать. Такие же узы дружбы у Молдавии с Румынией, Западной Украины с Польшей, у Закарпатья с Чехословакией, у балтийских республик между собой и с Западной Европой, у Азербайджана с Турцией и Ираном, у Средней Азии с остальной Азией и так далее. Я не хочу говорить сейчас о напряженности, неприязни и вражде, которые существовали между некоторыми народами Союза и долгие годы заматались под ковер, а теперь вырвались наружу. Но, главное, дело не в этом. Так же как отдельные люди гигантской страны стремятся сейчас к свободе — свободе думать и высказывать свои мнения, работать, как им хочется, и зарабатывать, как все люди в развитых странах, свободно ездить по миру и селиться, где пожелают, так же народы и республики, автономии, области хотят свободы от диктата центра — от идеологического, министерского, миллицейского контроля из Москвы. Это заявили все республики, многие автономии,

области. Не все хотят выйти из Союза прямо сейчас, но чем больше Москва будет хватать их за руки, угрожать санкциями или устраивать блокаду, тем сильнее будет стремление людей уйти навсегда. Пока что основной смысл риторики и конкретных дел, исходящих из Москвы, это традиционное имперское «хватать и не пущать», так это понимают люди как в центре, в России, так и в других республиках. Народы требуют свободы, независимости, «суверенитета» — даже если не все толком понимают, что это такое, а им говорят: «разделение компетенций и полномочий», «обновление связей».

У президента есть выбор: либо возглавить реформу империи у себя дома в соответствии с новым мышлением, которое он провозгласил за границей, и как минимум официально и публично признать провозглашенный республиками суверенитет, признать их суверенными государствами, либо держать их силой, отменять их законы, выпускать свои, которые они не выполняют, унижать их легкоранимое национальное достоинство, усиливая тем самым взрывоопасную ситуацию.

Не путь к хаосу, а свобода рук

Нет нужды объяснять, что время решений, которые получают «единодушную поддержку советского народа», прошло. Президент толкает назад, к «Чехословакии-68», в своей стране мощные политические силы, да и немало рядовых граждан — не большинство, но, видимо, около 20 процентов. И для многих по-прежнему звучит как гипноз «мощь державы», которую никому не дано подрыть, или, как поется, «единый, могучий...» — то есть единый, чтобы быть могучим. А против кого могучий? Полновластная имперская риторика зиждется на психологии осажденного лагеря, внешнего буржуазного врага. «Национальная безопасность» была последней гранитной скалой, о которую разбивались доводы сторонников суверенитета республик: экономическая самостоятельность — ладно, но союзную армию трогать не смей! И здесь одна из причин сопротивления реформе Союза — мощная армия республикам не нужна. У Прибалтики нет внешних врагов, не видят таковых и в Белоруссии, и на Украине, которые движутся к нейтралитету или безъядерному статусу. Попросту говоря, самостоятельность или независимость республик означает радикальное сокращение армии, сведение к минимуму ракетно-ядерного потенциала, снижение числа генералов на душу населения до мирового уровня.

Отсюда и недавний ультиматум президенту от полковника.

Собственно говоря, то, что сейчас происходит, это не только развал экономики, к которому привели сопротивление реформам администра-

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС (3)

Монархическая ностальгия... Имперское мышление сильнее здравого смысла?

тивно-командного аппарата и нерешительность реформаторов; что еще важнее, это конституционный кризис. Республики больше не хотят подчиняться приказам центра, фактически нарушая этим центром созданную конституцию, в которой закреплена верховенство законов Союза над республиканскими. И здесь два выхода — заставить их подчиниться, если надо, силой, либо заменить конституцию, не отвечающую интересам народов этих республик. Делать вид, что все волнения от неустойчивости и от голода, — значит обманывать себя и других. Наведение порядка на железной дороге и в торговле — это одно, а разрешение главного кризиса — конституционного — это другое, и это главное.

И здесь, собственно, три возможных пути. Первый уже обозначен военными и за него выступают другие силы, оставшиеся от тоталитарного строя, которые пока удержали свой контроль по вертикали, но видят явную угрозу от деления системы по горизонтали. Маленькие тоталитарные системы гораздо слабее одной большой тоталитарной системы (хотя Россия и Украина — не очень маленькие, но все же это расчленение осмыслено на части). Здесь логика событий известная, опробованная частично на Литве: угрозы, экономическая блокада, аннулирование принятых в республиках законов, в том числе деклараций о суверенитете, как не соответствующих союзной конституции, введение президентского правления или особого (чрезвычайного) военного положения, ликвидация местных парламентов и других органов власти. Это сохранение Союза и конец перестройке, демократизации, вхождению в европейский дом и вообще в цивилизованный мир. Это было сделано в Нагорном Карабахе, может быть, на некоторый период сделано в общесоюзном масштабе.

Второй путь, нам столь привычный, — не делать никаких решительных шагов, чтобы не восстанавливать против себя ни правых, ни левых, держать баланс посередине. Прилгнуть, уломать, уговорить, купить окранны, чтобы они не спешили с суверенитетом и политическими реформами, дали время, чтобы начала работать экономическая реформа, а там все образуется. Одно временно поторопить экономических реформаторов, чтобы пошли какие-то продукты, товары, чтобы успокоить население. Для этой же цели потрясти сильнее Запад. Так сказать, сытая лошадь из конюшни не убежит. С этим путем опоздали на два года, да и тогда он был бы временной отсрочкой конституционного, имперского кризиса.

Наконец, третий путь — обращение к источнику проблемы. Тут, с моей точки зрения, неизбежна ликвидация союзной конституции вообще. Республики, будь то в новом экономическом союзе-ассоциации, содружестве наций на манер британского или конфедерации, неизбежно создадут свои конституции, предположительно на основе норм мирового права, деклараций ООН, норм правового государства, и объединенная конституция будет лишней. Также полагаю неизбежной ликвидацию союзного совета министров, союзного парламента в их нынешнем виде: вместо них будут совет премьер-министров или совет федерации координационного, консультативного плана. Профессиональная армия (в три-четыре раза меньше нынешней) со стратегическими вооружениями остается у России по просьбе других республик с отчислениями от них на ее содержание. Для координации внешней политики создается совет министров иностранных дел.

Все это временно, до постепенного

нашего вхождения в Европейское сообщество. Если следовать такому пути, эти шаги неизбежны, и их надо начинать сейчас, а не ждать, пока ситуация еще более ухудшится. И прежде всего следует приостановить действие союзной конституции, как вступившей в противоречие с жизнью. Замораживание конституции не означает отмену уголовного кодекса, правил уличного движения или расписания движения поездов. Это не путь к хаосу, как некоторые считают, а свобода рук республикам.

Жизненный цикл империи

Далее, для того чтобы республикам куда-то вступить — будь то новый союз, конфедерация или другое образование, чтобы заключить союзный договор, они должны быть полностью свободными. Начальник цеха с директором завода договор не заключает — он ему подчиняется. Поэтому необходимо прежде всего, чтобы было объявлено: нынешний союз прекращает действие, все его члены являются независимыми государствами и вольны либо вступить в обновленную федерацию-конфедерацию, или оставаться независимыми, неприсоединившимися и дальше, что, естественно, не исключает их тесные экономические связи, кооперацию, разделение труда сейчас и дальше, правда, на основе экономического интереса, рыночной экономики. Дележ имущества идет сам по себе; его можно облегчить проявлением президентом доброй воли, опережая или возглавляя процесс обретения самостоятельности республиками, а не двигаясь у него в хвосте.

Очевидно, последнее, о чем думали инициаторы перестройки, начиная ее, — это что им придется присутствовать при развале Союза. Однако если оглянуться в прошлое, то мы увидим, что огромных империй было множество, они создавались и распались, и, очевидно, есть определенный жизненный цикл империи — от юности до старости. Сожалее о распаде нашей и ставя в пример объединяющуюся Европу, многие забывают, что не так давно пол-Европы было Австро-Венгрией, а сейчас там о ней никто не скорбит. В любом случае имперское мышление несовместимо с демократизацией и нравственным, духовным возрождением общества, ставящим интересы человека, личности выше государства, могучего или не очень. Мы десятилетиями пытались держать своих людей, конкретных граждан насильно в нашей «самой лучшей стране». Сейчас, по данным опросов общественного мнения, 16 процентов взрослого населения хочет уехать отсюда навсегда. Принцип «хватать и не пушать» не работает — будь то по отношению к человеку или к республике, он только подрывает популярность лидеров, которые пытаются его осуществлять, — не сразу, так потом.

БАНКРОТСТВО КПСС ОЧЕВИДНО, ГОРБАЧЕВ ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ ВЫБОР, ЧТОБЫ НЕ БЫТЬ ЗАТЯНУТЫМ ВСЛЕД ЗА ПАРТИЕЙ В БОЛОТО ИСТОРИИ

« Н О В О Е В Р Е М Я » № 49 90

7

После банкротства

Так что же происходит с КПСС?

Леонид Васильев

Пока еще быть у власти — означает быть в партии. Хотя такое положение сохранится явно недолго...

Сегодня стало уже вполне очевидным, что провозглашенная некогда Лениным в качестве высшего совершенства («ум, честь и совесть нашей эпохи») партия обанкротилась. Можно продолжать спорить по поводу того, сохранила ли при этом свою чистоту великая идея коммунизма, можно даже пытаться создавать внутри партии воинствующее меньшинство, ратующее за некий истинный «марксистский» путь и призывающее начать эксперимент сначала, но фундаментальная истина сегодня ясна всем, и правым, и левым, и сторонникам правящей партии, и ее противникам: КПСС платить по векселям нечем. И, как говорится, не предвидится.

Что такое партия «нового типа»?

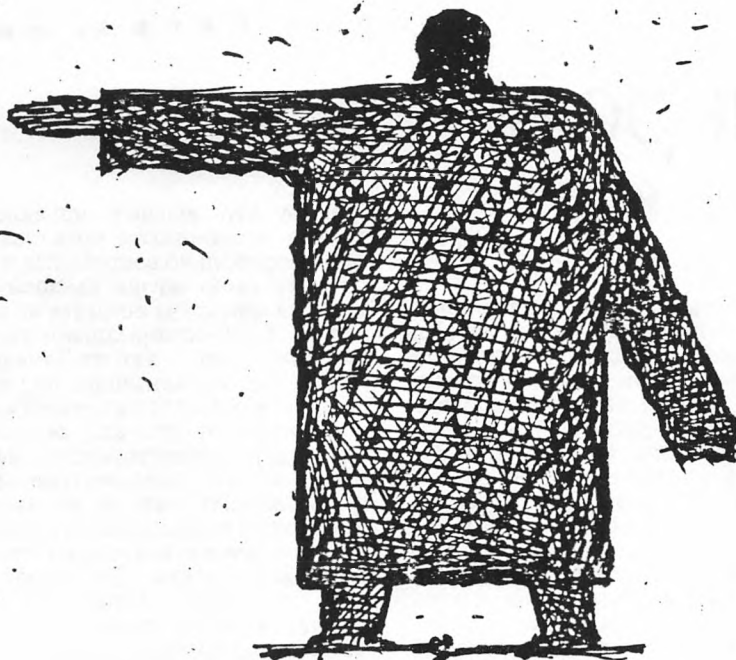
Однако перед нами — не обычная парламентская партия плюралистической демократии европейского типа, которая выбирается в процессе альтернативного отбора и несет полную ответственность перед избирателями за всю свою деятельность. И Ленин, и еще до него Маркс не случайно издевались над партиями такого рода, как и над парламентаризмом («парламентский кретинизм») и идеей правового государства в целом. Для решающей победы передового пролетариата над мировым злом, в качестве какового в прошлом и начале нынешнего века воспринимался буржуазный демократический строй, следовало создать иную мощную политическую силу, партию «нового типа». Принципиальная новизна партии подобного типа не просто и не только в том, что создается политическая структура, не приемлющая плюрализма и претендующая на монополию на всю истину (идеологическую, политическую, социальную, да и любую иную, вплоть до естественнонаучной). Она даже не сводится к тому, что внутренне эта структура более похожа на средневековый религиозный орден с абсолютной преданностью каждого нижестоящего его члена вышестоящему, а всех вместе — высшей, чаще всего мистической идее. Главное в том, что строжайше предписанное всеобщее служение идее, вобравшей в себя всю возможную истину, и готовность мобилизовать всех служащих ей на воинственное навязывание идеи другим под страхом смерти за отказ и репрессий за недостаточным рвением призваны стать категорическим императивом. Другими словами, никому и ни под каким видом нельзя не только сопротивляться, но и усомниться вслух в истинности идеи, сколь бы ни невероятной, несогласующейся со здравым смыслом она бы кому-либо ни показалась.

Пока это высшее правило касается только сторонников организации, которые добровольно вошли в нее и готовы подчинить свою жизнь высшей идее, внутренняя структура остается их внутренним делом. И любое нормальное здравомыслящее общество — как на Западе, так и на Востоке — организацию подобного рода обычно и естественно отторгает. Это хорошо видно на примере, скажем, суфийских орденов воинствующего ислама, особенно неортодоксального шиитского толка. В меньшей степени, но достаточно заметно это и на примере отгородившихся от мирской жизни некоторых орденов христианской церкви. Но бывают кризисные ситуации, когда все меняется. Партия «нового типа» — в отличие от чисто религиозных орденов — была создана именно в расчете на такого рода кризисную, революционную ситуацию. И сумела захватить власть в России в 1917-м. Сразу же после этого внутренняя структура партии была навязана обществу в целом, которое оказалось слишком слабым, чтобы эту структуру, основанную на боготворении высшей идеи, отвергнуть. Так партия «нового типа» естественно, хотя и не безболезненно, стала превращаться в государство того же «нового типа».

Партия и народ — едины

Увы, это не просто лозунг, но, к сожалению, во многом суровая реальность. Партия «нового типа» в принципе вполне преуспела в деле трансформации старого общества в общество «нового типа». Оговорюсь: речь не о структурном преобразовании, тем более не о формационном изменении старого строя. Здесь все как раз наоборот: прежняя командно-административная система, основанная на государственном («азиатском» по Марксу) способе производства с присущей ему всеохватывающей системой централизованной redistribution (перераспределения), осталась неизменной, так что в этом смысле коммунистический тоталитаризм — лишь модификация классической восточной деспотии с ее произволом власти, бесправием индивида, строго контролируемые рынком и несвободной частной собственностью. Модификация, к слову, экстремистская по основным своим параметрам, то есть ушедшая в сторону деспотизма много дальше, чем то было в случае с классическими восточными деспотиями. Поэтому, говоря о трансформации старого общества в новое, я имею в виду превращение общества, в котором уже были зачатки нового строя (европейско-буржуазно-демократического с его огражденными гарантиями правом личности на свободу, независимостью выбора, частной собственностью), в общество абсолютно бесправное.

КРАХ КПСС (2)

целиком поглощенные властью.

Методы, которыми достигалось единение партии и народа, общеизвестны. С одной стороны, это насилие, террор и, как следствие, всепоглощающий, намертво сковывающий людей великий страх. С другой — повседневная всесторонняя индоктринация, идеологическое оболванивание с пеленок в условиях структуры, закрытой от нежелательной информации и доступной воздействию всех средств массовой коммуникации, действующих в одном-единственном строго контролируемом и коррелируемом властями направлении, и, как следствие этого, — нерассуждающая, порой фанатичная, но чаще равнодушно-безразличная вера. Вера и страх были поводами и кнутом, посредством которых партия пристегнула к себе народ и повела его за собой. Вера и страх были отцом и матерью тех немалых достижений, которые были созданы на костях миллионов и ценой жизни поколений, но при всем том не могут не впечатлять, ибо способствовали индустриализации страны, вывели ее по многим стандартам на уровень мировых достижений.

Однако сверхперенапряжение не может быть нормой, вынужденный же отказ от него означал начало конца режима, на нем основанного. Упадок, агония режима означали не только всеобщий развал хозяйства страны, где производитель не заинтересован в результатах его труда. Гораздо хуже было то, что перестали действовать вера и страх, на чем держалась власть партии, принявшая форму государственной власти. Можно было полагать, что это скоро приведет к ослаблению партийно-государственной власти и соответственно к крушению всей структуры. Этого, однако, не прои-

зошло. Больше того, когда настал час перестройки, смысл которой в любом случае сводился и ныне сводится к подтачиванию основ бесчеловечного режима, к ослаблению, а затем и уничтожению монопольной власти партийно-государственного монстра, оказалось, что партия крепче, чем то первоначально представлялось. В чем же ее сила?

Во-первых, в том, что единство партии и народа — единство всадника и лошади — оказалось на практике достаточно крепким. Дискредитация партии, увы, не повлияла на него существенным образом. Народ единоклубен в отвержении погрязшего в пороках и проявившего свою полную несостоятельность правящего аппарата, но этот же народ, как то ни покажется парадоксальным, не мыслит своего существования (во всяком случае, в значительном своем большинстве) вне тех социально-идеологических стереотипов, к которым он приучен и которые им справедливо отождествляются с партией и с ее идеей — социализмом. Во-вторых, в том, что партия — это не просто группа единомышленников-коммунистов, как она себя с пафосом именует. Партия — это мощное государство, крупнейший военно-промышленный комплекс, гигантская последняя в мире империя.

Партия — это государство

Начнем с главного. Если партия «нового типа» претендует на монополию на истину, то это логично означает, что созданное под эгидой такого рода партии государство не может быть ничем иным, кроме как государством одной партии. Практически это с первых же дней после захвата власти означало, что государство — это партия; административный аппарат управляется партией; армия — военная часть, а все репрессивные и контролирующие органы — щупальца все той же всеильной партии. Больше того, в созданной партией новой структуре власти даже общественные органы, которые не только в демократических государствах, но и во многих классических восточных деспотиях имели немалую автономию, особенно на местах (общины, касты, цехи, землячества, секты), оказались абсолютно зависимыми и жестко включенными в единую партийно-государственную систему централизованной власти (молодежные, профсоюзные, женские, спортивные и прочие организации, вплоть до филателистов или изобретателей).

Не просто слившись с государством, но подмяв его под себя, став доктринальной основой претендующей на высшую истину имперской суперструктуры, партия более всего заботилась, естественно, не о выплате долгов по данным ею в 1917-м

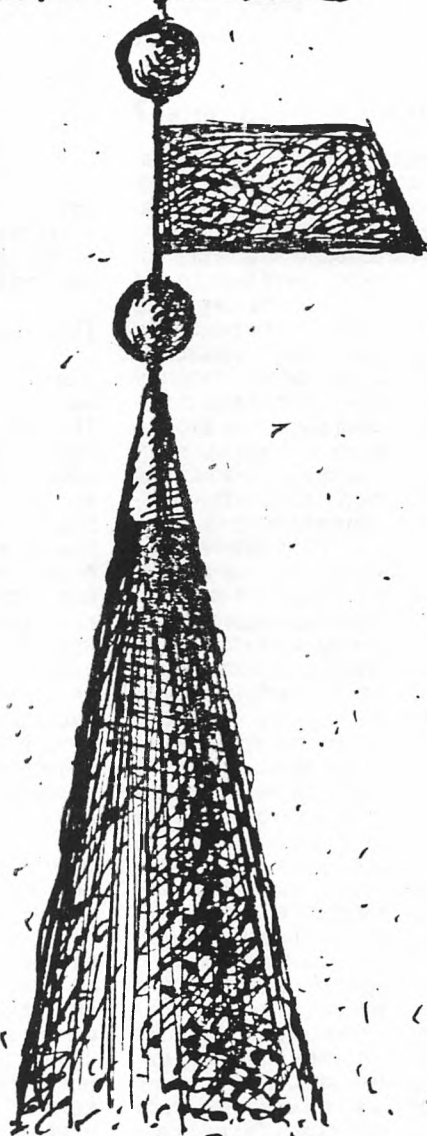

Рисунок Игоря Шенка

векселью (землю — крестьянам, заводы — рабочим), а о сохранении своей всеобъемлющей монополюющей власти. Именно из-за этого — а вовсе не по недоумию либо недоразумению — вся ее политика была всегда направлена на создание мощной военизированной репрессивно-подавляющей силы, способной подавить любое возможное недовольство и сопротивление внутри страны, а заодно и обезопасить страну от возможных угроз со стороны враждебного режиму внешнего мира. Отсюда и вся суперструктура нашей нищей империи с гигантски раздутыми ее военизированными мускулами: все во имя сохранения репрессивного режима, как бы дорого он ни стоил, а остальное, остатки — людям со всеми их потребностями, от пищи, одежды и жилища до здравоохранения, просвещения, культуры, социального обеспечения.

Партия и общество

Вот теперь самое время сказать о доктринальной основе партии. Эта основа — усовершенствованный Лениным ортодоксальный марксизм в его сталинской имперской восточно-деспотической модификации — отторгла людей от собственности (частная собственность — буржуазная зараза!) и лишила их хозяйственного интереса, превратив в покорных власти роботов, частично просто в рабов и крепостных (ГУЛАГ и колхозы). Мало того, эта же доктрина под лозунгами «до основанья, а затем...» и «религия — опиум» сознательно подорвала и обрушила корни традиции, религии, которыми питалась веками нравственность людей, за счет которых формировались их моральный облик, человеческое лицо, национальное достоинство и многое-многое другое. Пытаясь создать новое поколение «советских людей», партия осознанно вытравливала из этих людей все прошлое, «отсталое-пережиточное», «реакционное».

Результат хорошо известен: новый человек, homo советicus, как его не без ехидства именуют западные советологи, утратил почти все из добрых старых корней и — увьи! — не приобрел новой, усиленно насаждавшейся партией «коммунистической культуры». И не только потому, что эта «коммунистическая культура» была высосанной из пальца и не подкрепленной реальной жизнью выдумкой досужих теоретиков марксизма. Дело гораздо хуже: лишившийся экономического интереса человек — если это нормальный человек, а не фанатик либо ревностный сторонник идеи, каких заведомое меньшинство (по подсчетам специалистов, в любой структуре их не более 15 процентов). — быстро оказывается по образу жизни (вспомним Маркса: бы-

тие определяет сознание) люмпенным и соответствующим образом ведет себя, что в наших условиях проявляется преимущественно в предпочтении водки и вообще пьянства всем другим интересам и способам существования. Вот это-то я и имею в виду растлением некогда хоть и пившего, но всегда работающего и богобоязненного (а потому не пропивавшего душу!) народа. Растлением во имя требований теоретической доктрины, во имя интересов пришедшей к власти основанной на этой доктрине партии.

Вопрос о том, можно ли вернуть человеческий облик homo советicus и как это сделать — особая проблема, которую в наши дни пытаются решить многие. Я же хочу обратить внимание читателя на существенный для темы статьи аспект этой проблемы: люмпенизированный производитель и партия. Казалось бы, у униженного режимом человека нет оснований любить партию. И это весьма отчетливо проявилось во время выборов, когда партия была избирателями вполне естественно и справедливо отождествлена не с рядовыми ее членами — такими же, как они сами, униженными режимом людьми, — а с всевластным партаппаратом. Но это, к сожалению, далеко не вся правда. Как это ни парадоксально, но униженные и растленные режимом люди оказались ныне в ситуации, когда они боятся остаться один на один с совсем не знакомым им рынком, оказаться вне привычной опеки начальства и гарантированного нищенского минимума. И в этой ситуации далеко не все готовы к смене режима и хотят его. Растлевающая роль режима более всего проявляется именно в этом: народ боится другого режима, настоящей жизни, которая хоть и манит, но в то же время внушает тревогу. Люди не привыкли полагаться на себя, уважать себя и свой труд, быть уверенными в том, что благодаря себе, своему труду они могут прокормиться.

Партия и перестройка

В свое время Гитлер торжественно объявил, что освобождает всех своих активных сторонников от «химеры, именуемой совестью». Как похожи друг на друга тоталитарные режимы! Из истории последних 70 лет мы хорошо знаем, что совесть партию не мучила. Уничтожались десятки миллионов людей под святыми для марксизма лозунгами классовой борьбы, запугивались и растлевались режимом все уцелевшие, не перестававшие громко славить партию и ее вождей, разрушалось народное хозяйство, хищнически использовались и губились ресурсы огромной страны, приходили в упадок ее земли и воды, леса и пашни, спивался и выро-

ждался ее великий народ, — но совесть, во всяком случае у руководителей партии, себя никак не проявляла. Химера, да и только! И лишь тогда, когда стало совершенно ясно, что дальше так жить нельзя, был поставлен вопрос о перестройке режима. Обратите внимание: не об ответственности за содеянное, не о покаянии (покаяние может быть только там, где есть совесть), а о вынужденной перестройке. Вынужденной потому, что иначе уже невозможно — все слишком плохо, катастрофично, на грани полного краха.

Перестройка и социализм

Для тех, кто составлял и все еще составляет в нашей стране партийно-государственную верхушку («новый класс» по Джиласу), перестройка в любом ее варианте опасна, ибо ставит под сомнение их безусловную власть, а вместе с властью и все благополучие, созданное за счет других (феномен власти-собственности, власть рождает собственность, то есть возможность хорошо существовать за счет подвластных). Поэтому совершенно естественно, что главной заботой инициатора перестройки было как-то погасить страх перед ней и заставить людей, в первую очередь партийные верхи, от которых зависело и зависит очень многое, принять перестройку. Это было одной из важнейших причин, почему перестройку подавали и подают под соусом «социализма» даже тогда, когда наглядный пример стран Восточной Европы убедительно продемонстрировал, что на деле перестройка режима тоталитарно-социалистического типа заканчивается, по сути дела, тем, что можно назвать антисоциалистической революцией. Но только ли поэтому очевидное пытаются не видеть? Увы, не только.

Снова вернемся к многогосударственному нашему народу. Именно он — во всяком случае достаточно большая часть его — боится перестройки, боится рынка и привычно цепляется за социализм, воспринимая его в качестве своего рода синицы в руках по сравнению с журавлем в небе. Едва ли кто-либо в нынешних условиях гласности и потока информации, включая наиболее наглядно убедительную (кино, телевидение), сомневается в том, что в развитых странах капиталистического мира простые люди живут несравненно лучше, чем мы, — недаром ведь страна и весь мир с таким напряжением ждут потока беженцев от нас туда сразу же после принятия закона о свободе въезда и выезда. Казалось бы, логичен вывод: наш социализм во много раз хуже множества проклятого нами за последние десятилетия развитого капитализма.

На деле все не так. Во-первых, привычные доктринальные рамки,

Фото Юрия Григаса

в которых жестко воспитаны поколения, заставляют людей не вполне верить тому, что они видят и знают. Стереотип воздействует на подсознательном уровне, заставляя людей сомневаться в том, в чем они, по сути, давно уже не сомневаются, — да простится мне этот невольный каламбур! Во-вторых, большинство людей трезво оценивают свои способности и возможности и понимают, что ради хорошей жизни нужно много работать. Работать так, как мы не привыкли, многие из нас едва ли смогут. Наконец, многие просто панически боятся перемен, и этот страх тем более обоснован, что за пять с лишком лет эти перемены лишь понизили уровень жизни, оставив при этом грядущее повышение его где-то на горизонте, к которому еще неизвестно сколько идти и по сколь трудному пути. Отсюда не то чтобы — назад, к привычному! Но — пусть в основном останется как было, лишь с кое-какими необходимыми переделками.

Таким образом, стремление свети перестройку к переделкам в привычном режиме тоталитарного социализма ощущается не только сверху, но и по меньшей мере частично снизу. И вот на этом раскладе социальных сил и интересов пытается укрепить свой пошатнувшийся фундамент партия.

На чем же стоит сегодня партия?

Гласность и демократия, эти законные дети перестройки, медленно, но неуклонно делают свое дело. Формируются новые общественные силы, в том числе за счет вчерашних членов всемогущей партии. Создаются различного рода группы, фракции, коалиции. Кое-где власть в ходе выборов перешла в руки демо-

кратических сил. Наконец, лидером России, главой ее парламента стал вышедший из партии Ельцин. Партия вынуждена потесниться, кое-где делить власть с новыми силами, кое-где, пусть пока еще мало где, отказать от нее вовсе. Особенно заметно это в республиках Закавказья (Грузия, Армения), не говоря уже о Прибалтике. Можно было бы ожидать, что в такой ситуации партия станет быстро распадаться на части, деградировать, разваливаться. Этого, однако, не происходит.

Из партии в нынешнем году, до и после съезда, вышло не более 5 процентов ее состава. И не только потому, что значительные социальные слои в стране еще не утратили веры в социализм.

Дело в том, что в руках партии по-прежнему находятся основные рычаги власти — армия, репрессивные органы, центральное правительство, промышленная и финансовая система, включая бюджет, да и многое другое. Практически это означает, что быть у власти — значит быть в партии. И хотя такое положение сохранится явно недолго, сегодня еще именно так.

Но это еще не все. Под знаменем порядка в стране, действительно раздираемой на части социальными, экономическими, политическими, национально-культурными и иными противоречиями, силы вчерашнего дня не просто консолидируются. Они становятся все воинственнее, как то продемонстрировал, в частности, XXVIII съезд и в еще большей степени — предшествовавший ему съезд делегатов партии из России, провозгласивший создание компартии России.

Объединившиеся вокруг партии Полоскова люди — обладают ли они реальной силой и поддержкой значительной части населения? Без-

условно, и в этом серьезность ситуации. Есть ли у них будущее? Категорически — нет!

Завтрашний день партии

Почему — нет??! Уже говорилось, что партия «нового типа» — не партия, а всемогущий и всеобъемлющий монополющий аппарат власти огромного сверхцентрализованного государства. Аппарат, в рамках которого десятилетиями был вынужден объединяться актив страны, все те, кто имел способности и амбиции, кто хотел иметь оптимальный шанс для реализации своего «я». Поэтому подавляющее большинство членов находилось и находится в партии потому, что с партбилетом — и только имея его — они могут рассчитывать на успех в жизни. Без него — и это я хорошо испытал на себе — путь имеет не закрыт вовсе, то в любом случае настолько затруднен, что на преодоление трудностей уходят все силы, а результаты несоизмеримы ни с затратами энергии, ни с потенциальными возможностями.

Но если все именно так — то коль скоро партия лишается своей монополющей власти, а то и власти вообще (а дело идет именно к этому), она не может не развалиться. Перестав быть гарантией пути наверх и даже превратившись в препятствие для этого, она лишится большинства своих членов. Что же ждет ее в будущем?

Давать прогнозы — дело рискованное. Но здесь тот случай, когда трудно ошибиться. Страна медленно, с величайшим трудом, в состоянии полного экономического дисбаланса идет к рынку. Как будет она идти, что будет сопровождать ее движение по этому пути — неясно пока всем. Здесь многое зависит, в частности, и от инициатора перестройки. Пока что, став президен-

КРАХ КПСС (5)

том и реформировав на последнем съезде партии ее руководящие органы, Горбачев дал понять, что не связывает себя намертво с судьбой партии, что готов предпочесть позицию лидера нации (именно в этом качестве его сегодня воспринимает мир) должности лидера партии. Однако все далеко не просто.

Сложность пути к рынку в наших условиях (я имею в виду прежде всего разрыв с традициями хозяйственной самостоятельности населения, социально-психологические стереотипы люмпенизованных иждивенцев, составляющих значительную часть этого населения) играет на руку правым, и Горбачев не может этого не учитывать. Шоковая терапия по образцу Польши (а сегодня еще и Румынии), которая была бы лучшим для нашей страны вариантом, неприемлема не столько из-за нищеты потребителей, сколько из-за отсутствия доверия к властям. Близкие к ней по радикальности «500 дней» тоже оказались для нашего президента неподходящими, ибо при осуществлении этого варианта реформы правительство центра быстро теряет власть, уступая ее республикам. Склонившись сперва к этому варианту и пойдя на союз с Ельциным, Горбачев затем, однако, повернул в иную сторону — видимо, потому, что упомянутый союз в сложившихся обстоятельствах более выгоден Ельцину, чем ему как президенту. Эти колебания и непоследовательность стоили Горбачеву потери популярности. Но они сохранили его позиции в партии, которая тоже в нем заинтересована (напомню, что, невзирая на жесткую критику справа, последний съезд подавляющим большинством подтвердил полномочия Горбачева как генсека — и правильно сделал, так как альтернативой было бы ускорение развала партии). Зна-

чит ли это, что позиции КПСС укрепляются? Отнюдь!

Возврата к прошлому нет хотя бы потому, что никакая сила больше не заставит народ работать на износ, а без этого в условиях нашей централизованной экономики нам грозит только катастрофа. Выход один — к рынку с тесно связанной с ним демократией и плюрализмом в политике, частной собственностью и предпринимательской инициативой в экономике, личной свободой и ее правовыми гарантиями в социальной структуре, с социальным обеспечением нуждающихся, всеобщей поддержкой культуры, религии, национального духа.

В этой системе отношений привычной нам партии «нового типа» места нет. И я хотел бы закончить изложение несколькими словами в адрес инициатора перестройки. На мой взгляд, он оказался в трудном положении. Нобелевская премия мира справедливо оценила его усилия по изменению положения во враждующем и готовом закидать друг друга ядерными боеголовками мире. Усилия же по перестройке внутри страны пока что не принесли успеха в главном, что интересует массы, — в экономике, что и привело к падению популярности главы партии и государства. Справедливость можно восстановить лишь решительными успехами именно в этой сфере. Но для этого от Горбачева требуется сделать наконец выбор. Сделать его вовремя (а время уже на исходе, да и Горбачеву, как показывает опыт, свойственно запаздывать), пока КПСС из опоры его власти, которой она является и сегодня и, возможно, будет еще некоторое время, не превратилась в тяжелую гирю, тянущую своего заслуживающего лучшей участи генсека в болото истории.

-----сц-----

НАПАДКИ ЖУРНАЛИСТОВ НА ГЕНЕРАЛИТЕТ ОБОСТРЯЮТ ОТНОШЕНИЯ В АРМИИ, ВБИВАЕТ КЛИН В ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АРМИЕЙ И НАРОДОМ

22 «НОВОЕ ВРЕМЯ» № 49 90

Шляпка и гвоздь

Точны ли удары «Нового времени»?

Из публикации итогов социологического исследования ваших подписчиков я узнал, что военнослужащих среди них 5 процентов. Наверное, это не так уж мало, но я хотел бы помочь вам увеличить это количество. Я — офицер-политработник тридцати лет и думаю, что могу выразить взгляды значительного слоя офицеров наших Вооруженных Сил. Считаю, что «Новое время» стоит на позиции левее центра. Крайне левых взглядов оно придерживается только при освещении проблем нашей армии и военной политики. Я приветствую ту критику, которой подвергаются язвы наших Вооруженных Сил: замалчивание только способствует дальнейшему разложению армии. Но все же здесь надо показывать не только черное или белое, иначе информация становится тенденциозной даже в том случае, если она правдива. Именно поэтому я с уважением отношусь к «Комсомольской правде», которая, яростно бичуя недостатки ВС, все же не забывает писать и о тех их чертах, которые всегда уважались. Вы же в последнее время сосредоточились лишь на черных сторонах в военных вопросах.

Одно из обвинений консервативных сил (в том числе и в армии) в адрес прессы — ее «желание вбить клин между генералами и солдатами». А вы даже не вбиваете этот клин: нападаете на генералитет, но не публикуете статей о другой части нашей армии — разве только беседа с В.Уражцевым, сопредседателем союза «Щит», затронула социальные проблемы нашей армии. Вы долби-

те, извините за сравнение, по шляпке гвоздя — верхушке армии, но все остальное — это ведь офицеры и солдаты. И ваши удары по шляпке вгоняют в дерево, именуемое «реакция, консерватизм», весь гвоздь. Резкой критике, например, подверглись на страницах журнала генералы Макашов и Родионов — в резко атакующей, прямо штурмовой по содержанию и острой на язык статье А.Пумпянского «Звездное затмение».

С Макашовым я лично не знаком. Но мне приходилось иногда сталкиваться с командующими округами (на сборах, семинарах, совещаниях). Так вот, на фоне всех виденных мною командующих округами генерал-полковник Макашов предстает в самом выгодном свете: доброжелательный, демократичный, способный разговаривать с офицерами и солдатами не только с трибуны и не только трибунным языком, он показался мне действительно знающим наши проблемы. Я со многими не согласен в его речи — с резкими и оскорбительными словами в адрес некоторых людей, с его оценкой вывода наших войск из Восточной Европы. Но готов подписаться под его словами: «Коммунисты армии и флота возмущены бездействием ЦК, Политбюро и правительства по отношению к своим защитникам...» Разделяю его точку зрения о том, что армией руководят политики и не сама она залезла в Афганистан, Тбилиси, Баку. Он прав — «необходима забота партии и народа о семьях военнослужащих», которых выводят из стран Восточной Европы. Прибывающих из-за границы офицеров не

удаётся не то что отправить служить на новое место, но даже «воткнуть» за штаты частей, чтоб они могли хоть как-то содержать свои семьи.

В беседе с В.Уражцевым вы признали, из-за вывода наших войск сотни тысяч офицеров, прапорщиков, их семей остаются бесквартирными. Значит, вы считаете эту проблему серьезной? И все-таки не все ваши авторы придерживаются этого мнения. Г.Иванова в материале «Куда нас пошлют...» просто высмеивает предположение, что увеличение сроков вывода войск связано с отсутствием жилья. И вообще она очень любит посмеяться, но я частенько не разделяю веселья. Французы — тоже люди не без юмора, но, решая проблему вывода своих войск из ФРГ, они обходятся без смеха. Эти войска во Франции некуда девать, поэтому выводиться они будут в течение нескольких лет. Передача «На службе Отечеству» поведала: боевые летчики (многие из них прошли Афганистан) живут в сборно-щитовых казармах. Ничего, зато наше «новое мышление» в международных аспектах выглядит так красиво... Давайте не забывать и о средствах при достижении благих целей перестройки.

Наш министр демонстрирует лишь трогательное понимание сложности обстановки в стране и не просит средств на военную реформу и улучшение социального положения военнослужащих. А многие другие руководители ведомств не стесняются делать это.

Почему при оценке событий в Тбилиси огонь критики, в том числе и «Нового времени», был направлен в основном на армию? Разве можно поверить, что генерал Родионов затеял эту акцию самостоятельно с грузинским бюро ЦК (как утверждалось первоначально) и что без ведома руководства страны туда перебрасывались войска? В докладе Собчака говорилось: Родионов — боевой генерал — оказался психологически и профессионально не готов к реализации той задачи, которую ему поставили, потому что она требует другого опыта и других знаний.

Я написал все это отнюдь не с целью поголовного отставания нашего генералитета: многое не приветствую в нашей системе и не очень-то лояльно отношусь к ее стражам. Но смотреть на навешивание «ярлыков», когда речь идет об очень противоречивых и неоднозначных явлениях, тоже не могу.

Как ваш друг, советую: когда опять захотите бить по шляпке, подумайте — может, не надо заколачивать весь гвоздь. Читатели-военные оценят это.

Геннадий Портнов
УДМУРТСКАЯ АССС

Советские солдаты возвращаются из Восточной Европы. Что ждет их на Родине?

ДИНА КАМИНСКАЯ О ПРОЦЕССАХ, В КОТОРЫХ ОНА ЗАЩИЩАЛА ИЗВЕСТНЫХ ДИССИДЕНТОВ

• Н О В О Е В Р Е М Я • № 49 '90 21

Чистая защита адвоката Каминской

Дину КАМИНСКУЮ называли «адвокатом диссидентов». Но был ли смысл рисковать, выступая в заранее проигранных делах? Настаивать на оправдании, когда приговор заранее известен? Беседу ведет обозреватель «НВ» Лев Елин

«Новое время». Вести политические дела в 60–70-е годы было весьма рискованно. Даже свидетелей, например, по делу Синявского и Даниэля, бывало, выгоняли с работы... Как стали вы «адвокатом диссидентов»?

Дина Каминская. Первая моя политическая защита была в начале 60-х. Я защищала прокурора, действительно виновного и признавшего себя виновным в получении взятки. То есть чисто уголовное дело. Но вся моя защита строилась на анализе тех причин, которые развратили правосудие. Судей десятилетиями приучали к тому, говорила я, что закон позволительно нарушать по указанию свыше, и они привыкли к возможности нарушения закона. А затем — поняли, что нарушать можно не только по указанию, но и за деньги...

Это была неожиданная для советского суда речь, и я сама в ту минуту вряд ли понимала ее политическое звучание. Но потом подошли коллеги, подошел прокурор и сказали мне, что это, может быть, первая политическая речь за многие, многие годы.

«НВ». А вы не боялись заниматься политическими делами?

Д.К. Меня предостерегали не раз и не два... Помню бурную сцену перед процессом Даниэля и Синявского, когда мне уже был выписан ордер на право ведения дела Даниэля. Защищать Синявского сначала должен был мой муж Константин Симис, но у него не было допуска к таким делам (то есть он не был включен в список, утвержденный КГБ). Мы предложили взять на себя защиту одному очень хорошему адвокату — в то время председателю президиума Московской городской коллегии. Но, когда нужно уже было приступить к делу, он вдруг сказал: «Мы в этом деле участвовать не будем — ни ты, ни я». — «Почему?» — «Этот процесс установочный и по-

становочный. Нам никто не даст возможности просить об оправдании, а порочить свое имя ни ты, ни я не захотим». Я ответила, что все равно не откажусь от ведения дела и никому подыгрывать не собираюсь. Если я буду видеть, что Даниэль не виноват, ничто не помешает мне произнести эти слова в суде. Разговор окончился полным разрывом отношений. Мой ордер на защиту Даниэля был аннулирован.

«НВ». Вам ни разу, несмотря на блестящую защиту, не удалось победить систему, добиться оправдания подзащитного по политическим делам. Не возникло у вас самой сомнения в смысле этой борьбы?

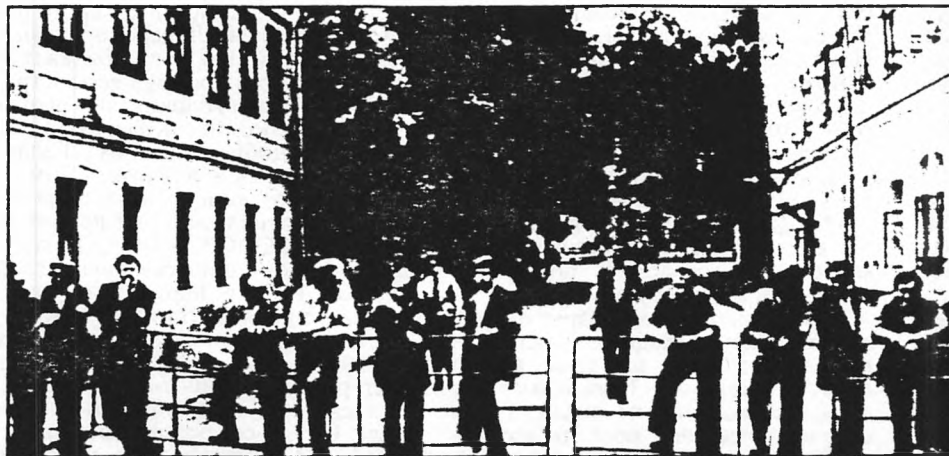
Д.К. Да, ни одной победы по политическим делам у меня не было. Победы бывали у других адвокатов — если подсудимый заявлял о «раскаянии» или, во всяком случае, о признании своей вины. Тогда можно было рассчитывать на снижение наказания, которое всегда было заранее predetermined «инстанциями». Если же подсудимый продолжал отрицать свою вину и особенно если он признавал действие, но утверждал, что при этом не нарушил закон, по-моему, у адвоката не было шансов...

Выступать по политическим делам было тяжелым нравственным испытанием, каждый раз процесс был надругательством над правосудием. Даже многие мои товарищи говорили, что отказываются от политических дел, потому что не хотят участвовать в недостойной комедии. Но я считала, что право решать, должен адвокат участвовать в таком деле или нет, принадлежит не адвокату. Если подсудимый считает, что он нуждается в моей помощи, я не вправе ему отказать.

Второй довод, который я сформулировала для себя: эти люди боролись — по велению совести — за то, за что я должна была бороться в силу своей профессии. За права человека, за соблюдение законности. Как же я могла не участвовать в их процессах?

Я никогда не называла себя диссидентом, не присваивала себе этого титула в силу его несомненной для меня почетности. Для того чтобы выйти на Красную площадь и выразить протест против оккупации Чехословакии и для того чтобы взять на себя защиту этих людей, нужна разная степень смелости. Но, защищая инакомыслящих, доказывая, что критика действий советского правительства есть право советского человека, думаю, я осуществляла не только правовую, но и политическую защиту.

«НВ». Я хотел бы разобраться в степени риска для «политического» адвоката тех лет. Где проходила черта дозволенного? Или предсказать реакцию властей было вообще невозможно? Вы, насколько мне известно, всегда настаивали на оправда-

Один из политических процессов 70-х. Как всегда, «открытое» судебное разбирательство

Д. КАМИНСКАЯ (2)

нии своего подзащитного в политическом процессе. Разве одно это не было пощечинной неправому суду?

Д.К. Когда говорят, что адвокат проявляет мужество, настаивая на оправдательном приговоре, это не всегда правильно. Если позиция защиты сводится к тому, что данное обвинение не доказано, что подзащитный не совершал тех действий, в которых его обвиняют, это не грозит особыми неприятностями. Значительно сложнее, когда ты говоришь: «Да, он это сделал, но это не преступление». Впрочем, любой вариант мог стать опасным...

В 1967 году в Московском городском суде рассматривалось дело составителя самиздатского сборника «Феникс-66» поэта Юрия Галанскова, автора «Белой книги» о суде над Даниэлем и Синявским Александра Гинзбурга, их общей приятельницы Веры Лашковой, печатавшей материалы, а также Алексея Добровольского. Им вменялась 70-я статья УК РСФСР — «антисоветская агитация и пропаганда»... Я защищала Галанскова, а от защиты Гинзбурга была вынуждена отказаться. Я знала, что в «Белой книге» он рассказал, как мне не дали защищать Даниэля. Следователь мог воспользоваться этим и заявить, что я не могу быть адвокатом, поскольку он должен допросить меня в роли свидетеля: насколько правильно Гинзбург отразил тот эпизод... И я попросила Бориса Золотухина принять защиту Алика. Я была уверена, что передаю ему совершенно чистую защиту — у адвокатов есть такое выражение «чистая защита»: вина Гинзбурга абсолютно не была доказана. Но я глубоко ошибалась — защита Гинзбурга обернулась для Золотухина исключением из партии, из коллегии адвокатов...

«НВ». Бориса Золотухина, ныне народного депутата РСФСР, председателя подкомиссии Верховного Совета республики по судебной реформе, изгнали из адвокатов 13 июня 1968 года, в день его рождения. А какие «меры» принимали к вам?

Д.К. Ждать «мер» пришлось недолго... В конце 1969 года я взялась защищать поэта, преподавателя русского языка и литературы в московской школе Илью Габая и Мустафу Джемилева, жившего в Узбекистане. Оба они боролись за право крымских татар вернуться на свою родину, в Крым. Джемилев был признанным лидером этого движения. Их обвинили в изготовлении и распространении «клеветнических» документов: «открытых писем», обращений. Я проанализировала все 35 документов, которые следствие считало криминальными, и пришла к выводу, что документы эти резко критические, но «ложных измышлений, порочащих советский строй», в них нет. Заявила ходатайство о прекращении дела за отсутствием состава преступления.

Слушание дела было назначено на 12 января 1970 года, а 13 января мне исполнилось 50 лет... Первые слова

Владимир Буковский:

«Мои политические убеждения как противника коммунизма сложились к 1960 году»

Юрий Галансков:

«Советский человек не удался в той же мере, в какой не удалась и сама советская власть» (Портрет, сделанный в лагере)

Илья Габай:

«Где это сказано, что коммунисты взяли монополию на правду?»

судьи Писаренко, которому я представилась, были следующие: «И что это вы все таких людей защищаете? И ведь не по назначению...» В тот вечер я сказала мужу по телефону, что, наверно, уеду из Ташкента с «телегой» — частным определением суда в мой адрес.

Получилось, что защищала я только Илью Габая, потому что Мустафа Джемилев заявил: после того, что случилось с Золотухиным, он не может себе позволить подвергать опасности Каминскую...

В середине процесса вдруг открывается дверь, заходит почтальон и вываливает мне на стол целую грудку телеграмм. Поскольку мои друзья и коллеги не знали, где я остановилась, они послали все поздравительные телеграммы на

адрес Ташкентского городского суда. В первый же судья меня спрашивает: «Вас с чем-то поздравляют?» Да, говорю, поздравляют. «И мы тоже найдем возможность поздравить вас...»

Габай получил 3 года, и одновременно в мой адрес было вынесено частное определение: «Адвокат Каминская в открытом судебном заседании утверждала, что каждый человек может самостоятельно мыслить, что убеждения и мнения не могут повлечь за собой уголовной ответственности». «Адвокат Каминская не стоит на уровне тех задач, которые поставлены перед адвокатурой советскими и партийными органами». Меня целый год проверяли. Но ведь действительно в Конституции записано право на свободу слова — и было очень трудно исключить меня из коллегии за то, что я на это ссылалась. В результате мне вынесли выговор и больше не допускали к защите в политических делах...

«НВ». В журнале «Знамя» вы подробно рассказали о процессе 1968 года над демонстрантами на Красной площади, о лжесвидетелях из КГБ, о том, как затыкали рот защите. Но самое страшное, по-моему, — описанная вами история судьи Лубенцовой, деградация хорошего профессионала, согласившегося на игру по сценарию КГБ. И вот второй типаж — судья Писаренко... А когда-нибудь судьи шли наперекор воле «инстанций»?

Д.К. Ни одного такого случая я не знаю. Все те судьи, которые рассматривали политические дела, исполняли полученные указания. Я со стопроцентной уверенностью могу утверждать, что все приговоры по названным мною делам были решены в КГБ или партийных органах до того, как эти дела поступили в суд. Судья просто разыгрывал юридический сценарий, написанный другими.

«НВ». Теперь вопрос о подзащитных. Пока к вам не пришла известность «адвоката диссидентов», видимо, и они должны были относиться к вам с подозрением?

Д.К. Я испытала это в 1967 году, когда встретилась с Владимиром Буковским. Тем самым, которого советские газеты именовали то террористом, то хулиганом и которого потом обменяли на Луиса Корвалана. Буковский в 1967 году обвиняли в том, что он организовал демонстрацию на площади Пушкина под лозунгами: «Соблюдайте Конституцию», «Свободу Добровольскому, Галанскову, Лашковой и Радзиевскому!». Кроме того, демонстранты протестовали против только что принятых статей УК РСФСР о клевете на государственный и общественный строй (статья 70) и о нарушении общественного порядка (статья 190).

Мать Володи предупредила, что у ее сына жесткий и непримиримый характер и она абсолютно не уверена, согласится ли он, чтобы я его защищала. Он во всех подозревает прелателеев... И действительно, во време

Д. КАМИНСКАЯ (3)

нашей первой встречи в следственном изоляторе КГБ в Лефортово Володя меня спрашивает: «Вы член КПСС?» Таким голосом, как будто он — следователь из КГБ и ведет допрос! «Нет», — отвечаю я. «Все равно я абсолютно не уверен, что доверю вам свою защиту. Я не доверяю советским защитникам, особенно тем, которые имеют доступ к политическим делам». Я говорю: «Давайте отложим решение этого вопроса на несколько более поздний срок. Я прочитаю дело, посмотрю, какова будет моя позиция — а она зависит только от материалов дела, — и если мне будет ясно, что ваша демонстрация не сопровождалась никакими хулиганскими действиями и нарушением общественного порядка, то я, как того требует закон, буду просить о вашем оправдании». Он очень с большим удивлением на меня посмотрел (как и присутствовавший там следователь) и сказал: «Хорошо, давайте отложим решение на потом...»

«НВ». Когда же Буковский поведал вам?

Д.К. В своей книге он называет «переломным» следующий эпизод.

Приближалась амнистия, и некоторые мои коллеги — как потом выяснилось, по подсказке КГБ — пришли со следующим предложением: надо, чтобы я заявила ходатайство о направлении Буковского на психиатрическую экспертизу, ведь он прежде лежал в психиатрической больнице. Тем временем будет амнистия и дело прекратят. Соблазнительно, но... Мать Володи говорила мне, что сможет перенести все — даже его тюрьму и лагерь, но только не психиатрическую больницу. Когда она вспоминала о времени, которое сын провел в «психушке» — это тоже было связано с обвинением в политическом преступлении, — она теряла самообладание. Конечно, если бы я сама видела у Буковского хоть какие-то отклонения от нормы, я бы такое ходатайство все равно заявила, но передо мной был человек с ясным умом, удивительно жесткой логикой. Поэтому я собрала все выписки из истории его прежней болезни и посоветовалась частным образом с двумя крупными психиатрами. Независимо друг от друга они заявили: не может быть, чтобы по таким показателям человека признали психически больным! И я отказалась заявить ходатайство. Вместо этого, ознакомившись с делом, я заявила ходатайство о его прекращении за отсутствием в действиях Буковского состава преступления. Мне, естественно, было в этом отказано, Володя в конце концов получил 3 года, то есть по максимуму.

Буковский вызывал уважение даже у врагов... Дело, о котором мы говорим, вела группа следователей

Анатолий Марченко и Лариса Богораз. 21 августа 1968 года Марченко был приговорен к году лишения свободы «за нарушение паспортного режима». 25 августа Богораз, арестованная за участие в демонстрации на Красной площади, передала для него записку: «Я просто не в состоянии поступить иначе. Ты знаешь, какое это чувство, когда невозможно дышать...»

КГБ. Один из них был в прошлом учителем, которого просто привлекли к этой работе по партийной линии. Так вот, однажды я выходила (была уже почти ночь) из Лефортовского изолятора. Шла — там такой узкий-узкий переулочек — и вдруг услышала за собой быстрые шаги. Меня явно кто-то догонял. Это был тот самый следователь. И он сказал: «Я не желаю вам успеха, потому что понимаю, что успеха в таком деле быть не может. Но я хочу сказать вам, что у меня есть сын, и я ему желаю счастья, хорошей жизни — но я хотел бы, чтобы у него были такие же человеческие качества, как у Володи Буковского». Я ему ответила: «Боюсь, что счастливая жизнь и такой характер совершенно несовместимы»...

Кстати, дело Галанскова — единственный политический процесс, в котором я не просила о полном оправдании, потому что помимо чисто политического обвинения было обвинение в незаконной продаже долларов. Абсолютно бескорыстный эпизод (вырученные деньги предназначались для издания литературного сборника), и я помню отчаяние от противоречия между «он не совершал ничего дурного, безнравственного» и «он нарушил закон»...

Юрий получил максимальное наказание: 7 лет лишения свободы — и погиб в Мордовском лагере строгого режима. Он был очень больной человек, его обрекли на смерть.

«НВ». В 1970 году вас лишили возможности защищать диссидентов — но почему тогда вы по-прежнему вызывали ненависть властей и вас в конце концов вытолкнули из страны?

Д.К. Ко мне продолжали ходить все диссиденты, я всех консультировала. Вновь посадили Анатолия Марченко, рабочего, пришедшего в правозащитное движение, и я ездила к нему в Калугу как его защитник, поскольку обвинение в нарушении

правил административного надзора формально было не политическое.

Затем арестован защитник «отказников» Анатолий Щаранский и одновременно Гинзбург. Гинзбург в письменном ходатайстве обратился с требованием, чтобы я его защищала. Обратилась ко мне и мать Щаранского с просьбой защищать ее сына. Вторично был арестован Буковский, и он даже держал голодовку, требуя, чтобы я была его адвокатом. Мне отказали и в возможности защищать Сергея Ковалева. Видно, властям надоела эта конфликтная ситуация. И главное, на Западе стали писать, что в СССР есть какая-то незаконная система допуска, что не допускают к защите тех адвокатов, которых выбирают сами обвиняемые... Были и другие обстоятельства, связанные с деятельностью моего мужа. Он писал книгу о коррупции в СССР и намеревался опубликовать ее на Западе. Первый вариант уже был отослан в Америку... 16 ноября 1976 года у нас был обыск, причем довольно скоро стало ясно: они знают, что и где искать. Рукопись изъята, начались вызовы, допросы. Потом дело передали в КГБ. Это грозило 70-й статьей — «антисоветская агитация и пропаганда».

Мужа лишили степеней и званий и уволили из Института советского законодательства. Началось довольно открытое давление, с тем чтобы выдворить нас из страны. Затем последовали уже ультимативные требования уехать из СССР, сборы за 10 предоставленных нам дней, билеты на самолет в Вену, которые заказывал для нас полковник КГБ...

«НВ». Как складывалась ваша жизнь за рубежом?

Д.К. Тяжело, ведь нам очень не хотелось уезжать. Трудно начинать новую жизнь, когда позади гораздо больше, чем впереди. Обрели новую профессию, рады возможности разговаривать со своими бывшими соотечественниками. Мы с мужем ведем программу «Закон и общество» на Радио «Свобода». Получаем очень много писем. Муж опубликовал свою книгу «СССР — страна коррупции». Моя книга «Записки адвоката» вышла сначала в Америке, потом в Англии, Франции, Японии, Германии...

«НВ». Есть ли сегодня в СССР дело, которое вы бы хотели вести?

Д.К. Если бы я жила здесь, я хотела бы принять защиту интересов бывшего генерала Калугина. Для меня совершенно в данном случае не имеет значения, кем он был и каков он по своему характеру: хороший человек или плохой. Для меня важно то, что Указ Президента и постановление Совета Министров нарушают конституционные принципы и права человека. Я была бы готова говорить об этом в суде.

- С 43 -

. blue - 100'

БЫВШИЙ «ОСОБЫЙ», НЫНЕ — ОБЫЧНЫЙ?

Директор Центрального государственного архива СССР **Анатолий ПРОКОПЕНКО** отвечает на вопросы «НВ»

Ваш архив называют «Особым». Становится ли архив теперь о б ы ч в ы м, широко открытым для исследователей?

— Наши фонды, точнее, сам факт наличия многих документов, был засекречен после войны. Документы, вывезенные в 1945 году из Германии, использовались только для выискивания «врагов народа», на их основании из нацистских лагерей люди прямоком направлялись в ГУЛАГ. Совсем недавно начался процесс рассекречивания. Первой нашей акцией была передача Международной службе розыска «книг смерти» концлагеря Освенцим, списков узников Бухенвальда, Заксенхаузена. Тысячи европейцев смогли узнать о судьбе своих погибших родственников. К стати, «книги смерти» помогли и осуждению нацистских преступников. Например, в них были найдены подписи известного палача Менгеле, ставшие одним из доказательств его вины. С тех пор с Международной службой розыска, находящейся в городе Арользен (ФРГ), у нас наладились тесные связи. В октябре по приглашению этой организации я побывал в Германии и догово-

рился о передаче копий найденных у нас «розыскных книг» немецкой полиции. В этих книгах — данные о бежавших из концлагерей узниках. Я уверен, удастся выяснить что-то о военнопленных из всех стран Европы, участь которых не известна. Надеюсь, что к дальнейшему рассекречиванию архива подтолкнет заключение договора между СССР и Германией, предполагающий обмен архивными документами.

— Именно в вашем архиве были найдены сенсационные материалы о трагедии в Катюни, пакте Молотова — Риббентропа, деле Валленберга. Можно ожидать дальнейших сенсаций?

— Документы архива почти не разработаны, поэтому в любой момент можно ожидать чего-либо нового. Мы продолжаем упорно разбирать многолетние завалы, и вот, пожалуй, то, что можно назвать сенсацией. На территории Советского Союза погибло много пленных японцев, их родственники ничего не знают — ни обстоятельств смерти, ни мест захоронений. Не могут побывать на могилах родных людей. Так вот, уже сегодня наш архив может предоставить все данные о местах

захоронений и сообщить, кто где похоронен.

— Есть ли конкретные результаты вашей недавней поездки в ФРГ? Появились ли новые возможности помочь советским людям, пострадавшим во время войны?

— В октябре 1989 года Совет Министров СССР по инициативе Детского фонда принял постановление о предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей. Таких у нас тысячи. Естественно, в собесах требуют справку, подтверждающую факт заключения в концлагере. И вот в архив хлынули письма. К сожалению, по материалам нашего архива подтверждение получает лишь один из тысячи обратившихся за помощью. Малолетних узников фашисты обычно в книги не заносили и номер им не присваивали. Но оказалось, что Международная служба розыска располагает данными, собранными со всей Европы, о советских людях, находившихся в нацистских лагерях или угнанных в Германию, в том числе и несовершеннолетних. Для обращения в эту организацию нужно заполнить специальную анкету, которую можно получить, обратившись в наш архив.

— Есть ли материалы в немецких архивах, которые могут заинтересовать наших историков?

— Назову хотя бы Курляндский архив, вывезенный из СССР после первой мировой войны и хранящий множество сведений об истории нашего западного края; документы так называемого «Магдебургского права» о многолетнем онемечивании западных территорий Белоруссии и Украины; документы, принадлежавшие немецким колонистам, со времен Екатерины поселившимся в России; архив армии генерала Власова.

— Планируются ли какие-либо акции совместно с немецкими коллегами?

— В городе Фрайбург есть архив учреждения, бывшего аналогом нашего Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД. По его материалам и документам нашего архива мы планируем создать совместно с немецкими историками книгу о попавших в плен советских солдатах и офицерах. Она расскажет об условиях заключения, о технологии массового уничтожения людей, движении Сопротивления в концлагерях. Также мы предложили миротворческому клубу «Мюльхаймская инициатива» издать книгу писем, найденных в полевых сумках немецких военных, погибших на полях сражений. Эти 500 писем дойдут до адресатов. Станут напоминанием ныне живущим о множествах маленьких трагедий, из которых складывалось общее горе войны...

Константин Шухнов

Японские военнопленные из 16-го лагеря, расположенного в Хабаровском крае, перед отправкой домой

ЖИРИНОВСКИЙ ПОКА НЕ ПРЕЗИДЕНТ,
НО НЕПРЕМЕННО ИМ СТАНЕТ, КАК
ТОЛЬКО ПОДЫЩЕТ ПОДХОДЯЩУЮ СТРАНУ

1

года

№ 6 (3368)

8-15 февраля

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ГРАЖДАНИН НА ПРЕЗИДЕНТСКОМ МИТИНГЕ

*Я не лучше и не хуже моих сограждан, как все, так и я.
Утром глаза в газету, кто там чего сказал.
Вечером бегом к телевизору, кто там чего скажет.
«Вести», потом «Новости», потом опять «Вести», потом ТСН,
а в конце то же самое по третьему каналу
в переводе с английского. А если, не приведи Господь,
чего прозеваю, приятели перескажут близко к тексту.
Теперь без новостей нельзя, вон ведь сколько всего творится!
Кравчук сказал, а Ельцин ему ответил,
а Кравчук, в свою очередь, тоже ответил,
а Бурбулис услышал и возразил.
Снегур высказался на митинге, а Шушкевич дал интервью.
О Ландсбергисе совсем было забыли,
но он тут же выступил и произнес историческую фразу.
Президент Гамсахурдия прямо в бункере сделал заявление,
а потом выбрался из бункера и сделал еще одно заявление.
И Муталибов с Тер-Петросяном обменялись заявлениями.
А остальные президенты, услышав про это, не остались в долгу и
тоже сделали заявления. Так что на сегодняшний день
по количеству крутых президентских заявлений на душу населения
мы занимаем стабильное второе место в мире
(первое зарезервировано персонально
для Владимира Вольфовича Жириновского, который пока, правда,
не президент, но непременно им станет,
как только подыщет подходящую страну).*

М

лишь освоив пять информационных программ, я могу наконец задать самому себе детский вопрос: а на черта я все это смотрю в количествах, превышающих всякие разумные нормы? И зачем миллионы моих любимых сограждан одновременно вперяются в проклятый ящик так истоиво и прочно, словно именно оттуда придет в их дома благополучие, прямиком к холодильнику протянется сосисочная гирлянда, а бутылка неразбавленного пива высунет вожделенное горлышко? Ведь не будет так, милые, не будет — в том окошке деньги не выдают и талоны не отоваривают.

Ну ладно, были бы наши лидеры прозорливы и безупречны до такой степени, что потеря единого их слова повергала бы в бездну невежества, но ведь и того нет. Люди, просто люди. Почти такие же, как и по нашу сторону экрана.

Если кто-то решил, что я норовлю вождей принизить, разоблачить или, хуже того, дезавуировать, хочу сразу же оговориться: большинство из них я искренне уважаю. Один из ярчайших дней моей жизни тот самый в том самом августе, когда на террасе «Белого дома» стояли рядом Борис Николаевич, Александр Владимирович, Иван Степанович и Руслан Имранович, а я глядел на них из толпы и был счастлив, что наконец-то у России правительство, которого можно не стыдиться, и мечта-

лось, что вплоть до близкого возрождения страны так и будут они стоять рядом плечом к плечу. Я рад, что моя еще не до конца развалившаяся родина вырастила таких политиков, как Нурсултан Назарбаев и Аскар Акаев, немало хорошего слышал о Левоне Тер-Петросяне и Анатолии Горбунове. Словом, не дураки нами правят — разумные и порядочные люди.

Но ведь, повторяю, люди, и заносит их порой — ну точно как меня самого.

Ну кто бы, например, объяснил, почему самый родной из них и кровный, а именно Борис Николаевич вдруг потребовал для восстановления автономии немцев их девяностопроцентной концентрации? Цифры в запале перепутал? Уже замечали ехидно, что башкирам для Башкортостана и двадцати двух процентов хватило. А в Биробиджане коренное и основополагающее население вообще составляет то ли полпроцента, то ли два с половиной, и ничего, живут. Теперь, видимо, начнутся сложности, на случай президентского визита придется срочно записывать евреями новорожденных всех, а взрослых по жребию. А тут еще моя православная жена хватается за голову: к ужасу своему, вспомнила, что и в России-то русских то ли восемьдесят два, то ли вовсе семьдесят процентов. Ну как пересчитают и отберут автономию?

Впрочем, меня в этой истории больше волнует иное. В империи во все време-

*Дорогие народные избранники!
Не старайтесь нам понравиться — уже понравились.
Мы вас выбрали, мы вам верим, мало того, мы вас любим,
ибо без любви какой псих стал бы вас терпеть?*

на ущемляли не кого попало, а умных и талантливых. вспомните-ка эпоху, когда притесняли дурака. (Правда, была директива Петра не бубнить речи по бумажке, дабы дурость каждого видна была, направленная лично против дорогого Леонида Ильича, но ее сразу и отменили.) всерьез давили только умников, чтобы невольным сравнением не оскорбляли власть. Так почему сегодня столь явно отличают именно немцев? Чем прославились? Почему иным и трех процентов хватает для автономии, а с этих требуют аж девяносто? Я готов допустить, что российские немцы умнее

российских евреев, но не до такой же степени! Обижаете, Борис Николаевич.

Короче, не включи мы с женой тогда телевизор, жилось бы не в пример спокойнее.

А вот еще недавний пример коллективной государственной мудрости: публичная и скандальная дележка флота. Крупнейшие республики поочередно объявили его своей собственностью. Вот уж нашли наши лидеры наиболее неотложный вопрос! От кого, между прочим, завтра предстоит обороняться в Черном море? Может, болгарские авианосцы концентрируются на Золо-

тых песках? Узкие специалисты намекают, что нужда есть, но иная: не от дальних врагов приходится сторожиться, а друг от друга. То есть России флот необходим, чтобы защитить меня от Лины Костенко и Ивана Драча. А Украина — чтобы уберечь мою киевскую сестру Наташку на тот случай, если я ночью поползу через границу с кухонным ножом в зубах.

Флот кое-как поделили на две части, но разве вопрос закрыт? Остальным-то независимым государствам ничего не досталось. У Таджикистана, например, ни единого эсминеца. Чем прикрыться,

если памирские перевалы вдруг подвернутся торпедной атаке ханты-мансийских катеров?

Не случайно эксперты в водочных очередях тут же выдвинули свою подоплеку конфликта: мол, хозяйственные президенты, приватизировав имущество, тут же потащат его на мировую барахолку, где продадут за пиастры богатым шейхам, отчего, впрочем, мировое равновесие не пострадает, ибо в умелых руках новых владельцев флот все равно утонет, не доковыляв до базы.

Скажу откровенно: если так и дальше пойдет, я тоже объявлю своей собственностью какое-нибудь плавсредство с двумя бассейнами и теннисным кортом на верхней палубе. Насовсем, может, и не отдадут, но хоть прокатиться-то позволят!

Я, разумеется, понимаю, что дело не в практической необходимости тяжелых или легких кораблей. Просто с военным флотом любой президент смотрится гораздо красивее. Без флота он как эстрадная певица без декольте: все есть, а чего-то не хватает. К тому же прекрасный повод продемонстрировать твердость в защите национальных интересов. Раз стучит кулаком по столу, значит, есть кулак. Сильная личность, прирожденный лидер.

Чего жаль, так это дорогого президентского времени. Уж если очень хочется, занимались бы этим перетягиванием каната во время отпуска. Голодная зима в голодной стране не лучший момент обсуждать, как справедливее пилить ракетные крейсера — поперек дубки или по ватерлинии.

4

Едва разобрались с флотом, новая напасть: собираются делить единую энергетическую систему, чтобы на линии электропередачи у каждого президента был свой суверенный столб. Не потому ли в хозяйственных магазинах сразу исчезли свечи? Так ведь и до лучины доиграемся.

Подобная перспектива не так нелепа, как кажется. Вот перед Новым годом пришла в столицу большая партия легковушек — и все без амортизаторов, без домкратов и запасных колес. Пока не установлено, кто их объявил своей собственностью — то ли какие-то независимые государства, то ли джентльмены удачи, навестившие состав в промезулке между двумя таможенями.

Процессы, происходящие в стране, именуя по-разному. С точки зрения рядового человека, происходит вот что: политика разбойничает в экономике. Трезвый расчет, выгода, просто здравый смысл отошли на пятый план, нынче важно иное. Когда-то Владимир Ильич с редкой прозорливостью заключил, что главный вопрос любой революции есть вопрос о власти. У нас как раз происходит революция, и все возрастающему числу наших президентов, похоже, ни о чем, кроме власти, думать некогда.

Новых лидеров часто обвиняют в экономической некомпетентности. На мой взгляд, напрасно. Неужели они не понимают, что ведро молока легко разлить в двадцать кружек, но если разделить на двадцать частей саму буренку, молока не дождешься совсем? Да прекрасно понимают. Тем не менее рвут и растаскивают по норам дойную корову экономики.

Почему же умные люди сплошь и рядом творят неумные вещи?

Увы, причины наших драматических странностей не в интеллектуальной ограниченности лидеров. Дело в том, что их личные интересы далеко не всегда совпадают с интересами возгла-

вляемых ими независимых государств. Нам кажется, что на наших глазах творится большая политика, а это идет президентский митинг. На митинге же главное — выкрикнуть свой лозунг погромче, позабористей и пораньше, пока не выкрикнул соперник, стоящий за спиной. Тут надо прежде всего понравиться избирателям: если не решишь эту задачу, все прочие будет решать уже кто-нибудь другой. Вот и соревнуются исторические деятели в исторических фразах, вот и делят прилюдно железные дороги — рельс твой, рельс мой.

Рядовым согражданам в аналогичных случаях говорят: «Ребята, кончайте дурью маяться». Но в данном случае речь идет не о рядовых, а о человек законопослушный и панибратства с большим начальством никогда себе не разрешу. Поэтому скажу по-иному. Дорогие народные избранники! Не старайтесь нам понравиться — уже понравились. Мы вас выбрали, мы вам верим, мало того, мы вас любим, ибо без любви какой псих стал бы вас терпеть? Так что прекратите наконец сильно затянувшуюся избирательную кампанию, отложите на потом многопущенные символы величия и займитесь чем-нибудь поскромней, вроде сосисок. Уж больно кушать хочется!

К сожалению, лидерам не до сосисок. Их ключевой митинговый тезис — была бы независимость, а сосиски сами появятся. В принципе верно: дорогу к изобилию всегда пробивает свобода. Вот только бы разобраться: чья свобода?

Нынче независимости в стране хватает: суверенные государства возникают чуть не еженедельно, число полноправных президентов пошло, говорят, уже на пятый десяток. Процесс этот благодетелен хотя бы в одном — перед лицом нарастающей безработицы можно только приветствовать создание новых высокооплачиваемых рабочих мест.

Однако настораживает, что независимость пока что нигде не сопровождается сосисками.

Мне кажется, объясняется это одним: крайне неравномерным распределением независимости внутри суверенных государств.

Руководители вновь возникших держав теперь не зависят от проклятого Центра, и это очень хорошо. Они вольны в любых своих решениях, и никто не вправе не только запретить им что-либо, но даже разрешить. Посол суверенной Латвии не отличается от посла суверенной Дании ничем, кроме суммы командировочных.

Ну, а не руководители, мы с вами — что досталось нам? Мы независимы?

В чем-то наша зависимость от властей убавилась, в чем-то, увы, здорово возросла. Мы зависим от своего суверенного начальства каждодневно, мелко и унизительно. Жилье, огород, мотоцикл, стиральная машина, даже молоко для ребенка — ни шагу без поклона, все просим, за все благодарим. Карточки, списки, визитки, паспорта... Уже и хлеб по купонам, и спички по талонам. Могут дать, а могут не дать. В конце концов вырвешь, но сперва набегаяешься, чтобы знал свое место.

Можно только порадоваться, что новые министры летают в Копенгаген не через Москву, а напрямую и вальжанный таможенник в Шереметьеве не командует им, что можно везти, что нельзя. Ну, а тот, кто в Копенгаген не летает, ему как?

Ему сложно. Очень сложно. У него и ту свободу, что была, по краям обстригли.

Армянская семья третий год живет в ветхом доме отдыха под Москвой, лишенная самой элементарной из свобод — вернуться в собственный дом. Крестьянин из Нахичевани привез персики на московский рынок: раньше возил в Ереван, но теперь не может, для него, азербайджанца, та граница на замке. Кооператор из Полтавской области погнал рефрижератор со свинойной в Питер — по дороге его ограбили шесть таможен. Чей над ними суверени-

тет, не поинтересовался, ибо пошлина везде одинакова: шмат сала и бутылка спирта. Это вам не в Копенгаген лететь...

Начинающие министры иностранных дел судят и рядят, проводят полезный обмен мнениями, излагают позиции, устраивают брифинги и пресс-конференции, но визы кое-где, похоже, все-таки введут. Между прочим, тоже за счет нашей с вами независимости.

Как-то по телеку показали беседу с эстонскими должностными лицами, речь шла о гражданстве. М. Лауристин вполне убедительно доказала, что никакой дискриминации не предвидится, ибо правила одинаковы для всех: не только русский, живущий в Таллинне, но и эстонец, живущий в Москве, должны будут выбрать гражданство одного из двух независимых государств. К сожалению, она не уточнила, кому конкретно должны — российскому правительству, эстонскому правительству или лично М. Лауристин.

Во всем цивилизованном мире есть понятие — государственный долг. У нас же из года в год, из века в век как раз власти твердят народу о его долгах. Мы всем должны: династии и империи, партии и государству, предкам и потомкам, городу и деревне. Теперь вроде бы все иначе, ни царя, ни генсека, но уже новые кредиторы сурово размахивают нашими долговыми обязательствами, хотя ни один из этих векселей нам никогда на подпись не давали.

Даже две самые очевидные и привлекательные юные свободы — свобода печати и свобода передвижения — буквально за несколько недель похудели до неузнаваемости: цены на бумагу и билеты управились с нашей личной независимостью сноровистей и кардинальней, чем цензура и ОВИР. Осталась последняя малость — дожидаться, пока национальные валюты окончательно отрежут и от брата, и от свата, и от нужного санатория, и от желанного института.

Независимость — штука хорошая. К сожалению, наши лидеры думают не о том, как нам удобней жить, а о том, как им удобней править, так что нам от сладкой вольности остаются только фантики. И в результате стоит наш растерянный совок под суверенным лоскутком вольного неба, и похож он на несчастную похмельную девятиклассницу: как в гости шла, помнит, как плясала, помнит, как вкусным винишком угощали, помнит, вот только бы еще сообразить, почему исподнее в клочьях и болит где не надо.

Но я не хочу поднимать ярость масс против руководителей. Они мало в чем виноваты — такие же совки, как и мы. И у них, как у нас, в течение лет и веков был один и тот же идеал: добрый царь или честный секретарь обкома. Вот и живем, как привыкли, учимся по-прежнему все вместе цивилизованным манерам. Требуем, чтобы они были на три лестничных пролета лучше нас — умней, образованней, дальновидней. Но откуда им таким взяться? В тех же школах учились, ту же «Историю партии» сдавали, тот же английский по складам со словариком, то же знакомство с мировым рынком по уцененным кроссовкам на командировочные гроши. С этим ничего не поделаешь: еще долго у нас на политической сцене графинь будут играть горничные. Тут еще

в пору удивиться, откуда в стране, где Сталин был экономистом, Хрущев — оратором, Брежнев — писателем, а Суслов — философом, вдруг обнаружилось столько разумных, талантливых и даже знающих людей.

Так что я, в общем, не о руководителях — я о нас самих. Мы-то чего стоим, раззявив рот, на президентском митинге?

Слушаем, что скажут? Но стоит ли волноваться — ведь завтра скажут противоположное. Обменялись героическими словесными залпами, после чего поделили флот спокойно и достаточно толково. И с немецкой автономией подумают и решат. И прочие узлы постепенно развяжут.

Надеемся, что наши крики, аплодисменты и сплоченное перетаптывание на площади перед трибуной приблизят светлое будущее СНГ? Скорей уж наоборот: когда ведущие актеры играют на публику, спектакль разваливается.

Хотим узнать: какое будущее ожидает каждого из нас?

Вот это уж вовсе напрасно. Пора понять, что никакого коллективного будущего у нас теперь нет. Кончается выводка сверху донизу, бессрочные итальянские забастовки, бессиленная безработица на рабочих местах. Медленно, с оглядкой, трусовато, но мы все-таки входим в рынок, а это значит, что платить станут за труд, за смелость, за предприимчивость, за расчет, за умение рисковать и просто за удачу. Возможности каждого резко возрастут, гарантии резко уменьшатся. Старая поговорка «Хочешь жить — умей вертеться» лишится криминального оттенка и станет общепринятой нормой. Весь Запад вертится — потому и живет.

А вот нам пока что вертеться некогда — боимся опоздать на президентский митинг.

Митинговая эйфория бьет нас не только по карману — скудеет и рассыпается все, что составляет частную человеческую жизнь. Пустеют библиотеки и театры, реже ходим друг к другу в гости. В благословенную пору застоя, чуть речь зайдет о политике, кто-нибудь непременно оглянется на телефон и скажет: «Братцы, давайте лучше о бабах!» Нынче на телефон не оглядываются, но и о бабах не говорят. Все киоски завалены детальными инструкциями по сексу, но теория без практики мертва, а на практику нет времени — разве что самый стремительный сумеет уложиться между «Вестями» и «Новостями».

Особо тревожит меня проблема, которую я сформулировал бы примерно так: интеллигент на президентском митинге.

Именно интеллигенции в первую очередь нужна независимость. Только в условиях личной свободы журналист, писатель, историк, юрист, философ способны элементарно честно выполнять свои профессиональные обязанности. Не меньше свобода необходима биологу — иначе лысенковщина. Не меньше врачу — иначе партийная медицина. Не меньше механику или ядерщику — иначе арийская физика.

Не случайно почти все движения за личную независимость начинаются с интеллигенции — первым рвет рубаху на горле тот, кому труднее дышать.

6

При тоталитарном режиме у интеллигента не было ни свободы слова, ни свободы печати. Кое-что все же оставалось — свобода мысли и свобода совести, не в религиозном, а в бытовом смысле слова.

Почти невероятно, но в условиях глухо закрученных гаек эта внутренняя свобода постоянно ощущалась — системе это ощущение трясло и толкало к глупостям.

Какие только формы не принимало сопротивление власти — от героических до анекдотических! Кто-то шел на площадь, а потом в мордовские лагеря. Кто-то писал письма протеста, распространял «Самиздат», говорил, когда требовали молчать, и молчал, когда требовали говорить. Информации не было никакой, разве что слухи, и все же все знали, кто Сахаров, а кто Шолохов.

Сегодня свободы слова и печати не поверх головы, но для жизни хватает. А вот мысль и совесть — они независимы?

Может, самое печальное и жалкое, когда властители дум и хранители огня начинают делиться по национальному происхождению, как военнообязанные по родам войск. В бесконечных племенных конфликтах интеллигенция одобряет своих вождей так же единодушно, как недавно поддерживала непогрешимое Политбюро в его борьбе с американским империализмом. А чего стоит комичная торопливость, с которой творческие союзы и общественные организации на низшем уровне воспроизводят постоянно меняющуюся форму содружества, как лимонад форму бутылки? Независимых государств может быть и пятнадцать, и пятьдесят, это пока что удельные пляски чиновников, но почему должно быть непременно пятьдесят и союзов писателей, и союзов дизайнеров, и обществ собаководов? Или каждая немецкая овчарка тоже должна выбирать, быть ей русской или эстонской?

Благопристойная идея национального самосознания на практике все чаще оборачивается для интеллигента полной покорностью собственным лидерам и страхом перед толпой — не народом, а именно толпой, ибо уличную политику вершат не все, а лишь те, у кого хватает свободного времени. Во многих новых государственных образованиях голос виднейших представителей интеллигенции звучит редко и глухо, а то и не слышен совсем. Как оценила азербайджанская интеллигенция резню в Сумгаите и Баку? Как отозвалась армянская интеллигенция на изгнание азербайджанцев из Армении? Чтобы лучшие художники Грузии могли свободно высказаться о Звиаде Гамсахурдиа, пришлось залить кровью красивейшую улицу Тбилиси.

— Неужели вновь стучатся в дверь времена не простой, а подлинной свободы, когда писатели пишут по зову сердца, а сердца их принадлежат правящей партии?

Президентский митинг набирает обороты, ораторы обмениваются приветствиями и угрозами, обещают и заверяют, объявляют собственностью и берут под контроль, подписывают декларации и упражняются в составлении аббревиатур. Где мы нынче живем? В СНГ? Может, и нам пора создать свое СНГ — Содружество Независимых Граждан? Хотя бы для того, чтобы защитить свою личную свободу от торопливых решений меняющихся правительств, от мельтешащих законов и дергающихся границ, от государственных прав, которые постоянно норовят подстелить под ноги права человека.

Президенты играют в покер. Пошли им судьба хорошую карту! А нам — ум и мужество, чтобы прочертить наконец нерушимый рубеж, за которым начинается наша личная неприкосновенная территория: родство и дружество, культура и чувство справедливости, душа и совесть. Совесть, которая, между прочим, не бывает национальной — она бывает только независимой.

*...Откуда в стране,
где Сталин был экономистом,
Хрущев — оратором,
Брежнев — писателем,
а Суслов — философом,
вдруг обнаружилось столько разумных,
талантливых и даже знающих людей?*

E.H.

РЕЦЕНЗИЯ НА ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ "ИСТИНА И КОСТЕР"
 АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ ИЗ ЛЫСЕЮЩЕГО, ТУЧНОГО КАГАНОВИЧА КОЗЛА
 ОТПУЩЕНИЯ. ФИЛЬМ ВСПОМИНАЕТ СВЕРДЛОВА, ТРОЦКОГО, ЯРОСЛАВСКОГО,
 ЮРОВСКОГО И ДАЖЕ ЛЕНИНА

ЛИТЕРАТУРНАЯ
 РОССИЯ

15 ноября

1991 г.

ПЯТНИЦА

Цена 60 коп.

46

[1502]

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКРАН

ЧЕРНАЯ СУББОТА И ВЕРА

В О ВСЕ времена истину посылали на костер, распинали на кресте. Но те истинные чудовищные, сатанинские преследования и массовый террор, которые после захвата государственной власти развернули коммунистические вожди против Православной Русской Церкви, не знают исторических аналогий. Сокрушая устои некогда великой империи, большевизм с зоологической ненавистью с первых же недель после удавшегося ему переворота устремился с огнем и штыком на нравственную опору народа — Христову веру. Разжигая страсти толпы, раскручивая маховик репрессий, втягивая в свой дьявольский план добровольцев и фанатиков, интернационал-коммунисты практически поставили Русскую Церковь вне закона. Вседозволенность, объявленная новой властью в отношении Православия, привела к многолетнему, последовательному разрушению и разграблению храмов, массовым убийствам и пыткам священников, монахов, архиереев, к преследованию и высылкам пастырей, грабежу церковного имущества, которым атеистическое государство расплачивалось за поставки с Запада. Апогеем вакханалии стал снос Храма Христа Спасителя.

Документальный фильм «Истина и костер» носит подзаголовок: «Храм Христа Спасителя». Эту часовую картину сделало не-

зависимое кинообъединение «Отечество» при участии Российской Академии экранных искусств (сценарист С. Дробашенко, режиссер Виктор Рыжко). Впервые на отечественном экране показаны подготовка к взрыву Храма-памятника и тот акт вандализма, который произошел в черную субботу, 5 декабря 1931 года, когда Каганович и его окружение по Московскому комитету большевистской партии стерли с лица московской священной земли бесценное достояние Православия и народа — Храм Христа-Спасителя.

В фильм включены кадры кинохроники 30-х годов. Мы видим, как партия вознаграждает услуги Кагановича: сияющий Хрущев привешивает орден на широкую грудь сдержанно улыбающегося Лазаря Моисеевича. Авторам картины после напряженной работы в архивах удалось разыскать уникальную съемку подготовки к сносу русской святыни. Старейшина кинодокументалистики Владислав Микоша вспоминает на экране, как получил в свое время секретный приказ снимать подготовку к взрыву. Сначала думали уничтожить Храм вручную, но кладка стен была сложена с расчетом на века. Рабочие, красноармейцы и чекисты напрасно крутили лебедки, долбали ломами и кирками, рыли лопатами и висли на канатах — собор не поддавался палачам. Тогда решили-

на взрыв. Заложили аммонал. Три оператора должны были со своими кинокамерами дожидаться сигнала, чтобы запечатлеть для «истории» расправу над Храмом.

А перед тем чекисты ободрали золото с куполов, и обезглавленный собор обреченно взирал на оставляемую им Москву, уже не златоглавую, с разоренными Кремлем и Китай-городом, снесенной Сухаревой башней и уничтоженными Ильинскими воротами. Секретный документ ОГПУ, показанный в фильме, предписывал все церковные ценности, «изъятые» у «противников Советской власти», сдавать в Хозяйственное управление означенного ОГПУ. Еще чекисты доносили о «непозволительных слухах», циркулирующих в народе в связи с разговорами о сносе Храма Христа Спасителя, и настоятельно советовали властям поторопиться со взрывом. Каганович посетил собор. Вот московский большевик № 1 внутри пустующего, оскверненного Храма в окружении сообщников — конечно же, в фуражке, как и

другие, в фуражках, кепках. Обнажать голову перед алтарем не было в правилах «несгибаемых» коммунистов.

Трагедия 5 декабря осталась на кинолентке. Мощные взрывы развалили барабаны и стены Храма, и погрузился Он во тьму земляной и кирпичной пыли, черным облаком закрывшей город...

Две глубокие, верные мысли, два смысловых пласта кажутся мне важнейшими для фильма «Истина и костер». Авторы не делают из лысеющего, тучного Кагановича козла отпущения. Не хотят они свалить беду народа и на одного Сталина, столь привычно сделанного главным виновником репрессий и геноцида в собственной стране. Фильм идет к черной субботе — гибели Храма — от первых же указов коммунистической верхушки. Лишь раз будет показан в кинохронике еще середины 20-х годов Сталин — в знакомой всем длинной шинели, в сапогах, веселый, а рядом с ним и чуть позади целая группа вышагивает бодро, все лидеры партии, госу-

дарства, равные среди равных. Культа диктатора еще нет, пока все несут одинаковые обязанности, это все товарищи — движению, перековке «чело русского материала». Нет ни одного крупного плана Сталина в картине.

Зато фильм вспоминает Свердлова с его приказом о поголовном истреблении «богатого» донского казачества, Троцкого — с обещанием срезать 300 миллионов голов ради коммунистической цели, идеолога атеизма Ярославского, убийцу последнего русского царя — Юровского и даже Ленина с его чудовищным, людоедским указанием Молотову об истощении православных пастырей, чтобы свалить на Церковь «вину» за искусственно вызванный большевиками голод 21-го года. Галерея виновников массовых казней, организаторов красного террора проходит на экране как обвинение всей верхушки партюкратии, вознесшей затем и Сталина, палача из палачей.

В фильме найден поразительный по воздействию кадр: из Италии возвращается Горький, на вокзале встречает его Бухарин и в припадке радости хватает писателя за горло. Столкнувшись с ним, чуть смутившееся лицо неловко чувствующего себя Горького и крепкая рука партийного функционера на горле писателя. Страшная символика!

А ведь совсем недавно в игровом фильме «Враг народа — Бухарин» его авторы В. Демин

РЕЦЕНЗИЯ НА ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ "ИСТИНА И КОСТЕР"
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ ИЗ ЛЫСЕЮЩЕГО, ТУЧНОГО КАГАНОВИЧА КОЗЛА
ОТПУЩЕНИЯ. ФИЛЬМ ВСПОМИНАЕТ СВЕРДЛОВА, ТРОЦКОГО, ЯРОСЛАВСКОГО,
ЮРОВСКОГО И ДАЖЕ ЛЕНИНА

3

и Л. Марягин пытались навязать нам миф о «безвинном» Николае Ивановиче. Да, «врагом народа» сталинский подсудимый Бухарин не был, не служил на японскую разведку, германский фашизм, но уж и другом народа «любимец партии» (по известному ленинскому определению) не был.

Вторая глубинная мысль фильма «Истина и костер» сводится к доказательству перманентного, изначального террора против Церкви. Коммунизм ненавидел Русское Православие, и кровавые следы этой ненависти ведут прямо к Октябрю 17-го года. Святейший Патриарх Тихон тщетно пытался увещевать народных комиссаров. Бесы вцепились в горло Церкви. Аммонит закладывался под основание Храма Христа Спасителя уже тогда, на рассвете «великого зари-ва».

Видим лик новомученика Владимира, митрополита Киевского. Владыка был зверски убит 25 января (по старому стилю) 18-го года. Патриарх и Поместный Собор определили тогда: в день убийства митрополита Владимира или в следующий за ним воскресный день совершать во всех российских храмах вечернее молитвенное поминовение новомучеников и исповедников Российских, погибших за православную веру. Неисчислимы жертвы, страшен грех большеви-зма...

Фильм сообщает нам, что к

1940 году было разрушено 95 процентов всех русских храмов, часовен и молитвенных домов. Ярость и самоослепление разрушительной стихии обескровливали народ и Православие, выжигали человеческие души. Но духовные подвиги новомучеников за веру, нравственная стойкость Святейших Патриархов России, Покров Христа Спасителя и Пресвятой Богородицы позволили уцелеть Русской Православной Церкви даже в таких беспримерных испытаниях. Бесы выли от радости, когда поклонились с государем Николаем Александровичем и его безвинной семьей. Но сохранилась молитва, обращенная в стихах к Христу Спасителю, с которой погибала великая княжна Ольга Николаевна. Молитва о сохранении святой Руси.

Страстное моление это слетает в наше сердце с экрана. И к чувству покаяния присоединяется надежда, которая сохраняет веру. Коммунизм бросил Православную Церковь в огонь, поднял на штык, распял. Сровняв с землей Храм Христа Спасителя, безбожная власть думала вытравить Храм из души каждого русского человека — на поколения вперед. Господь, видя многомиллионные жертвы, не попустил, и теперь наш черед работать над духовным возрождением Отечества. Вера победила «черную субботу». Аминь.

Юрий ТЮРИН

"А МОЖЕТ БЫТЬ МЫ СПАСЛИ МИР? И РУССКИМ КОММУНИЗМОМ БУДЕТ ПУГАТЬСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ДО СВОЕГО КОНЦА?"

ЮНОСТЬ ⁽⁴³⁸⁾ 11 '91

РУССКАЯ
ИДЕЯ
в отношении
КАПИТАЛА
И ВЕРЫ

К обсуждению
старинных вопросов
приглашают питерский журналист
Михаил ТАЛАЛАЙ
и наш корреспондент
Рустам РАХМАТУЛЛИН

РУСТАМ РАХМАТУЛЛИН. Идея нации, сказал Владимир Соловьев, есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в Вечности. То есть народ, как человек, может ошибаться на свой счет, менять со временем взгляд на себя, предаваться спорам. Говорить стоит только о мысли Вечной. Но... что ж тут скажешь?

Каков контраст между зрелищем «черного чуда», случившегося с нами, «черного откровения» о нас — и сокровенностью замыслов Света! Как удавались нашим авторам черные пророчества и как ходульно выглядят идеальные построения!

Можно ли ведать мысль Вечную о нас? Вот, в сущности, вопрос, иначе называемый русским. Избранным она открыта; но между избранным и народом, как между избранным и источником откровения, возможно только одно отношение — веры, доверия. Поверяемых «всего лишь» личным, мистическим опытом. Не слишком ли тонкая нить, когда на нее подвесишь всю весомо-грубо-зримую, завораживающую эмпирику нашей чернухи?!

Михаил Талалай. Но откуда взялась эта чернуха, которую мы на танках разнесли по земному шару? Мне кажется, из той веры, что мы-де призваны и избраны сказать какое-то особое слово, которое потрясет мир. Эта вера, как ты знаешь, имеет крепкие и древние корни. «Третий Рим», «народ-Богоносец», «всемирная душа»... На самом деле во всех этих мессианских чаяниях видна неприкрытая национальная гордыня, что, как известно, есть самый страшный грех. Еще в XVII веке старообрядцы утверждали: выпросил у Бога светлую Россию сатана. Не Бог, так сатана! Не самая светлая, так самая черная! Вот, оказывается, о чем спорят там, вот главный предмет их заботы — наша Россия! Отсюда действительно впору самосжигаться, но не изменить «русской идее». Или, наоборот, залить страну кровью, но первыми в мире построить коммунизм.

Национальной гордыней мы питаны с детства. Помню, будучи пионером, я уже страдал от мысли: какой ужас, если бы я родился не в этой, единственно возможной, стране — СССР, то есть России! Мне ка-

"А МОЖЕТ БЫТЬ МЫ СПАСЛИ МИР? И РУССКИМ КОММУНИЗМОМ БУДЕТ ПУГАТЬСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ДО СВОЕГО КОНЦА?"

жется, что смысл избранности в том, чтобы указать, познать Божию волю о себе — в нашем случае «русскую идею» — и жить по ней, а не вопреки ей!

Р. Р. Но познать — попробуй! Но познать и жить — попытайся! Это путь — не путь даже, а распутье — между дарами необыкновенными и безмерным падением. Потому что замысел о нас осуществляется (или нет), видимо, только через нас, силой нашего выбора, сделанного свободно. А выбор осложняется соблазнами.

Не по воле ли, о себе, познанной, жила Ассоль? Но проделаем грубый эксперимент: введем в действие книги лже-Грэя. Человека, имеющего на счет девушки одно и совершенно недвусмысленное намерение. Что ему нужно, чтобы достичь цели? Да

повесить себе, извиняюсь, красную тряпку на мачту и приплыть вперед Грэя.

Выходит, что путь Ассоль исключает среднюю линию жизни, воплощаемую жителями Каперны. Ассоль попадет или в феерию, или в анекдот. Надо быть на высоте дара — различать алый парус и красную тряпку, лик принца и личину обезьяны. Обладала ли Ассоль таким зрением, мы не знаем: никакой профанатор, на ее счастье, не опередил Грэя. Но Ассоль-Россия таким зрением не обладала, а выбежала навстречу красной тряпке.

И что же делать с нею подлинному Грэю? Насколько крепки ее вера и сердце, чтобы выдержать зрелище второго корабля? И Грэй стоит на рейде в Лиссе, ни на что не решаясь, и только изредка ходит в Каперну и заглядывает в ее окно...

М. Т. Но позволю спросить, кто же такой этот насильник и обманщик лже-Грэй? Не кажется ли тебе, что, например, для Польши (не говоря уже о Литве) именно Россия — вся — с ее радикальной и консервативной интеллигенцией, с рабочими и крестьянством, даже со святыми своими — лже-Грэй, порочный соблазнитель, орудие дьявола?

Р. Р. Литву брали грубее, как берут в темном подъезде. Лже-Грэй — если уж употреблять эту фигуру — эксплуататор веры, растлитель сначала души, а потом лишь тела.

Как видишь, я крепко усвоил себе тот взгляд, что «если черти в душе гнездились, значит, ангелы жили в ней». Что у сил тьмы нет никакого плана, пока его нет у Сил Света. План же Света тьма присваивает и, сохранив форму, выхолащивает дух до наоборот. Не бывает злого творчества, но иной благой жест бросает тень. Бросает даже впереди себя.

И вот теперь я должен признаться в собственном соблазне умопостижения Высшего плана. Как опосредованно, по объему вытесненной воды, Архимед исчислил объем венца, так по резкости «русского негатива» определить бы резкость позитива!

М. Т. Но если довести эту твою идею до крайности — той самой крайности, которой мы гордимся, то ты хочешь утвердить некую равнозначность, равновеликость и равноизбранность (хотя и у противоположных мировых начал) двух образов России: «Святой Руси» и «империи зла».

Можно ли?

Р. Р. Нельзя. Но исключительная привязчивость зла к нашим пенатам была бы объяснима, если бы мы были приуготовлены сказать миру... особое слово.

"А МОЖЕТ БЫТЬ МЫ СПАСЛИ МИР? И РУССКИМ КОММУНИЗМОМ БУДЕТ ПУГАТЬСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ДО СВОЕГО КОНЦА?"

М. Т. Я спросил, можно ли утверждать свою избранность на том, что ты продался сатане, пусть даже он и «обезьяна Бога»? Ты, конечно, вправе задавать вопрос, почему зло выбрало именно нас. Почему, следовательно, Бог отвернулся от нас (и чем же тут гордиться)? Я предложу простой ответ, данный задолго до меня, — за наши грехи. И первый из них, извини за занудство, как раз гордыня. А гордиться тем, что мы горделивы, — это уж совсем недалеко видно. Я соглашусь, что святые получались и из «хороших» грешников — блудниц, мытарей, даже разбойников и убийц. Но вовсе не потому, что они много грешили, а потому, что глубоко покаялись и смирились. Но ты предлагаешь из «империи зла» болезненно и даже с чувством выполненного долга перейти в Святую Русь! Мне кажется, что так просто это не получится. Кто-то должен сказать (а кто-то услышать): «Смирись, гордая Россия»!..

И то самое «особое слово» (оборот, который ты употребляешь вместо других мессианских понятий), его же мир услышит, то это, собственно, не слово, а стон. Тяжкий стон народа, от которого отвернулся Бог, стон под тяжестью оседлавшего нас зла. Хотя прозвучало это «русское слово» и более членораздельно, но, так сказать, с кавказским акцентом. И та мощь, с которой мы разлили по миру эту азиатскую версию коммунизма, произошла именно от убежденности, что мы призваны (как ты говоришь, «приготовлены») к «особому слову». На самом деле мы попались на крючок. Указывает ли этот факт на нашу исключительность — это уже и впрямь вопрос веры.

Р. Р. Только ли веры? Нельзя ли и здесь «умом понять» да измерить «по Архимеду»? Откуда взялась сила «разлить по миру коммунизм»? Не была ли она уже собрана и «приготовлена», чтобы разлить совсем

иной, не черной, а вот именно светлый свет? Для меня разлив нашей танковой брони — лишь обезьянья профанация экспансии нашего духа, то есть еще один соблазн. А экспансия духа народного в мир не обязательно слово религиозного откровения, какого ждали в начале века, какого ждут с обретением мощей св. Серафима, но «просто» особое слово Чехова, Константина Мельникова или Сахарова. Я говорю лишь об «обычных» культурных обязанностях народа перед другими народами, о миссии, а не мессианизме. Это различие проводил, скажем, князь Е. Н. Трубецкой.

М. Т. Поверь, мне тяжела роль очернителя, некой буки, «обламывающей» тебя в твоих светлых мечтах. Единственное, что меня утешает, — что ты используешь самые «чернушные» доводы так, что они ложатся послушными кирпичами в красивую постройку в русском стиле. Но тебе стократ сильнее «обломится», когда Россия станет третьим миром, а не «Третьим Римом» (О Третьем интернационале речи уже нет).

Р. Р. Мне это уже больно. Но возможно ли, чтобы ты не отличал духовного сияния от державного блеска? Третий мир дал Ганди, дал плеяду латиноамериканцев, дал неизвестных мною, к стыду моему, людей — в залог грядущего цветения этих стран. Да и Россия, «мощно разлившая по миру коммунизм», дала миру тогда же... только подставляй имена. И этот сонм от земли Российской просиявших, это сияние, тьма же его не объяла, лишь доля того, что могло просиять в «стране недопетых стихов, ненаписанных книг», что было приготовлено воссиять.

М. Т. А может быть, мы уже спасли мир? И русским коммунизмом будет пугаться человечество до своего конца...

"А МОЖЕТ БЫТЬ МЫ СПАСЛИ МИР? И РУССКИМ КОММУНИЗМОМ БУДЕТ ПУГАТЬСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ДО СВОЕГО КОНЦА?"

Пожалуй, да, критикуя русскую действительность, сам невольно работаешь на «русскую идею». Вот и я «скатился» к тому же: именно мы, мы, мы спасли человечество — сперва от коричневой чумы, а потом и от красной!

Р. Р. «О недостойная избранья, Ты избрана!» — обращался Хомяков к России в своем классически «очернительском» стихотворении. Будучи последовательным, он признал себя мессианистом. Не здесь ли могли бы примириться наши запад и почва, во всяком случае, в религиозных своих крыльях? Ибо те и другие, утверждая один из членов хомяковской формулы, невольно утверждают и другой!

М. Т. И все-таки надо остерегаться чувства гордости. Все хорошие люди говорили, что до добра оно не доведет.

Р. С. И уже после разговора в редакцию пришло письмо — как недостающее многоточие... Или как еще одно начало нескончаемого разговора:

Здравствуй, «Юность»!

В «Школе для дураков» Саша Соколова я прочитала строчки (там идет ссылка на старинную книгу, может, всем она известна, но я ничего о ней не знаю) о том, что испросил дьявол у Бога Светлую Русь, залил ее кровью, обрек на муки. Я поразились тогда — ведь каждый, наверное, задумывался, почему, за что мы так живем. А тут сразу вспомнился Иисус Христос. Бог Сам отдал Своего единственного Сына на мученичество, заранее зная, что ждет любимое дитя.

Наверное, и Россия — любимое дитя Бога. Россия — это наша планета, уменьшенная до размеров одной страны. Мы — пример, взятый Богом для урока землянам.

Носиф Бродский в «Юности» очень верно считает, что довести зло до абсурда — победить его. Видимо, вся нереально жестокая история советской России — это и есть доведение зла до абсурда, то есть борьба с ним. Ведь у нас все поставлено с ног на голову, все доведено до крайности, причем страдает не только человек, но и лес, земля, твари.

И так хочется верить, что осталось совсем немного, что уже выстрадала Россия Возрождение, что вот-вот откроется миру какая-то истина, явится новое сознание, наступит новый виток эволюции. Иначе жертва бессмысленна, а я верю: бессмысленного во Вселенной нет.

Может, поближе к Москве эти проблемы легкоразрешимы, но мы живем на куличках...

Маргарита СТАРЦЕВА
Тында

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ

РУСОФОБИЯ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

За последние годы мы стали свидетелями и участниками поразительного явления, которому я, по крайней мере, не вижу прецедентов в истории. Марксистско-ленинско-сталинско-брежневский строй был безжалостным и античеловечным железобетонным монолитом. Единственным его абсолютным принципом было сохранение власти любой ценой. И вдруг он рассыпался без видимых причин: проигранной войны, забастовок, волнений или голода. При этом строе на праздничные дни в учреждениях опечатались пищевые машинки, чтобы не дать печатать листовки, и назначались патрули для ловли несуществующих злоумышленников. И этот же строй без сопротивления отказался от господства над экономикой, цензуры, от бутафорских выборов, допустил враждебные ему партии и средства информации. Это была не медленная эволюция, а мгновенный (в историческом масштабе) крах. Он перевернул всю нашу жизнь и взгляды. Относительный вес разных факторов, связи их друг с другом — все стало иным.

Ввиду этого я и возвращаюсь к теме моей старой работы — «РУСОФОБИЯ». Она была написана более десяти лет назад, в период безраздельного (и, как казалось, почти вечного) господства режима. Мне и в голову не приходило, что работа сможет быть напечатана при моей жизни. После долгих колебаний мы с друзьями решили распространять ее в самиздате, надеясь, что из десятков экземпляров хоть несколько уцелеет и донесет до потомков это свидетельство о нашем времени.

Жизнь оказалась переполненной сюрпризами. Во-первых, и тогда, в 1982 году, работа стала распространяться в Самиздате довольно бойко. А потом началась «перестройка» и «гласность», работа печаталась¹, да не одним изданием, даже переведена на несколько языков. Благо-

¹ «Вечер» (Мюнхен), 1988. «Кубань», 1989. №№ 5, 6, 7, «Наш современник», 1989, №№ 6 и 11 и ряд отдельных изданий.

даря этому на нее возникло много откликов, напечатанных, прочитанных по радио или в виде писем автору. Эти отклики тоже дают материал для анализа явления, рассматриваемого в работе.

Приведу для удобства читателя краткое резюме основных положений «Русофобии».

1. В нашей публицистике и литературе существует очень влиятельное течение, внушающее концепцию неполноценности и ущербности русской истории, культуры, народной психики: «Россия — рассадник тоталитаризма, у русских не было истории, русские всегда пресмыкаются перед сильной властью». Для обозначения этого течения и используется термин «руссофобия». Оно смертельно опасно для русского народа, лишая его веры в свои силы.

2. Руссофобия — идеология определенного общественного слоя, составляющего меньшинство и противопоставляющего себя остальному народу. Его идеология включает уверенность этого слоя в своем праве творить судьбу всего народа, которому отводится роль материала в руках мастера. Утверждается, что должна полностью игнорироваться историческая традиция и национальная точка зрения, надо строить нашу жизнь на основе норм западноевропейского, а особенно американского общества.

3. Аналогичный узкий слой, враждебный историческим традициям остального народа и убежденный в своем праве манипулировать его судьбой, возникал во многих кризисных ситуациях. Его очень ярко описал французский историк О. Кошен в связи с Великой Французской революцией. Кошен назвал его «Малым народом» (противопоставляя остальному — «большому народу»). Тот же термин используется в работе для всех вариантов этого явления. В качестве других примеров приводятся Английская революция (пуритане), Германия 30-х гг. XIX века («Молодая Германия», «младогегельянцы»), Россия периода «революционной ситуации» — 70-е гг. XIX века.

ШАФАРЕВИЧ Игорь Ростиславович — ученый-математик, философ, публицист и общественный деятель. Член-корреспондент АН СССР. Автор известных работ: «Руссофобия», «Две дороги к одному обрыву», «Социализм как явление мировой истории». Участвовал в сборнике «Из-под глыб» (Москва—Париж, 1974). Живет в Москве.

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ — "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННИК" №12/1991

4. В литературе современного «Малого народа» поражает, какую исключительную роль играют еврейские национальные проблемы. Это, как и ряд других признаков, указывает на то, что в нем есть влиятельное ядро, связанное с некоторым течением еврейского национализма. Ситуация драматизируется реминисценциями той роли, которую играло течение радикального еврейства в подготовке, осуществлении и закреплении революции. Тем не менее «Малый народ» отнюдь не является национальным течением: в нем участвуют представители разных наций (как и социальных слоев). Точно так же, как и наша революция ни в какой мере не была «сделана евреями»: процесс начался в эпоху, когда ни о каком еврейском влиянии не могло быть и речи.

Полная замена всех основ и скреп нашей жизни привела к тому, что влияние на жизнь рассматриваемых в работе явлений стало совсем иным. Появилась возможность по-новому взглянуть на них, да и проверить еще раз выводы работы.

1. РУСОФОБИЯ СЕГОДНЯ

В своей старой работе я вынужден был реконструировать, отгадывать то явление, которое окрестил русофобией, по отдельным статьям самиздата, по эмигрантским публикациям. Теперь, при полной гласности, при слиянии нашего и эмигрантского книжного рынков, таких трудностей не существует. И течение, о котором тогда можно было лишь догадываться, что оно окажет влияние на жизнь в будущем, сейчас становится мощной и явной силой. В новых условиях само явление становится новым. Вот для начала пример:

Холуй смеется, раб хочочет,
Палач свою секиру точит.
Тиран терзает наплуна,
Сверкает зимняя луна.

То вид отчества: гравюра,
На лежане солдат и дура.
Старуха чешет мертвый бок.
То вид отчества: лубок.

Собака лает, ветер носит,
Борис у Глеба в морду просит,
Кружатся пары на балу,
В прихожей — куча на полу.

Луна сияет, зренья муча,
Под ней — как мозг отдельный —
туца.

Пускай художник, паразит,
Другой пейзаж изобразит.

Вероятно, я мог бы процитировать это и 10 лет назад. Но тогда — что было в этом значительного? В своих антипатиях человек не волен, а форма их выражения — всего лишь личная особенность автора. Но сейчас мы со всех сторон слышим, что автор — И. Бродский — величайший русский поэт современности, заслуженно увенчан Нобелевской премией, а стихи его возвращаются на родину (хотя применимость такого термина здесь, пожалуй, сомнительна). Социальная значимость этого произведения стала совершенно иной.

Вот пример из прозы. «В этой стране

песутся козы с выщипанными боками, вдоль заборов робко пробираются шелудивые жители. (...) В этой стране было двенадцать миллионов заключенных, у каждого был свой доносчик, следовательно, в ней проживало двенадцать миллионов предателей. Это та самая страна, которую в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя: «Я привык стыдиться этой родины, где каждый день — унижение, каждая встреча — как пощечина, где все — пейзаж и люди — оскорбляет взор». Написано в 70-е годы, но даже не знаю, было ли опубликовано тогда. Теперь же распространено большим тиражом («Библиотека «Огонек»). Автор Б. Хазанов (Г. Файбисович) издает (вместе с К. Любарским и Э. Финкельштейном) в ФРГ журнал «Страна и мир», ориентированный в духе приведенных цитат.

Таков «ветер перемен». В частности, почти все, что я цитировал в старой работе из сам- и тамиздата, теперь нахлынуло сюда массовыми тиражами. С отменной глушестью радиостанцию «Свобода» слышно 24 часа в сутки в любом месте — все ее вещание накалено этой страстью. Русские («пруссский шовинизм») — виновники голода на Украине, русские вообще — в принципе утопично, русские вообще — не взрослые. И до полной потери приличия нескрываемый восторг по поводу всех бед нашей страны: разрухи, междоусобиц, близкого голода.

Газеты, журналы, телевидение все более подчиняются этому течению. Известный окрик с самых верхов власти — что мы живем плохо, так как русские ленивы — был подхвачен с сочувствием. Например, журнал «Наука и техника» — где тут место идеологии? Но: «Развитие кооперативов усилит имущественное неравенство. Один человек талантлив и трудолюбив, другой ленив. Так было, есть и будет, пока не исчезнет лень — одна из черт русского характера». Тут уже предопределена и национальная раскладка этого имущественного неравенства. Другой вариант: «Несомненно, что крепостное право не могло не выработать рабских черт характера у крепостного крестьянина». Может быть, проверим у Пушкина? Вот типичный крепостной — Савельич. Но не согласный с Пушкиным автор зато нас утешает, указывая надежду на будущее: «Ведь во Всероссийской политической стачке 1905 года участвовали дети бывших крепостных. Как изменилась психология за 44 года!» Это ведь ужас, в эпоху какого помрачения разума мы живем! Считать рабами тех, кто создал наши сказки и песни, кто насмерть стоял под Полтавой и Бородино! А свободными душами — тех, кто пошел за полуграмотными, злобными, нравственно ущербными крикунами, приведшими их — теперь уже все видят, куда. Победоносцеву пишет один его корреспондент в 70-е гг., как «нигилист» агитировал мужика: бери топор, и все, что сегодня барское, завтра будет твоё. Мужик в ответ: а послезавтра? И объясняет: если я не вор, не убийца, пойду грабить и убивать, так почему ж ты-то у меня неграбленное не отберешь? Ведь этот уж настоящий крепостной (всего лет 10 до

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

того освобожденный) видел нашу историю на полвека вперед, видел то, о чем не подозревали Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Михайловский, Миллюков. Но все равно — «раб».

Для более убедительного доказательства этого тезиса еще один автор спрашивает: почему не «безбожный Запад», а Россия допустила «избиение церкви государством? Как глубоко религиозный народ допустил физическое истребление за один год Советской власти (1919 г.) 320 тысяч священнослужителей (см. «Комсомольскую правду» от 12 сентября 1989 г.)». Вот так и судят о нашей истории — по заметкам в «Комсомольской правде». Толстый журнал («Октябрь») пишет об одной из величайших трагедий нашей истории с фельетонной беззастенчивостью. 300 тысяч — это примерная численность всего духовенства — белого и черного — до революции. И, конечно, оно не было все истреблено за один год, его истребляли еще лет 20. Действительно, к началу войны (1941 г.) из этого числа служила едва ли одна двадцатая часть, но остальные далеко не все и даже не в большинстве своем были «физически истреблены». Если же сравнивать с Западом, в 20-е годы в Мексике прокатилось гонение на католическую церковь не мягче нашего. Священника, застигнутого за исполнением требы, расстреливали, за крестик сажали в тюрьму. Поднявшихся на защиту своей веры крестьян вешали, расстреливали, забирали в концлагерь. Организаторами были американизированные дельцы и адвокаты, финансируемые из Штатов, американский атташе давал советы по проведению политики «выжженной земли» и созданию концлагерей (американцы уже имели опыт на Гавайях). Запад не только дал раздуть крестьян, но свободная пресса еще и замолчала всю эту драму — так, что о ней мало кто и знает. (Сейчас переведен яркий роман Г. Грина «Сила и слава» об этом гонении и путевые заметки Грина «Дороги беззакония». Но самое сильное впечатление — от сухого рассказа историка, например, J. Meyer «Apocalypse et révolution en Mexique. Paris, 1974.») Неужели мало нам перенесенных мучений и надо еще представлять нас какими-то выродками в человечестве, хватая для этого факты с потолка?

Другой автор и совсем без фактов, еще откровеннее: «Русский национальный характер выродился. Реанимировать его — значит вновь обречь страну на отставание». У третьего еще хлеще: «Статус небытия всей российской жизни, в которой времени не существует». «Россия должна быть уничтожена. В том смысле, что чары должны быть развеяны. Она вроде и уничтожена, но Кашеево яйцо цело». И уж совсем срываясь: «Страна дураков... находится сейчас... в состоянии сволочного общества». Про русских: «Что же с ними делать? В переучение этого народа на жизнь ради жизни (таков язык подлинника!) поверить трудно. В герметизацию? В рассеивание по свету? В полное истребление? Ни одного правильного ответа». И на том спасибо!

Кажется, что существование русского народа является досадной, раздражающей неприятностью. Доходит до чего-то фантастического! В «Литературной газете» опубликовано письмо известного артиста Театра на Таганке В. Золотухина. Раньше эта газета написала об «омерзительном зрелище», в котором он участвовал, процитировав рядом некие слова «о чистоте крови» (произнесенные в месте, где Золотухин не был). Актер стал получать письма с обвинением в беспринципности, в том, что он — «враг еврейского народа». Такие же письма вывешивались в театре. За что? Оказывается, за то, что на 60-летнем юбилее Шукшина, у него на родине, Золотухин сказал — у нас есть живой Шукшин, живущие Астафьев, Распутин, Белов, и мы не дадим перегореть Катунь плотинами! Не было бы это напечатано, я бы не поверил!

Та или иная оценка России, русского народа всегда связана с оценкой его культуры, особенно литературы. И здесь аналогичная картина. Например, «Прогулки с Пушкиным» Синявского я упомянул вскользь еще в моей старой работе, тогда это был небольшой скандал в эмигрантской среде¹. Теперь же «Прогулки» печатаются здесь в многотиражном журнале. Как ни объяснять их происхождение: желанием ужалить русскую культуру, патологическим амбивалентным отношением любовь—ненависть к Пушкину, стремлением к известности через скандал — у читателя все равно остается чувство, что нечто болезненное и нечистое соединяется с образом того, кто и до сих пор озаряет светом нашу духовную жизнь. В статье об этих «Прогулках» Солженицын обратил внимание на признаки такого же «переосмысления» Гоголя, Достоевского, Толстого, Лермонтова и высказал догадку: не закладывается ли здесь широкая концепция — как у России не было истории, так не было и литературы? И угадал! Уже в последние годы в здешнем журнале встречаем: «Вот у Гоголя тоска через несколько строк переходит в богатство, как у Пушкина — разгулье в тоску. Так они и переливаются, жутко сказать, из пустого в порожнее, из раздолья в запустенье — на всем протяжении русской гордящейся и тоскующей мысли». «Пустота, неутолимый наш соблазн, сама блудница вавилонская, раздвигающая ноги на каждом российском распутье». И дальше отрывок из Блока: «О, Русь моя, жена моя!...» Очередь дошла и до Солженицына. Синявский, его соредатор по журналу Розанова Сарнов, В. Белоцерковский и многие с ними заняты этим делом. Недавно в «круглом столе» журнала «Иностранная литература» было высказано много серьезных упреков литераторам, что боются они (кого или чего — интелесно?) разъяснять бесталанность и реакционность Солженицына. Но раньше уже отличился Войнович целым романом — грязным пасквилем на Солженицына.

¹ Пользуясь случаем, хочу исправить допущенную в прежней работе ошибку Синявский был осужден не на 5 лет, а на 7, из которых отсидел 6.

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

«Помрачение рассудка», «пятая колонна советской пропаганды», «проповедь о великорусском национализме» и «черносотенные инсинуации» — это В. Белоцерковский о Солженицыне, в таком же точно духе, что давние доносы Биль-Белоцерковского на Булгакова! И других современников не минуло. «Главное — в эстафетском мировоззрении, основная черта которого, на мой взгляд, — беззащитность». «Примитивный, животный шовинизм, элементарное невежество» (о нем же). «Мракобесие Распутиных...». «Беловлет...». «Лад» — ложь». Так: от Пушкина до наших дней⁸. Шире литературы — язык. Из совсем недавнего (кстати, еще нам не встречался Тургенев, вот и он пригодился). «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбе нашей страны невольно спросишь себя: что это за народ, который одновременно истово кланется, что «мать» — это самое святое слово, и это же слово так прочно соединил в своем великом и могучем языке с грязным ругательством, что и само оно сделалось почти неприличным?»

Наиболее типичная в этом потоке литературы повесть В. Гроссмана «Все течет». Если 10 лет назад я мимоходом упомянул о ней как о мало известном произведении, но предтече всего направления, то сейчас она широко опубликована и подкреплена публикацией тоже ранее неизвестного яркого романа Гроссмана «Жизнь и судьба», а особенно его колоссальной рекламой. Схема повести: герой, выйдя из лагеря, пытается осознать происшедшее с ним и страной. Виновен Сталин? — нет, он приходит к мысли, что многие отталкивающие черты восходят к Ленину. Значит, Ленин? Нет, герой идет глубже. В конце книги он излагает свое окончательное понимание. Причина — в «русской душе», «тысячелетней рабе». «Развитие Запада оплодотворялось ростом свободы, а развитие России — ростом рабства». Сто лет назад в Россию была занесена с Запада идея свободы, но ее погубило русское «крепостное, рабское начало. Подобно дымящейся от собственной силы царской водке, оно растворило металл и соль человеческого достоинства». И в других странах иногда торжествовало рабство — но под влиянием русского примера. «По-прежнему ли загадочна русская душа? Нет, загадки нет. Да и была ли она? Какая же загадка в рабстве?» В повести как будто с сочувствием описываются крестьяне, мрущие от голода при коллективизации. Но в конце читатель понимает: это их собственная, рабская душа заморила их, да еще насажде-

⁸ Чувствуется, что здесь не хватает Блока. В последний момент я нашел и о нем. Одня автор в эмигрантском журнале «Грани» умилительно объясняет, чем мы обязаны И. Бродскому. Оказывается, автор никогда не любил Блока, но стеснялся этого. А вот Бродский в беседе с Соломоном Волковым («Континент», № 53) смело сказал: «Блока, к примеру, я не люблю теперь пассивно, а раньше — активно (...) за дурновкусие. На мой взгляд, это человек и поэт во многих отношениях чрезвычайно подлый». И тем снял тяжелый груз с души автора.

ла рабство вне их страны. Такая концепция глубинного отрицания России и всей ее истории встречалась мне до того лишь однажды — в основном идеологическом произведении национал-социализма — «Миф XX века» Розенберга. Там та же схема русской истории. Русские — неполноценные, природные рабы. Их государство создали германцы-варяги. Но постепенно растворились, потеряли расовую чистоту. Результат — монгольское завоевание. Второй раз германцы создали русское государство и культуру в послететровское время, и опять их захлестнула расово-неполноценная стихия. Концепция Розенберга последовательнее, так как явно формулирует практическую цель: новое завоевание России и германское господство, застрахованное на этот раз от растворения высшей расы неполноценным народом!

Повесть Гроссмана подводит к самому злободневному вопросу, осмыслению революции и последовавшей цепи трагедий. Еще 10 лет назад вопрос казался лишь темой для рассуждений идеологов, теперь же он встает перед каждым. И звучит ответ, уже давно заготовленный, но сейчас внедряемый мощью средств массовой информации: причина в русской традиции, русской истории, русском национальном характере (как у Гроссмана).

Тут Россия предстает даже злой силой, загубившей западные (марксистские?) идеи (растворила, «как царская водка» по Гроссману), «идея социализма, пришедшая к нам с Запада, пала на глухую, придувленную вековыми традициями рабства почву». Россия «дискредитировала сами идеи социализма». Недаром возникший у нас строй называют то «социализмом» (в кавычках), то псевдосоциализмом. «Разве вяжутся с социализмом тюремная организация производства и жизни, отчуждение, крепостное право в деревне?» Да почему же не вяжутся? Наш строй до парадоксальных подробностей совпадает с картинами будущего социалистического общества, кто бы их ни рисовал. Даже посылка горожан в деревню на уборочную была предусмотрена — именно так «классики» представляли себе «преодоление противоречия между физическим и умственным трудом».

Конкретнее, причину ищут в мужике. «Идея коллективизации чем-то непопулярна (крестьянам.— И. Ш.) хорошо знакомую и близкую коллективизацию». «Предрасположенность добуржуазного крестьянина к коллективному хозяйству». «Большинство крестьян примирились с коллективизацией». Да откуда вы знаете, что они примирились? Только потому, что Рыбаков не захотел описать, как это «примирение» вылилось в тысячи восстаний, усмирявшихся пулеметами? Среди наших подъяремных философов А. Ципко первым, кажется, отважился напомнить о марксистском фундаменте революции (хотя нам, правда, с другими экцентрами твердили об этом десятилетиями). Он даже как будто полемизирует с предшествующим автором: «модный ныне миф о крестьянском происхождении левачьих скачков Сталина, в том числе и коллективизации» — и указы-

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

вает на тождественность идеологии Сталина, Ленина и других марксистов, вплоть до Маркса. Но он очень обеспокоен тем, что «волна обновления... связана с основными нашими святынями — с Октябрем, социализмом, марксизмом». В результате «источки сталинизма в традициях русского левого радикализма». Но если Сталин мыслит по Марксу? Тогда в каких традициях истоки марксизма? Недавно тот же автор писал в газете: «Катастрофа, которая произошла в 1917 году, была с энтузиазмом воспринята всем народом». А четыре года гражданской войны, Антоновское, Западно-Сибирское, Ижевское, Тульское, Вологодское восстания? Известный земец С. С. Маслов писал в начале 20-х годов: «Крестьянство борется неустанно и ожесточенно. Страшная расплата за борьбу, выражающаяся в уничтожении артиллерией и истреблении огнем деревень и станиц, в массовых расстрелах, пытках... его не останавливает». О Сибирском восстании: «В сражениях принимали участие дети, женщины, старики».

Но так и остаются русские у всех авторов виновными, народом-преступником. «Неспособность русской нации к пересмотру прошлого и признанию своей вины...» «Только равноправное экономическое содружество народов и может снять с народа русского подозрение в превосходстве» (таков уж слог!). То есть русские рассматриваются как амнистированный преступник, который еще должен хорошим поведением доказать, что исправился.

Казалось бы, хоть победа в последней войне, купленная даже не поддающимся пересчету жизнями русских и спасшая весь демократический мир, могла бы вызвать снисхождение к русским. Но нет, легче сменить отношение к Гитлеру. «Россия преподала миру чистые формы тоталитарной власти», а «современная политология даже фашистскую Германию считает не чисто тоталитарным, авторитарно-тоталитарным государством». Опоздали вы, критики России! Вам бы в 1942 году явиться и объяснить, что идет война тоталитарной власти против всего лишь авторитарно-тоталитарного государства. Нашлась бы заинтересованная аудитория для живой дискуссии — даже во всем мире.

Все настроение не ново — и в старой своей работе я приводил много таких примеров. Но сейчас оно уже тесно смыкается с реальностью. «Реторта рабства» — Россия — естественно, должна быть уничтожена, так, чтобы уж не поднялась. В первую мировую войну темный авантюрист Парвус-Гельфанд представил немецкому генштабу план бескровной победы над Россией. Он предлагал не скупаясь финансировать революционеров (большевиков, левых эсеров) и любые группы националистов, чтобы вызвать социальную революцию и распад России на мелкие государства. План и начал успешно исполняться (Брестский мир), но помешало поражение Германии на Западе. Похожие идеи обсуждались и Гитлером. Но теперь такие планы разрабатываются и пропагандируются у нас. Разбить страну на части по числу народов, то есть на 100 частей, любой территории предоставить суверени-

тет (кто сколько перевертит), как выражаются наши лидеры. Здесь уже речь идет не о тех или других территориальных изменениях, а о пресечении 1000-летней традиции: о конце истории России. И это логично: раз народ, создавший это государство, «раб», раз «Россия должна быть уничтожена», то такой конец — единственный разумный выход. Все возражения — это «имперское мышление», имперские амбиции». И вдохновленные такой идеологией, политики раздувают за спиной друг друга сепаратистские страсти как диверсанты, взрывающие дома в тылу врага. То, что 10 лет назад было идеологическим построением, теперь стало мощной, физической разрушающей силой.

В прежней работе я обратил внимание на концепцию эмигранта-советолога А. Янова: Россия не может сама выработать план своего развития, за нее это должно сделать «западное интеллектуальное сообщество». Янов сравнивает эту задачу с той, которая стояла перед советниками генерала Макартура, командующего американской оккупационной армией в Японии после конца II мировой войны. Тогда эта идея показалась мне характерной как символ, знак того, что русофобские авторы мыслят уже в рамках концепции оккупации. Но сейчас бывший министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе* вполне по-деловому заявляет, что положительно относится к участию войск ООН в решении конфликтов внутри СССР («Правда», 21.VI.91 г.).

На мрачном фоне нашей жизни есть, однако, нечто положительное: череда драматических событий дает материал для сопоставления их с некоторыми из обсуждавшихся выше идей — появилась возможность экспериментальной проверки. Например, такой центральной для всего течения концепции, как «русский фашизм»? «Русская идея реализуется как фашизм», «русские — расисты». Как выразителей тенденций всего народа часто выбирают писателей-«деревенщиков». Писатели-«деревенщики» — расисты, это любимая тема радио «Свобода». «Разве Белов, Астафьев — националисты?» — спрашивает Померанц. «Для них Москва — чужак, почти иностранец; женщина, которая увлекается авробикой, — шлюха. Бред, но он отвечает сознанию нескольких десятков миллионов, выдвинутых из деревни и распиханных по крупноблочным и крупнопанельным сооружениям». «Почвы нет, а есть движение новых варваров, внутренних «грядущих гуннов». Другой автор: «Та мораль, которую несет Астафьев, есть доведенная до анекдота, но типичная для всего движения смесь: декларируемой любви — и осуществленной ненависти». «Черномазыми» кличут по России человека вида нерусского, в том паче кавказского, торгош он или не торгош, неважно; а еще кличут «чучмеком» и «чуркой», если он по виду из Средней Азии». Автор якобы сам слышал, как дворники у одного универсама говорили, что «черномазы» надо давить, как тараканов. Теперь страсти разыгрались, власть ослабла,

* Ныне Э Шеварднадзе является министром внешних сношений СССР (Прим. ред.)

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

и мы могли бы видеть, как русские фашисты преследуют и громят «чучмеков». Но вот жалуются «руссофон» (русскоговорящий) из Кишинева: «В моем подъезде начертано крупно: чушки, уходите домой. Чушки — уличный синоним руссофона». Не русские же скандировали в Кишиневе: «Чушки, проводите свой митинг в Сибири», — и кто-то другой забил насмерть русского юношу за то, что на улице говорил по-русски. Не русские несли плахаты: «Мигранты, вон из Литвы», и это эстонский народный депутат написал, что русские произошли от женщин, изнасилованных татарами. Убивают друг друга азербайджанцы и армяне, грузины и абхазцы, грузины и осетины, громят местов узбеки, но не слышно, чтобы кого-то убивали русские, зато погромы русских были в Алма-Ате, Душанбе, Туве. А беженцы любых национальностей стекаются в Россию, особенно в Москву. Можно сказать: какие же русские свойства здесь проявляются? Беженцы сами едут в Москву — что же с ними делать? Но ведь не всегда так мирно обходится. Например, когда в 1921 году голодные беженцы из России хлынули в Грузию, там был поставлен вопрос о закрытии границы. Наверное, были в последние годы и такие столкновения, где инициаторами явились русские, но общий характер событий, кажется, никак не соответствует образу «русских фашистов». Концепция «русского фашизма» прошла первую экспериментальную проверку...

Б. Хазанов пишет: «Берегитесь, когда вам твердят о любви к родине: эта любовь заражена ненавистью. Берегитесь, когда раздаются крики о русофобии: вам хотят сказать, что русский народ окружен врагами». Но послушаем и другую точку зрения! Это написал Розанов в 1914 году, когда наш 74-летний эксперимент был еще в стадии подготовки: «Дело было вовсе не в «славянофильстве и западничестве». Это — цензурные и удобные термины, покрывающие далеко не столь невинное явление. Шло дело о нашем отечестве, которое целым рядом знаменитых писателей указывалось понимать как злейшего врага некоторого просвещения и культуры, и шло дело о христианстве и церкви, которые указывалось понимать как заслон мрака, темноты и невежества; заслон и — в существе своем — ошибку истории, суеверие, пережиток, то, чего нет (...).

Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного звена. России собственно — нет, она — кажется. Это ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того, единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассеем мы, и для этого рассеяния остаемся на этом проклятом месте Восточной Европы. Народ наш есть только «средство», «материал», «вещество» для принятия в себя единой и универсальной и окончательной истины, каковая обобщенно именуется «Европейской цивилиза-

цией». Никакой «русской цивилизации», никакой «русской культуры»... Но тут уж дальше не договаривалось, в начале истерика ругательства. Мысль о «русской цивилизации», «русской культуре» — сводила с ума, парализовала душу.

II. «МАЛЫЙ НАРОД» СЕГОДНЯ

Отличительный признак «Малого народа» во всех исторических ситуациях — его совершенно особенное отношение к остальному народу, как будто к существом другой, низшей природы. И сейчас леворадикальный политик говорит: «Они живут по-свински и, что самое страшное, довольны этим». Экономист советует купить «им» на миллиард дешевого ширпотреба — на несколько лет «они» будут довольны. Так говорить мог только англичанин о неграх — да и то в прошлом веке. Явно авторы ощущают себя не внутри, а вне этого народа. Вот идеально четкая формулировка: «Два народа растягиваются к противоположным полюсам, чтобы еще раз схватиться. Один народ явно многочисленнее, непоседливо-напряженный, плотояден и груб — это все прошлые и нынешние вожди партии, сам «эппарат», идейные сталинисты, идейные националисты, славянофилы и с ними вся необъятная Русь — нищая, голодная, но по-прежнему видящая избавление от всех бед только в «твердой руке», в «хозяине», в петлях и тюрьмах и иконе-вожде. Другой народ чрезвычайно малочислен. Он видит избавление в уничтожении власти бюрократии, в свободном и демократическом государстве»⁴.

Мировоззрение этого течения не отягчено излишними сложностями: ни тегельянской фразеологией, ни рассуждением о превращении гвоздей в шпурты, ни призывами «штурмовать небо» или картинной прыжка из царства необходимости в царство свободы. Его можно назвать «идеологией велосипеда», ибо оно прекрасно выражается простым и бодрим призывом: «не будем изобретать велосипед!». Предполагается, что где-то уже готова несложная схема, следуя которой и нужно смонтировать нашу жизнь. Любой из них, вероятно, был бы глубоко обижен, если бы его духовную жизнь по сложности сравнили с устройством велосипеда. Но проблемы громадной страны, населенной сотней народов, с историей, уходящей вглубь на тысячелетия, с многогранной культурой она призывают трактовать на таком уровне.

Люди подобных взглядов у нас обычно называют себя «левыми». Это очень старый термин, он во всех случаях определяет четко очерченный тип. Так Троцкий был левее Зиновьева, Каменева и Сталина, потом Троцкий, Зиновьев и Каменев — левее Сталина и Бухарина и, наконец, Сталин оказался левее Бухарина. До революции эсдеки были левыми, но среди

⁴ Паразитально! Если исходить из концепции демократии, власти большинства (автор — депутат-демократ), то однозначен вывод: надо вернуть «власть твердой руки», «хозяина», тюрьмы и икону-вождя. Ведь именно такова воля большинства!

ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ. РУСОФОБИЯ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТИ

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

них большевики — левее меньшевиков. Левыми были и эсеры, но среди них «левые» назывались союзники большевиков по Октябрьскому перевороту. Термин «левый» устойчиво характеризует определенную жизненную установку. Язык — не знаковая система, где можно обозначить любое понятие любым знаком: между понятием и выражающим его словом существует глубокая связь. По поводу слова «лево» Даль приводит выражения: «Левой ногой с постели ступила», «левизна: неправда, кривда». «Твое дело лево: неправо, криво». Смысл нарушения норм, уклонения от закона тесно связан с «левым», например, современное: «левый работник». Латинское слово sinister, означает левый, испорченный, несчастный, пагубный, дурной, злобный. Славянский, германский и литовский термин соответствует латинскому laevus, что означает левый, неловкий, глупый, злоеший. Сказано о Сыне Человеческом: «И поставит овец по правую свою сторону, а козлов по левую» (Матф. 25, 33). У многих первобытных народов фундаментальную роль играет противопоставление рядов: день, солнце, правое, прямое... — ночь, луна, левое, кривое...

До революции наш «Малый народ» (или можно было бы сказать «Левый народ») не был однозначно партийным. Он заполнял верхи левых партий, но в большой степени был и внепартийным. После революции все изменилось: одна часть его вошла в правящую партию, другая подчинилась ей как «сочувствующие» и «путчики», остальные были выброшены из жизни. Так, в подмороженном виде, идеология «Малого народа» и была пронесена в теле партии через десятилетия, пока не ожила вновь. Поэтому современный «Малый народ» родился из партии и связан с ней общностью многих основных черт. Их роднит отчуждение от народа и отношение к нему как к «средству» и «материалу». Ленин пояснил Горькому свой взгляд на «мужика» (80 процентов населения): «Ну, в по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках — не угроза культуре, нет? Вы думаете Учредилка справилась бы с их анархизмом? Вы, который так много — и правильно! — шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу». Сюда же относится и образ России как «головни», которой можно зажечь мир. Да и Бухарин — как предлагавший переделывать человечество при помощи расстрелов, так и в свой самый мягкий период — исходил из того, что крестьянство надо направлять, преобразовывать, руководить им, отказывая ему в праве на развитие согласно своим собственным традициям и взглядам. Сталинская коллективизация была для партии проблемой не идеологии, но тактики — поэтому она так легко и была партией принята. И Хрущев ли, Брежнев или Андропов, говоря о «нашем государстве», всегда отсчитывали его историю с 17-го года. А до этого было что-то для них «не наше». Я хрюню опубликованный в «Правде» ответ Брежнева на поздравления с 70-летием. Там нет не только чрема на 1000-летнюю историю государст-

ва, в котором он властвует, но даже ни слова об этом государстве вообще — все только о партии и Ленине, как если бы он был в этой стране чужаком, иноземным завоевателем. Идеология «Малого народа» и партии едина и в убеждениях, что виновник всех неудач — народ. У Солженицына Сталин сетует: «Народ-то его любил, это верно, но сам народ пришел уж очень многими недостатками, сам народ никуда не годился». А сейчас наша экономика в кризисе, так как народ ленив. По той же причине эстрадные артисты, особенно любовно вырисовывавшие образ дурака-алкоголика из народа, были высоко ценены партийными верхами, были увенчаны высшими наградами. Да это и понятно: так утешительно, глядя на талантливо поданный образ этого серого, неумного народа, еще раз убеждаться, что именно он причина любых неудач.

Но когда «народ» воспринимался не как все население, а как определенная нация, то это были русские, национальная персонификация, архетип абстрактного «народа». У Троцкого: их основная черта — «стадность», ленинская характеристика: народ «великий только своими несилиями, великий так, как велик держиморда», и так вплоть до сталинской формулы истории России, которая заключалась, «между прочим, в том, что ее все время били...». В этом отношении А. Н. Яковлев выражал фундаментальную партийную традицию в своей статье «Против антиисторизма» (1972) — сигнале к разгрому группы литераторов, заподозренных в русском патриотизме. Логично встречаем в ней и тезис, что «исправного мужика» так и надо было «поручить». И совершенно в том же духе в статье «Синдром врага» (1990) он набрасывает свою схему русской истории («Возьмем хоть Россию»): «С кем только ни воевала». «Все это формирует сознание, остается в генофонде». «Психологически — наследие отягчающее». Как же жить народу с отягченным генофондом: ведь гены не перевоспитываются? (Одно утешение, что из школы знаем: приобретенные признаки на генофонд не влияют!) Так сливается идеология «Малого народа» и правящего партийного слоя.

Единство идеологии — причина преданной любви современного «Малого народа» к революционному прошлому и его героям: «бурному, почти гениальному Троцкому» или Бухарину — «человеку, отвергающему зло» (как его назвала одна газета). Особенно же к 20-м годам — эпохе, когда готовился прыжок на деревню, воспитывался слой людей, для которых весь деревенский уклад жизни был отвратителен, подлежал уничтожению. Витает надежда, что недоделанное тогда удастся завершить сейчас: «На дворе двадцатые годы! Не сначала, так с конца». Нам предлагают считать деятелей той эпохи романтиками — быть может, заблуждающимися — в отличие от чудовища Сталина. Действительно, те люди испытывали некий подъем, прилив энергии: это можно назвать романтизмом, можно — одержимостью. Но ведь такой же подъем давала и романтика «нордической расы»!

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

Казалось бы, следует применять одну мерку к тем, кого судили в Нюрнберге, и к тем, кто уничтожал казаков. Или истребление мужиков — это только ошибка романтиков? Интересно вспомнить, как всего года 3 назад левая пресса встала стеной на защиту этих дорогих воспоминаний. «Ни шагу назад от 37-го года!» — было тогда лозунгом дня. «Для чего надо уравнять преступность и безнравственность Сталина с безвыходностью (?) революционеры?» Чтобы посеять в душах сомнение в правильности социалистического выбора». Это писалось не в правоверной партийной газете, а в самом популярном левом издании. Когда В. В. Кожин выскзал мысль, что сталинизм — результат всемирного процесса, эта же пресса обвинила его в том, что он хочет этим реабилитировать Сталина. А когда я поддержал и развил его мысль, то моя заметка была уравновешена статьей Р. Медведева, где он разоблачал страшную тайну, что я хочу бросить тень на лозунг «больше социализма!» (который все они тогда твердили). Моя старая работа «Арьергардные бои марксизма» была перепечатана здесь, когда все левые идеологи еще мужественно вели эти бои. Подобных примеров много. Именно мы, «консерваторы», постепенно заставили левое течение отказаться от той фразеологии «заветов Ленина», «социалистических идеалов» и даже, частично, марксизма, которую многие из них сейчас уже патетически клеймят.

Да связь «Малого народа» с партийным правящим слоем видна и на персональном уровне. Кто сегодня их вожди: политические лидеры, идеологи? Это вчерашние деятели партийного аппарата (вплоть до очень высоких), экономисты-специалисты по анализу развитого социализма, идеологи, философы, даже следователи, генералы КГБ, министры МВД! Почти все из них 1—2 года назад были членами КПСС: «коммутанты», по выражению Б. Олейника. Среди них нет почти никого, кто вчера противостоял бы этому правящему слою. Из тех, кто боролся против переброски рек, отравления Байкала, — никто не оказался среди левых лидеров. Даже участники диссидентского правозащитного движения, несмотря на близость многих взглядов, очень плохо принимаются этим слоем. Сахаров был редким исключением, им надо было бы беречь его, как зеницу ока, не вовлекать в сиюминутные свои конфликты.

Переход от ортодоксальной коммунистической к левой фразеологии происходит часто почти мгновенно, что было бы невозможно, если бы здесь не было идеологического единства. Так, В. Гроссман писал: «Партия, ее ЦеКа, комиссары дивизий и полков, политруки рот и взводов, рядовые коммунисты в этих боях организовали боевую и моральную силу Красной Армии». В войне, по его мнению, «побеждали рабочие и крестьяне, ставшие управителями России». Он даже подпisał письмо Сталину, требующее самой суровой меры «врачам-убийцам». (См. Семен Липкин. «Время и судьбы». М., 1990).

Единство так сильно, что одна сторона болезненно чувствует, когда задевают дру-

гую. Так недавняя комсомольская, а ныне независимая ленинградская газета «Смена», посвятив целую страницу критике моих взглядов, самыми жирными буквами выделила слова, связанные с утверждением (в моем интервью, напечатанном ранее той же газетой), что дело не в личном противостоянии Ельцина и Горбачева, а просто — что не будет у нас эффективного руководства, пока оно в руках представителей прежней партийной верхушки. Единство сказывается и в том, с какой легкостью «левые» апеллируют к аппарату власти: суду, КГБ — хотя теоретически они его сурово осудили. Парадоксальный пример — Г. Померанц так опровергает мое мнение, что идеология «Памяти» и прибалтийских «фронтов» совпадает: «Прежде, официально известно, что одного из лидеров «Памяти», Васильева, пришлось предупредить насчет ответственности на случай погрома». Но кому это «пришлось»? — КГБ. Ему же, только называвшемуся МГБ, насколько я знаю, «пришлось» в свое время не только «предупредить», но и отправить в лагерь Померанца. Неужели даже это не мешает рассматривать такое «предупреждение» как весомый аргумент?

Особенность современного «Малого народа» в том, что он уже не в первый раз в нашей истории оказывается одной из решающих сил. Видимо, в связи с этим для него такую болезненную роль играет проблема исторической ответственности, вины. Как странно! Из этого слоя мы часто слышим, что поиски «виноватого», «синдром врага» — это признаки ущербного сознания. Нам разъяряются, что выбитые из жизни, дестабилизированные люди и целые слои народа склонны искать где угодно «козла отпущения». Но удивительным образом тут же мы слышим, что носителем сталинизма являются низы народа («сталинизм, так сказать, массовый, низовой»), социальной базой Сталина было патриархальное крестьянство, сейчас питомник тоталитарной идеологии — разоренное крестьянство («новые гунны»), в революции виноват народ, русские. Но ведь все эти группы тоже «кто-то» — и почему же их дозволительно делать «козлами отпущения»? Почему это не признак ущербного сознания? Недавно появилась парадоксальная статья сотрудника КГБ, где автор, жалуясь, что его ведомство стало «мальчиком для битья», призывает не искать виноватых, а признать, что виновна «вся нация». Здесь отсутствие логики явно бросается в глаза, равно как и цель — прекратить разговоры на неприятную тему. Но и в остальных же случаях дело обстоит не иначе.

А ведь проблема «исторической ответственности» очень глубока и важна — и как жаль, что она превратилась в футбольный мяч, который перебрывается от одного к другому! Все сводится лишь к тому, чтобы назвать «виноватого» — патриархальное крестьянство, массоны, национальные черты русских или евреев. Но сначала ведь надо было бы обсудить саму постановку вопроса. Говоря о вине народа, мы пользуемся аналогией народ — человек, так как обычно лишь к человеку

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

применяется понятие вины. Такие аналогии часто продуктивны для постановки вопросов, но опасны как метод для поиска ответов. Все ведь зависит от того, как далеко простирается аналогия! Можно действительно привести много аргументов в пользу того, что народ — это нечто живое. Даже одухотворенное, так как способно к творчеству — например, фольклора. Но в то же время это «организм», которому в гораздо большей степени присуще бессознательное творчество, чем логическая выработка решений для достижения сформулированной цели. Только рассмотрение множества исторических ситуаций могло бы уточнить, в какой мере такому «организму» свойственно понятие «вины». В нашей революции очень отчетливо выделяется одна фаза, условно — «февральская», когда усилиями тогдашнего «Малого народа» разрушаются «интегрирующие механизмы», позволяющие народу ощущать себя и действовать как единое целое. Подвергается осмеянию и делается предметом ненависти национальная история, вера, историческая власть, время. Создается множество мифов, внушаемых народу (о колоссальных помещичьих землях, которые могут утолить земельный голод крестьян, об измене двора, всевластии Распутина и т. д.). Народ как бы парализуется, становится беззащитной жертвой небольших агрессивных групп. Такой процесс больше похож на болезнь, чем на преступление — понятие вины к нему применять трудно. С другой стороны, русская революция была звеном в грандиозном всемирно-историческом процессе, длившемся не одно столетие. В те же годы, что Советская Россия, возникла Советская Венгрия и Советская республика в Баварии, коммунистические партии возникли во всех странах. Западное общественное мнение в большинстве своем приветствовало «блестящий эксперимент». Существенную роль играли устойчивая неприязнь Запада к исторической России, деньги германского генерального штаба, мощный приток сил радикального еврейства в революцию. Все эти внешние факторы надо откинуть, рассматривая проблему «русской вины». Остается ли хоть что-то после этого? Чувство говорит мне — что да! Что история не является процессом «по ту сторону добра и зла», где бессмысленно задавать вопрос о вине, как бессмысленно (по любимому сравнению Л. Н. Гумилева) спрашивать — кто прав: щелочь или кислота в химической реакции. Есть проблема выбора, в решении которой возможна нравственная ошибка, влияющая на всю следующую историю — то, что Достоевский называл «ошибками сердца». Выделить этот фактор (или убедиться, что его не существует) — было бы очень важно для осознания нашей судьбы.

III. «МАЛЫЙ НАРОД» ЧИТАЕТ
«РУСОФОБИЮ»

Никак я не ожидал, что реакция на мою работу «РУСОФОБИЯ» достигнет такого размера: только отдельных, посвященных ей статей (у нас и на Западе) мне извест-

но более 30. Сверх того, многочисленные пассажи о ней в статьях, посвященные ей радиопередачи, множество писем. Критические статьи, письма и передачи исходят, в основном, как раз от того слоя, который я назвал «Малым народом». Внешне различаясь — от корректных до грубо-ругательных, разного уровня культурности и даже грамотности, они основаны на очень единообразном мировоззрении. Было бы жаль не воспользоваться столь обильной информацией об этом слое. Соблазнительно попытаться яснее понять явление русофобии при помощи откликов на «РУСОФОБИЮ».

Русофобия как переживание, чувство особенно ярко проявляется в письмах. «Алкогольно-послушное большинство», «революция, задуманная как освобождение, как истинный социализм, выродилась на русской почве из-за ряда национальных особенностей», «народ, бунтующий за 6 или 8-конечный крест или из-за способа написания имени идола» (намек на оскол, одним из поводов к которому было изменение написания имени Иисуса. Так что «идол» — это Христос, чувство выражено серьезно!). Вот некоторые характеристики из одного только письма: «самолюбленный дурак: мы на горе всем буржуйам!», «тысячелетие диктатур подорвало интеллектуальный и моральный потенциал масс», «претензии на луп земли», «народ с упоением самоуничтожающийся», «гнищий дебил с атомной бомбой», «герой фольклора Иванушка — дебил есть ли еще у какого народа?». Последнее хоть проверить можно. У Афанасьева к сказке «Иван-дурак» есть примечание: «Сказка известна во всей Европе, на Кавказе, во всей Азии, на островах Зеленого Мыса, в Америке. Древнейший известный вариант относится к 492 г. и содержится в китайском сборнике Po-yu-king, переведенном с индийского». Сюжет приведен в справочниках всемирно распространенных сюжетов Bolte-Polivka, Aarne-Thompson и многих других. Автор, видимо, и не пытался проверить свой взгляд: он был ему заранее известен и факты должны были его подтвердить — иначе, что же это за факты!

Концепция «Малого народа» тоже выражена очень ярко. Один корреспондент пишет, что концепция ему даже нравится, но ее надо дополнить одним положением: «А очень просто. Они умнее других». Сопоставим с мыслью предшествующего автора о народе-дебиле. Как же «умные люди» поведут его по пути прогресса? Ведь он элементарной логики не понимает, тут нужны другие средства. (Этот и автор уже посылает на меня жалобу в идеологическую комиссию ЦК — написано-то было еще в 1989 г.)

В критических статьях перезина мяча какая-то пропасть взаимного непонимания: мои аргументы просто не воспринимаются критиками, наши рассуждения движутся в разных, не пересекающихся пространствах. Причем мне кажется, что лишь в некоторых случаях это есть сознательное игнорирование сказанного как полемический прием.

Пример такого загадочного непонима-

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

ния — обсуждение (множеством авторов) самого явления русофобии. Есть стандартный набор цитат из статьи в статью, в письмах, в записках после выступлений. Это — слова из письма Пушкина о себе самом: «удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай-да умница», предсмертная записка в дневнике Блока: «Слопала меня Россия, как чушка глупого поросенка», «Прощай, немая Россия» Лермонтова, «В судах полна неправды черной» Хомякова, Чаадаев, Гоголь. Авторам кажется убийственным вопросом: «Не зачислите ли Вы их всех в русофобы?» Всякий раз кажется, что спрашивающие, если бы захотели, смогли бы и сами понять и ответить — а если есть желание не понять, то любые ссылки излишни.

Тут смешиваются отрывки из личного письма и дневниковые записки со статьями и книгами. Но кто будет судить, например, об отношении мужа к жене по словам, вырванным во время ссоры? Когда-то в связи со скандалом, вызванным публикациями Синявского, и в частности «Россией-Сухой», в оправдание ему вспоминали, что и Блок-де назвал Россию чушкой. В письме в парижскую «Русскую мысль» один не раскрывший своего имени автор из СССР обратил тогда внимание на то, что Блок написал это в дневнике, а Синявский в журнале «Континент»; Блок — в России, умирая с голоду, а Синявский — в Париже, отнюдь не голодая. И Блок, назвав Россию чушкой, назвал и себя поросенком, а Синявский, написавший «Россия — Мать, Россия — Сука», не пожелал сделать из этого напрашивающийся, о нем самом вывод.

Еще поразительнее любовь к «немой России». Авторство Лермонтова не раз ставилось под сомнение, стихотворение впервые упоминается через 30 лет после его смерти, автографа нет. В некоторых дореволюционных изданиях печаталось в разделе «приписываемое». Во всяком случае не его следовало бы привлекать для характеристики отношения Лермонтова к России, столь отличного в других его произведениях. (Для сравнения — пушкинское стихотворное переложение «Отче Наш»: «Отец людей, Отец Небесный...» в последних изданиях его сочинений вообще не упоминается). Недавно я просмотрел ряд учебников литературы за все классы: «Немая Россия» повторяется дважды — если ученик забыл, чтобы через несколько лет вспомнил. Что же отражает такая слепая тяга к этому стихотворению, как не русофобию?

Конечно, было и такое загадочное явление, как Чаадаев, друживший с Пушкиным и писавший: «Мы миру ничего не дали», «мы не дали себе труда ничего создать в области воображения». Но было и еще ярче, Печерин: «Как сладостно отчизну ненавидеть! И жадно ждать ее уничтоженья». Что же это доказывает? Только существование русофобии, (у Чаадаева — как одной из компонент его загадочного мировоззрения). Так о том и статья.

Конечно, существуют явления, обладающие общими внешними чертами, хотя и совершенно различные. Но ведь разница

чувствуется сразу! Когда Гоголь читал Пушкину «Мертвые души», тот сначала смеялся, потом становился все печальнее и воскликнул: «Боже, как грустна наша Россия!» Но разве мог бы кто-нибудь сказать, что «Россия грустна», читая роман Войновича, где наши потомки в XXI веке питаются переработанным калом; этот «вторичный продукт» сдают в приемные пункты, а выполнившие норму получают право в особом чулане предаваться рукоблудию. У Гоголя ощущается ужас перед греховностью человека, для него, конечно, — русского человека. Это «критика человека», идущая в глубь его духовной сущности, но основанная не только на сочувствии, но на чувстве единства с ним. Роман же Войновича содержит, собственно, лишь поверхностные, хоть и нечистоплотные ругательства, бессодержательные, как ругательства, выкрикиваемые пьяным или написанные на заборе. Сочувствию же здесь явно нет места: всю ситуацию автор описывает, весело похотывая, а может быть, и со злорадством.

Казавшийся мне столь любопытный феномен «Малого народа» не вызвал вообще никакого интереса, попыток принципиального обсуждения. А меня-то так поразила единообразность всех исторических реализаций этого явления! Когда наши публицисты утверждали, что в России вообще нет литературы, Пушкин и Лермонтов — бездарности, вся культура — у немцев, немецкие то же писали о своей литературе, о Гете, и культуру видели лишь во Франции, а французские — в Англии. Но я встретил лишь возражения по поводу деталей. Наиболее распространенное — что это неправдоподобно, будто меньшинство могло навязать свою волю большому, что такая мысль даже оскорбительна для «большого народа». Конечно, если бы речь шла о чисто физическом столкновении, так сказать «стенка на стенку», это был бы убедительный довод. Но ведь «Малый народ» действует через идеологию, средства массовой информации или подпольные партии — тут не численное соотношение решает. Бедь не удивляет же то, что, например, отсутствие витамина B₁₂, которого в организме всего 1—2-миллионные доли грамма, вызывает злокачественную анемию и смерть или что еле видимые бациллы убивают крупное животное, — «оскорбительна» ли этот факт для животного? В начале 80-х гг. прошлого века департамент полиции составил список всех известных ему революционеров. Он включал действительно подавляющее число участников революционного движения, а всего в списке был 151 человек, это за четверть века до революции! Наиболее ярко непонимание этой стороны социальной жизни проявил Сталин, когда на замечание о роли римского спросил иронически: «А сколько он может выставить дивизий!» Кроме того, область деятельности «Малого народа» есть разрушение, а оно всегда примитивнее и требует гораздо меньших усилий, чем созидание, жизнь. Чтобы создать Пушкина, необходимы были тысячелетия русской и мировой истории, чтобы убить — достаточно одна пуля Дантеса.

ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ. РУСОФОБИЯ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТИ

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

Иногда мои критики в своих взглядах отстают друг от друга дальше, чем я от каждого из них. Так понятию «Малый народ» даются две диаметрально противоположные интерпретации. Одна — что это любое меньшинство. Например, штатный философ «Радио Свободы» Б. Парамонов напоминает, что и апостолы составляли меньшинство, и предлагает мне, как христианин христианину, над этим задуматься. Но ведь «Малый народ» — это такое меньшинство, которое стремится сохранить свою изолированность среди остального народа, видя в этом путь к подчинению большинства его воле. Апостолам же было завещано проповедовать свою веру всем народам — т. е. перестать быть меньшинством! Почему-то это очевидно-нелепое возражение повторяют многие критики. Противоположная интерпретация, наоборот, чрезвычайно суженная, что «Малый народ» — это одни евреи. Например, Сиянский не раз так излагает мою работу: «Малый (еврейский) народ, оказывается, ведет давнюю смертельную борьбу с большим (русским)». Какое отношение это может иметь к моим взглядам, если в качестве примера «Малого народа» я привожу в своей работе пуритан во время Английской революции, в то время, как евреи были изгнаны из Англии еще в XIII веке, и въезд туда им был запрещен под страхом смерти? В применении к современному «Малому народу» я разбираю этот вопрос подробно («Наш современник», 1989, № 6, с. 189 и № 11, с. 165) и привожу ряд соображений, почему отождествление «Малый народ» — евреи, на мой взгляд, неверно. Вот случай, который никак уж нельзя отнести за счет добросовестного непонимания. То же утверждение содержится в письме за подписью 31-го автора («Книжное обозрение» № 38, 1989). Письмо вообще содержит иногда и прямую неправду, написано в духе писем, когда-то разоблачавших Пастернака, Солженицына или Сахарова. К сожалению, под ним стоит и подпись самого А. Д. Сахарова! Еще больше поразжает подпись академика Лихачева, для которого добросовестное отношение к разбираемому источнику должно бы быть профессиональной привычкой. Одно утешение — надеяться, что оба они подписали письмо, не вчитываясь, положившись на составителей.

Многие возражения остались мне просто непонятными, как ни старался. Например, тот же философ со «Свободы» Б. Парамонов упрекает, что мне «любезно» представление об органическом характере общества — с его же точки зрения, «общество нельзя понимать по аналогии с природой», так как в природе нет свободы. Но если у Парамонова есть собака, то он должен видеть, как она все время проявляет свободу — например, убегая от хозяина за встречной кошкой. Именно взгляд на природу как нечто низкое, неодушевленное породил концепцию «поколения природы», уверенность в павзе делать с нею все что захочется — то есть тот экологический кризис, который угрожает гибели природе и человеку, забывшему, что он ее часть. А между тем ар-

гумент так понравился, что перекочевал в несколько наших статей. Но Б. Парамонов пугает и страшнее: «Органические общества — это застойные общества». Одного органична, прежде всего, Природа, а в ней происходят, как известно Б. Парамонову, не застой, но — эволюция. За 4 миллиарда лет до нас на земле еще не было жизни, за 2 миллиона — не было человека, а совсем недавно — самого Б. Парамонова. И нет уверенности, что природа исчерпала на нем свои творческие силы — как сказал один герой Конан Дойла, быть может, она нам готовит еще большие сюрпризы.

Видимо, как мои критики не понимают меня, так и я их понять не способен. Включая и критику с использованием христианской лексики. Например, в связи с коробящими критика цитатами из Ветхого Завета. Что же, христиане должны манипулировать цитатами из Писания, как марксисты своими «классиками»? Если в Библии говорится, что царь Давид клал побежденных под пилы, то можно попытаться уяснить себе, каково место этих и подобных эпизодов Ветхого Завета в христианском мировоззрении, можно, на худой конец, признать, что это нам сейчас не понятно, но постыдно притворяться, будто это не существует. Что уж говорить о пестрящей текстами из Писания статье, где я уличен в жажде расправы, ненависти, в том, что я вмешиваюсь в Божественное Домостроение, недоволен Богом, духовно отказался от Христианства, презрел евангельские заповеди, ношу маску инквизиторов, тайна которых «Мы с ним». «Он» же — это сатана, принимающий вид «Ангела Света». В заключение автор кротко напоминает, что «христиане призваны не проклинать». (Один из героев Вальтера Скотта сказал о пуританах: они вас не долго думая повесят, в чтобы успокоить совесть, сопроводят это какминибудь текстом вроде «Тут Финеас восстал и произвел суд»).

Поражает меня, что авторы хранят молчание как раз по поводу вопросов, в которых они компетентны. Например, Сиянский не согласен со мной, что русские и украинцы изображены в «Конармии» Бабеля существами низшего типа. Нет, говорит он, скорее, героическими людьми. Но ведь у меня, например, приведена цитата: «И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей...» Сиянский говорит, что Бабелем много занимался: вот тут бы и разъяснить, что же в этом образе «скорее героического». И как раз об этом он молчит, хотя где только не писал и не выступал по поводу «Русофобии».

Или вот Б. Хазанов высказал очень интересную мысль, которую я в своей работе цитирую: «Заменяв вакуум, образовавшийся после исчезновения русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией». Ведь интеллигенцию можно сопоставить с нервной системой народа. Что же это получилось за необычное существо, у которого нервная система и тело сделаны из разного этнического материала? Хазанов посвятил «Русофобии» особую статью, где сравнивает меня и с Гитле-

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

ром, и Розенбергом, и Штрейхером — но вот эту интересную мысль никак не комментирует.

Или еще: по поводу фразы Солженицына «аппарат ЧК избил латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами». Померанц уличает автора, что он «засунул опасное слово посредине, чтобы его нельзя было выдернуть для цитирования». В «Русофобии» я высказываю свое недоумение, почему «опасно» именно это слово, стоящее посредине, а не все остальные? Но тщетна была надежда получить ответ: Померанц много раз высказывался о «Русофобии», но говорил о чем угодно, только не об этой своей фразе, смысл которой он мог бы нам открыть. Как жаль!

Когда стало ясно, что на работу будут появляться отзывы, я с большим интересом стал их читать, надеясь встретить обсуждение по существу, пусть бы авторы и были со мной полностью несогласны. Но в результате — полное разочарование. Часто я так и не мог понять, к какому же отношению авторов к основным положениям статьи (например, как они сформулированы в начале этой работы). Если даже принять все возражения — и про Природу, и про Бабеля, и о Священном Писании и т. д. — все же остается, например, непонятным: считает ли автор русофобию реальным, весомым фактором нашей жизни? Существует ли такой исторический феномен — «Малый народ»? Впечатление от этих критик было другое: они стремятся внушить, что работу читать не следует, если же кто прочел — тому лучше ее скорее забыть. А сверх того видна в ряде случаев неприязнь к окружающему народу, уверенность в его неполноценности и в призывании «умных людей» решать судьбу «народа-дебила».

Особый оттенок всей дискуссии приобретают применяемые в ней полемические приемы. Например, Померанц пишет: «Теперь несколько слов о полемических хитростях. Это тоже, кстати, черта несвободного сознания. И. Шафаревич (...) заявляет себя человеком, далеким от «Памяти» (бедной, оклеветанной «Памяти») — и кончает статью трегубой аллилуйей в ее честь». Прочитав, я так и ахнул — откуда же это? Но автор приводит точную цитату: «Верю в громадную силу памяти, в то, что каждый народ... и даже все живые организмы... все они хранят в себе память...» А вот это: «Все в жертву памяти твоей...» Так и Пушкин, оказывается, тайно сочувствовал «Памяти»? Ах, неосторожные это были слова о «полемических хитростях» и «несвободном сознании».

Еще пример. Получаю письмо за подписью Алексея Шмелева с рядом вопросов по поводу «Русофобии». В том числе — откуда взяты цитаты из Талмуда. Ответил, указав мои источники (включая недавнюю книгу профессора университета в Тель-Авиве Я. Каца), даже посоветовав, в какой библиотеке эти книги можно найти. Получаю письмо с благодарностью за «ясный и точный ответ». Вдруг в журнале «Знамя» встречаю статью того же Алексея Шмелева «По законам пародии? (И. Шафаревич и его «Русофобия»)». Автор при-

водит слова М. Агурского по поводу совсем другой статьи другого человека (псевдонима), что там «цитаты, исполненные искажений, (...) заимствованы из антисемитской литературы дореволюционного периода, как книги А. Шмакова, И. Лютостанского и др.». И дальше: «Не пользовался ли Шафаревич этим же оригиналом? Или он обнаружил какие-то новые данные?..» Увы, эти данные известны не только мне, но и Шмелеву. (А после, ссылаясь на Шмелева, казанская газета «Наука» печатает статью: «Как Шафаревич источники извратил».) Что уж тут апеллировать к Священному Писанию и христианским ценностям: на такие проделки не пойдет и средний готтентот!

И еще пример. Был у меня вечер в МГУ в октябре 1989 года, и через несколько дней станция «Свобода» передала сообщение о нем: «от нашего московского корреспондента Марка Дейча». Всем, пришедшим на вечер, не удалось поместиться в зале, и устроители радиофицировали холл. Марк Дейч рассказал, что было совсем немного народу, да и неудивительно, так как уважающие себя люди не пошли бы на встречу с автором «Русофобии» (как любезно по отношению к сотням присутствовавших!). Вечер продолжался три с половиной часа, пока я не ответил на все вопросы. Марк Дейч сообщил, что, ответив на несколько записок, я сказал, что устал и хотел бы закончить вечер, и т. д. Остается недоумение: что это — моральный и профессиональный уровень самого Марка Дейча или стиль радио «Свобода»? Чему можно и можно ли чему-либо верить в передачах этой радиостанции?

Публицист Б. Сарнов пишет: «Я не способен в джентльменском, парламентском стиле полемизировать, скажем, с Шафаревичем». К сожалению, далеко не он один. Вот некоторые характеристики, данные мне и моей работе: фашист, законченный нацист, сравнение с Гитлером-Розенбергом-Штрейхером (в назидание упоминается, что последние повешены), публикация работы в ФРГ — уголовно наказуемое действие, мания преследования, инсинуация, параноидальный бред, инквизитор, слился в одну кучу с Ниной Андреевой и идет с ней разными дорогами к одному обрыву, «фанатическая книга», «националистическая опухоль». «Книга полемики не заслуживает, «говорить не о чем», Синяевский предлагает по поводу работы «не браниться, не сердиться, не читать нравоучения, а смеяться» — но ни он сам, ни другие авторы явно совету не последовали. Зато в «Новый мир» пришло письмо, в котором автор возмущается, что журнал напечатал мою статью (совсем другую): «Дело здесь не в содержании статьи, а в имени автора». Развивая эту линию плюрализма, Б. Сарнов потребовал, чтобы КГБ занялось моей работой. В газете «Советский цирк» эссе профессионального эстета о «Русофобии» иллюстрируется каким-то лицом с выпученными глазами и высунутым языком. В газете «Смена» публикация статей с критикой моего интервью той же газете сопровождается редакционным введением, содержащим ругательства, которые я раньше слышал только от пьяных, не полага-

ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ. РУСОФОБИЯ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТИ

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

их возможными в прессе... Парамонов — философ — опубликовал эссе с нецензурным (или нецензурным?) названием, обозначающим вещество, ранее относившееся исключительно к ведению ассенизаторов. На протяжении всего своего философски-ассенизационного исследования он весело купается, барахтается и ныряет в «веществе».

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровой
серной.

Я, нос себе зажав, отворотил лицо,
Но мудрый вождь тащил меня все дале,
дале —
И, камень приподняв за медное кольцо,
Сошли мы вниз, — и я узрел себя в подвале.

IV. «АНТИСЕМИТИЗМ»

К сожалению, то, что обсуждалось выше, — лишь незначительная часть написанного о «Русофобии». Доминирует же — и объемом, и силой страсти — переживание суждений о еврейском течении в современном «Малом народе». Остальное отодвигается на задний план как незначительная мелочь: судьба России, трагедия народа, стоящего между бытием и небытием под тяжестью непрестанного давления на его национальное сознание. Даже само название работы должно было бы указать, что посвящена она русской теме, но это почти полностью игнорируется.

Как и следовало ожидать, господствует, заглушая робкий голос разума, один клич: «антисемитизм!». Уже в «Русофобии» я высказал свое мнение об этом термине: он нарочно оставляется нерасшифрованным, аморфным. Это сигнал, который, идя помимо логики, должен действовать на эмоции, возбуждать агрессивность. Таков испытанный прием управления массовым сознанием. Порезительно, что заданный в старой работе вопрос — что же это такое, «антисемитизм»? — ВСЕМИ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ известными мне критиками не замечается. Никто из них не попытался объяснить, что он имеет в виду: действия, наносящие ущерб людям лишь потому, что они евреи? Пропаганду дискриминации евреев или насилия над ними? Выражение презрения к евреям как нации: типичным чертам внешности или поведения? Да и еще масса возможных толкований. Даже автор, сообщаящий, что «Сам Бог наложил абсолютный запрет на антисемитизм», оставляет нас в неведении о содержании этой «одинадцатой заповеди» (вот «не убий», «не укради» — разъяснений не требуют!).

Уж нашему-то поколению, казалось бы, можно было почувствовать нечистоплотность таких пропагандистских приемов. Каждый сталкивался с совершенно тождественным по духу, логической структуре и социальной функции штампом: «антисоветизм». Оба эти клише-двойника являются, я думаю, продуктами одного типа сознания. Казалось бы, теперь пора устыдиться, как чего-то грязного и постыдного, подобных приемов, пахнувших 70-й и 58-й статьей, да и «законом» 1918 г. против «анти-семитской и погромной агитации»: ведущих подобную агитацию «ставить вне закона (!)».

Статьи УК, касавшиеся «антисоветской агитации», были направлены на сохранение режима и власти правящей верхушки. Но так обнаженно это нельзя было сказать и в ход шли «государство», «советский народ» и даже «прогрессивное человечество». Аналогично и клише «антисемитизма» имеет целью наложить запрет на обсуждение действий какого-то узкого слоя, входящего в «Малый народ». Чтобы вычеркнуть из сознания эту сторону, внушается, что речь идет о некоей (хотя и не расшифрованной) угрозе всему еврейскому народу. В частности, все критики моей работы как будто слепнут, доходя до тех ее мест, где высказывается и аргументируется убеждение, что в современном «Малом народе» действует какое-то очень специфическое течение еврейского национализма.

Насколько проще, не утруждая себя аргументацией, выстроить цепочку: антисемитизм — фашизм — 6 миллионов евреев, убитых нацистами (Синяевский, для убедительности, — 6 миллионов, убитых в Освенциме!). Этот прием используется постоянно. Одна «критика» так и озаглавлена: «Обыкновенный фашизм». В конце автор (все тот же Б. Хазанов) пишет: «Весь состав идей академика Шафаревича от начала до конца воспроизводит пресловутое «мировоззрение» (Weltanschauung) гитлеровской гвардии и, в сущности, выдает в нем законченного нациста. Все это уже было — и мы хорошо знаем, чем это кончилось». Все это действительно было, причем всего на два года раньше, в том же журнале. Вот как это звучало: «Где-то это было уже — утверждение «национального возрождения» через ненависть врагов, активные поиски этих врагов во вполне определенном направлении — среди евреев, конечно. Память не обманула...» Далее следует цитата: «Да, конечно, это из «Mein Kampf» Адольфа Гитлера». Но это не про меня, а про В. А. Астафьева (по поводу переписки с Эйдельманом) и написано не Хазановым, а его соредктором Любарским. Так что же это за психология: чуть что не понравится — это фашист, повторяющий Гитлера. (Точно так, как писали у нас в 30-е годы!) Ведь если объединить всех, кто когда-то критически относился к каким-то еврейским группам и течениям, то получится очень пестрый список: Евангелист Иоанн, Цицерон, Тацит, Иованн Златоуст, Савонарола, Лютер, Шекспир, Петр Великий, Вольтер, Державин, Наполеон, Фурье, Вагнер, Достоевский, Розанов, Блок и очень многие другие. Гитлер в этом списке, конечно, тоже должен быть, но занимает совершенно особое место. Однако будет там и Ленин, и даже евреи, такие, как Маркс и Отто Вейнинггер. Люди столь разнородные, что присутствие в их соседстве, кажется, ничего не означает.

События последних лет, а особенно почти неограниченная громогласность, еще раз показали национальную ориентацию нашего «Малого народа». Как и в других вопросах, жизнь внесла очевидную ясность там, где раньше приходилось оперировать догадками и косвенными доказательствами. В последние годы страну потрясла

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

цель кровавых межнациональных столкновений. Теперь кровь льется все время, многие сотни тысяч превратились в беженцев. Тут можно наглядно увидеть: какой народ более угрожаем, несет большие жертвы? Как же оценили ситуацию средства массовой информации (в своей подавляющей части) и поддерживающие их (и поддерживаемые ими) левые вожди? Кого они сочли нуждающимися в особой защите: армян (Сумгаит), русских (Алма-Ата, Душанбе, Тува), месхов, осетин? Неподготовленный читатель не поверил бы: мы слышали лишь одно требование — закона против антисемитизма. Об этом публиковались статьи, письма в редакцию, подавались петиции депутатов. В то время как никаких реальных оснований для этого не было. Зато были основания, созданные средствами информации, печатать письма от боевиков «Памяти» с угрозой кровавой расправы над редактором прогрессивного журнала (но когда все мы содрогнулись от ужаса, оказалось, что автор писем — провокатор, желающий скомпрометировать «Память»), анонимные письма до смерти запуганных жертв преследований (хотя в других случаях использование анонимок считается недостойным), публикация тайных инструкций «Памяти» с призывами к расправам, слухи о грядущих жестоких погромах. О них объявляли уже не раз: и к 1000-летию Крещения Руси, и ко дню Святого Георгия, 6 мая 1990 г. И вот парадокс: погромам у нас подвергались, кажется, все народы, кроме евреев.

Столь же сильному давлению подвергается и сознание Запада. Пример — письмо академика Гольданского, опубликованное в 1990 г. в «Вашингтон пост». Название: «Антисемитизм: возвращение русско-го кошмара». Утверждается, что у нас возникли «злобные антисемитские группы», процветающие «в атмосфере злобы, зависти, поиска «козла отпущения» и ненависти», они «сейчас стали самыми мощными и, безусловно, наиболее быстрорастущими силами раскола, толкающими страну к кровопролитию и гражданской войне». Автор называет их «монархо-фашистами». Они стремятся «закончить то, что начал Гитлер», они «встречают симпатии и попустительство со стороны видных лидеров партии и правительства СССР». Погром назначен на 6 мая 1990 г., и уже сейчас произошло нападение на собрание «прогрессивной группы писателей» в ЦДЛ. Я просто не знаю другого случая такой апелляции к стране, с которой роковым образом связана наша судьба, возбуждения ее общественного мнения — и столь чудовищного искажения всех пропорций. Статья и не приводит никаких фактов: автор ссылается лишь на «анализ» газеты «Советский цирк» и какое-то письмо из ФРГ, подтверждающее, что на Западе «такие заявления» были бы неконституционными. А ведь пишет это парламентарий, наш депутат! Прошло больше года: не совершилось никаких погромов, «монархо-фашисты» не начали гражданскую войну и не призвели кровопролития. Что же, были ли принесены извинения за эту неправдливую, возведенную на страну, гражданином которой числится автор? Нет,

как и в случае редактора, писавшего об угрозах ему от «боевиков «Памяти». Возбуждены страсти — у нас и в США, — создана паника, под влиянием которой тысячи евреев покинули страну, а те, кто этому способствовали, тихо уходят в тень.

Кульминацией, но почти и карикатурой был «инцидент», или «шабаш», в ЦДЛ. На собрание группы писателей в Доме литераторов пришла компания неизвестно кем пропущенных людей. Появились плакаты, из которых самым криминальным был: «Сионисты, убирайтесь в Израиль!» (бессмыслица: сионисты — это как раз те, кто едет в Израиль). При выдворении прибывших возникла потасовка, были разбиты чьи-то очки. Разразившуюся бурю можно сравнить лишь с «кампаниями» прежних времен, вроде «Свободу Анджеле Дэвис!». Возбужденные выступления по телевидению: депутатов, писателей, обозревателей, поток статей. Да и мне писали: «Как вы еще можете сомневаться в возможности погромов, когда первый уже произошел в ЦДЛ?» Главную фигуру «инцидента» — Осташвили — отдали под суд. Следственное дело составило 11 томов. Заявления Осташвили, как нарочно кричаще-резкие, передавались по телевидению и сопровождались гневными комментариями... А теперь сравним это с гонением на русских в Туве. Тут уж речь не шла о письмах провокатора или о бессмысленных лозунгах: к середине лета 1990 года число убитых русских превысило 50. И это сообщение, едва промелькнув («Столица», № 4, январь 1991 г.), не вызвало никакой реакции: ни статей, ни телекомментариев, ни дебатов в Верховном Совете, ни депутатских комиссий.

Вот статистическая характеристика пяти событий — столкновений в Сумгаите, Душанбе, Туве, Намангане и «инцидента» в ЦДЛ. Приведено число жертв (убитые) и количество строчек, уделенных этому событию в посвященных ему статьях такого типичного для нашей прессы издания, как «Литературная газета»:

	Число жертв	Число строк
Сумгаит	32	0
Душанбе	24	728
Тува	более 80*	0
Наманганя	5	309
ЦДЛ	0	1131

Таков портрет наших средств массовой информации.

«А н т и с е м и т и з м» был предугадательным выстрелом, запретом на обсуждение идей, неугодной правящей верхушке ленинско-сталинско-брежневского режима. «А н т и с е м и т и з м» играет ту же роль для современного «Малого народа», причем часто и в вопросах, не имеющих вообще никакого национально-еврейского аспекта. Например, обвинение в антисемитизме можно услышать по адресу писателя, слишком явно отдавшего свои симпатии деревне, или художника, на картинах которого слишком много крестов и храмов. Недавно «Еврейская газета» (7 мая 1991 г.) опубликовала список, озаглавленный «Антисемитские издания», в котором есть журналы, кажется, вообще никак — ни «про», ни «анти» —

* По данным журнала «Столица» (1991, № 4). По другим данным — около 10.

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

не касавшиеся еврейских проблем (вроде «Лосквы»).

Такой «интеллектуальный расстрел» — сильное средство, но все же не может оказать решающего действия, пока не подкреплен какими-то более материальными мерами. Слишком жгучи и важны вопросы, стоящие перед русским народом, чтобы на них можно было наложить запрет, не прибегая к чему-то вроде Беломорканала. Нормальная духовная жизнь народа требует, чтобы его проблемы свободно обсуждались: не полунамеками, без извинений, постоянных заверений, что мы хоть и русские, но не расисты. Короче говоря, равноправно проблемам других народов. А то вот, например, А. Шмелев, соглашаясь с моим мнением о «запрете» обсуждения ряда русско-еврейских проблем, пишет: «После национал-социализма бесстрастно обсуждать, насколько благотворно или пагубно совместное проживание с евреями (хотя именно такого вопроса я обсуждать не предлагал. — И. Ш.), трудно». Однако он не обнаруживает аналогичных «трудностей» в связи с русскими после расказачивания и коллективизации!

В ряде изданий была опубликована и не раз читалась по «Свободе» критическая статья о «Русофобии» Б. Кушнера. Она выделяется из общей массы своей искренностью. Я способен если не согласиться с автором, то понять его эмоции. Он пишет: «Позвольте сообщить Вам, уважаемый Игорь Ростиславович, что мы так же ощущаем боль, как и Вы, так же любим своих детей и нам так же тяжело видеть, как им забивают гвозди в глазницы, как это было бы тяжело (не дай Бог!) видеть вам по отношению к вашим детям». Вот слова, которые я хотел бы повторить, адресовав тому кругу, взгляды которого автор выражает. Поверьте наконец, что нам так же больно, как и вам, и мы имеем такое же право говорить о нашей боли! У нас была такая же Катастрофа, как у вас, и продолжалась она 25 лет. Был голод на Украине, унесший за год не то 5, не то 7 миллионов (их и пересчитать не удается). За войну население Белоруссии уменьшилось на 1/4 и восстановилось лишь за 40 лет. И о таких же пытках, о каких пишете вы, безо всякого «было бы» вы можете прочесть, например, в материалах о деятельности Киевской ЧК. Автор говорит: «Что же, в известном недавнем периоде русской истории действительно можно наблюдать непропорциональное (как в количественном, так и в эмоциональном отношении) участие евреев. Обстоятельство это представляется мне трагическим для моего народа в такой же степени, как и для Вашего». Неужели действительно «В ТАКОМ ЖЕ»? Евреи за этот период избавились от черты оседлости, процентной нормы, переселились из местечек в города — в основном крупные, во много раз обогнали другие народы СССР по уровню образования и ученых степеней. У русских было уничтожено дворянство, духовенство, разрушена деревня, катастрофически упала рождаемость. Именно русский, а никак не еврейский народ стоит сейчас перед угрозой гибели. Автор пишет: «Сейчас наступила пора нашего национального расставания», очевидно, подразумевая эми-

рацию евреев. Но у русских-то нет другой родины, кроме их разоренной страны. Неужели эта ситуация отражает «ТУ ЖЕ МЕРУ»? Такая холодная отстраненность от чужих бед может очень далеко завестись. Б. Кушнер говорит о «Русофобии»: «Кажется, что вот-вот появятся и пресловутые христианские младенцы» (намек на ритуальные убийства). «Словарь русского языка» Ожегова разъясняет слово «пресловутый» так: «широко известный, нашедший, но сомнительный или заслуживающий отрицательной оценки». Но ведь убитые-то младенцы были самые настоящие, какова бы ни была причина их гибели (например, в деле Бейлиса, в процессах, описанных Далем). За что же их так пренебрежительно третировать, хоть они и христианские, — можно бы и пожалеть!

Сейчас мы наглядно видим, какой колоссальной силой являются национальные переживания — подчас сильнее экономических факторов и классовых отношений, о которых столько лет долбили как о единственном двигателе истории. Не можем мы отказаться от обдумывания и этого аспекта революции 17-го года — самого трагического кризиса нашей истории. А до сих пор такие попытки встречают яростное сопротивление или полное непонимание. Из многочисленных примеров: в «Русофобии» приведено высказывание одного из вождей с.д. — Мартова. Он говорит, что, пережив в детстве угрозу погрома, сохранил на всю жизнь «семена спасительной ненависти». Б. Кушнер упрямает меня, что я не ощущаю «страдания другого существа как свое собственное», не понимаю переживаний Мартова или поэта Бялика, вызванных погромами. Зря я, видимо, объяснял, что хочу вообще воздержаться от «оценочных суждений», а пытаюсь понять: что же с Россией происходило? А произошло то, что одним из вождей революции оказался человек, глубинной основой психологии которого была не любовь к этой стране и ее народу, даже не интернационалистски-марксистские идеи, а «семена спасительной ненависти» — к кому? И ситуация, вероятно, была типична не для одного Мартова. Конечно — как не пожалеть трехлетнего Юлика, со страхом дождавшегося погрома? Но, говоря об истории, как не подумать о всей России, судьба которой оказалась в руках таких вождей? Ведь Россия тоже «существо», и страдания этого существа тоже надо бы чувствовать!

Некогда Янов сравнил обвинение в антисемитизме с атомной бомбой в руках «противников национализма». Это очень тонко подмечено: речь идет именно о борьбе с «анационализмом» (конечно, русским — т. е. о русофобии), а не о защите еврейского народа от какой-то угрозы. Например, как иначе понять стальное нежелание замечать, что с «Малым народом» в моей работе связывается лишь некоторое течение еврейского национализма, — и делать вид, что речь идет о всем еврейском народе (аналогично, в связи с участием радикального еврейства в революции). Я пытаюсь примерить на себя: конечно, есть много эпизодов в рус-

ШАФАРЕВИЧ: "Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕМЕ МОЕЙ СТАРОЙ РАБОТЫ - "РУСОФОБИЯ"

"НАШ СОВРЕМЕННОК" №12/1991

ской истории, о которых мне тяжело вспоминать, — например, подавление польских восстаний или политика обрусения инородцев. Если бы я встретил работу, утверждающую, что ответственность за это несет не весь русский народ, а лишь какой-то узкий его слой, то, конечно, ухватился бы за нее и попытался бы эти аргументы развить. Как мог бы автор, стоящий на глубоко национальной еврейской позиции, наоборот, стараться действия Свердлова, Троцкого или палачей ЧК связать со всем своим народом? У автора, стоящего на национальной почве, думаю, дрогнула бы рука написать и то, что высказал Гроссман о России. Ведь в романе «Жизнь и судьба» он с таким жутким реализмом описывает гибель евреев в газовых камерах. А это была бы судьба в се х евреев СССР, если бы равнины Восточной Европы не были усеяны русскими и украинскими костями. Этим я отнюдь не хочу сказать, что евреи (или, скажем, грузины) не воевали, — но по числу своему не могли влиять на исход войны. И, конечно, русские защищали свою страну и отнюдь не приобрели тем самым право как-то утеснять евреев, но на некоторую благородность, деликатность в обращении их недостатков могли бы рассчитывать от людей, живущих интересами всего еврейского народа. Разве мог быть поднят людьми, озабоченными еврейской судьбой, этот всемирный гвалт о фантастической (как сейчас всем видно) угрозе погромов? Разве заботило его организаторов то, как это отразится на отношениях других народов — в стране, где сейчас громят чуть ли не всех, кроме евреев! Ведь это похоже на крики нежных родителей, что их ребенку не хватает яблок и апельсинов: можно еще понять, когда кругом все сыты, — ну а если другие дети пухнут с голоду? Не будет ли воспринято как знак жестокого пренебрежения к чужим жизням? (Так же было и с требованиями дать свободу еврейской эмиграции, когда у нас колхозники не имели права уехать из своей деревни). Кинорежиссер С. Говорухин пишет (тут же заверяя, что «Памятью» не завербован!): «Попробуйте взглянуть на нашу прогрессивную прессу глазами нормального здорового человека. Сколько всего случилось за этот год! Баку, Душанбе, Тува, Ош... С живых людей сдирали кожу, жгли на кострах! По газетам же ползает: главное событие года — скандал в Доме литераторов». «Или я ничего не понимаю, — скажет нормальный читатель, или тут что-то не так». Это в лучшем случае он так думает, а в худшем — поскребет затылок и промолвит: «А может, правы те, кто говорит, что евреи захватили газеты, радио, телеграф?» Вот вам пример обратного эффекта Идиотизм, ей-Богу! В редакции газет приходят

разные письма. Цитирую одно из них по памяти. Пишет пожилая еврейская чета: «Почему вы так много места уделяете этому процессу (над Осташилами. — И. Ш.)? Неужели не понимаете, что это приведет к росту антисемитских настроений?»

Да и в связи с «Русофобией» я встречаю поразительные возражения: будто приводя цитаты из Янова или Гроссмана, я «провоцирую погромы». Я-то в возможность погромов не верю, но кто и правда ими озабочен, должен был бы прежде всего обратиться с призывом не печатать таких произведений, одна цитата из которых может вызвать погром! Наконец, последнее время принесло и совсем поразительные примеры. Так, в Молдавии звучали чудовищные призывы: «Утопим русских в еврейской крови!» Но это не вызвало никакого возмущения, не то что «шабаш в ЦДЛ». Видимо, первая часть призыва вполне оправдала вторую. Говоря конкретнее, сепаратизм и русофобия есть главная цель, а судьба евреев второстепенна.

Все указывает, что течение, столь влиятельное в «Малом народе», так умело манипулирующее образом «антисемитизма», столь же мало озабочено судьбой еврейского народа, как в свое время эсеры — судьбой крестьян или большевики — рабочих. Для них весь народ есть лишь средство, «сухая солома». И мне верится, что когда-то скажет свое слово и «молчаливое большинство». Например, скажет, что невозможно отбрасывать трагедию окружающего народа как нечто, не стоящее внимания сравнительно со своими заботами. И не из страха перед «ростом антисемитских настроений», а просто потому, что это — не по совести. Есть признаки, что это возможно. Например, в статье «Я, русский еврей» («Век XX и мир», № 10, 1990) автор пишет: «И пусть мы, евреи, поквемся первыми: хотя мы действительно живем на земле предков, но ведь это же Русская земля... В первую четверть века, в судьбоносные для России времена, нам следовало бы проявить величайшую осмотрительность, такт по отношению к хозяевам — народу этой страны». Ведь есть, значит, возможность понять точку зрения друг друга. Мне кажется, сейчас успехом было бы хоть понять, даже не соглашаясь.

Для России вновь настали судьбоносные времена. К несчастью, нам всем, всем народам России, не было дано спокойно осмыслить опыт предшествующей катастрофы. И как бы нам всем не повторить еще раз тех же ошибок, но в больших размерах, с еще более страшными последствиями!

Июнь 1991 г.

ПУБЛИЦИСТИКА в ж. "МОСКВА": РУССКИЕ БЕЖЕНЦЫ DAY MONTH YEAR
 НУЖДАЮТСЯ В ПОМОЩИ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ И МОГУТ ПОМОЧЬ
 ДЕРЖАВЕ ВОЗРОДИТЬСЯ. ССЫЛКА НА МНЕНИЕ Э.ЛИМОНОВА и др. (1)

Москва

9/1991

стр. 13.

Союз русских беженцев вынужден позаботиться о себе сам. Он объявляет свой собственный текущий счет: 700215 ОПЕРУ МГУ Сбербанка СССР Уч — ВА МФО — 201906.

О черк
и публицистика

стр. 3-13

Русские, Россия, Союз

Необходимо сплочение

ЮРИЯ ЗАДОНСКИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ
ЧИТАТЕЛЕЙ И НОВЫМИ ФАКТАМИ

ГОНИМЫЕ И ГОНИТЕЛИ

«Чьим слезам Москва не верит?» — так называлась статья («Москва», 1990, № 9), в которой рассказывалось о проблемах русских беженцев в нашей стране. С тех пор отношение в обществе к гонимым соотечественникам почти не изменилось. По крайней мере, в лучшую сторону.

Похоже, мой призыв «русские должны помогать русским» породил в душах читателей в лучшем случае лишь мимолетное сочувствие. «Вынужденные мигранты» заботы о себе практически так и не ощутили. Да и союзный статус беженца по-прежнему не принят...

И все же — благодарю за письма вроде того, что прислала Людмила Петрунина из Ашхабада. «Спасибо за правду, которая прозвучала благодаря Вам во весь голос. Услышат ли его? Будет ли ответ? Боюсь, что Вас подвергнут массированной атаке «критики». Я же посылаю Вам свой одинокий голос, который ничего не решает (и этим подтверждается правильность Вашего тезиса о бесправии русских в Союзе и в России), но, может быть, немного согреет Вас в предстоящей борьбе».

А вот письмо из Кишинева:

«Благодарен за слово доброе о русских, за заботу, за тревогу о судьбе нашей. Читаешь ваш журнал (а в последний год — только его, а также «Наш современник» и «Литературную Россию»), и на душе становится легче. Появляется какая-то

надежда, вера в то, что мы здесь, в Молдове, не брошены...»

Что же заставляет меня вновь обратиться к теме реальных и потенциальных беженцев?

Весной нынешнего года на весь десятиллионный конгломерат Москвы и Подмосковья беженцев и было-то всего чуть больше десяти тысяч! Капля в людском море! Да что там капля! Если судить по отношению властей, имя им — «никто». Их как бы и нет. Они — фантом. В перечень категорий советских граждан, нуждающихся в компенсации (связанной с ростом цен), вошли даже больные СПИДом (несколько сотен человек), а вынужденные мигранты — нет.

И все же они есть. Они вновь заявили о себе, создав Союз русских беженцев (СРБ). Почему именно русских? Такой вопрос с неодобрительными интонациями в голосе задавали и чиновники, регистрировавшие новую общественную организацию. Явно намекали на «великодер-

ПУБЛИЦИСТИКА ж. "Москва": СПАСТИ ДЕРЖАВУ, ОПИРАЯСЬ НА ЭНТУЗИАЗМ
РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ (Ю. ЗАДОНСКИЙ, Гонимые и гонители) (2)

жавный шовинизм» этих людей, оставшихся на своей Родине без жилья, без работы, без имущества. И, по существу, без гражданских прав.

Беспризорные «шовинисты» вынуждены были оправдываться. Ссылаться на зарегистрированные в Москве общества, землячества чуть ли не всех представителей «семьи народов».

После появления статьи «Чьим слезам Москва не верит?» автора тоже порой обвиняли в нагнетании межнациональных страстей. Под этим подразумевались никем не опровергнутые факты о том, что именно изгнанные из «братских республик» братья-славяне оказались наиболее ущемленными. Вновь могу подтвердить: тем же армянам помогают постпредство, землячество, зарубежные организации. А русским — кто?

Вот истинная причина обособления, которое «Литературная газета» не преминула квалифицировать как «фашизм». Ярлык этот, кстати, навешивают русским все чаще. Стоит только заговорить о своих интересах.

Хотя, справедливости ради, скажем: в Союз входят представители многих славянских народов, дети от смешанных браков. Наверное, стоило бы назвать его Союзом славянских беженцев. И тем самым лишний раз показать: в трудные времена необходимо сплочение, и в первую очередь — русских, украинцев, белорусов. Само название это помогло бы организации стать своего рода катализатором будущих конструктивных процессов. Он мог бы явиться моделью подобной консолидации уже в межреспубликанском масштабе.

Учитывая все, пойдём дальше.

Недавно Моссовет распорядился выделить для «мигрантов» места в общежитиях. Национальное соотношение в составе «благодетельственных» столь поразительно, что обращает на себя внимание. Русских* — едва ли не четверо на сотню.

Характерный эпизод приводит в своем письме приехавшая из Латвии З. П. Сергеева: «На просьбу оказать мне помощь В. А. Малюгин в Моссовете дал такой ответ: «Мы за-

нимаемся беженцами нерусской национальности».

А что же фонд средств, о медленном пополнении которого я писал? Как-никак там было 200 тысяч. Правда, упоминал я и о том, что в устав создавшей его ассоциации «Россия» не был внесен пункт «благотворительность», и использовать эти рубли для помощи нуждающимся оказалось невозможным. Решен ли вопрос за минувшие месяцы? Скольким теперь (в том числе и после публикации в «Москве») денег на счете? На какие нужды они расходуются? Руководители Союза русских беженцев, имеющие контакты практически со всеми своими собратьями по несчастью, этого не знают.

Предположить можно все, что угодно. Право на это дает хотя бы такой факт. Для устройства беженцами сельскохозяйственного предприятия одним из совхозов Московской области были закуплены элитные козы. Но властью руководства ассоциации «Россия» их почему-то передали совсем другим адресатам.

«Весьма своеобразное применение средствам для вынужденных мигрантов, аккумулированным в редакции, нашли и сотрудники «Литературной газеты». Все сто тысяч объявлены премией за лучший проект поселка для беженцев! — пишет сопредседатель Союза, слесарь КИП и автоматики Г. К. Завадка. — Нас выгодно опекать — но не более того.

Зачем понадобилось создание нашей организации? Она состоит из самих беженцев, которые вынуждены позаботиться о себе сами. Зачем нам посредники от милосердия? Нередко они прикрываются наигуманнейшими вывесками, а нам даже отказываются сообщить адреса благотворительных организаций.

Выделив нашим больным детям одноразовые шприцы, чиновники из окружения Б. Н. Ельцина уговаривали в канун выборов агитировать за своего патрона. Сделать беженцев послушным инструментом для пропагандистских инъекций пытаются многие. Сейчас попытки политического ангажмента дополняются экономическим. То и дело подкатывают какие-то сомнительные личности, желающие стать структурным подразделением Союза. Сулят деньги,

* Здесь и далее это понятие, как мы уже говорили, — условное.

ПУБЛИЦИСТИКА ж. "Москва": СПАСТИ ДЕРЖАВУ, ОПИРАЯСЬ НА ЭНТУЗИАЗМ
 РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ (Ю. ЗАДОНСКИЙ, Гонимые и гонители)

(3)

А цель-то их очевидна: выбить под нашей крышей максимум налоговых льгот. И это не все. Подумайте сами, как выгодно амплу гонимого и бездомного человека для любого представителя отечественного криминалитета».

Неужели только корысть или равнодушные окружают изгнанников в нашей столице? Неужели никто им не помогает?

Государство раскошелилось — в паспортах беженцев можно прочесть надписи: «Получено одежды на сумму сто рублей», «Получено 94 рубля»...

«Краснокожая паспортина» (помните, как нас с детства учили гордиться ею?) превращается в сборник расписок — в получении нищенских подачек.

Да, над парадным, заколоченным входом в здание «нового мышления» вывешивается лозунг «Даешь милосердие!», а над черным, оживленным — «Каждый сам за себя». На фоне разговоров о приватизации всего сущего беженцы являют собой образец приватизации нужды. С ней они оставлены один на один.

Неприглядная получается модель массовой безработицы, обещанной рыночными пророками. Многие наивно представляют себе «вынужденную незанятость», глядя на богатый Запад. Однако лучше бы им присмотреться к «вынужденной миграции» в собственной стране. И понять: на социал-демократический гуманизм у нас нет средств. А безработица — непозволительная «роскошь». Когда число обездоленных будет измеряться не тысячами, а миллионами, охотников помочь больше не станет. Поддержка будет оказываться в лучшем случае лишь по национально-клановому признаку.

«Как ни больно об этом говорить, даже Православная Церковь нам практически не помогает, — пишет в редакцию С. И. Мишанкина. — Один священник изрек в разговоре со мной: «Бог вас наказал». Заботу проявляют только христиане-евангелисты».

Союз русских беженцев вынужден позаботиться о себе сам. Он емсет свой собственный текущий счет в банке.

Чтобы обсудить вопрос о том, ку-

да пойдут эти деньги, я принял приглашение слесаря В. Я. Резуненко, одного из сопредседателей СРБ.

...Помещение им пока не дают. «Офис» расположен в арендованном подвале. Еще недавно он чуть ли не на человеческий рост был залит бетоном. Однако истосковавшиеся по работе руки, желание иметь крышу над головой помогли повторить едва ли не подвиг Геракла, очистившего авгиевы конюшни.

Здесь же ютится Институт информационных технологий и систем управления. Члены Союза создали его при Российской народной академии наук. Появились у него и первые заказы. Институту уже есть чем гордиться. Здесь, например, из отечественных деталей собрали оригинальный многофункциональный компьютер.

«Однако, — сетует инженер-электронщик В. М. Спасибухов, — нужны средства для того, чтобы развернуться. Одна из инициативных работ института — просчитанная на ЭВМ программа обустройства беженцев. Ее мы направляем союзному правительству. По нашим прикидкам, до 1995 года число «вынужденных мигрантов» может достигнуть миллиона. Если с умом финансировать превращение этой колоссальной потенциальной энергии в кинетическую, то уже к концу названного срока мы увидим огромный эффект. Набор предложенных нами мер «стоит» пять миллиардов. Как специалист скажу: мало какие программы могут соперничать по результативности с теми, которые предусматривают вложения в квалифицированные кадры».

На стенах небольшой, пахнущей краской подвальной комнаты — карты Подмосковья и соседних областей. Немало городов, городков, сел и деревень объехали беженцы, прежде чем им дали согласие выделить толку пустующих земель.

«Впрочем, один из предложенных адресов — в Черномском районе Тульской области — не подошел, — рассказывает один из лидеров СРБ, электротехник И. И. Радаев. — Отпугнула радиационная карта. В том месте, куда нам предлагали переезжать, мы увидели жуткое черное пятно — так отметили картографы последствия Чернобыля. Потом мы вы-

ЮРИЙ ЗАДОНСКИЙ, ГОНИМЫЕ И ГОНИТЕЛИ

NOV 14, 1991 * 1045 14

ПУБЛИЦИСТИКА ж. "Москва": СПАСТИ ДЕРЖАВУ, ОПИРАЯСЬ НА ЭНТУЗИАЗМ
РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ (Ю. ЗАДОНСКИЙ, Гонимые и гонители) (4)

яснили, что даже местное население оттуда уезжает. Тем не менее решением союзного правительства в Чернский район переселены духоборы из Грузии. Как это можно квалифицировать? Наши поиски все же увенчались успехом. Намечено создание многопрофильного хозяйства. Нужен начальный капитал».

Поможет ли государство, так много говорящее о подъеме Нечерноземья? Даст ли оно, на словах озабоченное грядущей безработицей, трудиться тем, кто работу нашел сам и стремится к ней всеми силами? Понимает ли оно, наконец, что вернувшиеся на свою историческую родину люди несут заряд того энтузиазма, который способен горы сдвигать? Что они способны явить собой спаянные общей бедой, общей судьбой весьма жизнедеятельные общины?

Этот мощный импульс, обладающий пока лишь потенциальной (к сожалению, постепенно выветриваемой) энергией, в условиях нынешнего мотивационного краха нужен нам снова. Ведь материальные стимулы труда в условиях нашей бедности ограничены. Значит, необходимо искать другие — моральные, социальные, национальные. Подобные тем, что работают в японских фирмах-семьях или израильских кибуцах. Беженцам сама судьба дала целую гамму стимулов. Прежде всего им необходимо выжить. А кроме того, необходимо вновь обрести Отчизну.

Пусть беженцы — капля в людском море. Пока капля. Но что это за капля? Некоторые склонны думать, будто они являют собой едва ли не люмпен-отходы «развитого социализма». Или — продукт распада, предопределенного ленинской национальной политикой огосударствления этносов. Или ложку дегтя в бочке меда все еще лукавой статистики...

Я склонен предложить свое понимание. Капля беженцев — это капля сильнейшего катализатора. И когда температура общества достигнет критической точки, он сможет начать бурную реакцию. Не разрушительную ли? Отчаявшиеся, лишенные поддержки люди — не шутка. Однако убежден: если мы поможем им, реакция ока-

жется созидательной. Она будет задана квалифицированными, патристически настроенными, полными энтузиазма людьми — подобными тем, с которыми я познакомился в убогом московском подвале. Сильных невзгоды делают сильнее, слабых — угнетают.

Им, знающим о русофобии не понаслышке, дано разблокировать массовое сознание, забитое штампами о русском национализме, великодержавном шовинизме и т. д. Им, оказавшимся в отчаянном материальном положении, но не оставляющим профессиональных, творческих занятий, дано показать другим: социально-психологическая устойчивость возможна даже в условиях неизбежного понижения уровня жизни. Им, тянувшимся к родным полям, дано согреть брошенные российские суглинки животворным теплом ноосферы.

Для нашего общества все это чрезвычайно важно. Причем именно сейчас, когда сумма разрушительных процессов, называемая перестройкой, так или иначе будет переходить в постперестройку. Чтобы обеспечить выживание самой тысячелетней государственности нашей, народу предстоит новое, осмысленное, коллективистское сверхусилие. Спасение державы! Вот суперстимул, данный нам историей снова. Только он и может поднять Россию на большие дела.

Не повторяется ли история в том, что в очередной раз импульс спасения будет исходить с периферии нашего государства — как во времена Минина и Пожарского? Возможно, здесь есть своя закономерность. Впрочем, об этом речь еще впереди.

А пока констатируем факт: всего этого чиновники, озабоченные сохранением под собой стульев, не хотят понять и не понимают. Средств (для начала Союзу хватило бы и полумиллиона) не дают. По крайней мере, русским. Между тем вот что пишет еженедельник Союза молодежи Армении «Эпоха»: «Мы, беженцы из Азербайджана, 16 октября разбили палаточный городок у гостиницы «Россия»...

14 ноября нас пригласили в Госкомтруд СССР. В ответ на наши требования (вот какая решительность! — Ю. З.) выделены

NOV 14 1991 10 45 15

ПУБЛИЦИСТИКА ж. "Москва": СПАСТИ ДЕРЖАВУ, ОПИРАЯСЬ НА ЭНТУЗИАЗМ
РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ (Ю. ЗАДОНСКИЙ, Гонимые и гонители)

(5)

200 млн. рублей на строительство жилых домов для беженцев...»

Отметим и то, что в 1991 году содержание только аппарата Президиума Верховного Совета РСФСР стало дороже на 15 миллионов рублей, аппарата Совмина России — на 10,4 миллиона, министерств и ведомств — на 189,2 миллиона. Себя-то власть имущие (которым гордиться особенно нечем) не забывают.

Русские не требуют безвозмездной помощи. Они готовы взять кредиты (конечно, не у коммерческих банков — под безумные проценты). И обязуются их вернуть. Увы, в то время, как всевозможным жуликам сплошь да рядом отваливают миллионы (об этом все чаще пишет пресса), гонимым соотечественникам нашим никто не дает ни копейки. Не находится в России человека, готового сказать: «Я вам верю».

Может быть, они действительно не заслуживают доверия?

Порой можно услышать: это рохли какие-то, привыкшие на Востоке в чайхане сидеть. Все жалуются, чего-то просят, не умеют сами за себя побороться.

К сожалению, условия для этой борьбы в Москве изобретены весьма своеобразные. Вот о чем рассказывали мне собеседники, с которыми мы разговаривали в офисе-подвале.

«В Госкомтруде мне как-то сказали, поглядывая на мой галстук: «Уж больно вы чисто одеты», — говорит инженер-электронщик А. И. Семенов. — А один из депутатов Моссовета развил эту мысль: вы бы перед походом по кабинетам пиджачок какой с заплаткой надели...»

Чего греха таить, видели мы, как прекрасно одетые, бойкие брэнеты вывели из «Жигулей» обряженного в рабочую робу старичка и усаживали его, трясушегося, перед дверью «высокого» кабинета. Это и называется «уметь постоять за себя»? Мне и моим товарищам такая метода не подходит. Мы привыкли зарабатывать своим трудом. Надеемся, что так будет и впредь. Лучше перебиваться случайными заработками в Москве, в том числе и в кооперативах, чем терпеть такое унижение».

А вот еще одно столичное мнение о беженцах: вы посмотрите на них,

какие они русские! Не очень-то похожи!

...Да, о бедах своих повествуют они с истинно южным темпераментом. У некоторых, чьи семьи из поколения в поколение живут в неславянской языковой среде, — более или менее явный акцент. Но произношение — не единственный отпечаток, который наложило иноплеменное, не всегда доброжелательное окружение. Нередко оно закаляло.

«Как в Азербайджане, в условиях безработицы (она вдвое выше, чем в среднем по стране) получить хорошее место? Надо приобрести квалификацию на порядок выше той, что имеет местное население, — говорит А. И. Семенов. — Надо проявлять добросовестность, дисциплину — на два порядка выше. Я, например, могу без ложной скромности сказать: стал электронщиком высшего класса. Недавно выполнял по договору работу в одной солидной московской организации — так в отделе кадров все вздыхали: если бы вы не были беженцем, взяли бы вас с руками и ногами...»

А знаете, какую работу предлагали мне в Госкомтруде? Поехать скотником в Магаданскую область!»

Велика же в стране, где почти никакие команды не выполняются, сила приказа «беженцев не брать» (о нем говорят все, с кем мне приходилось беседовать).

Гонимых, в том числе и одиноких, не принимают даже лимитчиками! Известно, что на их труде, поистине рабском, самом тяжелом и низкооплачиваемом, с призрачными шансами на жилье, держится значительная часть деградирующей московской индустрии. Но не зачислять желающих даже в эту категорию только за то, что они беженцы, — это уму непостижимо. Однако это факт. Он тем более поразителен, что положение с кадрами на многих предприятиях поистине катастрофическое.

Так и хочется крикнуть: «Автор!» И узнать, кто подписал это дискриминационное постановление, по существу, призванное загнать беженцев обратно в свои углы.

Увы, во времена «гласности» такой возможности нет.

Увы, во времена «демократии» никто из «демократов», озабоченных

ЮРИП ЗАДОНСКИЙ. ГОНИМЫЕ И ГОНИТЕЛИ

NOV 14, 1991 * 1045 16

ПУБЛИЦИСТИКА ж. "Москва": СПАСТИ ДЕРЖАВУ, ОПИРАЯСЬ НА ЭНТУЗИАЗМ
РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ (Ю. ЗАДОНСКИЙ, Гонимые и гонители)

(6)

свободой выезда из Союза, не склонен поднять и такой вопрос: почему русские не имеют права жить и работать по специальности в России?

Тем более, что многие московские специалисты подтверждают: коллеги, приехавшие, например, из Баку, действительно обладают высокими профессиональными достоинствами. Интересно, что среди них практически нет пьющих*.

Однако — парадокс — в одном из нечерноземных колхозов беженцам отказали в приеме именно по этой причине. Кто-то потом объяснил расклад опешившим «мигрантам». Из четырехсот взрослых жителей — непьющих, полноценных работников всего тридцать. Если в коллектив вольется целая община беженцев, то непонятно, как ими будет руководить колхозное начальство, привыкшее играть на слабостях большинства своих подчиненных, платить им не зарплату, а жалование. Уж больно решительные, знающие законы, целеустремленные люди к ним приехали! Как бы не подмяли под себя местных. В пору ли привыкшему безраздельно царствовать правлению подумать об Общем Деле? О том, что, может быть, вливания такого катализатора и недостает любому нашему хозяйству?

Можно понять и логику колхозного, и логику союзного руководства. Почему, например, едва ли не по всей России беженцам дают от ворот поворот? Нехватка русских, квалифицированных кадров в республиках явилась одним из факторов сбоев в их экономике. И она отразилась на межрегиональных связях.

Повторяю, логика союзных предприятий, часть которых стремится сохранить Союз, понятна. Согласно ей, «приток мозгов», скажем, из Душанбе в любой российский город не имеет смысла: во-первых, здесь своя безработица намечается, а во-вторых, Душанбе рассматривается пока как часть единого народнохозяйственного комплекса.

Попытки сохранить его правиль-

ны. Богатые сырьем земли — это объект вожделений всех нормальных государств. И отказываться от них было бы по меньшей мере неразумно. Напомню и то, что российский орел, подстреленный в 1917 году, смотрел не только на Запад, но и на Восток...

Все это так. Я не приветствую перспективы образования все сметающих многомиллионных потоков беженцев. Однако хочу сказать: те, кто решительно пожелал жить на своей исторической Родине, должны иметь на это не только формальное, но и фактическое право. Тем более, они готовы переселиться сюда отнюдь не в качестве объекта благотворительности.

...Все больше узнавая об унижениях «мигрантов» в России, вновь и вновь задаюсь вопросом: почему даже это не заставляет людей вернуться! Впрочем, кто-то уже так и сделал. Возможно, были между ними и авантюристы, рассчитывавшие поначалу «под шумок» обрести московскую прописку. Не берусь судить. Ясно другое: теми, кто остается в России, движет отнюдь не упрямство.

Они предпочитают вместе с детьми обитать в неотопливаемых помещениях пионерлагерей. Подрабатывать на Арбате игрой на гитаре. «Терпеть бесконечные издевательства со стороны соседей-армян в общешжитии, крики «убирайтесь из Москвы в Россию» (из письма той же С. И. Мишанкиной).

Терпят. Видно, имеют серьезные основания не возвращаться. Они лицензели русофобию не только в ее газетно-журнальном, но и реальном, жизненном варианте. Они видели, как десантники отбивают захваченный боевиками детский садик. Им сначала отключали телефоны, а затем в квартиры вламывались осатаневшие юнцы.

Дай Бог, чтобы подобное не повторилось. Надеюсь, так оно и будет. Ведь происшедшие события напугали даже руководство многих республик, еще недавно охотно подогревавшее рост «национального самосознания».

В руках политиканов граната национализма — последний аргумент. Но ведь гранату можно и не добросить... Так и оказалось. Разжи-

* Русские, в том числе и религиозные общины в Бразилии, Австралии, нередко ставят условия перед теми советскими гражданами, кто хотел бы поселиться в них: принимаем русских только из южных республик.

NOV 14, 1991 * 1045 17

ПУБЛИЦИСТИКА ж. "Москва": СПАСТИ ДЕРЖАВУ, ОПИРАЯСЬ НА ЭНТУЗИАЗМ
РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ (Ю. ЗАДОНСКИЙ, Гонимые и гонители)

(7)

гание страстей обходится себе дороже. Только за несколько месяцев 1990 года экономические потери от дестабилизации в Баку, например, составили полтора миллиарда рублей.

Да и могли ли принести иные, благотворные результаты те процессы, которые изначально развивались словно по сценарию, написанному З. Бжезинским: «Поощряя требования нерусских национальностей к большему уважению их национальных прав, нужно постепенно переориентировать политические процессы в СССР на сложный и поглощающий силы вопрос, отражающий самую суть современной политической системы, а именно перераспределение политической мощи. Очевидно, что с точки зрения Запада было бы желательным, чтобы главной заботой советского руководства стала именно эта проблема, а не проблема экономических реформ, решение которых может усилить способность к соревнованию с США».

...И все же, несмотря на заверения руководства республик, в ответ на советы москвичей ехать обратно А. И. Семенов неизменно достает из кармана связку ключей и говорит: вот трехкомнатная квартира в центре Баку — поезжайте. А я готов жить в комнате, в коммуналке.

Он не поясняет, почему он так говорит. А я — не спрашивал.

Эх, москвичи, москвичи! Не хочется обижать всех жителей столицы, здесь множество достойнейших людей, но в целом странные настроения воцарились в первопрестольной, давшей начало новой русской государственности.

Идея потребительского общества воплотилась в различные формы светского идолопоклонства. Фетишами стали политический престиж, материальное преуспеяние, жажда успеха, власти, удовольствий и т. д. Все более забывается то, что не хлебом единым жив человек, что добывать хлеб свой нужно в поте лица своего. Да мало ли чего еще у нас забыли...

Антихристианские ценности засасывают, лишают сочувственного слуха и зрения. Создают перед любым обездоленным стеноу непонимания. Патриотизм становится предосуди-

тельным. Интеллект — отверженным. Порядочность — смешной.

Процветает исторический мазохизм. Культивирующие его люди, видимо, осознают: стоит начать переиначивать историю, перекривать придется и географию.

Не грешу ли я на столицу? Нет, убежден, что речь идет о закономерных результатах объективных процессов. Десятилетиями отгороженная пропиской, напичканная привилегированными должностями, держатели которых привыкли считать себя умнее всех, подкармливаемая лучшими кусочками от общего пирога, Москва превратилась в гигантскую элитарную систему. А элитарные системы рано или поздно деградируют. И в профессиональном, и в нравственном, и в патриотическом смысле.

Многие процессы развивались по такой, например, с виду парадоксальной схеме. Москва диктовала сырьевым республикам заведомо нереализуемые, год от года возрастающие планы «от достигнутого». Они «выполнялись» только с помощью приписок или неучтенных площадей. Так, «по заданию сверху», формировалась экономическая основа мафии. И ее структуры, конечно, исправно «отстегивали» часть сверхприбыли кому-то в Центр. Однако со временем встал вопрос: стоит ли делиться? Во многом он возник как весьма оперативная реакция на разрушительные механизмы, придумываемые самой Москвой. Сначала заговорили о чреватом межрегиональными спорами республиканском хозрасчете. Теперь — о суверенитете. Мало кто задается вопросами: что это за чудовище такое — союз независимых государств? Независимых — от кого? От Центра? Но тогда при чем здесь Союз?

В общем, в итоге мы все получили то, что получили...

Сегодня главный стимул большинства «элитарных граждан» — поймать свою рыбку в мутной водичке деструкции. Однако статья не просто состоятельным, а богатым — слабый стимул. По крайней мере, он не выдержит конкуренции с мотивацией тех, кто вынужден бороться за минимум жизненных благ. Последние более решительны. Им нечего терять. Поэтому периферия все чаще дикту-

ЮРИЯ ЗАДОНСКИЙ, ГОНИМЫЕ И ГОНИТЕЛИ

NOV 14 1991 * 1045 18

ПУБЛИЦИСТИКА ж. "Москва": СПАСТИ ДЕРЖАВУ, ОПИРАЯСЬ НА ЭНТУЗИАЗМ
РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ (Ю. ЗАДОНСКИЙ, Гонимые и гонители) (8)

ет и будет диктовать свою волю.

Является ли сегодня столица наша духовным лидером Отечества? Почему все чаще можно услышать: «Москва — не Россия»? Почему именно из нее исходят все более разрушительные импульсы по отношению к державе?

«Эффект домино»

«Всем известен так называемый «эффект домино», — пишет мне недавний бакинец В. Пухов. — Но если доминошная костяшка беженцев упала сегодня под напором соседней, то смотреть надо не только на нее, соседнюю, а на то, что вызвало ее падение в свою очередь. И так до тех пор, пока мы можем проследить».

...Немало писем посвящено проблемам развала Союза, дестабилизации границ. Автор из Молдовы пишет: «Шаталинско-горбачевско-ельцинская реформа окончательно развалит страну, откроет дорогу в обособленных нефеодалных княжествах вора в законе и вне его, награбившим в годы застоя и перестройки миллиарды. Жулики-«теневики» и жулики-политики (старой и новой закваски) прекрасно поймут и уживутся друг с другом. Им важно разорвать страну, чтобы превратить ее в резервации, контролируемые услужливыми парламентскими тоталитаристами».

Мешают осуществлению этих планов в первую очередь русские и в первую очередь те, которые видят происходящее прямо из пекла русофобии. Вот их и не хотят пускать на Родину, зная, что миллионы вернувшихся не простят нынешним правителям и их прислужникам развала великой страны, строительство которой осуществлялось веками».

Да, от развала России как таковой следует уберечься во что бы то ни стало. Одним из деструктивных факторов может стать образование на ее территории новых автономий. Поэтому я не могу согласиться с В. Ивановым из Канска, который не видит ничего предосудительного в автономии турок-месхетинцев в Нечерноземье или немцев в Поволжье. С точки зрения абстрактного гуманизма, все вроде бы правильно:

почему не дать землю обиженному народу? Но кто может поручиться, что поселившиеся в Москве армянские семьи лет через 50 не объявят столицу нашу древним армянским городом? Должна же история чему-то нас научить?

В ущерб интересам меньшинства целостность и стабильность надо сохранить во имя большинства. Это нормальная практика всех не впадших в ложно-гуманный маразм и не страдающих старческим бессилием государств. Впору процитировать живущего в Париже нашего соотечественника Э. Лимонова.

«Ни одно западное правительство не стало бы терпеть и сорока восьми часов кровавых ужасов, устроенных на Кавказе, в Фергане и в Оше националистами. Когда в 1965 году восстало черное гетто Лос-Анджелеса — Уоттс, правительство США, не колеблясь, ввело в гетто национальную гвардию и подавило расовые волнения. 34 убитых и тысячи разрушенных зданий — результат... Не стесняясь обвинений в расизме, американское правительство действовало в интересах подавляющего большинства своих граждан...»

Держится за Северную Ирландию Великобритания, теряя там своих солдат, не по причине важности для нее собственно этого клочка суши, но потому, что вслед за Северной Ирландией последует Шотландия (а там, глядишь, и Уэльс)...

...Беспорных государственных границ нет на планете и не будет. Старая континентальная Франция, первое современное супергосударство, кажущаяся вам, советским, однородной, завтра распадется, если позволить, на Корсику, на Бретань с отдельным языком, Ницца и Ментона отойдут к Италии, Эльзас и Лотарингия, как это уже бывало не раз, отойдут к Германии. Вся Франция разместится где-то между Парижем и Лионом».

Кстати, разрушительную силу межнационального эффекта домино уже оценили и в Грузии (проблема Южной Осетии, Абхазии), и в Литве (польская проблема), и в Молдове (Гагаузская, Приднестровская республики). На этот счет есть хорошая русская поговорка: не буди лихо, пока оно тихо.

ПУБЛИЦИСТИКА ж. "Москва": СПАСТИ ДЕРЖАВУ, ОПИРАЯСЬ НА ЭНТУЗИАЗМ
РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ (Ю. ЗАДОНСКИЙ, Гонимые и гонители)

(9)

Границы, которые существуют сейчас, уже оплачены реками крови. И новой платы за их пересмотр не надо. Человеческая история тысячелетиями строилась на войнах, захватах, предательствах. И теперь этот эффект домино должен быть остановлен. Чем? Решительным признанием вечности существующих на картах всего мира пунктирных линий.

Почитаем Э. Лимонова еще: «Нужно, попробуйте заговорить с США об отделении Нью-Мехико или о провозглашении независимости Гавайских островов, аннексированных у Испании в 1899 г. (однако Американский Конгресс не постеснялся проголосовать в защиту независимости Литвы!)».

Кстати, несколько слов об этой республике. Получил я письмо из Каунаса, от Э. Жиромскаса. Он недоумевает по поводу моей статьи: «Особенно досталось Литве, которая для русских стала хуже мачехи. Это для меня было новостью, ибо никто русских, как и людей других национальностей, из Литвы не гонит, так откуда эти «беженцы», о которых автор так много и красочно пишет?»

Мой оппонент имеет в виду, наверное, и такой абзац: «А стоит ли удивляться настороженному поведению мужчины из Литвы, который даже в Москве старается держать своих малолетних сынишек за ручки? Боевики из Саудиса, по его словам, угрожали: если что не так, достанем и в России...»

Что же, надо сказать, — достали. Юрий Иванов был избит, получил сотрясение мозга, одного ребенка у него забрали.

Нет, не случайно, видно, по оценкам заведующего отделом миграции литовского Министерства социальной охраны В. Гражулиса, в ближайšie 3—5 лет республику покинет около 150 тысяч человек.

А вот что писал в «Вашингтон пост» В. Ландсбергис: «Независимой Литве придется иметь дело с нелитовскими слоями населения, в частности, русскими. Проблемы, связанные с этой группой населения, отчасти объясняются тем, что большинство русских, прибывших в Литву в последнее время, не относится к интеллигенции. Кроме того, русский народ многие десятилетия и даже столе-

тия — был проникнут идеями мессианской роли России. Мы попытаемся четко поставить перед этими русскими, живущими среди нас, вопрос об их отношении к Литве. Считают ли они, что являются составной частью страны своего происхождения, или предпочитают жить в другой стране — в Литве?»

Что ж, пока будущий профессор консерватории и лидер независимой Литвы В. Ландсбергис получал образование, в основном русские, украинские, белорусские рабочие и другие посланцы ненавистной «метрополии» строили в своей «колонии» заводы. И свою миссию непрошенные и «неинтеллигентные» миссионеры выполнили. Напомню, что к 1987 году промышленное производство увеличилось в Литве по сравнению с 1940 годом более чем в 80 раз. Кстати, это касается не только Литвы. Две трети рабочего класса СССР — русские, а в общем населении страны нас всего половина. «Неинтеллигентный» народ!

В трактовке В. Ландсбергиса, Литву придется покинуть едва ли не люмпенским слоям. Так ли это? Вот что рассказывают в издаваемой Саудисом газете «Согласие» Г. Попов и Ю. Гальцев, члены президиума Республиканского Гражданского комитета и Рабочего комитета Социалистической федерации трудящихся Литвы: «С 27 июня этого года по просьбе жителей Литовской ССР, ветеранов войны и труда, мы организовали запись желающих выехать из «свободной Литвы», если она действительно выйдет из состава СССР... За это время к нам обратилось более 3 тысяч семей. Всего, по данным СФТЛ, из Республики хотят выехать около 15 тысяч семей, в них в среднем по 3—4 человека. Все эти люди обеспечены жильем. Многие коренные жители республики, многие — специалисты, прибывшие в 40—50-е годы на восстановление разрушенного хозяйства, транспорта, связи. Последние 10—20 лет прибывали по распределению в Литву и выпускники вузов. Одна треть уезжающих — пенсионеры. Треть — рабочие, остальные — интеллигенция.

Зачем мы составляем эти списки? К сожалению, мы ничем не можем помочь конкретно (в смысле обмена

ЮРИЙ ЗАДОНСКИЙ ГОНИМЫЕ И ГОНИТЕЛИ

ПУБЛИЦИСТИКА ж. "Москва": СПАСТИ ДЕРЖАВУ, ОПИРАЯСЬ НА ЭНТУЗИАЗМ
РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ (Ю. ЗАДОНСКИЙ, Гонимые и гонители)

(10)

жилья и проч.), но мы хотим иметь перед глазами реальную картину миграции на случай переговоров между Литвой и Россией, Союзом. Это наш аргумент в споре о «мигрантах без роду и племени, наводнивших Литву» («Согласие», 9 сентября 1990 г.).

Да, боюсь, что голос и этих потенциальных беженцев практически не будет услышан. Во всяком случае, к какому-либо референдуму их могут не допустить. В прибалтийских республиках введен ценз оседлости. Это ли не грубейшее нарушение прав человека, Международной конвенции по ликвидации всех форм расовой дискриминации! На весь земной шар осталось лишь несколько государств, вроде Королевства Тонга, где ценз оседлости еще не отменен...

Помогут ли русские русским?

«К сожалению и стыду, могу констатировать: у русских людей очень слабо выражены чувства национального самосознания, кровные чувства, чувства солидарности с русскими, чем и пользуются националисты на местах, в ныне суверенных и «демократических» государствах, глумясь, издеваясь над русскими, а то и просто убивая, как был убит 18-летний кишиневец Дима Матюшин. Убит только за то, что, возвращаясь из театра с девушками, он смеялся, радуясь молодости, и радость свою выражал на русском языке... Убит на глазах у всех в центре Кишинева, растоптан толпой националистов. Над жизнью русских, живущих в Молдове, нависла смертельная опасность. Создается корпус карabinеров — явно для расправы над неугодными...

Фамилию назвать не могу. Простите и поймите меня правильно. И на улицах уже угрожают расправой».

Не зарывая голову в песок, Россия должна начать серьезную подготовку к приему большого числа беженцев. Пока что ими заняты лишь бумажно-бюрократические структуры (способные в лучшем случае отслеживать происходящие процессы), да судебные инстанции, грозящие «вынужденным мигрантам» привлечением к ответственности. Это касается, например, двадцати семи в ос-

новном русских семей, занявших в Болшеве, что под Москвой, пансионат Совмина России. Учреждение, палец о палец не ударившее для практического решения проблемы, в данном случае проявило большую активность. Его административно-хозяйственный отдел обратился в суд. Чиновникам, после трудов праведных, негде отдыхать!

Беженцы столько надежд возлагали на новое руководство России и Москвы! К популярным еще деятелям «новой волны» взывает и мой корреспондент из Иркутска А. Сорокин: «Что думают российские политические партии и их лидеры? Почему национальная идея монополизирована только «Памятью»? А демократы? Демократическая партия? «Демократическая Россия?»

Боюсь, они озабочены другими отнюдь не патриотическими проблемами. Во всяком случае, нью-йоркский еженедельник «Гардиан» сообщает о связях Межрегиональной депутатской группы с правыми организациями США, действующими в контакте со спецслужбами. В отчете о деятельности «Фонда свободного конгресса» за 1989 год говорится: «В Эстонии группа готовила членов оппозиционных политических партий к первым свободным выборам 1990 года... В Москве группа обучала членов Межрегиональной группы...» Побывали западные специалисты также в Ленинграде и Свердловске. На фоне этой информации отнюдь не кажется фантастичным обвинение, сделанное министром иностранных дел Эстонии Л. Мери. Он заявил, что руководитель республики А. Рюйтель является агентом ЦРУ. Что же, думаю, будущее удивит нас новыми неожиданностями.

Наши политики, похоже, видят в беженцах лишь сумму потенциальных избирателей. И пока она относительно невелика, считают, видимо, что обращать на них особого внимания не стоит.

Предвижу дальнейший ход событий. Когда число «вынужденных мигрантов» будет измеряться миллионами, польются реки крокодиловых слез. Но процесс, который сейчас еще можно повернуть в нужное русло, станет неуправляемым. И приток рабочих рук, мозгов, талантов станет

ПУБЛИЦИСТИКА ж. "Москва": СПАСТИ ДЕРЖАВУ, ОПИРАЯСЬ НА ЭНТУЗИАЗМ
РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ (Ю. ЗАДОНСКИЙ, Гонимые и гонители)

(11)

для России не созидательной, а разрушительной силой.

В стране, где 60 миллионов человек проживает за пределами своих национально-государственных образований, проблема беженцев должна быть оговорена при заключении нового Союзного договора. Республикам, так или иначе заставляющим некоренное население покидать их территории, следует направлять определенные ресурсы (не только финансовые, но и материальные) в общесоюзный фонд беженцев и миграции. Создание его назрело, и отчисления в него необходимо поставить в зависимость от числа гонимых. Это справедливо. За брошенную работу, дома, за моральные потери, наконец, необходима серьезная компенсация. Это заставит руководство республик более ответственно относиться к представителям некоренных национальностей.

Думаю, эти мысли созвучны тем,

что изложены в письме историка из Нижнего Новгорода Н. Я. Серовой. Она выдвигает понятие «новых крестьян» и возлагает надежду на русских беженцев, способных при условии первоочередного обеспечения стройматериалами, техникой и т. д. возродить нашу деревню.

...Пусть извинят меня те беженцы, которые хлопочут сейчас о своих вполне житейских проблемах, а им предлагаются экскурсии то в экономику, то в историю межнациональных отношений. Во имя будущего России и русских такой широкий разговор необходим. Однако, конечно же, и нынешние законные требования беженцев надо удовлетворять. Многие мои корреспонденты сообщают о своем бездомье, случайных заработках в Москве.

Некоторые, например, подрабатывают на мосфильмовских массовках. Играют перед камерами «народ»...

ЮРИЙ ЗАДОНСКИЙ, ГОНИМЫЕ И ГОНИТЕЛИ

Союз русских беженцев вынужден позаботиться о себе сам. Он объявляет свой собственный текущий счет: 700215 ОПЕРУ МГУ Сбербанка СССР Уч — ВА МФО — 201906.

А МЕЖДУ ТЕМ НАС НЕНАВИДЕЛИ ВСЕГДА — В БОГАТСТВЕ И В БЕДНОСТИ, ЦАРСКУЮ РОССИЮ И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СОЮЗ. РУСОФОБИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ С. ГЕРБЕРШТЕЙНА, ПОССЕВИНО, А. ДЕ КЮСТИНА

НАШ СОВРЕМЕННОК

№5 1991

ДНЕВНИК СОВРЕМЕННОКА

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

НАШИ — ЧУЖИЕ

ЗЛОБОДНЕВНЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ИЗВЕЧНОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ

В начале 1991 года пропал человек. Его не похитили и не убили. Хотя без выстрелов не обошлось — стреляли дважды: в Ленинграде и под Ригой. Догадались? Я говорю об Александре Невзорове.

Самый популярный советский тележурналист исчез из списков непременных демократов — этих новейших «разрядных книг» радикальной интеллигенции. По-прежнему актуально горькое замечание Б. Пастернака: «Кому быть живым и хвалимым, кто должен быть мертв и хулим, — известно у нас подхалимам...» Разве что подхалимы новые — «демократические».

Еще недавно можно было не смотреть телевизор и все равно ощущать присутствие Невзорова в общественной жизни (у меня, например, телевизора нет, но не проходило недели, чтобы я не прочел о журналисте в газетах, не услышал о нем в разговоре с коллегами). А тут как ветром сдуло. И каким ветром! Это был настоящий ураган поношений, оскорблений, тотальное идеологическое уничтожение.

Шквал обвинений — и тишина. Нет, Невзоров не ушел с телевидения, несмотря на попытки изнутри развалить его группу. Его передачи по-прежнему популярны. Но по-прежнему, беззвучно как бы. Выяснилось: популярность — этот фетиш современного общества, этот ослепительный монолит, сработанный из цельного куска беспримесной славы, — бывает разной. Молчаливо хранимой в сердце аудитории и громогласно провозглашенной с бумажных небес миллионтиражных изданий, на каждом перекрестке услужливо повторенной эхом молвы.

Поучительное открытие. Впрочем, история с Невзоровым и задумывалась пресной для того, чтобы поучить и проучить. Продемонстрировать, как по мановению режиссерской руки рушится казавшееся неизблемым реноме. И показать — почему рушится, накрепко вбить в головы, вскруженные славой, чего делать нельзя.

Вина Невзорова, с точки зрения советской прессы, ужасна — он посмел публично защитить наших. Надо было обличать, надо было в уши трубить о рабской

А МЕЖДУ ТЕМ НАС НЕНАВИДЕЛИ ВСЕГДА - В БОГАТСТВЕ И В БЕДНОСТИ, ЦАРСКУЮ РОССИЮ И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СОЮЗ. РУСОФОБИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ С. ГЕРБЕРШТЕЙНА, ПОССЕВИНО, А. ДЕ КЮСТИНА

2

и агрессивной одновременно (в общем ряде нюансов не разбирают) русской душе. Воспользоваться случаем в Вильнюсе, как до этого трагедией в Тбилиси, и даже — с безумной неправотой, цинично попирая кровь жертв погромщиков, — событиями в Баку, Фергане, Оше. Тогда все средства массовой информации (несколько патристических изданий с их невеликими тиражами не в счет) действовали заодно. Теперь, по вине Невзорова, произошел сбой.

Кто еще, кроме тележурналиста, стал антигероем газетно-журнальных рубрик? Народные депутаты Алкснис, Петрушенко, Коган.

А смотрите, как славно бы все складывалось, если б депутаты вели себя правильно. Представьте — латыш Алкснис выступает за независимую Латвию. Возглавляет работу по созданию национальной армии. Какую репутацию создала бы ему союзная пресса? Рыцаря без страха и упрека! Нас бы завалили статьями о его начитанности, остроумии, человеческом обаянии — и это не считая мужества, суровой непреклонности и прочих неотъемлемых достоинств северного воина. Как бы поделали Петрушенко, заяви он себя сторонником жовтоблакитного стяга самостийной Украины! О Когане и говорить нечего... если бы не защищал «русскоязычное» население Эстонии, а ограничился подписью под прошлогодним манифестом о «возросшей угрозе антисемитизма».

Можно и должно защищать интересы евреев, латышей, даже украинцев (даром, что славяне, но сегодня есть шанс и их использовать). Запрещается защита наших, русских. Этим — никакой пощады. А заодно их защитникам.

Но если наши — для вас враги, то чьи вы сами, дорогие коллеги? Такой вопрос я задал журналистам во время телепередачи, посвященной Литве (к сожалению, при монтаже этот эпизод выпал). Один из участников посмотрел на меня с каким-то особым выражением. С изумлением (догадался!) и сожалением (что ж, теперь тебе же будет хуже...) тихо — не для микрофона, — но явственно произнес: чу ж и е.

А МЕЖДУ ТЕМ НАС НЕ НАВИДЕЛИ ВСЕГДА — В БОГАТСТВЕ И В БЕДНОСТИ, ЦАРСКУЮ РОССИЮ И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СОЮЗ. РУСОФОБИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ С. ГЕРБЕРШТЕЙНА, ПОССЕВИНО, А. ДЕ КЮСТИНА

Наши — чужие. Извечное противостояние. Нам заморочили голову модными оппозициями: правые — левые (кого сегодня считать справа и слева?), консерваторы — демократы и так далее, до бесконечности. Нам заставили забыть: все решается в том, извечном противоборстве.

Спасибо Невзорову, он нашел одно из двух ключевых слов. Надо внятно произнести и другое. Задуматься о нашем отношении к чужим. И об их отношении к нам.

Наше отношение... Не хватит слов для передачи всех его оттенков. Восторг, доверчивость, виноватость, самоуничижение. Перед чужими и любого рода и оттенка. Перед Любимовым и Беллой Курковой, перед Шеварднадзе и многочисленными Яковлевскими, перед литовцами и грузинами (тут восторг настолько велик, что даже геицид в Южной Осетии не встречает никакого осуждения).

Ну и конечно общество благоговейно взирает за рубеж, на Запад — цитадель гуманности, благосостояния и прочих бесчисленных даров чужой цивилизации¹.

Русские по природе своей доверчивы и доброжелательны. Добавьте к этому неустанные усилия пропаганды, внушающей не только любовь к чужим, но и чувство коллективной вины перед ними.

С трибун и с телеэкранов в русские головы вбивают: агрессоры — наши. Всегда и везде. В Прибалтике. В Польше. Кажется, вот-вот скажут, что и в Германии. Во всяком случае в советской прессе множатся публикации о варварстве наших войск, разрушивших королевский шедевр Кенигсберг.

Вопиющая историческая безграмотность облегчает дело. Газетчики уверены: никто не спросит — разве по нашей вине началась война, закончившаяся на руинах Берлина и Кенигсберга. Тем более никто не вспомнит о перипетиях тысячелетних отношений России с ее соседями.

В общественном сознании маячат фигуры русских десантников у Вильнюсской телебашни, но вымарана, уничтожена память о «десантниках» Ольгерда, бесноватыхся вокруг осажденного Кремля. Им так и не удалось взойти на его высокие стены, в отместку они спалили посад, разорили подмосковные деревни, угнали в Литву бесчисленный «полон»! Пресса во весь голос кричит о злодеянии в Катыни, совершенном не вчера, а столетия назад. Но если журналисты возлюбили историю, почему не вспомнят о «смутном времени», о разоренной Москве, о сердце православия — монастыре Святой Троицы, сжатом в

¹ К сожалению, в статье нет места для детальной дифференциации конгломерата сил, объединенных своей чужеродностью по отношению к нашим. Практически невозможно и рассмотреть внутренние связи, проследить взаимодействие между его уровнями — подобная информация недоступна для непосвященных. Лишь изредка из мрака выступает какая-нибудь многозначительная деталь, яркий обрывок нити, ведущей в глубь клубка, вспомним хотя бы архивную фотографию американских отличников А. Яковлева и О. Калугина на ступеньках Колумбийского университета.

тисках польской осады, о русских вдовах и сиротах!²

То и дело читаешь: чтобы жить в мире с соседями, нам надо повиниться. О, русские, как заметил А. Солженицын, щедро наделены даром раскаяния. Но и другим народам есть в чем каяться перед нами. Нам внушают чувство коллективной вины. А следом — иллюзию коллективной безопасности. Если сами не полезем, кто же нас тронет — чуть не в один голос убеждает пресса. Тот же «Огонек» покатывается со смеху: да кому же мы нужны, нищие. О том, что нищие, спящие на золоте, на богатейшей в мире кладовой природных ресурсов, — самая лакомая приманка, наиболее вероятная жертва любого сильнейшего... умалчивают. Уверяют: Запад всегда только и думал, как нам помочь, да мы, да эти проклятые наши не желали принять помощь.

Застыженное хлесткими обличениями, зачарованное сладкими посулами, общество во многом потеряло способность ориентироваться, утратило чувство самосохранения. На пороге смертельная опасность — не замечают! К тому же центральная пресса заботливо оберегает нас от нежелательной информации. Советский читатель остался в неведении о катастрофическом поражении нашей армии в ходе дипломатического сражения в Париже на совещании глав 34-х государств Европы и Америки в ноябре 1990 года.

Впрочем, сражения не получилось, мидовцы без боя уступили традиционное преимущество СССР в «обычных» вооружениях Западу. Приведу несколько контрольных цифр, взятых из газеты «International Herald Tribune» (20.11.1990). В 1988 году страны НАТО имели в Европе 22 тыс. танков, в том числе США — 5,7 тыс. Им противостояли 46 тыс. советских танков. Сейчас положение таково: 20 тыс. — 5,7 тыс. — 25 тыс. За два года число советских танков уменьшилось почти наполовину. Установленный в Париже лимит предусматривает дальнейшее сокращение советского арсенала — до 13,3 тыс. танков и одновременное увеличение американского до тех же 13,3 тыс., т. е. в два раза! Общее превосходство НАТО над Советским Союзом планируется в соотношении 1,5:1.

Та же картина по другим вооружениям. Советская артиллерия уменьшается с 45 тыс. стволов (уровень 1988 года) до 20 тыс. Американская увеличивается с 5,5 тыс. до 20 тыс. — почти в четыре раза! По вертолетам: СССР — 2,8 тыс. в 1988, — 1,5 тыс. предусматриваются лимитом. США — 700 в 1988, — 1,5 тыс. — согласно лимиту. Боевые самолеты: СССР — сокращение с 11 тыс. до 5,1 тыс., США — рост с 800 до 5,1 тысячи.

Соглашение в Париже — это капиту-

² Кстати, требуя всенародного покаяния русских за тот же катынский расстрел, пресса предпочитает умалчивать о палачах. А ведь белорусский журнал «Политический собеседник» (1991, № 1) назвал их поименно. Приказ о ликвидации отдал начальником управления НКВД Тартаковым, конкретные исполнители: «Лев Рыбак, Хаим Финберг, Абрам Борисович и Павел Бородинский».

А МЕЖДУ ТЕМ НАС НЕНАВИДЕЛИ ВСЕГДА — В БОГАТСТВЕ И В БЕДНОСТИ, ЦАРСКУЮ РОССИЮ И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СОЮЗ. РУСОФОБИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ С. ГЕРБЕРШТЕЙНА, ПОССЕВИНО, А. ДЕ КЮСТИНА

ляция. Обычно подобные события вызывают взрыв народных эмоций. И уж во всяком случае становятся объектом детального обсуждения в средствах массовой информации. У нас — восторг по поводу «дипломатических успехов» в Париже и молчание о роковых последствиях в военной сфере.

Как назвать поведение советских политиков, журналистов и прочих общественных деятелей, я знаю. Но как назвать, а главное, как понять равнодушие общества, миллионов и миллионов наших к этой (и многим подобным) сделке?

Ах, понять-то можно! Инициаторы пропагандистской кампании, развязанной против наших, добились цели. Мы стыдимся своих поступков — в Прибалтике и Восточной Европе. Стыдимся участия в афганской войне и неучастия в иракской (пресса не пожалела сил, чтобы объяснить — позорен отказ русских ребят умирать за американские интересы). Стыдимся своей военной мощи. Даже высочайшая квалификация работников военных предприятий раздражает. И, разумеется, безмерно стыдимся недавно господствовавшей у нас идеологии.

Кода до России доходят несущиеся с окраин грозные крики: русские, убирайтесь домой, мы покаянно разводим руками — что делать, русские ассоциируются с Центром, а Центр, мол, виноват перед республиками. Мы думаем, что нас не любят за нашу недавнюю «агрессивность» и нынешнюю бедность, за «социалистический выбор» и прочие прегрешения. Убеждены — стоит нам покаяться, очиститься, сделаться лучше, и над растроганной Европой грянет бетховенский хор: «Обнимитесь, миллионы, слейтесь в радости единой...».

А между тем нас ненавидели всегда — в богатстве и в бедности, царскую Россию и большевистский Союз. Ненавидели, когда мы грудью заслоняли Европу от азиатских орд и когда шли в Берлин и в Париж за знаниями. Ненавидели и старались покорить. А не удастся покорить, так хотя бы обмануть.

Надо знать свою историю. Изучать ее не по советским учебникам, а по первоисточникам.

Увлекательнейшая тема: Россия глазами Запада. Благо перестроечное пятилетие одарило нас целой библиотекой книг, которые долгое время не издавались: «Записки о Московии» С. Герберштейна, «Сочинения о России» Поссевино, «Записки о России» Д. Горсея, «Россия в 1839 году» А. де Кюстина.

Первое место в этом списке по праву принадлежит книге С. Герберштейна. И по хронологическому принципу — «Записки о Московии» впервые увидели свет еще в середине XVI столетия. И по значению — книга, сразу же переведенная на основные языки Европы, открыла Московию для Запада. Более того, на столетия вперед сформировала определенный стереотип восприятия России европейцами.

Но прежде чем говорить о книге, уясним, зачем австрийский барон оказался в Москве. В немногочисленной отечественной литературе о сочинениях европейцев, по-

бывавших у нас, вопрос о цели вояжеров, как прагма, опускается. Записки всякого рода рассматриваются как зеркало, бесстрастно отразившее все встретившееся на пути. А ведь вопрос о цели едва ли не важнейший. Пусть зеркало, пусть отражение увиденного, но какое зеркало, под каким углом установленное. Не уразумев этого, мы не поймем логики отбора впечатлений и фактов, авторских пристрастий, авторской концепции России.

Путешествие Герберштейна (точнее, его приезд в Москву с дипломатической миссией в 1526 году) как событие в международной жизни Европы само по себе не менее интересно и значимо, чем его широко известные «Записки». Перипетии, связанные с этой миссией, могут показаться даже злым памфлетом, из глубины столетий обличающим манипуляции политиков сегодняшнего дня.

Герберштейн появился в Москве в составе тройного посольства. Он представлял австрийского эрцгерцога Фердинанда, его коллеги — императора священной Римской империи Карла V, происходившего, как и Фердинанд, из рода Габсбургов, и папу Римского. Официальная цель визита — посредничество в переговорах Василия III с польским королем Сигизмундом. Правда, ни Польша, ни Россия о таком посредничестве не просили, да ситуация и не требовала его: долголетнее замирение без подписания договора характерно для отношений Москвы со своим западным соседом.

И вот в конфузливой паузе, сопутствующей появлению послов, расцветают цветы дипломатического красноречия, до ужаса напоминающего риторику сегодняшних международных соглашений. «...Благодаря благоприятному стечению обстоятельств, которое имеет ныне место в христианском мире и которого не было много лет до этого», посольские лисы предлагали «переговоры о союзничестве, согласии и братстве». Василию предлагалось «вместе с прочими христианскими государями присовокупить свои силы к (силам) христианского сообщества». Это знаменательное выражение, слишком похожее на нынешнее «мировое сообщество», повторялось на все лады.

Забавны и иные параллели. «Христианское сообщество», сообщали послы, только что смирило международного смутьяна XVI века, французского короля, вторгшегося было в Италию. «Цесарское величество, движимые (чувством) справедливости и правосудия, послали против него свое войско, в котором была и подмога его брата, светлейшего государя Фердинанда. Когда же тот король не пожелал отступить от задуманного, наше войско бесстрашно напало на него и, разбив крепчайшие стены, за которыми он искал защиты, ворвалось к нему штурмом и победило в открытом бою, взяло в плен самого короля с множеством вельмож, прочих же всех перебило, и немногим из (его) войска (удалось) бежать. Так как господь даровал эту победу Цесарскому величеству ради общего блага христиан, то Его величество не сомневается, что и Ваша светлость поздравит его и весь христианский мир».

А МЕЖДУ ТЕМ НАС НЕНАВИДЕЛИ ВСЕГДА — В БОГАТСТВЕ И В БЕДНОСТИ,
ЦАРСКУЮ РОССИЮ И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СОЮЗ. РУСОФОБИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ
РАЗРЕЗЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ С. ГЕРБЕРШТЕЙНА, ПОССЕВИНО,
А. ДЕ КЮСТИНА

Всеобщее благо, пример человечности, образец миролюбия — витийствовали послы. Тайные инструкции свидетельствовали о другом. Предписывалось не давать «(договаривающимся) сторонам возможности проникнуть в тайны нашей души и наших замыслов, которые следует внести в инструкцию значительно более размыто...» От послов требовали, чтобы они «не обещали ничего определенного».

Такие приготовления побуждают заподозрить в представителях «христианского сообщества» шайку разбойников. И не без основания. Тройное посольство к московскому и польскому дворам призвано было не примирить их, напротив, осложнить отношения, разжечь взаимное недоверие. Раздвывая пожар на Востоке, Габсбурги стремились обеспечить свои интересы в центре Европы. Хитроумный план сводился к тому, чтобы связать Польшу нестабильностью на московской границе и таким образом лишить ее возможности оказывать влияние на положение в Чехии и Венгрии, где польские Ягеллоны и австрийские Габсбурги поддерживали противоборствующие партии. «Христианское сообщество», громогласно призывавшее устами Габсбургов к установлению всеобщего мира, готовило молниеносную агрессию против вполне католической Венгрии. Момент был удачный — страна обескровлена в борьбе с турецким войском Сулеймана Великолепного. Осталось только втянуть Ягеллонов в распри с Москвой.

Любопытно наблюдать за развитием этой интриги! Не доверяя австрийцам, поляки были все-таки польщены вниманием Европы. Сигизмунд в беседах с послами охотно обличал варварство москвитов.

Как удачно были розданы роли участникам этой трагикомедии. Все получилось, как и задумывалось в Вене, — уже в следующем, 1527 году эрцгерцог Фердинанд был провозглашен чешским королем и сразу же за тем венчался венгерской короной.

Но не только этот конкретный успех я имею в виду, говоря об удачно розданных ролях. Сколько раз с тех пор Запад заставлял Польшу играть в ту же игру, ставляя ее с Россией во имя своих интересов. В XVII, XVIII, XIX веках. А почитайте только что изданную книгу одного из виднейших политиков Америки З. Бжезинского «Большой провал». Та же схема — дежурная ссылка на принадлежность Польши к западной цивилизации, стоящей якобы на более высокой ступени развития, чем русская, а потом неприкрытое натравливание на Москву.

Знакомая игра, хотя, казалось бы, историческая бездна отделяет Василия III от нынешних хозяев Кремля! Общество давно полагает, что наши проблемы и беды родились сегодня, ну, максимум семьдесят лет назад. Полноте! Их столетиями подготавливали, бережно пестовали всякого рода мировые сообщества.

Вернемся, однако, к Герберштейну. Теперь, зная о цели его путешествия, можно обратиться к «Запискам». Что увидел в Московии человек, приехавший сюда с задачей обмануть? — «Великое лукавство и ко-

варство». Если этого мало, в книге несложно найти и другие слова, например, «вероломство». Коварен великий князь, его царедворцы, вообще москвиты.

О купцах разговор особый. «Иностранцам любую вещь они продают дороже и за то, что при других обстоятельствах можно купить за дукат, запрашивают пять, восемь, десять, иногда двадцать дукатов», — жалуется барон. Тут же добавляет: «Впрочем, и сами они в свою очередь иногда покупают у иностранцев за десять или пятнадцать флоринов редкую вещь, которая на самом деле вряд ли стоит один или два».

Обратили внимание — в первом случае сказано: продают. Русские продают иностранцам вещи втридорога. Коварно, не так ли? Во втором — стороны как будто сквитались. Нет! Русские покупают втридорога. Не иностранцев тут вина — самих москвитов. В первом случае — коварны, во втором — глупы.

Один и тот же поступок оценивается по-разному в зависимости от того, кто его совершил. Русский дипломат не желает первым слезть с лошади — гордец. Барону удалось обмануть русского: сделал вид, что слезает, он в последний момент задержался, так что русский, повторивший движение Герберштейна, все-таки ступил на землю первым — блестящая уловка, демонстрирующая преимущество европейского ума. И такой двойной счет во всем.

Разумеется, при подобном отношении барону не пришлось долго раздумывать, чтобы изречь приговор России и русскому характеру. Европа, а за ней мы сами, навечно согласились с ним. Повторяют, как само собой разумеющееся, фразу о русском рабстве. А первым произнес ее Герберштейн. «Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе», — навсегда заклеил он нас. Основание? «...По большей части господа перед смертью отпускают иных своих рабов на волю, но эти последние тотчас отдают себя за деньги в рабство другим господам».

Отпускают на волю? Вроде бы благородно! Но благородство, по-твердому убеждению европейца, не пристало русскому. Барон предпочитает заметить конечную фазу: самопродажу. А кстати, много ли подобных случаев наблюдал Герберштейн во время своего пребывания в России? Наверное, не так много знатных людей умерло при нем. Несомненно, что свой глобальный вывод, отказывающий целому народу едва ли не в коренном человеческом качестве — стремлении к свободе, автор «Записок» основывает на считанных примерах.

Я намеренно опускаю социальную сторону проблемы — как бы самостоятельно прокормились бывшие дворовые, не умеющие ничего, кроме как прислуживать господину. В любой стране слуги переходят с места на место, не прельщаясь «свободными» профессиями. Но социальный аспект — предмет другого разговора. В данном случае речь о добросовестности наблюдателя.

Герберштейну для его констатации не требовалось даже двух-трех свидетельств.

НАШИ ЧУЖИЕ

КАЗИНЦЕВ

АЛЕКСАНДР

А МЕЖДУ ТЕМ НАС НЕНАВИДЕЛИ ВСЕГДА — В БОГАТСТВЕ И В БЕДНОСТИ, ЦАРСКУЮ РОССИЮ И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СОЮЗ. РУСОФОБИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ С. ГЕРБЕРШТЕЙНА, ПОССЕВИНО, А. ДЕ КЮСТИНА

6

Хватало одного. Со слов немецкого кузнеца, работавшего в Москве и жестоко обращавшегося с русской женой, Герберштейн заключает, что наш народ любит насилие.

Вообще европейский дипломат склонен принимать на веру любой слух, если он рисует русских с невыгодной стороны. Так, он рассказывает вымышленную историю о присоединении Серпухова к землям Василия III, охотно приписывая великому князю «безбожное злодейство». Не скрывая удовлетворения, Герберштейн пересказывает слухи об унижении князя (спасаясь от татар, тот будто бы «несколько дней прятался в стogu сена»). Автор неоднократно возвращается к этому эпизоду. Зато рассказывая о судьбоносной победе русских на Куликовом поле, ограничивается однострочным протокольным упоминанием.

Охотно принимая на веру «негатив», барон с крайней подозрительностью относится к сведениям, свидетельствующим о мощи и богатстве России. Отказывается верить русским данным о количестве домов в Москве. Пытается уличить окружающих во лжи, Герберштейн, не замечая того, ставит себя в комичное, нелепое положение. Например, он украдкой взвешивает в руке чашу на пиру, стараясь определить, действительно ли князь, как о том говорили, потчует гостей на золотой посуде.

Читателя XVI века, воспитанного еще в духе средневековой воинственности, автор «Записок» пичкает рассказами о трусости, якобы неизменно проявляемой русскими на поле боя. Но ведь им случалось и одерживать победы, да и вообще Россия уже и к тому времени объединила обширнейшие территории. Как эти земли покорились трусам? Тут из-под пера барона выходят страницы, одушевленные такой фантазией, что они по праву могли открыть написанные много позднее русские главы «Удивительных приключений барона Мюнхгаузена».

Оказывается, русское войско никогда не одержало бы ни одной победы, если бы не иностранные наемники. В первую очередь немцы. Вдохновенно рассказывается история некоего пушкаря Иоганна, который при осаде Рязани войском крымского хана семолично «выстрелил из выстроенных в ряд орудий», чем привел татар в такой ужас, что они «разбежались прочь от крепости».

И так каждый раз: когда москвиты «в совершенном отчаянии» готовились — по своему обыкновению — бежать, находился какой-нибудь бравый Иоганн и в одиночку вырывал победу у неприятеля.

Иной раз история ставила перед Герберштейном, казалось бы, неразрешимую задачу. Ведь русские, случалось, побивали и немцев. «Доблестное» и «стойкое» войско Ливонского ордена. Но хитроумный барон недаром был дипломатом. Все дело в том, сообщает он, что в рядах немцев в подобных случаях оказывался изменник. Какой-нибудь злодей передавался русским, так вот именно из-за этого проигрывалось сражение.

Это не просто наивное германофильство. Автор «Записок» убежден и других убеждает — русский человек лишен волевого начала. В любой ситуации он не субъект, а объект чьей-то чужой воли.

Вот мы и подошли к главному. Ясно, что автор «Записок» несправедлив. Это легко обнаруживается при сопоставлении с книгами объективных наблюдателей. Например, с описанием России, составленным православным священником из Сирии Павлом Алеппским. Благородство и простота, сила веры и врожденная любовь к прекрасному — такие качества русского человека открывает и выделяет этот вдумчивый, наблюдательный путешественник. Однако мало констатировать пристрастность Герберштейна, надо уяснить причину такого отношения.

Отказывая русским в собственной воле, сообразительности, смелости, барон глядит на нас глазами потенциального завоевателя. Точнее, он выступает пропагандистом грядущих завоеваний. Обману русские, использовать их для достижения австрийских целей в центральной Европе — это, так сказать, задача-минимум. Но очень уж заманчиво было пойти дальше, захватить этот богатейший рынок, и не только рынок.

Рынок отправились завоевывать сразу — английский купец Ричард Ченслер предпринял свое путешествие, прочитав книгу Герберштейна. Ему удалось утвердиться в России и добиться особых привилегий для английских купцов.

Но не только торговцы зачастили к нам из Европы. Бескрайние просторы России манили западных завоевателей. Поляки, шведы, немцы, французы — сколько этих злых, беспощадных волн нахлынуло к нам за прошедшие столетия. Конечно, большинство завоевателей и не читало книгу австрийского барона. Но они твердо усвоили сформулированную им мысль: русские — нация рабов, и хотели, на свой лад, облагодетельствовать их, сделавшись господами.

Впрочем, не следует недооценивать прямое, вдохновляющее агитационное воздействие книг такого рода. Расскажу еще одну историю.

Спустя три века после Герберштейна в Россию прибыл путешественник, книге которого суждено было стать не только всеевропейским бестселлером, но и своего рода символом отношения Запада к России.

Его появлению предшествовала «легенда» настолько привлекательная, что ее до сих пор регулярно воспроизводят исследователи. Хотя она разлетается вдребезги при сопоставлении с простейшими анкетными данными. «Легенда» такова: потомок французских аристократов, пострадавших в революцию 1789 года, убежденный монархист, отправился в Россию как в землю обетованную. Однако увидевшее там повергло его в ужас и сделало непримиримым врагом восточной деспотии.

Читатели, наверно, поняли, что речь о маркизе Астольфе де Кюстине. Его предки действительно были аристократами. Однако принадлежали к той меньшей части родового дворянства, которая примкнула к революции и деятельно служила ей до тех пор, пока не была в свою очередь уничтожена машиной репрессий. Отец и дед маркиза были казнены, но не как роялисты, а как заподозренные в измене предводители революционной армии. Пользуясь терминологией новейшего бестселлера, ав-

А МЕЖДУ ТЕМ НАС НЕ НАВИДЕЛИ ВСЕГДА — В БОГАТСТВЕ И В БЕДНОСТИ, ЦАРСКУЮ РОССИЮ И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СОЮЗ. РУСОФОБИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ С. ГЕРБЕРШТЕЙНА, ПОССЕВИНО, А. ДЕ КЮСТИНА

7

тора «России в 1839 году» можно с известной долей условности назвать сыном детей Арбата.

Что до врожденного монархизма, то вряд ли такой человек заслужил бы пламенную любовь московских либералов, в частности Грановского. А они дарили маркиза своей любовью еще до российского «перерождения».

Обычно путешественники, отправляясь в дорогу, не измышляют себе хитроумные легенды. Но маркиза трудно назвать простым путешественником, к тому же он ехал в Россию в непростое время. Книга, которую Кюстин привез по возвращении в Европу, называлась «Россия в 1839 году», но не одну, а десятки книг можно было бы написать под общим заглавием: «Россия и Европа в 1839 году». И не только в тридцать девятом — в период с 1815 по 1856 год.

Это было время беспримерного возвышения страны, вершина, достичь которой она уже не смогла ни в XIX, ни в нынешнем столетии. Победа над Наполеоном и послевоенный Венский конгресс закрепили ее главенствующую роль в Европе. Но соркалетие русской славы сопровождалось непрерывной чередой истеричных антирусских кампаний в западной прессе и постоянными закулисными маневрами европейской дипломатии с целью создания коалиции против России. Деятельная поддержка польского восстания 1830-31 года, интенсивное перевооружение Турции и натравливание ее на Россию, послужившее одной из причин русско-турецкой войны 1828—29 годов, — лишь несколько фрагментов этой деятельности.

Вот в какое время отправился в Россию французский маркиз, поклонник побежденного Кутузовым Наполеона. Он еще не ступил на нашу землю, но произнес свой приговор этой земле. Маркиз беспощаден: «Я невольно спрашивал себя, чем так жестоко провинился человек перед господом богом, что 60 миллионов ему подобных обречены на жизнь в России?» Эта тирада произнесена на борту корабля, подплывающего к Петербургу.

Едва завидев Кронштадт — морской форпост России, — Кюстин восклицает: «Еще не коснувшись этого малопривлекательного берега, хочется уже от него удалиться». Этот мотив станет сквозным в записках Кюстина. «Жалкие, чахлые березы», «безотрадные» берега — Россия предстает в книге проклятой землей, краем света, пригодным разве что для обитания антиподов. Все попытки обмануть природу, украсить бесплодную землю городами, построенными в европейском стиле, автор с ходу объявляет неудачными. «...Подражание классической архитектуре... просто шокирует», — заключает он, едва бросив взгляд на Петербург. «Глупое подражание», «все показное», «исключительно неприятное впечатление» — вариации темы бесчисленны.

Но Россия — это не только проклятая земля, это народ рабов. Проведя день в Петербурге, маркиз итожит: «...Весь русский народ от мала до велика опянен своим рабством до потери сознания». Впрочем, для подобного заключения ему не

требовалось и дня — он в прямом смысле слова привез его в своем кармане. Кюстин ссылается на книжку, читанную на пароходе. Догадываетесь, чью? Ну, конечно же, Герберштейна. Подобные «беспристрастные очевидцы» кодят след в след, даже если между ними дистанция в три столетия. Ведь у них одна цель, и они идут к ней кратчайшим путем.

Собственно, Кюстин мог бы и не сходить на берег — основные темы его памфлета намечены еще на корабле. Дальнейшие главы — лишь многословная разработка.

История путешествий, наверное, не знает второго такого случая. Путешественник едет в страну, одна мысль о которой вызывает у него содрогание. Едет, несмотря на то, что не связан никакими обязательствами, не имеет — Кюстин тщательно подчеркивает это — никакой конкретной цели.

Необъяснимо! Следует предположить, что цель все-таки была. И достаточно очевидная — оживить, придать красочную достоверность простенькому сюжету легенды о монархисте, отравившемся припасть к русской земле и разочаровавшемся в своих иллюзиях. После этого можно было и возопить, как Иов на пепелище, привлекая внимание европейских читателей, которых уже не трогала привычная газетная пропаганда, направленная против России.

Не следовало бы раскрывать карты в первых же главах. Но... французы так темпераментны! «Я, как француз» — беспрестанно повторяет Кюстин, исполненный восторга от принадлежности к своей нации; и впрямь счастье, переполняющее автора, столь велико, что он не задумываясь нарушает правила политико-литературной игры.

Между прочим, в чем-то Кюстин пошел дальше Герберштейна. Обогастил его арсенал новейшей теорией. В описание противостояния Европы и России он вносит расовые мотивы, тепер, после Гитлера, столь знакомые человечеству. Уже на корабле, глядя на русских матросов, маркиз замечает: «...казавшихся по своему облику людьми какой-то особой, чуждой нам расы...» Дальнейшие наблюдения привели его к мысли, что это и не люди вовсе: «Население, состоящее из автоматов...».

Книга Кюстина вышла в 1843 году. А спустя ровно десять лет французские и английские войска высадились в Крым. Им предстояло убить как можно больше русских. И они знали — в окопах, по другую сторону фронта, сидят автоматы. Стрельба по такой цели не должна вызывать неприятных эмоций.

Думаю, нелишним будет уточнение: в числе «движущихся целей» на русской стороне фронта был молодой артиллерийский офицер граф Лев Толстой...

К началу войны книга Кюстина была переведена на все основные европейские языки. Ее тираж достиг баснословной в прошлом веке цифры — двести тысяч экземпляров. Последнее прижизненное издание вышло в 1854 году. Потом наступил перерыв. Больше в то время не требовалось. В России уже шла война.

В наши дни вновь зазвучало имя Кюстина. «Чрезвычайно проникательная книга

ЧУЖИЕ
НАШИ
КАЗИНЦЕВ.
АЛЕКСАНДР

...1991-1992

А МЕЖДУ ТЕМ НАС НЕ НАВИДЕЛИ ВСЕГДА — В БОГАТСТВЕ И В БЕДНОСТИ, ЦАРСКУЮ РОССИЮ И БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СОЮЗ. РУСОФОБИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ С. ГЕРБЕРШТЕЙНА, ПОССЕВИНО, А. ДЕ КЮСТИНА

маркиза де Кюстина; «книга маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», написанная им после посещения страны, наводит на мысль о поразительной преемственности между политикой России в XIX в. и политикой сегодняшнего Советского Союза... Оценку де Кюстина царского режима можно с легкостью экстраполировать и на советский опыт».

Откуда это? Из новейшего шедевра «рустикки» — «Большого провала» Збигнева Бжезинского.

Как будто бы книга Бжезинского посвящена кризису современного марксизма. А это уже никак не русское изобретение, что вынужден признать автор на первых же страницах. Но так велико искушение похоронить вместе с «Капиталом» и русский дух, усмотреть в крахе западного учения поражение ненавистной России.

Небольшой идеологический кульбит — и желаемое достигнуто: «Хотя марксизм зародился в Западной Европе, его адаптация восточной деспотической политической культурой России огрубела его изначально гуманистическую ориентацию». А дальше — уже по хорошо знакомым образцам. Но представьте, до чего велика нелюбовь к нашей стране, если убежденный антикоммунист готов признать «гуманистическую ориентацию» подлинного марксизма, чтобы тем вернее обличить его искажения русской деспотией.

На страницах книги разыгрывается любопытная душевная драма. Идеолог вступает в конфликт с националистом, русофоб борется с антикоммунистом. И русофоб побеждает! Первоначальный, в заглавии обозначенный сюжет отодвигается на задний план. О Марксе, чей портрет с советскими пятаками на глазах помещен на обложке, автор под конец и не вспоминает. Вся сила его ненависти сконцентрирована на России.

Раз уж политик-практик, человек с холодной головой и железными нервами, не в силах справиться с русофобией, можно представить, какая страшная сила заключена в этом иррациональном чувстве, как много определяет оно в отношениях между странами и народами.

Разумеется, это лишь часть эмоционального спектра отношения людей Запада к России. Европа обратилась к нашей стране не только неприязненно любопытным лицом барона Герберштейна, — мудрым, исполненным любви и сострадания лицом Максима Грека, приехавшего к нам в том же XVI веке.

Россия стала средоточием нравственных исканий Квирина Кульмана (XVII в.) и Франца Баадера (XIX в.) — наследников мистической традиции Якова Беме, этой наиболее утонченной духовно-германской философии. Выдающийся поэт-мыслитель Райнер-Мария Рильке пылко клаялся: «Если бы я пришел в этот мир как пророк, я бы всю жизнь проповедовал Россию как избранную страну...»

В этом стремлении лучших творческих сил Европы к русскому духовному источ-

нику можно различить два уровня. Эстетический — восхищение художественными ценностями нашей культуры. Крупнейший французский поэт и теоретик искусства Поль Валери рассматривал русскую литературу XIX века как одно из трех чудес мировой культуры — в ряду с искусством Древней Греции и шедеврами европейского Ренессанса.

Но и более всеобъемлющее чувство было знакомо европейским мыслителям и художникам, в первую очередь немецким. «Я внутренне настолько полон Россией и одарен ее красотой, что, находясь за границей, я едва ли буду замечать что-либо», — признавался Рильке. «Трудно высказать, сколько новизны в этой стране и сколько будущности; она открыла мне ни с чем не сравнимый мир, мир неслыханных измерений... благодаря свойствам русских людей я почувствовал себя допущенным в человеческое братство»; «у меня такое ощущение, как будто я увидел работу Творца», — этими восторженными признаниями переполнены статьи и письма Рильке.

И как ответный дар, как щедрый отзыв на восторженную любовь к России дается удивительное прозрение, позволяющее в совершенно новом для европейца свете увидеть русский характер с его вошедшим в поговорки смирением. Более того, через осмысление русского национального характера западному сознанию приоткрываются начала общечеловеческой мудрости. Рильке писал друзьям: «Во всем русском есть великая гордость, но думали ли вы когда-нибудь о том, что гордость и смирение — почти одно и то же... А чувствовали ли вы когда-нибудь, что к этому воззрению можно прийти в России, только в России! Перед маленькой часовой Иверской Богородицы в Москве: коленапреклоненные люди в ней выше тех, которые стоят, а те, что склоняются, выпрямляются до гигантской величины: так это бывает в России».

Какой контраст с памфлетами русофобов! Какой резкой чертой отношение к нашей стране делит западное общество. Конечно же, такая поляризация не случайна. В этом споре в конечном счете решался вопрос о выборе приоритетов развития самого Запада. Удастся ли утвердить в этом прагматическом обществе начало живой жизни, «мир неслыханных измерений», идеал «человеческого братства», или же окончательно восторжествует механистическая вещная цивилизация и ее порождение — мировой самодовольный мещанин.

Творческие, духовные силы Запада глядели на Россию с надеждой и любовью. Но не они определяли политику государства, разрушительная сила оружия и денег неподвластна рукам художника. Она у тех, кто смотрит на нашу землю глазами Герберштейна, Кюстина, Бжезинского. Из века в век повторялось: алчный взгляд европейца — и доверчивый, восторженный блеск в широко распахнутых глазах славянина. И всякий раз такая встреча была началом трагедии.

Диалог экономиста-международника

Райра СИМОНЯНА и публициста Анатолия ДРУЗЕНКО

ПО ПОВОДУ ОПАСЕНИЙ "СОВЕТСКОЙ РОССИИ" И ЭДУАРДА ЛИМОНОВА: "МЫ СИДИМ КОЕ В ЧЕМ ПО УШИ И ВСЕ БОИМСЯ, ЧТОБЫ КТО-ТО У НАС НЕ ОТХЛЕБНУЛ..."

ИЗВЕСТИЯ

№ 147

21 июня 1991 года

2

ТАРИИ

О «РАСПРОДАЖЕ» РОДИНЫ

И ПСИХОЛОГИИ «ОСАЖДЕННОЙ КРЕПОСТИ»

А. Друзенко: Сейчас, накануне лондонской встречи руководителей «большой семерки», у нас живо и, как мне кажется, с преждевременным накалом страстей обсуждаются шансы интеграции нашей на глазах хиреющей экономики в мировой экономический процесс. Пока высказаны лишь общие принципы: взаимосвязи наших реформ и возможного участия наиболее развитых стран в их проведении, тем не менее уже раздаются голоса: «не пушать!». Особо «отточенные» стрелы направляются по адресу программы, разработанной группой советских экспертов совместно с учеными и специалистами Гарвардского университета. Недавно на страницах «Советской России» сообщениями на сей счет поделился из своего французского далека на редкость плодовитый публицист-эмигрант Эдуард Лимонв. Приговор его категоричен: «Программа Явлинского как две капли воды похожа на акт капитуляции. Эта программа открывает путь к неслыханному в современной истории вмешательству богатых стран во главе с США во внутреннюю политику СССР». Чего больше в этом прогнозе — наивности, желания попугать или, скажем так, подмены понятий?

Р. Симонян: По-моему, больше всего здесь десятилетиями насаждавшейся у нас психологии «осажденной крепости», брать которую, вот в чем парадокс, никто не собирается. Любопытный феномен: мы абсолютно неадекватно оцениваем логику и намерения западного бизнеса. Вспомните, когда после многих

лет мучительных сомнений в нашей стране решились наконец на создание совместных предприятий, многие полагали, что к нам буквально ринутся западные предприниматели. И что же? Не ринулись. Во всяком случае крупные компании и фирмы. Через несколько лет мы сняли для СП некоторые ограничения — эффект опять был близок к нулевому. Сейчас говорим о намерении широко привлечь иностранный капитал к развитию отечественной экономики и тут же опасаемся какого-то «нашествия». Да не будет его, пока там не поверят в серьезность наших намерений.

А. Д.: У нас чуть ли не в генах заложено представление о некоей враждебности иностранного капитала. Какой-то синдром «железного занавеса», убеждение, что нас хотят непременно завоевать. Отсюда и расхожее мнение: коль идем на широкое сотрудничество с Западом, значит, Родину продаем — ни больше ни меньше.

Р. С.: Но это же дикость! Непонимание самых элементарных истин, замешанное на квасном патриотизме, который не имеет ничего общего с заботой о благе Отечества. Во всем мире страны конкурируют за привлечение иностранного капитала. Да что страны! В США — губернатор, власти любого штата всеми силами тянут к себе зарубежные

компании, поскольку их капитал — это дополнительные ресурсы, занятость, обучение, инфраструктура, новые технологии, товары. Наконец, это налоговые поступления в местный и центральный бюджет, вложения в вашу землю, фонды, в ваш, если хотите, уровень жизни!

А. Д.: Так ведь, говорят, ничего задаром не делается. Кто вкладывает — тот, само собой, желает получить свое, и как можно больше. Подобная логика и подводит к мысли: просим помощи — продаемся.

Р. С.: Да нет никакой «продажи»! Недвижимость потому и называется недвижимостью, что ее можно создать или разрушить, но нельзя «перенести» в другое место или другую страну. В свое время с помощью британского капитала в Соединенных Штатах были построены, по существу, все железные дороги, заводы, фабрики — и кто от этого выиграл? И те, и другие. Сегодня японцы строят в США автомобильные заводы — разве страдает от этого американский потребитель? Наоборот, он выигрывает, поскольку конкуренция заставляет американских автомобилестроителей поднимать класс своей работы.

А. Д.: В разговорах о «продаже» Родины, заметьте, заранее

Диалог экономиста-международника

Райра СИМОНЯНА и публициста Анатолия ДРУЗЕНКО

ПО ПОВОДУ ОПАСЕНИЙ "СОВЕТСКОЙ РОССИИ" И ЭДУАРДА ЛИМОНОВА: "МЫ СИДИМ КОЕ В ЧЕМ ПО УШИ И ВСЕ БОИМСЯ, ЧТОБЫ КТО-ТО У НАС НЕ ОТХЛЕБНУЛ..."

(2)

исключается сама возможность взаимовыгодного, то есть полезного обоим партнерам, сотрудничества. Как иронизирует в упомянутой статье Э. Лимонов над употребляемым словом «взаимодействие»: мол, что угодно может скрываться за этим — «сильный партнер пожирает слабого или два одинаково сильно бьют друг друга».

Р. С.: Вот-вот, все тот же образ врага. Не допускается и мысли о том, что могут существовать партнерские и взаимоприемлемые отношения. Обязательно должна быть, извините, драка.

А. Д.: Обратная сторона «продажи» — «купля». Об этом тоже много говорят: дескать, мы к ним с протянутой рукой, а они нас раскупают по дешевке — наши богатства, ум, руки, совесть...

Р. С.: Извините, но и тут проявляется полное непонимание

природы и законов функционирования капитала. И это у нас, в стране, где марксизм — официальная идеология! Недавно я вернулся из Германии. Там только начинают сознавать, как трудно будет «переварить» восточноевропейское экономическое пространство. Был я, к примеру, на заводе, который купила компания «Сименс». По меркам бывшего СЭВ, вполне приличное предприятие, выпускавшее электронную аппаратуру. И что же? Выяснилось, надо заменять все оборудование, продукцию, строить новые здания (это дешевле, чем модернизировать старые). Дальше — больше: не годится инфраструктура, транспорт, связь, все надо менять. Добавьте расходы на рекультивацию земли. Короче, западногерманским компаниям проще было бы завалить восточногерманских жителей своими товарами, чем инвестировать в устаревшие предприятия. Но, как говорится, социальная ответственность требует жертв. И это — в бывшей ГДР, а не в СССР. Мы же, простите за выражение, сидим кое в чем по уши и все боимся, чтобы кто-то у нас не «отхлебнул».

А. Д.: Не забудем и о том, что любая западная компания сегодня может выбирать, где, в какой стране вкладывать деньги. Им нужны очень сильно действующие аргументы, чтобы выделить капитал на тот или иной

проект. И мы, за редким исключением, выглядим пока для них отнюдь не «завлекательно». Не случайно на Западе говорят: только сумасшедший способен вкладывать средства в бездонную бочку. Эта пресловутая «бочка», кажется, стала символом нашего родимого хозяйства.

Р. С.: Что ж до опасения, что нас раскупают по дешевке, то и тут сказывается примитивный способ нашего «экономического» мышления: урвать, что плохо лежит, схватить по дешевке, не думая о завтрашнем дне. Но именно то, что плохо лежит, на Западе-то никому и не нужно. И никому там не придет в голову вбивать деньги в предприятия лишь потому, что они мало стоят. Ведь это значит — омертвлять капитал, который можно использовать с большей выгодой.

А. Д.: Вы говорите в основном о существующем у нас производственном потенциале. Но когда заводят речь о том, что нас «раскупают», то имеют в виду прежде всего наши природные ресурсы.

Р. С.: Согласен, это та сфера, куда может двинуться западный капитал. Хотя и в этом смысле мы далеко не уникальны, как кто-то хочет представить. Природных ресурсов, в том числе, скажем, нефти, в мире достаточно. Так что и в данном случае они в состоянии выбирать. И к нам пойдут, если сочтут полезным для себя. Допустим, сочтут, и что? Сразу займутся грабежом? Полноте, большего урона, чем мы сами себе наносим, уверяю вас, никто нам не нанесет. Таких хищнических, расточительных способов эксплуатации природных богатств, как у нас, нет нигде.

А. Д.: И выходит, если следовать «патриотической» логике, пусть все по-прежнему пропадает. Ни нашим, ни вашим?

Р. С.: Именно. А если заглядывать в будущее, так ведь иностранные компании могут вкладывать средства в разработку тех месторождений, на освоение которых у нас все равно в предвидимой перспективе не будет ни средств, ни технологических возможностей. Уверен, наши внуки, на которых иные так любят ссылаться, скажут нам только спасибо, если вместо того, чтоб наслаждаться лаем сидящей на сене собаки, мы поставим на службу народу

(и внукам), пусть с помощью капитала извне, те самые богатства, которые иначе пролежат втуне.

А. Д.: Мне кажется, мы явно торопимся, предрекая некую экономическую «жслансию» Западу, если иметь в виду и организационно-правовые аспекты. Нам еще предстоит выработать «правила совместной игры», причем нормальные правила, отвечающие здравому смыслу и ничем не напоминающие нынешние. Пока для западных предпринимателей наша жизнь вообще и экономическая в частности — это по-прежнему сплошное Зазеркалье. У многих руки опускаются от чехарды законодательных актов, ограничений, волоките.

Р. С.: Знаете шоколадки «Марс»? Как-то после Нового года они продавались у нас за рубль. «Марс» — крупнейшая американская фирма по производству кондитерских изделий. Такой факт: чтобы «завлечь» ее к себе в страну, правительство Австрии предоставило фирме, заметьте, зарубежной, несколько гектаров земли под строительство фабрики за символическую плату — в 1 шиллинг.

А. Д.: И австрийские патриоты не возмутились?

Р. С.: Насколько я знаю, нет. Так вот, в прошлом году руководство «Марса» решило создать современное кондитерское производство у нас в стране. В

чем суть проекта? На свои средства они хотят построить фабрику, создать инфраструктуру, транспортное и складское хозяйство, обучить рабочих, менеджеров. И что же? А ничего! Почти год американцы бьются с реализацией проекта, но прошибить советскую бюрократию не могут. Таких примеров — масса! И говорят они об одном: чем кричать на всех перекрестках о «распродаже державы», нужно прежде задуматься, есть ли у нас условия для развертывания масштабного экономического сотрудничества с развитыми западными странами. Причем на принципиально новой основе, ибо не о кредитах в первую очередь речь, и даже не о «мелком ремонте» нашего хозяйственного механизма. Надо конструировать качественно новую экономиту — тогда с нами станут считаться как с солидными партнерами, а не попрошайками.

white

Диалог экономиста-международника

Райра СИМОНЯНА и публициста Анатолия ДРУЗЕНКО

ПО ПОВОДУ ОПАСЕНИЙ "СОВЕТСКОЙ РОССИИ" И ЭДУАРДА ЛИМОНОВА: "МЫ СИДИМ КОЕ В ЧЕМ ПО УШИ И ВСЕ БОИМСЯ, ЧТОБЫ КТО-ТО У НАС НЕ ОТХЛЕБНУЛ..."

131

А. Д.: Хочу продолжить мысль о правилах игры. Те, кто отстаивает стратегию «не пушать!», почему-то полагают, что возможная революция в нашем экономическом сотрудничестве с Западом будет осуществляться стихийно, неуправляемо и неконтрольно. Но почему? Это же абсурд! Кто будет отрицать, что при этом обязательно должны быть предусмотрены механизмы, защищающие интересы нашего государства, исключаящие ситуации, когда один партнер действует, как ему заблагорассудится, а другой — со всем соглашается, поскольку, как говорится, не до жиру...

Р. С.: Безусловно. Механизмы, о которых вы говорите, как раз и должны воспрепятствовать ущемлению наших национальных интересов, обеспечивая истинно равноправное партнерство. Я не исключаю, к примеру, что западные страны могут попытаться сбывать на нашем рынке «вчерашние» технологии — против этого, конечно же, нужна защита. Как и против размещения у нас экологически «грязных» производств, перекося в сторону развития лишь добывающих, «сырьевых», отраслей, насыщения нашего потребительского рынка залежалым ширпотребом и так далее.

А. Д.: Насколько я знаю, и программа «Согласие на шанс», подготовленная нашим Центром экономических и политических исследований и Гарвардским университетом, особо выделяет принципы, которые должны предопределить необходимое равноправие партнеров. Три задачи ей выдвигаются на первый план. Прежде всего предстоит обеспечить обоюдную выгоду сторон. Только ясные интересы могут служить основой для решительных действий. Далее — предусматривается поэтапное, шаг за шагом, стратегическое взаимодействие сторон. Другими словами, будет составлен совместный план на базе четкой концепции действий, исходя из основных принципов рыночной экономики. И, наконец, третья задача — это достижение согласия на взаимобусловленность дейст-

вий. Ибо, это же ясно, ни Советский Союз, ни страны Запада не потерпят вмешательства в свои внутренние дела. То есть действия каждой из сторон должны быть строго согласованы с действиями партнера, согласованы так, чтобы они обеспечивали объективные предпосылки для успеха.

Р. С.: Надо понять, что интеграция нашего хозяйства в мировое экономическое пространство — дело сложнее, комплексное, глубинное, многоэтапное, оно потребует годы, массу усилий, целую гамму реформ, переоценки отживших ценностей, идеологических установок, утративших жизненную основу. Как раз этого не хотят понять или делают вид, что не понимают, торопливые «критики», пугающие нас жупелом «рабства», которое якобы нас ожидает.

А. Д.: И что примечательно? Они пугают и при этом не выдвигают никаких серьезных альтернативных программ, не отвечают на вопрос: «что делать?». Нельзя же считать таковыми пространные рассуждения о неизбежности социалистических идеалов и явную ностальгию по «порядку», который поддерживался всей былой мощью Административной Системы. Но что, кроме новых лишений, может принести народу ее возвращение?

Р. С.: В этом-то и суть. И опасность. Прикрываясь лозунгом «караул, державу грабят!», нас хотят повернуть назад. В ту самую «осажденную крепость», где мы уже были. Они нашу крепость не взяли, а просто ушли далеко за горизонт. Так далеко, что нам, которые по-прежнему будто в осаде, и не видно.

А. Д.: Будет очень обидно, если мы не «увидим» и не используем последнюю, пожалуй, возможность вырваться из экономического Зазеркалья.

— 111 —

"БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА СОВЕТСКОГО СОЮЗА : АВТОР ПРИЗЫВАЕТ СПАСТИ СТРАНУ ОТ НАДРУГАТЕЛЬСТВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАДРИЛЬ, ИЛИ ДОГОВОР С ЧЕРНЫМ ПУДЕЛЕМ"

Мефистофель: Что вам угодно? Честь представиться ижею!

Фауст: Вот, значит, чем был пудель начинен.

Гёте. «Фауст».

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА»

8 июня 1991 года, 5-я стр.

ПОТОК политических событий с каждым месяцем уплотняется, и по мере этого уплотнения общество все больше и больше теряет способность осознавать, кем именно этот поток «начинен».

Да, общество еще пытается осмыслить перипетии недавнего партийного пленума. Да, оно еще включается в полемику по поводу сокрушительных разоблачений Г. Зюганова. И — обсуждает заявление «десяти». И — стремится разглядеть, что стоит за принятием Закона о КГБ СССР. И — тщится постичь смысл перемирия, которое объявлено Президенту СССР левыми силами, и «исчислить сроки его». И — спорит по поводу Указа «Об особом положении в базовых отраслях». Но идея выбора Шеварднадзе генсеком ООН... Но новый курс СССР — на Ближнем Востоке... Но...

По данным социологов, все большее число людей признается, что у них, как сказал один мой собеседник, «от всего этого крыша поехала»...

То ли еще будет! Впереди глadiatorские бои за кресло Президента России. Не за горами выборы нового союзного руководства. А серия национальных конфликтов на территории СССР отнюдь не исчерпывается войной Армении и Азербайджана.

ИЗ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СВОДКИ

Эксперты прогнозируют обострение конфликтов на территории РСФСР. В качестве потенциальных «горячих точек» называют более 30 регионов, включая Северный Кавказ, Поволжье, Якутию. «Подъем температуры» начнется, по оценкам, либо поздней осенью 1991 года, либо ранней весной 1992 года. Интенсивность этого процесса быстро возрастет и в ряде мест достигнет, с учетом национального «детонатора», масштабов мощных социальных конфликтов, сравнимых с сегодняшними потрясениями в Закавказье. К началу 1992 года заявит о себе так называемый «русский фантор». Об экономике. Цифры свидетельствуют, что под призывы к рыночной экономике мы идем и сворачиванию товарно-денежных отношений, т. е. к тотальным распределительным отношениям эпохи военного коммунизма.

И все же главное — человек. Не человеческий фактор, а рядовой человек нашего общества, которому якобы нечаянно, якобы целясь не в него, а во всякие нехорошие, «консервативные» силы, вдруг взяли и как-то похода, между прочим «сломали хребет».

Начну с того моего собеседника, который признался, что у него «крыша поехала». Его зовут Виктор М. Рабочий присика. Разговор со мной он начал воспоминаниями о том, как создавался Мирный — «белый город на голубой реке». Потом заявил, что перестройка открыла ему глаза на И. В. Сталина, который, оказывается, был замечательный человек... Думаете, почему? Да потому, что убивал коммунистов. Еще раз подчеркну: это откровение посетило моего собеседника после того, как «перестройка открыла ему глаза». Кроме того, он почаял: «Если они («они» — лидеры перестройки. — С. К.) говорят, Сталин истребил цвет КПСС, то нам-то он что оставил? Ясное дело...». Затем Виктор М. рассказал об уровне жизни при Сталине... Затем начал кричать по поводу реформ Павлова... Затем перескочил на тему об иностранцах... Задумчиво сказал, что Сталина уже, по-видимому, «нам не дадут». И тогда, по его словам, «пусть сами приходят и разбираются» — имелись в виду иностранные государства. Под конец, жалобно посмотрев на меня, честно признался, что у него «от всего, что произошло за последние пять лет, просто крыша поехала».

От конкретного факта — к теоретическим размышлениям. Что значит показать советскому человеку по советскому телевидению и в советской печати красный флаг со звездой и гитлеровской свастикой? Это значит предъявить ему две несовместимые глубинно символические, как это именуют специалисты по психоанализу, или сакральные, как говорят религиоведы, знаковые системы одновременно. То есть произвести ошибку на подсознательном уровне. Иначе говоря, прибегнуть к психотрон-

ному насилию. А когда его пускают в ход, используя электронную и неэлектронную прессу, можно уже говорить об использовании психотронного оружия массового поражения. Против кого? Против миллионов таких, как Виктор М. Ему, а совсем не КПСС объявила войну радикально настроенная элита. Ему, а не какому-то «аппарату» она сломала хребет. И главное — сама же теперь сетует на иррациональное поведение ею же «облученного» общества! Оговорюсь, я вовсе не против информационной свободы! Более того, уровень ее до сих пор считаю недостаточным. Но я против того, чтобы под видом этой свободы ломать хребет обществу. Как же опасен тот «материализм», где сакральное, глубоко-психоаналитическое вообще не существует, а есть только социо-экономическое, так называемое «бытие», понимаемое просто как еда да сон. И ничего кроме этого. Что ж, за такое видение человека в конце

XX века придется дорого заплатить.

ИЗ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СВОДКИ

Эксперты считают, что позволить тем тенденциям, которые главенствуют в политическом процессе сегодня, развиваться в том направлении, в котором они движутся в настоящий момент, — значит свергнуть страну на многие десятилетия в состояние необратимой деградации и политического банкротства.

То, что производительный труд еще не отвергнут полностью, эксперты объясняют «привычкой работать», автоматизмом, в котором люди в условиях гаснущей мотивации воспроизводят стереотипы деятельности периода, когда мотивация была более или менее активной. На окончательное затухание производительных мотивов, по мнению экспертов, достаточно 3—6 месяцев, после чего возвращение к нормальной деятельности будет крайне затруднено даже при использовании средств чрезвычайной силы и мощности. 1992—1993 годы угрожают в этом случае стать временем «самопоедания», порой невиданного индивидуитета и полного безразличия к любым процессам, идущим на территории страны, коль скоро есть сиюминутный шанс на личное выживание.

white

"БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА СОВЕТСКОГО СОЮЗА : АВТОР ПРИЗЫВАЕТ СПАСТИ СТРАНУ ОТ НАДРУГАТЕЛЬСТВА

"ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАДРИЛЬ, ИЛИ ДОГОВОР С ЧЕРНЫМ ПУДЕЛЕМ" 13/

помощь будет оказана? Каждый, кто наблюдал, к каким парадоксальным последствиям приводила в наших условиях, например, операция «SOS-Армения», может призадуматься. Есть множество далеко не тривиальных задачек, которые стоило бы тут решить. Отметим сразу, что все не гордость, не великодержавное чванство диктуют нам настороженность в данном случае. Если речь идет о полезных лекарствах, то их необходимо принимать, сколь бы горьки они ни были. Ну, а если предлагается лекарство не от той болезни, которой ты болен? Тогда приходится вникать в суть рецептуры. Можно было бы, конечно, поверить «врачам», но они сами неоднократно публично признавались в своих ошибках. Так что доверяй, но проверяй. На то ты и аналитик. И не торопись с выводами. Прислушайся к мнению умных людей из числа тех, кто выступает за иностранную помощь. Постарайся понять авторов этой концепции. Выслушай Запад. И лишь после этого, собрав и профильтровав информационный поток, делай умозаключения. Не абсолютизируя свой вывод. Но и не веляя, не оглядываясь на власть имущих. Хватит, доглядывались до ручки. Итак, еще один факт из аналитического обзора.

Имеется в виду статья в «Независимой газете» от 18 мая 1991 года. Ее автор — Михаил Леонтьев — человек, надо от-

дать ему должное, страстный и искренний. Название «Миссия Явлинского» (хорошо еще что не мессия). Психологический интерес представляет сделанное здесь признание: программа «500 дней» не афишировала по известным причинам вопрос о масштабной помощи Запада. Выходит, в ней изначально была заложена недоговоренность, ее подтекст не до конца соответствовал тексту. Уже тогда подлинное содержание программы Явлинского резко отличалось от того эрзаца, который был предложен и обществу, и парламентариям СССР. Имелось, если верить демократической прессе, у программы Явлинского уже и в ту пору свое секретное дополнение. Дополнение, о котором мы узнаем через год после неудачи «первой попытки» Явлинского.

О каких же скрытых деталях второй попытки мы узнаем к концу 1992 года? Или же — раньше, в случае, если попытка будет удачной?

На этот вопрос Явлинский, конечно же, не ответит, но зато его с удовольствием разъяснит профессор Гарвардского университета Джеффри Сакс, реальный автор польской реформы Бальцерович. Роль Гарварда в формировании парадигм экономического мышления в СССР и Восточной Европе на протяжении последнего десятилетия требует отдельного рассматривания, как и то, экспертами каких именно корпораций и групп рассматривается вопрос о «плане Маршалла» для СССР. Зная это, можно было бы многое понять в сути этого «плана Маршалла», ибо план плану — рознь. Один из наших специалистов позволил себе отпустить реплику на этот счет: мол, «зная прикуп в преферансе, можно и не работать». К сентябрю карты будут открыты, и удастся проверить, сколь достоверными оказались те или иные гипотезы. А пока просто послушаем, что говорят «умные люди».

В АПРЕЛЕ 1991 года Г. Явлинский начинает новый виток «эскалации темы» об иностранных инвестициях и их роли в экономике СССР. Сначала — на конференциях. В мае уже дается пунктирное пока еще изложение его идеи в газете «Московские новости» (см. интервью Г. Явлинского от 13 мая 1991 года в этой газете). А за день (!) до этого все тот же Д. Сакс дает интервью газете «Вашингтон пост», где заявляет, что «радикальная рыночная реформа в СССР, включая конверсию военно-промышленного комплекса, потребует 30 миллиардов долларов западной помощи в год в течение пяти лет.

Половина суммы может быть получена от международных финансовых институтов, таких, как МВФ и всемирный банк; 15 миллиардов — непосредственно от правительств, из которых на долю США придется около 3 миллиардов в год». Интересный расклад! При нем 75 миллиардов вложено будет в экономику нашей страны негосударственными организациями, представляющими именно бизнес, — и ничего больше. Но то особый бизнес, любящий использовать политику как средство обогащения. Бизнес — политика, бизнес

— штрих. Вот формула действенный для структур типа МВФ, понимающих, какую сверхприбыль можно получить из политических неурядиц, например в странах Латинской Америки. А то, что СССР движется в направлении «латиноамериканизации», признает, к примеру, наш компетентный и прогрессивный политический комментатор Максим Соколов. Он пишет в статье «Советники Горбачева: старый друг лучше новых двух», опубликованной в газете «Коммерсант» за несколько дней до выступлений (!) Явлинского и Сакса по поводу иностранной помощи СССР: «В нынешней катастрофической ситуации первоначальным судьей (экономических программ, определяющих направление развития СССР. — С. К.) возможно, будет уже Запад. Отечественным политикам предстоит только решать,

принять или не принять спасательный круг. Иначе говоря, страна созрела (прямо так вот, сама взяла и созрела! — С. К.) до состояния стран Латинской Америки (интересно было бы уточнить, каких именно! — С. К.), многим из которых приходится соглашаться на болезненные процедуры, предписываемые МВФ». Хотелось бы еще, чтобы М. Соколов разъяснил публике, в чем болезненность процедур, предлагаемых МВФ странам Латинской Америки. Вряд ли тут речь может идти о демонтаже партийного аппарата, к примеру, ведь там его нет. Тогда — о чем именно? Входит ли в эту «болезненность» растущая детская смертность, преступность, захлестнувшая этот континент, обнищание большинства населения.

Но вернемся к «миссии Явлинского». Как утверждает М. Леонтьев, «даже полковнику Алкснису ясно уже невозможность реформирования страны без западной помощи». Алкснису, может быть, и ясно. А мне — нет. Поскольку расчеты показывают, что только жесткое, с применением административных и налоговых санкций, изъятие так называемых неликвидов способно за пять лет дать до 250 миллиардов долларов, то есть по 50 миллиардов долларов в год. Понадобятся крутые меры, но разве западный кредитор допустит цацканье там, где речь будет идти об исполнении его интере-

"БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА СОВЕТСКОГО СОЮЗА : АВТОР ПРИЗЫВАЕТ СПАСТИ СТРАНУ ОТ НАДРУГАТЕЛЬСТВА

"ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАДРИЛЬ, ИЛИ ДОГОВОР С ЧЕРНЫМ ПУДЕЛЕМ" / 2/

Уже сегодня получают поддержку, а к середине года эта тенденция начнет резко возрастать, разного рода химерические идеи, связанные с «волшебной палочкой - выручалочкой». Трезвые предложения и конструктивные идеи все меньше

будут находить отклик в обществе, поскольку психотронизированная масса начинает во все возрастающей степени склоняться в сторону иррациональных форм мышления и действия. По мнению ряда серьезных экспертов, к концу года высокие шансы на успех получит лидер, который провозгласит нечто, близкое следующему тезису: «Давайте все продадим сразу, как следует поедим два-три года, а там что будет — то будет».

В таких условиях приход к власти на выборах сам по себе ничего не решает.

Судя по всему, победитель (а это, исходя из сказанного выше, будет только харизматический лидер) не сумеет создать парламент устойчивого большинства. Чтобы не оказаться сброшенным в течение полугода, он должен будет осуществить переворот, разогнав парламент и присвоив себе диктаторские полномочия. Но прежде ему понадобится запрет на деятельность тех политических организаций, которые, как будет внушаться обществу, символизируют собою «правый заговор» и «покушение на конституционную власть». Основным объектом атаки станет, естественно, Компартия РСФСР. Но для ее разгона официальному лидеру России потребуются захват силовых союзных структур — МВД, армии, КГБ. Это будет осуществляться за счет соединения многих поэтапных мер и мероприятий:

— Жесткая политика РСФСР в вопросе о приоритете бюджета РСФСР на фоне пассивности центра в этом принципиально важном вопросе.

— Ликвидация центра как собственника и источника финансирования «силовых структур», перевод их под эгиду Ельцина под знаменем концорсия.

— Немедленный отказ от концорсия, как только этот переход будет осуществлен.

— Жесткая чистка негодных под видом департизации.

— Запрет на деятельность КП РСФСР и других оппозиционных структур после проведения чистки в армии, КГБ, МВД.

— Получение за счет такого «запрета» послушного парламентского большинства.

— Анулирование с помощью этого большинства самого парламента, с передачей (на неопределенное время!) чрезвычайных прав Ельцину с совещением в его лице президента, премьер-министра и верховного главнокомандующего.

— Диктатура.

Помимо подобного основного сценария, следует рассмотреть и дополнительный. Он заключается в том, что при отказе союзных силовых структур проводить указанную стратегию на самоуничтожение вводится так называемый «мягкий вариант».

Его суть — в последовательном захвате всех финансовых, организационных и информационных ресурсов в течение трех-четырех месяцев; войне законов, окончательное лишающей устойчивости и без того разваленную экономику СССР; жесткой пропагандистской кампанией в конце 1991 года и приходе «третьей волны» кандидатов от блока так называемых «демократов» к власти в союзных структурах. «Третья» волна, естественно, будет еще жестче, нежели «вторая», а по отношению к первой станет вести себя просто враждебно. После этого — в ускоренном порядке начнет проводиться в жизнь фи-

нальная часть первого сценария.

И, наконец, существует третий сценарий, предполагающий спровоцированную попытку переворота в самый безнадежный в этом плане момент (сентябрь — ноябрь 1991 года), всеобщую политическую забастовку в ответ, либо вяло текущую гражданскую войну на фоне заручившего бойкота. И — к началу 1993 года — вмешательство извне.

В любом из перечисленных вариантов 1993 год становится годом полной подконтрольности территории СССР тем силам, которые стоят за спиной народных фронтов и марionеточных диктатур. Геополитические сценарии дальнейшего разворота событий экспертами также рассмотрены.

ТЕ, КТО видит в подобном описании «торговлю страхом», пусть подробнее ознакомится с тем, что происходит сегодня в Грузии или нарастает в «горячих» точках Поволжья.

Усмотревшим здесь некий излишний детерминизм, мы ответим: никакого детерминизма, здесь нет. Выходов — много. И они вовсе не сводятся к «дороге назад». Но основное при любом оптимистическом варианте — верить в народ, в его внутренние ресурсы, способность воскреснуть. Верить в свою страну. И главное — не низводить человека до фактора. Не пытаться еще раз прописать ему потребительский наркотик ради того, чтобы избежать взрыва. А сегодня, судя по всему, пытаются осуществить такую, якобы, «лечебную» операцию. В очередной раз уповая

только на это. И в очередной раз — попадая в капкан. В самом деле, попытаемся уйти от кажущейся событийной уплотненности всего, что произошло за последний месяц, вниманием в смысл.

Голословные утверждения теперь уже никого не способны в чем-либо убедить. Слишком много грязной ругани вылило

друг на друга сторонниками различных партий. Никто ничему не верит. И слава богу. Тем самым возникает возможность вести системный анализ не для «лиц», «движений» и партий, а для нашего, начинающего осознавать, что у него «крыша поехала», советского общества. Пропуская мутный поток событий, напирających одно на другое, сквозь систему политических фильтров, что мы выделим?

ПЕРВОЕ. Конечно же, поездка наших лидеров за рубеж. Они крайне важны для понимания сути происходящего. Их результаты, тон заявлений политических деятелей и экспертов, оценивающих итоги, география визитов, их типология, периодичность, порядок следования — все это может и должно быть объектом исследования.

ВТОРОЕ. Обилие разного рода программ, принятых за последнее время. Здесь опять необходимо анализировать и содержание, и, как говорится, подтекст, второй план — то, что остается за кадром. Ведь не могут же их авторы не осознавать: предлагаемые ими меры не способны блокировать кризис нынешнего масштаба и глубины. Ведь не могут же они не понимать: главная особенность кризиса состоит в том, что он вызывается патологией всех процессов — от политических до правовых, от духовно-нравственных до микроэкономических, от геополитических до семейно-бытовых. Лечить надо не экономику, а человека, общество. Душу надо лечить. Ведь не в XIX веке живем! Знаем, что она существует. И что же?

Какое лекарство предлагают для того, чтобы устранить тотальный распад всех системообразующих связей, очевидно порожденный духовным вирусом. На поверку выяснилось, что оно единственное — иностранная помощь. О ней сегодня говорится как об очевидной вещи. Так ли нужна она стране? Ретроградный, как говаривал Достоевский, вопрос. Что ж, зададим его в другой форме: всякая ли иностранная помощь будет полезна для СССР? Не сыграет ли она в нашей стране столь странную роль, что западный мир не сумеет помочь не только нашей стране, но и себе самому после того, как подобная

"БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА СОВЕТСКОГО СОЮЗА : АВТОР ПРИЗЫВАЕТ СПАСТИ СТРАНУ ОТ НАДРУГАТЕЛЬСТВА

"ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАДРИЛЬ, ИЛИ ДОГОВОР С ЧЕРНЫМ ПУДЕЛЕМ"

сов? Спросите латиноамериканцев. Они вам расскажут. Так почему жесткость в реализации их целей приемлема, а для реализации целей нашего государства применена быть не может. Далее: прекращение того бесстыдного демпинга (продажа по бросовым ценам), который создали наши фирмы-экспортеры, воспользовавшись хаосом и вседозволенностью, позволяет сэкономить еще несколько миллиардов ежегодно. Применение советских (!) технологий только в нефтедобыче способно уже в следующем году (конечно, при поддержке государством, причем в достаточно жестком режиме) дать новые миллиарды. Ликвидация ряда страных асимметрий в ценовой политике по некоторым экспортным товарам плюс применение советских же технологий обработки сырья и отходов хотя бы (!) до стадии полуфабрикатов — это еще десятки миллиардов долларов ежегодно.

Но, главное, мне известны аксиомы западной экономики и политики, согласно которым настоящему поддерживают только сильного и потому нужного тебе партнера. А тезис о том, что мы становимся, мол, опасны-

ми не только для себя, но и для мира, и поэтому следует всячески нам помогать, превратив печальным курьезом. Помогут, да! Но помогут загнать долю опасности для мира внутрь себя, помогут разрядить катастрофу в пределах страны.

Может быть, наше общество уже созрело не только для латиноамериканизации, но и для принятия такой помощи?

Но продолжим. Если экономическое посредничество осуществляется от лица Президента СССР экономист Г. Явлинский, то политическое посредничество взял на себя бывший министр иностранных дел Э. Шеварднадзе. Ничего плохого лично я в этом не вижу. В отличие от публицистов газеты «Красная звезда», я считаю, что это человек, безусловно имеющий всяческое, в том числе моральное, право действовать на международной арене. Другое дело — в чем суть этого действия применительно к проблеме кредитов. Анализируя его майский визит (кстати, предшествовавший «миссии» Г. Явлинского!), можно выделить ряд очень серьезных вопросов. На-

пример то, что политической базой новой (альтернативной, недавно принятой союзным парламентом программой Кабинета министров СССР) программы должно быть заявление «9+1». Стоп! Но вот это же новый виток разгосударствления... самих государственных институтов страны!

Очередная экономическая программа базой своей будет иметь «Советскую Президенторию», а не вышвыриваемый за ненадобностью «Советский Конвент». Корректно это упомянуто в статье «Эдуард Шеварднадзе: посредник иностранных дел», опубликованной в «Коммерсанте» (№ 20, за май 1991 г.). Ну, а темпераментный М. Леонтьев, горячась, «лепит» все то же открытым текстом, заявляя, что, если миссия Явлинского достигнет успеха, Горбачеву придется принимать подобные акты президентскими указами, минуя не только Кабинет министров, но и ВС СССР. Прощай, наш родимый парламент, и без тебя обойдемся!

Но если бы речь шла только о парламенте, бог бы с ним! По словам самого Явлинского, речь идет о программе, имеющей свое философское, геополитическое геостратегическое и, я бы сказал, геоэкономическое обоснование (интервью Явлинского в «Коммерсанте», № 20, 13—24 мая 1991 года). А при этом весьма сходные по сути заявления делаются доверенным лицом Б. Н. Ельцина Бурбулисом и новым, назначенным Дж. Бушем директором ЦРУ. Только американец Роберт Гейтс провозглашает верность противостоянию между Россией (именно Россией, а не СССР) и США, как философской, геостратегической, геополитической доктрине, не имеющей отношения к коммунизму, говорит о трех тысячах лет (!) такого противостояния, проводит аналогии, говорящие о неувядающем значении геополитической доктрины Бжезинского. И это нормально, поскольку во главе угла у Гейтса и должны находиться именно интересы Соединенных Штатов Америки. Но когда российский парламентарий тоже рассуждает о тысячелетних (!) корнях рабства, о необходимости именно коренных изменений (заметим, что вопрос о 73 годах снят с

повестки дня за ненадобностью), меняющих исходные парадигмы России, то как-то не по себе становится, честное слово. А тут и Явлинский с новой геостратегией и философией, ориентированной на контакт с США, — по модели латиноамериканизации. Бурбулис и Явлинский, в отличие от Бурлацкого и Шаталина, — это, как мы знаем, «вторая волна». Если проводить аналогию с известным романом Тургенева, они будто бы «дети» «шестидесятников». Контраст близок тургеневскому. И возникает вопрос: что же, Р. Гейтс безответственно произнес свою тронную речь, или «дети» собрались объединять усилия не только с Д. Саксом и не только ради торжества рыночной экономики? Призыв «Пусть нами займется «большая семерка» звучит в этом смысле довольно зловеще. Чем займется! Тысячелетней парадигмой или же узко взятой проблемой кредитов? Или же эти кредиты будут даны в обмен на тысячелетнюю парадигму? Но, простите, такой вопрос президентским указом не решить. А тех, кто за 100 миллиардов долларов решил тысячелетнюю парадигму купить, хотелось бы предупредить, чтобы не доверяли продающему, ибо торгует он не тем, что ему принадлежит.

Ну, а пока мы о тысячелетней парадигме рассуждаем, вместо того чтобы весенний сев обеспечить, там прямо берут быка за рога.

Газета «Файнэншл таймс» публикует заявление профессора Эндерса Аслунда, одного из самых уважаемых специалистов по советской экономике, который заявляет, что «отставка президента Михаила Горбачева и его замена демократическим режимом, пользующимся поддержкой народа, должны стать предварительным (!) условием любой (!) крупномасштабной финансовой и прочей помощи Запада Советскому Союзу». Как говорится, аппетит приходит во время еды.

ОКОНЧАНИЕ НА 6-й СТР.

"БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА СОВЕТСКОГО СОЮЗА : АВТОР ПРИЗЫВАЕТ СПАСТИ СТРАНУ ОТ НАДРУГАТЕЛЬСТВА

"ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАДРИЛЬ, ИЛИ ДОГОВОР С ЧЕРНЫМ ПУДЕЛЕМ" 151

А вот весьма примечательная цитата из доклада, сделанного 16 мая 1991 года на заседании Комитета конгресса США Джорджем Колтом, директором отдела анализа Советского Союза Управления разведки ЦРУ: «Масштабы сегодняшнего кризиса — это результат не только ошибок на протяжении десятилетий, но и, что важнее (может, хоть ЦРУ-то поверим? — С. К.), неверной политики, начиная с 1985 года... мы в ЦРУ думаем об аналитических выкладках, которые потребуются от нас завтра, и у нас есть специальная группа, работающая над новыми экономическими проблемами Советского Союза (в рамках доктрины Бжезинского — Гейтса? — С. К.)... Разумеется, эта рабочая группа анализирует уроки прошлого, но в основном ее деятельность направлена на анализ экономики, где власть в плане принятия решения уже становится и будет становиться гораздо более рассредоточенной, чем раньше (вот бы ее распилить до молекул! — С. К.). Как и в прошлом, мы используем опыт и знания всех правительственных и неправительственных специалистов, которые могут нам помочь».

Такая цитата, я думаю, должна быть включена в информационный банк, необходимый для окончательных выводов о сути миссии Явлинского и ее геополитическом контексте. Как и заявление «Нью-Йорк таймс» от 18 мая 1991 года: «Президент Буш недавно продемонстрировал вновь появившуюся заинтересованность в том, чтобы оказать поддержку Горбачеву, став инициатором целого ряда новых контактов, в том числе беседы по телефону между двумя лидерами 11 мая (ну и плотность событий! Дух захватывает! — С. К.). В дополнение к этому многие западные эксперты стали утверждать, что Запад не может оставаться в стороне... Один из этих экспертов — Брэм Эллисон, бывший декан Школы управления им. Дж. Кеннеди при Гарвардском университете (снова Гарвард! — С. К.) помог Явлинскому сформулировать эти предложения».

ТЕПЕРЬ о сути экономических интересов Запада. 24 мая 1991 года «Вашингтон пост» заявляет: «Если Советский Союз сумеет собраться с силами, он может рассчитывать

на готовый источник иностранного капитала для своего энергетического сектора. Западные компании проявляют значительный интерес к эксплуатации и разработке месторождений нефти», — сказал один западный дипломат, аккредитованный в Москве». Добавим, и к золоту, и к алмазам, и к никелю, и к территориям для захоронения радиоактивных отходов, и ко всему прочему их интерес очевиден. А наш? В «Крисчен сайенс монитор» от 23 мая 1991 года Джеффри Сакс выходит за рамки экономики и заявляет, что намеченные на 12 июня выборы Президента России, очевидным победителем в которых считается Ельцин, являются «решающим моментом в поддержку реформ». Правительство премьер-министра Павлова должно уйти со сцены, считает зарубежный эксперт. Назначения высших должностных лиц и их уходы некорректно обсуждать в печати иностранным гражданам, не правда ли? Но ведь у нас «латиноамериканизация»! И Джеффри Сакс продолжает: «необходим «новый коалиционный кабинет (все вроде бы хорошо)», в который — внимание! — войдут демократы и поддерживающие проведение реформ коммунисты». А не поддерживающих Сакс, очевидно, не пустит! А если они, скажем, представят весьма и весьма общественно значимую силу эдак через полгода после начала «плана Маршалла для СССР»?

Все равно не войдут! А что это будет значить? Да то, что общество объявляется недееспособным. Не Павлов, не Горбачев, не коммунисты, а общество. А для этого, разумеется же, понадобятся все философствования о тысячелетней парадигме... Да и что-нибудь повесомей в придачу. Типа национальной гвардии для профессиональной армии. Но и это бы не беда. А вдруг потребуются реформа с преобразованием одного российского государства в несколько «русскоязычных». Вот тогда модель британского содружества наций во главе с Б. Н. Ельциным (а не Горбачевым!) в виде той самой пресловутой «королевы английской» будет действительно обоснована. Один язык, но несколько государств — что такого? А то СССР хотят представить в виде «сдружества». О, лукавство!

Ну, и в заключение экспертная оценка «Трибюн де л'экс-пансьон» в статье «Распродажа советского сырья по дешевке дестабилизирует рынок». Что же пишут представители европейского бизнеса по этому поводу?

Вначале анализирует швейцарский бизнесмен: «Положение на рынках сырья хуже некуда. Советский Союз распродает все по дешевке, цены ползут вниз. Рынок сырья не может управлять «фактором СССР». За последние 10 лет Советский Союз закрепился на стратегических позициях по двум десяткам сырьевых товаров, таких, например, как цветные металлы,

железная руда или нефть. Стоило Москве пошевелиться, как рынок того или иного товара переходил от дефицита к избытку».

Потом оценивает британский коммерсант: «Зная об этом, Советский Союз до начала года вел тонкую игру, маневрируя своей торговой политикой в зависимости от уровня цен на мировом рынке. С начала же года он отказался, видимо, от логики цен. Операции, осуществляемые внешнеторговыми объединениями или предприятиями, определяются одной сверхзадачей — выкупить любой ценой валюту».

В настоящее время рынок меди, и так уже находящийся на спаде из-за уменьшения спроса на Западе, живет в страхе перед возможным предложением этого товара Советским Союзом, который продает новый металл по демпинговым ценам. Это ставит под серьезную угрозу политику промышленной переработки отходов, начатую в Европе. Дело дошло до того, что теперь выгоднее закупать советские катоды типа «МОКИ» посредственного качества, чем новую красную медь или лом.

Что касается цинка, то по цене лома предлагаются новые изделия, только что вышедшие из плавильных печей. Европейские или южнокорейские коммерсанты, которым приходится нести расходы по сбору, складированию и сортировке металлолома, не могут сохранить свой доход в связи с появлением на рынке продукции из СССР, где себестоимостью является «мифическим понятием».

"БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА СОВЕТСКОГО СОЮЗА : АВТОР ПРИЗЫВАЕТ СПАСТИ СТРАНУ ОТ НАДРУГАТЕЛЬСТВА

"ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАДРИЛЬ, ИЛИ ДОГОВОР С ЧЕРНЫМ ПУДЕЛЕМ"

В итоге, как считает газета, западные эксперты по сырьевым товарам не видят никакой передышки в этой «большой распродаже». По мнению некоторых из них, «крах советского промышленного производства приводит к высвобождению растущего количества полуфабрикатов, которые могут быть проданы по демпинговым ценам на западных рынках. Этот дамоклов меч создает совершенно парадоксальные ситуации. По таким цветным металлам, как никель, титан, кобальт или платина, мировое предложение едва покрывает спрос. По логике вещей цены на них должны бы удерживаться на постоянном уровне, однако из-за «советского риска» они падают в связи с советской практикой делать скидки от 5 до 15 проц. в нынешних условиях рынка. Поэтому одна только возможность появления на рынке советской железной руды, хотя она довольно низкого качества, порождает страхи перед чрезмерным предложением».

Страх среднего и мелкого европейского бизнеса перед демпингом, естественно, вовсе не означает, что кто-то не в состоянии делать здесь крупный бизнес. Для нас же важно лишь то, в каких стартовых условиях начинается «кредитная эпопея».

Ну а теперь есть уже и «протраство для аналитики». Как мы видим, даже материальными, телесными благами нас тоже не собираются перекармливать после изъятия души. Стране уготована роль ошпианной курицы, поданной на стол большой семерке, а вовсе не место с ними на братской трапезе и даже не подачи шикарного их пиршества. Сегодня это понимают не многие, но завтра это станет очевидным для большинства.

НО ВЕРНЕМСЯ от метафор к анализу. Вспомним наше недавнее прошлое. Стоя на развилке между решительной, но жесткой реформаторской линией (а не консерватизмом!) и либеральной трансформацией нашей действительно окостеневшей системы, выбор сделан был в сторону либерализма. На его счет можно отнести все ошибки минувших шести без малого лет, в том числе, кстати, и то, что у нас и поныне нет рынка. На чем же строилась либеральная доктрина в области экономики? Разумеется, на кредитах. А как мы

могли бы их получить? Естественно, только так — предложив взамен политику уступок в Восточной Европе и сокращение стратегических вооружений. В очередной раз оговорюсь: в отличие от многих более категоричных экспертов я готов согласиться, что ради кредитов, как одного из ресурсов модернизации СССР, можно и должно было идти на уступки. Но ведь кредитов-то не получили! А либерализация превратилась в психотропную войну со своим же обществом, войну, при которой кредиты должны быть удесятерены, только крайне проблематично, что они смогут быть эффективно использованы. Казалось бы, следовало изменить сам подход, саму политику, признав неэффективность либеральной доктрины в условиях, когда необходимо вырваться из трясины застоя. Но этого не произошло. Вместо лишь постарались задобрить, поманить западного партнера как новыми привлекательными для него предложениями (отсюда изобилие программ), так и новыми уступками, теперь уже на других континентах. Политику в Восточной Европе заменила аналогичная политика на Ближнем Востоке и в Африке. Возможно, похуже надо ожидать вскоре и в других регионах. Ради чего? Ради тех же кредитов.

А теперь рассмотрим, с точки зрения построения рынка либеральным методом, последовательность шагов, необходимых при наличии подобных кредитов.

Вначале необходима стабилизация. За счет чего? За счет ресурсов либо внутренних, либо внешних. Внутренние ресурсы невозможно мобилизовать при либеральной доктрине — это понятно всем. Тогда предлагается опереться на внешние источники. Но ведь они могут быть подключены на определенных условиях, в том числе политических. Выполнение их, в свою очередь, ведет к нестабильности, а нестабильность требует еще больших внешних ресурсов для возвращения хотя бы к стабильности предшествующего периода. А эти еще большие ресурсы есть шанс получить лишь под новые политические уступки, а эти новые политические уступки приведут к еще большей нестабильности, а она потребует...

Ну разве неясно, что это раскрутка с положительной обратной связью, как говорят математики, а если попросту — порочный и бесплодный замкнутый круг. Но и это еще не все. На уступки придется пойти не только в области политики, но и в области экономики. И ключевое здесь — приватизация. Ее по всем законам построения рыночной экономики придется осуществлять лишь после того, как пройдет стабилизация и будет налажена минимальная рыночная инфраструктура. Разве этого не понимает Абалкин? Или Джеффри Сакс? Или Станислав Шаталин? Или Василий Леонтьев? Да все понимают и знают, что значит приватизация без рыночной инфраструктуры и в условиях системной нестабильности, растущей от месяца к месяцу. Почему же на это идут? Да потому, что без приватизации не будет иностранных кредитов. А без них не будет стабилизации. А без нее — новый порочный круг.

Таким образом, говоря об изобилии программ и изобилии заграничных поездок политических лидеров, мы вправе установить некую взаимосвязь или значимую корреляцию между двумя этими блоками нашего политического пространства. А значит, относиться к программам соответствующим образом, читая их глазами западного клиента, которому как раз и адресованы наши программные прелести, что, кстати, никто уже и не стыдится признать.

Прогресс — налицо. И тем не менее однозначной ответной реакции Запада не вызывает даже эта уступчивость. По крайней мере там, где речь идет об уступчивости «отцов».

МЫ ОБРАТИЛИСЬ к ряду западных экспертов, попросив их оценить возможные перспективы получения СССР такого рода кредитов Запада, которые действительно способны помочь оздоровлению экономики СССР.

Заручившись предварительно нашим согласием не предъявлять их имена советскому обществу, они согласились назвать основные аргументы, не позволяющие с их точки зрения, рассчитывать на получение западных кредитов в том виде, в каком они могли бы быть эффективны

"БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА СОВЕТСКОГО СОЮЗА : АВТОР ПРИЗЫВАЕТ СПАСТИ СТРАНУ ОТ НАДРУГАТЕЛЬСТВА

"ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАДРИЛЬ, ИЛИ ДОГОВОР С ЧЕРНЫМ ПУДЕЛЕМ" 17/

для экономики СССР. Мы выделяем эти оценки в некий сводный блок проводимого нами анализа и в этом виде предъявляем их обществу.

Итак, мнение экспертов. Они считают, что в существующей политической ситуации «кредиты СССР может предоставить только безумец». Аргументы таковы.

Во-первых, нет и не может быть уверенности, что при существующей ситуации СССР эти кредиты вернет. Как нет уверенности и в том, что СССР сохранится как субъект, несущий ответственность за них. Эксперты, сопоставляя нынешнюю ситуацию с ситуацией 1917 года, считают: аналогия по многим показателям является достаточно серьезной.

Во-вторых, для нормального кредитования, для серьезных, требующих возвратного периода инвестиций у Запада денег сегодня нет. В этом вопросе эксперты предлагают довериться мнениям Д. Гэлбрейта или же А. Янова. Ни тот, ни другой к сторонникам КПСС и высшим кругам государственной бюрократии СССР отнесены быть не могут. Однако они утверждают, что Запад необходимых ресурсов для так называемого «плана Маршалла» не имеет в связи с экономической и финансовой нестабильностью самого Запа-

да. А. Янов, помнится, напористо аргументировал этим необходимость для СССР срочной продажи островов Курильской гряды Японии, ибо лишь она, по его мнению, располагает необходимыми средствами для осуществления «плана Маршалла» в условиях СССР. Но именно Япония сегодня особенно скептически относится к идее кредитования СССР.

В-третьих, программы, которые могли бы привлечь того или иного западного инвестора, связаны, по мнению экспертов, со сдвигом в расстановке сил в лидирующей группе. Любое государство, ведущее конкуренцию, готово было бы предоставить необходимый кредит, если это позволило бы ему изменить расстановку сил, вырваться вперед, решить свои национально-государственные проблемы. Но существующие у нас программы таких надежд не дают. СССР выступает в позиции слабого партнера, предъявляя при том такую бесконечную слабость,

такую готовность на все, что это начинает производить парадоксальный, обратный эффект. Отсутствие целей у лидеров страны отпугивает, поскольку означает для государства - инвестора необходимость подключения своей экономики к сверхдержаве, страдающей параличом. Перспектива волевать ее на буксире в течение многих и многих лет в условиях стремительной технологи-

ческой «гонки» стран - лидеров мало кого привлекает.

В-четвертых, «политического товара» — я имею в виду наш внутривнутриполитический кризис — тоже не предьявлено. Почему? Да потому, что западные лидеры уверены: они контролируют ситуацию в большей степени, нежели советские политики.

В-пятых, во внешней политике на Западе привыкли к странной способности наших дипломатов не требовать деньги вперед. Поэтому и не торопятся платить даже по безусловным, казалось бы, векселям. Как не расплатились за демонтаж Восточной Европы, так не расплатятся и за Сирию или ООП. Там уважают только силу и, видит Бог, совсем не лестно интерпретируют тот факт, что им так легко идут на уступки.

В-шестых, они уже поняли, что ни одна программа в этой стране сегодня реализована быть не может. Ни хорошая, ни плохая. Слабая власть — это гарантия полной блокировки во всем, что касается проблемы кредитов. Спросите всех, кто когда-либо у них получал!

В-седьмых, главная беда всех «отцов» — и политиков, и экономистов — заключается в том, что они сохраняют совесть в большем количестве, нежели это нужно для того, чтобы с ними стали говорить откровенно, по существу беря «быка за рога». Отцы - «шестидесятники», начавшие перестройку, все-таки сохраняют «старомодность», государственность. Они располагают, наконец, тем уровнем социального комфорта, который их устраивает (или попросту — «недостаточно голодны»). Они устали. А кое-кто из них и религиозен вдобавок, что по-своему мешает. Оттого и диалог с ними неэффективен. Тех, кого такая аргументация не устраивает, отсылаю, помимо романа Тургенева «Отцы и дети», еще к

«Бесам» Ф. М. Достоевского. Конкретно — к главе под названием «Литературная кадриль». Тогда многое стает ясным. Не будут «шестидесятники» участвовать в «мокром деле», не решатся, испугаются, не захотят брать на душу грех.

ЭТО опять из области метафор. А если переходить на конкретный язык? Тогда прежде всего необходимо понять ситуацию внутри страны, с тем чтобы на этой основе оценить перспективы сотрудничества с западными партнерами. Сотрудничать, в котором, еще раз подчеркну я, в обычной ситуации ничего, кроме однозначного позитива, не вижу. Но мы-то имеем ситуацию, прямо скажем, неординарную. А там хорошо умеют считать эффективность политических комбинаций в плане их содействия большому бизнесу.

Так что мы имеем? Кризис смыслов и ценностей, кризис идеологии и политики, кризис государственности и всех систем управления, разрыв экономического пространства, вахханалию групповых интересов, социальную панику и истерию, бесплодную грязно политиков, потерю народом политической воли и т. д. и т. п. Идеальное пространство для «грязного» бизнеса. И очень плохое — для бизнеса «чистого». Одним словом, все условия для «латиноамериканизации» налицо.

Через пару месяцев все это в совокупности создаст ситуацию, когда нам действительно нечем будет кормить население и придется ввозить масло в Вологодскую область. Не потому, что она все масло отдаст центру, а потому, что масло и Вологда уже не будет производить. Не из чего. Что тогда? Тогда во имя спасения народа, — а кто его до ручки довел, не важно, на худой конец всегда можно свалить все на коммунистов, — будет осуществлен продуктивный бартер, при котором в обмен на продовольствие, естественно, не лучшего качества, нам «позволят» по демпинговым ценам продать стратегическое сырье.

Вопрос только в том, каким «путем» его будут вывозить: союзным или российским? И кто поведет этим «кособым путем» караван?

"БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА СОВЕТСКОГО СОЮЗА : АВТОР ПРИЗЫВАЕТ СПАСТИ СТРАНУ
ОТ НАДРУГАТЕЛЬСТВА

"ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАДРИЛЬ, ИЛИ ДОГОВОР
С ЧЕРНЫМ ПУДЕЛЕМ"

Вот главный предмет так называемых «политических диалогов» и «конфронтакций». Кто окажется ближе к кредитному пирогу? Или же к пирогу «приватизации»? Или...

Для них важен только пирог. Для тех же, кому дороги интересы страны, важно следующее. Сверхприбыльная для Запада и не отвечающая национально-государственным интересам сделка будет выдана за нечто прямо противоположное — за благодеяния (!) Запада. И осуществлена эта сделка будет под чрезвычайные политические и государственные условия. А при чем тут кредиты, спросите вы?

Да в том-то и дело, что настоящих кредитов не будет. Были бы они «настоящими» — о чем речь? Но «настоящее» кредитование предполагает срок, в течение которого кредитующий ждет, пока кредитруемый развернет на кредит активную деятельность и уже по результатам этой деятельности начнет возвращать долги кредиторам. Как я уже говорил, в сегодняшней ситуации на это никто не пойдет. А бартер предполагает мгновенный обмен продукт—сырье, сырье — продукт. Это по сути мгновенная сделка, нечто прямо противоположное кредитованию. Но ведь слово «кредит» так ласкает слух советских политиков, представителей ВПК, депутатов, нашей салонной публики и многих, многих других. Его необходимо произнести, чтобы заручиться их поддержкой и пониманием. Это, во-первых, а главное, при огромных масштабах вывоза сырья, как сказал один из опрошенных нами экспертов, «сами русские могут ведь и не справиться с такими объемами вывоза, им придется помочь, но только для того, чтобы они этот вывоз могли обеспечить, и ни для чего больше». Мы благодарны этому человеку за откровенность. И позволяем себе высказать предположение (только предположение, не более того!), что в миссии Явлинского речь идет именно о ложных кредитах.

Выдача настоящих кредитов предполагает, во-первых, что «они» имеют резервы и способны ждать эффекта хотя бы несколько лет. А они не могут. Во-вторых, что мы имеем ин-

фраструктуру для инвестиций и в состоянии обеспечить модернизационный скачок. И, в-третьих, что мы способны дать гарантии стабильности и возвратности средств им. Но, помилуйте, нынче-то какие гарантии!

Итак, условий для настоящих кредитов нет. Все это значит, что речь идет именно о ложных кредитах. Их предоставят под конкретные программы, связанные главным образом с интенсификацией добычи сырья.

Мне возражат, что кредиты всегда дают под программы. Согласен. Но одно дело — программы, развивающие интеллектуальный и научно-технический потенциал СССР, другое — программы, развивающие индустриальный потенциал, и нечто третье — сырьевые программы.

Но все-таки не это главное. Беспокоит то, что все расходы по интенсификации добычи будут с лихвою и немедленно оплачиваться иностранному партнеру все тем же сырьем, а в ряде случаев, сколь диким это вам ни покажется, мы же и будем кредитовать западного партнера для того, чтобы он имел возможность с максимальным комфортом вывезти из страны нашу нефть по самым дешевым, я бы сказал, смехотворно дешевым ценам. То есть по большому счету вовсе не они нас поддерживают, а мы, как это ни кажется странным, играем на их стороне против... Против кого?! А вот это уже операция, которую по аналогии с «Литературной кадрилью» из «Бесов» я позволю себе назвать «Политическая кадриль». Да, здесь нужен «человеческий талант» представителей новой волны. Отцы-то на этом деле могут ведь инфаркт схлопотать. А дети...

Итак, в виде кредита нам дадут, например, устаревшие станки лишь для добычи сырья, а его целиком и немедленно заберут в качестве компенсации за плохонькие, по западным меркам, и не на нашу экономику работающие технологии и механизмы. Красивая комбинация,

правда? Риск тут лишь один: наши могут ведь и не захотеть бурить при таких условиях. Да, ведь голод не тетка, можно сунуть в зубы кусок колбасы и накинуть на плечи потертую джинсовую куртку, а если к этому еще и «Мерседес» для начальства... Ноу проблем!

А чтобы гарантировать отсутствие претензий, трудовую дисциплину и орду (то бишь «порядок») западному партнеру, преподносится Указ «Об особом режиме в базовых отраслях». А то как бы возмнившие себя приобщенными к мировой цивилизации русские туземцы не вздумали бастовать! И все — за Указ! И демократы, включая Ельцина, и центристы, и правые, и Плenum ЦК КПСС, и профсоюзы — паразитальные единомышленники. Оно добыто с помощью классического приема, называемого стратегией управляемой напряженности. В чем суть? Сначала провоцируется рабочее движение под крайними лозунгами, никакого отношения к интересам этого рабочего движения, естественно, не имеющими, — первое попадание в мишень. Затем окончательно отрывается рабочее движение от номенклатурных коммунистов, требующих наведения порядка, — второе попадание. Затем до смерти перелуганные депутаты, в том числе и представляющие Компартию, в парламенте РСФСР дают согласие на непристойно срочные выборы Президента России, — третье попадание. И наконец — передача шахт, которые без дотаций и трех месяцев не протянут, под республиканскую юрисдикцию, — четвертое попадание. Какая тяга виртуоза одной пулей постараться убить кучу зайцев! Когда-нибудь кончится это тем, что охотник, как это происходит в одном греческом мифе, убьет самого себя. Но это потом. А сейчас открываются «блестящие перспективы».

В конце концов важно понять логику — детали в этом орнаменте могут быть достроены на ходу. Главное-то уже определено, взвешено, разделено. Тогда чего ради ломать перья в аналитическом порыве?

Тут есть, на мой взгляд, целый ряд оснований.

Первое. Внутри еще теплится надежда, что, осознав, чем все это чревато, поняв, к чему готовят страну наши ученые-

"БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА СОВЕТСКОГО СОЮЗА : АВТОР ПРИЗЫВАЕТ СПАСТИ СТРАНУ
ОТ НАДРУГАТЕЛЬСТВА

"ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАДРИЛЬ, ИЛИ ДОГОВОР
С ЧЕРНЫМ ПУДЕЛЕМ" / 9/

«шестидесятники», наши поли-
тики - «шестидесятники», пусть
не все, но хотя бы те, кто еще
способен государственно мыс-
лить, скажут: «Нет!». В этом слу-
чае им далее неизбежно при-
дется решительно отказаться от
ложной аксиоматики и от милой
сердцу их доктрины. И придется
честно признать: необходимое
стране, и действительно горькое,
что греха таить, горькое, но
единственное лекарство — это
скорейший переход к модерни-
зации без иностранных креди-
тов. По крайней мере, без вве-
дения их в качестве решающего,
определяющего фактора. А зна-
чит, переход к новой концепции
— как ни называть ее: автори-
тарной, неоконсервативной, не-
отрадиционной. Не в этом суть,
и не мера жесткости определя-
ет это отличие. Нам нужна мо-
дернизация с опорой на ресурсы
страны, как материальные, так и
духовные. Они есть. С их по-
мощью еще можно спасти стра-
ну от надругательства, которое,
к сведению различного рода
«буксирологов», предрекаю, она
им никогда не простит. И рано
или поздно, так или иначе, но
отомстит. Страшной, возможно,
самоубийственной местью.

Рассказывают, что на Западе
с увлечением читают Ф. М. До-
стоевского. Что ж, значит плохо
читают. Говорят, что там верят
в Бога. Хотелось бы, чтобы так
было на самом деле.

Теперь вторая причина. Она
состоит в том, что ни у кого, я
подчеркиваю, ни у кого из лю-
дей, которые завтра примут
свое «латиноамериканизатор-
ское» решение, не должно быть
«отступного», состоящего в том,
что их-де, мол, обманули. Это
вопрос не только политики, но
и религии. Пусть после приня-
тия этого решения они скажут
своим детям и внукам: «Да, мы

знали, что мы делали, и зная —
сделали это». Пусть они ска-
жут это своей стране. И пусть,
стоя со свечками в Елоховской
церкви, они ту же фразу скажут
глядящему на них с иконы Иису-
су Христу. Это очень важно,
чтобы они не могли, не сумели
уйти от нравственного ответа.

Я не люблю обличительных
писем, мне претит их сугубая
материалистичность. Настоящая
аналитика, как и высокая мате-
матика, немного сродни мисти-
цизму. Рядом со Шпенглером,
Гёделем или Тойнби незримо
присутствуют Сведенборг, Бла-
ватская или Бёме. И пусть те,
кто будет подписывать усло-
вия, обрекающие страну на ра-
зорение, знают, что подписыва-
ют мистический документ. И что
идут на договор с Черным Пу-
делем. С ним — а не с кем-то
другим. С Черным Пуделем, для
которого «нет в мире вещи, сто-
ящей пощады. Творенье не го-
дится никуда. И так, я то, что ва-
ша мысль связала с понятием
разрушенья, зла, вреда. Вот
прирожденное мое начало, моя
среда».

И каким же фиаско кончился
тот договор! Когда слабеющий
идеалист верил, что он «остано-
вит мгновенье», подручные Чер-
ного Пуделя уже рыли ему мо-
гилу. Ему и не только ему!

Будем помнить об этом.

Сергей КУРГИНЯН.

ГОЛОС РОССИИ

ГАЗЕТА РЕСПУБЛИКАНСКОЙ НАРОДНОЙ ПАРТИИ РОССИИ (РНПР)
И РОССИЙСКОГО ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

№1(6) 1991 год г. ПЕТРОГРАД Цена 30к.

РЕЗОЛЮЦИИ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА РНПР

О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ

I Всероссийский съезд Республиканской народной партии России единодушно высказывается против попыток расчленения суверенной территории Российской Республики на ряд независимых государств. Декларации о независимости, принятые в ряде национальных автономий РСФСР, свидетельствуют, с одной стороны, о несовершенстве отдельных статей Конституции РСФСР, с другой — о наличии в органах верховной власти этих автономий лиц, прямо или косвенно заинтересованных в распаде России, в утрате нашей республикой суверенности, полученной в нелегкой борьбе с антинациональной коммунистической властью. РНПР отмечает также явную провокационность некоторых действий правительства Ельцина-Силева, направленных, по сути, на ускорение роста местечкового сепаратизма.

Учитывая незаконность с точки зрения международных правовых норм деклараций о независимости, принятых органами власти некоторых автономных образований РСФСР, Республиканская народная партия России требует проведения всероссийского референдума о судьбе и статусе каждой конкретной автономии. До проведения указанного референдума РНПР призывает народы России бойкотировать все законодательные акты местных и центральных властей республики, способствующие разжиганию национального сепаратизма, религиозной и национальной розни, что может повлечь за собой утрату Российской суверенитета и территориальной целостности.

E. H.

РЕЗОЛЮЦИИ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА РНПР

2

О ПАМЯТНИКАХ УЛЬЯНОВУ-ЛЕНИНУ И ДРУГИМ ВОЖДАМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА

I Всероссийский съезд Республиканской народной партии России с тревогой отмечает, что Указ Президента Союза Советских Социалистических Республик «О пресечении надругательства над памятниками, связанными с историей государства и его символами» открывает, по существу, новую страницу в коммунистической политике навязывания народу чуждых ему кумиров и символов. Этот указ носит антидемократический характер и находится в вопиющем противо-

речии с Конституцией СССР, где закреплено право народа осуществлять свою власть через свободно избранные Советы народных депутатов. Указ Президента ставит знак равенства между хулиганским и бесчеловечным осквернением мемориалов памяти воинов, павших в Великой Отечественной войне, и вполне законными сносами памятников Ульянову-Ленину и другим вождям тоталитаризма по решению местных Советов народных депутатов в ряде республик.

Также совершенно непонятна и недопустима попытка Президента привлечь к антинародному охранительству памятников вождям коммунизма Комитет государственной безопасности СССР, задачи которого, как известно, в условиях правового государства должны заключаться совсем в ином.

I Всероссийский съезд РНПР подчеркивает, что снос и ликвидация по решению местных Советов народных депутатов памятников Ульянову-Ленину и другим вождям коммунистической деспотии есть глубоко символические действия, свидетельствующие о великом чувстве справедливости, неискоренимом в народе, о процессах нравственного очищения общества. Республиканская народная партия России призывает Президента Союза СССР Михаила Горбачева подняться над узкопартийными и клановыми интересами партийной бюрократии, учитывая рост народного самосознания и необратимость процессов общественного развития, трезво оценить собственный Указ и отменить его как противоправный и антиконституционный акт. Память о преступниках большевизма не должна быть увековечена на российской земле!

РЕЗОЛЮЦИИ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА РНПР 3

ОБ АНТИРУССКОЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В последние десятилетия некоторые исконные русские земли целенаправленно заселяются выходцами из среднеазиатских и закавказских республик, причем это переселение производится без ведома и согласия коренного русского населения. С началом перестройки резко увеличился масштаб подобных мероприятий, проводящихся в противоречии нормам международного права. Продолжение этой антирусской переселенческой политики угрожает в недалеком будущем необратимым изменением демографического состава населения в центральном и северо-западном регионах России, созданием новых взрыво-

опасных очагов межнациональных конфликтов.

I Всероссийский съезд РНПР обращается к правительствам РСФСР и СССР с требованием положить предел этой антинациональной политике, создать условия для возвращения на свои исконные земли русского населения из других республик СССР, обеспечить переселенцам некоренных национальностей возможность беспрепятственного возвращения на свою историческую родину.

РЕЗОЛЮЦИИ
I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА РНПР 4**О СИСТЕМАТИЧЕСКОМ
РАЗРУШЕНИИ НАРОДНОЙ
НРАВСТВЕННОСТИ
СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ СССР**

Национально-государственное возрождение страны невозможно без нравственно здоровой молодежи, без возрождения традиционно крепкого в России института семьи. Понимая это, определенные политические силы, не заинтересованные в оздоровлении народно-государственного организма России, лукаво спекулируя на естественном народном стремлении к свободе, ведут целенаправленное разрушение народной нравственности через средства массовой информации. Пропаганда распушенности, бесстыдства и порока принимает все более циничные формы, становится все более наглой и агрессивной по отношению к извечным народным нравственным ценностям — любви, доброте, состраданию, целомудрию, терпимости, мужеству, жертвенности, — которыми тысячелетие крепло и возвышалось Российское государство. Как следствие, резко усилился распад молодых семей, лавинообразно нарастает детская преступность, становится обычным явлением преступление, связанные с насилием и половой извращенностью, в обществе усиливается атмосфера обреченности и страха.

I Всероссийский съезд Республиканской народной партии России обращается к народам России, правительствам РСФСР и СССР, Президенту М. С. Горбачеву, министерствам народного образования РСФСР и СССР, министерствам внутренних дел РСФСР и СССР, средствам массовой информации с призывом осознать всю грозную опасность разрушения традиционных нравственных ценностей народа, принять решительные меры по немедленному пресечению явной и завуалированной пропаганды насилия, бесстыдства и порока как государственными, так и частными средствами массовой информации

ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ: ОТЧЕТЛИВО ВИДНО, КАК НА НАШУ СТРАНУ ДЕЙСТВУЮТ ДВЕ СИЛЫ, ВМЕСТЕ РАЗРУШАЮЩИЕ ЕЕ 1

СВЕТОЧИ

Игорь ШАФАРЕВИЧ

ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА

День ● № 2 ● февраль 1991 г.

*50 лет назад у нас уже был год Великого Перелома, в те-
перь одно воспоминание об этом внушает ужас. Но, как ни
гоны эту мысль, все вероятнее становится, что мы опять ка-
тимся к Перелому — если не в этом году, так в следующем...
И его мы уже вряд ли переживем.*

Отчетливо видно, как на на-
шу страну действуют две силы,
вместе разрушающие ее. Одна
тенденция — разбить страну
вдребезги. Другая — ни за что
ничего не менять, дальше ко-
пить свои болезни.

С одной стороны — призывы
раздробить страну на мелкие
части, рассорить ее народы,
создать армию безработных и
слои богачей, спанвать народ и
распродавать недра. Вероятно,
сознательно никто себе такой
цели не ставит, но объективно
она очевидна: разрушить стра-
ну так, чтобы она уже никогда
не поднялась. Самая мощная
свая, еще поддерживающая наш
дом, — русский народ, по не-

му и гнивший удар (так было
и после 1917 г.). Здесь в ход
идут средства, которые и в тя-
желом сне не приснятся. И
прославившийся эстонский де-
путат Маде, объясняющий зло-
вредные качества русских при-
месью у них татарской крови
(то-то лестно для татар!). И
два солидных публициста, рас-
суждающих, что Куликовская
битва, светлое событие для рус-
ских, для монголов-то остает-
ся мрачным воспоминанием
(грустят ли русские в день не-
зависимости Финляндии или
англичане в день независи-
мости США?). Скользкое хихи-
канье по адресу Пушкина, про-
клятия России с певой на гу-

бах — все это переносит в ат-
мосферу 20-х годов или Фев-
ральской революции. Как мож-
но не видеть, что страну толка-
ют к катастрофе, губельной для
каждого ее народа (и каждо-
го человека)? «Кого Зевс хо-
чет погубить, — лишает разу-
ма».

А с другой стороны — же-
лезное упорство в обороне,
чтобы ничего принципиально не
менять: только «навести поряд-
ок», подтянуть, приструнить.
Надежда обойтись стилистиче-
скими догмами и штампами, про ко-
торые бесполезно даже спра-
шивать, отражают ли они хоть
какую-то реальность, — их про-
сто никто слушать не хочет.
Здесь тоже, казалось бы, кри-
стально ясно, что чем дальше
оттягивать перемены, тем бо-
лезненнее они будут. Но и
здесь разум умолкает.

И эти два антагониста игра-

ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ: ОТЧЕТЛИВО ВИДНО, КАК НА НАШУ СТРАНУ ДЕЙСТВУЮТ ДВЕ СИЛЫ, ВМЕСТЕ РАЗРУШАЮЩИЕ ЕЕ

ют с нами в какую-то игру: ужаснувшись одного, параемся к другому. Отчаявшись увидеть реальные перемены, начинают, не жалея страны, склоняться на политическую забастовку. Защищаясь от притеснений, русские в Прибалтике говорят языком «интернационализма», забывая, что он прикрывал и кровь Афганистана, и дела латышских стрелков.

А на все это еще накладывается экологический кризис. Да все это и есть тоже разрушение среды обитания, только не природной, а социальной. Что-то глобально разладилось во взаимоотношениях человека с обществом и природой. Чувствуется, что Чернобыль был не случайностью.

Мы будто потеряли дорогу, перестали видеть, где право, где лево, и кружим по лесу, натыкаясь на деревья. Очевидно, что причина такого кризиса глубже, чем экономика, даже чем отношения между нациями. — это кризис духа. Мы потеряли ориентиры в шире, чувство смысла жизни. Вдруг хлынула какая-то «черная» литература, в которой не встре-

тись ни хороших, ни героических людей, ни высокой трагедии: герон подловаты, вызывают омерзение, жизнь тошнотворна. То же и в театре. За одну неделю в Москве идет больше 200 пьес, из них Шекспира — одна, Мольера — одна, Гоголя — одна. Ставить мировых гениев — стало признаком дурного вкуса. Зато все заполонил тот же «черный» стиль, перемешанный с какой-то «схемой»: со сцены льется грязная заборная ругань, демонстрируются голые зады. Даниил Андреев, говоря о своем стихе, пишет:

И свидетельство
о склонившемся
к нашим мукам
Темном демоне,
улащающем все огни,
Ты преемник: нашим детям
и нашим внукам
Как чугунная
усыпальница сохрани.

Лик этого темного демона прекрасно сохраняют современная литература и театр.

Но нечто похожее ведь и на блестящем Западе! Весь этот, стиль жизни, основанный на все растущем ограблении

Природы, от которого и происходит экологический кризис, возник на Западе и оттуда пришел к нам. И сейчас индустриальный Запад расходует львиную долю природных ресурсов (в том числе и наших) и во много раз больше отравляет Землю, чем остальной мир. У нас распространенное одно время тип анекдотов о дурачках-чукчах. На самом деле чукчи — необычайно мужественный, страстный народ, создавший прекрасные, глубокие мифы. Охотники-чукчи, убив кита, сложными обрядами старались замоливать свой грех. Вот их опыт, дух этой культуры, нам сейчас был бы важнее, чем опыт технического Запада. Часто говорят, что нам пора вернуться в семью цивилизованных обществ. Но, с другой стороны, «цивилизированным обществам» еще нужнее вернуться в то человеческое состояние, в котором еще недавно жили чукчи.

Загадочным образом благополучный Запад кишит террористами. Стены домов в преисполненной изобилия Германии расписаны призывами к под-

держке «красной армии» — террористической банды. Похоже, что люди там, как и у нас, потеряли чувство смысла жизни. Академик Лихачев писал о мироощущении человека в Древней Руси: «Все взаимосвязано, все значительно, все напоминает человеку о смысле его существования, о величии мира и значительности в нем судьбы человека». О нашем современнике этого не скажешь. История ведь есть история народов, и смысл истории человек ощущает лишь через принадлежность к народу, через свою национальность. Нас так старательно убеждают, что национальные чувства — опасный атавизм, но тогда атавизм и «смысл истории». От людей, тоскующих сейчас о сталинской эпохе, часто слышишь: «Тогда у нас был идеал, а что вы предлагаете взамен?». На первое утверждение можно ответить, что идеал этот был ложен, ибо требовал уничтожения миллионов людей и разорения страны. Но что ответить на второй вопрос?

Старец Зосима у Достоевского говорит: «...взращенное живет и живо лишь чувством

соприкосновения своего таинственным миром иным; если ослабевает или уничтожается в тебе это чувство, то умирает и возвращенное в тебе. Тогда становишься к жизни равнодушным и даже возненавидишь ее». Эта ненависть к жизни сейчас и проявляется у нас, как и на Западе. Терроризм Запада питается теми же чувствами, что и «Прогулки с Пушкиным».

Вот в этой ситуации, как мне кажется, и заложен главный вопрос ближайших лет. А время для поиска ответа на него истекает, и, может быть, для нашей страны быстрее, чем для Запада. Но надежда все же есть! Она — в тех здоровых, естественных импульсах, которые все чаще можно ощутить в жизни. В спонтанном порыве, остановившем «поворот реки». В движении против строительства атомных электростанций. В том, как дружно вступились российские писатели за честь России и Пушкина. Пока не угасли здоровые душевные силы, — а они, кажется, проявляются все сильнее, — до тех пор сохраняется надежда на быстрый выход из кризиса.

CODE: беседа с Игорем Шафаревичем

ITEM: ISSN 0321-0561. Слово. 1990. № 1.

Как мы уже сообщали, в издательстве «Советский писатель» подготовлен сборник публицистических и историко-философских работ оригинального мыслителя и выдающегося математика нашего времени, члена-корреспондента АН СССР, лауреата Ленинской премии Игоря Ростиславовича Шафаревича. В № 11 нашего журнала была опубликована глава из книги И. Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории», которая в годы застоя не могла появиться в нашей печати по идеологическим соображениям. В этом номере журнал публикует беседу с И. Р. Шафаревичем, подготовленную литератором Дмитрием Меркуловым.

ВСЕ ОКАЗАЛИСЬ НА ПЕПЕЛИЩЕ...

— Игорь Ростиславович, после публикации в альманахе «Кубань» (1989, № 5—7) и «Нашем современнике» (1989, № 6, 11) «Русофобии», по-видимому, многих удивило, как случилось, что вы, видный математик, специалист в наиболее абстрактной области знания, стали заниматься вещами столь далекими от своего научного предмета и создали историческое и социально-философское исследование, отвечающее на ряд наиболее жгучих вопросов современности. Что побудило вас к этому?

— Это уже не первый раз, когда я рискнул выйти за пределы своей профессии — математики. Основная стимул во всех случаях был один. До смерти Сталина, то есть всю мою молодость, мне представлялось, что Россия, с ее более чем тысячелетней историей, с прекрасным искусством, — умерла, а сейчас течет какая-то совершенно другая жизнь. (Собственно, если отвлечься от оценок, то это и было то, чему нас тогда все время учили). Но так как я эту прежнюю Россию очень любил — начиная со сказок и былин, которые были моим первым детским чтением — то такой взгляд придавал жизни мрачноватый оттенок, горький привкус. И вдруг, после 1953 года, стало казаться, что, может быть, перемены были не столь окончательными, ниточка пульса еще бьется. Тогда все вспоминались стихи Тютчева:

*Но подо льдистою корою
Еще есть жизнь, еще есть ропот
И ясно слышится порой
Ключа таинственного шопот.*

Было ощущение неправдоподобного, чудесного изменения, и после такого чуда уже невозможно было отмахнуться от мысли, что же с нами будет и как объяснить происшедшее.

Сыграло, вероятно, роль и то, что гуманитарные интересы никогда не были мне совершенно чужды. История была моим первым увлечением, я одно время считал, что она и станет моей профессией. И был еще один стимул, о котором, между прочим, писал и Солженицын (ведь по образованию он математик). Казалось, что гуманитарные, общественные науки, литература подверглись у нас такой деформации, что там не осталось живых сил. И значит, если там можно что-то сделать, то сделать должны попытаться люди, пришедшие со стороны. Это придавало храбрости, чтобы вторгнуться в чужую область (хотя, познакомившись с ней поближе, можно было увидеть, что

опустошение здесь было не столь абсолютным, как со стороны казалось).

Непосредственным же стимулом для работы над «Русофобией» был один эпизод середины 70-х годов. Тогда у разных людей собралось некоторое количество написанных или полунаписанных статей. Удалось договориться с Солженицыным, который в это время был уже на Западе, что издающийся в Париже журнал — «Вестник русского христианского движения» — целый номер отдаст работам, написанным в Союзе. Это был номер сто двадцать пять за 1978 год. Я поместил в нем одну статью о творчестве Шостаковича, а вторую — с критическим разбором исторических работ Роя Медведева. Еще там было опубликовано мое интервью для станции Би-би-си по вопросам о законодательстве и положении религии. И в этом же номере было помещено несколько статей, отвечавших на антирусские идеи, к которым я позднее обратился в «Русофобии». Речь шла о концепции России, в которой якобы издревле заложены элементы рабства, стремление к подчинению сильной власти, ненависть ко всему чуждому, неприязнь к культуре, тоталитаризм и т. д. Эти оскорбительные для каждого русского идеи гораздо раньше стали появляться в «Самиздате», а потом, с отъездом авторов за рубеж, — в западных публикациях. Первый, кто, как мне кажется, здесь на них ответил, был Леонид Бородин, но в официальной прессе он не мог напечатать свою статью. Она появилась в журнале «Вече», который самиздатским способом издавал тогда Владимир Осипов. Это был единственный русский «толстый» журнал, существовавший тогда довольно долго без благословения цензуры. Всего вышло десять или одиннадцать номеров, весьма неровных. Но только сильных авторов подобрать было невозможно. Этот важный фактор в нашем духовном развитии совершенно позорно забыт сейчас. «Вече» вспоминают и хорошо знают наши оппоненты на Западе, какой-нибудь там Янов, и совершенно не знает наше молодое поколение.

В сборнике «Из-под глыб» Солженицын также высказался на эту тему, а в номере сто двадцать пять «Вестник» опубликовал две статьи. Одну из них написал историк Вадим Борисов, который очень квалифицированно, профессионально разбирал всю эту антирусскую аргументацию и показывал не только ее несостоятельность, а какую-то ее поверхностность, почти хлестаковский характер ее аргументов. В то время у меня и сложилось убеждение, что нельзя раз за разом только опровергать все

CODE: беседа с Игорем Шафаревичем / 2 /

ИТЕМ:

эти нелепые выпады против русской истории, русского склада ума. Раз они появляются столь настойчиво и систематично, значит должна быть какая-то подоплека, и потому нужно исследовать исток этого явления, а не доказывать каждый раз, что тот или иной аргумент несостоятелен. Надо понять источник заболевания, а не заниматься лишь его симптомами.

В конце 1977 года я начал этой работой заниматься.

— Известно, что вы вместе с академиком Андреем Дмитриевичем Сахаровым участвовали в правозащитном движении. Не могли бы вы рассказать о вашем участии в этом движении?

— У нас с ним совершенно разные ситуации, наши роли попросту несопоставимы. В моей общественной жизни связь с правозащитным движением была поверхностной и временной, а Сахаров был там центральной фигурой. Мне всегда казалось, что право — чрезвычайно важная сторона жизни, но не фундамент ее. Право фиксирует некоторые нормы, которые среди людей сложились, и право сильно тогда, когда есть уверенность в этих нормах. Я помню, как покойный ректор МГУ Иван Георгиевич Петровский мне не раз говорил: «Законы — хорошая вещь, но самые лучшие законы не будут действовать, если не будет людей, которые готовы их выполнять». Право должно быть основано на некоторых глубинных связях с чувствами, человеческими принципами, которые вызывают высокий жертвенный порыв бороться за них. И в этом смысле мне кажется, что и правозащитное движение отчасти не было только правозащитным. Оно исходило из чувства человеческого достоинства, справедливости — весьма неправых категорий, не юридических. А с другой стороны, перенося центр тяжести на правовую сторону, это движение становилось на слабую позицию.

Например, с формальной, догматической точки зрения в никонианских реформах, вызвавших раскол, никаких нарушений не было. Собор 1666 года был законным. Решение его юридически тоже было законным. Греческие иерархи, приехавшие на Русь, были законными иерархами. А в то же время нравственно собор этот не укладывался в мировоззрение большей части народа, породил невероятной силы борьбу.

Моя связь с правозащитным движением осуществлялась через Комитет прав человека, который организовал Сахаров, и через двух активистов, эмигрировавших сейчас, мало известных, Твердохлебова и Челидзе. Честно говоря, я вступил в Комитет в надежде, что каким-то образом можно его использовать для реальной борьбы за внутреннюю ценностность, подвергшиеся искажению и насилию. Комитет этот дал немного, и вся деятельность Сахарова была не с этим Комитетом связана, а с его личной защитой тех или иных конкретных людей, что было очень естественной и исконно русской чертой — борьба за «униженных и оскорбленных».

Моя деятельность в этом Комитете реально выразилась в двух вещах. В том, что я активно участвовал в подготовке нашего обращения по поводу использования психиатрии в политических целях. Это казалось мне чрезвычайно страшным признаком, потому что выглядело как очень соблазнительный для властей путь, при котором даже никакого правового насилия якобы не происходит. Все гуманно. «Мы осуществляем гуманность», — так тогда и говорили. Одновременно исчезает необходимость каких-либо доказательств, суда. Подсудимые вместо жертв представляются просто сумасшедшими, которых надо лечить. Происходит даже возвеличивание власти: дескать, только сумасшедший может выступать против нее. Такие идеи высказывались еще в очень старинных концепциях тоталитарного общества, начиная от Платона или Вейтлинга. Этот, в некоторых отношениях предшественник Маркса, говорил, что в будущем мире гармонии не будет преступников. Мы будем лечить их и отправлять на острова. И вот такое сопоставление показалось мне страшным...

— Время громких политических кампаний, типа борьбы с космополитизмом, деформировало многие понятия, превратив их в политические ярлыки, исказив вместе с тем и наше общественное сознание. Во всем мире давно существовало и сейчас существует понятие «космополит».

Люди с гордостью говорят: «я — космополит», существуют космополитические газеты, журналы, космополитическая поэзия, космополитическая проза, не вызывая никаких отрицательных эмоций. У нас же в стране это слово до сих пор произносится с опаской. Нельзя ли ради, так сказать, экологии мышления вернуть ему первоначальное значение, называя космополитов космополитами, а не, допустим, интернационалистами, что ведет к двойному искажению?

— Да, действительно, сейчас для нас существует чисто черно-белое разделение. Для космополитов космополитизм — это высокое понятие, а для других оно подобно ругательству. На самом деле, как мне кажется, представление о космополите как гражданине мира содержит в себе элемент чрезвычайно высокий и значительный. Я ощутил это вполне конкретно на себе в математике. Здесь, конечно, тоже существуют свои переплетения, и в советской математике есть свои советские или русские проблемы, но сама математика носит космополитический характер. В то время, когда я начинал, математика, как и вся наша наука и культура, была в изоляции. Я помню, что первый раз в жизни поговорил с иностранным математиком, когда мне было за тридцать лет. Потом мне вдруг разрешили выехать на международный математический конгресс. Это было в 58-м году. Я встретился там с людьми, которых никогда не видел, но я попал как в родную семью. Они знали некоторые мои работы вплоть до подробностей. Я знал также их работы. Это было необычайно дружное общение. Оно продолжалось и дальше. В последний мрачный период брежневского правления некоторые западные академики бойкотировали научные контакты с Советским Союзом, но западные математики приезжали сюда за свои деньги в качестве туристов, выступали у нас на семинарах и ломали стену изоляции. Более того, мы принимали участие в каком-то международном научном братстве. Это было теплое и высокое чувство.

Космополитизм можно понимать как единство человечества, которое основывается на национальной индивидуальности и идет выше этой индивидуальности. Оно заложено и в христианстве. Как часто штируют: «несть ни эллина, ни иудея», но это означает не стирание национальных различий, а высшее единство перед Богом. Национальность играет, по-видимому, роль индивидуальности. Как нация состоит из человеческих индивидуальностей, так и человечество состоит из национальностей, и возможно его единство поверх этих национальностей. Но возможно, конечно, и другое единство — как бы ниже этого уровня, через отрицание индивидуальностей, превращение всего человечества в некую аморфную массу.

То есть, возможны два типа космополитизма. Как государство можно попытаться организовать на принципе свободного, максимального развития индивидуальности каждого человека, а можно и на принципе максимального подавления, упрощения людей, лишения их индивидуальности, превращения в винтиков.

Я когда-то на эту тему уже высказывался, когда давал интервью много лет назад для одного иностранного журнала. Тогда я использовал такое сопоставление. Мне непонятно, каким образом можно быть на уровне общечеловеческих проблем, не исходя прежде всего из более обостренного восприятия проблем своего народа. В одном из романов Диккенса есть глава, которая называется «Телескопическая филантропия». Там рассказывается о даме, которая день и ночь занималась судьбой негров в колонии Бариабула Кха, в то время как у нее масса собственных детей, которых она нарожала — голодных, грязных, неодетых, и на самом деле видно, что ни негров ей не жалко в Бариабула Кха, ни своих детей. Нивелировка национальной индивидуальности того же типа, что нивелировка личности. Это приводит к такому явлению, которое известно у физиков под названием тепловая смерть. Когда молекулы движутся с разными скоростями, но постепенно в результате соударений скорости их выравниваются и приводятся к нулю, и всякое движение, не только жизнь, останавливается.

— Николай Бердяев в известной работе 1916 года «Национальность и человечество» подчеркивал, что «страсти,

CODE:

беседа с Игорем Шафаревичем

ITEM:

которые обычно вызывают национальные проблемы, мешают прояснению сознания». Он считал также, что нельзя стелкнать всеобщее и национальное: «Всякая национальность есть богатство единого и братски объединенного человечества, а не препятствие на его пути». И далее, развивая эту мысль, он продолжал: «Всеобщество раскрывает себя лишь под видами национальностей. Денационализация, проникнутая идеей интернациональной Европы, интернациональной цивилизации, интернационального человечества, есть чистейшая пустота, небытие». К сожалению, у нас многие десятилетия под интернационализацией подразумевалась именно денационализация. Как вы относитесь к этой проблеме?

— Отчасти я уже сказал об этом. Потеря чувства национальной индивидуальности приводит к отчуждению от своего народа и в крайних проявлениях к восприятию его как материала для социальных экспериментов. Такой взгляд лежит в основе многих самых кровопролитных катастроф, включая наше раскулачивание и раскрестянивание.

— Во времена застоя вы числились среди диссидентов, то есть инакомыслящих. По отношению к царившему тогда догматизму всякий самостоятельно мыслящий неминуемо становился инакомыслящим. Но дело не в терминах. Ныне времена изменились, мы говорим о плюрализме мнений, и бывшие инакомыслящие активно выступают в печати и даже заседают в Верховном Совете СССР. Однако, если быть откровенным, какой-то осадок от этого слова «диссидент» все-таки остался. Не могли бы вы более подробно охарактеризовать само диссидентское движение, противостоявшее официальной идеологии?

— Сначала, в конце 50-х и в 60-х годах, самые различные течения этого движения еще не разделялись. Было общее чувство первого свободного вдоха, когда люди могут распрямиться и наконец-то по-человечески начать относиться к жизни. Тогда это был просто первый крик: «Я — человек!»

А после этого начались разделения, разные течения, разные направления. Сам термин «диссидент» уже стал применяться, как правило, в политических целях, и что он означает — это в высшей степени было непонятно. Я думаю, что нужно было бы это явление гораздо глубже обдумать, найти более точные характеристики.

Колоссальную роль в размежевании разных направлений, как мне кажется, сыграла эмиграция. Прежде всего потому, что главным среди лозунгов оказалось право на эмиграцию. Оно было объявлено как первое среди равных прав человека. Крестьяне в то время еще не имели паспортов, они не могли переехать не то что в другую страну, а внутри своей области, им же говорили, что главное право — право на эмиграцию. Ситуация усугублялась еще обращением некоторых из диссидентов к иностранным правительствам с требованием строить отношения с СССР в зависимости от положения с правом на эмиграцию, что воспринималось, как отсутствие такта, как забвение того, что происходит с народом. А это, в свою очередь, привело к отсутствию какой-либо поддержки, вызывало ко всему движению скептическое отношение. Как результат, среди диссидентов возникло чувство, что «нас не понимают» что «мы мечем бисер перед свиньями». Выражалось это иногда именно в таких оскорбительных формах.

Кстати, эмиграция играла чисто практическую роль. Очень много было людей, которые на ней просто спекулировали, делали на этом карьеру, создавали шум, временную какую-то комиссию, Агентство Новостей, например, которое существовало неделю, о нем писали все зарубежные газеты: «появилось независимое Агентство Новостей», им из-за этого давали визу на выезд, и они, как известные диссиденты, отбывали на Запад. В то же время среди людей, которых в какой-то мере можно условно назвать диссидентами, были люди совершенно другого типа. Таким был, например, Владимир Осипов, издававший журнал «Вече», о котором я уже упоминал. В конце концов он получил за это восемь лет, отсидел. А в журнале нет ни строчки, которую сейчас нельзя было бы напечатать. Но это был редкий журнал

русского направления. Таким был Леонид Бородин, который получил десять лет за свои чисто литературные произведения и попал в самый суровый лагерь «особого режима», где таких «злодеев» было на всю страну менее двадцати человек. Если бы не перестройка, ему бы этого не пережить.

Было много диссидентов, которые остались неизвестными, остались бедными, как церковные мыши, и абсолютно ничего не получили, кроме нескольких лет лагерей и испорченной жизни. И, наконец, слово «диссидент» вызывает большое раздражение у людей, которые хотели бы сами слыть «борцами за свободу», но у них смелости не хватало. Все-таки это были сотни людей, которые — каковы бы ни были их убеждения — готовы были за них идти в лагерь. Если человеку давали семь лет лагерей, то уж по крайней мере он выходил с язвой, а были такие, как например Юрий Галансков, которые и не вернулись.

В общем, к явлению «диссидентов» очень подходит одно суждение Достоевского о тех «диссидентах», которые были на сто лет раньше: он говорил, что среди них «много мошенников, но несомненно было, что много и честных, весьма даже привлекательных лиц, несмотря на некоторые все-таки удивительные оттенки. Честные были гораздо непонятнее бесчестных и грубых, но неизвестно было, кто у кого в руках».

— Правда ли, что сборник «Из-под глыб», составленный вами вместе с Солженицыным, вызвал непонимание именно в среде диссидентов? Чем вы это объясняете?

— Правозащитное движение базировалось на абстрактных принципах правозащитности. Сторонников этого движения коробил излишний, как им казалось, уклон сборника «Из-под глыб» в сторону национальных проблем. То, что в сборнике говорилось о России, о православной церкви даже, выходило за рамки защиты прав. Сейчас о церкви говорят все, кому не лень, и это уже ни на кого не производит впечатления новизны. В то время наше обращение к проблемам России и церкви вызвало шок: как, дескать, так, культурные люди, о них не скажешь, что это бабушки неграмотные, а рассуждают о таких вещах...

— В «Русофобии» на основе анализа исторических и современных зарубежных источников, а также публикаций «Самиздата» вы показали, что в самом явлении так называемого «малого народа», характерном для разных стран и разных исторических эпох, заложены причины многих национальных катастроф. Но история повторяется не всегда в виде фарса...

— Это, действительно, поразительное явление и образование «малый народ». Образование некоторых плотных меньшинств, у которых есть стандартный взгляд почти на все явления жизни. Поговорив с человеком, вы это сразу определите. Можете спросить, какие поэты ему нравятся, какие композиторы, какие писатели, какие политические деятели, какой шахматист лучше. Он может и в шахматы не играть, но скажет вам, кто лучше, а кто хуже. Вся жизнь его строго определена. Это чувство отдачи себя во власть некоей мощной силы, благодаря чему он становится частичкой этой силы, теряет свою особенность, но зато приобретает колоссальную мощь. Конечно, прообраз таких движений — где-нибудь в религиозных сектах, особенно в средневековых, западноевропейских. Во многих течениях люди приобретают такую психологию. Она дает ощущение силы — в жизни все ясно, для свершения есть колоссальные возможности, только нужно пожертвовать собой, слиться с силой, которая тобой руководит.

Возникает вопрос, что же это такое? Кому это нужно? Такое впечатление, что это не просто собрания людей, а какие-то структуры, в некотором смысле даже одушевленные, некий новый тип индивидуальности. А что такое индивидуальность? Это не стандартный вопрос. Например, пчелиный улей — это собрание большого количества отдельных пчел. Но у улья есть обмен веществ. Пчелы машут крылышками, в улье циркулирует воздух: у улья есть дыхание. Пчелы поддерживают в улье температуру 34°C, очень точно. У улья есть половые клетки: трутни и матки и так далее. То есть более точное понимание природы улья создает представление, что это единый орга-

CODE: беседа с Игорем Шафаревичем /4/

ITEM:

низм, который устроен так, что отдельные частички его могут далеко летать и возвращаться. Но выделенная из улья пчела гибнет и существовать не может.

По-видимому, существуют какие-то индивидуальности большего масштаба, которые создают такие силы, что включение в них для отдельных людей и дает это особое ощущение «малого народа». Но те силы, о которых я говорю в «Русофобии», — это силы, лишённые созидательных возможностей, потому что они существуют за счет изоляции от почвы, а созидательные возможности все же исходят от почвы. Подобные силы опасны. Они чрезвычайно опасны особенно сейчас, в период перестройки, поскольку перестройка в каждом организме — это критический момент. Старые механизмы, какими бы они ни были консервативными, отжившими свой век, все равно еще как-то функционируют. А они ломаются, в то время когда новых еще не создано. В этот момент организм находится в неустойчивом состоянии и влияние организованных дестабилизирующих сил особенно опасно, может быть особенно эффективно.

Когда я писал «Русофобию», то указывал как на будущую возможность на то, что группы, ушедшие в основном в эмиграцию, могут в какой-то момент вернуться. Что в некоторой степени, может быть, сейчас и осуществляется. Особенно тревожат, конечно, имеющиеся у нас исторические аналогии, когда то же самое явление «малого народа», скажем, в 20-е годы, создавало ненависть к деревне, к православной церкви, ненависть, направленную против крестьянской цивилизации. Тогда это были и Троцкий, и Безыменский, и многие другие. Сейчас мы видим, что такое же раздражение вызывают деревенские писатели. Вот один из множества примеров. В журнале «Юность» (1988, № 6) напечатано стихотворение «Вандея». Там даются такие характеристики: «Литературная Вандея в речах о Родине радея...», «За экологию природы встает, витийствуя, она, но экология свободы ей непонятна и страшна», «Когда талант в такой трясине, обидно чуть ли не до слез». Кто эти писатели, в которых автор со слезами признает талант, которые «витийствуют» об экологии, догадаться, конечно, нетрудно — это современные «деревенщики». О них же читаем далее: «провинции французской имя к родным рылам приросло», «Она рычит в квасном угаре» и т. д. Что это, как не та же самая злоба, что в известных отзывах Троцкого и Бухарина о тогдашних «деревенщиках» Есенина и его круге? Та же злоба, что и в стихах Безыменского:

*Расеюшка-Русь, повторяю я снова,
Чтоб слова такого не вымолвить ввек.
Расеюшка-Русь, распрюклятое слово
Трехлоля, болот и мертвеющих рек...*

Тревожной является сама горячая симпатия к деятелям 20—30-х годов типа Троцкого и Бухарина, сейчас часто проявляющаяся. Коллективизация, как известно, происходила в два приема: сначала мобилизовались духовные силы, формировались люди, которые могли эту коллективизацию проводить, а потом уже перешли к реальному делу.

Не являются ли эти тенденции, воскрешаемые в современной литературе, тоже подготовкой чего-то аналогичного, может быть, каких-то новых форм «раскрестьянивания»? В 20-е годы одной из основ тогдашней идеологии был взгляд на Россию, как на нечто второстепенное, не имеющее самостоятельной ценности, а важное лишь как элемент некоторой общемировой программы, как поле для проведения экспериментов. И вот сейчас, оказывается, провозглашаются те же принципы. Когда только появился «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, одним из первых с критической статьей выступил Рой Медведев. И он привел там такой аргумент: марксизм, как и всякая наука, имеет право на эксперимент. Это не вскозь брошенная фраза, а заголовок целого раздела. И он с тех пор никогда не брал этих слов назад. То есть то, что нормальный человек считает омерзительным в применении к кролику или собаке, провозглашается приемлемым по отношению к целой стране, многомиллионному народу!

Такое право на социальные эксперименты, по сути, признается и в статье Г. Померанца в журнале «Век XX и мир». Он говорит, что экспериментаторы-энтузиасты 20-х годов действовали всего-навсего «от нетерпения сердца», что это были романтики, что по крайней мере мы должны поставить им в заслугу, что они действовали не ради спецснабжения.

Это принципиальный вопрос, требующий внимательного рассмотрения: что представляет собой большую опасность? Люди, которые готовы производить массовые расстрелы ради корысти, или же те, для кого само участие в убийствах является достаточной наградой?

Появление таких людей было связано с наступающей катастрофой, а теперь их реабилитация (не юридическая, а именно моральная) является очень тревожным признаком. Я думаю, что в полшотовской революции, когда за три года было уничтожено три четверти мужского населения страны, руководители были именно романтиками, они совершали невиданный в истории геноцид «от нетерпения сердца». И я не знаю: стремился ли сам Пол-Пот к спецснабжению? Вдруг окажется, что он жил аскетом. Неужели тогда он будет вызывать симпатии?

Там же автор требует, чтобы стихи Багрицкого: «Если скажет солгать — солги, и если прикажет убить — убей» — трактовались не как аморализм, а как особый вид морали. Согласен, но тогда надо признать, что это та же самая особая мораль, которая породила Треблинку. В данном случае была Треблинка для мужиков, но ведь это не должно влиять на нашу оценку?

— От романтики великих идей к романтике великих убийств?

— Я думаю, что тут одно и то же. Одно течение.

— На Западе широко известна ваша книга о социализме. Я прочитал ее, и на меня она произвела глубокое впечатление прежде всего нетрадиционностью вашего подхода к истории человечества. В частности, вы затрагиваете духовные причины некоторых «до боли знакомых» социальных явлений. В связи с этим хотелось бы узнать, как вы относитесь к тому, что во всем мире сегодня происходит угрожающий процесс порабощения духа. Претензии «денежного мешка» на мировое господство осуществляются в полном соответствии с пророчеством Достоевского: некая грубая материя, пусть в самых привлекательных, комфортных, благополучных формах машинной цивилизации приобретает невиданную власть над духом. Согласны ли вы с мыслью, что Россия остается оплотом духовности в мире?

— Нет, не согласен. Мы все, и Россия, и Запад, как мне кажется, находимся на пепелище. Мы в страшном положении, если посмотреть со стороны, оно вообще может показаться безнадежным. И здесь ситуация в высшей степени интернациональна. У каждого из нас сохранились какие-то следы, какая-то память о предшествующих тысячелетиях, опираясь на которые мы можем найти выход. Она, эта память, разная, и выходы разные. Люди ищут, протестуют, борются, иногда трагически ошибаясь. Это и так называемые «зеленые» на Западе, и движение фундаментализма в Иране. Все это взрыв протеста против подчинения человека технической цивилизацией, против того, что называется модернизацией. Или возьмем происходящее в Латинской Америке, — так называемую теологию освобождения, или то, что у нас происходит, чувство, которое мы испытываем. У нас, мне кажется, оплотом духовности, на котором можно что-то построить, до сих пор является деревня. Почти четверть населения у нас проживает в деревне, а в Америке — три процента. Деревня еще крепко связывает нас с почвой, природой, космосом. Это источник сил, исходя из которых мы можем сохранить здоровые начала жизни. Если, конечно, остановим уничтожение «неперспективных» деревень, если не станем заводить у себя американского фермерского хозяйства, которое сведет самостоятельное население к трем процентам.

С этим связан и предшествующий вопрос, который вы ставите. В мире действительно происходит господство материи над духом. Это в некотором отношении верно, но в каком-то отношении я с этим не согласен. На самом

CODE:

беседа с Игорем Шафаревичем

151

ITEM:

деле все происходит не от материи, а от духа. Дело лишь в том, какой этот дух. Еще в сборнике «Из-под глыб» я писал, что люди стремятся к отличиям, не имеющим чисто биологического значения. Например, кольцо, вставленное в нос, или расшитый золотом мундир, или дорогая машина ценятся не ради их физических качеств. В наших условиях роскошная машина — это то же кольцо в нос, только в современной форме. И так происходит почти со всеми другими знаками статуса, престижа. Общество создает какие-то символы, в борьбе за которые человек подталкивается в том или ином желательном для общества направлении. Еще Юм сказал, что в жизни решают «не интересы, а мнения». Если говорить с вашей точки зрения: не материя, а дух. Только духи эти, повторяю, бывают разные.

Дух, который сейчас захватывает мир, — это дух покорения силы атома, покорения Космоса, создания искусственных существ, создания даже искусственных людей. Сейчас уже тысячи людей созданы в пробирках. Создается природа искусственная, заменяющая живую.

Недавно я прочитал в «Самиздате» очень интересную рукопись, в ней говорится, что среди тридцати тысяч посланиц Дала из всех качеств на первом месте ставится спасение, а на втором — терпение. Часто они соединяются: за терпение Бог дает спасение. Терпение или дух терпения — это борьба не с внешними силами, а с самим собой, то есть перенесение центра тяжести не на природу, а на себя. Это некий принцип, который обеспечивает равновесие между человеком и природой.

В каких свойствах реализуется насилие над природой? В словах могущественный, господствующий, победитель, сильный, гордый. Если же мы посмотрим на противоположные качества, то получим очень старые, известные нам категории: нищие духом, миротворцы, милостивые. Звучит, как экологический призыв: блаженны кроткие, ибо они наследуют Землю. Действительно, Земля в самом буквальном смысле требует не повелительного отношения, не концепции покорителей, а концепции кротости; требует психологии человека, который готов принять или услышать руководство природных или сверхприродных сил. Еще отцы церкви так говорили: телесный труд — это есть листва, хранение же сердца — это есть плод. То есть телесный труд — есть некоторое средство, но не сама цель. А наши «народники», специалисты по земледелию, уничтоженные по процессу «крестьянской партии», Чаинов, например. Он говорил, что в основе крестьянской культуры лежит другой принцип выгоды, чем в технологической цивилизации, другая оценка выгоды хозяйства. Под «выгодностью» подразумевалось сохранение того уклада жизни, который был не средством для достижения большего благополучия, а сам являлся целью. «Выгодность» крестьянского хозяйства определялась его связью с природой, с крестьянской религией, с крестьянским искусством, с крестьянской этикой, а не только полученным урожаем.

Мы не знаем точного запаса сил природы, заложенной в нас природой мудрости. Только природа способна дать нам возможность построить жизнь на других принципах, но для этого надо подчиниться духу природы.

— В последние годы в нашем обществе заметно снизился авторитет науки, в том числе академической. Произошло это не столько из-за недостаточной отдачи, выраженной языком наших экономистов, сколько из-за неспособности к самокритике, к самоограничениям в тех сферах, которые грозят опасностью для человека. У людей возникло ощущение безнравственности самой науки, а не только отдельных ученых. Это относится и к гуманитарным, и к естественным дисциплинам, равно потерявшим свой былой нравственный авторитет. Что вы можете сказать об этом?

— Произошла страшная и трагическая деформация науки. Помню разговор на заседании Отделения физико-математических наук, секретарем которого был тогда физик, академик Лев Андреевич Арцимович. После его отчетного доклада я ему сказал: «Вы заметили, что двумя нашими наибольшими успехами назвали запуск спутника и создание большого ускорителя? Никакой же закон природы не был этим открыт. Это не было познанием приро-

ды, как раньше формулировалась цель науки. Вам не кажется, что что-то изменилось?» Он ответил: «Ну что вы, я это давно заметил. Наука обрела совершенно другой смысл. Законы природы уже почти все открыты, а появилась новая, очень увлекательная наука, смысл которой заключается в изменении самой природы при помощи этих известных законов».

И действительно, если раньше наука имела характер деятельности, близкий к искусству, даже может быть, к религиозной деятельности познания Вселенной, то теперь наука подпадает под все закономерности нашего производства. В частности, Академия наук стала таким же инструментом, как Агропром или Минвводхоз, и, к несчастью, в каждое разрушительное действие этих ведомств она тоже внесла свой весомый вклад. Когда строили комбинат на Байкале, то именно Академия наук с ее тогдашним президентом поддержала строительство этого комбината. Когда решался вопрос о переброске рек, то на решающем заседании Совета Министров Академия наук в лице ее тогдашнего президента тоже поддержала эту переброску. Теперешний же президент был в то время председателем Комитета по науке и технике. Интересно, как он тогда высказывался? И реакторы чернобыльского типа тоже были разработаны в Академии наук. Иногда в Академии наук удается лишь с величайшим трудом предотвратить новые экологически разрушительные проекты. Все это, конечно, катастрофа, происходящая с самой наукой в современном мире.

— Не кажется ли вам, что такие чудовищные преступления против нашего народа, как расказачивание, насильственная коллективизация, организованный голод тридцать третьего года, уничтожение памятников русской культуры, ГУЛАГ, а в наше время — уничтожение «неперспективных» деревень — все это звенья одной цепи? Быть может, не случайно «Память» ставит вопрос о заговоре против России?

— Вопрос о заговоре — страшный, тонкий, трудный вопрос. В этом вопросе опасны уклоны и пережесты в любую сторону. Вспомним, какие процессы протекали в нашей истории за последнее столетие. В интеллигенции выделился слой, враждебно относившийся к своему народу и его истории. В народе (отчасти — под влиянием этого слоя) разрушалась вера в Бога, доверие к монархии. На Западе создавалась концепция России — препятствия мировому прогрессу, потом она нашла последователей и у нас. Дальше происходило уничтожение образованных слоев народа, уничтожение церкви. Потом — уничтожение деревни: сначала крестьян, потом самих деревень. И, наконец, — уничтожение природы. Во всем этом чувствуется грандиозная, глобальная логика. Нельзя представить, например, сначала разрушение природы, а потом деревни. Тут действительно есть какая-то последовательность. Не странно ли, что в самом простом человеческом деле мы признаем необходимость разумного плана, а про грандиозные события истории предполагаем, что они происходят сами по себе? В результате в качестве альтернативы возникает концепция заговора. Но чей же это заговор? Мне кажется, что если бы это был в стандартном смысле заговор, как заговоры для свержения Петра III или убийства Павла I, то мы бы о них знали, такие заговоры становятся известными, а в мировые глобальные тайны истории я не верю. Одно время утверждалось, например, что Гитлер обманул немцев, что до захвата власти никто не подозревал о его планах. Но потом вспомнили, что все его идеи открыто высказывались и раньше. Он никого не обманывал, самообманом было лишь то, что люди ему не верили, не принимали всерьез. А он говорил, мобилизовывал единомышленников. Точно так же ничего не скрывали и идеологи «военного коммунизма», о будущих ГУЛАГах говорилось задолго до того, как они стали реальностью, Сталин лишь воплотил эти идеи в жизнь.

Мы находимся между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, нам предлагают концепцию творчества как бы без творца. С другой стороны — концепцию заговора, который просто по фактическим данным неправдоподобен, да и слишком тривиальна такая точка зрения. Беда как раз и заключается в том, что у нас очень мало выбора из концепций, которыми мы можем пользоваться. Раньше

CODE: беседа с Игорем Шафаревичем /6/

ITEM:

были религиозная точка зрения, мифологическая. Мы могли бы объяснить происшедшее с помощью мифа. Это было бы глубокое объяснение, в том смысле, что для людей оно стало бы логично, все бы уложилось в некую единую картину. А мы можем оперировать только концепциями научно-технического мышления, которые для таких проблем примитивны. Переделка этих концепций — мучительный и страшно сложный процесс. Гораздо более сложный, чем освобождение от цензуры или обретение права читать сочинения Троцкого. Освобождение у нас только началось. Мы только начинаем выпутываться из мрака, и хочется надеяться, что выпутаемся. Мы должны понять то, что понимали люди издревле. История — не примитивная схема. Здесь имеются захватывающие глубинные тайны, которые гораздо глубже, чем представления о группе заговорщиков-злодеев. Думаю, что, освободившись от шор на глазах, мы сможем начать разбираться в сложнейшем историческом процессе, который нужно воспринимать с трепетом, как какую-то грандиозную мировую загадку, стоящую перед человечеством.

— В «Русофобии» вы поднимаете вопрос о еврейском националистическом влиянии на формирование взглядов «малого народа». Для вас, наверное, не было неожиданностью, что это непременно вызовет обвинения в антисемитизме, шовинизме, а то и в фашизме. Чем вы объясняете столь болезненную реакцию на «еврейский вопрос»? Может быть, и здесь вся беда в том, что этот вопрос в нашей стране долгое время принадлежал к числу закрытых, не подлежащих гласному обсуждению?

— Да, конечно, мы отчасти и расплачиваемся за то, что этот вопрос был запрещенным. И запрещенным весьма основательно. Например, в 1935 году в докладе о новой конституции Молотов сообщил, что у нас пропаганда антисемитизма карается расстрелом. Какой бы смысл он ни вкладывал в термин «антисемитизм», никаких аналогичных мер, ограждающих чувства украинцев или русских, никогда не принималось. Но этот вопрос, как и многие другие ранее запретные темы, необходимо предать гласности, спокойно сформулировать и обсудить. Только так, может, что-то разъяснится. Хотя, конечно, далеко не мгновенно, такие вещи делаются очень медленно. Что же касается обвинений в мой адрес, то в них как раз и сказывается стандартный взгляд, который навязывается меньшинством большинству, превращаясь в шоры. Здесь я тоже хочу надеяться на разум и время.

— В откровениях эмигрантов третьей волны можно прочитать: «быть русским интеллигентом — значит быть евреем». Насколько соответствует это действительности, возможно ли такое замещение?

— Прежде всего мне кажется, что такое замещение в принципе невозможно. Если речь идет о русской интеллигенции, о русской культуре, то она может быть только русской, а не еврейской или узбекской.

Здесь возможны не замещения, а подтасовки. Примером такой подтасовки может служить отношение к Василию Гроссману. С одной оговоркой, что сам писатель к этой подтасовке не имеет никакого отношения, поскольку его нет в живых. Именно Василий Гроссман мне кажется ярким примером не русского, а русскоязычного писателя. У нас же каким-то странным образом избегают этого термина, я его почти не слышал.

— Наоборот, сейчас широко используются формулировки русскоязычная литература, русскоязычные писатели. По примеру англоязычных и франкоязычных, которые, кстати, никак не замещают английскую и французскую литературу как явления национальных культур. Об этом впервые заговорил критик Юрий Селезнев, писавший, что необходимо различать русскую литературу и литературу на русском языке. Ведь не называем же мы Чингиза Айтматова русским писателем, хотя он пишет на русском языке...

— Я говорю конкретно о понятии еврейская русскоязычная литература, которое существует точно так же, как еврейская англоязычная литература. В Америке это очень фешенебельная отрасль, здесь уже присуждены две Нобелевские премии. Если бы Василия Гроссмана мы называли еврейским русскоязычным писателем, то все вста-

ло бы на свои места. У него ведь есть рассказы из жизни еврейских местечек, где он продолжает традицию Бабе-ля. В романе «Люди и судьбы» видно вполне национальное отношение к отдельным героям, к истории, что совершенно естественно. Этот роман написан с некоторым хольдом к русским, что тоже вполне понятно, народ мы не из легких. Но повесть его произвела на меня страшное впечатление. Я имею в виду «Все течет». Если согласиться, что эта повесть, как нас уверяют, написана русским писателем, то создается впечатление, что русские наконец поняли, что они из себя представляют. Что же, по мысли автора, представляет из себя русская нация? Высказываются три положения. Первое: русские на всем протяжении своей истории и на всех просторах своей страны были рабами, а Россия — рассадником рабства. Русская душа — это душа раба. Второе: элементы свободы проникли в Россию лишь вместе с появившимися с Запада иностранцами. На их свободу, независимость и чувство собственного достоинства русские взирали с завистью и недоумением. Третье: русская рабская душа, как самый сильный спиртовой раствор, который растворяет все элементы свободы, уничтожила, перемолола революцию. И снова вернулась в свое рабское состояние.

Заметим, речь идет не о каком-то отдельном течении в русской мысли, не о какой-то эпохе, а о глобальном суждении о всем народе и всей его истории. Такими концепциями и оперирует автор: русская душа, русская история и т. д.

Я встречал подобную концепцию русской истории только в идеологии национал-социализма: в известном произведении ведущего гитлеровского идеолога Розенберга «Миф двадцатого века». Абсолютно та же концепция: русские, славяне — рабы. Государство и элементы цивилизации были заимствованы, завезены в Россию германцами. Сначала варягами, которые создали русское государство. Постепенно они растворились в русской массе, чистота, арийской крови утратилась. И тогда страна стала жертвой азиатских захватчиков. Она пребывала в таком рабском состоянии до тех пор, пока в послепетровские времена германцы вновь не создали здесь государство европейского типа, но потом в результате революции оно было вновь разрушено.

Это совершенно та же самая концепция, возвращенная нам в романе Гроссмана в самой крайней, радикальной форме.

Чем объяснить подобное? Если знать, как оно и есть на самом деле, что перед нами произведение еврейского русскоязычного писателя, то это еще как-то можно понять. Ну, вековые трения, обиды... А если считать, как нам внушают, что это произведение русской литературы, то получается полный абсурд. Получается, что взгляд русских на свою историю совпадает с точкой зрения Розенберга. Вот такие подмены недопустимы, они совершенно искажают истинную картину.

— Сейчас можно услышать призывы к покаянию русского народа, не отдельных участников и соучастников чудовищных преступлений, среди которых были и русские, и евреи, и грузины, и латыши, и татары, а всего русского народа. Что вы об этом думаете?

— Покаяние — категория религиозная. Более скромно, осторожно следовало бы говорить о раскаянии. Но призывать к раскаянию других — это очень сомнительный путь, чреватый новыми обидами. У каждого народа есть свои ошибки и свои преступления, только он сам может их осознать и в них — раскаяться. В качестве более доступной цели, чем всенародное раскаяние, в качестве первой ступени я бы поставил стремление к честному сосуществованию, к честным «правилам игры», исключающим подтасовки и клевету. Все имеют в жизни свои интересы, и отстаивание этих интересов — вполне законное право. Надо только научиться учитывать правомерность интересов не только собственных, но и другой стороны. Достижима ли даже эта очень скромная цель? Утверждать не берусь. Тем не менее, это кажется мне наиболее реалистичным выходом, на который сейчас можно было бы надеяться.

С АКАДЕМИКОМ ДМИТРИЕМ ЛИХАЧЕВЫМ БЕСЕДУЕТ ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ "МН" АНДРЕЙ ЧЕРНОВ. ТЕМА - ПОКАЯНИЕ

...нам дан последний шанс...

МН № 12, 22 марта 1992 г.

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ

Накануне нашей встречи в гости к академику пожаловали двое чекистов. Шестидесят четыре года назад визит людей из этого ведомства закончился для академика (тогда, впрочем, всего лишь студента Ленинградского университета) четырехлетним соловецким заключением. И теперь чекисты пришли по тому самому делу. Пришли, чтобы передать ученому папку с ксерокопиями его допросов, ордером на обыск и арест в 1928 году. Оказался в деле и шуточный доклад о преимуществах старой орфографии, писанный двадцатилетним филологом в подражание старообрядческим сочинениям XVII века. Академик уже успел забыть, что непрочитанный этот доклад, «капустниковый» текст для «стебовой» студенческой компании, именованной себя «Космической Академией Наук», вообще был записан тогда собственной его рукой. И стал для следователей главным аргументом вины.

«Ну и как доклад?» — спрошу я. «А вы знаете, хорошая работа... Хотя, конечно, и несамостоятельная».

МН — Дмитрий Сергеевич, то, что я хочу спросить, видимо, достаточно банально. «На заре перестройки», то есть на закате коммунистической эпохи, вы призвали общество к покаянию. Свершилось ли оно?

— Ни в коем случае. Сама мысль о покаянии многих привела в буйство, в ярость. Особенно это задело членов различных президиумов — лауреатов, «героев»... Как, мол, так: «У советских собственная гордость», а Лихачев зовет каяться... Но покаяние — это не разрывание собственной рубахи на площади, это — осознание исторической перспективы. Ведь грех, не-

вский грех — это камень не на прошлом, а на будущем человека, всего общества. Даже с точки зрения разума — не рационально тащить этот камень, чтобы придавить им свой завтрашний день.

МН — Итак, повторение собственных ошибок — примета нераскаянности греха? И напротив, если нет покаяния, значит, и ошибка, и преступление, скорее всего, повторяются?

— Ну конечно! Это нравственный закон, а он так же неумолим, как скажем, законы физики. Давайте покажем это на примере... ну хотя бы трех современных политиков. Один начинал перестройку, освободил от тоталитаризма Восточную Европу... Великий человек... Но он даже не понял, что же произошло с ним в форосском его заключении, для чего этот плен, к чему... Этот человек проиграл нравственно и вынужден был уйти.

МН — Но уход его был достойным. А это значит, что Горбачев все-таки что-то начал принимать не только в сфере политики и власти. Может быть, то покаяние, о котором он и слышать не хотел, делает свою работу?..

— Увидим... Но вот второй политик, наш нынешний президент. Заметим, что возвращение этого человека в политику началось только после его партийной опалы, после человеческого его покаяния. И Ельцин первый, кого к власти привел народ, поверивший в искренность раскаяния...

МН — Его автобиографическая книжка называлась «Исповедь...» Пусть и имело это слово школярское продолжение («...на заданную тему»).

— И есть глубокий смысл в том, что первый президент России из — Екатеринбурга, где расстрелян последний русский царь.

МН — Я помню, как в нашем городе, тогда еще Ленинграде, по аудитории прошел стон: Ельцин признался, что это он сносил дом Ипатьева... Это признание, а заодно и эта реакция зала были как запах озона после близкого удара молнии. Кстати, этим тема была закрыта даже для оппонентов. Но кто же третий политик?..

— Кравчук. Если вы видели недавнее его интервью по телевидению, то, наверно, обратили внимание, как он рассуждал о голоде на Украине в начале тридцатых... Президент говорил, что он «не знал»... Да как же не знать, когда знала вся страна! В Ленинграде тогда даже подъезды велено было запиравать на ночь: в них пытались ночевать голодные украинки с ребятами... Мужчин-то не было: их поса-

С АКАДЕМИКОМ ДМИТРИЕМ ЛИХАЧЕВЫМ БЕСЕДУЕТ ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ
"МН" АНДРЕЙ ЧЕРНОВ. ТЕМА - ПОКАЯНИЕ

12/

диди или постреляли... И вот человек, заведовавший идеологическим отделом ЦК КПУ, говорит, что ему не говорили... И я невольно спрашиваю: почему? Он не хотел слушать?.. Или этому человеку боялись рассказать? И где гарантия, что завтра уже о чем-то другом, общезвестном он не будет пребывать в неведении?

МН — Дмитрий Сергеевич, не получается ли, что «своего» президента мы нахваливаем, а «чужого» пинаем?

— Нет, не получается. Ельцин тоже делает ошибки, и как раз сегодня я вынужден был отправить ему телеграмму с протестом. Это по поводу минского соглашения о разделе библиотек, архивов и музеев между «независимыми государствами». Потому что это соглашение — преступление против национальных культур всех наших народов. Подготовили и подписали его невежественные люди. Что значит возвращать памятники по национальной принадлежности? Мы станем сбивать в киевских церквах фрески Врубеля и Нестерова? Или вспомним, что знаменитый спящий лев на алупкинской лестнице — из Эрмитажа? А куда мы в Петербурге денем западную живопись, благодаря которой в Ереване был создан неплохой музей? Вы представляете, какой пик национализма и шовинизма поднимется в наших народах, когда, скажем, из провинциальных музеев начнут вывозить в обе стороны то, что уцелело... Это же путь к Карабаху в границах всего бывшего Союза! Путь к фашистскому режиму в каждой республике. И если бы я

не был уверен, что парламент не ратифицирует преступное это соглашение, то, наверное, стал бы подыскивать себе другую страну, чтобы дожить отпущенное мне... Ну, а возвращаясь к разнице, которая все же существует между Ельциным и Кравчуком, скажу: Кравчук идет по проторенной Горбачевым дорожке. Это очень опасно для политика — стать заложником наиболее агрессивных сил.

МН — И эти силы всего опаснее в кризисные времена.

— Разумеется. Во всяком народе всякое и намешано. Есть и китежская дева Феврония, есть и Гришка Кутерьма, есть и доносчик Шакловитый из «Жованцины», поющий гениальный лирический плач по Руси. И большевистская революция была тоже народная, и интеллигенция участвовала в разграблении национальных и частных коллекций точно так же, как крестьяне — в разграблении помещичьих усадеб и захвате чужой земли. Все, все были повинны: и власть, и революционеры, и народ. Другое дело, что человек, не желающий признать свою вину, всегда станет валить на соседа. А лучше — на инородца. Да, Октябрьская

революция во многом была революцией национальных окраин. Потому так много среди революционных функционеров поляков, латышей, евреев. В этом нет никакого «заговора», восстали угнетенные. А Емельян Пугачев или Степан Разин тоже жидо-масоны?.. Нераскаянность, неисправленность пути — это путь в пучину нового насилия. Нам дан последний шанс это понять, ибо любая смута в ядерной стране — почти апокалипсис.

МН — Вспоминаю ваше выступление в «МН» за считанные недели до путча. Вы тогда убеждали власть отказаться от применения

военной силы против собственного народа.

— Когда говорят о «неудавшемся путче», о неудаче коммунистических заговорщиков 19 августа, мне хочется спорить. Путч провалился не потому, что был плохо подготовлен, а потому, что народ оказался другим, не таким, на который рассчитывали путчисты, и не захотел идти под нового диктатора. Другое дело, что протест может быть активным, а может и пассивным. Но не станем забывать, что на русских и греческих иконах архангел Михаил изображен с мечом. И этот меч был в те дни в руках Ельцина, в руках того майора Евдокимова, который привел девять своих танков к российскому «Белому дому».

МН — О послепутчевой судьбе Евдокимова недавно писал в «МН» Геннадий Жаворонков: майор оставался майором, пока наша газета прямо не обратилась к президенту. Тогда ему присвоили подполковника...

— Знаете, я был единственным выступавшим от всей Академии наук СССР на митинге 20 августа на Дворцовой площади. Что было потом?.. Потом меня не ввели в президиум Петербургского научного центра академии. Директор библиотеки Академии наук (тот самый, который сразу после страшного пожара 1988 г. в ней смог уехать на несколько дней в заграничную командировку и всячески преуменьшал потери) на днях, выступая по телевидению, призвал оградить библиотеку от моих «клеветнических выступлений». А ведь я всего-навсего выступил на Дворцовой... Так что Евдокимову я могу сказать одно: «Товарищ подполковник, вы знали, против кого шли. И не надо надеяться на благотворительность этих людей. А народная память — высшая из возможных наград».

МН — После путча, осенью прошлого года, Андрей Донатович Синявский в китайском ресторанчике на окраине Парижа сказал мне, что теперь ждет небывалого расцвета русской культуры. Даже если Русь останется в границах Московского княжества...

С АКАДЕМИКОМ ДМИТРИЕМ ЛИХАЧЕВЫМ БЕСЕДУЕТ ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ
"МН" АНДРЕЙ ЧЕРНОВ. ТЕМА — ПОКАЯНИЕ

13/

— Знаете, я тоже уверен в культурном российском ренессансе. Какой по счету это будет пик русской культуры? Давайте вместе посчитаем... Языческая культура Древней Руси, Киевская Русь после крещения ее Владимиром, Московская Русь, Петр, Пушкин, наконец, советская культура (как бы к ней ни относиться!) Значит, сегодня мы живем в ожидании седьмого пика русской культуры, седьмого ее рождения. Только этот подъем будет, наверное, самым трудным, ведь позади семь десятилетий разора, культурного геноцида.

МН — Дмитрий Сергеевич, давайте вспомним другую нашу беседу. «Огонек», канун 1000-летия крещения Руси. Тогда приходилось объяснять даже самые элементарные вещи, и это воспринималось как откровение! Прошло всего четыре года, и сегодня не надо доказывать, что христианство стало мощным источником духовной и творческой энергии народа.

— Да, перемены огромны. Но что нужно для счастья народа? Прежде всего — стабильность уклада всей культурной жизни. Такая стабильность уже была однажды достигнута, в XIX веке, при Пушкине. И это было высочайшей точкой развития культуры. Другой период такой стабильности — начало XX столетия. И это несмотря на все революционные катаклизмы!.. Именно Серебряный век примирил религиозную и нерелигиозную мысль. Новый расцвет будет питаться всем тысячелетним опытом нашей культуры. Но наступит он не раньше, чем стабилизируется народный быт. Вот почему так важно, чтобы библиотеки и музеи стояли на своих местах, чтобы картотеками и каталогами можно было открыто пользоваться. Ничего нельзя насильственно «перемещать», «возвращать», как у нас недавно придумали «по месту происхождения». Давайте осознаем, что художественные, исторические и культурные ценности не принадлежат ни директорам музеев, ни даже суверенным народам и нациям. Они — достояние всего человечества, и народ — это только хранитель, а не владелец общечеловеческих ценностей. И творцы культуры, даже самые национальные, тоже достояние всего человечества, а не одной нации. Как воздух, как солнечный свет.

ДОСЬЕ. «МН»

ЛИХАЧЕВ Дмитрий Сергеевич родился в 1906 году. В годы сталинского террора был репрессирован, с 1928 по 1932 год отбывал срок в Соловецком лагере особого назначения, с 1931 года принимал участие в строительстве Беломоро-Балтийского канала. Окончил Ленинградский государственный университет. Основная область интересов — древнерусская литература. Доктор филологических наук, профессор, академик Российской Академии наук.

Заведующий отделом древнерусской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом») РАН. Председатель президиума правления Российского международного фонда культуры (ранее называвшегося «Советский фонд культуры»). Народным депутатом СССР избран в 1989 году от СФК, входил в Комитет ВС СССР по науке, народному образованию, культуре и воспитанию, был членом комиссии по вопросам депутатской этики.

DAY MONTH YEAR

ЮРИЙ АФАНАСЬЕВ ОБЕСПОКОЕН ПРЕДПОЛАГАЮЩИМСЯ ЭКСПОРТОМ
ЦЕННЕЙШЕЙ АРХИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ - ПОЗВОЛИТЕЛЬНО ЛИ ТОРГОВАТЬ
ИСТОИЧЕСКОЮ ПАМЯТЬЮ?

"ИЗВЕСТИЯ", 9.3.92

ПРОИЗВОЛ В ОБРАЩЕНИИ С ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАМЯТЬЮ НЕДОПУСТИМ

Юрий АФАНАСЬЕВ, профессор

Ю. АФАНАСЬЕВ (2)

В последнее время в средствах массовой информации появляются сообщения о коммерческой деятельности Комитета по делам архивов при правительстве Российской Федерации. Речь идет о передаче копий архивных документов за рубеж. В частности, сообщают о готовящейся сделке с одной из английских фирм: ей продаются микрофиши с уникальных документов девяти фигур первой величины в истории России двадцатого века — Мартова, Троцкого, Кирова, Молотова, Жданова, Орджоникидзе и др. Говорят о предполагаемой продаже Гугеровскому институту почти 30 миллионов копий документов крупнейших организаций бывшего СССР, в том числе материалов ЦК КПСС и КГБ. Периодически появляются сведения об экспорте архивной информации, осуществляемом не только Роскомархивом, но уже и новыми охранительными службами.

Расширение информационного обмена с другими странами, вообще говоря, не может не радовать. Такая тенденция полностью соответствует международным договорам о свободе информации и способствует включению России в цивилизацию.

Вместе с тем вызывают беспокойство малопонятные постепенность и секретность, с которыми совершаются упомянутые сделки. Комиссия Верховного Совета России по передаче архивов КПСС и КГБ (в число ее членов вхожу и я) еще не завершила свою работу, поэтому, что и на каких условиях будет передано в госархивы, пока не-

ясно, в частности из архивов КГБ; передача в ведение Президента архива Политбюро ЦК КПСС заслуживает отдельного разговора. А самое важное состоит в том, что до сих пор не приняты законы об архивах, об информации, о государственной тайне, которые и должны регулировать вопросы обмена и продажи архивной информации с учетом интересов всех граждан, а не только отдельных ведомств. Не слишком ли мы торопимся передавать — пусть даже за кажущиеся большими суммы — наиболее ценные блоки нашей исторической памяти?

Сам по себе факт продажи копий является вполне рядовым в мировой архивной практике. Но объемы такой торговли обычно невелики: обслуживаются отдельные исследователи или частные фирмы. У нас же, судя по всему, затевается крупномасштабная операция. Санкционирована ли она правительством? И если да, то почему?

Есть и другие вопросы. Например, не переместится ли после подобной передачи центр исследований по российской истории в США — в Гугеровский институт — или в другую развитую страну? Может быть, лучше

создать условия для формирования международных Центров такого рода у нас? Эти условия не очень сложны: нужно только снять все бессмысленные ограничения на доступ к архивным документам и для отечественных, и для зарубежных ученых, а получаемую за пользование архивами валюту направлять на развитие архивного дела. В таком случае удалось бы не только поддержать престиж России как демократического государства, но и извлечь, возможно, значительно большую прибыль для тех же госархивов. Кроме того, издавна существует практика обмена копиями архивных материалов на равноправной основе. Подобная практика при крупномасштабном обмене позволила бы создавать и у нас центры исследований по истории зарубежья, а также формировать у обменивающихся сторон страховые фонды на случай безвозвратной утраты подлинных документов вследствие военных действий или природных катастроф (последнее соображение, к сожалению, еще весьма существенно и сегодня).

Что в конце концов лучше: сейчас продать за границу максимум «сырой» архивной информации (по аналогии с продажей переработанной нефти и другого сырья), чтобы на время залатать брешь в бюджете некоторых архивов, или решать подобные проблемы в контексте долгосрочной стратегии, формируя не только перспективные постоянные источники валютных поступлений, но и облик правового государства, уважающего демократические нормы в отношении с архивным достоянием собственного общества?

* * *

Долгое время российско-советские архивы (КПСС, КГБ, да и значительная часть государственных) оставались «закреты-

ми». Мы, а через нас и мировое сообщество, десятилетиями не имели доступа к целым пластам документальных свидетельств российской, советской и мировой истории и культуры. Это одна из важнейших особенностей, характеризующих современное, условно говоря «переходное», состояние архивного дела в России.

Другая особенность — произвол, царивший при советской власти в обращении с архивными материалами. Типичное для правившей номенклатуры пренебрежение к законам или их извращение по отношению к архивам проявлялось в праве посвященных в тайны КПСС формировать или расформировывать фонды в интересах партэлиты и по ее разумению. Мы, видимо, уже никогда не установим точного перечня (и тем более объемов) архивных документов, уничтоженных И. Сталиным, Н. Хрущевым и последующими вождями различного калибра в своих узкокорыстных целях. Из немногих известных и официально под-

твержденных фактов подобного рода напомним о судьбе советского оригинала пакта Молотова — Риббентропа и секретных протоколов к нему, оставшихся только строкой в акте об уничтожении. В результате наши архивы теперь, если воспринимать их как документированную социальную память, — это память травмированная, требующая в обращении с ней особой осторожности. Политика по архивному делу затрагивает достоинство и влияет на состояние всего общества, а значит, должна выработываться и осуществляться максимально гласно, так, чтобы исключить рецидивы советского архивного беззакония.

Наконец, никогда в мировой практике не передавались из одних ведомств в другие такие огромные массивы документации,

хранение копий документов при отсутствии государственной системы, каждое ведомство регламентировало по-своему. Ни прецедентов, ни норм, ни правил для подобной гигантской трансформации фондов мировой опыт архивоведения не предлагает.

Суммируя названные особенности, мы можем с полным основанием говорить об уникальной ситуации, сложившейся сейчас в российском архивном деле. И развитие ее, очевидно, должно проходить под пристальным и пристрастным контролем общества.

Контроля нет.

В ходе пресс-конференции в Российском независимом институте национальных и социальных проблем (он же — бывший Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) стало известно о том, что готовится контракт, по которому флорентийское издательство «Понте Алле Грацие» за 20 тыс. долларов получит от наследников ИМЛ право на публикацию сборника документов из архива Коминтерна и исключительное право продажи копий всех материалов из данного собрания.

Я задам в связи с этим только один вопрос: в чью пользу такая баснословная щедрость при столь убыточных для России условиях сделки?

И, помимо прочего, полагаю, отечественные историки, так долго лишенные доступа к важнейшим архивным хранилищам СССР, имеют полное право первыми войти в отечественные фонды.

Широкий скандал сопровождал публикацию в Италии копии письма П. Тольятти, якобы советовавшего большевикам уничтожить пленных итальянцев, чтобы на их гибель спекулировать в пользу пролетарского интернационализма и против политики Б. Муссолини. Публикаторов письма про-

верили, указав на ряд существенных искажений текста, журналисты газет «Стампа» и «Ре-публика», причем выяснилось, что за копии лучшего качества они заплатили бывшему ИМЛ в одном случае более 500 долларов, а в другом — тому же, так сказать, научному учреждению за тот же материал — отдали 600 рублей. Во что обошлось приобретение копии первым публикаторам — неизвестно.

Такие «колебания курсов» архивных документов наводят на мысль о том, что сотрудники Б. ИМЛ распоряжаются архивным достоянием Российской Федерации, которое поручено работам Роскомархива, как своим собственным. И можем ли мы быть уверены хотя бы в минимальной прибыльности подобных комбинаций для российских архивов в российской казне — я уже не говорю о национальном престиже? Мы знаем множество примеров того, как коммерческая некомпетентность разных государственных ведомств оборачивалась гигантскими потерями при внешнеэкономических операциях, но не знаем, кто и на каких основаниях осуществляет сей

час подобную деятельность в архивном ведомстве, почему при заключении сделок с иностранцами оно отдает предпочтение тому или иному зарубежному партнеру (предложению).

На мой взгляд, совершенно необходимо немедленно прекратить по крайней мере «тайнственную» коммерцию с архивами, обеспечить ее гласность и профессионализм. Вообще же говоря, абсолютно непонятна поспешность, с которой Роскомархив устремился в такого рода бизнес. Я не могу оправдать ее,

Ю. АФАНАСЬЕВ (5)

только стремлением пополнить важные ресурсы архивов, поскольку эффективность нынешних архивных предпринимательских проектов сейчас вовсе не очевидна. Куда спешим?

С продолжающимся архивным произволом прямо связан и еще один проект, тем — может быть, еще более важный, чем перечисленные, если учесть прямые последствия для нынешней социально-политической обстановки в России.

Пресса уже обсуждала возможные объяснения выборочных разоблачений (состоявшихся и готовящихся) агентуры КГБ, в частности среди иерархов Русской православной церкви, сделанных на основании выборочного просмотра документов госбезопасности, так что здесь я не буду рассуждать по поводу того, «кому выгодно». Отсутствие правозого подхода при решении подобной ситуации в целом должно звать, конечно, прежде всего Верховный Совет, который никоим образом еще законодательно не определил свою позицию по преданию на всеобщее обозрение списков «сексотов». Ответственность за то, скажем, что отдельные народные депутаты, пусть даже ведущие расследование по ГКЧП, получают доступ к архивным сведениям и произвольно используют их, лежит отчасти и на парламентской комиссии по передаче архивов: мы, к сожалению, не успели еще утвердить регламент работы с архивными материалами КГБ. Пока же народные депутаты, ознакомившиеся с некоторыми до сих пор официально не рассекреченными документами Лубянки, руководствуются в своих действиях только собственными представ-

лениями о границах нравственно допустимого. Но и при таких условиях мне тем не менее, непонятно, почему о. Г. Якуник имеет больше прав изучать и оглашать «компромат» на митрополита Питирима, чем Питирим (или любой другой, не ограниченный в правоспособности по суду) — запретить ему это делать.

Самое прискорбное в подобных разоблачениях, что «выбранные» и «допущенные», а также обдуманно или нет — важно, но показавший необычный пример сомнительного использования служебного положения оказались в лапши случаев народные депутаты, которые представляют к тому же демократическое крыло российских политических сил. Казалось бы, именно они должны противодействовать любым проявлениям нравственного и правового нигилизма. И до конца ли они убеждены, что в этой ситуации они как разоблачителя просто не пользовались по своему замыслу генералами того же КГБ, чьих агентов они предавали «на позор и поругание»?

Комиссия ВС России по передаче на государственное хранение архивов КПСС и КГБ СССР была создана по инициативе демократических сил, в состав ее вошли люди, известные как принципиальные историки (Д. Волкогонов, С. Ковалев). Работа ее, однако, идет с большими трудностями, очень медленно и не очень результативно. Мы вновь столкнулись с известным российским феноменом, когда правящая система «обволакивает» и переориентирует в своих целях любое благое начинание, провозглашенное и даже вооруженное соответствующими инструментами

(в нашем случае — парламентской комиссией) для борьбы с коренными пороками этой системы.

При всем уважении к авторитету Д. Волкогонова, едва ли оправданно было его назначение председателем комиссии — он еще и личный советник Президента. Заместитель председателя комиссии — глава Роскомархива Р. Пихоя. Таким образом, работу парламентского формирования направляют «государственные люди» — представители все той же системы. С другой стороны, собственно работа ведется как бы на общественных началах: ни правительство, ни Верховный Совет не выделили на ее финансирование ни копейки, и в служебные командировки эксперты едут за свой счет (1). В результате, не имея серьезной поддержки ни от одной из властей, комиссия с большим трудом осуществляет подготовку нормативных актов, без принятия которых преодолеть ведомственное сопротивление правопреемников КГБ чрезвычайно сложно.

Не располагая соответствующей законодательной базой, мы не можем и оспорить крайне сомнительный указ Президента России, принявшего в свое владение архив бывшего Президента СССР, совсем незадолго до августа прошлого года еще именовавшийся архивом Политбюро ЦК КПСС. В чьих интересах изымать из государственного хранения, а также из научного (и, естественно, политического) обращения эту важнейшую часть партархивов КПСС? Сейчас доступа к ней лишены и парламентская комиссия, и Роском-

архив. Дело с принятием Закона Российской Федерации об архивах между тем за прошедшие после создания комиссии месяцы ни на шаг не продвинулось.

Подводя некоторый итог сказанному, замечу: работа по освоению архивных сокровищ нашей социальной памяти должна стать предметом самого пристального внимания российского общества. Оставляя ее на произвол чиновников и ведомств, мы рискуем позволить наследникам номенклатуры по-прежнему скрывать подлинные механизмы принятия в этой стране «судьбоносных решений», рискуем за кажущейся выгодой от сиюминутных коммерческих сделок не заметить очередного рецидива социальной амнезии.

Нужно ли повторять, к каким страшным последствиям приводило лишение общества памяти в нашей совсем недавней истории?

Юрий АФАНАСЬЕВ — ректор Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук. Возглавлял Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации. В течение пяти лет был ректором Московского государственного историко-архивного института. Автор научно-исторических и политических книг, в том числе книги о французской революции. Был народным депутатом СССР, сопредседателем Межрегиональной группы. Выступал также сопредседателем Координационного совета движения «Демократическая Россия», членство в котором недавно приостановил по принципиальным соображениям.

Ю. АФАНАСЬЕВ (7)

Р. С. Статья была закончена, когда в «Известиях» (№ 57) появилось интервью с председателем Роскомархива. К сожалению, высказывания Р. Пихоя только подтверждают мои худшие опасения.

1. Судя по словам руководителя архивного ведомства, «известнейшая» (кому?) фирма «Чэдвик-Хили» получает в монопольном распоряжении для операций на мировом рынке копии 25 млн. листов архивных документов Российской Федерации, на много лет вперед закрывая для нас иные каналы обмена с зарубежными фондами.

2. Совершенно непонятно, кто все-таки в результате ре-

ализации «намерений» сохранит или приобретет право на тиражирование копируемых текстов. В одном случае Р. Пихоя утверждает, что «последнее слово, естественно, будет за нами — за собственниками», а в другом — «фирма берется продавать часть микрофильмов».

3. Конечно, глава архивного комитета очень «современно» оперирует «коммерческой тайной». По моим сведениям, однако, «Чэдвик-Хили» получит 75% доходов от торговли микрофильмами. Я не уверен, что подобный раздел прибыли можно назвать серьезным словом «коммерция», а также по-прежнему не могу понять,

имеет ли российский архивный министр полномочия на столь щедрую раздачу национального достояния.

4. Архивы, о которых идет речь в интервью, формировались не только усилиями россиян. Каким образом учтены в готовящейся сделке законные интересы других членов СНГ? На мой взгляд, число скандалов вокруг собственности бывшего СССР можно было бы по крайней мере не умножать за счет произвольных решений по архивным фондам.

5. И меньше всего я склонен «позволить не отвечать» главе Роскомархива, когда он

отказывается обсуждать в целом политику своего ведомства. Самый главный вопрос, остающийся без ответа: что сделал Роскомархив, заняв место бывшего союзного Главархива? В чем проявилась его деятельность по части подготовки Закона об архивах, подлинной реформы архивного дела в посткоммунистической России? Неужели Р. Пихоя действительно считает, что если взамен создания цивилизованной системы охраны права общества на наше архивное достояние комитет сосредоточит силы на торговле этим достоянием, общество сочтет такую активность оправданной?

Ю. А.

-----СЦ-----

ИВАН ДРАЧ: ОТВЕТ БОРИСУ МОЖАЕВУ НА ЕГО ПИСЬМО В "ЛГ"

Литературная газета 18.3.92 стр.11

Сверимся

Ответ Борису
Можаяеву

по Мономаху

В номере "ЛГ" за 4 марта было опубликовано открытое письмо писателя Бориса Можаяева своему украинскому коллеге поэту Ивану Драчу, одному из руководителей движения Рух. Письмо называлось «Резать по живому!» — о том, что рушится братское единство двух народов, что рвутся традиционные русско-украинские связи, о Крыме и Черноморском флоте...

«Научись по Евангельскому слову управлять очами, удержанию языка, смиреннию ума, погублению гнева, чистым помыслам...»

(Почтение МОНОМАХА)

Дорогой Борис Андреевич, родственник по Владимиру Мономаху, нынче в Безбожном переулке в Москве проживающий!

Хорошую ты цитату извлек из глубины Киевской Руси. Когда мы учились с тобой, правда, больше по другому Владимиру, когда мы ездили с тобой в Якутск и по Бамскому тракту, не думали, что будем так изучать Мономаха и сверять по нему современную историю. Так вот по порядку за Евангельским словом:

...управление очами...

Наверное, труднее всего дается это умение. Особенно если граница прозрачная, по Ельцину, а управление очами — от Москвы до самых до окраин, то есть украин, по Можаяеву. Управляешь очами и замечаешь хохлов тогда, когда они галушки жуют, правда, без молока, так как молоко по молокопроводу в Санкт-Петербург или в Белокаменную уплыло, чтобы уплатить за нефть тюменскую, хохлом Ермаком некогда завоеванную. И нынче-то сто двадцать тысяч хохлов там маракуют, в Тюмени-то, нефть добывают, интервенты и захватчики, а домой определяют ровно столько, сколько В. Можаяева крантик позволяет. Управляешь очами — и видишь, как донских казаков истребили, а не управляешь — и не видишь, что запорожских казаков так доистребляли еще в царские времена, что и советской власти делать было нечего. Можно и не замечать — при управлении очами, — что донские казаки — нынче-то — вдруг перелудали свою славную реку Тихий Дон и защищают великую Россию на украинской земле в Молдавском государстве над не Тихим Днестром. Все от управления очей зависит — над всеми по-

сольствами некогда бывшего СССР славное российское знамя реет, самое мирное на свете, а кто этому не верит, тот не «наш». Очень просто: и по Петру Великому, и по Ленину, и по Столыпину, и по Струве. Помните, Борис Андреевич: «Для создания Великой России, — пишет Струве, — есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, то есть все европейские и азиатские страны, выходящие к Черному морю». А главный ресурс для этой цели — и по Струве, и по Ленину — донецкий каменный уголь... Без всякого преувеличения можно сказать, что только на этом черном минерале можно основать Великую Россию.

...удержание языка...

Еще более тяжело дается это умение, Борис Андреевич.

Вот Вы в своем письме по-мужски режете: «Мало того, что оттяпали от России Крым и преподнесли его нашим начальникам, как табакерку? Теперь другие начальники еще более хотят унижить Россию — уничтожить, растащить Черноморский флот». И уж на кончике гневливого пера вжыт, небось, известные слова Пушкина: «Иль старый богатырь, покойный на постеле, не в силах завинтить свой измайльский штык? Иль русского царя уже бессильно слово?» Мне могут возразить: а царя-то и нет. Да, его нет, но он может образоваться. В каком лице? Какой окраски? Неведомо. Вы этого хотите, господа?

Удержание языка, Борис Андреевич, произошло таким образом, что из бездонного Пушкина была извлечена другая полностью советская цитата — измайльский штык был завинчен. Вы спохватываетесь:

«Вот что должно беспокоить нас

ИВАН ДРАЧ: ОТВЕТ БОРИСУ МОЖАЕВУ НА ЕГО ПИСЬМО В "ЛГ" (2)

3
прежде всего — вражда народов-братьев. А границы оставим политикам. И вспомним Пушкина: «...когда народы распри позабыв, в великую семью соединятся».

Вы сначала, признайтесь, подумали о штыке, а потом о великой семье, что, как видим, одно и то же. Великую семью, Борис Андреевич, измаильским штыком только и можно содержать. Уж Вы то, автор «Мужиков и баб», это наверняка знаете. Вуковар можно уничтожить, а хорватскую независимость — невозможно, разве уничтожить последнего хорвата. Неужели Вам, киносценаристу, не видно, какие силы хотят поставить русско-украинский фильм по подобному сценарию?! Удержание языка — дело возможное.

...смирение ума...

Смирись, мой гордый ум! Такое в мире происходит, Борис Андреевич, что курды и уйгуры, хорваты и словенцы хотят быть людьми, заимев свое государство. Без государства не получается. У нас, украинцев, без государственности тоже ничего не получится.

Говорят, что нас во времена Богдана Хмельницкого было примерно столько же, сколько и вашего северно-

го брата. Дует москаль — это северный ветер, дует турок — это ветер южный, это живо еще в современном лексиконе. Между этими двумя ветрами мы произошли. Русские или же украинцы равнялись москалям или москвитам. Правда, историки нас предупреждают, что во времена Алексея Михайловича Москва своим самым мирным на свете сапогом прикоснулась к Тихому океану. Мы тоже ей помогали. Потом русские или же черкасы стали украинцами, а москвиты — русскими, спасибо всем собирателям империи, особенно Петру Великому (це той перший, що розпинав нашу Україну, а вторая доконала вдовусиротину). Это, конечно, Шевченко, от него мы не уходим в смысле оценки. Он не воспевал измаильский штык.

Уже сто лет тому назад (перепись 1897 года) украинцев или малороссов было до тридцати миллионов, а русских (или великороссов) — до пятидесяти. Сейчас украинцев в пределах Украины почти столько же, как и сто лет тому назад, а русские увеличились втрое и их стало сто пятьдесят миллионов. Если бы украинцы развивались таким образом, как и русские, за последние сто лет их было бы уже до ста

миллионов. Где же мы потеряли половину своего народа, где же мы потеряли минимум пятьдесят миллионов, где мы потеряли свою половину и живем количественно полународом, полунисторией? Живем полупрошлым, не без Вашего рачения и умения, то неужели и жить нам полубудущим?! Ведь нельзя нам думать, думать даже об измаильском штыке — ведь пятьдесят миллионов малороссов увеличили племя великороссов. Знаете, Борис Андреевич, какая самая страшная военная, стратегическая тайна в СССР, или СНГ, или же в бывшем Архипелаге Гулаге? Эта тайна — количество украинцев, или хохлов. Вы любите это слово, в пределах бывшей империи. Разузнаете эту тайну, сообщите мне в открытом письме. А что касается настоящей военной тайны, так она тоже хороша — 352 тысячи украинцев, это, кажется, каждый третий офицер в Вооруженных Силах СНГ, неужели нас и это не смиряет?!

...погубление гнева...

Борис Андреевич! Недавно наш историк Василий Маючкин извлек из архива один документ, который бомбой взорвался среди читателей «Литературной Украины». Это Приказ № 0078/42 от 22 июня 1944 года по Народному Комисариату Внутренних дел Союза ССР и Народному Комисариату Обороны Союза ССР. Содержание: о ликвидации саботажа на Украине и о контроле над командирами и красноармейцами, мобилизованными из освобожденных областей Украины. Подписали этот приказ Берия и Жуков. Первым пунктом постановления идет: выслать в отдельные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью немецких оккупантов...

Недаром в докладе на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года «О культе личности и его последствиях» Н. С. Хрущев, говоря

О массовом выселении со своих родных мест целых народов: заявил: «Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил». Дальше в кавычках ремарка — «смех, оживление в зале»...

...ЧИСТЫЕ ПОМЫСЛЫ...

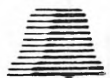
Наверное, ты слышал, Борис Андреевич, что с самого начала создания Руха в Украине определилось вот такое отношение к другим нациям и народностям: русский в Украине должен себя чувствовать лучше, чем он себя чувствует в Москве, Ленинграде или Нью-Йорке. Егрей в Украине должен себя чувствовать не хуже, чем в Москве, Нью-Йорке или Тель-Авиве, поляку в Украине должно быть лучше, чем в Варшаве или Чикаго. И только тогда украинцы имеют право дома себя чувствовать не хуже, чем в США или Канаде. Конечно же, это идеализм чистой воды. Но именно из-за этих приоритетов Украина — один из самых стабильных регионов мира. Поэтому русские на Украине не ущемлены так, как украинцы в России — назови мне хотя бы одну украинскую школу или украинскую кафедру в университете! Поэтому так себя вольготно чувствует антисемитская «Пам'ять» в Москве! Не в Киеве!

Если ты нашел советскую цитату даже у Пушкина, чтобы закончить письмо, я возьму антисоветскую цитату у Маяковского:

Знаний груз у русского
тощ —
тем, кто рядом, почта мало.
Знают вот украинский борщ,
знают вот украинское сало...
Говорю себе: товарищ москаль,
на Украину шутки не скаль,
Совет не из последних.

Иван ДРАЧ

ВЮ

В НАШЕЙ ДЫРЯВОЙ ЛОДКЕ, ЗАСТРЯВШЕЙ НА РИФАХ, ТРОЕ УЦЕЛЕВШИХ ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ: КОММУНИСТЫ, ДЕМОКРАТЫ, ПАТРИОТЫ. И КАЖДЫЙ РАД УТОПИТЬ ДРУГОГО, И ВСЕ ОНИ ВМЕСТЕ РАДЫ БУДУТ НА ПАЯХ УТОПИТЬ ДЭЭСОВЦА

"ДЕНЬ", №11, 1992, стр.8

Валерия **НОВОДВОРСКАЯ**, член ДС, политический обозреватель газеты «Хозяин»

Специально для газеты «День»

ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ РОССИИ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я ДОЛГО ПЫТАЛАСЬ решить для себя вопрос: могу ли я гегататься в «Дне», если его тенденция, одержав верх, неизбежно и безоговорочно приведет к уничтожению таких, как я и мои товарищи по ДС? Но вслед за этим задавалась другим вопросом: а что — коммунисты или демократы разве жаждут нам чего-то другого? В нашей дырявой лодке, застрявшей на рифах, трое погорельцев, трое уцелевших после кораблекрушения: коммунисты, демократы, патриоты. И каждый рад утопить другого, и все они вместе рады будут на паях утопить дээсовца. Кто из советского «общественного» сектора не жаждет крови неконформиста? Смирившись с неизбежностью собственной гибели от руки читателей «Дня», «Гласности» или «Курьеров», я настроилась на конструктивный разговор. Знаете ли вы, что такое демократия? Если, конечно, не по советским стандартам, не по сегодняшним выкройкам. И нужна ли демократия России? И что такое Россия? Демократия — это наш горизонт, к которому вечно и безуспешно рвется человечество. А Россию мы ощущаем как наше несбывшееся. Она сидит, как Фрэнки Грант, в нашей лодке и убежит от нас по волнам, а мы не сможем последовать за ней из-за нашего ничтожества. Велика сила искренности

сти к торжествующему врагу, и здесь, против танков и армий, уместны и резюмирующие, и гражданские войны. Но глупость к поверженному — это уже слабость.

Парафразируя известное варварское

заключеше, я могу сказать: горе победителям!

А побежденных нужно закосить в Красную книгу. Мы первыми высказались против преследования коммунистов и расправы над Остаивили (все помнят эти заявления ДС), нам омерзительна кровавая расправа над антиправительственной мирной манифестацией 23 февра-

раля, мы отпустили бы на все четыре стороны геккачистов. И не потому, что это все хорошие люди, а потому что репрессии — хуже всего.

Пусть наш ОМОН нас не бережет. Обойдемся без него.

Но мы же 19 августа первыми пришли к «Белому дому». Мы же не допустим расправы над Ельциным и его «демократами». Мы готовы идти на их штыки, но им смерти или тюрьмы мы не желаем. Мы гуманисты, нас выбросят из лодки первыми. На здоровье, но мы никогда не ответим тем же. И это, кстати, тоже Россия и лучшее, что было в ней. Так поступили Борис и Глеб.

В НАШЕЙ ДЫРЯВОЙ ЛОДКЕ, ЗАСТРЯВШЕЙ НА РИФАХ, ТРОЕ УЦЕЛЕВШИХ
ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ: КОММУНИСТЫ, ДЕМОКРАТЫ, ПАТРИОТЫ.
И КАЖДЫЙ РАД УТОПИТЬ ДРУГОГО, И ВСЕ ОНИ ВМЕСТЕ РАДЫ БУДУТ НА
ПАЯХ УТОПИТЬ ДЭЭСОВЦА

"ДЕНЬ", №11, 1992, стр. 8

2

Христианин не может соревноваться с другими в жестокосердии, подлости и презентивных ударах, но только в достоинстве, благородстве и великодушии.

Я готова пойти с гонимыми коммунистами в львиный ров, но если они при-

дут обратно (ортодоксы, конечно, а аппаратчики и так куда-то уходили), я с ними не буду разговаривать иначе, чем на языке оружия, ибо это священное право меньшинства.

23 февраля «демократы» разогнали демократию на коммунистическом митинге. Позор и долой — вот что я могу сказать. Но где альтернатива? Где есть место честному подвигу? «Наши» — те

наши. Сейчас их можно пожалеть, но они не пожалеют никого. Если «День» — духовная оппозиция, то кому? Идее демократии или ее жалкой советской карикатуре?

В этом марафоне жестокостей, где бесчестье и злоба равны: с обеих сторон («Огонек» трезовал крови Осташвили, патриоты готовы стать гонителями ни в чем не повинных, вечно гонимых евреев), рано или поздно придется стрелять в нас — в тех немногих противников, которых вы не упрекнете ни в чем бесчестном.

Это мы, дээсовцы, стояли в Вильнюсе в прошлом феврале у захваченного теле-радиокомитета с литовским флагом и лозунгами «У советского оккупанта нет отечества. Его родина — танк» и «Красные подонки, вон из Литвы!». Стояли под автоматами без аңтников и умоляли нас расстрелять, чтобы мы могли испить позор России и заплатить наш долг Литве.

Мы проповедуем любовь священным словом отрицанья. Читайте Некрасова, он тоже был патриот. Мы не допустим насилия над странами Балтии, над Молдовой, над Украиной. Если это случится, нас придется убить еще раньше литовцев и латышей. Слишком долго Рос-

сия была сапогом, наступающим на лицо человечества.

Вам кажется, что рушится Россия, но это крик еще ее несправедной мощи и злой силы. Нам надо стать слабой страной, тогда мы поймем цнетенных и вернемся к Христу. Сила не даст нам прийти к покаянию.

Я работаю в газете «Хозяин», которую вполне можно считать и российской, и патриотической. Но в ней нет ни злобы, ни спеси. Как любит гозорить наш главный редактор Ю. Васильков, все мы в одной лодке — и «Дечь», и «Хозяин», и «Московские новости», и «Тема», и «Куранты».

Мы должны научиться понимать друг друга. Иначе не только мы не выживем, но иначе не стоит и жить.

Есть вещи постыдные, лежащие ниже уровня нравственности и христианской культуры: разгон митингов, репрессии, месть, разговоры о сионистах и масонах, оккупация чужих земель, особенно если они такие маленькие, как Латвия, Эстония и Литва.

У каждого из нас есть право на свидение России и на свой проект ее спасения. Были бы они человечны!

Я предлагаю вам свой проект и свою историю — «Крестовый поход идей».

В НАШЕЙ ДЫРЯВОЙ ЛОДКЕ, ЗАСТРЯВШЕЙ НА РИФАХ, ТРОЕ УЦЕЛЕВШИХ
ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ: КОММУНИСТЫ, ДЕМОКРАТЫ, ПАТРИОТЫ.
И КАЖДЫЙ РАД УТОПИТЬ ДРУГОГО, И ВСЕ ОНИ ВМЕСТЕ РАДЫ БУДУТ НА
ПАЯХ УТОПИТЬ ДЭЭСОВЦА

3

"ДЕНЬ", №11, 1992, стр.8

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ИДЕЙ

От ликующих,
 праздно болтающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня
 в стан полюбивших
За великое дело любви!
Н. НЕКРАСОВ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX века считается пределом, кладезем духовности. Чехов, Толстой, Достоевский, Тургенев, Гончаров...

Да, но можно ли напиться из этого колодца? И является ли духовностью одержимость духом, когда он поработывает себе человека, превращает его в бесноватого и заставляет с печью у рта корчиться в конвульсиях? Недаром из таких «интеллигентов» Христос изгонял духов, и те входили в свиней, а свиньи бросались в прутья и тонули на радость апостолам, на горе пастухам... Не те же ли духи составляют духовность авторов, читателей и героев русской литературы? По крайней мере действия ее героев очень напоминают действия бесноватых. А поскольку мы, в отличие от Иисуса, бесов изгонять не умеем, то остается только пожать плечами и не слезовать столь пагубным примерам.

Вот, скажем, мой любимый автор — Достоевский. За что любимый? Не за добрый пример, не за руководство в жизни, не за свет в ночи. За антидею — чего не надо делать, как не надо жить, во что опасно веровать, если хочешь остаться личностью! Достоевский внушает нестерпимое чувство неприятия российской действительности, самого стиля русской жизни, самого нерва интеллигентской мысли. Он засеивает, как трясина. Запах гнили, болотные огни, бездна под ногами... Личность утонула, ее тащит вниз, и вот этот-то последний миг — судорожные попытки ухватиться за соломинку, обезумевшие глаза, животные вопли страха, отвратительное чавканье топи над головой и пузыри на поверхности — и запечатлели романы Достоевского.

Черт возьми, господа! Если уж тонуть, то тоните досойно, без паники, и не в болоте, а в чистой воде. Мало вам, что ли, океанов, водоворотов, горных рек? У Достоевского была возможность утонуть не в болоте — это когда он стоял на эшафоте на Семеновском плацу. Петрашевцы ушли под лед, но в хрустальную горную воду замерзшей реки. Да и в 70-е, 80-е годы океанов хватало — виселицы были для всех, кому не понравилась трясина. Однако кончил великий писатель именно трясинной (Победоносцев, «Бесы», консерватизм, семья, картеж, «Гражданин») — вместе со своими героями.

Самое печальное в героях Достоевского то, что они — соискатели «права иметь», но не его лауреаты. Право иметь, о чем тщетно суетится слабый Раскольников, которому на его экзамене, на какой он сам не спросился, разве что двоек можно поставить, божий дар. Оно осеняет голову избранника, и он не станет стоять в очереди за удостоверением на право, которое дано ему с рождения. Ну, если хотите, не божий дар, а то, что похищаем мы у рока: подошли к дереву жизни, потрясли, угостились, пошли и закусили яблочком с дерева познания Добра и Зла. И пусть ангелы с огненными мечами кричат «Караул!», Бог-отец зовет местный ОМОН, а змей растерянно шипит в кустах бузины: а соращать-то и не понадобилось! И нечего нас гнать, мы и сами уйдем. Мы по отношению к року — оппозиция внесистемная.

Сколько же дрожащих тварей пришло под переплетами Достоевского! Наполеон повиновался себе и знал, чего он хочет, как Фрэнк Грант. Христос мог идти по воде, ибо обладал волей к власти. А Раскольников как выплез из барки, так срезу и утонул, ибо веры не было, а была дрожь. Наполеоны беззащитных старушек из-за барахла не убивают — у них другие масштабы.

В НАШЕЙ ДЫРЯВОЙ ЛОДКЕ, ЗАСТРЯВШЕЙ НА РИФАХ, ТРОЕ УЦЕЛЕВШИХ
ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ: КОММУНИСТЫ, ДЕМОКРАТЫ, ПАТРИОТЫ.
И КАЖДЫЙ РАД УТОПИТЬ ДРУГОГО, И ВСЕ ОНИ ВМЕСТЕ РАДЫ БУДУТ НА
ПАЯХ УТОПИТЬ ДЭЭСОВЦА

"ДЕНЬ", №11, 1992, стр.8

Величие духа очень далеко от жалких терзаний мелкого пакостника и нашкодившего школьника Раскольникова. Недаром Порфирий Петрович сомневался, что у него хватит духу «ручки на себя поднять». И на это не хватило. Ох, не зря в России для таких, как Раскольников, смертной казни не было! И он, и леди Макбет Мценского уезда Катерина Измайлова отправились на каторгу. Ничтожная душа, действующая в слепоте и бессознательности, эшафота недостойна, ей каторга в самый раз. Хорошо в этих вопросах разбиралась российская власть. Она удостоила эшафота лишь тех, кто и в самом деле право имел, — народовольцев, эсеров, инсургентов, которые

встали выше жалких законов государства и дерзнули сказать по Савинкову: я так хочу. А этого государство не прощает никогда: разрубания его гордых узлов, разрушения его агонических конюшен (зачем их чистить, прощеспалить).

Сколько еще поколений обречено задыхаться в бережно скопленных отцами нечистотах? Достоевский совершил великий грех — он оклеветал революцию, он оболгал, опозлил ее в «Бесах», он, словно мародер, отнял у казненных за землю и волю то, чего у них и враги не стинали: имя в потомстве, бессмертие, честь. Мечаев — это был тот же Раскольников революции, но «Бесы» — пасквиль не на мечаевщину. Ро-

ман оскверняет прах Желябова, Перовской, Молодецкого. В российском болюте били чистые родники — от Радищева до Каляева.

ИТАК, ДУХОЗНОСТЬ «Преступления и наказания». О Раскольникове (не к ночи будь помянут) все сказано. Духовность вселенской жертвы Сонечки Мармеладовой, которая мало того, что обрекла себя на проституцию, но еще и не ропщет. Ради спасения малых сил? Жизнь отдай, а достоинство, честь, личность не смейте трогать, хотя бы не только Катерина Ивановна с детьми, а весь Петербург с голоду умер. Свободный человек не продается в рабство даже во имя спасения мира. Нет ничего, что оправдало бы унижение человека, порабощение его духа. Бессмысленны и гадки терзания Мармеладова, который губит и Сонечку, и семью. И героиня образа Дунечки, не нашедшей своего мученичества и своей веры, начисто стирается в прозаическом союзе с Разумихиным. Разумихин, пожалуй, лучше всех в романе: он ничего из себя не строит, он просто добр и со всеми этими бесноватыми по доброте возится.

Добро — редкий гость в романах Достоевского и вообще в духовно-припадочной, но злой русской литературе. Сонечкиного добра не приемлю — что за добро через надругательство?

Даже разговоры о дерзании, о вызове, о свободе у героев Достоевского кончаются поражением, причем постыдным: судьба указывает гари дрожащей ее место. Кириллов из «Бесов» начинается хорошо: с идеи самоубийства из своеволия. А кончается судорогой страха, животным ужасом, и если бы не Верхоленский, уж, конечно, никакого выстрела не было бы. Своеволье, которое кончается попыткой спрятаться от обета в простенке, в шкафу, — это уж чисто по-русски.

Идея съедает человека, но человек не становится вровень с идеей, сам же автор это и объясняет. Поражение Ставрогина венчает петля, но ведь в битву-то он и не вступал. Еще одно самоубийство из страха перед жизнью, перед собой, от неумения завоевать мир, собственное темное подсознание. Не от того ли стрелается и Свидригайлов? Подростки Достоевского мечтают о ростовщичестве; интеллигентные ростовщики из чисто духовных побуждений доводят кротких жен своих до самоубийства; мечтатели отдают невест на поругание фтам, да еще и сами провожают их к ним; мыслители-сектанты в подполье решают вопрос о том, свету перевернуться или им чаю попить, и пьют чай, а свет не переворачивается, ибо они забились в свою нору и на свет выглядывают робко, бочком, как мыши. Карамазовщина тоже кончается плачевно: «беспредельщик» Митя ничего беспредельнее убогого разврата не придумал и даже на каторгу попадает за чужие грехи за неспособностью нагрешить достаточно самому; Иван вместо мщения за слезинку замученного ребенка оказался слаб перед миром, гармонию которого отвергал, и мир победил его, сломал, довел до безумия (не можешь участвовать в убийстве отца — не берись, а если решил, что имеешь право по идейным соображениям, — держись до конца, а не лишайся рассудка), Алеша же, чистая душа, — явно лишний свидетель.

В НАШЕЙ ДЫРЯВОЙ ЛОДКЕ, ЗАСТРЯВШЕЙ НА РИФАХ, ТРОЕ УЦЕЛЕВШИХ
ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ: КОММУНИСТЫ, ДЕМОКРАТЫ, ПАТРИОТЫ.
И КАЖДЫЙ РАД УТОПИТЬ ДРУГОГО, И ВСЕ ОНИ ВМЕСТЕ РАДЫ БУДУТ НА
ПАЯХ УТОПИТЬ ДЭЭСОВЦА

"ДЕНЬ", №11, 1992, стр.8

вроде греческого хора, видя все эти кошмары, плачет, рыдает, ломает руки, но помочь ничему не может, ибо не воин Христа, а его раб и без хозяина действовать не в силах. Если за этим его старец Зосима в мир послал, то не велика прибыль для мира!

Тщета и бесплодность отвлеченного христианства у Достоевского страшно доказаны и запечатлены. Чего стоит Лизонька его, из тех же «Карамазовых», которая мечтает над распятым заживо ребенком ананасный компот кушать, а потом — без переходов — за людьми, как за больными, ходить.

Христианство Достоевского — вывихнутое добро, инвертированное добро, из которого, кроме зла, ничего не

выходит. Кого спас благостный князь Мышкин? От его добра все персонажи романа только что кусаться не начали, на стенку полезли. Он своим добром, словно раскаленными щипцами, истязает. И результат: Настасья Филипповна сбежала и погибла, Рогожин стал убийцей, Аглая попала в руки авантюриста. Если это и есть апогей российской духовности (а Достоевский так и почитается за ее вместилище), то духовность наша — радения хлыстов: люди обезумевшие, раздетые, растрепанные мчатся в дикой пляске, словно в дантовом аду, воют, извиваются и вопят: «Дух накатил! Дух накатил!». Благодарствую! Меня что-то не тянет в секту российских интеллигентов, болтливых, как старые бабы, и бесплодных, как евнухи. Это Достоевский.

ГЕРОЯМ ЧЕХОВА повезло не больше. Они явно рождены ползать, но почему-то все рвутся летать. Герой «Скучной истории» не нашел смысла в жизни, но умрет хотя бы тайным советником (какая тоска). Герой «Палаты № 6»

тоже не нашел смысла в жизни, но попадает в психушку и умирает, как и его старший коллега, в отчаянии и ужасе. Никто из чеховских героев не верует в идеал, который способен наполнить жизнь, а если верует, то тошнотворно, так, что хочется бежать, как от Лиды из «Дома с мезонином», веровавшей в земство, реформы и эволюцию путем аптек и обучения грамоте, или как от героя «Моей жизни» Михаила, веровавшего в «маленькую пользу» и спасшегося малярным делом. Один чеховский интеллигент сам определяет, почему он так бездарно тратит свою жизнь: «По привычке пить и жить зря».

Герои Чехова даже до Москвы добраться не способны, хотя чего уж про-

ще. Это для них недостижимая мечта. Герой «Рассказа неизвестного человека» вроде бы имел настоящее дело — участие в боевой организации эсеров, но, не свершив ничего, утомился, перестал верить и захотел просто жить, наслаждаясь природой и любовью, — и этим-то и толкнул на самоубийство Зинаиду Федоровну, которая хотела жить ради его идеи. Любовь для чеховских героев — орудие пытки (влюбившись в Сашеньку, знаменитый Иванов истязает, как настоящий садист, Сарру); мысль — власяница, которую носят гордо, напоказ, не под платьем, а поверх платья, как мантию; идея — верги юродивого, которые вызывают не почтение к идее и желание приобщиться к ней, а брезгливое презрение и к идее, и к носителю ее. Герои Чехова довольно часто стреляются и пробуют даже топить на мелководье, в чем не преуспевают; но и здесь им не сочувствуешь, а вздыхаешь с облегчением, что наконец-то бедняга и сам избавится от своих неинтересных и нудных

страданий, и мы от него отдохнем. При чем значительную часть времени герои Чехова тратят на в разной степени прозаическую любовь (сейчас сказали бы: секс с разговорами), доходящую быстро до взаимной скуки и ненависти, и на еду: кулебяку, балык, икру, рябчиков, тетерок, пироги и осетрину. А осетрина-то с душком.

И в ужасе думается: а эта склонность советского околордиссидента-интеллигента предаваться диссидентству на кухнях, все топить в словесах, быть импотентом в действии и заниматься самоедством, то есть рефлексией, — уж не врожденная ли она, уж не в крови ли у нас, от героев Чехова и Достоевского? Только у нас — на кухнях, а у них — в усадьбах, в собственных домах, в мезонинах. Еще жестче препарировал российскую жизнь Гончаров.

Его герои или спят в знак протеста и лени, или ворочают делами, как Штольц, и до того бессмыслен этот их смысл, что и впрямь им назло уснешь. Розовый идеализм Адуевых превращается в серый практицизм со стальным блеском и железной хваткой, а романтические герои «Обрыва» или совершают «героические» поступки, отдаваясь любовнику в беседке, и потом сходят с ума от раскаяния и благополучно возвращаются в лоно церкви и семьи, или сначала бродят в кустах и пугают обывателей цитатами из Прудона, а потом тоже каются и готовы вступить в честный брак до гроба (это я про Веру и Марку, у других и вовсе никаких заключений).

В НАШЕЙ ДЫРЯВОЙ ЛОДКЕ, ЗАСТРЯВШЕЙ НА РИФАХ, ТРОЕ УЦЕЛЕВШИХ
ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ: КОММУНИСТЫ, ДЕМОКРАТЫ, ПАТРИОТЫ.
И КАЖДЫЙ РАД УТОПИТЬ ДРУГОГО, И ВСЕ ОНИ ВМЕСТЕ РАДЫ БУДУТ НА
ПАЯХ УТОПИТЬ ДЭЭСОВЦА

"ДЕНЬ", №11, 1992, стр.8

6

Несколько иначе дело обстоит у Тургенева, может быть, самого умного и нерусского из всех русских писателей; эстета, который не склонен упиваться ни жалкими российскими безобразиями, ни уродливыми российскими конвульсиями, именуемыми духовностью. Если его герои вдруг ощущают в себе дух, беременеют духом, он, когда не хочет посмеяться над ними, как над героем «Нови», стреляющим от того, что самому неудобно стало от своей «народнической деятельности», уводит их за пределы российской действительности: в Париж (на баррикады или дуэль), в Болгарию, на тот свет, в монастырь, просто за горизонт романа, как Марианну из «Нови».

«Память», кажется, собирается восстанавливать Россию. Что будем выкапывать на погосте? Штольцев? Обломовых? Адуевых? Карамазовых? Самодержавие? Православие? Народность? Распутина? Русификацию инородцев? «Мужиков» Чехова? (Рекомендую почитать современным народникам и любителям реставраторства славного прошлого: накопительство плюс немного внешних традиций или водка и бедность, а иногда, в порядке развлечения, бунт, после которого кое-кого будут пороть, а они останутся жить, ибо порка — норма и тогда, и сейчас). Читайте также и Бунина, который воспел утраченное российское прошлое. Не испугаетесь ли, господа интеллектуалы? Бессмыслицы, и коровьей жвачки повседневности, и привычного рабства, и растительного существования?

И ЭТО — ВСЕ, что у нас было? Да нет, к счастью. Были еще инсургенты. Те, кто выстрелил себя из этого болота, подорвал его своими бомбами. Есть Леонид Андреев, и Степняк-Кравчинский, и Грин. Но это не Россия — это Русь. И кажется мне, что та самая Русь, которая сгинула в XV веке вместе с Новгородом и Псковом, не умирала совсем никогда, а ушла под воду, как град Китеж, и слала оттуда вести: кострами раскольников, вызовом Филиппа Колычева и Курбского, фоллантом Радищева, единоборствами народолюбцев, баррикадами Пресни, гражданской войной, стихами и гибелью Василия Стуса, площадями — декабристскими, дээсовскими.

У той Руси слово не расходилось с делом. Военная демократия — это демократия равных и храбрых. Новгород менял князей, как перчатки. Князя тверские, Михаил и Александр, были не властителями, а героями, и лидерство их было неформальным. Та Русь

умывалась опасностью и обретала в ней силы. Сила, чистота, рыцарство, добро, но не припадочно-слезливое, а суровое и действенное — все это у нас было. Наш утраченный молодой Гим... наша республика. Наша республика. Наша лишенная жестокости Спарта. Не об этом ли мечтала и Марина Цветаева?

Здесь никто не сдавался в плен.
Здесь от вена еще не пели.
И не жаловались. Взамен
Пасторалей и акварелей,
Травок, лужиц, озачек, дев —
Спарты мужественной рельеф.

Полуязыческая Русь, не знавшая слова «смирение», отвергавшая покорность вместе с рабством, где не было толпы — был народ... не забывшая еще рунические предания своих благоприобретенных варягов, Одина и Тора, скандинавское программное бесстрашие, помножившееся на скифскую степную удаль, на вечное партизанство вятичей, кривичей и дрезлян. Это оттуда: за землю и волю.

Некогда в Италии великий Мадзинес заговорил во вполне трезвое время с Возрождением — Рисорджименто, о молодой Италии и так назвал свою подпольную организацию. Отсюда Гарибальди, Овод, вечная сказка нашей юности. Давайте восстанавливать молодую Русь, не знавшую ни ярма, ни наручников. Нам все равно не жить на кухнях, но не ужиться и в супермаркетах. Давайте восстанавливать Китеж. Человечество остро нуждается в эпохе новых крестовых походов — крестовых походов идей. С первой эпохой так и было: не грабить же ехали палadini, не гроб Господень у неверных отбивать — за идеей, опраздывающей жизнь, устремлялись. А такая идея — не бремя, а радость. Еще немного — и человечество задохнется без великой мысли: кто от избытка вещей, кто от недостатка их. Как найги брод между утопиями Оруэлла, Хаксли, Джузеппе д'Агазы, Платоноза? Как не попасть в «Чевенгур», не свалиться в «Котлован», не утонуть в свалке мусора «Америки, о'кей», не сгнуться в застенках Океании или в наркотическом забытии комы Хаксли, у краников с дугами? Пойдя по лучу крестового похода, чтобы отвоевать наш Китеж, мы мнимем все грязные лужи цивилизации.

В НАШЕЙ ДЫРЯВОЙ ЛОДКЕ, ЗАСТРЯВШЕЙ НА РИФАХ, ТРОЕ УЦЕЛЕВШИХ
ПОСЛЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ: КОММУНИСТЫ, ДЕМОКРАТЫ, ПАТРИОТЫ.
И КАЖДЫЙ РАД УТОПИТЬ ДРУГОГО, И ВСЕ ОНИ ВМЕСТЕ РАДЫ БУДУТ НА
ПАЯХ УТОПИТЬ ДЭЭСОВЦА

7

"ДЕНЬ", №11, 1992, стр.8

В конце концов
не к высокопарным умыслам —
Божество влечется к юности.

М. ЦВЕТАЕВА

И где-то за спиной останутся несо-
стоявшаяся, сброшенная комом, как
блин с мировой сковороды, Россия, и
свирепая и скучная, как все варварские
империи, Совдепия, и уютный, игрушеч-
ный, закрытый, как вещь в себе, За-
пад, со своей комнатной свободой —
для внутреннего употребления, боя-
щейся сквозняков. А перед нами доро-
га к Изумрудному городу, только не
вымощенная желтым кирпичом, а пыль-
ная и тернистая. Владимирка. Наше
шоссе Энтузиастов. Но мы не потащим-
ся по ней в цепях, звеня кандалами и
проклиная судьбу. Мы поедем по ней
легко, гордо и красиво — верхом
(«Шесть коней подарил мне мой друг
Люцифер», Н. ГУМИЛЕВ). Последуем
совету Савинкота: не бремя долга, а
радость игры. «Я не говорю: я должен.
Я говорю: я так хочу. Почему? Не все
ли равно. Я так хочу. Пью вино цель-
ное. Ибо мой предел — алый меч».

Идея не будет давить нам на шею,
как ярмо, — она будет летать по на-
шему знаку, как сокол, бросаться на
добычу, достигать ее, приносить к на-
шим ногам, парить в поднебесье и по
зову возвращаться на нашу вышитую
рыцарскую перчатку. Обойдемся без
железных доспехов. Облечемся в сво-
боду и мечту. А по дороге нам встре-
тятся немало драконов, которых нуж-
но побороть, оборотней, которых нуж-
но разоблачить и устранить, рабов, ко-
торых нужно освободить, красавиц, ко-
торых нужно спасти от колдунов и ве-
ликанов. В дороге скучно не будет.

Между страстью, налечасей,
И бессмертной мечтой,
Между частью и вечностью
Выбирай — выбор твой.

М. ЦВЕТАЕВА

EH

Письмо из Сибири

В какую Россию вернется Солженицын

"Прогрессивный русский писатель А. Н. Солженицын дописывает последние американские строчки, получает последние долларские гонорары и упаковывает чемоданы. «Умирать — в Россию!» — пояснил он советскому кинорежиссеру С. С. Говорухину, посетившему «вермонтского узника» в его доме.

Итак, Солженицын возвращается. Куда? Солженицын уверен, что в Россию.

Исторической формой, способом существования России как суверенного государства был до недавнего времени Советский Союз. Русская политическая эмиграция — смертельный враг большевизма — никогда не отрицала государственного суверенитета СССР. Выдающийся мыслитель и публицист И. А. Ильин писал: «Беседуя с иностранцами о России, каждый верный русский патриот должен разъяснять им, что Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно ослабленный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием, этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европеизма-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена».

В 1974 году на Западе оказался советский писатель-диссидент А. И. Солженицын, который потребовал именно расчленения России через ликвидацию СССР («Письмо вождям Советского Союза»). Этот яростный голос был растиражирован в сотнях американских газет и журналов, прозвучал в десят-

ках радио- и телепередач, был процитирован в многочисленных докладах и обзорах. Это был голос, которого ждали. Выступая перед профсоюзным активом США через два месяца после своего приезда в Америку, русский писатель заклинал: «А я говорю вам: пожалуйста, побольше вмешивайтесь в наши внутренние дела... Мы просим вас — вмешайтесь!».

«Впервые узнаю, Александр Исаевич, что и Вы, как и академик Сахаров, получили от наших ненавистников и недоброжелателей ту же самую ШПАРГАЛКУ о расчленении России, которую они списали для Вас со своего «Закона о плененных нациях Р. L. 86—90», — с тревогой писал в 1975 году семидесятилетний белогвардеец А. И. Криворотов. — Настаиваете Вы в самом деле на РАСЧЛЕНЕНИИ России? Имеете Вы представление о значении и последствиях подобной операции для нашей страны и для народа? Отдайте Вы себе отчет в том, для кого выгодна подобная операция «разделяй и властвуй»?».

А. И. Криворотов ссылаясь на американский закон «О плененных нациях — Public Law 86—90», принятый на основе резолюции конгресса США от 9 июля 1959 года. Текст этой резолюции, подготовленный доцентом Джорджтаунского университета Львом Добрянским, утверждал, что существование «империи СССР» противоречит национальным интересам США, и требовал «освобождения» Литвы, Украины, Латвии, Эстонии, Белой Рутении (Белоруссии), Азербайджана, Грузии, Идель Урала (?), Козакии (?) и Туркестана от «русского коммунистического империализма».

На основе этого закона президент Эйзенхауэр назначил на третью неделю июля проведение политико-пропагандистского мероприятия под названием «неделя порабощенных наций». Состав американского конгресса за последние 30 лет много раз менялся, однако «P. L. 86—90» принимался вновь ежегодными голосованиями. Следует особо отметить, что этот закон был принят в тот период, когда марксистско-ленинская утопия начала у нас потихоньку литься и замещаться идеей державной, когда родилась робкая, обрываемая арестами и обысками, надежда на русское национальное возрождение. Американский закон появился ни раньше ни позже. «P. L. 86—90», буквально повторявший программу РСДРП(б) по национальному вопросу, был направлен прямо против этой хрупкой надежды, против русского народа, а значит, против основ свободного существования всех народов России. Этот документ стал евангелием сепаратизма в СССР.

Понимал ли все это Солженицын? Несомненно. Однако он вновь и вновь втолковывал Западу, что «СССР— это не Россия», вновь и вновь требовал реализации «прав наций на самоопределение» и отказа от всеобщей воинской обязанности. («Чем грозит Америке плохое понимание России», «Коммунизм: у всех на виду и не понят», «Слово на приеме в Гуверовском институте» и др.).

Проницательное понимание ПРОШЛОГО России, беспощадная и умная критика либерального блуда и керенщины страным образом сочетались у него с сознательным, революционным, ядовито-противогосударственным искажением НАСТОЯЩЕГО. Не то чтобы писатель вовсе не понимал, что внезапный «ропуск» государства опасен и что рост украинского национализма в отсутствие твердой власти неизбежно приведет к резне. Об этом его предупреждали многие. Он это предвидел и сам. Однако — «литература

живет конфликтом». Публицистический азарт, белинско-писаревская обличительская чесотка не позволили ему самому, призывавшему все Россию к раскаянию и самоограничению, самоограничить собственный художественный антикоммунизм. Это была своего рода пораженческая публицистика. Россия должна была быть освобождена от коммунизма даже ценой гибели России как единого государства.

Наиболее подробно свои взгляды на грядущее писатель-диссидент изложил в статье «Как нам обустроить Россию», которая вышла массовым тиражом в СССР в то время, когда левая пресса травила всякое созидательно-государственное мнение, когда ни один из писателей-патриотов, живущих на Родине, не имел возможности выйти на такую массовую аудиторию. Статья эта была написана в обычном для Солженицына пораженческом духе.

Писатель утверждал, что духовное и физическое возрождение русского народа начнется лишь с раскаяния и добровольного территориально-географического самоограничения России. Он опять предлагал объявить о роспуске СССР, а из РСФСР, УССР, БССР и северных районов КазССР составить новое государство — Российский Союз. «Не к широте Державы мы должны стремиться, а к ясности нашего духа в остатке ее». Какова реальная духовно-политическая и экономическая обстановка в стране? Писателя-эмигранта это не интересовало. Кто конкретно будет реформировать СССР? Для него было не важно. «Карфаген должен быть разрушен!»

Я пишу эти строки в январе 1992 года, когда Державы уже нет — одни «остатки». Нет и «ясности духа». Хотя сразу после августовского прошлогоднего фарса Александр Исаевич, вслед за президентом Бушем, поздравил россиян с «великой преобразовательской революцией». КПСС исчезла так, как исчезают клубы собаководов и кол-

лекционеров бабочек — «в одно прекрасное утро». Никакого лечения души, никакого внутреннего раскаяния со стороны в первую очередь интеллигенции не последовало. Интеллигенция привычно поменяла «вехи» и занялась любимым делом — злорадным обличением. Самооплевывание и механическое самоограничение привели к краху государственности в России. В стране свирепствует «февральский» кабак со всеми его прелестями: политической демагогией, взрывом преступности, беженцами, хлебными очередями, развалом армии, падением нравов. 25 миллионов русских вдруг оказались жителями, иностранными «государств». Вмешательство в наши дела иностранцев стало явлением привычным, как бы само собой разумеющимся. Под трехцветным флагом и под звуки «Славься» Глинки народ перегоняют из одного лагеря в другой. Конвоирами — «преображенцы» из образованщины, бывшей номенклатуры КПСС и криминалитета.

Юридическое расчленение СССР — России уже произведено. Нам остается повторить за И. А. Ильиным: «Неумно это, неадельновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века, Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по способности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!»

Инакомыслящий Солженицын отдает последние распоряжения и собирает чемоданы: «Умирать — в Россию!» Он возвращается в страну, еще менее похожую на Россию, чем та, из которой его вытолкали семнадцать лет назад...

С. ВАСИЛЬЕВ,
 народный депутат СССР.
 Тюмень.

ЯПОНИЯ В 1941-45 ГОДАХ ОКАЗАЛА НАМ БОЛЬШУЮ УСЛУГУ. ОНА НЕ НАПАЛА НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, НЕСМОТРИ НА ОГРОМНЫЙ НАЖИМ СО СТОРОНЫ ГЕРМАНИИ. В 1945-М ГОДУ ПО ПРОСЬБЕ НАШИХ СОЮЗНИКОВ МЫ НАПАЛИ НА НАШЕГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО СОСЕДА, СОХРАНИВШЕГО НЕЙТРАЛИТЕТ В СТОЛЬ ТРУДНЫЙ ДЛЯ НАС ЧАС

« Н О В О Е В Р Е М Я » № 49 91

«В 1945-м мы напали на соседа»

■ «Новое время» много писало о проблеме северных территорий. Как офицер Советской Армии (в отставке) и участник войны хочу поделиться своими мыслями на этот счет.

Положение на фронтах в 1941–1942 годах было крайне тяжелым. И в это время Япония вольно или невольно оказала нашей стране большую услугу, до сих пор нами не оцененную: не вступила в войну с Советским Союзом, несмотря на огромный нажим со стороны Германии. Как же мы поступили с Японией? В 1945-м по просьбе наших союзников напали на нашего дальневосточного соседа, сохранившего нейтралитет в столь трудный для нас час. Но вот Германия побеждена, Япония капитулировала. После капитуляции одной из воюющих сторон военные действия прекращаются, но мы вместо этого захватили Курильские острова. Результат? Мирный договор с Японией не заключен, территориальный спор не разрешен.

Мы в большом долгу у японского народа: условия в лагерях для японских военноплен-

ных были такими, что похороны молодых людей стали каждодневным явлением. Многие захоронения до сих пор не известны, в то время как могилы русских людей находятся в Японии в образцовом состоянии.

Одновременно с заключением мирного договора надо вернуть Японии все оккупированные нами территории: Южный Сахалин, острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи — без каких-либо предварительных условий. Четыре острова, которые нельзя даже обозначить на карте — каждый из них меньше точки, — затерянные в Тихом океане, стоят на пути экономического сотрудничества наших стран.

Япония занимает небольшую территорию, и потеря островов для нее очень болезненна. Мы же подходим к этой проблеме амбициозно. Поэтому японцы не могут относиться к нам с полным доверием, помогать выбраться из экономического краха. Меняться надо нам, а не им.

Федор Махнов
Ростовская область

ЯПОНЦЫ ВСЕ РАВНО НЕ ПРИЗНАЮТ НАШЕГО МИРОЛЮБИЯ...

64 ЭХО ПЛАНЕТЫ

№: 48-49. Ноябрь/декабрь, 1990

ОХ УЖ ЭТИ НАСТЫРНЫЕ ЯПОНЦЫ

Василий ГОЛОВНИН

Практически все десятилетия XX века Советский Союз и Япония были если не врагами, то и в друзьях не числились. Печальными символами их достаточно прохладных отношений стали у нас популярная песня про «летевших наземь самураев», у них — навязчивые телеагитки про беззащитных японских женщин и детей, раздавленных советскими танками в августе 1945-го в охваченной пламенем Маньчжурии. Действительно, история постоянно сталкивала нас лбами, вонзая в отношения между соседями по Дальнему Востоку болезненные занозы.

Впрочем, наши нынешние проблемы, как мне кажется, кроются не только в застарелых обидах, но и в недостатке усилий понять друг друга. Японцев оскорбляли многие тщательно выверенные в Кремле формулировки проектов двусторонних соглашений, которые в высотном здании МИД искренне считали просто чудом дипломатического искусства, а нас годами раздражала «провокационная» настойчивость Токио, цеплявшегося за какую-нибудь совершенно незначительную для нас проблему типа безвизового посещения захороненных могил на острове Кунашир. Не будем говорить уже о тулнике, в котором по сей день пребывает спор вокруг южной части Курильской гряды.

Конечно, многие люди и с нашей стороны, и с японской, увы, часто думают лишь то, что подсказывают им газеты или телекомментаторы. Однако в непростой обстановке в отношениях между двумя странами мы все же придаем особое значение результатам совместного опроса, проведенного недавно ТАСС и агентством Киодо Цусин. Опрос осуществлялся путем прямого собеседования с 2625 жителями городских и сельских районов России, Украины, Белоруссии, Узбе-

кистана, Казахстана, Грузии, Молдовы, Киргизии, Эстонии и с 1945 — по всей Японии. Хочу подчеркнуть, что в Советском Союзе в опросе участвовали жители не только столиц, областных и районных центров, но и самой что ни на есть деревенской глубинки, мнение которой часто упускают из виду.

Не буду пересказывать ответы на 19 вопросов анкеты — они уже опубликованы в газетах, разошедшихся в миллионах экземпляров. Коснусь только нескольких моментов, привлечших мое особое внимание. Опрос показал, что и японцы, и мы остро понимаем ненормальность отношений между нашими странами, не имеющими после 1945 года мирного договора, который пока с грехом пополам заменяет всего лишь договоренность о прекращении состояния войны. В то же время советские люди, несмотря на растянувшиеся на много десятилетий усилия официальной пропаганды (а может быть — и именно из-за них), практически забыли то плохое, что было в истории, и теперь заявляют о своем доброжелательном отношении к Японии, считая ее страной миролюбивой и в целом демократической.

Японцы же, как показал опрос, явно рассматривают себя как обиженную сторону, имеющую право относиться к СССР с настороженностью. Они в подавляющем большинстве (почти нелепом в наше время) веруют в «советскую угрозу», хотя о ней уже стало неприлично говорить в Соединенных Штатах и Европе. Их не убедили наши выборы, наша шумно демонстрируемая многопартийность и бесконечные дебаты в парламентах. Упрямые японцы не верят в то, что Советский Союз стал демократичнее. На них небольшое впечатление оказало даже сокращение наших вооруженных сил. Половина опрошенных японцев все равно не признает нашего миролюбия.

Что же им еще нужно, готов, видимо, спросить раздраженный подобным упрямством читатель. Увы, опрос показал, что японцев

не слишком сильно волнуют наши уступки в Европе, крушение Берлинской стены и иные символы нынешних перемен. Они хотят решения именно своей проблемы — проблемы «северных территорий» и именно этого ожидают от предстоящего в апреле 1991 года визита в Токио М.С.Горбачева. Лишь ничтожное число японцев готовы сейчас смириться с тем, что четыре южных курильских острова принадлежат СССР. Однако больше половины из них в атмосфере растущих надежд все же не разделяют жесткой позиции официального Токио, выступающего под лозунгом «все или ничего». Свыше 43 процентов опрошенных согласны на варианты: от возвращения только части островов до их передачи под совместное советско-японское управление.

Ответы советских участников исследования показали то, что, видимо, и есть на самом деле: наши люди не слишком осведомлены о территориальном споре, не придают ему особого значения, а от Японии и визита М.С.Горбачева ждут расширения экономического сотрудничества, технического обмена, роста торговли. Короче говоря, несмотря на обоюдное стремление к улучшению отношений, несмотря на заметное улучшение отношения японцев к СССР по сравнению с опросом 1988 года, налицо явное несовпадение целей и интересов. А компромисс (если мы все же к нему стремимся и не желаем махнуть рукой на упрямых японцев) предполагает, как известно, движение навстречу с обеих сторон. Надеюсь, что нынешний опрос, результаты которого широко опубликованы в японской печати, напомнил об этом и нам, и нашим соседям по Дальнему Востоку.

Василий Головин

OCT 23 1991 * 960 1

ДЕПУТАТЫ РСФСР С. БАБУРИН И Н. ПАВЛОВ
О ПРОБЛЕМЕ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ: ПРИЗЫВ НЕ ПРОДАВАТЬ
КУРИЛЫ ни за 1 млрд долл., ни за что на свете

DAY MONTH YEAR

(прим. мон.: 23 октября 1991 по ЦТВ в программе "Утро"
С. БАБУРИН высказывался по этим же вопросам. сп)

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ | 17 октября 1991 г. | стр. 1-2.

Взгляды, позиции -

Сергей БАБУРИН, Николай ПАВЛОВ

Родины не торгуют

Миллиард долларов. Примерно такую сумму в качестве «гуманитарной помощи» пообещает, по мнению газеты «Санкэй симбун», на проходящих сейчас переговорах в Москве японская сторона за переход под юрисдикцию Страны Восходящего Солнца Южных Курильских островов. Но даже не столько это обстоятельство, сколь двусмысленная, а то и откровенно про- японская позиция ряда официальных представителей российской администрации подняла волну протеста на Курилах и Сахалине, где побывали на днях члены Верховного Совета РСФСР, народные депутаты России С. Н. БАБУРИН и Н. А. ПАВЛОВ. Я беседу с ними сразу же после их пресс-конференции в Белом доме 15 октября.

— Сергей Николаевич, Николай Александрович! Шестого октября за несколько минут до отправления самолета во Владивосток мы условились, что, вернувшись, вы расскажете читателям «Советской России» обо всем, что увидите и услышите на Курилах...

Бабурин: — Всего лишь за 6 дней мы побывали в столь многих местах и встретились с таким количеством самых разных — по политическим настроениям, социальным симпатиям и антипатиям — людей, что вряд ли можем вспомнить что-то похожее за весь прошедший период своей депутатской деятельности. В Южно-Сахалинске познакомились с руководством Сахалинской области — председателем областного исполнительного комитета, на-

шим коллегой, народным депутатом РСФСР Валентином Петровичем Федоровым, председателем Сахалинского областного Совета Анатолием Петровичем Аксеновым, с их единомышленниками — депутатами Сахалинского областного и городского Советов, из первых рук, что называется, получили информацию о том, как же здесь проходил визит официальной российской делегации во главе с заместителем министра иностранных дел Г. Ф. Кунадзе. Вместе с Федоровым в сопровождении журналистов выехали на Курильские острова.

Мы убедились в том, что преступление перед Россией — иначе не ска-

жешь — начало вершиться в 1956 году, когда с этих островов в административном порядке выселили российских людей. А ведь здесь были их поселки, предприятия, школы. На том же острове Полонского, где мы делали остановку, была четырехлетняя школа. Сейчас там вообще не осталось ничего и ничего, за исключением пограничной заставы.

Помимо изучения курильской проблемы, мы, в силу наших депутатских обязанностей, знакомимся еще и с ходом экономической реформы на Сахалине, с теми новыми структурами, которые создаются усилиями исполнительной власти и советских органов Сахалина.

— Перед отъездом вы сказали, что ваше предложение, Николай Павлович, о том, чтобы руководство МИД России немедленно объяснило депутатам свою позицию, было Советом Национальностей отклонено. Что же конкретно вас встревожило и подвигло в путь?

Павлов: — Вопрос относительно Курильских островов в принципе дебатруется давно — и в прессе, и в различных политических кругах. Вы помните, в начале этого года Артем Тарасов высказал свою версию о том, будто Горбачев хочет продать Японии Курильские острова, за что депутата-бизнесмена хотели даже привлечь к судебной ответственности за клевету — согласно Закону о защите чести и достоинства Президента.

Ну а непосредственно поездка связана вот с чем. В прессе прошли сообщения о том, что Валентин Петрович Федоров, тогда еще председатель исполкома Сахалинского областного Совета, напращив телеграмму Президенту России Б. Ельцину с требованием снять с должности заместителя министра иностранных дел Российской Федерации Георгия Фридриховича Кунадзе. Подробностей — что же там произошло и в чем, собственно, дело — нигде не сообщалось. Второго октября на заседании Совета Национальностей я и некоторые другие депутаты потребовали заслушать представителей Министерства иностранных дел, чтобы они нам

|||

ДЕПУТАТЫ С. БАБУРИН И Н. ПАВЛОВ О КУРИЛАХ DAY MONTH YEAR

(2)

дали объективную информацию о ситуации вокруг Курильских островов. Палата предложение не приняла, потому что ряд депутатов, в частности председатель Комитета по международным делам В. П. Лукин (кстати, по существу представляющий Сахалинскую область — ему, депутату от Москвы, свое место в Совете Национальностей уступил как раз В. П. Федоров), стали убеждать депутатов, что рассматривать вопрос в Совете Национальностей крайне нежелательно: 15 октября начинаются переговоры с министром иностранных дел Японии, и это может переговоры осложнить. Он просил перенести вопрос на более позднее время... Возможно, мы на этом бы и успокоились, если бы не пресс-конференция Руслана Имановича Хасбулатова 3 октября. На вопрос корреспондента японского агентства «Кедо» о том, чью точку зрения высказал Кунадзе, когда прямо заявлял на Курилах: Россия будет следовать букве совместной Декларации 1956 года между СССР и Японией о передаче двух островов, Хасбулатов не подтвердил это заявление и не опроверг. Он уклончиво сказал, что сейчас складывается ситуация, когда можно поэтапно реализовать тот самый план, который когда-то предлагал Б. Н. Ельцин, будучи еще на Президентом и не Председателем Верховного Совета, а только лидером оппозиции, народным депутатом СССР.

Пятиэтапный план, как известно, конкретикой наполнен не был, выдвигался на неопределенное время, «для будущих поколений». Но прозвучавшие на конференции слова Хасбулатова озадачили, встревожили. Что, собственно, имеется в виду? Какие планы готовятся за спиной у депутатов? Содержание письма Ельцина, которое Хасбулатов передал японскому руководству во время недавнего своего визита, — тоже тайна за семью печатями. Известны лишь его пересказы в интерпретации Георгия Кунадзе. Все это и вызвало беспокойство. Выяснить истину парламентским путем не удается. Как члены Верховного Совета мы посчитали, что просто обязаны туда вылететь и ознакомиться с ситуацией на месте, чтобы быть готовыми к обсуждениям в Верховном Совете, которые, видимо, все-таки состоятся.

Бабурин: — А с чем мы сразу же столкнулись на месте? Курильчане были просто шокированы потрясаю-

щими откровениями наших коллег, побывавших там недавно. Мы убедились, что заместитель министра иностранных дел РСФСР, встречаясь с руководителями острова Шикотан, сказал недвусмысленно: вы можете своим противодействием осложнить нам переговоры с Японией, но острова все равно будут переданы! Такое заявление из уст представителя российского руководства потрясло сахалинцев и курильчан. А как интерпретировались различными политиками позиция Президента России и его письмо правительству Японии! Разве может не задеть за живое такое вот откровение Георгия Кунадзе в его интервью «Сибирской газете»? Ссылаясь на Президента, он говорит (цитирую):

«Борис Николаевич прямо заявил: были бы вам признательны за предоставление экстренной крупномасштабной экономической помощи, которая бы позволила нам поддержать демократический энтузиазм нашего народа в предстоящие трудные месяцы».

Если обратить внимание, что говорится это в контексте общих переговоров с Японией, в том числе и по территориальному вопросу, то звучит это более чем странно.

Местные руководители, граждане Курил были разочарованы выступлениями депутата Олега Калугина. От него, как генерал КГБ, ждали объективной оценки стратегического значения островов, их роли в защите государственной безопасности, государственных интересов России. Поясню. Здесь единственные незамерзающие проливы, тогда как все проливы между Северными Курилами замерзают. Глубоководная бухта Касатка — уникальное место с военно-политической точки зрения, именно в этой бухте концентрировался японский военно-морской флот в 1941 году перед нападением на Перл-Харбор, и американцы не смогли тогда обнаружить его. А генерал Калугин, к сожалению, не только спокойно «вразумлял» курильчан, что острова заслуживают передачи, но еще и подчеркивал их никчемность с точки зрения государственной безопасности: у нас-де нет сейчас проблем защитить страну, нет необходимости от кого-то обороняться, сохранять гарантии суверенитета и нашей независимости. Времена, мол, изменились. Все были про-

сто поражены, очень многие, с кем мы встречались, говорили нам об этом с возмущением.

— Теперь «из первых рук» вам известна позиция курильчан. Какова она?

Бабурин: — Хотел бы привести несколько примеров. Христиане острова Шикотан обратились к патриарху Всея Руси Алексию Второму:

«Святейший Отец, обращаясь к Вам христиане Курило-россии, не дай свершиться насилию, пролиться беззачинным слезам и пополнить наши ряды бездомных и обездоленных. Вразуми тех политиков, которые на острие пера держат человеческие судьбы. Жители Южных Курил в опасности. Не дай превратить наши острова в новую Аляску. Кто заступится за наши души? Все обращения к политикам, тобой благословленным, остались без ответа. Вырученные деньги от продажи островов не принесут облегчения, канут в омут всеобщей неразберихи, как было со всеми предыдущими займами. Но тяжесть от содеянного будет преследовать не одно поколение, лежать тяжелым грехом на всех нас. Помогите нам, Святой Отец!»

(Окончание на 2-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

И ведь такую позицию занимают не только христиане. Подобные обращения направлены Президенту России, Верховному Совету РСФСР, Сахалинскому облсовету, императору Японии Акихито, премьер-министру Тосики Каифу...

Павлов: — Если говорить обобщенно, то позиция большинства граждан, живущих на островах, едина: это советская, российская земля. И это — несмотря на начавшуюся обработку общественного мнения с помощью всех, я это подчеркиваю, всех способов — от обещаний до угроз. С одной стороны, идет нажим, и люди чувствуют себя неуверенно, некоторые уже отчаялись, говорят: да какая нам разница, где жить. Печально слышать это.

В то же время курильчан просто растлевают беззастенчивыми посулами. И, несмотря на это, большинство людей о продаже или передаче островов и слышать не хотят. Это их земля, родной дом. И когда мы с Сергеем Николаевичем заявляем, что проблемы «северных территорий» не существует, а есть проблема социального и экономического развития Курильских островов, мы выражаем не только свою, «экстремистскую», как пытаются представить некоторые, точку зрения, а воспринятое

С. БАБУРИН И Н. ПАВЛОВ О КУРИЛАХ

(3)

мнение большинства курильчан. Это мы заявляем со всей ответственностью, потому что выслушали людей, были встречи, где мы вообще не выступали — только слушали, и это очень важно.

Теперь мы знаем позицию президиумов Сахалинского областного и городского Советов, совета ветеранов, профсоюзов, местных предпринимателей, что немало важно. Валентин Федоров — активный сторонник предпринимательства, может, даже, по мнению его критиков, с некоторыми крайностями, человек, который делает ставку на частный бизнес, но он предпринимает огромные усилия для оживления экономики. Мы проехали десятка полтора ферм, были на частных предприятиях, где на импортном оборудовании делают сыр, коптят рыбу, перерабатывают продукты моря. У всех одна позиция: о передаче островов вообще не может быть речи!

Бабурин: — Это позиция не только курильчан — всех сахалинцев. Четвертого октября в резолюции многотысячного митинга в городе Южно-Сахалинске было сказано со всей определенностью:

«Наши люди не сдали в архив такие священные понятия, как патриотизм, Отечество, благодарность ушедшим поколениям и их выдающимся деятелям за продвижение России на восток. Мы обращаемся к Президенту РСФСР Б. Н. Ельцину проявить последовательность в курильском вопросе. Мы помним обещание, данное вами по Курилам во время пребывания на Сахалине и на Кунашире в прошлом году. Мы считаем, что территориальные вопросы в наше время неуместны. И если руководители России капитулируют перед требованиями Японии, они совершат преступление перед своим народом. Преступление, которое не простит народом. Мы исходим из того, что территории принадлежат не правительствам, а людям, которые проживают на них... Жители области непреклонны в своей решимости отстаивать эти острова...»

И мы убедились, что это не только позиция, заявленная на митинге. Самые разные люди — из числа ветеранов, живущих на островах с пятидесятих годов, и тех, кто освобождал эти острова, и люди нашего поколения, молодежь — занимают очень решительные позиции. Горько и больно было слышать выступление женщины, уже не верящей никаким политикам. Буквально из сердца

она исторгла слова: «Дайте мне оружие, я сама буду защищать свой дом!»

Павлов: — Мы, конечно, верим, что здравый смысл победит и вопрос будет закрыт раз и навсегда, и поэтому не разделяем призыв этой женщины к оружию, но понять ее по-человечески можно.

Бабурин: — Обратите внимание, даже когда стали раздавать заманчивые посулы, будто каждому курильчанину, переселяемому в связи с передачей островов на материк или Сахалин, будет выдан миллион долларов, сама эта идея большинством жителей была безоговорочно отвергнута. Безоговорочно! Состоялось даже специальное решение президиума Курильского районного Совета.

Те же, кто сегодня, к сожалению, равнодушен к судьбе островов, как правило, из числа уже отчаявшихся. Они рассчитывают получить компенсацию от японского правительства, ну если не миллион, то хотя бы пятьдесят тысяч, как нам говорили, и квартиру на материке. Безумная идея, ложная иллюзия!

— На пресс-конференции вы

оба говорили, что Курилы — это не четыре скалы в океане, а целый мир. Что собой представляют они, например, с точки зрения экономики?

Павлов: — Миф о четырех скалах сочинен около года назад. Нет лжи, более циничной и более далекой от истины.

Курилы — это целая страна. Не буду утомлять цифрами, скажу лишь, к примеру, что самый длинный остров Итуруп простирается на 243, а ширина его от 30 до 40 километров. Это сравнимо с достаточно крупными областями средней полосы России. Кунашир — примерно такой же. Шикотан чуть меньше. Проживает здесь около 25 тысяч человек. Экономический потенциал колоссальный.

Рыбные ресурсы — это ежегодный отлов примерно полтора миллиона тонн рыбы, причем особо ценных пород, а также беспозвоночных и морепродуктов. Стоимость одних запасов сырья для рыбной промышленности — более 1 млрд. долларов США в год.

Курилы — кладовая различных полезных ископаемых. Стоимость только разведанных запасов и прогнозных ресурсов золота составляет примерно 1,2 млрд. долларов, серебра — 3,4 млрд. долларов (кстати — это по ценам мирового рынка еще на 1.1.1988 г.).

Дальше — рудные зоны полиметаллов с содержанием цинка до 20 процентов, меди — до 12, свинца — до 15... Они, кстати, некогда даже разрабатывались. Общая стоимость прогнозных ресурсов составляет 9,7 млрд. долларов США.

Подготовлено к разработке месторождение серы Новое. При средней мировой цене за тонну 91 доллар США стоимость всех ресурсов серы составляет около 5,6 млрд. долларов...

Ну это бегло, просто для примера. На самом деле, чтобы полностью привести экономический потенциал — газеты не хватит. Кстати, западные эксперты прекрасно осведомлены о богатствах Курил, а у нас эти данные до последнего времени считались секретными, их не публиковали. Отсюда у людей ложное представление: «Что нам за них держаться, там ведь нет ничего!»

Добавьте богатейшие возможности для организации туризма, отдыха и т. д. Это уникальная зона с сохранившейся экологией, ценные минеральные воды, возможности проведения лечебно-оздоровительных мероприятий... Одним словом, с экономической, чисто утилитарной точки зрения, которая сегодня доминирует в сознании людей, — а что, собственно, это стоит? — стоимость их сейчас подсчитать нельзя. Даже сейчас! Я уже не говорю о том, что стоимость их, естественно, будет возрастать. Но я бы, например, вообще отошел от подобных подсчетов, потому что не это главное.

— У курильской проблемы есть серьезный политический аспект...

Бабурин: — Он едва ли не самый существенный. Есть ли какие-либо основания для притязаний Японии на эти острова? Обычно ссылаются на декларацию 1956 года. Но с точки зрения политической и нравственной —

С. БАБУРИН О КУРИЛАХ

(4)

эта декларация была вопиюще антиконституционной и антinationальной, ибо это была очередная попытка получить за счет продажи территории определенные сиюминутные выгоды: гарантии от Японии, что она не будет участвовать в военно-политическом блоке с США и не допустит американских военных баз на своей территории. Хотя многие условия в тексте декларации отсутствовали, но общий ход переговоров был таковым. И именно отступление Японии от своих обязательств привело к тому, что эта декларация была правительством СССР дезавуирована. Сделано это было юридически безграмотно, потому что никакие решения правительства не могут отменять декларацию, ратифицированную Верховным Советом СССР.

Далее нельзя не отметить, что те первоосновы, на которые ссылается японская сторона, вряд ли могут быть безусловно приняты во внимание.

Это прежде всего договор от 7 февраля 1855 года, подписанный адмиралом Путятиным, и от 25 апреля 1875 года, подписанный князем Горчаковым. Почему-то наши соседи считают эти договоры единственными документами, регулирующими отношения между двумя странами. Но внимательное прочтение документов приводит к выводам, весьма отличающимся от трактовки японской стороной.

Допустим, договор, подписанный Горчаковым, однозначен: Россия передает Курильские острова Японии. Там не упомянуты только Итуруп и Кунашир, но лишь потому, что они в 1799 и 1801 уже были захвачены в одностороннем порядке Японией. Однако все эти договоры были перечеркнуты ею же, когда в начале XX века она, воспользовавшись ослаблением России, захватила Сахалин. Экспансия японского милитаризма перечеркнула многие принципы взаимоотношений между Японией и Россией.

Я уже не говорю о том, что даже первый, 1855 года, документ, на основании которого японцы провозгласили день «северных территорий», при внимательном прочтении свидетельствует о же-

лании Николая I путем уступки территориальной «открыть» Японию, то есть получить определенные экономические выгоды. Это трагедия нашего народа, что мы на протяжении уже почти 150 лет пытаемся решить экономические взаимоотношения с Японией путем территориальных торгов!

Ознакомившись с некоторыми историческими источниками, выступая на Шикотане, я без колебаний предложил курильчанам объявить 6 июля днем Курильских островов. И теперь на пресс-конференции вновь подтвердил его. Почему? По архивным данным, в этот день в 1778 году наибольшее, по сравнению с другими днями, число коренных жителей Курил и Северного Хоккайдо — айнов принимало подданство России. Это было задолго до того, как там появились японские чиновники. И уж если зашла речь, кто же старше, — хотя это, конечно, не уровень политических разговоров, — давайте будем иметь в календаре и такой праздник.

Павлов: — С ответственными справками в архивах имеются. Есть книги, документы, фонды хранения. Причем японские книги — японские! — неизвестные, видимо, нашим дипломатам. Один из японских ученых, тридцать лет проработав в архивах, пришел к выводу, что права претендовать на эти острова у Японии нет.

Бабурин: — Мы сейчас не хотели бы давать какие-либо окончательные свои заключения, ибо сама наша поездка и заявление для печати на пресс-конференции — это предварительное изложение позиций накануне парламентских слушаний. Но мы без колебаний готовы повторять: проблемы «северных территорий» нет.

— Я знаю, вы собираетесь встретиться с Президентом России. Ваш пакет предложений по курильской проблеме?

Бабурин: — Это то, о чем хотелось бы сказать особо. Я бы здесь выделил по крайней мере три момента. Во-первых, мы с Николаем Александровичем считаем необходимым в ближайшее время добиться принятия Верховным Советом РСФСР или Президентом РСФСР законодательного акта по про-

блеме Курил — их экономическом и культурном возрождении, аналогично принятому по Тюменской области.

Павлов: — Это может быть указ Президента. Мне, жителю Тюменской области, впервые попавшему на Сахалин и Курилы, было удивительно, насколько велико сходство проблем. У нас качали нефть и газ, области ничего не оставалось. Там «качают» рыбу, области и Курилам ничего не остается. Отсюда — все трудности. Это очевидно. Президент издал указ о развитии Тюменской области, теперь 10 процентов добываемых нефти и газа остаются в распоряжении области. Я считаю, что после политического решения, например, в виде постановления Съезда народных депутатов, о денонсации Декларации пятнадцатого года, чтобы закрыть этот вопрос раз и навсегда, следующим шагом должен стать указ Президента Ельцина о развитии Курильских островов. Он будет воспринят с пониманием, как давно ожидаемая мера, подкрепленная авторитетом всенародно избранного Президента. Это будет огромный политический и моральный прорыв в сознании миллионов россиян, которые — чего греха таить, и я не отношусь к поклонникам Президента Ельцина — сомневались в его позиции. Я думаю, не случайно на первом Съезде народных депутатов РСФСР Борис Николаевич отверг обвинения, будто он хочет отдать Курилы Японии. Все жители Курил помнят, как он говорил им при встречах: «Ну что, мужики, не отдадим эти острова?» «Не отдадим!» — отвечали курильчане. Так вот, теперь и надо принять политическое решение, которое многократно, тысячекратно укрепит позицию Президента и закроет эту грустную страницу народных тревог.

Бабурин: — Это первый момент. Хотя мы, конечно, должны помнить, что программы по экономическому развитию Курильских островов принимались неоднократно. На любом уровне. И поэтому не должны, как, к сожалению, было в прошлом, ограничиться очередной деклараци-

С. БАБУРИН О КУРИЛАХ

00123.001* 960 (5)

ей. Второе: хотим предложить Верховному Совету и Президенту РСФСР поддержать инициативу сахалинского руководства—В. П. Федорова и А. П. Аксенова—по созданию на базе Курильских островов особой экономической зоны. Не свободной экономической зоны, какой является вся Сахалинская область,—а особой, которая, если туда войдут Южные Курилы, может быть создана только при встречном шаге японской стороны: в зону могла бы войти и прилегающая часть острова Хоккайдо. Именно с таких позиций должны идти, по нашему убеждению, переговоры с Японией: чтобы снять и напряженность в наших отношениях с восточным соседом, и помеху экономическому развитию этого региона, надо создать особую экономическую зону.

И, наконец, третье. Я убежден, что мы сегодня сами совершаем роковую ошибку, когда безудержно увлекаемся поисками иностранных кредитов. Они яд для нашей экономики. Мы встретили в этом вопросе полное понимание сахалинских руководителей. Мы являемся единомышленниками в оценке ситуации: эти самые кредиты, за которыми так гоняются многие наши политические деятели, будут способствовать консервированию сегодняшних экономических отношений, удержат у власти отжившие структуры и станут помехой развития новой экономики.

Поэтому я не случайно сказал, что знакомство с аспектами экономических преобразований было не менее важно для нас. Мы убедились, что пусть противоречиво, но реформа в Сахалинской области уже идет, и при сохранении сегодняшней тенденции, при обеспечении экономической самостоятельности курильских предприятий—у нее есть будущее. Исходя из того, как идут сегодня реформы на Сахалине, в Кузбассе, во многих других местах, мы должны раз и навсегда сказать, приоритет за отечественными предпринимателями, за народными предприятиями! Так давайте дадим возможность нашим российским фермерам стать на ноги. Мы приветствуем принцип Федорова: «Ру-

ки прочь от административной системы! Создайте новую—тогда она отомрет сама». Сейчас приоритет максимально отдается новым экономическим структурам, но при сохранении госзаказа и лишь постепенном уменьшении его. При обеспечении нормальных условий для деятельности существующих производств. Вот этому, мы считаем, многие регионы могли бы у сахалинцев поучиться.

Павлов: — Не разрушать кавалерийской атакой старое, а параллельно, рядом со старым, наращивать новые экономические структуры.

Мы не с позиции слабости должны вести переговоры с Японией, а с позиции мощи российского потенциала. Мы должны осознать свою самобытность, уникальность, неповторимость.

— И помнить о достоинстве великой страны и великого народа.

Павлов: — Я убежден, в сотрудничестве с Японией мы заинтересованы, как Япония — с нами. Когда же выдвигается тезис, будто без мирного договора не может быть мирного сотрудничества, а мирный договор не может якобы состояться без решения территориального вопроса,—для большой политики это все несерьезно.

Другой вопрос: какого соседа хотела бы видеть возле себя Япония? Безусловно, демократического, сильного, процветающего, открытого для общения и сотрудничества. Но Япония почему-то считает, что, решив территориальный вопрос в свою пользу и предоставив нам потом какие-то кредиты, она такого соседа и получит. Глубочайшее заблуждение!

Она получит соседа, у которого начнется развитие крайне негативных для демократии процессов. Когда наши советские люди увидят, что новая — демократическая власть начала с того, что отдала часть территорий в обмен на кредиты,—никого не обманут уверения, будто это независимые вещи.

Курильский прецедент вызовет процесс нарастания уже существующих территориальных претензий к нам со стороны еще ряда государств. Один из выступавших на встречах предпринимателей заметил: недавно в Финляндии местные партнеры сказали ему, ни в коем случае нельзя отдавать Курилы, иначе Финляндия сразу же предъявит территориальные

претензии к России. И они, кстати, боятся этого. Почему? Бизнесмены — люди уминые, прагматичные, понимают, что это сразу осложнит отношения. Если начнется массовая атака подобного рода, а нам уже высказывают территориальные претензии даже Латвия и Эстония, тогда в конечном счете к власти может прийти такой режим, который снова милитаризирует экономику, и Япония вместо демократичного, мирного, свободолобивого и доброжелательно настроенного к ней соседа получит его антипода. Япония тоже станет энергично вооружаться, и тогда начнется дестабилизация в мировом масштабе.

— С какими чувствами вы вспоминали Курилы?

Павлов: — С чувством горечи. Наше национальное достоинство растоптано. Люди чувствуют себя оплеванными, обманутыми. Фронтвики, которые воевали за спасение страны, видят, что жизнь прожили зря, все пошло прахом. Если это чувство овладеет десятками миллионов людей, то найдется лидер, который саккумулирует эту энергию. Я не думаю, что он будет добрый, ласковый и демократичный. И мы придем туда, откуда хотели уйти. В чьих это интересах? Думаю, не в наших и не Японии.

Бабурин: — Чувство горечи усиливается оттого, что территориальное отступничество от наших интересов в районе Курил — это первое официально, но не фактически. Курильчане обеспокоены не только судьбой своих островов, но и ситуацией в Баренцевом море. В результате соглашения между правительствами СССР и США мы получили около 9 тысяч кв. километров экономической зоны, уступив американцам 60 тысяч! Передать 51 тысячу квадратных километров советской территории, прежде всего континентального шельфа,—это настолько выходит за грани здравого смысла и представления о наших национальных интересах, что, конечно, мы надеемся на нератификацию этого соглашения Верховным Советом СССР и РСФСР, поскольку речь идет о российской территории.

Павлов: — Мы намерены добиваться того, чтобы вопросы о территориях, касающиеся России, рассматривались россиянами.

Бабурин: — Курильчане заявили, что Родиной не торгуют и не советуют этого делать другим. Если Россия от них отречется, они оставляют за собой право решать свою собственную судьбу по собственному усмотрению, вплоть до государственного суверенитета.

И наша позиция однозначна: Курильские острова принадлежат России, и никакая передел границ недопустим.

Интервью вел
Н. ГАРИФУЛЛИНА.

YEAR

БЕСЕДА С ВЛАДИМИРОМ ИВАНОВИЧЕМ ТЕРЕБИЛОВЫМ — БЫВШИМ МИНИСТРОМ ЮСТИЦИИ СССР, БЫВШИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР: "ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА У НАС НЕ БЫЛО И ВРЯД ЛИ СКОРО БУДЕТ"

— «НЕДЕЛЯ» — № 45 (1597). 1990 г.

6

СЕНСАЦИОННЫЙ РАЗГОВОР

НЕЗАВИСИМ ЛИ

В. И. Терещилова.

В

ЛАДИМИР Иванович Терещилова. Родился в Петрограде, в 1916 году и, как он говорит, жил при Николае II, Керенском, Ленине, Сталине,

Маленкове, Хрущеве, Брежнев, Андропове, Черненко и сейчас живет при Горбачеве. Кандидат юридических наук, участник Отечественной войны. Пережил ее в Ленинграде. Работал в органах прокуратуры, суде, преподавал в высших учебных заведениях. С 1970 по 1984 год — министр юстиции СССР, в 1984—1989 годы — председатель Верховного суда СССР, а теперь — доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Наш корреспондент Яков Шестопал беседует с ним на тему о независимости суда.

— Очевидно, что подлинно независимый суд может быть только в правовом государстве. Как же у нас продвигается строительство такого государства?

— Если говорить без дипломатии, то подлинно правового государства у нас не было и вряд ли скоро будет, хотя уже звучат голоса о достигнутых в этом успехах. Спрашивается, каких? Ведь многие органы власти и управления, должностные лица фактически не признают действующей Конституции и других не отмененных, а следовательно, действующих законов. А сами эти законы чуть ли не ежедневно подправляются, отменяются и даже искажаются.

Давно известна правовая истина: власть не может требовать исполнения законов, если сама их не исполняет.

Возникает вопрос: в чем главная причина такого положения? Полагаю, что лозунги «Вся власть — Советам!» или «Вся власть — сильному правительству!» и го-

НАШ СУД?

добные им ведут в тупик или к... диктатуре. История свидетельствует, что только в тех странах, в которых существует реальное разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, достигнуты положительные результаты в создании правового государства.

Что же мешает сделать это у нас? Нормальному и эффективному разделению властей мешает, в частности, междоусобица, рожденная борьбой «правых» и «левых» за власть, в том числе и за личную власть. Лидеры законодательной и исполнительной власти не могут, а скорее всего не хотят четко и разумно разделить власть и компетенцию между собой. А те и другие вместе не хотят иметь еще одну, независимую от них и самостоятельную, судебную власть. Почему? А потому, что она может и вправе вмешаться в их споры, а иногда и стать арбитром при решении некоторых важных государственных вопросов.

Как же на практике следует понимать принцип разделения властей? Он означает, что каждая из трех названных имеет свою компетенцию, строго обозначенную в законе. В пределах этой компетенции решение каждой власти окончательное, и никакая (подчеркиваю — никакая) другая власть не может его отменять.

Наглядным примером торжества реального разделения властей может служить недавнее широкое обсуждение в США случая сожжения национального флага. Возмущенные граждане, пресса, конгрессмены, общественность потребовали привлечь виновных к уголовной ответственности. Но суд, в частности Верховный суд Соединенных Штатов, сказал: «Нет!» По мнению судей, соответствующие записи в конституции не дают основания квалифицировать совершенные действия как преступление.

Заинтересованные лица обратились к президенту Дж. Бушу. Тот ответил: суд независим, и заставить его принять иное решение ни я, ни конгресс не могут. Единственный законный путь — это просить конгресс внести необходимые на сей счет уточнения в конституцию. Вот если они будут внесены, то станут обязательными для всех, в том числе и для суда.

— Что же, Владимир Иванович, надо сделать у нас, с чего начать, чтобы выйти на уровень общепринятых в правовых государствах норм?

— Сделать надо многое, но, по моему мнению, необходимо прежде всего исключить из Конституции СССР, а также из конституций республик и других законов указания на то, что суд подотчетен избравшему его органу. Это же абсурд, когда в одном и том же законе записаны взаимоисключающие положения: с одной

стороны, зафиксировано, что суд независим и подчиняется только закону, а с другой — что он ответствен перед избравшими его органами и отчитывается перед ними. Такой чехарды с избранием, отчетами и освобождением судей, как у нас, нет ни в одном государстве.

Досрочный отзыв судей, особенно Верховных судов, должен быть исключительным, чрезвычайным происшествием и происходить по мотивам, точно указанным в законе. Это может быть сделано только после обсуждения данного вопроса Пленумом Верховного суда или специальной дисциплинарной коллегией, состоящей лишь из судей. Ибо если такое решение вынесут только законодательные или исполнительные органы, то это почти всегда будет иметь горький политический привкус. А еще необходимо безоговорочно исключить «поднадзорность» судов прокуратуре. Наоборот, суд проверяет, оце-

БЕСЕДА С ВЛАДИМИРОМ ИВАНОВИЧЕМ ТЕРЕБИЛОЖЫМ — БЫВШИМ МИНИСТРОМ ЮСТИЦИИ СССР, БЫВШИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР: "ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА У НАС НЕ БЫЛО И ВРЯД ЛИ СКОРО БУДЕТ"

нивает и, если надо, отвергает выводы прокуратуры. Вот это и есть подлинный надзор — надзор суда за прокуратурой.

Полагаю, что в этих же целях — целях создания гарантий для независимости судей — следует согласиться с предложением, чтобы лица, избранные вершить правосудие, приостанавливали свое членство в партиях и других политизированных организациях. Я не сторонник, как теперь принято говорить, деполитизации всех или многих государственных органов, но для судей Верховных судов республик и Верховного суда Союза считал бы это разумным и целесообразным.

— Думали ли вы или, точнее, думали ли юристы о судебной реформе раньше, скажем, в семидесятые годы?

— Да, думали. Однако, к сожалению, действовали неэнергично и непоследовательно. А идея судебной реформы в те годы уже стучалась в дверь. Увы, политических и социальных условий для ее осуществления не было. Конечно, и в то время можно было стать «героем-одиночкой», но добиться решения проблемы по существу было невозможно. Не те, как говорится, времена. Ну и героев, откровенно говоря, было мало.

— Многие о вас слышали, многое знаю, но не знаю, при каких обстоятельствах вы в 1970 году стали министром юстиции СССР, а в 1984 году — председателем Верховного суда СССР. Думаю, это интересно не только мне, но и нашим читателям.

— Вряд ли это представляет какой-то общественный интерес, но кратко все же отвечу. Министром юстиции стал, перейдя на эту работу с поста заместителя председателя Верховного суда СССР. Таким образом, определенная логика в моих перемещениях прослеживается.

Напомню, что Министерство юстиции СССР в 1956 году, при Н. С. Хрущеве, было ликвидировано. Но в 1970 году решено было его восстановить. Признаться, предложение возглавить возрожденное министерство было для меня полной неожиданностью. Тем не менее, подумав и поговорив с коллегами, а также в партийных инстанциях, согласие дал. Но оговорил одно условие: первым заместителем хотел бы иметь партийного работника, разумеется, с высшим юридическим образованием. Почему? Да потому, что никогда тесно не общался с партаппаратом, плохо знал его и плохо адаптировался в нем. А человек, свободно «партийный» в нем, мог бы избавить меня от многих осложнений, связанных с «аппаратными играми».

Получив добро на самом верху, я отправился в соответствующий отдел ЦК в поисках подходящей кандидатуры. Искать ее предстояло среди секретарей обкомов и крайкомов партии. Перебрали все списки и нашли только одного секретаря крупного крайкома с дипломом юриста. Как бы ниچه сказали, выбор был безальтернативным. Кандидатура эта меня устраивала, и я назвал М. А. Суслова фамилию кандидата. Тот ответил, что надо подумать, но уже на следующий день предложил поискать другого заместителя. Тот был, как всегда, бесстрастный, без малейших отклонений, так что определить по нему мотивы отказа не мог. Не мог тогда

и не могу сейчас представить себе возможную судьбу того секретаря крайкома, ставшего впоследствии признанным лидером, если бы в 1970 году его назначили первым заместителем министра юстиции СССР. Словом, пришлось продолжить поиски, которые в итоге завершились назначением на эту должность заведующего одним из секторов отдела административных органов ЦК.

Как вы знаете, проработал я министром до весны 1984 года. Главным своим делом в те годы считал и считаю подготовку первого свода законов СССР. Считаю, что

он, вероятно, далек от совершенства, но начало было положено. Проведан огромный, черновой, но необходимый труд. Напомню, что ни в старой России, ни в первые годы Советской власти, когда несколько раз брались за эту работу, она так и не была доведена до конца.

Весной 1984 года получил предложение возглавить Верховный суд СССР. В связи с этим меня пригласил на беседу Михаил Сергеевич Горбачев. Из его слов понял, что зреет идея серьезной государственной перестройки, которая, по его мысли, должна была включать и судебную правовую реформу. Это не могло не воодушевить любого юриста. Выслушав некоторые мои соображения, он порекомендовал продолжить разговор, но уже с Е. К. Лигачевым. Не сразу, а через некоторое время, такой разговор состоялся. В завершение его мой собеседник сказал примерно так: мы вмешиваться в ваши дела не будем и другим не дадим, решайте все сами, но и отвечайте сами, это не только мое мнение, но и мнение Михаила Сергеевича (Горбачев в это время уже был Генсексом).

К сожалению, эти многообещающие и обнадеживающие слова реализовать на практике оказалось очень и очень непросто. Решались отдельные, частные вопросы, но кардинальное решение проблемы независимости суда двигалось весьма и весьма медленно. Нужны были какие-то серьезные законодательные изменения. Такая попытка была, в частности, предпринята в начале 1988 года. Получив согласие от председателя Верховного суда СССР на сессии Верховного Совета СССР, я, с согласия своих коллег, обратился к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Андрею Андреевичу Громыко и попытался доказать ему ненормальность и нелогичность отчета Верховного суда, как, впрочем, любого другого суда, перед кем бы то ни было.

Мой дипломатичный собеседник был предельно корректен, казалось, разделял мои позиции, однако в конце разговора, ничего не решив, сказал, что ему надо посоветоваться. С кем будет советоваться, не уточнил... Через несколько дней он позвонил и сказал, что отчет состоится и что дальнейшие дискуссии считает бесполезными. И уже в шутовском тоне порекомендовал относиться к предстоящему выступлению как к информации... А чтобы окончательно подсластить пилюлю, добавил: «Все мы кому-то подотчетны. Ну, а в качестве компенсации за понесенное ва-

ши «поражение» посылаю свою автобиографическую книгу с дружеской надписью». Книгу я получил, но суд так и остался — и «независимым», и подотчетным...

Правда, фактов прямого вмешательства в последние годы стало меньше, однако давление на «независимый суд» оставалось. И что особенно опасно, оно иногда внешне мало заметно и может выражаться в завуалированных формах.

Молодой немец из ФРГ Руст умышленно совершил крайне рискованную посадку спортивного самолета на мосту в самом сердце Москвы. Его дело в Верховном суде СССР рассматривал опытный судья Р. Г. Тихомирнов. Подсудимый был осужден. Сразу же после вынесения приговора раздался нервный звонок сверху: «Это же либерализм, так и голову недолго потерять! Ведь прокурор настаивал на более суровом наказании...»

Пришлось вежливо, но решительно напомнить, что суд все-таки независим, и если кто-то недоволен приговором, то может попросить прокурора принести протест в Пленум Верховного суда СССР. По моему же мнению, приговор справедлив, а может быть, даже жестокат. Последовали продолжительная и многозначительная пауза, затем — тяжелый вздох, и я понял, что еще один факт «либерализма» записан на счет Верховного суда.

Иди... Кандидатуру несомненно одного из лучших наших судей Михаила Алексеевича Марова не представили к избранию в новый состав Верховного суда СССР. Сделали это, ссылаясь на приказ министра обороны СССР об увольнении Марова из Вооруженных Сил по возрасту. Но разве можно согласиться, чтобы вопрос об избрании судей высшей судебной инстанции страны по существу определял министр обороны? Ведь этому судье могло выпасть и рассмотрение дел на руководителей данного министерства, если, как говорят, не дай Бог, они воз-

никнут. Разве в аппарате нашего главного военного ведомства или на местах мало генералов гораздо старше Михаила Алексеевича Марова? И ничего — служат. Нет, подлинный мотив этого увольнения, конечно, «излишне» независимая позиция судьи Марова по делам, которые и «правые», и «левые» хотели решить не по букве закона, а исходя из сиюминутной политической ситуации.

В марте—апреле 1989 года произошло «осложнение» с делом об обвинении доктора наук, лауреата Государственной премии Хинта. Он был арестован и предан

суду «за антисоветскую деятельность». Она заключалась в том, что в изданной за рубежом книге он защищал А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына, критиковал ввод войск в Афганистан и т. п.

Когда дело было передано из КГБ в прокуратуру, следователь Т. Х. Гдлян присовокупил к прежнему обвинению еще и хищения — действия, которые сейчас были бы оценены как пример деловой, рыночной активности.

blue-100

БЕСЕДА С ВЛАДИМИРОМ ИВАНОВИЧЕМ ТЕРЕБИЛОВЫМ — БЫВШИМ МИНИСТРОМ ЮСТИЦИИ СССР, БЫВШИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР : "ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА У НАС НЕ БЫЛО И ВРЯД ЛИ СКОРО БУДЕТ"

Прокуратура считала возможным сохранить некоторые малозначительные эпизоды обвинения и тем поддержать репутацию следствия. По моему же мнению, дело подлежало полному прекращению. Не буду напоминать подробностей, но скажу: страсти вокруг него накалились до предела.

В последний раз дело Хинта должно было слушаться на очередном Пленуме Верховного суда СССР в марте 1989 года. В это же время поступило с грифом «срочно» представление Генерального прокурора СССР о даче судам указания, чтобы ответственность за нарушение закона о митингах и демонстрациях была бы распространена и на пикетирование. Считая, что такое представление Генерального прокурора неправильно по существу и, кроме того, рассмотрение его не входит в компетенцию суда, я предложил отклонить его. Это вызвало явное недовольство в верхних эшелонах власти. Но до того как оно ошутимо проявилось, дело Хинта и представление о пикетировании были слушанием отложены «для дополнительного изучения». Не прошло и нескольких дней, как председатель Верховного суда СССР напомнил, что еще семь месяцев тому назад он ставил вопрос об уходе на пенсию. Теперь его просьбу «нашли возможным» удовлетворить, причём даже немедленно. Так и сделали.

Дело же Хинта было через месяц назначено к слушанию уже под председательством Е. А. Смоленцева. Однако и при новом председателе Верховного суда СССР это дело прекратили. Что касается представления Генерального прокурора Союза ССР об ответственности за пикетирование, то и оно, правда не сразу, тоже было отклонено. Вспоминаю об этом не потому, что хочу кому-то «насолить». Отнюдь. Просто привожу некоторые факты борьбы за утверждение независимости суда. Сейчас ее надо продолжить более активно. Все должно, наконец, понять, что судьи — это служители закона, а не слуги власти: ни законодательной, ни исполнительной.

— Извините за любопытство, во кто это так «вовремя» вспомнил о вашем желании уйти на пенсию?

— Не хочется без нужды называть какие-либо фамилии. Скажу лишь, что разговор вел один из секретарей ЦК КПСС,

член Политбюро, курировавший в то время административные органы и Верховный суд СССР.

— Не могу в связи с этой историей не задать еще одного вопроса. Почему А. И. Лукьянов заявил на сессии Верховного Совета СССР, что он договорился с Гддяном о вашем уходе на пенсию?

— Не знаю, что между ними было, но Анатолий Иванович прислал мне потом личное письмо. В нем он утверждает, что некоторые «доброжелатели» умышленно неправильно толкуют его реплику на сессии и что никакой предварительной договоренности у него с Гддяном не было, о мой уход на пенсию с делом Гддяна не связывал.

— Уж раз занял речь о бывшем следователе, то журналистский долг велит мне задать вам и не совсем прятный вопрос. Я имею в виду обвинения, выданные против вас Гддяном и Ивановым.

— Три комиссии народных депутатов СССР по поручению Верховного Совета проверяли их заявление и не нашли ему подтверждения. Это была большая ложь или, в лучшем случае, глубокое заблуждение, хотя если это было заблуждение, следователи имели полную возможность принести свои извинения.

— Как вы полагаете, стало сейчас у судей больше независимости или мало что изменилось?

— Увы, и поныне много сигналов о попрании судебной власти. Пытаются командовать «старые власти», многие представители которых обременены «родимыми пятнами» прошлого, и «новые», нередко перегруженные амбициями и некомпетентностью. Вы же читаете в газетах, что некоторые Советы, исполкомы и даже народные депутаты пытаются непосредственно вмешиваться в судебную деятельность, требуют пересмотра дел, грозятся не утвердить «непокорных» судей в должности на новый срок. Живучи еще правовая неграмотность, правовое бескультурье, своеволие. Ведь запугивание неизбранным — далеко не пустой звук. Да и подбор судей идет не всегда по деловым и моральным качествам. Иногда исходят из склонности судьи к той или иной политической платформе.

К сожалению, серьезного улучшения не видно, и порой я все надежды возлагаю на «третью волну» — соразмерных государственных и политических деятелей. Ну, например, на таких, как народные депутаты СССР С. Станкевич, Ю. Голик, и других.

Многое будет зависеть от средств массовой информации, от того, насколько грамотно и целенаправленно они будут вести эту тему, тему независимости суда. Мне в этом отношении больше других импонируют публикации в «Известиях», «Литературной газете» и некоторых других печатных органах.

Мне кажется, что общепризнанные юридические лидеры, такие крупные ученые, как В. Кудрявцев, С. Алексеев, Ю. Калыков, А. Яковлев и некоторые другие, пусть они меня простят, слабо еще отстаивают независимость судебной власти, много сил тратят на поиски компромиссов, по существу на «кровном месте». А вот, например, председатель Союза юристов СССР А. Требков, декан юрфака МГУ М. Марченко, директор Института государства и права АН СССР Б. Топорнин, доктор юридических наук В. Савицкий, имея за своей спиной солидные организационные возможности или крупные научные учреждения, видимо, чего-то ждут. Не выдвигают юридических лидеров — борцов за независимость суда наши адвокаты, а им-то, как говорится, и Бог велит этим заниматься. В общем, к сожалению, юристы тут не в самых первых рядах. Конечно, я имею в виду не политиканствующих юристов, а настоящих носителей идей права и справедливости.

— Вы преподаете сейчас на юридическом факультете МГУ. Это ваше возвращение туда: ведь в первый раз вы преподавали в 1951—1955 годах. Знаю, что об этом вы говорили с высокопоставленными английскими гостями во главе с заместителем премьер-министра Великобритании, лордом-президентом Тайного Совета Уайтлоу. Они напомнили также имена двух студентов юрфака тех лет, которые стали: один — Президентом СССР, другой — Председателем Верховного Совета СССР. Так ли это?

— Да, было такое. Но я честно сказал англичанам, что не знал тогда этих студентов. Теперь жалею, что не предвидел, какие они займут посты... Жалею, но что делать? Конечно, я шучу: ведь все равно это ничего не изменило бы. Жизнь развивается по своим законам.

— Много лет вы были депутатом Верховного Совета СССР. Следует предположить, что был у вас и прием избирателей, основная масса которых, естественно, жаловалась на несправедливость судебных решений. У вас была немалая власть. Как часто вы могли удовлетворить эти просьбы?

— Власть была, это правда, но не такая, как вы об этом говорите. Должен сказать, что, к сожалению, сами судебные решения, во многих случаях недостаточно грамотные и необъективно составленные, дают повод к пересмотру их. Увы, судебные ошибки не такая уж редкость. Важно вовремя их увидеть и устранить. В данном случае прием избирателей помогал мне в этом. А вообще-то для меня теперь ясно, что председателя Верховного суда избирать депутатом не следует, как, впрочем, и Генерального прокурора.

— Доводилось ли вам принимать «неправедные» решения? Если да, то сожалеете ли об этом?

— Решений, противоречащих законодательству или моей совести, я, естественно, не принимал. Но не исключено, что неумышленно допускал и неправильные, и несправедливые решения. Например, об одном случае и сейчас, по прошествии многих лет, вспоминаю с глубоким сожалением и, если хотите, расскажам.

Случилось это в послеблокадном Ленинграде, когда возвращалось много эвакуированных и демобилизованных. Довольно часто их квартиры по тем или иным причинам оказывались занятыми, как их нынче называют, блокадниками. С этими случаями разбирались согласно закону. Полагалось в административном порядке жилье возвращать прежним хозяевам.

Однажды ко мне в прокуратуру, где я тогда работал, пришла демобилизованная молодая женщина. Просит вернуть квартиру, занятую во время блокады. Надо помочь, но как помочь, если семью блокадников пока некуда девать? Надеюсь на то, что проблеме все же удастся как-нибудь решить, я дал отсрочку в выселении, а женщину просил прийти через месяц.

БЕСЕДА С ВЛАДИМИРОМ ИВАНОВИЧЕМ ТЕРЕБИЛОВЫМ — БЫВШИМ МИНИСТРОМ ЮСТИЦИИ СССР, БЫВШИМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР : "ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА У НАС НЕ БЫЛО И ВРЯД ЛИ СКОРО БУДЕТ"

Затем продлил отсрочку еще на три недели, еще на две... Как назло, вопрос о расселении долго не находил разрешения. Женщина по-своему расценила возникшую «волокиту» и положила мне на стол конверт. Сама же бросилась вон из кабинета. В конверте были деньги, и ее задержали... А дальше был суд по делу о попытке подкупа должностного лица, на котором я оказался в роли единственного свидетеля. На суде присутствовали ее два брата, тоже офицеры, прошедшие войну. Словом, и сейчас мне подкатывает к горлу, когда вспоминаю это дело. Ей дали четыре года лишения свободы. Формально вроде все правильно, а по существу — не по-людски, не по совести. До сих пор ношу этот грех на душе.

— Значит, в Москву вы попали из Ленинграда? Каким образом?

— Похоже, что вы меня скорее допрашиваете, нежели интервьюируете. Ведь этот вопрос не относится к проблеме независимости суда. Но все-таки кратко отвечу. В 1949 году я был начальником следственного отдела прокуратуры города. Мне было тридцать два. В июне я был приглашен к прокурору Ленинграда, который, многозначительно глядя на меня, сказал: «У вас, кажется, есть способности к научной работе, вот и выезжайте немедленно в Москву за новым назначением». Я ответил, что уезжать не хочу. Он резко повторил: «Уезжайте. Срок — три дня».

Через два дня и сам прокурор города А. Неганов уехал к «новому месту работы». В июне—августе из Ленинграда выехали с такой же формулировкой более двух тысяч работников и других урядов. Их места заняли новые, главным

образом, приезжие люди. Моя жена, у которой НКВД отбирало подписку о выезде из Ленинграда, поскольку она финского происхождения, испуганно убеждала меня немедленно уехать. Так и сделали. А еще через месяц начались аресты по так называемому «ленинградскому делу». Отправляя сотни людей из города, «очищая» его от «ненадежных», Берия подбирал новые кадры, готовя почву для своих беззаконий. В Прокуратуре Союза ССР было принято решение оставить меня в Москве во вновь созданном Институте криминалистики, мне разрешили преподавать в юридическом институте и на юрфаке МГУ. Дальнейшее вы знаете.

— Владимир Иванович, последний вопрос. Он, на мой взгляд, имеет прямое отношение к теме нашего разговора о независимости судей. Поскольку сам я глубоко убежден, что лучше всего она достигается пожизненным назначением их, может быть, даже Президентом страны, а в республиках — президентами или председателями Верховных Советов, то хочу спросить, согласны ли вы с моей точкой зрения?

— Согласен, но с поправкой. Надо ввести предельный возраст для занятия судейской должности — видимо, это 65—70 лет — и установить, что досрочный отзыв судей может иметь место только с согласия специальной дисциплинарной коллегии или Пленума Верховного суда.

CODE: БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ БОРИСОМ РАУШЕНБАХОМ :

ТЕМ: _____

о роли интеллигенции
в современном обществе,
о демократии и анархии,
об автономии советских
немцев, о религии, о том,
прав ли был Маркс, и т. д.

советская культура

7 апреля 1990 г. ◆ 3

ВСЕ НЕ ТАК, РЕБЯТА

— В одной телевизионной передаче вы сказали, что время, проведенное в лагере ГУЛАГ, не считаете потерянным. Меня удивили ваши слова, поскольку сегодня часто приходится слышать от людей разного возраста: мы — потерянное поколение. Причем, как правило, лично их не коснулись ни репрессии, ни война. Но у каждого свои счесть со временем и с историей. Чем это можно объяснить?

— Тема потерянного поколения проходит через всю историю человечества. Во всякие эпохи были подобные утверждения. Но с этим невозможно согласиться хотя бы потому, что жизнь в самых трагических условиях продолжалась, и не все изменялось в худшую сторону. В чем причина подобных утверждений? Иногда все очень просто объясняется: слабый, безвольный человек не знает, как оправдать незавидное свое существование, валит все на обстоятельства: вот если бы я не в деревне жил, а в городе, вот если бы у меня была жена получше, а детей поменьше, то был бы я гением. А в конечном счете находятся красивые слова о потерянном поколении: не в то время родились, всю жизнь в очередях простояли.

Литераторы, пытающиеся объяснить эпоху, вкладывают в это понятие другой смысл. Здесь речь идет о том, что поколение не смогло реализовать себя в силу неблагоприятных социально-исторических условий или же потому, что перед ним были поставлены нереальные задачи, в которые оно поверило. С точки зрения литераторов, стремящихся к широким обобщениям, к ярким метафорам, это — потерянное поколение: они, бедняги, шли назад, а не вперед. История куда сложнее, у нее свой ход, бывают задержки, повороты, повторы. Не все происходит правильно и быстро. Я бы сравнил движение истории с вихреобразным движением в механике. Здесь понятие «вперед» или «назад» очень относительно. Зерно, брошенное в землю, не сразу пускает росток. Не всег-

да очевидны признаки роста или же, наоборот, умирания, тут легко впасть в заблуждение. Кто, например, мог предсказать, что на носу будет объединение Германии? Можно ли говорить о немцах, живущих в ГДР последние десять — пятнадцать лет, как о потерянном поколении? Если бы они жили иначе, смогли бы они сделать то, что сделали?

Думаю, и в жизни отдельного человека не бывает потерянного времени, есть жизненный опыт, тот или другой. Даже в тяжелой ситуации можно достойно жить и обогатить себя. Мой друг тоже прошел через лагерь, работал там в конструкторском бюро, он говорил, что это было лучшее время его жизни, и больше нигде и никогда он не встречал такого идеально-го сообщества порядочных людей.

— Когда вы попали в лагерь и за что?

— Во время войны, потому что я немец. Никакого обвинения не было, а это означало бессрочный приговор. Но мне повезло. У меня еще не было никаких научных степеней, но в кругу специалистов меня знали. Разыскал меня один генерал и убедил лагерное начальство освободить меня от общих работ. Поручили мне срочную математическую задачу. Жил за проволокой, но был сам себе начальник и регулярно посылал отчеты в закрытое авиационно-конструкторское бюро. Это было удивительное везение, по-моему, такой случай был единственный на весь ГУЛАГ.

— Все действительно было так

CODE: БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ БОРИСОМ РАУШЕНБАХОМ :
ТЕМ: -----

о роли интеллигенции
в современном обществе,
о демократии и анархии,
об автономии советских
немцев, о религии, о том,
прав ли был Маркс, и т. д.

Предлагаем вниманию читателей беседу нашего корреспондента с академиком Борисом Викторовичем Раушенбахом, известным ученым, который работал вместе с С. Королевым. Сегодня он заведующий кафедрой теоретической механики Московского физико-технического института. Мы часто видим его в телевизионных передачах по философским и нравственным проблемам, кроме того, он пишет книги по искусству — удивительные, умные книги. Нынешний разговор затрагивает широкий круг вопросов: о роли интеллигенции в современном обществе, о демократии и анархии, об автономии советских немцев, о религии, о том, прав ли был Маркс, и т. д.

страшно, как описывает Солженицын?

— Да, все правильно, так и было. Но страшно, когда читаешь, а в лагере не было страшно. Ежедневно от истощения умирали десятки людей, их относили в яму и там складывали. Мы подсчитывали тогда, что в течение года от голода мы все вымрем. И это было нормально. Человек ко всему привыкает. Те, кто был на войне, так же говорят.

Я помню экскурсию в Бухенвальд. Люди смотрят на фотографии изможденных жертв концлагеря и ужасаются. Я смотрел и думал: у нас было то же самое, никакой разницы. И никаких чувств я не испытывал. В лагере положено умирать. Ведь никто особенно не удивляется, что умирают в больнице. Происходит психологический сдвиг, и все кажется естественным.

— А что вы думаете о современном состоянии нашего общества, переживающего раскол на отдельные группы, партии. Тут «Память», там движение «Рух», тут радикалы, там умеренные. Какова в этой ситуации роль интеллигенции?

— Любое подлинное движение за социальные изменения подразумевает множество оттенков мировоззрения. Поэтому вполне естественна та много-

голосица, которую мы наблюдаем в общественной жизни. Все поднялось, всколыхнулось, поскольку рухнул режим жесткой регламентируемой власти, при которой никаких отклонений от единой «правильной» линии не могло быть. Появилась масса движений,

масса программ. Большинство из них не вечно, постепенно они отомрут и превратятся в секты, на их бормотание никто уже не будет обращать внимания.

Опасность в другом — в том, что у каждой группы свои «великие» цели, что все они сильны только своей критикой и, кроме приятных призывов — надо жить лучше, красивее и веселее, — они ведь ничего предложить пока не могут. Постепенно положительные программы выработаются, и вокруг них объединятся люди партии, если их возникнет несколько. Но главные задачи в одном государстве должны быть едины, иначе оно погибнет. Возьмите Соединенные Штаты Америки. Разные партии, разные программы, но у них одна стратегическая цель, они едины в стремлении к благоденствию, величию страны, ее промышленной и военной мощи. Драка идет по вопросам тактики. В свое время, лет пятнадцать назад, я говорил в шутку своим друзьям: нам надо иметь две партии с единой стратегической целью — коммунистическую партию «Спартак» и коммунистическую партию «Динамо». Обе имеют свои программы, своих болельщиков, свою тактику, а о главном не спорят. Оппозиционер у власти должен быть обязательно. При такой двухпартийности рашидовщина была бы невозможна. Его проделки немедленно были бы описаны в оппозиционной печати.

Я понимаю под партией необязательно политическую партию, пусть это будут общественные организации, группировки со своими серьезными

CODE:

БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ БОРИСОМ РАУШЕНБАХОМ :

ИТЕМ:

о роли интеллигенции
в современном обществе,
о демократии и анархии,
об автономии советских
немцев, о религии, о том,
прав ли был Маркс, и т. д.

идеями. Нечто похожее — разброд, анархия — было после 1917 года. Думаю, что теперь, после революционного взрыва, все постепенно придет в норму. Но, разумеется, не само собой. Вот здесь как раз интеллигенция должна сыграть свою, безусловно, ведущую роль. Это ее задача — гасить ненужные, искусственно создаваемые страсти, объединять общество большими, высокими целями, научно и художественно формулировать эти цели.

Но здесь я должен сказать о самом понятии «интеллигенция». Этим словом у нас обозначают кого попало. Например, всякого человека, имеющего высшее образование. Это неправильно, если брать за мерку понятие русской интеллигенции, которое существует в словарях. Это же ведь вовсе не люди с высшим образованием, если вспомнить Бунина, Шалапина, Горького. Я вкладываю в это понятие прежде всего высокий профессионализм. Достаточно широкое, не замкнутое мышление. И еще два компонента, которые почему-то совершенно забыли, я же считаю их тоже главными в человеке — это порядочность и воспитанность.

— Повсюду сейчас можно услышать: мы поторопились с демократией,

общество по своему культурному и политическому уровню не готово к ней, что перестройка спровоцировала национальный взрыв и привела к общегосударственному кризису...

— А разве можно вводить демократию по кусочкам? Это значит погубить все дело. Надо достойно пережить момент разброда. Ведь, грубо говоря, все передрались. И именно интеллектуальные силы. Да, конечно, спор идет принципиальный: строить мост вдоль или поперек? Но сколько сил уходит на сведение личных счетов. Люди не слышат друг друга и не стремятся к этому. Каждый кричит о своем и считает, что все остальные враги. Нам пятьдесят лет вдалбливали в голову эту глупость — будто бы есть только одна правильная линия, и если человек отступает от нее, начинается мордобой, включают огромные мегафоны, трансляцию прекращают. Это же поведение дикарей. Интеллигенция не может себя так вести.

Я не хочу обвинять людей в том, что они такие плохие. Их такими сделало воспитание. «Кто не с нами, тот против нас», «Если враг не сдается, его уничтожают» — такие лозунги прошли через всю нашу жизнь, они висели повсюду на стенках. Мы — единственно правильная методология, мы — единственно правильная теория, у нас самые лучшие ценности в жизни — такова норма поведения была у нас и по отношению к другим странам. Социализм строили двумя путями — большевики и социал-демо-

краты. Но когда я был школьником, нам объясняли, что социалисты хуже фашистов. Хуже, потому что они враги скрытые, а значит, самые опасные. Но социализм-то они построили, например, в Швеции.

Все эксцессы, которые у нас сейчас происходят, и в которых обвиняют Горбачева и перестройку, объясняются тем, что у нас сейчас берет верх не демократия, а анархия. Демократия — это власть большинства. А все нынешние движения действуют по принципу батьки Махно: я хочу, я имею право. Демократия не бывает без терпимости и взаимоуважения. Мы же наблюдаем совершенно обратное. Более того, пробным камнем демократии является гарантия прав меньшинства. Здесь я имею в виду национальные проблемы. Что изменилось за последние несколько лет? Как и раньше сам народ ничего не решает в своей судьбе. Отсюда и конфликты как результат не демократии, а снятия запретов. А пока есть запреты, нельзя ждать демократии. Не может быть полной или не полной демократии. Мера свободы должна быть, но она определяется уголовным кодексом. Я свободен с точностью до уголовного кодекса. И второе — более тонкая и важная мера свободы — с точностью до моральных принципов.

— Вы член комиссии по советским немцам в Верховном Совете. Что вы думаете об их стремлении к автономии?

— Я бы не сказал, что это движение за автономию, это движение против дискриминации. До сегодняшнего дня, хотя уже несколько лет идет перестройка, немцы остаются единственной нацией в нашей стране, которая подвергается дискриминации. Простой, но очевидный пример: в стране, где живут два миллиона немцев, нет ни одной немецкой школы. А их было много до войны. Теряются язык, культура, народные традиции. И они решили ехать в Германию. Темп выезда очень высокий, за один 1989 год выехали 100 тысяч человек. В этом году будет еще больше. Кроме того, до последнего времени Хонеккер запрещал въезд в ГДР. Сейчас там освободилось много рабочих мест, и наверняка новое правительство будет брать наших немцев. Думаю, что лет за пять они все уедут. Но стране это невыгодно, потому что ее покидает очень деятельный, трудолюбивый народ. Известно, что все немецкие колхозы — образцовые. Единственный способ удержать немцев, если это уже не поздно, — дать им автономию. Сейчас большинство из них даже в автономию ехать

CODE:

БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ БОРИСОМ РАУШЕНБАХОМ :

Т.Т.М.:

о роли интеллигенции
в современном обществе,
о демократии и анархии,
об автономии советских
немцев, о религии, о том,
прав ли был Маркс, и т. д.

не хотят, они предпочитают Германию, так надежнее. Мы должны сделать автономию более привлекательной, чем Германия. Местные власти, имея такую возможность, делают все наоборот. А поэтому немцы едут на Запад, несмотря на то, что пока едут на худшее. Здесь они занимали престижные посты, там они могут рассчитывать на положение чернорабочих, зато дети их будут жить лучше.

Приехавших на Запад немцев спрашивают: «Как вы относитесь к Горбачеву?» Они отвечают: «Горбачев — хороший человек, но придет кто-нибудь другой, и все начнется сначала. Нам столько лет вдали, мы ничему уже не верим».

— Понятно, что государству невыгоден отъезд немцев, в чем же трудность, почему не решается этот вопрос?

— Никаких особых трудностей нет. Есть только противодействие местного аппарата, советского и партийного. Я сам выезжал в те области, разговаривал с людьми, спрашивал, почему они против переселения немцев. Они ничего конкретно ответить не могут. Думаю, людей запугали местные власти тем, что они что-то потеряют. Но это же неправда, народ ничего не по-

теряет, потеряет страна. А вот местные власти боятся, что область станет меньше, так как часть отойдет в автономную республику, кто-то перестанет «командовать». Из-за местнической глупости наносится ущерб державе (а ведь «за державу обидно»). Значит, им плевать на страну, они не патриоты.

А ФРГ принимает наших немцев, и, думаю, дело не в сантиментах, там просто умеют думать и считать. Возьмем данные последних исследований Института немецкой экономики во Франкфурте-на-Майне — до 2000 года Федеративная Республика Германия способна принять 2 млн. переселенцев. Благодаря этому притоку умов и рабочей силы валовой национальный продукт увеличится к рубежу веков на 84 млрд. марок. По оценкам нашего Госплана, потери СССР при отъезде немцев достигнут 80 млрд. рублей. Таким образом, советские и западногерманские оценки в основном совпадают, мы теряем, они приобретают. Это нужно стране?

— Неудачная практика строительства коммунизма в нашей стране (а сюда причисляются и нынешние беды) вызывает в сознании людей недоверие к марксизму. В то же самое время официальная идеология держится на именах Маркса, Энгельса, Ленина. Что вы об этом думаете?

— Думаю, мы плохо знаем пока настоящие причины наших бед, и совершенно не знаем марксизма. Совсем недавно вышла замечательная книга «После коммунизма» (издательство

«Молодая гвардия»), она как раз восстанавливает чистое имя марксизма. Написал ее С. Платонов (это псевдоним), закончивший наш институт — МФТИ. Он начал с того, что прочел всех советских политэкономов, а затем перечитал подлинного Маркса, Энгельса, Ленина и Гегеля. Получилось, что толкователи марксизма совершенно переврали первоисточники. Скептически рассуждают о марксизме-ленинизме, потому что, кроме затасканных школьных цитат, ничего в нем не знают. А ведь, как доказал автор этой книги, Маркс и Ленин не ошибались. Вот, скажем, знаменитое положение марксизма о неизбежной гибели капитализма. О чем, казалось бы, тут говорить, вся западная богатая, комфортабельная жизнь вроде бы доказывает обратное. Но это не так. И когда начинается серьезный научный разговор, то становится понятно: действительно история идет «по Марксу», капитализм умер в эпоху великого кризиса, начавшегося в конце двадцатых годов. Но это уже отдельный разговор. Скажу только, что все основные компоненты подлинного исторического материализма, то есть главные оси координат движения человеческого общества найдены были Гегелем, Марксом и Лениным. И об этом в первом номере журнала «Знамя» за этот год можно прочесть интереснейшую статью Сергея Чернышева «Новые вехи».

— В настоящее время идет реабилитация церкви. Она вызывает доверие у людей и у интеллигенции в том числе. С чем это связано — с модой, с желанием найти единственную истину, пережив так много лжи?

— Я считаю глубоко ошибочной точку зрения, что религия — это пережиток старого или признак невежества. Думаю, религия не умрет, потому что многие люди обладают геном религиозности. Им внутренне присуща потребность в чуде. Запретите церковь, они будут верить в «летающие тарелки» или во что-то другое. Причем, как только это чудо становится общепризнанной реальностью, к нему тут же теряется интерес. Есть ведь генетическое чувство красоты, поэзии. И человек будет рисовать или писать стихи даже в лагере, на бересте, на скале, где угодно и на чем угодно. В тридцать — сорок лет человек, воспитанный в атеистическом духе, вдруг начинает креститься и испытывает огромное облегчение. Он неосознанно удовлетворил наконец свою естественную потребность, свойственную людям с сильно развитой эмоциональностью,

CODE: БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ БОРИСОМ РАУШЕНБАХОМ :
ИТЕМ: -----

о роли интеллигенции
в современном обществе,
о демократии и анархии,
об автономии советских
немцев, о религии, о том,
прав ли был Маркс, и т. д.

и все встало на свои места. Поэтому, видимо, в среде художественной интеллигенции верующие встречаются довольно часто. И нелепо вести атеистическую пропаганду среди тех, у кого развито образное мышление. Рациональные доводы для них ничто в сравнении с живым ощущением бога. Ничего не может сделать научный атеизм и с потребностью человека в вере, поскольку она помогает ему ощущать смысл его жизни, целесообразность мира и истории, до конца недоказуемые научно. Религия, как и поэзия, не противоречит науке. Это два способа восприятия и два способа чувствования, равно необходимые полноценному человеку. Наука и в будущем будет бессильна погасить религиозность искренне верующего, так как ее нечем заменить. Или же «научный атеизм» надо заменить «сердечным атеизмом», обращенным к образной части человеческого сознания.

В нашей стране, по моим оценкам, искренне верующие люди составляют пятнадцать процентов населения. Как я для себя недавно выяснил, познакомившись с одним пастором во Франкфурте-на-Майне, на Западе примерно такая же картина: в церковь ходят те же пятнадцать процентов. Церкви

там никогда не закрывали, как у нас, но они полупустые. Большинство людей там бывает два-три раза в году. На Пасху, Рождество, на свадьбу, на крещение ребенка. Хотя они все платят огромный церковный налог. Это подтверждает мою точку зрения — истинно религиозных людей определенное число, и это заложено генетически. Но и те, кто в церковь пойдет ради любопытства или в силу модного поветрия, не научится там ничему плохому. У нас никто не занимается нравственным воспитанием человека. Если азы нравственности ребенок постигал в семье, которая прежде играла значительную роль в жизни ее членов, то сегодня задушевные общесемейные беседы нередко вытесняются совместным сидением перед телевизором. Определенную положительную роль играли в прошлом и моральные обязанности, которые налагались на человека в силу его принадлежности к тому или иному сословию. Неписанный кодекс дворянской чести человек усваивал еще в детстве, наблюдая поведение взрослых, получая строгие замечания — «так дворяне не поступают!»

Воспитывала и церковь. Наедине духовнику необходимо было рассказывать о всех своих дурных поступках и помыслах и каяться. Вот такая общая ежедневная нравственная тренировка достигала главного: человек не только понимал, что хорошо, что плохо, но страдал, если поступал плохо. Поэтому сегодня нечем заместить церковь. Вы скажете, а литература? Однако книгу прочел и отложил в

сторону, а церковная исповедь — это постоянная тренировка нравственной дисциплины в человеке.

— Вы выступали с «Воскресной нравственной проповедью» по телевидению, но, вероятно, вы знаете, что, как только она начинается, многие сразу же переключают телевизор на другую программу. Какой же в них смысл?

— И правильно делают. Не стоит тратить время на то, что неинтересно. Думаю, что такие беседы (проповедь — это не совсем удачное название) не интересны молодежи, но все-таки кое-кто их слушает, вот вы, например. Надо, чтобы разговоры о нравственности шли по всем каналам, были бы умны, ненавязчивы и повседневны, чтобы в них были включены так или иначе все. Меня не трогает равнодушное отношение молодежи к «Воскресной проповеди», пусть выбирают и ищут свое. Но ведь нет же своего. Все заимствованное, все новинки не первой свежести готовыми берутся с Запада. Меня волнует отсутствие чувства гордости, так свойственное молодым, идущим в мир с надеждами, с мечтами, с желанием жить по-новому, лучше. Летом я был в Испании. Что меня больше всего поразило? Не архитектура, не природа, а поведение испанцев. Какой это гордый народ! И гордость проявляется у них не в том, что они выясняют: а ты кто такой? Они счастливы, что они испанцы, им нравится все испанское. А на рок, американское тряпье, французскую парфюмерию им наплевать. Испанки не употребляют косметику, не носят ультрамодные кричащие одежды и этим сразу выделяются из толпы. Свои у них праздники, развлечения, стиль жизни. И во всем этом чувствуется настроение народа: мы, испанцы, и так хороши!

Мы же, как деревня за городом, поспешаем за всеми сразу, ничего не упускаем из виду: там красивые штаны в моде — и мы в красных, там на левой ноге прыгают — и мы следом. А у нас все свое есть. Своя культура, традиции, песни. Например, Высоцкий, Окуджава... В их песнях — наша жизнь. Для меня вся история нашей страны укладывается в две песни. Начало 20-х годов, романтическое, приподнятое время — это «Гренада» Светлова. А все догорбачевское время уместилось в одной песне Высоцкого «Все не так, ребята!». У нас эта вещь не исполнялась, он записал ее во Франции. Столько в ней горечи и жалости за все, что с нами стряслось за

12.4.90

242 1

DAY MONTH YEAR

No.

F—

CODE: БЕСЕДА С АКАДЕМИКОМ БОРИСОМ РАУШЕНБАХОМ :
ИТЕМ: -----

о роли интеллигенции
в современном обществе,
о демократии и анархии,
об автономии советских
немцев, о религии, о том,
прав ли был Маркс, и т. д.

161

эти годы, отчаянный крик человека, который все давно понял.

Проникновение духовных нормативов Запада в нашу жизнь говорит не только о том, что у людей низкий уровень культуры, но еще о том, что просто нет выбора. Сколько в Москве симфонических концертных залов? И сколько их в Нью-Йорке? Несопоставимые ведь цифры. То же самое с библиотеками, с выставочными залами. Поэтому даже тогда, когда в консерватории или в Зале Чайковского идут прекрасные концерты (а они идут там постоянно), они заполнены на треть; выбирайте себе любое, самое лучшее место. Где люди? Они рядом, дрожат на морозе в очереди в «Макдональдс» отвесть западную котлету. Это, видите ли, знак респектабельности. Но ведь это заблуждение: все не так, ребята! Как раз респектабельные люди не ходят в такие дешевые забегаловки. Они умеют организовать свое время так, чтобы есть в приличных местах. «Макдональдс» удобен для очень бедных и очень спешащих. Как правило, его посетители — это студенты, школьники, иностранцы, у которых не хватает денег. Стоять же в очереди в бистро, да еще гордиться, что оставил там за пару обыкновенных бутербродов свой дневной заработок, — это позор.

— В картотеке Ленинской библиотеки под именем Б. В. Раушенбах значатся книги по управлению космическим кораблем, по вибрационному горению топлива и... по изобразительному искусству на материале Древнего Египта, Византии, Ренессанса, русской иконы и до Сезанна. В наш век специализации это совсем неожиданный феномен. Какое-то двойничество получается. Как в вас уживаются любовь к логарифмам и к искусству?

— Это вполне естественно, примеров можно привести множество. Флоренский был математик, Достоевский — инженер... Все дело в том, что разные области знания разделены искусственно. Человеческий мозг своим левым полушарием обеспечивает главным образом процедуры рационального мышления, а правое — образное восприятие мира. Принадлежность того или иного человека к «физикам» или «лирикам» зависит, по-видимому, от того, какое из полушарий у него доминирует. Образное восприятие мира более древнее, логическое мышление возникло позже. Может быть, поэтому сны, рождающиеся в правом

полушарии, не удивляют человека самими невероятными чудесами — ведь левое, «рациональное», в это время «отключено». В современном обществе объем и значение рационального знания непрерывно растут. Люди сегодня все чаще ищут оптимальные решения стоящих перед ними задач, причем понятие оптимальности имеет, как правило, рациональный смысл: как при наименьших затратах построить какое-то сооружение, каким путем получить максимальную прибыль и т. д. Этот способ мышления стал повседневым и в нашей жизни. Именно такие условия приводят к тому, что логическая составляющая нашего знания о мире все время используется и наращивается, а нерациональное знание оттесняется на второй план. Но ведь оно существенно влияет на важные стороны восприятия мира — нравственную оценку происходящего, нравственную мотивацию поступков. Между тем нравственность становится чем-то второстепенным, и это все более и более беспокоит человеческое сообщество.

Сегодня, в период триумфа естественнонаучного знания, впечатляющих открытий в физике, астрономии, биологии и других науках, дающих рациональное объяснение жизни Вселенной, возникла грандиозная задача создания научной картины мира и на ее основе научного мировоззрения. Многие считают, что решение этой сверхзадачи облагодетельствуют человечество. Однако такое утверждение представляется весьма сомнительным.

Нам нужно целостное мировоззрение, в фундаменте которого лежит как научная картина мира, так и вненаучное восприятие его. Мир следует постигать, по выражению Гомера, и мыслью, и сердцем. Только так человек сможет найти надежные ориентиры своего поведения, а человечество определит достойные его цели.

Беседу вел
Н. ДАНИЛЕВИЧ.

ИГ. КЛЯМКИН: НА СМЕНУ РАСПАДАЮЩЕЙСЯ "ОБОРОННОЙ ИДЕОЛОГИИ"
ПРИДЁТ "РЕЛИГИОЗНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ"

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

№ 31, 5 августа 1990 г.

стр. 10.

Игорь
КЛЯМКИН

ЦВЕТ ДЕМОКРАТИИ — ЗЕЛЕНЬ?

С БОЛЬШИМ ИНТЕРЕСОМ прочитал о том, что «Московские новости» намерены стать независимой народной газетой. Этот замысел кажется мне заслуживающим самого серьезного внимания.

Правда, поначалу мысль о независимой газете в пору утверждающейся многопартийности кажется странной. Независимой — от кого? От всех партий и движений? Но такая газета вроде бы заведомо обречена на отсутствие политического лица. Кому она, такая, будет нужна?

Не очень понятным может показаться и желание газеты стать не только независимой, но при этом еще и народной. Кто-то, быть может, заподозрит в этом намерение присвоить себе монопольное право на народность, лишив его всех остальных. Да и что вообще может означать сегодня это слово в стране, где все так спуталось и смешалось, где живущие по соседству, но говорящие на разных языках уже несколько лет воюют друг с другом, причем не всегда только на митингах?

Но в том-то и дело, что, как бы ни обижались друг на друга наши народы, как бы ни соорились, далеко им друг от друга не уйти: освободившись от насильственно навязанных уз нерушимого братства и несокрушимой дружбы, они рано или поздно убедятся, что экономическая и политическая свобода, в том числе и выход из СССР, увеличит, а не уменьшит их взаимную зависимость, так как ни одна из республик, включая самые развитые, в обозримом будущем на мировой рынок не пробьется. А это значит, что общий народный интерес в стране существует, но он раздроблен на десятки особых интересов, которые многим кажутся несоместимыми и непримиримыми. Ничего странного и необъяснимого тут нет: тоталитарные связи рвутся мучительно, нередко с кровью, а добровольные не могут возникнуть, пока сохраняются недобровольные. И вот в этой-то обстановке, когда пробуждающиеся народы отторгаются друг от друга стенами недоверия, очень важно, не дожидаясь лучших времен, начать закладывать идеологический и политический фундамент будущего согласия. Для этого и нужна газета международного сплочения.

Понятно, в свою очередь, что такая газета может быть только независимой от всех нынешних политических партий, в том числе и самых демократических. Потому что они возникают сегодня прежде всего как национальные, как партии дробления, а не согласия. Это естественно: чтобы освободиться от тоталитарного «интернационализма», нужно сплотиться на чем-то

прямо ему противоположном. Но отсюда же следует, что объединяющую роль не сможет уже сыграть и КПСС — единственная партия, имеющая свои национальные отряды во всех республиках. Не сможет, потому что не воспринимается как выразитель интересов народа — отдельно и всех вместе, потому что демократические движения против нее в первую очередь и выступают, в противостоянии ей прежде всего и сплачиваются.

Поэтому народную независимую газету я вижу как орган, который подготавливает духовные и политические условия возникновения массовой демократической межнациональной партии (или движения), альтернативной исчерпывающей свою миссию КПСС.

Я понимаю, что здесь мне никак не уйти от вопроса об идеологическом знамени этой новой организации. Какого цвета оно может и должно быть? Разумеется, это тоже надо обсуждать, но для начала я хотел бы поделиться своим предположением о том, что цвет нашей межнациональной демократии скорее всего будет зеленым...

Рассуждаю я следующим образом. Чтобы перейти от административной экономики к рыночной, надо, чтобы люди ее приняли, чтобы они увидели в ней какой-то важный для себя смысл. Говорят, правда, что для принятия идеи рынка никакого другого смысла, кроме здравого, не нужно, а он, мол, присутствует в голове каждого нормального человека. Но в своем резком отталкивании от нелепостей тоталитарной идеологии мы как-то забыли, что здравый смысл идеологией никогда не был и быть не может и что вовсе неспроста люди всегда искали для оправдания своей жизни смысл более высокий, абсолютный, неспроста сочиняли поднимавшие их над повседневной обыденностью священные книги. Абсолютные экологические ценности и могут стать той идеологией, той болевой точкой в сознании каждого из нас, через которую это сознание откроется для восприятия спасительности здравого смысла рыночной экономики. Да, рынок сам по себе не излечивает все экологические болезни, это мы видим на Западе. Но без рынка они попросту ведут к биологической катастрофе. Арал, Чернобыль, Уфа, Донбасс — все это столь же закономерно, сколь и непредсказуемо катится на нас со всевозрастающим ускорением. В такой обстановке экологическая идея поднимается до фундаментальной идеи спасения человека, то есть по своей смысловой наполненности становится близкой к

религиозной. Это не совсем то, что на Западе. Там экологические ценности противостоят несовершенству рынка. У нас, наоборот, эти ценности могут вывести из губельного административного хозяйствования и рыночную экономику.

Пока, правда, и экологическое знамя подняли защитники национальных интересов, выступающие против центральных ведомств. Пока это знамя скорее противостояния, чем согласия. Но рано или поздно все мы поймем, не сможем не понять, что от экологической беды мы или уйдем вместе, или ее не минует никто. Коммунистический интернационализм был идеологией, скрепляющей тоталитарную «империю». Экологический интернационализм сможет стать идеологией преобразования «империи» в демократическое сообщество экономически и политически самостоятельных народов. Поэтому мне видится на нашем политическом горизонте мощная межнациональная экологическая партия, разумеется, при полной самостоятельности и организационной независимости ее национальных подразделений.

Все эти соображения не раз высказывал, в том числе и публично, но сочувствия и сомыслия они обычно не вызывают, кажутся искусственными и надуманными. Чаще всего приходится слышать, что уровень экологического сознания населения у нас очень низкий и поэтому оно не может строить людей в массовое политическое движение. Но вот совсем недавно «Московские новости» опубликовали результаты солидного социологического исследования, которые уже успели окрестить сенсационными и из которых следует, что загрязнение природной среды волнует людей больше любых наших бед и проблем и что экологическое движение по степени доверия населения уступает только церкви. Очень интересно, что в тройке лидеров мы видим еще и армию. Ей доверяют даже чуть больше людей, чем «зеленым», но зато и доля недоверяющих значительно больше, чем у них. Обратите еще раз внимание на этот состав победителей: дерковье (религия), «зеленые», армия. Не наведут ли результаты исследования на мысль о том, что мы переживаем распад «оборонного сознания», десятилетиями заменяющего нам религиозное, и что оно, сознание это, на наших глазах превращается в религиозно-экологическое?

Я не настаиваю. Я всего лишь призываю задуматься.

В МОСКВЕ ИЗБИВАЮТ ДЕПУТАТОВ

БЬЮТ НЕ ПО МАНДАТУ— ПО ЛИЦУ

Раньше о подобном и слыхом не слыхивали. А нынче в Москве с неумолимой регулярностью бьют депутатов. Бьют на улицах, в подъездах домов и темных переулках.

По Конституции депутатский мандат гарантирует человеку абсолютную неприкосновенность. Хулиганам, конечно, на изыски советского законодательства наплевать, бьют не по мандату—по лицу. Но куда смотрит милиция?

В конце июня на депутата Перовского районного Совета Петра Шапошникова напали. Именно милиционеры, прокартавливая полчаса у подъезда его дома. Сам депутат отделался легким испугом. А вот сопровождавших его приятелей все-таки поколотили, одному из них почти месяц пришлось отсидеть на биолетене.

В деле этом много неясного. События развивались глубокой ночью, без свидетелей. А главное, не улавливается в них какого-либо очевидного или затаенного смысла. Хоть и возмущает Шапошников в райсовете постоянную комиссию по торговле, но, по собственному же его признанию, пока на этом поприще никак себя не проявил. Не было никакого резона сводить с ним счеты ни мафиозам, ни тем более милиции. В 177-м отделении внутренних дел ночное происшествие трактуется по-своему.

Здесь акцентируют внимание на том, что «Москвич», подвозивший Шапошникову до дома, оказался подозрительным. Добровольно пройти в ОВД для выяснения личности пассажиры не захотели, а когда к ним применили силу, оказали сопротивление. После таких противоречивых свидетельств становится абсолютно непонятно: кто кого бил и главное—зачем?

Разбираться в перипетиях инцидента предоставим более компетентным органам—в прокуратуре Перовского района заведено недавно уголовное дело. Но каким бы ни был в конечном итоге юридический вердикт, сам по себе факт можно признать из ряда вон выходящим.

Равно как и все остальные истории с нападениями на депутатов. Слава богу, пока их можно пересчитать по пальцам. Однако в неполный первый десяток уже успели попасть Сергей Станкевич и Гавриил Попов. Из председателя кабинета, например, не раз выводили не в меру экзальтированных посетителей. Как утверждают очевидцы, в противном случае исход событий для лиц, руководящих Моссоветом,

был бы непредсказуем.

Откуда берет истоки этот неожиданный терроризм, в Моссовете пока объяснить не могут. У пострадавших есть предположения, но строятся они скорее на интуиции, чем на конкретных фактах. Одно не вызывает сомнений: нападения на депутатов отнюдь не случайны. Подмечено, например, что представители из блока «Москва» ни разу не подвергались ни нападениям, ни открытым угрозам. Пострадали лишь радикально настроенные депутаты, четко выявившие в ходе работы свои политические позиции.

—Для подобных инцидентов есть, конечно, и объективные предпосылки,—считает председатель постоянной комиссии по законности, правопорядку и защите прав граждан Юрий Седых—Бондаренко.—Раньше депутатов никто не знал в лицо. А те, кого знали, надежно были защищены от улицы персональными автомобилями, охраняющимися кабинетами и квартирами, дачами за высоким забором. Нынешние депутаты в основной своей массе ничего этого не имеют. Они абсолютно доступны и на работе, и дома. Ситуация осложняется еще и тем, что с 31 марта исполком прекратил разбор почты и прием населения. Огромный поток людей хлынул в наши постоянные комиссии, в которых,

как правило, работают один-два депутата. Ждать очереди на прием, а затем ответа на жалобу приходится подолгу, что, естественно, вызывает у людей недовольство и раздражение. Тут недалеко и до скандала.

Вопрос о безопасности депутатов стоит сейчас в Моссовете довольно остро. Конечно, никто не собирается приставлять к народным избранникам особую охрану или в организованном порядке обеспечивать их средствами личной защиты. Однако упразднение милицеевских постов у входа в здания Моссовета, несмотря на неоднократные предложения группы депутатов, признано пока преждевременным.

Частичное решение проблемы видят здесь в создании приемной Моссовета, в состав которой, по предварительным наметкам, планируется ввести, кроме экономистов, юристов, делопроизводителей, еще и медиков, в том числе и психиатров, психологов. Однако реальное решение проблемы связывают с успехом намеченных экономических, политических и социальных реформ. А до той поры гарантии неприкосновенности, очевидно, так и останутся сугубо личным делом каждого депутата.

Татьяна БОРОВИК

19

А. ПОРТНОВ, ПОЛИТИКА ПЕРЕСТРОЙКИ ДАЕТ НАМ НАДЕЖДУ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ РАВСТВА СТАЛИНЩИНЫ. А ВОТ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЧВАНСТВО? ОТ НЕГО МЫ ПОКА НЕ ИЗБАВИЛИСЬ

- 1 -

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

19 1990

3/90

О ЧВАНСТВЕ

Незадолго до своего расстрела поэт Б. Корнилов писал:

... Я стихи сочинял о Свири,
и о воде ее цвета травы
и о том, что в огромном мире
только мы, как всегда, правы...

Весь мир шагал не в ногу, одни мы — в ногу! Несколько поколений советских людей непоколебимо верили в избранность нашего общества и народа, нашей страны и политики. «У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока» (В. Маяковский). Поэт вторил тирану, объявившему, что последний советский человек на голову выше любого высокопоставленного заокеанского чинуши...

За колючей проволокой, за «железным занавесом», отделившим социализм от эволюционирующего, стремительно развивающегося мира, в жуткой обстановке злобы, невежества, подозрительности и шпиономании, скрытой за ханжеской вывеской «борьбы за мир», распускался цветок советского чванства.

Вроде не так много воды утекло с тех пор, но в наше время уже невозможно воссоздать атмосферу тех лет, когда советская наука, заразившись паранойей у вождя страны и партии, выступала посмешищем всего мира. Наши шаманы с правами Великих Инквизиторов, преимущественно ака-

демики, вешали со страниц партийных газет, что гены — злобная буржуазная выдумка, что пшеница способна самопроизвольно переходить в рожь, а рожь — в овес...

Как сказал впоследствии крупнейший ученый П. Л. Капица, «понадобился взрыв атомной бомбы, чтобы заставить наших философов перестать упражняться в невежестве».

24 мая 1945 года в Кремле, в обстановке всеобщего преклонения, сходной с той, в которой в 1939 году И. В. Сталин пил за здоровье А. Гитлера, великий вождь решил выпить и за многострадальный русский народ:

— Я пью за здоровье русского народа... Иной народ мог бы сказать правительству — «Вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь!...» Но русский народ не пошел на это!

(Те, кто попробовал пойти, к тому времени уже «ушли» — кто в концлагеря, кто на тот свет.)

Вымуштрованный аппарат немедленно начал проработку «русского вопроса». Началась мракобесная борьба с «низкопоклонством перед Западом»: был создан специальный Институт истории техники АН СССР, из стен которого мелким горохом посыпались кандидаты и доктора наук, делавшие блестящую карьеру в новой отрасли знания: выявлении величайшей роли русской науки и ее определяющем вкладе в мировую науку. Русские уче-

29

А. ПОРТНОВ, ПОЛИТИКА ПЕРЕСТРОЙКИ ДАЕТ НАМ НАДЕЖДУ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ РАБСТВА СТАЛИНЩИНЫ. А ВОТ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЧВАНСТВО? ОТ НЕГО МЫ ПОКА НЕ ИЗБАВИЛИСЬ

- 2 -

ные, оказывается, наоткрывали все, что только можно. Русскими изобретениями оказались воздушный шар и закон сохранения вещества, паровая машина и двигатель внутреннего сгорания, железные дороги и паровоз, трактор и комбайн, а также самолет, радио, электрическая лампочка; даже такая мелочь, как шайба Гровера получила новое название — пружинная шайба... Фальсификация и подлог стали обычным методом «доказательства». В те времена остряки осторожно шептали на ухо проверенным знакомым, что, как совершенно точно доказано, первый слон родился именно в России... Естественно, что кроме огромного морального ущерба вся эта компания русскому народу, отечественной науке ничего не принесла.

Как говорил Аркадий Райкин: «Зачем мне учиться, когда я уже вполне могу учить других?»

СССР — центр мирового коммунистического движения, оплот мира и социализма, знаменосец мира во всем мире! Весь мир учится у нас, весь мир идет нашим путем, у нас — сталинский план преобразования природы, величайшие каналы, крупнейшие ГЭС, самый счастливый народ, лучшее в мире метро, а уж вождь — просто корифей всех времен и народов.

И звезды сильней заблистали,
И кровь ускоряет свой бег,
И смотрит с улыбкою Сталин:
Советский простой человек.

Другого такого не было во веки веков. Аминь.

Ситуации повторяются. Русский историк В. О. Ключевский писал:

«Когда Московское государство стало устраиваться после татарского ига, ему понадобились разнообразные технические знания. Оказалось, что русский человек не имел их, и не хотел приобретать, считая их низкими и суетными: пришлось сманивать и вы-

крадывать техников из чужих земель...

Гордый русский интеллигент очутился в неловком положении: то, что знал он, оказалось ненужным, а что было нужным, того он не знал. Он знал возвышенную легенду о нравственном падении мира, о преображении Москвы в третий Рим, а нужны были знания артиллерийские, фортификационные, горнозаводские, медицинские... Он мог по пальцам пересчитать все ереси римские, лютерские и армянские, а вопиющих домашних пороков не знал или притворялся не замечающим.»

Не так ли и мы старательно перечисляли и классифицировали пороки капитализма, считали зарубежные расходы на вооружение, громили безнравственность, наркоманию, забастовки и безработицу в чужих землях, старательно забывая о собственных. Не здесь ли таится величайшая опасность нашего развития?

Современная эпоха, политика перестройки дают нам надежду освобождения от рабства сталинщины. А вот национальное чванство? От него мы пока не избавились.

Победоносные вторжения в Венгрию и Чехословакию — это уже наше время, наше поколение. Обучение «нравственным нормам» под солдатским сапогом, под гусеницами танков — это ли не государственное чванство? Обидно, что его все равно весь мир соотносит с проявлением русского национального характера.

Афганистан — несмываемый позор, но он был абсолютно естественным на фоне партийно-правительственного чванства брежневской эпохи. Вспомним раздутые, неправдоподобно самодовольные физиономии ближайшего брежневского окружения. К сожалению, малярия власти всегда неизбежно заражает и народ. Спившаяся страна, накачиваемая воспоминаниями о прошлых победах, — разумеется, военных, в бряцании заслуженных и неза-

А. ПОРТНОВ, ПОЛИТИКА ПЕРЕСТРОЙКИ ДАЕТ НАМ НАДЕЖДУ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ РАБСТВА СТАЛИНЩИНЫ. А ВОТ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЧВАНСТВО? ОТ НЕГО МЫ ПОКА НЕ ИЗБАВИЛИСЬ

-3.-

ЭССЕ

служенных медалей, стремительно отстающая от развивающегося мира... Грустная картина.

«Слава советскому народу!» — За что, собственно, «слава»?.. Десятки лет мы жили под райские напевы самовосхваления, убеждавшие себя в праве руководства всем миром. Гласность позволила увидеть и понять лишь часть собственных недостатков. Грядущая свобода слова, вероятно, сделает нас зорче к глубинным порокам общества и системы.

В Нагорной Проповеди Христос сказал:

1. Не судите, да не судимы будете;
2. Ибо каким судом судите, таким

будете судимы; и какую мерою мерите, такую и вам будут мерить.

3. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?

4. Или, как скажешь брату твоему: дай, я выну сучок из глаза твоего; а вот в твоём глазе бревно?

5. Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего. (Евангелие от Матф., Гл. 7).

Всё сейчас сбывается.

Александр ПОРТНОВ,
г. Москва

-1ф-

43
ЮНОСТЬ
9 '90

Уважаемый тов. Дементьев!

В № 1 Вашего журнала опубликовано документальное эссе Юрия Папорова «Белое солнце пустыни?..».

Мы не собираемся вступать в полемику с автором на страницах Вашего журнала. Не собираемся отмечать многочисленные фактические ошибки, содержащиеся в этом претенциозном материале, и характеризовать научный и публицистический уровень «эссе».

Не собираемся и спорить с концепцией автора, хотя убеждены, что реабилитировать басмачество, которое характеризовалось разгулом националистических страстей, изуверством, беспощадными расправами с «неверными», с женщинами, осмелившимися снять паранджу, с подростками, решившими учиться, — не имеют ни научной, ни моральной основы.

Переписав доклад К. Атабаева без соответствующих комментариев (доклад занимает большую часть статьи), Ю. Папоров восклицает: «Где мы читали хотя бы нечто приближительное? на каких страницах тоннами выходивших в свет у нас книг — энциклопедий, трудов, учебников и романов — могли познать правду истории Советского Туркестана?» Считаем бесполезным говорить о претензиях Ю. Папорова на первооткрывательство, хотя историки знают, что доклад К. Атабаева на заседании Пленума ТуркЦИКа в июле 1922 г. хорошо известен и широко использовался учеными. Оставим на совести Ю. Папорова и его презрительное высокомерное отношение к трудам нескольких поколений специалистов — историков, прозаиков, поэтов, сценаристов, долгие годы освещавших историю борьбы с басмачеством, показывавших не только батальные сцены, но и сложности, трудности этой борьбы, вскрывавших в том числе многочисленные факты ошибок, правонарушений со стороны партийных, советских, армейских органов.

Но мы пишем это письмо не для того, чтобы поведать об очередной несостоявшейся сенсации. Мы обязаны высказать свое мнение по поводу политических обвинений, предъявленных нам, авторам книги «Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов». Конечно, лестно, что нашу маленькую (13 п. л.), имеющую ограниченную задачу — рассмотреть зарубежную литературу о басмаче-

стве книжку Ю. Папоров называет «фундаментальным трудом», но нельзя оставить без внимания его лишённые хотя бы единственного аргумента, факта доказательства в подтверждение обвинений в наш адрес.

Мы пишем с единственной целью — выразить категорический протест против использования Ю. Папоровым метода навешивания политических ярлыков. Напомним, с какой лихостью это было сделано. Высказав отрицательное суждение о нашей книге, Ю. Папоров с потрясающей воображение логичностью пишет: «Появление этого «труда» не что иное, как ярчайшее доказательство наличия в партии противников перестройки». Подумать только: Ю. Папорову не понравилась книга, вышедшая в свет 4 года назад, — значит налицо «ярчайшее» доказательство того, что в партии «засели враги!» Элементарная логика подсказывает, что таковыми, по Ю. Папорову, являются авторы и издатели данной книги. Это не что иное, как политическое обвинение. Не считает ли уважаемая редакция, что подобные методы отдают чем-то удивительно знакомым?

И это знакомое — как раз то, против чего журнал весьма последовательно — отдадим ему должное — борется и собирается бороться впредь.

«Труд», пишет Ю. Папоров, в таком виде «выходить в свет сегодня не имел права». Простите, что значит «сегодня»? Книга сдана в набор в декабре 1985 г., и подписана в печать в мае 1986 г. Конечно, с точки зрения вечности, 4 года ничтожная песчинка. Писать, будто книга увидела свет «сегодня», — значит подтасовывать очевидные факты, обманывать читателя. Жаль, что журнал, призывающий к борьбе с фальсификацией истории, допустил грубые передержки, тенденциозность.

Ю. ПОЛЯКОВ,
член-корреспондент Академии наук СССР
А. ЗЕВЕЛЕВ,
доктор истор. наук
Л. ШИШКИНА,
кандидат истор. наук

Ответ на письмо специалистов-историков

Письмо авторов книги «Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов» главному редактору журнала «Юность», в связи с публикацией на страницах журнала моей статьи, достаточно убедительно свидетельствует о том, что пытаться переубедить ученых, разрабатывавших эту тему в период «развитого социализма», дело бесполезное. Необходимо заново составлять историю гражданской войны в Туркестане, как уже заново пишется история КПСС. Необходимо искать документы, которые еще уцелели (как стенограмма выступления п. Атабаева), опираться на рассказы живых свидетелей.

Разговор не об авторах книги «Басмачество» — они сделали, что могли и, хочется думать, не за ученые и почетные звания, а потому, что верили — так было надо! Беспокойство мое о тех, кому теперь предстоит это — историками созданное — переделывать.

Готов согласиться, готов принять, что пока еще в сознании подавляющего большинства граждан закреплено понятие «басмачества, которое характеризовалось разгулом националистических страстей, изуверством, беспощадными распривами с «неверными», с женщинами, осмелившимися снять паранджу, с подростками, решившими учиться». Но ведь так называемое басмачество родилось в ответ на действия тех, кто, верша народную революцию, вел противоправные действия — имеется в виду событие в Коканде. Мы не станем называть это изуверством, но отметим, что абсолютно все знающие люди сходятся в одном: именно с «событий в Коканде» и началось то, что в нашей литературе сегодня именуется басмачеством.

Далее — расправы «с женщинами, осмелившимися снять паранджу». Теперь многие видят, что белалось это вопреки здравому смыслу. В действительности речь следует вести о женщинах, которым предлагалось снять паранджу. Тогда! В тех условиях. А Ленин предупреждал: не торопиться. И прямо говорил, какими печальными последствиями поспешность может обернуться против дела рабочих и крестьян. Что и произошло!

Если бы не встрял в нашу историю Сталин со своей национальной политикой «штыка и вагона», — то и тогда еще можно было попытаться сделать это лет через десять — двадцать, но не в двадцатые годы.

А борьба с религией в фантастически-религиозном крае? И какими методами?.. А базары? Их закрытие без какой-либо замены со стороны госсектора. Все это было верхом головотяпства. И невольно возникает вопрос: могло ли местное население, так хорошо поначалу принявшее новую власть, обещающую столько благ, допустить, что ее, эту новую власть, в их крае принялись строить эти люди? Нет, не могли! Тик, значит, кто же они? Естественно — враги.

Вы, товарищи ученые, утверждаете, что вам хорошо известен доклад К. Атабаева. Не стал бы я ни в коем месте лукавить. Или вы сознательно подставляетесь? Прежде мне было совестно и я опустил из доклада несколько абзацев, заменив их отточием. Вы меня вынуждаете обнародовать один из них. Вот что говорил в июле 1922

года председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с басмачеством, председатель СНК Туркестана, член Президиума ТуркЦИКа, член секретариата ЦК КП Туркестана, член Средне-Азиатского бюро ЦК РКП(б): «Командующий Ферганским фронтом т. Коновалов получает сведения о местонахождении басмачей, направляется в Базар-Курган и по дороге расстреливает всех встречных узбеков, боясь, что они могут передать сведения басмачам о продвижении его отряда. Отряд действительно сталкивается и выдерживает небольшую стычку с басмачами около Базар-Кургана. Уезжая, т. Коновалов предлагает крестьянам соседнего с Базар-Курганом сели Никольского очистить Базар-Курган от басмачей. В течение 23-х дней крестьяне Никольского села «очищают» Базар-Курган, и «очищение» сводится к тому, что сперва «только» грабят, а потом расстреливают население, мужчин за то, что они сочувствуют басмачам, детей за то, что они в будущем могут стать басмачами. Три раза крестьяне села Никольского объявляли о том, что они в дальнейшем прекратят расстрелы и грабежи, чтобы местные жители, которые разбежались из кишлака, возвратились, и, когда последние возвращались, крестьяне снова напали и истребляли их.

В третий раз, когда крестьяне объявили, что они теперь ничего не имеют против кишлачных жителей, так как всех басмачей здесь уже ликвидировали, они предлагают населению возвратиться и убрать трупы, чтобы их похоронить. Когда же возвратившееся население хоронило убитых, нисходя на кладбище для исполнения похоронных обрядов, крестьяне и тут напали на них и залпами уничтожили последних». Следует спросить ученых, какие «соответствующие комментарии» они могут дать?

Уж если кронштадтские моряки в ответ на безобразия, творимые в их родных деревнях и селах, взяли за оружие, а они все как один участники Октябрьской революции, так почему мы туркестанских дехкан, оказавшихся в еще более сложной политической обстановке, не можем должным образом понять? И сказать честно, что так называемое «басмачество» не являлось никаким бандитизмом, не было изначально неприятием Советской власти, а представляло собой результат, ответ и в конечном счете защиту своего очага, своей земли, на которой повлились люди, пренебрегавшие устоями и традициями, не признававшие обычаев, но жаждущие власти.

Что же касается «политических ярлыков», то в статье их рассмотреть могли только те, кто сами превосходно умели их навешивать. То, что сейчас происходит в национальных республиках, может быть определено, как происки английского империализма или американского ЦРУ лишь в ваших научных кабинетах. В действительности это закономерный финал нашей с вами, «специалисты-историки, прозаики, поэты и сценаристы», деятельности, дело наших собственных рук.

И потому я не вижу иного начала разрешения «национальной проблемы», как в раскрытии правды об истории становления Советской власти в республиках Средней Азии и Кавказа и признания ошибок. Только после этого возможно дальнейшее ведение разговоров на тему о том, что сегодня, мягко выражаясь, так слабо нас украшает. Неужели надобны удары по голове, кровь, чтобы понять истину...

Насколько это так, хочу проиллюстрировать выдержкой лишь из одного письма. Шамиль Абулаевич Сергазиев пишет: «Совершенно согласен с Вашей точкой зрения, что «разговор об истории басмачества в Средней Азии, очищение этих страниц прошлого от лжи есть один из непеременимых путей в решении межнациональных вопросов» и далее: «Эта память — тяжелый груз на душах и в сознании людей Советского Востока. Сегодня наша задача — снять этот груз рассказом о том, как было...».

Юрий ПАПОРОВ

Февраль 1990 года

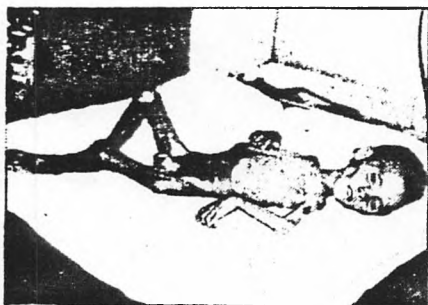
№14, 8 апреля 1990 г.

СОБЫТИЯ, КОММЕНТАРИИ

ПРОШУ СЛОВА

Там, где не вырастет посох...

Почему умирают дети
в Туркмении

В ЭТО трудно поверить, но большинство туркменских детей в наше время постоянно недоедают. Пе-дватор из Латвии Т. В. Слуккина, поработавшая у нас в составе летнего медицинского десанта, отмечает: подавляющее большинство детей в Туркмении не дотягивает до нормального веса. Отсюда слабая сопротивляемость организма заболеваниям, частый летальный исход от таких недугов, которые для нормальных детей не очень-то страшны. Уровень детской смертности остается чрезвычайно высоким в нашей республике (впрочем, как и в соседних Узбекистане и Таджикистане) не потому, что здесь высокая рождаемость, как это порой пытаются доказать некоторые издания (сама по себе многодетность не может явиться причиной высокой детской смертности), а потому, что в этих республиках чрезвычайно низкий уровень жизни.

Врачи Института охраны здоровья матери и ребенка отмечают: в магазинах Тахтиявского района за

В документе, составленном сотрудниками НИИ охраны здоровья матери и ребенка (ОЗМР) Минздрава Туркмении, записано: «Сейитмуратов Гуйчгелди 28.XI, 1986 года рождения. С мая месяца сего года (1988 г. — А. В.) неоднократно попадает в больницу... Последний раз 2 августа поступает в детское отделение с диагнозом: гипотрофия III степени, атрофия органов — ДВС-синдром (диссеминированное внутрисосудистое свертывание), который встречается у детей при глубоком голодании. Ребенок переведен в реанимационное отделение. Самостоятельно кушает, пьет, но уже не управляется. Ребенок сфотографирован, так как таких истощенных кахектических детей мы не видели даже в период Великой Отечественной войны, хотя и был голод».

последние 10 лет не продавались сливочное масло, мясо, кури, 85 проц. семей района не имеют своего скота, и потому даже на рынке очень трудно купить мясо, молоко, молочные продукты. В некоторых семьях, особенно многодетных, дети умирают голодной смертью. Так случилось и в семье Сейитмуратовых из колхоза «Туркменистан»; здесь шестеро детей, мать, отец, всего 8 человек, отец работает табельщиком, получает 90—100 рублей в месяц. Мать не работает. Когда врачи спрашивали у родителей, почему их сын Гуйчгелди дошел до такого тяжелого состояния, родители объясняли: прокормить детей трудно. На вопрос: «Почему не применяете противозачаточные средства?» — последовал ответ: «Мы детей не должны уничтожать, что даст Бог, с тем и надо мириться».

Почему же так низок уровень жизни многих туркмен? Причины различны. Среди них бросается в глаза, что во многих сельских местах Туркмении сохраняется самый настоящий деспотический гнет. Среди председателей туркменских колхозов немало таких, которые чувствуют себя удельными князьками, властителями людских судеб на своей территории, без их согласия никто не имеет права даже жениться или выходить замуж.

Руководитель хозяйства в Туркмении с ходу скажет, сколько у него скота, сколько пало в прошлом году, в прошлом месяце, от какой болезни. Но не стоит спрашивать у него, сколько детей умерло в его колхозе за тот же период и почему. Он головой отвечает перед райкомом и обкомом партии за скот, но за все годы Советской власти никто еще не спрашивал у него, почему умирают в его колхозе люди.

В ПЕЧАТИ неоднократно отмечалась губительность монокультуры хлопка для среднеазиатских республик. Сегодня, вероятно, никто не станет отрицать существо-

вание такого положения и в Таджикистане. А вот руководители Туркмении вотрез отказываются признавать существование подобного положения у себя в республике, не желают замечать, что на душу населения в Туркмении производится хлопка-сырца в два с половиной раза больше, чем в Таджикистане. Отсюда острая нехватка продуктов питания, растущая социальная напряженность, хроническое голодание и высокая детская смертность: в прошлом году умерли 6 846 младенцев (до одного года) из 125 054 родившихся.

В руководстве республики есть, разумеется, разные люди, и все-таки приходится признать, что в целом оно не сильно поменяло свои позиции после апреля 1985 года.

Туркмения, на мой взгляд, последняя из союзных республик, где есть еще время произвести назревшие экономические, социальные, политические реформы «сверху», избежать возможных эксцессов. Но много ли осталось этого времени? Думаю, что нет. Все, что не успе-

ется решить «сверху», в ближайшее время придется в спешном порядке решать под диктовку «улицы». Остается молить Аллаха, чтобы все обошлось в этом случае без кровопролития. Руководители республики, по всей видимости, не собираются мирно сдавать свои позиции, не хотят замечать, что среди населения республики растет глухое недовольство. Будучи разобщенным в силу сохранившейся до наших дней родо-племенной структуры, наш народ политизируется медленно, я бы сказал, даже неохотно, чем во многом обусловлена сегодняшняя его общественная безынициативность. Однако антикооперативные погромы в мае прошлого года в Ашхабаде и Небит-Даге — серьезное предостережение для тех, кто рассчитывает на долгую спячку людей.

НЕ ХОЧУ быть зловещим пророчком, но боюсь, что буквально через несколько месяцев будет остро не хватать дней тем самым людям, которые сейчас бездумно тратят время, отпущенное на мирные реформы. Экономическое положение туркменских семей, в которых на едока приходится сейчас 25—30 рублей (в среднем в них по 6—8, а то и 10—11 детей), к концу года, вероятно, значительно ухудшится в связи с набирающими темп инфляционными процессами, и тогда многодетность туркменских семей, которая служит пока сдерживающим фактором роста общественной активности, может стать значительным стимулом активизации населения. Меняются обстоятельства, соответственно меняются люди. И спрос будет самый строгий с тех, кто повинен в голодной смерти Гуйчелди Сейитмурадова, сотен детей, которые сегодня вынуждены жить впроголодь на той земле, о которой средневековый арабский историк изрек: воткни посох, и распустит он листья...

Ак-Мухаммед ВЕЛСАПАР,
писатель.

Ашхабад.

САМАЯ ВЫСОКАЯ РОЖДАЕМОСТЬ ПО СТРАНЕ — В ТУРКМЕНСКОЙ ССР. САМАЯ ВЫСОКАЯ ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ — ТОЖЕ ЗДЕСЬ. НЕВОЛЬНО ЗАДАЕШЬСЯ ВОПРОСОМ: СЛУЧАЙНО ЛИ ЭТО

ТРЕВОЖНОЕ СОВПАДЕНИЕ?

ВОТ ЧТО ДУМАЮТ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДОВЕРЕННЫЕ ВРАЧИ СДФ — ГЛАВНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ МИНЗДРАВА ССР, РАБОТАЮЩИЕ В ТУРКМЕНИИ.

Многие годы положение в среднеазиатском регионе страны было критическим: постоянно возрастал показатель детской смертности. Летом 1988 года Советский детский фонд имени В. И. Ленина и Министерство здравоохранения СССР объединили свои усилия для решения этой проблемы. В республику были направлены медицинские десанты. Но нельзя ограничиться временной помощью десантов. Необходима постоянная работа специалистов, которые могут на месте оценить ситуацию, выработать рекомендации, оказать непосредственную практическую помощь. Поэтому в Среднюю Азию в конце 1988 года выехали Специальные доверенные врачи СДФ — Главные специалисты Минздрава СССР. И в 1989 году в этом регионе детская смертность впервые за многие годы пошла на убыль. Исключение составила Туркменская ССР.

Не единожды проблема эта поднималась на комиссиях и совещаниях различного уровня. Пристально следят за ней телевидение и пресса. Туркменское радио ежедневно сообщает о работе доверенных врачей и местных медиков. Говорится и о привычных еще, к сожалению, недостатках и нарушениях в больницах, поликлиниках, сельских медпунктах.

Около 50 процентов детей умирают на дому и в первые сутки в стационаре. Более 60 процентов смертей можно было предотвратить.

Основная вина ложится на Минздрав республики, его НИИ охраны материнства и детства, облздравы. Потому что формы, методы и стиль их работы не позволяют коренным образом изменить нынешнюю ситуацию. Чтобы хоть немного прояснить для себя обстановку, в прошлом году мы провели анкетирование среди населения. Попробуем проиллюстрировать ответы на два вопроса этой анкеты фактами, имевшими место в Ленинском районе. Показатель младенческой смертности здесь в 1,4 раза выше среднеобластного.

1. Испытываете ли вы недостаток в пищевых продуктах для ребенка?

Недостаток в овощах и фруктах испытывает 51 процент опрошенных. А в молочных смесях — 46 процентов. В целом ряде колхозов до настоящего времени не организована полноценная работа молочных кухонь. В колхозе имени Чкалова молочная кухня не работает уже более года. А в колхозах имени Орджоникидзе и «Тазе-Ели» кухни просто не обеспечиваются необходимыми продуктами и превращены в пункты для раздачи сухих детских смесей.

При этом 75 процентов опрошенных сообщили, что ничего не узнали от участкового врача о правильном кормлении малыша. Большинство даже не имеют представления о том, что делать, если у матери начнет убывать молоко.

Много нареканий вызывает работа местных медиков. Никто не дает родителям рекомендаций по уходу за ребенком и соблюдению гигиены. В течение первого года жизни не контролируется вес

малышей, не проводится профилактика рахита, анемии, гипотрофии, кишечных и других инфекционных заболеваний.

2. Знаете ли вы, что нужно делать при появлении у ребенка поноса, рвоты, высокой температуры?

25 процентов родителей считают, что должны дать ребенку лекарство самостоятельно, без консультации с врачом. А 15 процентов уверены, что перед тем, как обратиться к врачу, нужно понаблюдать за малышом один-два дня. И такое мнение бытует, несмотря на то, что люди знают о высокой смертности детей на дому. Бывает, что ребенка привозят в больницу слишком поздно, на третий или четвертый день болезни, когда вмешательство врача уже бесполезно.

Возникает вопрос: а что же те медики, которые должны востановительно наблюдать за здоровьем малыша?

СЕМЬЯ

№ 12. 1990 г.

В ночь с 18 на 19 ноября 1989 года в Центральную больницу Ленинского района привезли двухмесячного ребенка. Спастись ему не удалось. Кто виноват в этой смерти: врач или родители? В амбулаторной карте участковый врач М. Бердыев отметил, что 17 ноября посетил мальчика, и тот был здоров. В действительности никакого визита не было...

Прокуратура, как правило, в таких случаях мер не принимает. Материалы, направленные туда органами здравоохранения, остаются без рассмотрения или возвращаются с мотивировкой «За отсутствием состава преступления»: Образуется порочный круг: безнаказанность медиков порождает новые преступления перед детьми.

Патронажная сестра — редкий гость в доме, где растёт малыш. Причин тому много. Местные власти, видно, не особо заинтересованы в том, чтобы дети росли здоровыми. Как иначе объяснить нередко встречающееся нежелание выделить медсестре машину, необходимую для ее поездок по району? А порой это просто халатность медработников. Некоторые дети не наблюдаются врачом, медсестрой даже с июля 1989 года. В колхозе имени К. Маркса 18 ноября родители Нурыева Тачмурата, у которого наблюдались явные признаки заболевания — повышенная температура, кашель, — вызвали врача. Тем не менее ребенок был оставлен на три дня дома без всякого лечения. И только случайно заболевание не осложнилось. Что можно сказать о профессионализме таких медработников?!

В то же время многие врачи и медсестры не являются на ежегодные квалификационные экзамены. Но даже не прошедшие аттестацию или получившие неудовлетворительные оценки продолжают работать на прежнем месте.

Эпидемии, кишечные заболевания... В пору серьезно заняться своим делом санэпидстанциям. Но во многих нет даже лабораторий для исследований. И давно уже смирились их работники с тем, что детские сады, школы, водопроводчики, больницы эксплуатируются с

серьезными нарушениями санитарных правил.

В колхозе «Коммунизм» при проверке фельдшерско-акушерских пунктов отмечено, что помещения не ремонтируются, нет и не предвидится газовых плит, необходимых для стерилизации шприцев и игл.

Остается незамеченной работа тех немногих медучреждений, которые добились стабильного, на протяжении ряда лет снижения младенческой смертности. Часто даже хорошо обеспеченные колхозы и совхозы не желают выделить 50—100 рублей для материального поощрения медиков.

Катастрофически не хватает медицинских препаратов в детских больницах и отделениях, а также в акушерских стационарах при наличии на аптечных складах практически всех дефицитных медикаментов, необходимых для оказания экстренной медицинской помощи детям. Такое положение отмечалось и продолжает иметь место в Марыйской области (г. Мары, Мургабский район) и в Ташаузской области (Ленинский, Октябрьский районы).

В то же время Главное аптечное управление Минздрава Туркмении не изучает состояния обеспеченности лекарствами детских лечебных и родовспомогательных учреждений и практически не контролирует положение дел, несмотря на то, что это вменено ему в обязанность одним из пунктов утвержденного ЦК КП Туркмении и Совмином республики комплексного плана неотложных мероприятий по снижению детской смертности.

Что могут узнать о работе первичного звена сельского здравоохранения работники министерства, изучая только всевозможные отчеты? Это и дополнительный, ненужный труд для медиков, да и для сотрудников различных НИИ лишь иллюзия работы.

Нет, не случайность то, что в республике с самой высокой рождаемостью так легко обрывается детская жизнь. Это результат бездушного отношения к ребенку и женщине. Ведь и материнская смертность здесь на протяжении ряда лет не снижается...

Впереди трудная каждодневная работа. Необходимо улучшить материальную базу, организовать постоянные контроль и помощь. Через центральные газеты можно приглашать специалистов из других регионов страны. Но при этом необходимо обеспечить им нормальные условия для проживания.

А пока Туркменская ССР — единственный регион советской Средней Азии, где за девять месяцев 1989 года показатель детской смертности возрос с 52,6 до 54,4 промилле.

Г. ОЛЬШАНСКИЙ,

Г. ОСАДЧИЙ,

К. МАРТЫНОВ,

Специальные доверенные врачи
— Главные специалисты Минздрава СССР.

Сабит Мадалиев. Черный цвет хлопка

215

бия. Соглашались на все условия, пока себе дубинку не выпросили. И гуляет она по республике, потешается, душу себе отводит. Кого заденет побольше — безработный, чего коснется она — чахнет и засыхает. Бегают народ, маются, чтоб под удар, значит, не попасть, да разве уберешься. Вот и озлобился он, уже и брат на брата косо поглядывает. Уже и не рад народ, что дубинку себе выпросил, да поздно уже.

Правда, в сказке все хорошо кончается. Старик возвращает себе при помощи дубинки и волшебный котел, и скатерть-самобранку. Только это в сказке. А в жизни, оказывается, все иначе бывает. Не видать счастья узбеку до тех пор, пока дубинка над ним висит...

Неиссякаемое чувство вины перед народом своим, перед каракалпаками и туркменами, перед всеми теми, кто стонет под рабским гнетом этого черного чудовища — хлопка, гложет и гложет сердце мое, будто это я виноват в том, что матери кормят детей своих отравленным молоком, будто это я виноват в том, что жизнь на родной земле стала невыносимой...

После душного и жаркого московского дня, уже глубокой ночью вдруг хлынул, обрушился на город летний ливень. Я вышел на балкон. Воспоминания и разрозненные мысли отступили несколько назад. Перед глазами прошло последнее — мое возвращение из Ферганской долины в Москву. Как и сейчас, тогда, в самолете, нахлынули чувства, я уткнулся лицом в иллюминатор, горький комок жалости и сострадания ко всем, пережившим ужас и горечь потерь, подступил к горлу...

тщцы, вынуждены бросить землю, которая стала их второй родиной, и скитаться в поисках тепла и света, забывая кошмарных дней и ночей, в поисках успокоения.

Как и чем смыть позор, брошенный кучкой людей на весь узбекский народ? До какого варварства, другого слова и не подберу, опустились мы, если уже поднимаем руку друг на друга... Да испелют нас вечный стыд.

Долгие годы концентрируя все внимание на одной культуре — хлопке, на одной профессии — хлопкороб, мы своими руками создали в своей стране аграрную, а точнее, хлопковую резервацию. Факты истории показывают, что, когда все занимаются только одним видом труда, движение нации притормаживается, ее духовный потенциал сдерживается. Страшнее наказания для народа и придумать нельзя.

Все эти ордена и медали отдельным знатым хлопкоробам — сплошная бутафория, которая прикрывает моральный и физический ущерб, наносимый народу.

Какими цифрами измерить ущерб, нанесенный узбекскому народу хлопководством? Разве его измерить теми миллионами, взятыми у кучки коррупционеров и потерявших всяческий человеческий облик людей, благодаря которым на весь мир услужливые средства массовой информации разрезвонили об «узбекском деле»? И после ферганских событий говорят об узбекском национализме.

Об узбеке надо судить по океану страданий, перенесенных им на хлопковых полях, по тому радушию, с каким во время войны он встречал и ленинградцев, и москвичей, и всех тех, кто против своей воли был сослан туда. Низкий поклон тебе, мой узбек!

А нереальные планы продолжают и продолжают спускаться сверху, но теперь, видно, для роботов, а не для людей, если ведомственные начальники и руководство республики не видят за ними ни пылающих факелов, ни высокой детской смертности, ни безработицы, порожденной хлопком, ни ущербности образования студентов и школьников, ни, наконец, безвозвратной гибели Аральского моря. Никто не знает, какими еще бедами обернется трагедия моря. Не занесут ли навеки песок и соль наши долины и реки, поля и сады? История погибших цивилизаций ничему нас не научила.

Сейчас все кинулись Арал спасать. Горячие головы и самые ретивые радители государственных интересов чуть было часть стока сибирских рек в Среднюю Азию не повернули. Спасибо народу, не дали им развернуться. Партия и правительство приняли постановление о срочных мерах по спасению моря и улучшению экологической обстановки в Приарале. Созданы правительственные и общественные организации, работают целые министерства и ведомства — все во спасение Арала. Минводхоз занят очередными проектами строительства различных каналов и коллекторов. И опять миллиарды народных денег летят на ветер. Под угрозу поставлена жизнь многих сотен тысяч людей, живущих в регионе, увеличивается количество опасных заболеваний, в реки продолжают стекать минеральные удобрения и ядохимикаты, приходят в полнейшее запустение некогда богатейшие пастбища, катастрофически мелеет Арал. А тем временем ведомства продолжают выяснять отношения между собой, выявляют тех, кто больше, а кто меньше виноват в гибели моря, подсчитывают расходы на спасение, спорят до хрипоты на многочисленных конференциях, где каждое министерство блюдет свой интерес. Меры же правительства рассчитаны на десятилетия. Если такими темпами спасать Арал, то завтра спасателей не понадобится. В 1988 году в море не поступило ни одного лишнего кубокилометра воды, а в год оно теряет их до 35. Я решительно ничего не понимаю. Будто все сговорилось. Каждый знает, что истина кроется в хлопке, в этом чудовище, пожирающем все живое, и все молчат. А если и говорят, то уж намеками, советами, делают разные предположения. «Надо бы, — говорят неуверенно снизу, — сократить посевы хлопчатника». — «Нет, — говорят сверху решительно, — нам хлопок нужен».

Вспомнилась мне узбекская народная сказка «Бей, дубинка», в которой рассказывается об одном старике, поймавшем в сети журавля. А журавль оказался, как это в сказках и бывает, сказочно богатым, пообещал вознаградить старика, если тот его отпустит. Отпустил старик журавля, а назавтра пришел за вознаграждением. Сначала попросил волшебный котел, но после того, как его выкраял у старика, попросил скатерть-самобранку — и ее выкрали у него. Дал ему журавль дубинку волшебную, которая по приказу хозяина избивала всех, кто попадался под руку.

И с узбекским хлопком получилось то же самое. Имели мало — захотелось взо-

После трагических событий правительство республики вместе с центральными ведомствами в срочном порядке планирует ввести в Ферганской долине и перерабатывающие заводы, и текстильные предприятия, расширить уже существующие. Неужели нужно было случиться трагедии, чтобы всерьез подумать о нищих и обездоленных, о тех, кто не хочет быть свободным трудовым ресурсом?

У другого чиновника я поинтересовался, может ли он дать мне материалы Госкомтруда СССР с точными данными о том, где и сколько узбекистанцев работает. Он развел руками: «Не могу дать. Они все идут под грифом «секретно». Я не удивился. Это даже хорошо, подумал я, что они недоступны людям. Зачем им, бедным, знать, что они «трудовые ресурсы»?!

Оттого бюрократия и прячет от народа реальные цифры безработицы; что в противном случае надо называть виновных, а виновных называть мы не привыкли, легче все свалить на прошлое. Одна ложь — называть безработного «трудовым ресурсом», другая — скрывать под грифом «секретно» и «совершенно секретно» материалы Госкомтруда, касающиеся безработных.

Одна ложь влечет за собой другую. Из этой цепочки лжи взята и басня о том, что основой ферганского конфликта якобы явился тазик с клубникой, которую не поделили между собой на базаре узбек и турок-месхетинец. Но кто поверит в нее? Разве что человек, который уже поверил в то, что узбеки — это сплошь и рядом националисты, экстремисты и наркоманы. Да и как теперь не поверить, если средства массовой информации в последнее время больше смакуют истории о награбленных миллионах и о продолжающихся в Ферганской долине судебных процессах, нежели о жизни рядового колхозника. В сознании обывателя откладываются почему-то факты именно такого порядка.

Конечно, были среди участников ферганских событий и уголовники, и наркоманы (а где их нет?), но не они заказывали музыку. Они были только орудием в руках тех, кто готовил кровавые события, кто не жалелворованных у народа денег, кому это было выгодно.

Не было, я уверен, оснований для дикой и жесточайшей конфронтации между двумя народами, жившими долгие годы бок о бок одной семьей. Во многих местах долины отношения между узбеками и турками-месхетинцами были не просто близкими, а родственными, чего нельзя сказать о Кувасае, где напряженность в последние годы поддерживалась противостоянием преступных группировок. В конфронтации были заинтересованы коррумпированные круты, сумевшие первое же столкновение между турками-месхетинцами и представителями местной национальности использовать в своих целях.

На одной из улиц увидел я женщину, подметающую перед воротами дома, на которых мелом размашисто было выведено: «Узбек». Удивился я: вроде не принято у нас подметать двор и поливать водой в полдень, обычно рано утром делается все это. Будто почувствовал мое недоумение, женщина разогнулась и смахнула тыльной стороной ладони пот со лба. Я поприветствовал ее и попросил напиться. Вода была солоноватая и теплая. Уже собрался было уходить, да женщина сама заговорила: «Одна я днем. Все на работе. Совсем замаялась, с утра огород соседней поливала, а теперь решила перед домом подмести. Огород-то не виноват в том, что люди поссорились. Вот я и поливаю каждую неделю — лук там, морковь, помидоры. Люди вернутся, а огород живой, вот и порадуются, — она широко улыбнулась, — и дом у них цел остался. Это дочь моя догадалась на воротах слово «узбек» написать». — «А они, соседи ваши, вернутся?» — спросил я. «А как же, — удивилась женщина и посмотрела на меня укоризненно. — они же мне ключи от дома оставили. Вернутся. Обязательно вернутся. Не знаю, как другие турки, а эти были прекрасные люди и по-узбекски хорошо говорили. Я уже соскучилась по ним. Со дня на день жду вестей от них». И такая была уверенность в ее голосе, что все случившееся представилось мне вдруг страшным сном, который можно стряхнуть, и он уйдет, растворится, сплывет, как наваждение. Увы, реальность была иной. Чей дьявольский умысел, с болью думал я о невинных людях, сорвал их с насиженных мест и снова, как и сорок пять лет тому назад, повес их по белу свету, в неизвестность, внося в жизнь каждого из них сумятицу и переполох, горечь и черные всполохи трагедии.

Трудно найти слова сострадания и сочувствия матерям, чьих сыновей безвозвратно увес черный июнь, горько мне от одной мысли, что братья ваши и сестры, турки-месхе-

нистана ждала она два долгих, растянутых на целую вечность года, погиб не от душманской пули, а на родной земле в первые же дни трагедии.

Рассказывали, что он долгое время не мог устроиться на работу, сильно переживал. Не это ли недовольство своим положением толкнуло его присоединиться к толпе своих сверстников, в большинстве своем таких же, как он, безработных, стихийно втянутых в водоворот ферганских событий.

Кстати, о свободных трудовых ресурсах. Так лживо продолжают называть у нас безработных, которых ни больше ни меньше — 1,5 миллиона на такую сравнительно небольшую республику, как Узбекистан. Уверен, большинство неработающего населения так и не подозревает, что оно называется свободным трудовым ресурсом. Слово «безработный» оно понимает, поскольку безработному, как и работающему человеку, тоже и есть, и пить, и одеваться надо. А тут поди разбери, что такое трудовой ресурс, да еще свободный. На человека это вроде не похоже.

Человек, придумавший это словосочетание, видимо, обладал гениальными лингвистическими способностями, если смог в трех бесцветных, ничего особенного не значащих для уха человеческого словах разбавить горький и трагический смысл слова «безработный». И если он за свое открытие не получил Государственную премию, то, уж во всяком случае, каким-то высоким чиновникам угодил.

Один чиновник из республиканского аппарата вполне серьезно сказал мне, что если брать по крупному счету, так у нас вообще нет безработных. Ход его рассуждений был так цинично потрясающ, что не могу не привести наш диалог. «Во-первых,— начал он,— у нас нет биржи труда, а значит, нет официально зарегистрированных безработных». — «А свободные трудовые ресурсы есть?» — спросил я его. «Есть,— ответил он,— но только не полтора миллиона, а гораздо меньше. — Он прищурил глаз (видно, на глазок прикидывал). — Думаю,— продолжал он,— тысяч эдак 700—800, не больше». — «А остальные?» — спросил я недоуменно. «А остальные,— спокойно отвечал мне чиновник,— это матери многодетных семей, которые воспитывают свое потомство, а значит, сидят дома. Я бы их не включал в разряд безработных».

Что ж, вполне резонно. Я бы тоже не включал. Но только женщина, воспитывающая десятерых детей, выполняет совершенно бесплатно работу гораздо более трудоемкую, чем воспитательница детского сада, а получает за десятерых детей такие же гроши, какие она получала бы за троих детей. Правда, государство награждает ее орденом «Мать-героиня» и Грамотой Президиума Верховного Совета СССР, но каждая женщина охотно обменяла бы свои награды на молоко, мясо и фрукты, чтобы хоть раз сытно покормить детей. Это я знаю точно. А мы еще удивляемся, чего это узбекские женщины вздумали сжигать себя. Я сказал об этом своему высокопоставленному собеседнику. Он был непрошибаем. Только и обронил: «Пускай не рожают». Я повернулся и ушел. От греха подальше. Чтобы не сорваться.

Нет, что ни говорите, а узбекский народ очень щедр. Хлопок, выращиваемый адским трудом, продает за бесценок государству, а сам остается ни с чем. Обогащаются те ведомства, которые перерабатывают этот хлопок, получают готовые изделия и продают их по цене, в десятки раз превышающей закупочную цену. А тем временем сотни тысяч людей мотаются вне республики (кто по трудовому договору, а кто и самолично) в надежде заработать на жизнь. Где только сейчас нет трудовых десантов из Узбекистана — и в Сибири они работают, и в Нечерноземье работают, и в Москве. Как же иначе — интернациональный долг выполняют; помогают ближним. Но эта помощь все больше смахивает на помощь слепому глухому.

Жизненный уровень дехканина сегодня немногим выше жизненного уровня безработного, который и пособия по безработице не получает. А мы еще удивляемся — откуда всплеск роста преступности в стране, откуда такая жестокость, имевшая место в Ферганской долине, откуда, откуда, откуда?.. Вопросам нет числа.

Зато у нас самый дешевый в мире ручной труд, а американские фермеры его практически не используют — и дорого, и невыгодно. Если наш хлопкороб приблизительно половину урожая хлопка собирает комбайнами, а чтобы собрать вторую половину, горбатится вручную до декабря месяца, выбирая из снега и грязи курак, то фермер может позволить себе всего две машинные проходы, чтобы затем распахать оставшийся урожай. Нет, что ни говорите, а американцы жить умеют. Не стыдно было бы и поучиться у них этому.

Для изучения причин возникновения трагедии просим создать компетентную комиссию из состава депутатов Съезда. При этом умоляем не включать в эту комиссию депутатов из среднеазиатского региона». Основания для крика души были вескими. Но то ли не дошло обращение до депутатов, то ли еще по какой причине — создать комиссию никто не предложил.

Видимо, долго еще не смогу я забыть то потрясение, которое перенес в долине, если место радости все еще заполняют мучительные картины пережитого и увиденного. Едва лишь притупившаяся тревога, внезапно всколыхнувшись, вновь и вновь звучит в голосах стариков и детей, женщин и всех тех, с кем привелось мне встречаться, говорить, чья боль стала и моей болью.

Сейчас уже открыто признается, что есть прямая связь между растущим в стране числом онкологических заболеваний, иммунологических и генетических изменений, дефектов при рождении и бурным ростом применения различных химических веществ. Здесь нету случайности. Мировым лидером в использовании удобрений и пестицидов в расчете на единицу посевных площадей является СССР.

Человечество в свое время убедилось в том, что минеральные удобрения и пестициды — наиболее эффективный путь повышения урожайности, борьбы с сорняками и вредителями, но само же человечество становится теперь заложником своего открытия. Американцы, одними из первых в мире начавшие применение химических удобрений и пестицидов, похоже, первыми и опомнились от бездумного применения их. Б. А. Черняков в статье «Химическая «война» уже идет» пишет: «Полтора десятилетия прошло со времени бесславной вьетнамской войны, а десятки тысяч ветеранов лечатся от последствий соприкосновения с дефолиантом «Эйджент орандж», созданным путем соединения двух известных и популярных в сегодняшней практике гербицидов, действующее токсическое вещество в которых диоксин. При этом страшное последствие действия дефолианта испытывают уже дети и внуки ветеранов. В округе Атланта из 15 тысяч детей, имевших отклонения от нормы или дефекты при рождении, почти половина были потомками американцев, воевавших во Вьетнаме»¹.

Один из дефолиантов, применявшихся американскими солдатами в позорной для них вьетнамской войне, был долгие годы в употреблении на хлопковых полях Узбекистана. Не преувеличу, если скажу, что химическая «война» по своим трагическим последствиям давно уже опередила ядерные взрывы, имевшие место на земле. В Каракалпакии и в Ферганской долине я видел не смутные лица женщин-хлопкоробок, а белые, белесые, в пятнах. Меняется генотип людей, все больше рождается уродов.

В республике удобрения и пестициды применяются с помощью несовершенной техники (чего стоит одно опыление полей с воздуха), не хватает закрытых складских помещений и средств транспортировки и практически нет предприятий, которые подготавливали бы химические средства к рациональному применению.

Американцы увеличивают не использование пестицидов, а их экспорт в другие страны, причем таких, что запрещены для применения в своей стране. А у нас до сих пор нет еще законов, защищающих природу и потребителя от излишков химикатов. Зато мы опережали все наиболее развитые страны по производству минеральных удобрений и использованию пестицидов.

Специалисты сельского хозяйства, бывающие в Америке, удивляются тому, насколько ухоженней наши хлопковые поля — ни одного сорняка не найдешь. Но что за этой внешней красотой?

Надо наконец-то понять, что хлопок, выращиваемый узбекским народом, слишком дорого ему обходится. Слишком серьезны и тяжелы последствия.

А тем временем тысячи администраторов и клерков перекаладывают со стола на стол сотни тысяч бумажек с выкладками — сколько хлопка собрано, куда отправлено и что взамен получено.

Они и не подозревают того, что за каждой из этих бумажек стоят тысячи и тысячи уродуемых неизмеримо тяжелым трудом людей, детский плач едва родившихся, но уже скрученных тяжелым недугом детей. Им и в голову не придет, этим клеркам, что в многочисленных приписках и взяточничестве, широко практиковавшихся в годы застоя в республике, частично виноваты и они. Их меньше всего за-

¹ Журнал «США. Экономика. Политика. Идеология» № 6. 1989.

ской и Азербайджанской социалистических советских республиках.— С. М.), и по мере выпуска и приобретения таковых зачислять их в бронированный фонд для расходования исключительно по прямому назначению...» (разрядка моя.— С. М.)¹. В примечании к этому историческому документу уточнялась существенная деталь: «Размер погодных выдач (имеются в виду годовые выдачи.— С. М.) может быть изменен как по количеству, так и по составу в соответствии с изменениями действительных потребностей хлопкоробов...»²

Очень скоро, после смерти вождя, канули в забвение его заветы по развитию хлопководства в стране. А взамен пришла волевые приемы набирающей силу командно-административной системы. Встал вопрос о том, что страна должна обеспечить себе хлопковую независимость. Зерновые культуры, а они до революции занимали более 70 процентов посевов, стали энергично вытесняться. Уже к 1938 году хлопковая независимость стране была добыта. Постепенно государственные амбиции заслонили собой жизнь самих хлопкоробов, которые ни в тридцатые годы, ни в восьмидесятые не получали обещанных золотых гор и изобилия.

Под Ферганой в одном из небольших кишлаков я сидел в жидкой тени тутовника, перебирая рукою землю, которую и землей уже трудно назвать — столько в ней соли, дохмыкатов. Я брал эту землю на ладони, и легкий ветер сдувал ее, умеряющую и беспомощную. Прямо за арыком начинались поля с зеленеющим хлопчатником, то там, то здесь проглядывали засоленные, уничтоженные водой и ударными дозами удобрений голые проплешины. Там уже никогда ничего не вырастет. Вспомнились горькие слова Василия Селюнина, сказанные им в его удивительной по чувству сопереживания моим землякам статье «Бремя действий». Правда, они относились к туркменским детям, но с таким же основанием их можно отнести к таджикским, каракалпакским, узбекским детям. «Бывает,— пишет Селюнин,— сами родители и не пускают детей в школу. Их можно понять. Условия труда известно какие: палящий зной, пестициды и дефолианты на всем, к чему прикасаются ребячьи руки, питание всухомытку да впроголодь — такого в взрослый не выдюжит, а неокрепшему организму как избежать дистрофии, малокровия, рахита, желтухи? Да пропади они пропадом, и ваш хлопок, и ваша школа,— здоровье ребенка дороже».

Обо всем этом говорили тусклыми голосами сами хлопкоробы, как-то неохотно согласившиеся со мной побеседовать, ни во что уже не верящие, знающие, что в ближайшие годы резких перемен в хлопководстве республики не предвидится, а значит, обреченные на этот каторжный труд. Последняя надежда, говорили они, была на наших депутатов, но, видимо, поехали они в Москву отсиживаться, если не сказали, не посмели сказать о наших печалях. «А может быть, правильно сделали,— медленно и как бы для себя самого произнес молчавший до того старик.— Люди бы не поверили, что узбеки живут так тяжело. Трудно в это поверить».

Мне и самому не хотелось в это верить, но реальность была именно таковой. Имевший возможность следить за работой первого Съезда по телевидению, не я ли сам напряженно ждал выступлений узбекских депутатов? Был, правда, достаточно острое выступления писателей Т. Кашбергенова и А. Якубова и была двухминутная скороговорка молодого депутата П. Ахунова, пробившегося к трибуне и пытавшегося убедить зал в том, что «не все депутаты из Узбекистана мыслят одинаково — есть и такие, которые солидаризуются с предложениями москвичей, прибалтов и ленинградцев». Он просил президиум предоставить ему возможность выступить отдельно на очередном заседании, после дня отдыха, но на следующий день вместе с группой других узбекских депутатов он был отправлен в Ферганскую долину, где в это время разворачивалась кровавая трагедия.

А тем временем в Москву шел непрерывный поток возмущенных и негодующих, умоляющих и обвинительных, осуждающих и полных разочарования своими депутатами срочных телеграмм. Центральный совет народного движения «Бирлик» послал обращение к участникам Съезда, в котором были такие слова: «...в Ферганской долине гибнут ни в чем не повинные люди — узбеки, турки-месхетинцы, представители других национальностей. горят дома. Население республики было информировано об этом только через неделю после начала событий в г. Куvasae...»

¹ Сборник документов за 50 лет. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Стр. 183.

² Там же.

Только ему, хлопкоробу, должно быть предоставлено законное право назначать договорные цены на хлопок и самому решать, сколько он его будет сеять.

Давайте все-таки попробуем понять и позицию тех, кто беспрекословно следует курсу директивных органов. Попытаемся хоть как-то если не оправдать, то понять позицию тех, кто, зная всю тяжесть хлопковой ноши, сознательно идет на увеличение вала.

Страна не может позволить себе роскошь покупать хлопок за валюту в других странах. Это понятно. Нет у нас валюты для этого. И без того хлеб покупаем за золото. Далее. Нигде в мире не выращивается хлопок на таких широтах, как у нас. Самый северный хлопок — это наш. В Америке хлопок сажают в семнадцать штатах, а у нас только в республиках Средней Азии, в Казахстане и в Азербайджане — узкий хлопковый пояс. Других площадей, где бы мог произрастать хлопок, у нас нет. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что не выращивается хлопок и в странах социалистического содружества. Ежегодно мы отгружаем 600 тысяч тонн волокна в страны СЭВ.

Таких количеств пересевов, как у нас, нигде больше в мире нет. То сель хлынет с гор, то дождя не вовремя зарядят, а то и снег обрушится в середине мая. Не говорю уже о непогоде во время сбора урожая, начиная с сентября и кончая декабрем. В ноябре и декабре ни один комбайн не пройдет по полю, не рискуя сломаться после первых же ста метров — грязь по колено. А над американскими фермерами во время сбора урожая светит мягкое солнце...

Ученые видят выход из экономического и социального тупика в улучшении землепользования, в правильной организации экономики. И, конечно же, 8—10 центнеров с гектара — это не урожай. Это неуважение к человеку, это унижение его, это варварство. Только лишь на 10 (!) тысячах гектаров мы собираем по пятьдесят и более центнеров с гектара. К слову сказать, засеивается же хлопком приблизительно 1 миллион 900 тысяч гектаров земли. Вот где простор для поднятия урожая, скажет человек, не знакомый с истинным положением дела. И ошибется. Поскольку земля большей своей частью настолько истощена, что пришла в полную негодность. Надо быть слепыми и глухими, чтобы не видеть и не слышать того, что происходит по нашей злой воле с природой. Но не дехканцы виноваты в этом. Как и прежде, работать он умеет и землю свою любит так, как нигде никто не любит. А точнее сказать, не любил. Потому что с каждым днем народ теряет не только любовь к земле, но, что самое страшное, происходит деформация национального характера, у народа начинается беспамятство, называемое манкуртизмом.

Государству нужен хлопок, много хлопка, но тогда оно должно было бы обеспечить народ, выращивающий его, всем необходимым для поддержания достаточного жизненного уровня. Если оно и этого не может сделать, то никакой жесткой необходимостью и насущной нуждой, никакими объективными причинами и обстоятельствами не оправдать моральный и физический урон, наносимый хлопком народу.

Пока мы не вылечим истощенные наши земли, пока мы не улучшим экологическую обстановку в регионе, которая уже давно на грани катастрофы, и, главное, пока мы не поможем человеку, отстаивающему стране хлопковую независимость, не может быть и речи даже о четырех (!) миллионах тонн хлопка. Пока еще не поздно, надо пойти на резкое сокращение вала. Сегодня продолжение старой политики — это преступление против своего народа.

Позвонил мне на днях из Ленинграда близкий друг и поздравил со снижением производства хлопка до полутора миллионов тонн. И такая была в его голосе неподдельная радость за узбеков, что непроизвольно передалась и мне. Новость застала меня врасплох. Я и хотел, да не мог в это поверить. Трудно было поверить. Уже потом из газеты «Правды» я узнал о том, что речь шла о полутора миллионах тонн волокна, а не хлопка-сырца, как это воспринял мой друг. Позвонить ему и сказать, что он ошибся, что дехканцы собирают не готовое волокно, а хлопок-сырец, что далеко не одно и то же, и что произошло незначительное сокращение вала, который вновь застыл возле отметки 5 миллионов тонн, я не мог, не хотел его разочаровывать. Только подумалось, сколько еще по стране тех, кто от души порадовался за хлопкоробов... Спасибо им великое!

Никогда не забыть мне молодую, но уже совершенно поседевшую женщину с застывшими глазами, в которых не было ничего, кроме пронзительной — кинчать мне хотелось! — боли. Ее единственный сын, возвращения которого из Афга-

ботит человеческий фактор, который давно подменен планом, планом и еще раз планом. А во что это обойдется государству, чем это грозит людям, их меньше всего беспокоит. За своевременное переключивание бумажек, испещренных цифрами и мнимо научными выкладками, они также своевременно получают помимо солидной зарплаты свои солидные премии. Дело у них поставлено капитально.

А другие чиновники тем временем переключивают другие бумажки, где точно расписано, сколько продуктов питания должны поставить в Узбекистан жители Сибири, Казахстана, Украины и Прибалтики. Не абсурдно ли все это? Республика, в которой почвенно-климатические условия больше всего подходят для растениеводства, животноводства, виноградарства и бахчеводства, не может обеспечить свое население всем необходимым для нормального существования. Создается впечатление, что республиканское руководство долгие годы не может выйти из-под гипнотизирующего, не терпящего никаких возражений взора планирующих органов страны.

Так и хочется спросить вас, дорогие мои земляки, якобы защищающие честь узбекского народа, почему вы не наберетесь смелости доказать союзным ведомствам причинную связь между выполнением нереальных госзаказов и фактом существования этой гидры — монокультуры, приведшей землю к полному истощению, а народ к обнищанию?

Разве не на положении хлопкороба, горбачающегося на плантациях всесоюзных ведомств, находится республика, если, и вывоза более 90 процентов хлопка-волокна, она сидит на дотации у государства? Именно это и позволяет говорить иным ответственным руководителям о том, что особых выгод от узбекского хлопка страна не получает. Хорошо, хочется возразить им, тогда освободите нас от этого рабства. Ведь нигде в мире, ни один народ не работает весь световой день! А мои земляки, и работая на износ, не могут заработать себе на пропитание.

Если хлопок не может прокормить народ, то зачем вообще он нужен?! Но попробовали бы вы эти же самые слова сказать в республике полгода тому назад — услужливые чиновники вам бы непременно посоветовали не выпячивать свой национальный эгоизм. Интересы государства, сказали бы они, превыше интересов одного народа.

Именно поэтому в республике, которая ежегодно на пределе сил своих и возможностей дает стране свыше пяти миллионов тонн хлопка, еще даже не разработан закон о хлопководстве.

Идет увеличение закупочных цен на хлопок. Но что это даст дежканину, если ему надо будет платить теперь и за воду, и за землю, и за удобрения? Что же ему-то останется — спать ничего? Но даже если допустить, что платить будут рубли, а не копейки, как это было прежде, за килограмм собранного хлопка, то в конечном счете без существенного (!) сокращения посевных площадей хлопкороб вновь окажется привязанным с утра до полуночи к хлопковым полям.

Каждый сельский школьник Узбекистана хорошо знает, какие уроки жизни ему надо усвоить получше, а какие похуже. Главный урок, который надо усвоить железно, — это умение выполнять самую тяжелую и самую черную работу и умение делать деньги. И потому если раньше детей заставляли работать на полях, то сегодня они сами рады выполнять непосильный труд, ибо знают: их обделят, заплатят меньше, чем взрослым, за то же количество собранного хлопка, но заплатят, и это будут их детскими руками заработанные деньги. Такие факты имели место в последней хлопкоуборочной кампании повсеместно в республике. Так что работать выгоднее, чем учиться. Да и родители закрывают глаза на это безобразие — какие-никакие, а все же деньги.

Разве это не результат морального унижения нации? Самый тяжелый урон узбекский народ несет даже не в физическом плане, хотя последствия химизации чудовищные, а в плане духовном. И если здоровье будущих потомств как-то поправится, то духовное уродство, впитавшееся в гены, может довести человека до животного состояния.

Много вопросов. Слишком много вопросов вокруг хлопка. Взять хотя бы такой, как привлечение горожан на сбор урожая. Республике оно обходится приблизительно в 450 миллионов рублей, в то время как ежегодный чистый доход от хлопководства в 1986—1988 годах составлял в среднем 443,5 миллиона рублей. Выходит, временная работа горожан стоит дороже, чем изнурительный труд хлопкороба в течение целого года... Поистине безропотен и терпелив народ мой, если хлопководством занимается он, а право назначения унижительных закупочных цен на хлопок предоставляет ведомствам, которые, по существу, занимаются грабительством.

отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикрытые рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения»¹.

Не случайно привел я слова Владимира Ильича о национальной гордости. Вспомнились они мне в связи с той же заметкой «Хлопкороб», которая так обидела наших уважаемых людей республики. И подумалось мне: а ведь тем, кто действительно печется о достоинстве своего народа, нечего стыдиться этой заметки. Надо только не давать повода, чтобы такие заметки появлялись. И добиваться того, чтобы студенты и школьники перестали наконец «получать образование» на хлопковых полях. Чтобы был облегчен труд хлопкороба. Чтобы он был приравнен к труду шахтера. Чтобы у узбекских женщин появилась возможность заниматься тем трудом, который им по сердцу. И тогда исчезнут со страниц газет и журналов фотографии угрюмых мальчиков, одиноко стоящих с фартуками хлопкосборщиков посреди бескрайних просторов узбекских полей.

«Да кто вам сказал, что продолжается эксплуатация детского труда? — срывался на крик один чиновник в долине. — У нас арендный подряд. Если и работают дети на полях, так это исключительно по своей воле, так сказать, помогают родителям. Мы их не заставляем».

Может, и весь народ по глупости своей мается, хотелось мне его спросить. Да не спросил. Теперь жалею. Только подумал: что же это получается, уж не ширма ли этот самый «подряд» для тех, кто скрывает от народа свои истинные намерения? Раньше хоть не скрывали, заставляли детей работать, и все, а теперь, значит, родители по своей доброй воле вынуждены, чтобы выжить, заставлять детей своих делать работу, которая и не каждому взрослому по плечу. Родители плохие пошли. А руководители хорошие. О детях думают.

Видно, никогда уже не смогу забыть десятилетнего мальчика, посиневшего от ноябрьского холода, который месил грязь между грядками, усердно хлюпал носом и, поочередно грея руки в карманах коротковатых брюк, выбирал из мусора курак и отдирали от земли комки черного хлопка. А потом, видимо, поняв, что я не начальник и кричать на него не собираюсь, остановился вовсе, закоченевший на ветру. Я сказал ему, чтобы он отправлялся домой, но он даже не прореагировал, будто и не слышал. Да и кто я был для него? Я в бессилии отвернулся... А в глазах до сих пор стоит продрогший мальчик, держит на руках комочки черного хлопка, с которого медленно стекают струйки грязи и застывают на посиневших пальцах. И таких, как этот мальчик, ни один, ни два, а сотни и сотни. И не только мальчиков, но и девочек.

Вот вам и цена хлопка!

Осознание нравственных уроков Ферганы сегодня невозможно без осознания глубины той бездны, в которой, повторяю, мы оказались во многом благодаря хлопку. Но когда началось падение? Заглянем в историю. Программу колонизаторского гнета коротко, но жестко выразил в 1906 году в заключительной части доклада военный министр Российской империи на имя царского премьер-министра графа Витте, где он сказал буквально следующее: «Туркестанский край не только может, но и должен дать Родине выгоды обладания им и сторицей возместить затраты, понесенные на его завоевание и устройство»². Но в 1913 году на территории современного Узбекистана собиралось 350 тысяч тонн хлопка, в 1933 году — немногим более 800 тысяч тонн, а совсем недавно вместе с приписками (страшно поверить) — 6 миллионов тонн хлопка.

В. И. Ленин предвидел будущее хлопкосеющих республик. Он прекрасно понимал, что если Средняя Азия, Казахстан и Азербайджан будут заниматься хлопком, значит, они должны быть обеспечены всем необходимым для поддержания нормального жизненного уровня. В декрете Совета Народных Комиссаров от 27 ноября 1920 года об этом было сказано прямо: «...ввести в хозяйственные программы производство и заготовление в РСФСР и за границей предметов снабжения хлопкоробов, согласно программы (имеется в виду программа по восстановлению хлопководства в Туркестан-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 26, стр. 107.

² Усман Юсупов. Избранные труды в 3-х томах. Изд-во «Узбекистан». Ташкент, 1982.

Я, узбек, люблю свой народ не меньше, чем авторы организованного коллективного письма, и сегодня мне хотелось бы сказать о национальной гордости узбекского народа, ведь именно о ней так печалются руководители высших эшелонов власти республики. «Выращивание хлопка,— говорится в статье «Оскорбительная позиция»,— и снабжение этим ценнейшим сырьем страны узбекский народ всегда считал своей национальной гордостью и первейшим интернациональным долгом перед Родиной».

Сколько сегодня в этих словах лжи и обмана, сколько за ними загубленных жизней, сколько равнодушия к тем, кто за всю свою жизнь, кроме хлопка, порой ничего больше и не видит!

Не хлопок ли, впившийся своими многочисленными щупальцами в поля республики, превращенный за долгие годы рапортомании и гонки за валом в монокультуру, одна из главнейших причин всех зол и бед, обрушившихся на республику? Не он ли приносил почет и славу руководителям и унижение и нищенскую бедность хлопкоробу?

Много раз я бывал в кишлаках и каждый раз поражался жуткой бедности, в которой живут хлопкоробы. Не берусь описать самые убогие дома, в которых обсыпаются глиняные стены и в окна вставлены то фанера, то заплатки стекла, но и в домах со средним достатком, где хозяева особо не жалуется на жизнь, тяжело становится при виде обстановки в доме: мебели никакой, посреда комнаты «буржуйка» с трубой, выведенной в окно, на глинобитном полу постелены палас или кошма, несколько стеганых курпачей — одеял, стол с низкими ножками, учебники, брошенные на подоконнике,— вот и все. Выйдешь во двор, и то же самое убожество — купый приусадебный участок, почти наполовину уже застроенный для взрослых детей, да отхожее место в конце огорода. Водопровода нет, газа во многих домах нет, хотя чаще всего газопровод мимо кишлака и проходит. А что же есть! Есть вежливость и гостеприимство, хотя угощать совершенно нечем, кроме лепешек и горстки дешевых конфет двухлетней давности; есть терпеливость и терпение, подобные терпению самой природы, наслауемой человеком; есть послушание и умение работать от зари до зари за нищенскую зарплату и есть хлопок, хлопок, хлопок.

Нв для кого не секрет, что в настоящее время каждый житель Узбекистана имеет возможность лишь наполовину (от среднесоюзного уровня) удовлетворить потребности в мясе, молоке, яйцах, на четвертую часть в картофеле и рыбе, на треть в сахаре. Даже по потреблению овощей и фруктов республика занимает только пятое место в стране.

И разве не из-за хлопка в районах — основного сосредоточения населения возникли серьезные трудности в обеспечении питьевой водой? На территории с уже критическим уровнем загрязнения воды проживают около 9,5 миллиона человек, или половина населения республики.

Защищая достоинство узбекской нации, якобы оскорбляемое статьями, публикуемыми в центральной печати, рассматривая их как «попытки скомпрометировать очистительные процессы, происходящие в республике», мои земляки, увы, уже тем компрометируют себя, что продолжают настойчиво не замечать последствий безраздельного господства хлопка — этой белой чумы.

Видно, и трагедия мало чему научила некоторых наших руководителей, если в записке Комиссии ЦК Компартии Узбекистана, опубликованной 30 июля 1989 года в газете «Правда Востока», называется много причин, приведших к трагедии, и вскользь о самом главном преступнике — о хлопке!

Я узбек. И мне, как и моему народу, не чуждо чувство национальной гордости. Но я не могу оставаться равнодушным, пока вижу, каким невероятно тяжелым трудом достаются ему необъятные горы белого-белого хлопка И белого ли? Не почернел ли он давно орошаемый жгучим потом дехкянина, слезами женщин и детей, не лег ли на него черный пепел обугленных сестер моих и матерей, не набух ли он кровью невинно погибших в Ферганской долине?..

Не пора ли перестать путать узбекский народ с кучкой преступных элементов, уловников и бандитов, которые нахватали народные миллионы, которые призывали народ жечь и убивать, грабить и насиловать,— такие не имеют ни особых национальных черт, ни национального достоинства, ни чувства сострадания и милосердия; проклятые и презренные, они есть в каждой нации.

В 1914 году В. И. Ленин в статье «О национальной гордости великороссов» писал: «Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский,

Сабит Мадалиев. Черный цвет хлопка

203

потому ли, что турки-месхетинцы отказались войти в предлагаемый им союз, на них обрушился гнев тех коррумпированных кругов, которые стоят за ширмой событий? Не по этой ли причине они бросили своих отравленных ядом наркотиков и алкоголя маляриеток на турок-месхетинцев? Раздавить, уничтожить, заставить убраться отсюда непокорных, показать свою силу, запугать остальных, кого прочат себе в союзники, — не это ли цель организаторов погрома? Не здесь ли надо искать истинные причины трагедии турок-месхетинцев?»

Допустимо ли слух, домысел, тем более столь чудовищный, воспринимать как безусловный факт?

«У нас провокаторов хватает своих, — говорили мне не только узбеки, но и в первую очередь сами русские, — зачем же нам из столицы еще добавлять?»

Вот уж воистину где безответственность граничит с безнравственностью. Речь идет не о непроверенном факте, а о самой настоящей клевете, о дезинформации, тиражируемой на всю страну. Как военный человек тов. Астафьев должен был бы знать, что во время войны солдаты, распространявшие клеветнические домыслы и дезинформацию, отдавались под трибунал. А в наши дни подполковник за «объективность, достоверность и оперативность сообщений, вызвавших большой читательский резонанс», приказом начальника внутренних войск МВД СССР генерал-полковника Ю. В. Шаталина в числе других журналистов награжден нагрудным знаком «За отличие в службе» второй степени¹. Что ж, как говорится, поздравляем. Носите на здоровье, товарищ подполковник, если не стыдно.

«А что же молчат наши партийные руководители, — спрашивали меня мои собеседники, — почему они не выступят в центральной печати против провокационных слухов и материалов? Почему не скажут о том, что узбекский народ — это не националисты и не наркоманы?» Ведь из газеты в газету, из репортажа в репортаж кочевала расхожая фраза: «Многие находились в состоянии сильного алкогольного и наркотического опьянения», — что в конце концов и создало впечатление — в поджогах, погромах и в многочисленных митингах, на которых выдвигались требования решить разногласия мирным путем, требования, касающиеся засилья мовокультуры хлопка, безработицы, тяжелого экологического положения в Ферганской долине, принимали участие в большинстве своем экстремисты и наркоманы, националисты и уголовники.

Из справки Ферганского областного бюро судмедэкспертизы:

«За период с 3 по 27 июня 1989 года в судебно-химическом отделении бюро исследованы материалы на поступившие трупы в количестве ста человек. При исследовании наркотические вещества в трупах не обнаружены. Алкоголь обнаружен в четырнадцати случаях, которые можно оценивать как незначительное влияние алкоголя на организм и легкую степень опьянения. Причем среди представителей узбекской национальности таковых — один человек; турко-месхетинской национальности — три человека; русских — один; армян — один; национальная принадлежность семи человек еще не определена.

За этот же период обследованы кровь и моча 61 раненых, находящихся в данное время на стационарном лечении в Ташлакской, Риштанской, Багдадской центральных районных больницах и в Маргиланской центральной городской больнице. В трех случаях обнаружена легкая степень опьянения. Наркотические вещества не обнаружены».

Теперь уже ясно одно — не народ виноват в случившемся, а драматические обстоятельства, которые привели к трагедии. И, надо сказать открыто, невыносимые условия жизни — главная причина помутнения разума людей, их ослепления, их ярости. Но это совершенно не значит, что я пытаюсь оправдать кого-либо. Виновные есть. И они повесут заслуженную кару.

— Сынок, — говорила мне одна старушка в Коканде, которая просила называть ее тетушкой Кумри, — я уважаю русских, татар, турок-месхетинцев, корейцев, всех, с кем прожила семьдесят четыре года бок о бок, но я плохо понимаю по-русски, не моя в этом вина — не выучилась с детства, я и на родном-то языке по слогам читаю, — не подумай, что я националистка. Это я так. К слову. Знаешь сам, всех, кто еще недавно говорил на родном языке, причисляли к националистам. — А я про себя отметила: и сейчас это не редкость. — Так вот, скажи мне на милость, — продолжала словоохотливая моя собеседница, — почему некоторые наши руководители республики, уз-

¹ «Ферганская правда» № 126 от 27 июня 1989 года.

1'90 Дружба народов

Сабит Мадалиев

ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНИ

Черный цвет хлопка

Прошли месяцы со времени ферганской трагедии, но все еще не остыл пепел на пепелящах, еще напряженные и серьезные лица несут на себе отпечаток тревожных дней и ночей — слишком глубока еще кровоточащая рана, напоминающая о себе то прорывающимся рыданием при воспоминании о сыне, брате, отце, погибших в мирное время, то тяжелой печалью при воспоминании обо всем светлом и добром, что соединило два народа. Больно за турок-месхетинцев, но и больно за свой народ, на чьей земле пролилась кровь.

Увиденное и услышанное потрясло меня. Уж больно никак не соотносился с родными и близкими мне людьми в комендантский час и руины сожженных домов, и обгоревшие остовы перевернутых машин, безлюдные, дышащие внутренним напряжением улицы Ферганы и Коканда, Маргилана и Кувасая...

Может быть, все, о чем я пишу, покажется кому-нибудь слишком субъективным, ну, что ж, это моя боль, мой переживания, мой взгляд на трагедию. Другой о ней скажет по-другому.

Я видел, как солдаты обыскивали среди бела дня седобородого аксакала, а он стоял, приподняв руки, и беспомощно озирался, будто искал помощи, и губы его что-то беззвучно шептали, и даже потом, когда солдаты ушли, он все еще стоял с растопыренными пальцами, дрожащий, маленький и беспомощный. И, когда я поравнялся с ним, он отвернулся, чтобы не показать горечи только что пережитого унижения.

Большинство моих собеседников, а среди них были колхозники и рабочие, учителя и партийные работники, утверждали, что корни трагедии надо искать не в национализме, а во всем том, что переполняло чашу терпения народа, что в какое-то мгновение помутило его разум и заставило пойти на поводу преступного элемента.

Один старик говорил мне о том, что народ подобен реке: не переполнится терпение его — не разольется, не выйдет из берегов. Этого взрыва эмоций, неуправляемости и жестокости следовало ожидать, поскольку народ благодаря засилью монокультуры хлопка доведен до нищенского состояния. Тот же старик с каким-то отчаянием и болью сказал мне: «Больше всего нам не комендантский час нужен, а пропитание, и в достаточном количестве». Другой сказал убежденно: «Сынок, даже агитируя за национализм, ты все равно не сделаешь узбеков националистами. Не такой это народ. Душа у него широкая и щедрая, а в широкой душе нет места национализму».

Народ говорил одно, а центральная пресса за исключением некоторых газет и журналов утверждала обратное. Постепенно создавалось общественное мнение, что трагедия — результат межнационального конфликта. Даже академик Е. М. Примаков, видимо, замороженный постоянством этой темы в прессе, не преминул высказать свое мнение. Отвечая на вопрос обозревателя «Литературной газеты» по поводу ферганских событий, он сделал следующее открытие: «...происшедшее в Узбекистане — не закономерно, хотя и проистекает из ошибок, сделанных в прошлом. Там доминировал национализм, преступный элемент...» (разрядка моя.— С. М.)!

На улицах и в чайханах, в кабинетах и в гостинице, где я проживал, люди тыкали под нос мне очередную газету и кричали как кричат глухому, яростно жестикулируя, как перед немым, не понимающим очевидной истины: средствами массовой информации готовится очередное «узбекское дело». Я так не думал. Не хотелось так думать, хотя для этого имелись известные основания.

В местных газетах замелькали объявления, гласящие о том, что есть желающие (преимущественно русской национальности) срочно поменять дом, квартиру, дачу на любую точку средней полосы России. Во многом, считают люди, распространению паники послужила корреспонденция подполковника В. Астафьева под названием «За ширмой событий». В ней автор приводит беседу с двумя турками-месхетинцами, которые утверждали, что якобы узбеки хотели вступить в преступный сговор с турками чтобы вытравить всех русских. Вывод, сделанный В. Астафьевым, был подобен удару грома: «Не

CODE:

ИТЕМ: ТЕКСТ БЕСЕДЫ ПО РАДИО С ПУБЛИЦИСТОМ А. НУЙКИНЫМ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

- 1 -

ср. 23-27

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Корр. Смысл жизни, в чем он? Зачем мы живем? Каково наше высшее предназначение? Как вы считаете, Андрей Александрович?

А. Нуйкин. Каждому очевидно, что прежде чем заводить глубокие философские разговоры надо народ просто накормить, дать ему самые элементарные удобства, без которых в XX веке, в конце его, просто стыдно жить. Но это только возражение, главное даже не в этом.

Главные радости, которые принесла нам перестройка, — именно духовного порядка. Мы начали обретать достоинство, ощущать себя людьми, а не винтиками.

Слушала беседу А. Нуйкина о смысле жизни. Разговор состоялся содержательный, компетентный и захватывающий, теребящий все живые струнки души.

В. Бернблум, г. Одесса

Огромное спасибо за беседу А. Нуйкина. Она мне дала понять, что я прожила жизнь не зря.

В. Бугай, г. Котово
Волгоградской обл.

Важность таких передач невозможно переоценить. Автор убедительно показал, что смысл жизни не может состоять в удовлетворении каких бы то ни было эгоистических устремлений.

В. Долинин, г. Киев

Горобных откликов на Всесоюзное радио пришло много. Радиослушатели благодарят за передачу, но в чем не соглашаются с автором, предлагают свои варианты затронутых в беседе вопросов. Просят повторить ее в субботу или в воскресенье. Надеюсь, что диалог на важную тему будет продолжен в рубрике «Писатели у микрофона». А сегодня мы предлагаем нашим читателям текст беседы публициста Андрея Нуйкина с некоторыми сокращениями. Ее вела Л. Чадова.

И, может быть, одно из каких-то решающих на данном этапе и очень перспективных завоеваний нашей перестройки можно связать с провозглашенным Горбачевым тезисом о приоритете общечеловеческих ценностей. На них уже были нападки, мол, не пытаемся ли протащить какие-то буржуазные ценности под маркой общечеловеческих. Думаю, что это демагогия.

Нападки на общечеловеческое, в принципе это попытка лишить человека его каких-то коренных фундаментальных черт. И черты человечности в сфере интеллектуальной деятельности связаны для меня как раз с понятием поисков смысла жизни. Альбер Камю по этому поводу вот какую мысль высказывал: кружится ли Земля вокруг Солнца или Солнце вокруг Земли — это ничтожный вопрос. Самым актуальным из всех является вопрос о смысле жизни.

В журнал «Наука и религия» пришло письмо из одного приволжского города от Людмилы М. Она просит объяснить, в чем смысл ее жизни. Все вроде бы у нее есть: кооперативная, неоплаченная еще, но квартира, дочка растет неплохая, мама помогает дочку воспитывать, на работе ее ценят. Но вот придет она вечером с работы, выполнит все свои домашние дела и вдруг ощущает, что самое страшное, если ее дочка будет жить вот так же — отработала, пришла, приготовила ужин, покормила, подмела пол, а жить дальше непонятно, для чего. И характерно, что самыми тяжелыми для нее были праздничные дни, воскресенье, когда необходимость, не разгибаясь, что-то делать не отвлекала от размышлений о бессмысленности жизни. Журналист Осинский написал об этом очерк.

Писем на очерк пришло много. Мне хотелось бы процитировать одно из них, тоже от женщины — Ларисы К. из Бийска. «Очень взволновала и задела меня судьба Людмилы, — пишет Лариса. — Мне 34 года. У меня дочка, учится во втором классе. Есть отец и мать. И хотя многого

Публикуется впервые

2 Телевид и радио № 2

CODE:

ITEM: ТЕКСТ БЕСЕДЫ ПО РАДИО С ПУБЛИЦИСТОМ А. НУЙКИНЫМ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

-2-

недостает: зарплата минимальная, квартиры нет, — но падать духом еще рано. Я тоже невезучая. Часто и ко мне приходит моя душа с пустым мешком за плечами, очень часто. Что делать? Сама себе в таком состоянии вряд ли сможешь помочь. Нужна поддержка, уверенность, что ты не напрасно просидела день за рабочим столом, отработала смену свою не как робот, а как чувствующий свое место в жизни человек». Все письмо, в общем-то, интересное, стоило бы его процитировать, но у нас много впереди еще проблем, которые, мне кажется, нужно в связи с этим как-то затронуть.

Корр. Вот вы сейчас, Андрей Александрович, привели очень характерные примеры из нашей жизни. Работа, причем не всегда любимая, домашние дела, забота о том, чтобы все были накормлены, чисто одеты. А с утра — опять работа и домашние дела. И так без конца. Причем это считается жизнью благополучной и даже часто счастливой. И не только ведь у нас, но и везде, наверное.

А. Нуйкин. Если более широко взглянуть, то опять же выясняется, что число, например, самоубийств в мире резко возрастает как раз в странах наиболее благополучных, там, где уже и сытость достигнута, и квартирный вопрос давно нет, и защищенность правовая на достаточной высоте. И, как это ни парадоксально, статистика самоубийств, наркомании и пьянства, которая многим представляется какой-то абстрактной, показывает, что проблема смысла жизни или ее бессмысленности очень насущна. Стоит ее недооценить, и она буквально колесом гусеничным проходит по человеку: или он в петлю лезет, или запивает, или доживает мучительно свой век, а не живет.

Часто у людей не очень-то думающих, можно сказать, циничных, пренебрежительное отношение к тем, у кого душа проснулась и просит пищи, которой общество не в состоянии дать. Вот по поводу этих же писем. Мне самому приходилось слышать, мол, женщины эти просто живут без мужей. Мужика им хорошего нужно, вот и вся проблема. Перемигнутся еще, переихикнут. Ну что можно ответить таким жизнелюбам? Что, когда они становятся мужьями таких ищущих женщин, как Людмила и Лариса, то тем чаще бывает уже не до поисков смысла жизни. Их так загружают домашними заботами, что одуматься бывает некогда. А считать, что они с жиру, как говорят, бесятся, — значит, проявлять скудость мышления и ту самую бездуховность, которую эти женщины стремятся в себе преодолеть. И когда уже не отдельные обыватели, а какие-то теоретики, журналисты начинают Людмиле или Ларисе объяснять, как им из своего духовного кризиса выйти, то тоже бывает немного грустно слушать. Начинают им давать советы, как нужно увлечься своей работой, что этим они внесут свой вклад в общественное развитие, будут служить людям, приносить пользу. Да знают это и Лариса, и Людмила, все у нас прекрасно знают, что каждая деталь, выточенная ими, где-то, кому-то пригодится, пойдет на пользу. Но в том-то и дело, что многих не устраивает такой мизерный смысл их жизни, хочется чего-то, чтобы наполнило праздником жизнь.

CODE:

ITEM: ТЕКСТ БЕСЕДЫ ПО РАДИО С ПУБЛИЦИСТОМ А. НУЙКИНЫМ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

-3-

И теоретики наши, как правило, тоже оказываются не в силах ничего объяснить людям всерьез, на каком-то жизненном материале, а не при помощи абстрактных схем. Ведь эта проблема не сегодня в жизни появилась.

Корр. Да, проблема, вероятно, вечна. Мы знаем высказывания по этому поводу и древних философов, и ученых, и писателей. Лев Толстой, например, почти всю свою жизнь стремился решить проблему поисков смысла жизни...

А. Нуйкин. И даже, если взять наших советских писателей, то не все проходили мимо этой проблемы. Андрей Платонов, глубоко интеллектуальный и духовно высокоразвитый писатель, в своей повести «Эфирный тракт» такую мысль высказывал: «Только людские ублюдки кричат — «Нет и не может быть смысла жизни. Питайся, трудись и молчи!» Но если уже мозг вырос и так же страстно ищет своего пропитания, как ищет свое пропитание тело, тогда как? Тогда — труба. Выкручивайся сам. В этом мало люди помогают».

Печальная, но, в общем-то, очень справедливая, оправданная горечь звучит в этих словах. И, более того, бодряческий оптимизм, который нам прививался многие десятилетия, не очень способствовал серьезным интеллектуальным исканиям в данной области. Жизнь частенько ставит в ситуации, когда пустяки, на первый взгляд, настолько отравляют наше существование, что тут действительно не до поисков смысла жизни. Но, видимо, поэтому мы и считаемся мыслящей материей, чтобы не поддаваться потоку, а, как говорится, гнуть свою линию.

И лучшие наши писатели не случайно завоевали любовь не только интеллектуалов-интеллигентов, но и простых людей. Я имею в виду прежде всего Шукшина, который пристально, настойчиво исследовал эту проблему на очень жизненном, серьезном материале. И «чудики» Шукшина, если припомнить, потому и чудики, что то, чем живет, чем увлечены и вроде довольны все окружающие, их совершенно не устраивает. Чего-то они непонятного ищут, поэтому и окружающие на них смотрят как на людей, у которых по фазе произошла какая-то подвигка, не то просто, как на неполноценных.

У Шукшина же есть рассказ «Билетик на второй сеанс» о Тимофее Худякове, который жил, как все, где-то там подворовывал, поскольку был хозяйственник, дом поставил, детей в вузе воспитал, и вдруг затосковал: все ему показалось немило, все противно, прямо хоть в петлю лезь. И потом, когда однажды он неожиданно встретил своего тестя, отсидевшего в тюрьме, то принял его за Николая Угодника и стал умолять, чтобы тот дал ему «билетик на второй сеанс» — позволил прожить вторую жизнь, потому что первую-то он прожил совершенно бездарно. И когда тесть, иронизируя, спросил, а как же бы он вторую свою жизнь прожил, то, естественно, что этот человек с проснувшейся душой смог лишь сказать, что он бы женился не на Нюрке — своей нынешней жене, а на ком-нибудь другом. Ирония в рассказе в том и состоит, что Тимофей, дай ему «второй билетик», прожил бы, видимо, так же бездарно и вторую жизнь, как первую...

И Чехов в этом отношении писатель очень содержательный, интересный. Стоит вспомнить хотя бы об одном из любимых его героев из «Дома с мезонином», который

CODE:

ITEM: ТЕКСТ БЕСЕДЫ ПО РАДИО С ПУБЛИЦИСТОМ А. НУЙКИНЫМ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

-4-

прямо формулирует как лозунг, что призвание всякого человека — в духовной деятельности, в постоянном искании правды и смысла жизни. В одном из своих писем Чехов говорил, что тот, кто искренне думает, что высшие отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, тому остается кушать, пить, спать или, когда надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука.

Мы часто скользим глазами по такого рода высказываниям. Думаем, что все они к кому-то другому относятся. А ведь это прямо нам адресованы заветы, мимо которых опасно проходить, хотя бы потому, что действительно многие вполне реально в петлю лезут, утратив не то чтобы обретения, а сами искания, потому что подобные искания очень мучительны.

К о р р. Да, но ведь у каждого свой путь, своя жизнь, свои взгляды на окружающие обстоятельства и в конце концов еще собственный опыт в этом направлении. Могут ли книги, опыт другого помочь?

А. Н у й к и н. Здесь трудность ведь в чем еще? Умом-то можно довольно просто прийти к выводу, что могло бы составить смысл нашей жизни. И формул готовых тоже много — и очень умных, глубоких, бесспорных. Но одно дело понять разумом, что такое смысл жизни, в чем он состоит, а другое — обрести его в своем существовании. Чужой опыт здесь, наверное, помогает так же, как родительский — в любви. Сколько бы советов родители ни давали, но обычно, пока сам человек не стукнется об острые углы интимной проблематики, ничему, как правило, не научиться. К сожалению, пока мы на собственном опыте чему-то научимся, уже поздно бывает свою жизнь исправлять — она состоялась, и «второй билетик» на следующий сеанс никто нам выдать не в состоянии. Поэтому и главная трудность в поисках смысла жизни — не теоретическая, не интеллектуальная, а, я бы сказал, организационно-жизненная.

К о р р. Что вы имеете в виду? Какие-то социальные переустройства?

А. Н у й к и н. Да. Нужно, во-первых, жизнь всего общества переделывать, чтобы она была приспособлена для решения насущных проблем. И, во-вторых, — поскольку это дело многих поколений, а ни одного, надеяться здесь только на отдаленное будущее было бы легкомысленно, жизнь надо организовать так, чтобы она обрела искомый смысл. Это проще, на первый взгляд, но усилий от каждого требует в масштабе его жизни не

меньше, наверное, чем усилий всего общества в масштабе всего человечества. Чтобы мы включились в общечеловеческий поиск разрешения этой проблемы, скажем так, теоретически-практической, нам надо все-таки отрешиться от суеты, о которой мы говорили. Надо, наверное, не доверять чужим легковесным советам в этой сфере — их ведь тоже много звучало. Все можно пере-проверить, до всего своим собственным разумом дойти, потому что то, что мы сами откроем, — это наше, все остальное отторгается, видимо, так же, как отторгается физическая плоть, пересаженная в чужой организм.

Вот с этих позиций давайте и поразмышляем над концепциями смысла жизни, которые у нас традиционно осуждались, по поводу которых высказывалась ирония, что совершенно не означало, что в практике человеческой жизни они действительно отвергались. Давайте просто вспомним, что многие люди всю жизнь активно, иногда страстно борются за такие ценности, как богатство, власть, слава.

CODE:

ITEM: ТЕКСТ БЕСЕДЫ ПО РАДИО С ПУБЛИЦИСТОМ А. НУЙКИНЫМ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

-5-

Было бы ханжеством с нашей стороны сказать: «Нет, это все тлен. Никому не нужно» Богатство — ценность реальная, в том, что каждый человек стремится стать зажиточнее и богаче, ничего не вижу предосудительного, хотя бы уже потому, что обеспеченность дает чувство достоинства, независимости. А это ценности, над которыми иронизировать нам вряд ли стоит. Но если богатство превращается в самоцель, то можно привести массу свидетельств, когда все это кончается крахом. Причем не на уровне человека, который на пределе наших обычных мечтаний завел квартиру, дачу, машину, еще какие-то блага в жизни, а дальше не знает, чем же ему еще погордиться перед окружающими. Потому что уже многие это имеют, а слишком богатым в нашем обществе довольно трудно стать — нужно вступать в мафию, потом прятать свои накопленные миллионы, что тоже особой радости не приносит.

Тут как раз хотелось бы мнение наших слушателей узнать, потому что сказанное не исчерпывает проблему. Она конфликтная и достаточно многогранная.

К о р р. Ну и, с другой стороны, — всегда ли богатство дает власть? Связано это между собой?

А. Н у й к и н. То же самое можно сказать и о власти. Но если богатство в каком-то отношении несет независимость, власть, наоборот, — всегда все-таки производная от системы каких-то зависимостей. Она и рождается в сфере социальной функциональности, выступая какладычество, является по сути рабой возложенной на нее господствующим классом социальной функции. В свободном, демократическом обществе власть имущий лишен возможности покуражиться, унижить кого-то. И при этом имеет обратное благо: он тоже защищен от каких-то унижений. А в несвободном — всесилие властвующего тоже достаточно иллюзорно. Окруженный почтительным лакейством, он рано или поздно с неотвратимостью становится лакеем своих страстей, тех обстоятельств, которые его власть обеспечивают. Поэтому опять же — старая, но неопровергнутая истина, — в несвободном обществе свободных людей не бывает. И, как правило, каждый, обладающий большой властью, оказывается в еще большей зависимости от того, у кого власти еще больше, и предела здесь не видно. И всегда обратная сторона у власти — униженность по отношению к кому-то. И наша, в частности, история еще раз подтвердила истину, что на самом вершине пирамиды, когда человек, казалось бы, достигает всевластия, даже если взять Сталина или хотя бы Брежнева, который, казалось бы, все мог, а оказался, в общем-то, рабом той системы, которую формировал ради утверждения своей власти. И жизни его, если вдуматься, тоже позавидовать трудно.

К о р р. Ну стремление к богатству и власти... Не противоречим ли мы здесь самим себе. Ведь слава — она не только при жизни. Это как раз то, что остается после человека иногда надолго, навсегда, значит, и в этом есть какой-то смысл жизни. Даже Пушкин писал, помните: «И славен буду я...»

А. Н у й к и н. В двух словах можно, сославшись на опыт многих людей, сказать, что и слава, как только она начинает восприниматься как высшее благо, как цель и смысл жизни, рано или поздно глубоко разочаровывает, к ней люди привыкают достаточно быстро. Розы, которые она несет, не очень со временем ценятся. И если вспомнить высказывания артистки Елены Викторовны из известной повести Куприна «Яма» — человека, казалось бы, окруженного поклонением толпы, одну мысль ее хотелось бы привести: «Слава, знаменитость сладки лишь

CODE:

ITEM: ТЕКСТ БЕСЕДЫ ПО РАДИО С ПУБЛИЦИСТОМ А. НУЙКИНЫМ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

- 6 -

издали, когда о них только мечтаешь, но когда их достиг, то чувствуешь одни лишь шипы, и зато как мучительно ощущаешь каждый золотник их убыли».

Вот такое диалектическое противоречие этой человеческой ценности, и, если хотите, цели. В итоге люди обретают не удовлетворение от жизни, а, наоборот, вечную неудовлетворенность.

Корр. Здесь мне трудно с вами согласиться, но давайте оставим пока этот вопрос, а поговорим о таких аспектах смысла жизни, как любовь и счастье.

А. Нуйкин. Да... буквально тысячи поэтов, писателей, художников провозглашали, что смысл жизни в любви. Я не христианскую любовь имею в виду ко всем окружающим, а человеческую, связанную со страстью, с нежностью. Действительно, если говорить о счастье и видеть, допустим, в нем смысл человеческих исканий, то здесь любовь должна выдвигаться, может быть, на одно из первых мест. Она может поднять человека на высшие этажи радости жизни.

А относительно возможности любви занять тот пьедестал, о котором мы с вами говорим, очень хорошо в свое время высказался Белинский: «Если бы вся цель нашей жизни состояла только в нашем личном счастье, наше личное счастье заключалось бы в одной любви, тогда жизнь была бы действительно мрачною пустынею, заваленною гробами и разбитыми сердцами, была бы адом, перед страшною существенностью которого побледнели бы поэтические образы земного ада, начертанные гением сурового Данте».

Понимаю, что столь лаконичным разговором я только чуть-чуть обозначаю проблему, но подумать над этими словами у нас есть основания, уж не говоря о том, что любовь — дело преходящее и поэтому постоянный смысл жизни вряд ли может нам обеспечить. И при всей поэтичности этой стороны жизни, увы, здесь ответ нам дать она все-таки не в состоянии.

Корр. Тогда как же быть? Ведь любовь, если она настоящая, это же счастье. А человек стремится к счастью...

А. Нуйкин. Счастливым может быть человек и пустой, и ничтожный, и глупый. Счастье — довольно случайная черта бытия. В этом отношении смысл жизни — явление более суровое, более требовательное и более справедливое. Это наша самооценка своей жизни и самих себя. Причем с каких-то более высоких позиций, чем собственная судьба.

Многие пробовали найти ответ о смысле жизни с позиций религиозных, мистических или даже биологических. Но когда на собственную сущность пробуешь наложить такие теории... Мне все-таки хочется в своей реальной жизни обрести этот смысл, причем такой, чтобы перед концом ее оглянуться с удовлетворением на пройденный путь.

Корр. Ну а как вы относитесь к увлечениям различными модными сейчас духовными исканиями, всевозможными писаниями?

А. Нуйкин. Особенно среди интеллигентов много существует всякий теорий, духовных исканий. Не всегда поймешь, что они при этом ищут, но люди мучительно стараются свою жизнь поднять на какую-то недосыгаемую духовную высоту: ходят на выставки, читают самые модные философские трактаты, изучают экзотические восточные религии в поисках чего-то тайного, что кому-то вроде бы открылось, а им пока недоступно. Как правило, это кончается, в общем-то, ничем, потому что такие

CODE:

ITEM: ТЕКСТ БЕСЕДЫ ПО РАДИО С ПУБЛИЦИСТОМ А. НУЙКИНЫМ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

-7-

поиски в сфере модных или изысканных теорий мне не кажутся серьезными. Серьезные поиски должны отталкиваться от простых реалий жизни, идти в сторону ее возвышения, а не наоборот. И в итоге получается, что люди заняты духовным потребительством, а не духовным созиданием. Здесь те поиски, которые вели Шукшин, Чехов и другие, мне представляются куда более серьезными и глубокими.

Частенько люди, отчаявшись найти смысл жизни в высотах мироздания или философии, начинают создавать теории о том, что смысл жизни в реальном ее процессе, в ее мелочах, в каких-то пустяках даже. У Виктории Токаревой было характерное высказывание о том, что нечего там искать какой-то смысл жизни, — он складывается из сиюминутных забот и дел, которые мы совершаем. «Вот сегодня я научила, — пишет она, — дочку правильно начертить палочку на листе тетрадном, завтра я добьюсь того, что она обретенный опыт сумеет сама воспроизвести. На следующий день научу ее писать букву. Вот из всего этого и складывается высший смысл». Но, думается, что это — попытка складывать в кучу мышей в надежде получить из них слона. И вообще данная теория, с одной стороны, выглядит привлекательной ввиду своей скромности, простоты, невзыскательности, уважения к реальной жизни, но, с другой, здесь, мне кажется, есть некое унижение, потому что удовлетвориться мизерными делами вряд ли достойно человека.

Человек часто вынужден быть маленьким: жизнь — суровая школа. Но одно дело, когда она вынуждает его быть маленьким, но сам человек этим не удовлетворяется и стремится к каким-то большим, значительным целям. И другое дело, когда он начинает поэтизировать эту мизерность.

Мне уже приходилось высказываться критически по поводу теории простой трудовой жизни, как говорится, со ссылкой на опыт народа, который лишен был каких-то философских исканий, пахал, сеял, жал, разводил коров, рожал детей, сам зарабатывал свой хлеб в поте лица своего, никого не эксплуатировал, — и что вот это якобы и есть подлинная возвышенная жизнь.

Здесь, как в теории «О двух культурах» В. И. Ленина, есть тоже две стороны. Одна, идущая от народной жизни, а другая от того, что жизнь была загнана в такие повседневные обязанности, что человек вынужден был работать, как вол, часто не имея ни времени, ни потребности подумать о чем-то сверх этого. И был послушен власти имущим.

Такие рассуждения о честной трудовой жизни показывают свою несостоятельность в условиях нашего сегодняшнего бытия, когда мир на грани катастрофы, когда природа вот-вот перейдет последнюю черту, когда мафии рвутся к власти и начинают «учить нравственности» наших детей. И в этих условиях ограничиваться мелкими, частными радостями жизни: отработал, посмотрел по телевизору футбол, выпил рюмку, что тоже не возбраняется по такой теории, и довольный улегся спать — день прожит честно. Сейчас этого просто недостаточно. Поэтому и молодежь часто бунтовала против такой системы невзыскательных ценностей.

Корр. Но то, о чем вы сейчас говорите, — это же просто биологическое существование. Здесь нет даже намека на осмысление своего бытия, нет цели, нет поиска смысла жизни...

CODE:

ITEM: ТЕКСТ БЕСЕДЫ ПО РАДИО С ПУБЛИЦИСТОМ А. НУЙКИНЫМ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

- 2 -

А. Нуйкин. Мы растим детей. Конечно, в этом есть большой смысл. Мы трудимся, сами себе на жизнь зарабатываем. Но это смысл частный, а речь — о высшем смысле, что совсем не одно и то же. О смысле нашего бытия, нашей жизни перед лицом очень трагического обстоятельства — того, что мы смертны. И вот мы ищем такой смысл, который оказался бы в состоянии преодолеть этот трагизм, чтобы перед лицом неизбежной смерти то, что мы делаем, не было бессмысленно, обесценено. Найти ответ на этот вопрос не так-то просто, как кому-то может показаться.

Лев Толстой такого конкретного, реального смысла имел в жизни более чем достаточно. Уж кому, как не ему, казалось бы, можно было с удовлетворением оглянуться на прожитую жизнь: сколько он сделал полезного, великого, нужного для людей. И все-таки с его жизнью связано такое интересное понятие, как «арзамасская тоска», когда он в зените славы, написав уже «Войну и мир», будучи счастливым в семейной жизни, удачливым помещиком, — чувствовал, как на него вдруг наваливалась смертельная тоска и все вдруг теряло смысл.

Я позволю себе привлечь внимание слушателей к его «Исповеди», прочитаю такой характерный кусочек: «Прежде чем заняться самарским имением, воспитанием сына, писанием книги, надо знать, зачем я все это буду делать. Пока я не знаю зачем, я не могу делать и не могу жить. Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время, вдруг приходил в голову вопрос: ну хорошо, у тебя будет 6 тысяч десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом? И я совершенно опешивал, не знал, что делать дальше, или, начиная думать о том, как воспитывать детей, я говорил себе: зачем? Или, рассуждая о том, что народ может достигнуть благосостояния, я говорил себе: а мне что за дело? Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, ну и что? И я ничего не мог ответить. Вопросы не ждут, надо сейчас ответить. Если не ответишь, нельзя жить, а ответа нет. Я почувствовал, что то, на чем я стоял, подломилось, что мне стоять не на чем, что того, чем я жил, уже нет, что мне нечем жить».

Вот вдумайтесь. Это не просто какой-то психический сдвиг из-за того, что человек достиг слишком многого и вдруг захотел невозможного. Толстой бросил вызов, я бы сказал, самому мирозданию. Он не хотел примириться с неизбежностью смерти или по крайней мере стремился преодолеть ее чем-то в своей жизни таким, что было бы эквивалентно по мощности воздействия на нашу психику с осознанием нашей смертности, которая, казалось бы, все нивелирует, все превращает в бессмыслицу. И эта арзамасская тоска несколько раз буквально ставила великого писателя на грань самоубийства, когда ему казалось, что ничего в этой жизни не стоит того, чтобы прикладывать такие усилия.

Корр. Как же тогда найти тот путь, который приведет к решению вопроса — в чем смысл нашей жизни?

CODE:

ITEM: ТЕКСТ БЕСЕДЫ ПО РАДИО С ПУБЛИЦИСТОМ А. НУЙКИНЫМ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

- 9 -

А. Нуйкин. Здесь стоит порассуждать вот о чем... Когда мы думаем о своей неизбежной смерти, пробуем найти, что могло бы ее преодолеть, мы попадаем в тупик, ибо ищем в жизни нечто лежащее за ее пределами. А, видимо, высший смысл жизни разумно и единственно возможно искать в ней самой. Взять те случаи, когда в своем поведении, в поступках люди оказывались выше страха смерти, готовы были принести в жертву свою единственную, действительно неповторимую жизнь ради каких-то ценностей. Делали это не в порыве чувств, а вполне осознанно, с пониманием того, что они делают. И вот здесь, мне кажется, мы приближаемся к формулировке критерия высшего смысла жизни. Он как раз в том и состоит, что высший смысл жизни мы можем определить только тогда, когда в ней появляется что-то, ради чего мы готовы своей жизнью пожертвовать. И, надо сказать, наша история отечественная, и мировая не бедна людьми, которые многократно подтвердили, что есть такие ценности в жизни.

Тот же Лев Толстой, когда не просто сидел и умствовал, как это было в Арзамасе, в одиночестве, а вдруг оказывался перед лицом какого-то бедствия... Вы помните, он говорил, какое мне дело, как народ живет, бедствует. Но когда голод обрушился на Смоленскую губернию, он забыл о своей философии, о литературе, о славе, бросил все и предпринял активные действия для спасения людей. И вот тут-то, видимо, он не думал о смысле жизни, а обретал его в реальности.

Сейчас, может быть, проще найти ответ на жгучий вопрос о смысле жизни, потому что буквально перед всем человечеством, а не только перед отдельными его представителями, стоит проблема насущного, необходимого дела, ради которого не жалко пожертвовать собой. Сейчас, когда мир может быть испепелен каждую минуту, утратить способность к воспроизведению жизни, проблем общечеловеческих накопилось столько и они так обнажились, что в борьбе за их решение мы действительно ощущаем, что зачастую гораздо важнее нам спасти мир, чем свою собственную жизнь. Задача в том, чтобы открыться перед лицом этих проблем, пойти им навстречу, преодолеть инерцию повседневности, которая тоже толкает нас быть маленькими.

Весьма характерно, что именно наша перестройка всколыхнула все эти проблемы, и не только теоретически. Буквально на днях я разговорился со своим хорошим знакомым. Речь шла о его сыне. Еще совсем недавно его ничего не интересовало, ко всему он относился скептически. Отцу было горько: с родным сыном не знал даже о чем поговорить. И вот сейчас молодой человек вдруг влез, как говорится, в перестройку, и оказалось, все ему интересно. У него появились друзья — интеллектуальные, одухотворенные юноши, и сам он буквально преобразился. Душой болеет за все, что происходит в стране, и уже проблемы мира его стали волновать.

Поэтому, когда мы говорим, что перестройка нам еще пока мало дала — и она действительно в сфере материальной нас ничем еще не одарила, — но зато в духовной сфере все-таки с удовлетворением можем сказать, что мы проснулись. И не только у отдельных людей стала духовность проклевываться, у всего народа душа пробуждается. Люди начали приобщаться к поискам возвышенных целей жизни. Именно это важно в нашем разговоре, потому что по отдельности поиски людей эту проблему решить не могут. Каждый из нас может поставить проблему, а найти ответ всерьез здесь можно только сообща. Спасибо и низкий поклон перестройке за то, что она и на эти рельсы стала выводить наше общество, как на многие другие.

CODE:

ITEM: L000032 KRUSCHINO 10-JAN-1990 09:58:39

ТЕ, КТО РЕШИЛСЯ ВЫЙТИ 25-ГО АВГУСТА 1968 Г. НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ
БЫЛИ НЕ ОДИНОКИ. ЗА НИМИ СТОЯЛИ ТЫСЯЧИ ДРУГИХ

/"ОГОНЕК" № 1(3258), 1990 г., стр. 26/

Трагические события августа 1968 года прервали процесс демократических преобразований не только в Чехословакии.

В равной мере пострадали народы тех стран, чьи войска были посланы в Прагу.

Гусеницы танков проехали по ним самим. Так лишний раз подтвердилась старая истина:

не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Жестокий удар был нанесен и самой идее социалистического содружества наций, посеяв в «братской семье единой» семена раздора, недоверия, вражды.

Недавно в Москве было принято заявление правительства пяти стран, осудивших свои совместные действия.

Справедливость восторжествовала.

И сегодня событие, о котором мы хотим рассказать, может показаться незначительным.

Но это не так, потому что всегда велика цена поступка, нравственного выбора, который человек совершает наедине с собой. Да они, к счастью, и не были одиноки — те, кто решился тогда выйти на площадь.

За ними стояли тысячи других, согласных с ними, но — молчавших. И десятки тех, кто не молчал, и среди них — академик Андрей Дмитриевич Сахаров,

математик Александр Есенин-Вольпин, поэт Евгений Евтушенко, открыто протестовавшие против вмешательства во внутренние дела суверенного государства.

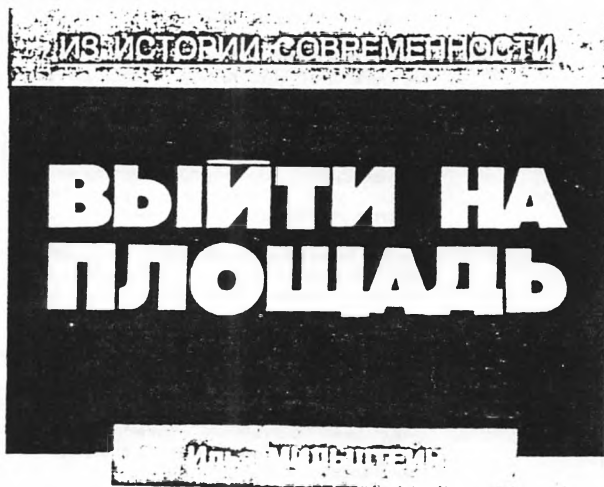
В ночь с 20 на 21 августа 1968 года войска пяти стран Варшавского Договора — СССР, НРБ, ВНР, ГДР и ПНР — перешли чехословацкую границу.

Из Заявления ТАСС («Правда», 21 августа 1968 года): «ТАСС уполномочен заявить, что партийные и государственные деятели Чехословацкой Социалистической Республики обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами. Это обращение вызвано угрозой, которая возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю... со стороны контрреволюционных сил...»

Советские воинские подразделения вместе с воинскими подразделениями... союзных стран... будут незамедлительно выведены из ЧССР, как только создавшаяся угроза завоеваниям социализма в Чехословакии, угроза безопасности стран социалистического содружества будет устранена и законные власти сочтут, что в дальнейшем пребывании там этих воинских подразделений нет необходимости...

Братские страны твердо и решительно противопоставляют любой угрозе извне свою нерушимую солидарность. Никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств».

В те годы народ у нас был благонамеренный, не то что теперь. На заводах и фабриках, в колхозах и конторах по всей стране состоялись митинги, были приняты резолюции.

Стараниями умелых организаторов митингов и бойких газетчиков мир узнал мнение советского народа о событиях в Чехословакии.

Существовало и другое мнение.

Прежде всего его придерживались многие чехи и словаки, включая тогдашнее руководство страны. Иной оказалась и позиция некоторых компартий. О «капиталистах» нечего и говорить.

Иную точку зрения открыто высказала и горстка наших граждан. Причем некоторые из них протестовали против ввода войск еще до того, как он совершился.

Утром 29 июля 1968 года арестовали Анатолия Марченко. За «нарушение паспортного режима». Нелепость обвинения — тридцатилетнего грузчика задержали в Москве, где он не был прописан, однако работал — объяснять не приходилось. В недавнем прошлом политзаключенный, автор получившей широкое хождение в самиздате книги «Мои показания», Марченко незадолго до ареста опустил в почтовый ящик «Открытое письмо чехословацким газетам», в котором писал:

«Я внимательно (насколько это возможно в нашей стране) слежу за событиями в Чехословакии и не могу спокойно и равнодушно относиться к той реакции, которую вызывают эти события в нашей печати. На протяжении полугода... газеты стремятся дезинформировать общественное мнение нашей страны и в то же время дезинформировать мировое общественное мнение об отношении нашего народа к этим событиям. Позицию партийного руководства газеты представляют как позицию всего населения — даже единодушную. Стоило только Брежневу навесить на современное развитие Чехословакии

CODE: TE, КТО РЕШИЛСЯ ВЫЙТИ 25-ГО АВГУСТА 1968 Г. НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ
ITEM: БЫЛИ НЕ ОДИНОКИ. ЗА НИМИ СТОЯЛИ ТЫСЯЧИ ДРУГИХ

121

ярлык «происки империализма», «угроза социализму», «наступление антисоциалистических элементов» и т. п. — и тут же вся пресса, все резолюции дружным хором подхватили эти же выражения, хотя наш народ сегодня, как и полгода назад, ничего по существу не знает о настоящем положении дел в Чехословакии».

С осени 1967-го лишь малый круг интеллигенции, как губка, впитывал все сведения, поступающие из Праги. События, происходившие в этой стране, вызывали горячее сочувствие, внушали надежду и тревогу. Еще продавались в киосках «Союзпечати» пражские газеты: их молниеносно раскупали, быстро переводили и шумно обсуждали. Ясно было одно: правительство Дубчека решилось на дерзкий эксперимент — действуя в рамках социалистической системы, оно почти упразднило цензуру, на деле, а не на словах предоставило своим гражданам свободу высказываться и отстаивать убеждения.

А на московских кухнях кипели споры. К весне 1968-го, когда разногласия между «братскими компартиями» стали очевидны, ощущение тревоги сменилось предчувствием беды, и все дискуссии свелись к одному простому вопросу: «Задавят или не задавят?» Одни (их было большинство) полагали, что вооруженное вторжение невозможно, приводя достаточно веские доводы. Если танки войдут в Прагу, говорили они, то будет дискредитировано мировое коммунистическое движение, от нас отшатнутся даже друзья, чего не могут не понимать наши руководители... Так что ситуация будет урегулирована мирным путем, более того, пример Чехословакии чему-нибудь и нас научит! Другие были не столь категоричны, они предполагали худшее, хотя и не теряли надежд на благоразумие Советского правительства. Третьи (их было немного) считали, что вторжение почти неминуемо, и всеми силами стремились если не предотвратить, то хотя бы отдалить трагедию.

Из самиздатской «Хроники текущих событий» (выпуск третий, 1968 год): «29 июля в посольство Чехословакии было передано письмо пяти советских коммунистов с одобрением нового курса КПЧ и осуждением советского давления на ЦССР. Письмо подписали П. Григоренко, А. Костерин, В. Павлинчук, С. Писарев и И. Яхимович».

Еще у многих на памяти были венгерские события 1956 года. Советские интеллигенты, убежденные в том, что чехи разделят судьбу венгров, оказались в мучительнейшем положении людей, которые знают о готовящемся преступлении, ничем не могут помочь жертве, но и молчать тоже не могут. Обязаны предупредить, хоть это и бесполезно...

Суд над А. Марченко был назначен на 21 августа.

Обычно приговор по столь ничтожному делу, как нарушение паспортных правил, оглашается быстро и сводится к штрафу, а тут заседание продлилось до позднего вечера, и судья был строг, и приговор не мягок: год лагерей. И все уже понимали, что на свободу Марченко выйдет нескоро, что в лагерь добавят... Расчет властей был прост: припугнуть, предупредить «диссидентов» (чужой народ в грох не ставим, с вами тем более не будем чикаться), принудить к молчанию. Крови не алкали — жаждали послушания. Но просчитались.

А на короткой волне уже звучал исполненный боли и отчаянья женский голос с чуть заметным чешским акцентом: «Русские братья, уходите, мы вас не звали!» Еще — звучал.

Из «Хроники текущих событий» (выпуск четвертый, 1968 год): «В ночь с 21 на 22 августа... 20-летний ленинградец Богуславский написал на трех клодовских конях: «Вон Брежнев из Чехословакии». Тут же, на Аничковом мосту, он был арестован и через две недели осужден по ст. 70 на пять лет строгого режима. Верховный суд РСФСР... переквалифицировал его действия на ст. 190¹ и соответственно изменил меру наказания: 3 года общего режима (максимум по данной статье).

Эстонский студент, написавший в Тарту на стене кинотеатра в ночь с 21 на 22 августа: «Чехи, мы — ваши братья», при задержании был зверски избит: у него отбиты почки, и он до сих пор находится в больнице».

23 августа 1968 года Москва встретила Людвика Свободу. «В тот день я шла по Ленинскому проспекту. — рассказывает Лариса Богораз — Транспорт не ходил. Стояли толпы людей, согнанных, как водится, из разных учреждений встречать дорогого гостя, сучали, жевали пирожки, обмахивались чехословацкими флажками. Гостя долго, очень долго не было. Я успела пройти весь проспект, повернуть к «Ударнику»... Наконец появились машины. Везли Свободу. Он ехал, стоя в открытой машине, слепо смотрел перед собой. Лицо его было безжизненной, трагической маской. Рядом с ним, добро улыбаясь, стояли Брежнев с Подгорным, а стоящий сзади Косыгин был, как всегда, мрачен. Машина шла медленно. Люди на тротуаре замахали флажками, закричали, заприветствовали. Свобода глядел вперед, не поворачивая головы ни вправо, ни влево. Видеть это было страшно и невыносимо, словно посреди карнавала шла по улицам похоронная процессия. Мне захотелось выкрикнуть что-то наперекор этой равнодушно-веселой толпе, ведь произошла жуткая трагедия, наши танки вошли в Прагу, и все мы, и я в том числе, в этом виновны... Я сдержалась».

«Утром 25 августа, — вспоминает Юлий Ким, — ко мне пришел Вадик Делоне. Все уже было решено, отговаривать поздно, но Вадик мог и не знать... Знал. Он коротко спросил: «Идут или не идут?» Соврать я не мог и все же вяло напомнил Вадиму, что на нем висящий у меня чехословацкий государственный флаг?» — спрашивает Горбаневская. Рука разжимается, но тут же на помощь ей приходит другая, и флажок гибнет. Толпа увеличивается. Слышны возгласы: «Это что, чехи?», а им в ответ: «Бей антисоветчиков!», матерщина. Начинается избивание. Какая-то женщина бьет Литвинова тяжелой сумкой по голове. Сидящего трудно ударить рукой, ногой — легко. Лариса Богораз вдруг чувствует, что у нее на спине намочка блузка — это выбили зубы сидящему сзади Виктору Файнбергу, и кровь идет у того изо рта. Таня Баева, присев на корточки, вытирает ему платком лицо. Избивают Делоне. Толпа стоит смотрит; демонстранты молча сносят побои, слышны лишь крики избивающих, их сопение, треск рвущейся материи.

Начинают подвезжать машины. В них, выворачивая руки и продолжая

CODE:

TE, КТО РЕШИЛСЯ ВЫЙТИ 25-ГО АВГУСТА 1968 Г. НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ
БЫЛИ НЕ ОДИНОКИ. ЗА НИМИ СТОЯЛИ ТЫСЯЧИ ДРУГИХ

ITEM:

131

наносить удары, вталкивают участников демонстрации. За юную Татьяну Баеву вступает совершенно незнакомый ей юноша из толпы (М. Леман), его тоже втаскивают в машину, потом разберутся, отпустят.

В 50-м отделении милиции, располагавшемся тогда на Пушкинской улице и известном в народе как «полтинник», встретились вновь. Чувство, переполнявшее их, называлось счастьем. Все-таки посмели, сбросили с плеч эту окаянную ношу, вышли на площадь. Пусть знают чеки, что мы им все-таки братья... Пусть знают люди... Пусть знает мир... Дело сделано. А теперь будь что будет.

9 октября 1968 года, крохотный, битком набитый зал Пролетарского райсуда, где рассматривается Мосгорсудом «уголовное дело по факту учинения групповых действий на Красной площади, грубо нарушивших общественный порядок». Судят Ларису Богораз, 39 лет, Вадима Делоне, 21 года, Павла Литвинова, 28 лет, Константина Бабицкого, 39 лет, Владимира Дремлюгу, 28 лет. Позади полтора месяца, обыски, допросы, тюрьма. Обвинительное заключение подписано старшим следователем прокуратуры г. Москвы советником юстиции Л. Акимовой. Что касается В. Файнберга, то он находится на стационарной судебно-психиатрической экспертизе, его дело выделено в отдельное производство — человека с четырьмя выбитыми передними зубами сочи, вероятно, нежелательным персонажем на данном процессе. Н. Горбаневская признана невменяемой и отдана пока под опеку матери. Т. Баеву к суду не привлекли — конечно, ей не поверили, когда она, посоветовавшись с Л. Богораз, заявила следователю, что на площади оказалась случайно, — но и упорствовать не стали, решив, по-видимому, что чем меньше будет «отщепенцев», тем лучше (а еще лучше их бы вообще не было). Ее только выгнали из института.

Председательствует судья В. Г. Лубенцова (подсудимые ее скоро нарекли «Лубянцевой»), ей помогают народные заседатели П. И. Попов и И. Я. Булгаков. Государственное обвинение поддерживает прокурор В. Е. Дрель.

Наша Конституция в те годы, несомненно, являлась самой демократической в мире, поскольку не была рассчитана на применение. Так что судить обвиняемых за сам факт участия в демонстрации было неприлично — как бы противоречило Конституции. Судили по уголовным статьям 190¹ и 190³.

Судья зачитывает обвинительное заключение. Все демонстранты обвиняются в том, что вступили «в преступный сговор... заранее изготовив плакаты с текстами, содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а именно: «Руки прочь от СССР»... «Долой оккупантов», «Свободу Дубчеку», пришли на Красную площадь, где и нарушили «общественный порядок и нормальную работу транспорта»: развернули «вышеуказанные плакаты», выкрикивали «лозунги аналогичного с плакатами содержания, чем вызвали возмущение собравшихся вокруг граждан...».

А в переулке перед зданием суда развернулось иное действие, чем-то неуловимо схожее с основным сюжетом. Уже наученные опытом предыдущих процессов, власти знали, что у входа

с утра до вечера будут дежурить друзья и родственники подсудимых. Решено было дать «идейный отпор». Тщательно проинструктированные, явились комсомольцы-оперотрядчики. Они разъясняли случайным прохожим, кого и за что судят сегодня. К ним присоединился люд постарше, компенировавший некоторую свою необразованность предельной искренностью и категоричностью суждений. Эти жаждали общения с П. Григоренко, И. Габаем, П. Якиром... Впрочем, дискуссия носила несколько односторонний характер. Довольно скоро в адрес «диссидентов» послышались выкрики вроде: «Молодец Гитлер, передал вас, гадов, — жалко, что не всех», или «Эх, мне бы сейчас автомат в руки!...». Кто-то очень умело продумал этот спектакль в тиши кабинета, вызвал актеров, раздал роли, да сам и сфлировал...

Но вернемся в зал суда. Тут самое время сказать об адвокатах. Немногие в те годы соглашались защищать людей, обвиняемых по 70-й либо 190-й статьям. Во-первых, ничего, кроме неприятностей, эти процессы адвокатам не сулили; во-вторых, исход дел всегда был предрешен.

...Откуда ж берется охота, Азарт, неподдельная страсть Машинам доказывать что-то, Властям корректировать власть?.. — вопрошал Юлий Ким в давнем своем (1968 год!) «Юридическом вальсе». В самом деле, откуда?..

«На этот вопрос, — пишет Софья Калистратова («Московские новости» № 32, 1989 г.), — пожалуй, точнее всего ответил в своем последнем слове на процессе известный правозащитник Илья Габай. Он сказал: «Я видел такие нарушения прав человека, умолчание о которых мне представлялось равноценным соучастию». Я к тому же считала, что необходимо использовать судебную трибуну, чтобы донести до людей правду, чтобы открыто и во весь голос сказать свободное слово».

«Наверное, разные адвокаты должны были по-разному ответить на этот вопрос, — продолжает Дина Каминская в своей книге «Записки адвоката», изданной в США. — Для некоторых главной движущей силой было стремление разоблачить, сделать наглядным для всех тот трагический фарс, каким являлись все политические процессы. Но для меня разоблачение было следствием работы, результатом той тщательности, с которой готовилась к каждому делу, но не ее причиной».

В зал один за другим входят люди, на чьих показаниях так хорошо и убедительно держится обвинение. Но странно сегодня звучат их речи и неправдоподобны ответы на вопросы адвокатов и подсудимых. Скажем, свидетель Стребков. 25 августа он нес службу на патрульной машине у Красной площади. Внезапно получил приказ подъехать к Лобному месту. Подъехал. Видит: двое граждан ведут под руки третьего, сажают в машину и велят Стребкову доставить его в милицию. «Эту команду мне дали неизвестные граждане», — вдруг говорит он. «И вы исполнили команду каких-то граждан?» — спрашивает С. Калистратова. Свидетель растерян, он отвечает: «Да». «Если завтра к вам подойдут двое, ведущие третьего, — оживляется подсудимый Бабицкий — и прикажут отвезти его, вы исполните их приказание?» Судья снимает вопрос.

CODE: ТЕ, КТО РЕШИЛСЯ ВЫЙТИ 25-ГО АВГУСТА 1968 Г. НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ
ITEM: БЫЛИ НЕ ОДИНОКИ. ЗА НИМИ СТОЯЛИ ТЫСЯЧИ ДРУГИХ

141

Готовясь к суду, адвокаты обратили внимание на нескольких свидетелей, обозначенных в деле как «сотрудники воинской части», причем оставалось лишь гадать, какую форму они носят, находясь на службе. И вот один из них, Долгов, отвечает на вопросы суда. Скоро выясняется, что никого из своих сослуживцев он не знает, разве что «видел где на партконференции».

Но вызывается свидетель Иванов, «сотрудник» той же воинской части, и сообщает совершенно противоположное: с Долговым они знакомы. И что же, начинается перекрестный допрос? Нет, суд более не возвращается к этой теме. Зато показания свидетелей, весьма невыгодные для обвиняемых, остаются одной из главных улик следствия.

«В советском суде тот факт, что свидетель является сотрудником КГБ или милиции, никак не обесценивает значимость его показаний», — замечает Д. Каминская в «Записках адвоката». — Приговоры по множеству уголовных дел основываются целиком или в основном на показаниях оперативных работников милиции и уголовного розыска.

Что мешало свидетелям просто сказать суду:

— Да, мы сотрудники КГБ. В нашу обязанность входило наблюдение за порядком на Красной площади. Мы считали, что сидячая демонстрация нарушает порядок, и задержали демонстрантов».

Допрос свидетелей продолжается. Еще один из них, Давидович, чье место работы суд так и не установил, на предварительном следствии заявлял, что оказался на площади случайно, вышел из ГУМа. «Но ГУМ в воскресенье закрыт», — замечает подсудимый Литвинов. «Это не имеет значения», — раздраженно отвечает свидетель. Суд удовлетворен этим ответом и внимательно выслушивает показания Давидовича, весьма путаные и противоречивые, чтобы не сказать лживые.

Начинаются судебные прения. Из речи прокурора суд узнает, что «нет надобности доказывать... плакаты носили явно клеветнический характер». Это первое доказательство вины. Есть и второе: «Наша печать разъяснила всем гражданам прогрессивный характер действий Советского правительства, и не понимать это невозможно». Все, вина доказана. Остается, впрочем, еще мелочь: конституционное право граждан на демонстрацию. Тут совсем просто. «Да, действительно, — заявляет Дрель, — статья (Конституции. — И. М.) предусматривает свободу демонстраций. Но то, что совершили подсудимые, отнюдь не может называться демонстрацией. Под демонстрацией мы имеем в виду организованные действия. Подсудимые демагогически ссылались на одну ее часть, забывая о второй части Конституции, которая называется демонстрацией организованное шествие в интересах трудящихся и в целях укрепления социалистического строя. Что касается собрания 25 августа, то его нельзя отнести к демонстрации ни по существу своему, ни по содержанию».

Тем не менее долгая речь прокурора слушается с напряженным вниманием. Устами его говорит Государство; тот приговор, который он сейчас предложит, суд скорее всего и вынесет. Прокурор выносит приговор...

Теперь очередь адвокатов. Каждый из них абсолютно уверен в невинности своих подзащитных; если у кого-то еще оставались какие-то сомнения, то на суде они развеялись. Ясно и то, что никакой надежды на оправдательный приговор после речи прокурора уже не остается. Разве что надежда на чудо.

Дина Каминская, адвокат Павла Литвинова. Опытнейший защитник, она вряд ли надеется на чудо: предыдущие политические процессы, в которых принимала участие, не сделали ее оптимистом. Остается лишь честно и безукоризненно исполнить свой долг. «Закон карает, — объясняет она суду. — ... за систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений. Ни в тексте обвинительного заключения, ни в речи прокурора такого обвинения в адрес подсудимых не было».

Статья 190¹ предусматривает также ответственность за изготовление клеветнических произведений. Защита считает, что поднятый Литвиновым лозунг не является произведением, что в деле нет никаких доказательств того, что этот лозунг был изготовлен именно Литвиновым и что текст этого лозунга не носит клеветнического характера...

Не так давно в кинотеатре «Россия» демонстрировался фильм «За вашу и нашу свободу». Название этого фильма точно соответствует лозунгу, поднятому Литвиновым на Красной площади. Никто не считает название этого фильма клеветническим. Значит, не смысл этого лозунга, а подразумеваемый подтекст... признается сейчас неправильным и преступным...»

Не нужно, думаю, объяснять, какого мужества требовало само решение, выступив в защиту диссидента, потребовать его оправдания.

Девять лет спустя Д. Каминская будет исключена из коллегии адвокатов, у нее дома устроено несколько обысков, за нею установят слежку, под угрозой ареста окажется муж — и их обоих буквально вытолкнут в эмиграцию.

Выступает Софья Калистратова, защитник Вадима Делоне. У нее огромный опыт адвокатской деятельности, в том числе и участие в политических процессах. Ее подзащитный — молодой поэт, у которого за плечами условный срок, несколько месяцев пребывания в следственном изоляторе КГБ за участие в правозащитной демонстрации на Пушкинской площади.

С. Калистратова подробно рассказывает о судьбе молодого человека, еще не нашего места в жизни, зато уже испытавшего и тяготы заключения, и наветы прессы. «Я имею право утверждать, что наш закон не знает уголовной ответственности ни за убеждения, ни за мысли, ни за идеи, а устанавливает уголовную ответственность только за действия, содержащие конкретные признаки того или иного уголовного преступления. Вот позиция защиты, которая дает мне право утверждать, что умысла порочить советский государственный строй у Делоне не было, что он в своих действиях руководствовался совсем другими мотивами. Если эти мотивы, это своеобразие мнений и убеждений прокурор охарактеризовал как политическую незрелость и неустойчивость, то за политическую незрелость и неустойчивость нет уголовной ответственности».

CODE: TE, КТО РЕШИЛСЯ ВЫЙТИ 25-ГО АВГУСТА 1968 Г. НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ
ITEM: БЫЛИ НЕ ОДИНОКИ. ЗА НИМИ СТОЯЛИ ТЫСЯЧИ ДРУГИХ

151

В 1976 году С. Калистратова уйдет из адвокатуры; за участие в правозащитной деятельности переживет пять обысков. Семь лет над нею будет висеть уголовное «дело», прекращено оно будет лишь в 1988-м... за год до смерти.

За оправдание своих подзащитных выступают и адвокаты Владимира Дремлюги и Константина Бабицкого — Н. Монахов и Ю. Поздеев.

Лариса Богораз, отказавшись на время суда от услуг адвоката, защищает себя сама. Она пытается объяснить, что заставило ее выйти на площадь, но эти объяснения никак не могут устроить судью и прокурора. Речь Л. Богораз неоднократно прерывается требованиями «не пропагандировать свои взгляды», «не излагать свои убеждения». Подсудимая объясняет суду, что убеждения ее, как и любого нормального человека, гораздо шире того, о чем она вынуждена говорить: «Для себя я не прошу ни о чем, — произносит она в конце. — Прошу обратить внимание суда на вопрос о мере наказания для Делоне». И вновь судья ее обрывает: «У каждого подсудимого есть свой адвокат, говорите о себе».

О себе Л. Богораз скажет в последнем слове, в последний день судебного заседания.

«Я люблю жизнь и ценю свободу, и я понимала, что рискуя своей свободой и не хотела бы ее потерять».

Я не считаю себя общественным деятелем. Общественная жизнь для меня далеко не самая важная и интересная сторона жизни. Тем более политическая жизнь. Чтобы решиться на демонстрацию, мне пришлось преодолеть свою инертность, свою неприязнь к публичности...

Я оказалась перед выбором: протестовать или промолчать. Для меня промолчать — значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать — значило для меня солгать. Я не считаю свой образ действий единственно правильным, но для меня это было единственно возможным решением.

...Именно митинги, радио, сообщения в прессе о всеобщей поддержке побудили меня сказать: я против, я не согласна...

Последнее слово предоставляется Павлу Литвинову.

«...Для меня не было вопроса, выйти или не выйти. Как советский гражданин я считал, что должен выразить свое несогласие с грубейшей ошибкой нашего правительства, которая взволновала и возмутила меня, — с нарушением норм международного права и суверенитета другой страны».

...Прокурор называет наши действия сборищем, мы называем их мирной демонстрацией. Прокурор с одобрением, чуть ли не с нежностью говорит о действиях людей, которые задерживали нас, оскорбляли и избивали. Прокурор спокойно говорит о том, что, если бы нас не задержали, нас могли бы растерзать. А ведь он юрист! Это-то и страшно».

Последнее слово Вадима Делоне.
«Я понимал, что мое положение особое. И что обвинение, безусловно, воспользуется этим, если против меня будет возбуждено дело. В отличие от других подсудимых я знал, что такое тюрьма... Однако я все-таки вышел на демонстрацию... Это лишь доказывает, что я действовал с глубокой убежденностью в своей правоте... Я понимал, что за пять минут свободы на Красной площади могу расплатиться годами лишения свободы».

Суд удаляется на совещание.

Сегодня, когда вынесены все приговоры, и время, о котором идет речь, названо «застойным», нетрудно припомнить день и час, обозначившие неуклонное сползание страны в трясину беззаконий, лицемерия, лжи. Ночь с 20 на 21 августа. С этой поры начинаются равномерное и жестокое удушение культуры, идеологические погромы, экономический развал. Обиженные XX съездом неосталинисты восприняли «чешские события» как сигнал к действию, и пошли по нашим городам и весям проработки, исключения, аресты, ссылки, высылки... Конечно, все это происходило и раньше, но такой размах и силу в новейшей истории приобрело лишь с августа 1968 года.

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ... Суд выносит приговор, который вполне совпадает с требованием прокурора Чудес не бывает и отныне не будет.

Суд приговорил Дремлюгу В. А. к трем годам, Делоне В. Н. — к двум годам и десяти месяцам лишения свободы; Литвинова П. М. — к пяти годам, Богораз Л. И. — к четырем годам и Бабицкого К. И. — к трем годам ссылки.

Подсудимые получили свое. Получили по заслугам. Находившиеся в зале представители общественности Москвы с одобрением встретили приговор суда. Пусть наказание... послужит серьезным уроком для тех, кто может быть, еще думает, что нарушение общественного порядка может сходить с рук. Не выйдете! (А. Смирнов, «Вечерняя Москва», 12 октября 1968 года.)

Приговор был странным: статья, по которой судили демонстрантов, не предусматривала ссылки.

Верховный суд РСФСР подтвердил все вынесенные приговоры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Виктору Фаинбергу, а впоследствии и Наталье Горбаневской другие суды «назначили» принудительное психиатрическое лечение — приговор, едва ли не более жестокий, чем лагерь. Освободившись, оба в разное время покинули страну, ныне живут во Франции. Вадим Делоне, отбыв срок, вышел на свободу, но тут арестовали его жену, Ирину Белгородскую. Платой за ее свободу была совместная эмиграция. Он умер в Париже 35 лет от роду. Владимир Дремлюга получил в лагере второй срок, освободился, уехал в США. В США живет и Павел Литвинов. Лариса Богораз и Константин Бабицкий проживают в Москве.

Пора ставить точку. Впрочем, у читателя может возникнуть вопрос: а почему все-таки они вышли на площадь? Неужели ради «пяти минут свободы», за которые потом якобы не жаль заплатить годами ссылки, заключения, изгнания, исковерканной жизнью, наконец? Согласимся, это не всем понятно. Да ведь и страшно, наверное, было. «Я боялась, — признается Лариса Богораз, — и за себя, и, более всего, за близких, но иначе не могла».

Демонстрация на Красной площади была актом отчаяния. Отчаяния такой глубины и силы, что оно перевесило, превозмогло страх перед оскорблениями, побоями, тюрьмой. Они были и остались очень разными людьми, но в те августовские дни одно и то же чувство

CODE: ТЕ, КТО РЕШИЛСЯ ВЫЙТИ 25-ГО АВГУСТА 1968 Г. НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ
БЫЛИ НЕ ОДИНОКИ. ЗА НИМИ СТОЯЛИ ТЫСЯЧИ ДРУГИХ

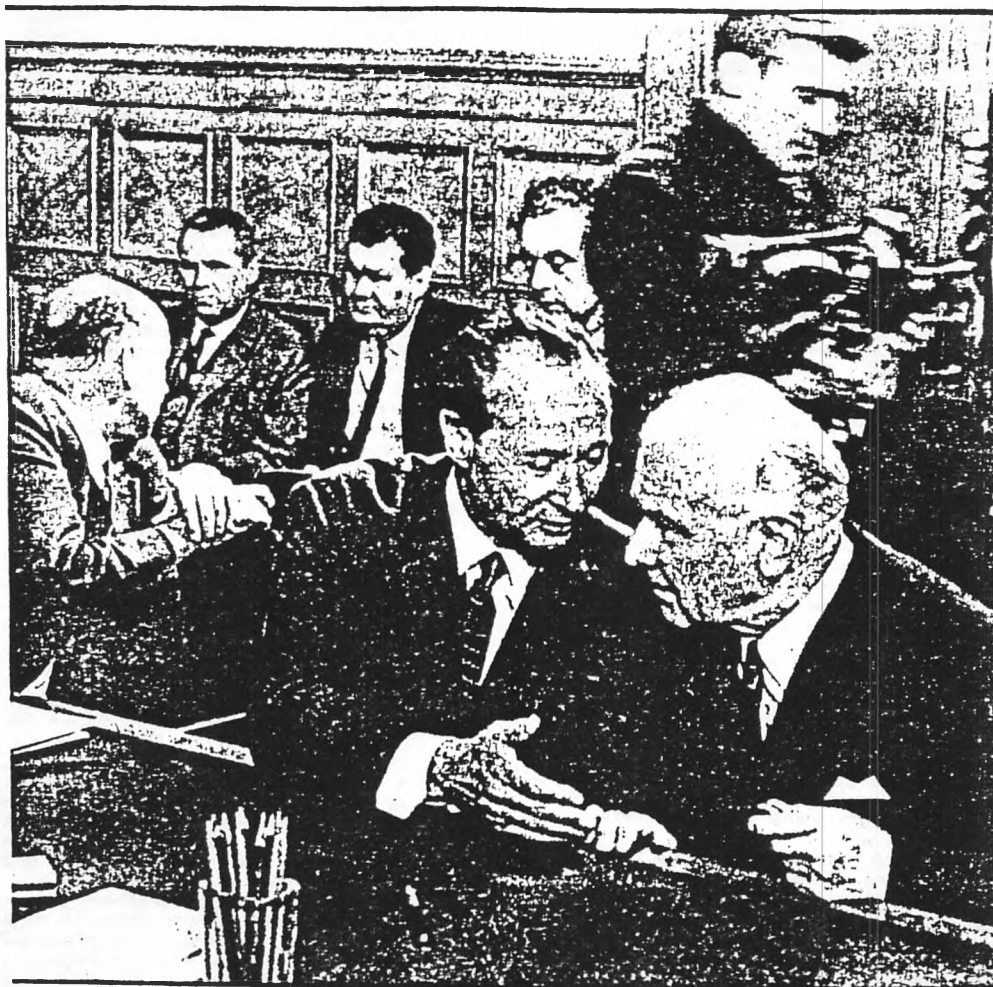
ITEM: -----

/с/

объединило их. Они вышли на площадь не потому, что рассчитывали что-либо изменить, а именно потому, что никакой надежды на это уже не было.

«Не ругайте нас, как все нас сейчас ругают. Каждый из нас сам по себе так решил, потому что невозможно стало жить и дышать» Эти слова Л. Богораз написала 25 августа 1968 года. «И не пишите о нас, как о героях, мы были обычными людьми», — добавляет она 21 год спустя. Но это не мешает мне восхищаться их жертвенностью, мужеством, благородством.

...Александр Дубчек, Людвик Свобода и все члены правительства были доставлены в Москву.

CODE:

ITEM:

КОММЕНТАРИЙ К ОТЧЕТУ ГОСТОРГИНСПЕКЦИИ о КАЧЕСТВЕ ТОВАРОВ
НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В 1-м квартале 1989 года.

ИЗВЕСТИЯ

№ 199

17 июля 1989 года

Статистика и наш комментарий

ЕЩЕ РАЗ О КАЧЕСТВЕ...

Госторгинспекция Министерства торговли РСФСР подготовила обзор качества товаров народного потребления в I квартале 1989 года. Здесь отмечается, что из-за выработки недоброкачественной продукции было издано 323 приказа о прекращении выпуска либо о введении особого режима приемки товаров. Из отчетов о выполнении планов реализации продукции исключено товаров на 6 миллионов рублей. За систематическое нарушение нормативно-технической документации 65 дел направлены в следственные органы.

Сколько уж лет боремся мы за качество! И сколько приемов применяли в этой борьбе! Чего стоит, например, Знак качества, означавший всего-навсего, что изделие соответствует техническим условиям... Или же — индексы «М», «СМ», позволявшие резко увеличивать цены на товары без заметного улучшения их потребительских свойств...

Боролись и боремся, а качество между тем становится все хуже. И об этом убедительно свидетельствует подготовленный Госторгинспекцией обзор. Многие факты, приведенные в нем, вызывают не просто тревогу — они вынуждают бить во все колокола.

Судите сами. Из всего количества проверенных в первом квартале швейных изделий забраковано или снижено в сортности 24,3 процента. Кожаной обуви — 22,9 процента. Электронагревательных приборов — 29,2 процента. Мебели — 47,1 процента — почти половина!

Бросается в глаза еще одно грустное обстоятельство. Показателями того же периода прошлого года были лучше. Вот вам и борьба за качество...

Нужно учесть, что проверка носила выборочный характер. Так что львиная доля некондиционной продукции ускользнула из-под контроля и поступила к покупателям, нанеся им огромный и нравственный, и материальный урон...

На многих страницах обзора перечисляются адреса предприятий-бракоделов.

Тульское торгово-промышленное объединение. Изготовленная здесь и поступившая в магазин № 1 местного объединения «Детский мир» партия пальто для девочек полностью снята с продажи из-за неудовлетворительного внешнего вида.

Зарайская обувная фабрика. В 1986—1988 гг. здесь трижды прекращалась приемка восьми различных артикулов обуви, применялись экономические санкции. Однако и в нынешнем году дела не улучшились, качество продукции остается низким. По

некоторым видам изделий брак превышал 60 процентов. Соответствующие материалы направлены также в Прокуратуру Российской Федерации.

Производственное мебельное объединение «Средуралмебель» Минлеспрома СССР. Дважды прекращалась приемка стульев и наборов кухонной мебели из-за производственных дефектов. По иронии судьбы и эта продукция имеет индекс «Н» и Знак качества...

Еще более удручающее положение с продовольственными товарами. Из общего количества проверенных хлебобулочных изделий забраковано или понижено в сортности 10 процентов, мяса — 19,6 процента, мясопродуктов — 27,3, колбасных изделий — 18,3, маргариновой продукции — 23,9, рыбных консервов — 18,3, безалкогольных напитков — 17,3 процента...

Чтобы не утомлять читателя цифрами, скажу: и здесь все показатели в 2—3 раза хуже, чем в том же периоде прошлого года. Стало быть, и здесь качество продукции катастрофически падает.

Рязский мясокомбинат Госагропрома РСФСР (Рязанская область) поставил в магазин № 6 Московского продторга партию диетической (!) колбасы 1-го сорта в количестве 562 килограммов. Вся партия была признана нестандартной.

Неоднократно браковалась и понижалась в сортности продукция Воронежского молкомбината Госагропрома РСФСР. Проверка выявила грубые нарушения технологических процессов на предприятии. Так, розлив молока осуществлялся неотрегулированным автоматом, охлаждение сметаны в танке и ее созревание не производились, выработка творога велась с нарушением температурного режима.

В торговой сети неоднократно браковались безалкогольные напитки Юргинского пивзавода (Кемеровская область).

И таких примеров — сотни. По всем видам продукции. По предприятиям и Госагропрома РСФСР, и Министерства хлебопродук-

CODE:

ITEM: КОММЕНТАРИЙ К ОТЧЕТУ ГОСТОРГИНСПЕКЦИИ о КАЧЕСТВЕ ТОВАРОВ
НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В 1-м квартале 1989 года.

тов РСФСР, и Министерства
рыбного хозяйства СССР, и Рос-
потребсоюза...

Конечно же, Госторгинспекция
делает очень полезное дело. Но
будем реалистами — ей одной
заслон браку не поставить. Раз-
ве способна подомать она общую
тенденцию — добиваться каче-
ства, жертвуя качеством?

Заглядывая вперед, можно с
уверенностью утверждать: толь-
ко социалистический рынок,
конкуренция между произво-
дителями товаров, хозрасчет-
ная система отношений по всей
цепочке «предприятие — торго-
ля — покупатель» поставят все
точки над «i».

Столь же очевидно, что
формирование социалистического
рынка займет не один год, ве-
роятно, и не одну пятилетку.
Для этого прежде всего надо
насытить его товарами. Так что
же делать? Сидеть, опустив ру-
ки, и ждать, когда все это
произойдет? Конечно, нет.

Ныне упразднен ряд союзных
министерств и ведомств. В част-
ности, Госагропром, Минлепром,
Минхлебпродуктов. Их пред-
приятия остаются в союзном
подчинении. Появятся новые воз-
можности для специализации и
кооперации родственных произ-
водств, их ускоренного техниче-
ского переоснащения, расшивки

«узких» мест. И если эти орга-
низационные меры будут соче-
таться с экономическими —
внедрением второй модели хоз-
расчета и арендного подряда,
если они будут подкреплены
развитием кооперативного дви-
жения, несомненно, качество
товаров удастся поднять на не-
сколько ступеней.

Наконец, снова приходится го-
ворить об укреплении дисципли-
ны и порядка на производстве,
ответственности за дело своих
рук, за качество своей продук-
ции. Неужели по-прежнему мы
будем мириться с тем, что нам
пытаются всучить испорченную
колбасу или фруктовую воду с
осколками стекла?

Во всем цивилизованном мире
за выпуск пищевой продукции,
способной причинить ущерб здо-
ровью людей, виновные предста-
ют перед судом. А мы? Может
быть, и нам не грех звать в та-
ких случаях на помощь прокуро-
ра?

Мы боремся... Но давно сказа-
но: не надо бороться за чистоту
улиц — надо их подметать. Не
надо бороться за качество това-
ров — надо просто хорошо их
делать.

Ю. Р'ИТОВ.

2.

CODE:

ДЕФИЦИТ ТОВАРОВ, УНИЧТОЖЕНИЕ ПРИРОДЫ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

ITEM:

НА 90% МОЖНО ОБЪЯСНИТЬ ДЕФИЦИТОМ КУЛЬТУРЫ В МАСШТАБАХ ОБЩЕСТВА

● Знамя юности ● 11 июля 1989 г.

Спасение — в нас самих

Я думаю так...

«У НАС, НА РУСИ, о культуре следует говорить бесконечно — и еще столько же». «Я не знаю ничего иного, что может спасти нашу страну от гибели». Столь смелые и актуальные слова были произнесены не с трибуны Съезда народных депутатов. Принадлежат они Максиму Горькому. Как же могло случиться, что его «Несвоевременные мысли», высказанные семь десятилетий назад, злободневны и сегодня, что подтвердил в своей съездовской речи академик Д. С. Лихачев: «Нам не удастся реформировать экономику, науку, общественную жизнь, продвинуть перестройку, если наша культура будет находиться на нынешнем уровне».

НЕУЖТО за семьдесят лет так и не произошло принципиальных изменений, и все прежние проблемы неистребимо живучи, как сорняки? А что же мировые достижения советских кинорежиссеров, артистов, писателей, — разве они не триумфальны? Бесспорно! Но посмотрите, какая запущенность рядом с этими шедеврами: истерзаннные бюрократическими удавками школы, библиотеки и музеи, ветшающие, будто ничейные, памятники культуры, — следствие варварского принципа, когда культуре, как нищему, дают то, что останется после пост-

ройки доми, мартелов и каналов. Второстепенное отношение к ней выразилось и в уродливо звучащем слове, насмех спрессованном из трех обрубков — соцкультбыт.

А в результате?

Мы до сих пор не можем себя досыта накормить, покупаем зерно и другие продукты за границей, у нас мало товаров, поэтому мы подвержены слухам, и, уловив очередной из них, готовы впрок завалить квартиру чаем, спичками, стиральным порошком. То там, то тут в стране вспыхивают межнациональные конфликты. Мы почти погубили природу. Объяснить эти факты, как и многие другие, на 90 процентов можно дефицитом культуры в масштабах общества: культуры личной, профессиональной, потребительской, — а отнюдь не пронками неких врагов. Если воспользоваться словами Максимилиана Волошина, мы преобразили «весь мир, но не себя».

В далеком 1918 году один темный, но хитрый приспособленец заявил Горькому: «Я понимаю культуру как всякое стеснение человека». Вспоминается и другой исторический персонаж, рука которого при слове «культура» сама собой тянулась к пистолету. И если первому культура мешала плевать куда вздумается и ковырять вилкой в зубах, то его агрессивный единомышленник ненавидел производные культуры — свободу слова, мысли, духа. Поэтому в условиях тоталитарного государства культура становится первой жертвой. За примерами далеко ходить не надо — это фашизм, сталинизм. А разве не воинствующее бескультурье проявилось в стремлении класть на полку талантливые фильмы, отказывать в публикации честным книгам, запрещать снимать Андрею Тарковскому, пресекать любое инакомыслие, «захлопывать» из зала академика А. Д. Сахарова... Дальновиден был русский философ Г. П. Федотов, написавший: «Свобода есть поздний и тонкий цветок культуры».

РЕВОЛЮЦИЯ СДЕЛАЛА действующими силами истории огромные массы народа, которые самодержавие старалось удержать не только в повиновении, но и в невежестве. Чтобы народ был лучше — заботились мало, точно отметил Горький. Верхние слои общества царской России не спешили делиться своей культурой с простонародьем. Холопство, рабство были трагическим уделом народа, но во многом стали и его свойством. И неудивительно, что в 1917 году и позже в имениях жгли книги, рубили топорами роюли, загаживали ценнейшие коллекционные вазы Зимнего дворца и очень легко, без разбора ставили к стенке любого представителя просвещенных слоев общества, крестя всех «буржуями». В революции не только столкнулись классы, но и во всей своей страшной силе проявился выпестованный монархией антагонизм культуры и невежества. Горький, вышедший из самых низов, имел полное право сказать в июле 1917 года о своих соотечественниках: «Этот народ должен много потрудиться для того, чтобы приобрести сознание своей личности, своего человеческого достоинства, этот народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем, медленным огнем культуры».

CODE:

ДЕФИЦИТ ТОВАРОВ, УНИЧТОЖЕНИЕ ПРИРОДЫ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ
ITEM: НА 90% МОЖНО ОБЪЯСНИТЬ ДЕФИЦИТОМ КУЛЬТУРЫ В МАСШТАБАХ ОБЩЕСТВА

2

Через несколько лет после смерти Ленина в стране утвердилось новое, сталинское рабство, а затем эстафету принял брежневский бюрократический режим, продолжавший плодить безнравственность. Поэтому совершенно справедливо недавнее высказывание с трибуны Съезда депутата И. Друцэ о «духовной деградации» нашего общества. Но если Д. С. Лихачев выход из создавшегося положения видит в упорном будничном строительстве культуры, то писатель В. Г. Распутин предлагает издать закон об охране нравственности, юридически запретить пропаганду зла, насилия и пороков.

Можно, конечно, выставить такое заграждение, но исчезнут ли пороки? Скорее всего они уйдут в подполье. И потом, путь запретительства далеко не лучший, все мы это знаем как нигде и никто. Чего только у нас не запрещали — от генетики и узких брюк до Солженицына! Сегодня можно осудить конкурсы красоты — и снова оказаться в неудобном положении, ибо найдутся злые языки, которые ядовито посоветуют закрыть пляжи и сшить платье для Венеры Милосской.

Не запрещать Зло, а возвращать и укреплять Добро — вот на это надо направить силы общества. Чем больше хороших библиотек и школ, музеев и концертных залов будет у нас, тем благороднее станут люди и их развлече-

чения. На дешевку просто перестанут ходить. Над пошлостью будут дружно хохотать.

Кроме того, весьма сомнительно, что главный порок гнездится именно там, куда указывает В. Распутин: в рок-музыке, молодежных телепрограммах, «индустрии развлечений» и т. п., хотя эти явления далеко не безгрешны. Куда большей развращающей силой обладают антигуманная экономика, расхождение слова и дела у руководителей, реальное неравенство разных социальных групп перед законом. В этом отношении степень нравственности отдельного человека весьма зависима от степени нравственности государства.

Мы говорим о культуре, нравственности. А что это такое? Неужели некий свод правил или закон, который должен выполняться под страхом кары? Каков сам ход мыслей нравственного человека? Давайте отбросим предрассудки и откроем одну из самых старых книг человечества, поскольку верно заметил на Съезде писатель А. Лиханов: «Все нравственные устои уже придуманы за тысячу лет до нас».

Вспомним об искушении Иисуса Христа в пустыне, рассказанном в первых трех Евангелиях, когда он отказался от предложенной ему неограниченной власти над миром. Не в этой ли внутренней силе сопротивления губельным для духа соблазнам, которыми полна жизнь, и состоит нравственность? О том, что нехорошо красть, предавать, лгать, знают все, но далеко не каждый поступает по совести. Иногда неразумная безудержность желаний просто смешна. Например, страсть к накопительству. Говорят, что Сократ так удивлялся, глядя на множество рыночных товаров: «Сколько же есть вещей, без которых можно жить!».

Величайшим искушениям противостоял Ленин. Он благодаря своим редчайшим, гениальным способностям, наверняка легко сделал бы блестящую личную карьеру, нашли состояние и комфорт в любой стране мира. Придя к власти и пользуясь безграничным восхищением масс, Ленин мог бы поддаться искушению славой, стать диктатором. Но нам даже не приходит в голову допустить такой чудовищный вариант, зная нравственную силу этого человека.

А сколько существует «смелких» искушений! Например, возможность занять должность, хоть и не чувствуешь в себе необходимых способностей, осудить чужое мнение, не вникнув в него, проявить хамство к незащищенному, показать силу перед слабейшим... Как противостоять им? Издать соответствующие законы? Наверное, единственный верный путь здесь — развитие и укрепление демократии, гласности, строительство культуры. И Съезд народных депутатов — первая ласточка на этом пути.

Главное достижение Съезда в том, что нравственные люди на нем обрели голос, преодолели последний соблазн — страх «засветиться», сказав всю правду.

«Судьба Отечества в ваших руках, а она в опасности», — так закончил Д. С. Лихачев свою речь о культуре перед депутатами, перед народом. Прислушаемся к его тревожным словам.

Нина ЗЛАТКОВСКАЯ.

Е. Г. БОННЭР: УВАЖАЙТЕ СОБСТВЕННУЮ КОНСТИТУЦИЮ! ЗАБЫЛИ О
ЕЖЕГОДНОЙ РОТАЦИИ СОСТАВА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР!

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

№ 49, 28 октября 1990, - 7 р. 11

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Закон — не ворота, можно и объехать

БЕЗ КОНЦА ГОВОРИМ об уважении к закону, и уже столько их «нарботали» Верховный Совет СССР и остальные Верховные Советы, что учесть под силу только современному компьютеру. Вот и Александр Николаевич Яковлев в предыдущем номере «Московских новостей» в своем пространном и тревожном эссе пишет: «Демократия тем выше, чем беспрекословнее на деле сила закона. Это аксиома. Звучит, предстоит воспитать уважение к закону». Ни возразить, ни усомниться. И хоть о степени демократии в нашей стране пока говорить трудно, но кто-то же должен столкнуть с места процесс воспитания. Логичней всего, если это сделает высший законодательный орган — Верховный Совет, для начала просто сам выполняя закон.

Передо мной Конституция СССР с изменениями и дополнениями, внесенными Законом СССР от 1 декабря 1988 года на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва. Высший закон в стране и пока еще действующий. В статье III сказано: «Съезд народных депутатов СССР ежегодно обновляет одну пятую часть состава Совета Союза и Совета Национальностей». Статья эта не отменена и не изменена Съездом народных депутатов (только он вправе менять Конституцию). Значит, и она является действующей. Но если это так, то Верховный Совет СССР, избранный первым Съездом народных депутатов в июне 1989 года, в июне 1990 года всем составом во главе с председателем Анатолием Ивановичем Лукьяновым не только нарушил Конституцию, но и лишился своих полномочий высшего законодательного органа страны. А все законы, принятые им за последние пять месяцев, недействительны. Возникает вопрос: почему члены Верховного Совета СССР до сих пор не вспомнили об этом? И сам собой напрашивается ответ, что не хочется им самим себя «ротировать», несмотря на то, что среди них много достойных и уважаемых людей, что быть членом Верховного Совета теплей и уютней, чем просто народным

депутатом. И хочется им не в утешение сказать, что даже если теперь они спохватятся и сочинят какой-нибудь новый закон, отменяющий такую зловредную III статью, то это не поможет. Закон обратной силы не имеет.

В том же номере «Московских новостей» — статья председателя Комитета конституционного надзора С. С. Алексеева о преобразования собственности. Там сказано: «...теперь это можно сделать на прочной правовой основе. Есть законы о собственности». Нет, Сергей Сергеевич, законы, принятые Верховным Советом, нарушившим Конституцию и согласно ее букве и духу ставшим неправомерным, не могут быть «прочной правовой основой» чего бы то ни было.

Когда-то в день Конституции (старой, сталинской, а не новой, брежневской) 5 декабря на Пушкинской площади проходили демонстрации тех, кого тогда называли антисоветчиками за три слова их призыва: «Уважайте вашу Конституцию!». Не знаю, как меня назовут теперь. Но я обращаюсь почти теми же словами к народным депутатам, членам Верховного Совета, председателю Комитета конституционного надзора: «Уважайте нашу Конституцию!» Пока вы не воспитаете в себе уважение к закону, не надейтесь, что законы будут выполняться теми, кто вас избрал. И единственно, чего вы сможете добиться, — что весь народ, как и диссиденты эпохи застоя, заменит в приведенном мною призыве слово «нашу» на слово «вашу».

Чтобы не кончать на такой серьезной ноте, расскажу не байку, но был. Обычное судебное дело. По закону на содержание ребенка полагается 25 проц. заработка отца, но суд назначил алименты в твердой сумме. Мать сочла решение неоправданным и обратилась с жалобой в вышестоящие инстанции. Наставшая на соблюдение закона, она дошла до Л. Н. Смирнова, который тогда был председателем Верховного суда СССР, а он ей сказал: «Закон — не ворота, можно и объехать».

Кто спорит, конечно, тогда было можно. А сегодня?

Елена БОННЭР.

C11

blue-red

ТЕМ: "СЪЕЗД ТРЕТИРОВАЛ САМОГО ОТВАЖНОГО ПЕРЕСТРОЙЩИКА ЕЩЕ С ДОПЕРЕСТРОЕЧНЫХ ВРЕМЕН, В КАЧЕСТВЕ МИШЕНИ СВОЕГО "ПАТРИОТИЧЕСКОГО НЕГОДОВАНИЯ" ВЫБРАЛ АКАДЕМИКА САХАРОВА. ПРИЧИНА НЕ ТОЛЬКО В НЕЗНАНИИ - ОНА В ИСКАЖЕННОМ ПОНИМАНИИ ПАТРИОТИЗМА, В ПСИХОЛОГИИ ВЕРНОПОДДАННИЧЕСТВА И ВНУТРЕННЕГО ХОЛОПСТВА"

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 28, 9 июля 1989 г.

ТЕПЕРЬ, КОГДА МЫ ВСЕ — С ТРИБУНЫ — ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ, ВКЛЮЧАЯ И ТЕХ, КТО — ВНЕ ТРИБУНЫ — ПРОТИВ НЕЕ, НЕПЛОХО ИНОГДА ДЛЯ БОЛЕЕ ОСНОВАТЕЛЬНОЙ ОРИЕНТИРОВКИ ОТВЛЕКАТЬСЯ ОТ СПОРОВ ДНЯ И ВСПОМИНАТЬ, А КТО ЖЕ РАТОВАЛ ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ ДАЖЕ В ГОДЫ МАХРОВОГО ЗАСТОЯ, ВЫСТУПАВШЕГО ПОД ПСЕВДОНИМОМ РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ.

ЧЕЛОВЕК У ТРИБУНЫ

ИТЕМ: "СЪЕЗД ТРЕТИРОВАЛ САМОГО ОТВАЖНОГО ПЕЕРСТРОЙЩИКА ЕЩЕ С ДОПЕРЕСТРОЕЧНЫХ ВРЕМЕН, В КАЧЕСТВЕ МИШЕНИ СВОЕГО "ПАТРИОТИЧЕСКОГО НЕГОДОВАНИЯ" ВЫБРАЛ АКАДЕМИКА САХАРОВА. ПРИЧИНА НЕ ТОЛЬКО В НЕЗНАНИИ - ОНА В ИСКАЖЕННОМ ПОНИМАНИИ ПАТРИОТИЗМА, В ПСИХОЛОГИИ ВЕРНОПОДДАННИЧЕСТВА И ВНУТРЕННЕГО ХОЛОПСТВА"

121

Станислав КОНДРАШОВ

Таких героев-нонконформистов было наперечет. И самый известный — академик А. Д. Сахаров, который выступал с опасной по тем временам мировой трибуны, так как отечественную ему не давали, отечественная была занята другими ораторами.

И вслед за тем недавним временем первой половины восьмидесятых годов надо вспомнить и совсем свежие эпизоды, когда на Съезде народных депутатов большинство охотнее и чаще, чем других, третировало именно этого отважного перестройщика еще с доперестроечных времен. История под маской серьезности прячет, кроме прочего, дьявольскую иронию и любит выражать ее в столкновениях личностей. Вот и показала нам в качестве инициатора третирования афганского ветерана, а ныне городского комсомольского лидера, который стоял бы за трибуной на собственных ногах, а не на протезах, если бы тогдашние советские руководители послушались мятежно-опального академика и убрали войска из Афганистана.

Но знал ли ветеран, что в качестве мишени своего патриотического негодования избрал единственного в своем роде человека, который с самого начала и решительнее всех выразил протест против афганской авантюры? Знали ли те, кто поддерживал ветерана из рядовых, так сказать, депутатов?

Очевидно, объяснение не только в незнании. Оно, думается, и в искаженном понимании патриотизма, в той психологии вернопопданничества и внутреннего холопства, которая в принципе не хочет признавать правоты того, кто когда-то был преследуем как государственный ослушник, и которая ждет от него только послушания, только благодарности властям, его простившим, вернувшим из ссылки и даже приблизившим. «Неблагодарный» между тем, не смилив гордыню, по-прежнему, как самым святым, дорожит правом независимого суждения.

На примере А. Д. Сахарова не в декларациях, а на политической практике проверяются новые отношения власти к утверждающей свою самостоятельность личности,

новые отношения официальной идеологии и «инакомыслия». Будучи народным депутатом, он уже представляет частицу новой политической структуры. Но этого народного депутата за границей все еще теплее привечают, чем в Отечестве. И сразу после съезда Сахаров отправился (теперь это дается легко) в Голландию и Англию получать мантии почетного доктора права в разных университетах, в том числе в прославленном Оксфорде, где его аттестовали как «величайшего защитника прав человека». И там он говорил то же, что говорил на съезде, и то, что недоговорил, — с откровенностью и независимостью. Вот из его выступления в лондонском Королевском институте международных отношений: «Куда мы пойдем, еще неясно. Было бы ошибкой считать, что мы уже вступили на правильный путь. Он существует, но направление нашего дальнейшего развития будет зависеть от того, как будут развиваться события в ближайшие месяцы или, может быть, годы. В этих условиях призываю Запад проявить крайнюю осторожность во взаимоотношениях с Советским Союзом, потому что то, что сейчас выглядит как помощь, на самом деле может оказаться способом загнать болезнь внутрь и избежать необходимых политических перемен».

Как относиться к этим оценкам и советам, которые при имени и влиянии оратора на Западе могут сказаться на шансах получения там кредитов? Поставлю вопрос шире: для чего в конце концов нам нужен политический плюрализм? Для того, чтобы, продемонстрировав его наличие, на следующем витке спирали, убедив или принудив несогласное меньшинство, добиться привычного единогласия? Если это так, то мы имеем дело с непониманием сути демократии или с игрой в демократию.

Или плюрализм, в том числе и организационно оформленный, нужен на всех витках, навсегда как двигатель, от века существующий в парламентских демократиях, как самый эффективный способ более

ТЕМ: "СЪЕЗД ТРЕТИРОВАЛ САМОГО ОТВАЖНОГО ПЕЕРСТРОЙЩИКА ЕЩЕ С ДОПЕРЕСТРОЕЧНЫХ ВРЕМЕН, В КАЧЕСТВЕ МИШЕНИ СВОЕГО "ПАТРИОТИЧЕСКОГО НЕГОДОВАНИЯ" ВЫБРАЛ АКАДЕМИКА САХАРОВА. ПРИЧИНА НЕ ТОЛЬКО В НЕЗНАНИИ - ОНА В ИСКАЖЕННОМ ПОНИМАНИИ ПАТРИОТИЗМА, В ПСИХОЛОГИИ ВЕРНОПОДДАННИЧЕСТВА И ВНУТРЕННЕГО ХОЛОПСТВА"

точного выбора направления и темпов движения и нахождения истины во имя интересов разных общественных групп, всего народа? Плюрализм существует для работы, а не для демонстрационных сеансов на глазах своего населения и всего мира.

Сахаров считает, что на съезде не отнеслись достаточно всерьез ни к нему, ни к его (и не только его) предложению Декрета о власти. По этому — в ряду других — реальному факту он судит об ограниченной доселе результативности нашего демократического процесса. И делает свои выводы. Выехав за границу, найдя там внимательную авторитетную аудиторию и вслух высказав свои сомнения и предостережения насчет хода перестройки, он использует диапазон доступных ему средств политической борьбы. По старым меркам это антипатриотизм: перед «чужими» — о «своих» болячках, сор из избы. Но Сахаров неуязвим для таких обвинений. Более двадцати лет назад он преодолел распристраненное российское заблуждение, что истина и монополия на толкование патриотизма принадлежат начальству, и в самом существенном он доказал свою правоту. Время и ход развития советского общества рассудили в его пользу, отвергнув курс тех, кто притеснял его.

Международнику-американисту, мне в чем-то легче, чем другим, увидеть и выделить общечеловеческое в судьбе и взглядах А. Д. Сахарова. Существенными направлениями своей деятельности он напоминает мне о другом лауреате Нобелевской премии мира — американце Мартине Лютере Кинге. Да, страны разные и системы разные: Кинг мощно резонировал на американской сцене и вел за собой миллионы чернокожих и белых соотечественников; голос Сахарова в прежние времена не доходил до советских граждан из «немых недр» (так он однажды выразился) нашего общества, а горстка его единомышленников-правозащитников мыкалась по лагерям и специальным психлечебницам. Но за права человека советский физик бился с той же беззаветностью, что американский баптистский пастор — за

гражданские права негров. Один выступал против американской войны во Вьетнаме, другой — против советской интервенции в Афганистане. И, разумеется, обоих отличают истинно гуманистические, общечеловеческие устремления, которые создателю советской водородной бомбы присущи, пожалуй, даже больше, чем американцу. Кинга убили в возрасте 39 лет как раз в том бурном, многосложном 1968 году, когда под влиянием «пражской весны» 47-летний физик-ядерщик, переломив, казалось бы, состоявшуюся весьма благополучную судьбу, дебютировал на общественной сцене.

О Кинге еще тогда, по горячим следам я написал публицистическую книгу, но лишь совсем недавно два этих имени встали рядом в моем сознании. У нас, международных, не принято было интересоваться пророками в своем Отечестве, и только недавно я прочитал впервые первоначальный труд, с которого начались крестные муки А. Д. Сахарова, — «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Датировано июнем 1968 года.

Уже тогда Сахаров предлагал программу преобразования в нашей стране, и поразительно, в каком количестве элементов она совпадает с нынешней официальной программой перестройки. Например, Закон о печати и информации, «преследующий цель не только ликвидировать безответственную идеологическую цензуру, но и всемерно поощрять самоизучение в нашем обществе, поощрять дух бесстрашного обсуждения и поисков истины». В его тогдашних предложениях нет понятия плюрализм, но суть этого явления передают настойчивые призывы к свободе — мнений, дискуссий, совести. Гласность — одно из коронных слов. Права человека — один из главных акцентов, и с течением лет он усиливался, потому что права все больше уничтожались машиной подавления инакомыслия, а в представлении Сахарова, вполне справедливо, стали основой основ как для демократического внутреннего развития страны, так и с точки зрения международной репутации СССР, а значит, и надежности мирного сосуществования с Запа-

дом. Тогда же, в 1968 году, он предлагал «двести до конца — до полной правды... разоблачение сталинизма, всемерно ограничить влияние неосталинистов».

Академик не приписывал себе авторства этих мыслей. Они носились в воздухе и разделялись многими просвещенными советскими людьми. Он ссылаясь на гуманистов типа Альберта Швейцера и Лайнуса Полинга. Вот его исходные тезисы: первый — «разобращенность человечества угрожает ему гибелью»; второй — «человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода». Новое мышление присутствовало не в виде термина, а в генеральном направлении мысли автора: «Перед лицом опасности любое действие, увеличивающее разобращенность человечества, любая проповедь несовместимости мировых идеологий и наций — безумие, преступление. Лишь всемирное сотрудничество... отвечает интересам сохранения цивилизации».

Такой ход мысли, разумеется, не гармонировал с допуском к сверхсекретным военным разработкам. Практическим последствием стало отстранение автора от таких работ. Его «размышления» не нашли дорогу на страницы советской печати, но были охотно опубликованы на Западе, и в течение почти двадцати лет только таким окольным — и опасным — путем он мог пробиваться к соотечественникам; этот остракизм, длительная принудительная изоляция от своего общества, от своих сограждан и вынужденная опора на Запад и тамошние средства массовой информации определяли и жизнь, и способ общественного выживания Сахарова и, по-видимому, не могут не сказываться на его поведении и ныне.

Печать крамолы, поставленная брежневской цензурой, похоже, до сих пор не снята. Вот одно из объяснений и, может быть, главное того вопиющего незнания и непонимания, о которых я говорил вначале. И один из парадоксов наших дней — когда уехавших и умерших издают охотнее, чем оставшегося, живого и действующего, по всем критериям масштабного человека.

Между тем чтение и раннего, и нынешнего Сахарова, эволюция

ИТЕМ: "СЪЕЗД ТРЕТИРОВАЛ САМОГО ОТВАЖНОГО ПЕЕРСТРОЙЩИКА ЕЩЕ С ДОПЕРЕСТРОЕЧНЫМ ВРЕМЯМ, В КАЧЕСТВЕ МИШЕНИ СВОЕГО "ПАТРИОТИЧЕСКОГО НЕГОДОВАНИЯ" ВЫБРАЛ АКАДЕМИКА САХАРОВА. ПРИЧИНА НЕ ТОЛЬКО В НЕЗНАНИИ - ОНА В ИСКАЖЕННОМ ПОНИМАНИИ ПАТРИОТИЗМА, В ПСИХОЛОГИИ ВЕРНОПОДДАННИЧЕСТВА И ВНУТРЕННЕГО ХОЛОПСТВА"

его взглядов о многом заставляют задуматься. Это чтение историческое в том смысле, что помогает нам понять нашу современную историю. И про жизнь, про судьбу Сахарова уже можно сказать, что она — историческая. Ведь история как бы для самоиллюстрации отбирает незаурядных людей, чтобы через их судьбу, через их драму показать движение времени, свой собственный ход. И в некотором смысле на такое randevu с историей из живущих наших сограждан вышел один Андрей Дмитриевич Сахаров.

Вот из-под руки постороннего самый краткий конспект. Период 50-х и 60-х годов, можно сказать, героически: когда молодой, блестящий ученый почти мгновенно возносится на вершину славы, на Олимп избранных и облеченных властью (академик, трижды Герой Социалистического Труда) благодаря своему вкладу в термоядерную мощь державы. И тут же, частично параллельно, период первых сомнений и начала борьбы: когда он встревожен опьянением руководства этой мощью, неумеренными ядерными взрывами в атмосфере, от последствий которых, он знает, гибнут безымянные тысячи и тысячи людей, когда гуманист берет верх над физиком, поверяет бумаге свои «крамольные» размышления и из биллония судьбы превращается в оппозиционера, диссидента, на себе ощущающего иную мощь родного государства — мощь тотального подавления инакомыслия. Долгие застойные 70-е годы, частые «ату его!» с участием многих бывших коллег, смена образов и даже наград, демонтаж трижды Героя, у которого отбирают звезды, трудное рождение лауреата Нобелевской премии мира, не признанного в своей стране.

Не знаю, предвидел ли академик, опередивший время, что когда-то подтянется к нему его страна, но жить он продолжал в согласии со своей совестью и пониманием общественного и нравственного долга. Сильнейший акт протеста против ввода советских войск в Афганистан, ссылка в Горький, закрытый для иностранцев, чтобы окончательно лишить связи с миром, череда гнетущих дней и эпизодов...

Таков, чрезвычайно кратко и со стороны, Сахаров на фоне последних сталинских, а затем хрущевских и брежневских лет, в контексте истории нашего кризиса и своей жизни, и тех невидимых до поры до времени сдвигов в общественном сознании, которые заставили в конце концов — после смены трех генеральных секретарей за три года, после смены поколений у руля — предпринять попытку перестройки. И сейчас, если задуматься, нет символа перестройки более выразительного, чем Сахаров в очереди у трибуны и на трибуне съезда, еще три года назад бесправный ссыльный, а теперь народный депутат. И уже не один в поле воин.

В начале марта 1971 года он отправил памятную записку Л. И. Брежневу, изъявляя желание встретиться и обсудить те вопросы, которые стали ключевыми в наших сегодняшних реформах: гласность, создание государства, где правит закон, защита прав человека, отмена привилегий номенклатуры, другие принципы подбора руководящих кадров, ликвидация «выборов без выбора», экономическая реформа, взаимоотношения с национальными республиками, вопросы разоружения, включая согласие на проведение инспекции (тогда трижды крамола!) на национальных территориях. Его не удостоили ответа.

И вот теперь он в одном зале с людьми, которым Конституция верила высшую власть в стране, и М. С. Горбачев семь раз, он сам это подсчитал, дает слово вчерашнему диссиденту. Но что это? «Шум в зале» — бесстрастно фиксирует стенограмма, куда бесстрастнее, чем телеэкран со сценами, которые все еще свежи в памяти. Пять раз «шум в зале» за время десятиминутного выступления. И под конец трижды повторяет бесстрастная стенограмма: «Сахаров А. Д. — не слышно». Не слышно потому, что на трибуне выключен микрофон. И это, между прочим, тоже миг истории. Дай бог, чтобы он не наполнился пророческим смыслом по прошествии лет. Ораторов, конечно, много и времени, как всегда, мало, но этого, особенного оратора, надо бы все-таки слушать и слышать.

CODE: СССР

ITEM:

"И долго еще не избавиться мне, верно, от чувства жгучего стыда за минуты, когда «воинственно послушное» большинство громом аплодисментов пыталось заглушить голос совести" — ГОЛОС АКАДЕМИКА САХАРОВА.

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 25, 18 июня 1989 г.

3

Роальд САГДЕЕВ,
академик, народный
депутат СССР

ИСПЫТАНИЕ ДЕМОКРАТИЕЙ

Все значительное лучше видно на расстоянии — так же и Съезд народных депутатов СССР, о котором рано судить по большому счету, пока от аплодисментов еще неокот ладони рук.

Страна шла к этому съезду почти 72 года, сменив несколько поколений граждан и руководителей. Для меня это второй парламент: два года я провел в Верховном Совете, недавно сдавшем свои полномочия. Да и попал тогда старым способом: после трагедии с «Нахимовым» освободилось место от Одессы, на вакансию где-то наверху решили выдвинуть представителя более надежного вида транспорта — космического...

Сравнить с нынешним съездом тот Верховный Совет невозможно. Тогда при утверждении пресловутых указов о митингах, демонстрациях и спецвойсках в Совете Союза мой голос «против» оказался голосом вопиющего в пустыне. А теперь за предложение приостановить действие этих указов (пусть даже только на время съезда) голосовал 831 человек. Сдвиг гигантский, осо-

бенно если измерять его мерками личного опыта.

Мое поколение пришло из «оттепели» после культа личности. Осенью 1953-го на комсомольской конференции физиков, МГУ мы потребовали, быть может, первой в своей жизни перестройки — заменить преподавателей, сделавших карьеру на борьбе с космополитизмом и другими «вредными измами», и пригласить подлинных ученых. И мы тогда победили: в МГУ вернули тех, кто составлял гордость нашей науки. Среди них был академик Игорь Тамм, впоследствии нобелевский лауреат.

Со времени Октябрьской революции И. Тамм никогда не занимался большой политикой, но своим ученикам вместе с преданностью науке он завещал чувства гражданственности и гуманизма. Лучший из них — Андрей Сахаров — за мужественное открытое выступление против войны в Афганистане был сослан в Горький. Вот почему так горько было сейчас, на съезде, слышать патетическую критику в его адрес из уст жертвы этой войны. И долго еще не избавиться мне, верно, от чувства жгучего стыда за минуты, когда

«воинственно послушное» большинство громом аплодисментов пыталось заглушить голос совести. И если что помогает жить со стыдом в сердце, так это уверенность: теперь уже никогда не будет так, как было раньше.

Именно за это, за радикальную перестройку политической системы, за социализм для человека, выступали депутаты московской группы. А как приятно было видеть расширение ее географических границ, когда брали слово молодые депутаты из глубинки. И не следует, думаю, наклеивать ярлык оппозиции (и даже фракции) на тех, кто не хочет сузить перестройку до косметического ремонта силами бригады уже дискредитировавшей фабричную марку «сделано в СССР».

Много путей к успеху перестройки, а значит, и к совершенствованию социализма в нашей стране, предлагалось на съезде. Разных и привлекательных. Так стоит ли, думалось, городить вокруг альтернативных вариантов частокор с предостережением: «Осторожно, минное поле!»

Согласен: нелегко выбирать меж-

CODE:

ITEM:

И не следует, думаю, наклеивать ярлык оппозиции (и даже фракции) на тех, кто не хочет сузить перестройку до косметического ремонта силами бригады, уже дискредитировавшей фабричную марку «сделано в СССР».

121

ду существенно отличающимися друг от друга вариантами. Но не для того ли и вышли на идею демократизации поначалу, чтобы было из чего выбирать? Лучшее из лучшего. И разве не именно за такой плюрализм — самый настоящий, политический — борется наше общество, поднятое с колен Горбачева? Убежден, и после съезда особенно твердо — за такой. Во всяком случае гастрономический нам вред не угрожает в обозримом будущем.

Обидно, что ядро московской группы оказалось за бортом Верховного Совета, — отнесем это за счет издержек демократии и плюрализма. Но особенно жаль, что в этой политической борьбе проиграла экология, может быть, самые высокие из общечеловеческих приоритетов.

Впрочем, съезд на ходу утвердил демократии и недаром. Он утвердил уже ставшую печально знаменитой статью 10 из указа от 6 апреля 1989 года (это было и в моем наказе от избирателей), создал ряд важных комиссии и оставил поручения Верховному Совету, в том числе и поручение разобраться в истоках административной вонючки.

Как ученый, не могу не отметить столь внушительное представительство науки в нынешнем высшем органе власти. Если хотите, немного статистики: 79 научных работников, связанных с Академией наук. Сумеет ли только по-хозяйски распорядиться этим приобретением? Пока особого оптимизма на сей счет не испытываю. Но ведь мы только начинаем...

-БР-

CODE: СССР

ТЕМА: НА ГОРИЗОНТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ПОЯВИЛИСЬ ДЕСЯТКИ БЛЕСТЯЩЕ МЫСЛЯЩИХ ЛЮДЕЙ.
К СОЖАЛЕНИЮ, ОНИ ПОКА НЕ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 25, 18 июня 1989 г.

3

Егор ЯКОВЛЕВ,
главный редактор «МП»

СЪЕЗД И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА

Если бы год назад мне показали на экране то, что происходило еще вчера в Кремлевском Дворце съездов, я принял бы это за гениально выполненную мистификацию. И готов держать пари: не поверили бы и другие, даже те, кто был у начала политической реформы.

На поверхность политической жизни вырвался новый поток суждений, оценок, взглядов, требований. Нет, нам еще не удалось до конца отряхнуть с наших ног прах былого. Но, как никогда прежде, стало очевидным все негодное, отжившее, то, что еще вчера рядилось в одежды привычного и потому представлялось само собой разумющимся (сколько, например, прозвучало упреков в адрес руководителей партии, занявших ложу, отделяющую их от остальных депутатов, — прежде это никого не занимало).

Силу очистительному потоку дали те накопления, которые произошли за четыре года перестройки в душе народа. И уже только в этом, что бы ни говорили скептики, очевидная победа происходящего в стране возрождения, его высший смысл и его необратимость.

Двенадцать дней съезда были

днями: жесткой и обнаженной правды. Жесткой — но не жестокой, как не жесток врач, который пусть через боль и страдания, но освобождает больного от недуга. Обнаженной — но не стриптизом, как и сегодня называют гласность те, кто уверен: нам нужна только та правда, которая работает на нас. Они требуют комфортной, спецпредельительной правды, отождествляя личные интересы с интересами общества, условия своей жизни — с жизнью всех остальных людей.

Невероятно взметнувшаяся высь планка гласности, та мужественная радикальность, которая сопутствовала выступлениям многих депутатов, привела, говоря честно, в замешательство и нас, журналистов. Страницы газет, какими бы смелыми они в последние годы ни были, до такого критического уровня никогда не поднимались. Почему печать, так много сделавшая для утверждения гласности, находится сегодня в несомненной растерянности? Да потому, что у нее еще нет того прямого контакта с массами, какой есть у народных депутатов, она еще не подотчетна читателям в той мере, в какой подотчетны

своим избирателям депутаты, она еще не умеет и не может говорить до конца по совести, не подчиняясь приходящим обстоятельствам, от которых сумели освободиться многие депутаты. Мы еще раз убедились: правда и здравый смысл — лишь на прямой связи с массами, испорченный телефон здесь не годится.

Съезд принял на себя всю полноту власти. Вновь провозглашено: «Вся власть Советам». Но чтобы осуществить это на практике, нужно наполнить все капилляры нашей жизни теми демократическими началами, которые отставались на съезде и даже на нем, увы, далеко не всегда побеждали. Да, начал действовать верхний этаж политической реформы — собрание народных депутатов СССР. Но это лишь острейшие пирамиды, в предостии пути до ее основания.

О несовершенстве первого Съезда народных депутатов СССР сказано уже много, быть может, даже больше, чем о его значении, — это, конечно же, несправедливо. Самым тяжким, думаю, для всех была та конфронтация, которая происходила, не минуя буквально ни одного заседания, между большинством

CODE: СССР

ITEM: ДЕБАТЫ НА СЪЕЗДЕ ПОРОЙ НАПОМИНАЛИ ДИАЛОГ ГЛУХОГО
С НЕНЫМ

/2/

депутатов и радикально настроенным меньшинством их коллег. Дебаты на съезде порой напоминали диалог глухого с немым: один ничего не слышит, а другой лишен голоса. Но хочу отметить одно: куда больше оказывалось согласия, когда разговор выходил на конкретные проблемы, на конкретные пути выхода страны из кризиса. Вспомните хотя бы выступление депутата Николая Шмелева — по сути это был содоклад к выступлению Председателя Совета Министров Николая Рыжкова. Депутаты слушали, зажав дыхание, и аплодировали ему не группой, а весь зал. Шмелев размышлял о нашей конкретике — в ней, очевидно, и заложена база согласия, здесь и следует искать пути к консолидации.

Исчерпывающе говорить о значении съезда пока еще рано. Примерно так же, как нельзя, например, сегодня определить в полной мере влияние этих двенадцати дней напряженнейшей политической жизни на миллионы и миллионы людей, не отходивших от экранов телевизоров. Лично для меня решающей особенностью съезда стало то, что на горизонте нашей политической жизни появились десятки неведомых прежде имен — людей, великолепно мыслящих и блистательно излагающих свои мысли.

К сожалению, съезду не сумел оказать им равного доверия: среди назначений, которые определяли депутаты, не оказалось новых имен, новых политических лидеров, которые лишь впервые на последних выборах заявили о себе. Впрочем, с первого захода такого и не бывает. Непременно будут новые заходы, если удастся нам не только сохранить демократические начала прошедшего съезда, но и продолжить их. Это необходимо.

CODE:

ITEM:

ТЕРРОР В 1920 году: ПЯТЬ ЭПИЗОДОВ ИЗ
АРХИВА. ПУБЛИКАЦИЯ РАБОТНИКА ЦГАОР: В ЧЁМ ОТЛИЧИЕ
ОТ СТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА?

(1)
("Собеседник" № 3, январь 1990 г.)

Лицо диктатуры, или Пять этюдов о контрреволюции 1920 года

О революции и контрреволюции, о красном и белом терроре, о суровых императивах и упущенных возможностях спорят сегодня много. К сожалению, в этих спорах иногда больше эмоций, нежели фактов. Мы начинаем разговор с фактов. Во время гражданской войны в Советской России действовали военно-революционные железнодорожные трибуналы. В Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства сохранились их следственные дела по т. н. политическим преступлениям — агитация против Советской власти, контрреволюционные действия и т. п. Читая — без комментариев — наиболее типичные обвинительные документы из этих дел, можно понять: каким государственным аппаратом на общество нацелась в нашей стране не в тридцатые годы, а гораздо раньше: «простые и надежные» средства борьбы с недовольными широко вошли в практику правоохранительных органов еще в годы «военного коммунизма».

Этюд первый.

КЛЕВЕТА

Из постановления военного следователя Реввоенжелдортрибунала.

«21 июня 1920 г. кочегар Рогов говорил военнопленным, возвращавшимся из Германии, что «здесь все отбирают, и в деревнях отбирают последний хлеб, ничего не оставляя крестьянам», и что поэтому «мы все ездим на Украину за хлебом и таким образом существуем, а если бы не ездим, то давно пропали». Приговор — 6 месяцев принудительных работ за распространение ложных сведений».

Этюд второй.

СОМНЕНИЕ

Из постановления военного следователя.

«3 июня 1920 г. на ст. Тарусская Московско-Курской железной дороги во время остановки рабочего поезда на платформе собралась толпа народа и беседовала по вопросу о положении рабочих... В это время смотревший из окна вагона гр. Шельяков Ефим — токарь главных мастерских, слышавший беседу, вмешался в нее и сказал: для рабочих власть всегда будет плохой, и разницы нет между правительствами Николая, Керенского и Советов, и что как Керенского прогнали, так погонят и большевиков».

Приговор — 6 месяцев принудительных работ в концентрационном лагере за антисоветскую пропаганду.

Этюд третий.

ДИСКРЕДИТАЦИЯ

Из постановления военного следователя Реввоенжелдортрибунала Московско-Курской железной дороги.

«17 июля 1920 г. на станции Серпухов... инженер Зимборский вступил с рабочими в разговор, который... сводился к тому, что у власти в настоящее время находятся большевики, которые, по его, Зимборского, мнению, разделяются на две категории: идейных большевиков, «они все-таки хорошие», и примазавшихся, «они вредят делу». Как иллюстрацию этой

своей мысли Зимборский рассказал рабочим о том, что недавно в г. Курске Ревтрибунал судил начальника уголовной милиции и коменданта г. Курска, причем у последнего при обыске было отобрано 4 миллиона керенских денег, а у начальника милиции 15 фунтов золота и столько разного имущества, что на его перепись потребовалось 7 часов времени, причем, когда на судебном процессе Ревтрибунала полностью выяснилась степень виновности этого начальника милиции и его присудили к высшей мере наказания (расстрелу), то он заявил, что судьи, которые его осудили, — такие же мошенники, как и он, и что Троцкий — то же жулик и Ленин — сволочь».

Приговор — заключить в тюрьму с обязательными принудительными работами

сроком на пять лет, но, принимая во внимание преклонный возраст (54 года) и долголетнюю службу на железной дороге, наказание заменить, отправив гражданина Зимборского на два года принудительных работ по месту службы за распространение заведомо ложных провокационных сведений с целью дискредитирования власти рабочих и крестьян.

Этюд четвертый.

ПЛЮРАЛИЗМ

Из постановления следователя районной транспортной чрезвычайной комиссии.

«Машинист Чикин, прикрываясь честным именем коммуниста, вел сильную агитацию в прифронтовой полосе среди паровозной бригады, а также среди других масс, указывая им, что в Красной Москве рабочие больше не верят большевикам, так как там на митингах не дают говорить т. Ленину и в Александрове т. Каменеву, крича: «Довольно Вам нас вводить в заблуждение. Мы уж от Вас слышим второй год те же самые слова, а на деле-то Вы ничего не показали», сопро-вождая все это криком, свистом и топанием ногами.

Добавляя от себя: «Ну что нам принесла Советская Власть, кроме разрухи и голода, смотри, до чего у нас доведен транспорт, нет ни одного годного паровоза, а также и вагона, и рабочие не хотят работать, почему это? Да потому только, что они ненавидят эту власть. У нас может наладиться только тогда, когда сбросим эту Власть, назначим Учредительное Собрание, допустим всех к власти, как, например: генералов, буржуев, помещиков и поручим управлять одному лицу, только тогда будет у нас порядок, наладится жизнь и будет доверие за границей и тогда у нас не будет голода. А теперь посмотри, до

CODE:

ITEM: ПЯТЬ ЭПИЗОДОВ ТЕРРОРА В 1920 году

(2)

чего доведены: дети стали совсем чахоточные. Хотя допустили бы к власти капиталистов, ведь все равно власть будет в наших руках, если не понравится наш уполномоченный, то мы можем в 24 часа выбрать другого, ведь все равно Ленин один держит власть и не допускает к ней буржуев, вот поэтому-то у нас и ведется война, и нам ее без Учредительного Собрания не кончить. Что же касается газет, то не верь им: они врут, что белые расстреливают, это ложь, там живут те же люди и более образованные, более сознательные, не как наши управители: у нас не начальство, а какая-то шатия...»

Следствием доказано, что гр. Чикин имел при себе прокламацию Английского Главнокомандующего Северным Русским Экспедиционным Корпусом генерала Айроисайд, которую читал среди паровозной бригады, а также и прочей массы, которая приложена в настоящем деле. Кроме того, документально доказано, что машинист Чикин 1 сентября на ст. Лепеша задержал воинский порожний поезд непроизводительно на 1 час... мотивируя свой отказ идти дальше неполучением хлеба, на что не имел должного ордера... Также гр. Чикин уличен в незаконном пользовании хлебных ордеров... Заключение: «Машинисту Чикину, как белогвардейскому агенту, применить высшую меру наказания».

(Обвинение в незаконном получении хлеба и злостной задержке поезда не подтвердилось, в результате чего расстрел был заменен 6 месяцами тюрьмы. — В. К.)

Этюд пятый.

ПРОПАГАНДА

Из заключения следователя участковой транспортной чрезвычайной комиссии при станции Алатырь.

«6 марта 1920 г. смазчик депо Сигуров, проезжая в поезде в одном из вагонов, в котором находилось 18 человек, приносил, что все Советы — грабители, выразился также против коммунистов и дважды назвал тов. Троцкого собачьей душой».

Приговор — 6 месяцев тюремного заключения за антисоветскую пропаганду.

Выводы? Их читатель сделает самостоятельно. При чем здесь 1930-е годы, не говоря уже о других временах? Что такое — шесть месяцев тюремного заключения в сравнении со сталинскими сроками? Но кажется мне, что дело не в сроке, не в мере наказания. Они легко варьировались — в зависимости от генеральной линии. Но — за что судили? Что называли политикой, контрреволюцией, антисоветчиной? По сути, то же, что и десять, и двадцать, и сорок, и пятьдесят лет спустя. Этакая линия преемственности. Судили, заметим, именно рабочих и крестьян. Такая вот диктатура пролетариата...

Владимир Кишилов,
сотрудник Центрального государственного архива Октябрьской революции.

CODE / ITEM:

DAY MONTH YEAR

ПАРТИЙНЫЙ ЖУРНАЛИСТ А. ИЛЬИН ЗАЩИЩАЕТ РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА
КПСС ОБ ОБВИНЕНИИ В ИХ БЕЗРЕЗУЛЬТАТНОСТИ со стороны
Б. ЕЛЬЦИНА, "Дем. платформы", Г. ПОПОВА, А. СОВЧАКА и т.п.

ПРАВДА 21 июля 1990 года

"Дискуссионный листок

№ 52-

= Общество — Партия — Перестройка =

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

Лукавил ли классик?

Кому как, а вот мне страшновато последнее время заглядывать в книги классиков русской, да и мировой словесности. Все кажется, будто и классики не те — специально идеологической цензурой огорожены для таких, как я, простаков; и герои их, жаль, тоже вросли калибровочную машину: кои попроче да поудейнее — в нам беспрепятственно допущены, другие же, кто позамысловатее, не то иной раз делает и не то, что нам хочется, говорит, — те прямихонько угодили в круг если не запрещенных, то уж наверняка не рекомендуемых... Не бежать ли в еще сохранившийся спецхран — почитать неизвестного Чехова, Толстого, Достоевского, не говоря уж об их менее знаменитых коллегам?

ВПРОЧЕМ, пора и пояснить, почему вдруг такая боязнь на меня навалилась, чем вызваны все эти сомнения и опасения.

Да вы возьмите, к примеру, чеховский том, перечитайте заголовочные повести «Мужики» и «В овраге», сравните с тем, что пишут сегодня многие наши писатели и публицисты о чуть ли не идеальной жизни дореволюционной, дооктябрьской русской деревни, и перед вами тоже встанет вопрос: кому верить? Классику, которого в школе «проходили», либо нашему современнику, который и устно, и печатно, и в радиозфире, и на телеэкране уверяет неистово, что в бедность мужика, прежде кормившего хлебом всю Европу, только и исключительно с Октября берет исток, что и «овраги» появились у нас аккурат после революции...

Восхищаясь бескорыстным самоотречением придуманной Достоевским Совечки Мармеладовой, мы, выходя, напрасно возмущались нищетой и забитостью отверженных обитателей петербургского «дна», доведших ее до жизни такой; да к чему-то в идеологической зашоренности замечали еще, что и Родиона Раскольников толкнула на преступление не одна только голая «наполеоновская» идея, но и крайняя бедность и мерзость существования...

Неужели, думаешь, и в самом деле лукавили классики, и все то, от чего сдрогало сердце у великих русских писателей, не более чем «пропаганда» для самооправдания действий большевиков, якобы толкнувших народ на бессмысленный, не оправдавший себя октябрьский эксперимент, который завел нас в тупик? Неужели все наши классики, с большой душевной изображавшие невозможность жить в темном царстве старого мира, тоже «заангажированы» неким всесильным прокоммунистическим идеологическим ведомством?

Конечно, читатель не столь наивен, чтобы за нарочитой хрестоматийностью примеров не разгадать ход мысли автора, не спросить в упор, ради чего он прибегнул к столь почитаемым именам. Поясню: тут нет злого умысла или желания спрятаться

за спинами великих, а мысль моя бьется над современным противоречием: зачем мы в стремлении переделать жизнь свою в лучшее находим порой так далеко, что и очевидное в прошлом и настоящем принимаем за мираж и, напротив, мираж подчас выдаем за самую что ни есть непререкаемую историческую очевидность? Зачем в конъюнктурных колдовращениях тщимся все наново перемерить да перепахать на свой лад?

ИСТОРИЯ сегодня уже перестала быть сферой научного интереса лишь только специалистов-знатоков; она ежедневно и ежечасно врывается в наши злободневные дискуссии, и прежде малоизвестные нам исторические факты становятся аргументами в сиюминутных спорах о том, кто мы, по совести ли живем и как нам дальше жить. Горько сознавать, что столь долго мы были подлинной своей историей лишены. Но столь же горько, поверьте, когда сегодня, по неведению ли, по умыслу, вместо одних торосов неправды множим другие, не менее опасные. Когда вместо прежних идеологических иллюзий плодим новые, якобы деидеологизированные...

Долгие годы нас уверяли, будто бы подлинная история нашего Отечества начинается лишь с 1917-го, что послеоктябрьский

путь был прямым неуклонным восхождением и что партия Ленина «нас от победы к победе ведет». Сейчас мы знаем, что историю нельзя переписывать заново, по собственному, так сказать, желанию, как часто делалось до сих пор. И что не след нам отрешиваться ни от чего, что было, что прожито и пережито народом и в предоктябрьские времена. Но почему же порой забываем, что точно так же неблагородно бездумно перечеркивать историю народа и партии советских лет, видя в ней только деформации и черные пятна? Пусть бывали на нашем пути и трагедии, и отступления, и опасные повороты — нельзя огульно вменить во всем миллионы коммунистов, большинство которых жили одной, нерасторжимой жизнью со своим народом, деля с ним и радость побед — а они были! — и горечь утрат и жестоких поражений.

Столь характерное для многих сегодняшних «властителей дум» стремление отделить КПСС от народа, поставить ее в унизительное положение виновницы всех бед цепляющейся до сих пор за рычаги тоталитаризма, тоже имеет свою историю, и она, если честно и непредвзято ее исследовать, очень многому может нас научить. Тому, например, что охотников устраивать скорый суд над Лениным постигла

ПАРТИЙНЫЙ ПУБЛИЦИСТ ЗАЩИЩАЕТ ПОЗИЦИИ КПСС

(2)

отнюдь не счастливая судьба — будь то зарубежные недоброжелатели с их неизменной ненавистью ко всему советскому или Сталин, расправившийся с ленинским наследием и свершивший по сути насилие и над логикой Октябрьской революции, и над народом, который поверил большевикам и пошел за ними.

История подсказывает, что и лозунг «Советы без коммунистов», провозглашаемый кое-кем сегодня как чуть ли не единственный выход из кризисной ситуации, тоже не нов в не так безобиден, как нас стараются уверить «демократы» жавой волны.

Я ДУМАЛ об этом, когда вместе с притихшим залом Кремлевского Дворца съездов слушал зачитываемое В. Н. Ельциным заявление о выходе из КПСС.

Принадлежность к партии, говорилось в нем, помешает Председателю Верховного Совета РСФСР исполнять свои обязанности главы законодательной власти республики, выражать и учитывать интересы ее народов.

Не склонен с маху оценивать поступок человека, над которым он долго размышлял; в недавнем интервью корреспонденту «Правды» Борис Николаевич говорил о том, как нелегко дается ему окончательное решение... Ценю и то, что в его заявлении нет уничижительных слов о КПСС, чего, впрочем, не скажешь о его предыдущих и последующих выступлениях. Не вижу беды и в том, что российский парламент возглавит беспартийный — в конце концов не принадлежность к той или иной партии, а дела в интересах народов нашей крупнейшей республики станут главным критерием для миллионов людей.

И все же зачем надо было дожидаться едва ли не завершающего дня XXVIII съезда КПСС, чтобы именно здесь, в Кремлевском Дворце, при полном зале заявить о своем столь ответственном решении? Представляю себя на месте делегатов-свердловчан, только что, после долгих раздумий и споров, выдвинувших Ельцина в новый состав ЦК и теперь вместе со всеми следивших как одиноко покидает он зал заседаний партийного съезда, покидает навсегда... Знали ли они о его намерениях? Логичнее предположить, что свердловские коммунисты связывали с Ельциным свои надеж-

ды на ускорение процессов демократизации, обновления партии — процессов, не желать которых может сегодня разве что уж совсем отставший от жизни, от времени человек.

Если кто, возможно, и ждал от Ельцина этого шага, так скорее всего те представители Демплатформы, которые и до съезда не скрывали своих намерений погромче хлопнуть дверью. Ельцин был нужен им как популярный в стране человек, как неординарная личность, могущая придать их групповому «выделению» из КПСС значение крупного события.

Можно как угодно именовать большинство делегатов XXVIII съезда — в наклеивании хлестких ярлыков мы и впрямь, что

называется, «вперед планеты всей». И сам я далек от мысли однозначно оценивать людей, собравшихся в съездовом зале. Они принесли сюда, пожалуй, все те настроения, какими болеет наше общество: и растерянность перед экономическими неурядицами, и тревогу за будущее Союза ССР, сотрясаемого всплесками международной розни, и подавленность прямыми атаками на КПСС, еще совсем недавно стоявшую вне критики... Кто-то, наверное, испытывал и ностальгию по прошлому, по уходящей прямо из рук монополии на власть, а значит, и на безоговорочно прочное положение в руководящем кресле. Не сбросишь со счетов и обеспокоенность событиями в странах Восточной Европы... Были и захлопывания негодных ораторов, и шум в зале, мешающий говорить и слушать, и злые реплики по адресу политических руководителей, что, конечно же, невозможно ни понять, ни тем более оправдать.

Но как журналист, находившийся в Кремлевском Дворце съездов все дни работы партийного форума, могу засвидетельствовать неоспоримое желание многих и многих делегатов, в том числе и из дальних мест, из глубинки, по-настоящему разобратся в происходящем, выслушать и попытаться понять неформальные и нетрадиционные точки зрения. Немало сторонников приобрела на съезде Марксистская платформа, один из ее лидеров — А. В. Бузгалин из МГУ избран членом ЦК КПСС. Оживленно реагировала аудитория и на далеко не однозначные выступления представителей ленинградского Инициативного съезда РКП — реакция тоже была неоднозначной: от шумной поддержки аллодисментами до нескрываемого возмущения. Предоставили съездовскую трибуну и Демплатформе, причем в отличие от Л. И. Абалкина и М. А. Ульянова, которых пытались «захлопать», особых эмоциональных выплесков в это время никакой сейсмограф не смог бы зарегистрировать.

Группа «ДП», от имени которой было оглашено заявление о разделении КПСС и намерении создать «новую демократическую парламентскую партию», видимо, рассчитывала усилить «эффект Ельцина». Получилось, на мой взгляд, скорее наоборот — эта декларация с обвинениями съезду произвела впечатление фарса, театрального «выстрела» из ружья, которое, по классике, должно было разрядиться в конце последнего акта. Декларация не стала неожиданностью: и по высказываниям в прессе до и в ходе съезда, и по поведению некоторых делегатов со значками «ДП» в Кремлевском Дворце, особенно после попытки В. Н. Лысенко призвать делегатов поддерживать требования политической стачки шахтеров об отставке правительства, можно было составить представление о готовящемся демарше.

В репортажах со съезда мы уже писали о том, что «демократы», подписавшие заявление, добросовестно следовали зара-

нее разработанному «сценарию», ища удобный предлог для эффектной концовки. Последующие события показали их нежелание замечать эволюцию съезда в сторону демократизации; как стало известно, некоторые из них не склонны признавать его решения, платить членские взносы и намерены, не выкладывая партбилеты, вести агитацию за сколачивание новой партии на базе Демплатформы. Возможно, вскоре во многих местах появятся эмиссары «ДП» с целью регистрации ее сторонников. Хочется верить, что их словесные ухищрения не обманут коммунистов, что попытка раскола партии не пройдет.

К ОКОНЧАНИЮ съезда приурочили свое заявление о выходе из КПСС и Г. Х. Попов с А. А. Собчаком. Личное дело председателя Советов столицы и города на Неве — оставаться им в партии или быть вне ее. Но вот мотивы... «XXVIII съезд КПСС, — пишут они, — с которым в партии и народе связывалось столько надежд, продемон-

стрировал полную неспособность КПСС предложить стране реальную программу перехода к новому обществу».

ПАРТИЙНЫЙ ПУБЛИЦИСТ ЗАЩИЩАЕТ ПОЗИЦИИ КПСС

(3)

Первую цитату для краткого комментария. Попов на съезде не был, отсутствовал он и при оглашении в Моссовете — по его поручению — совместного заявления. Собчак же, будучи делегатом, имел возможность активно отстаивать демократические перемены и в партии, и в обществе. Однако активность свою проявлял в основном в кулуарах, давая многочисленные интервью, и, кажется, совсем не рвался к трибуне. Памятуя его напористость на съездах народных депутатов СССР, в Верховном Совете страны, это было на Собчака не похоже. Выходит, все было заранее predetermined?

Затем, уже после заявления, и тот, и другой его авторы выступили и по Московскому, и по Ленинградскому телевидению с комментариями своего «хода». Да, признал Попов, съезд был большим шагом в развитии КПСС, Горбачев мастерски нейтрализовал консерваторов... Что ж, хоть это полупризнание, но все же. А что говорилось в том, оглашенном еще до полного завершения съезда заявлении? «Большинство делегатов съезда отказалось поддержать то, что уже поддержано народом: отказ от классово-вражды, приоритет общечеловеческих ценностей, переход к рыночной экономике, к многообразию форм собственности, включая частную собственность граждан, решительную демократизацию партии, отказ от монополии КПСС на средства массовой информации, передачу всей власти Советам, передачу большей части государственной собственности и партийного имущества гражданам».

Позвольте, позвольте: где, в каких документах XXVIII съезда КПСС могли Г. Х. Попов и А. А. Собчак все это обнаружить? Ни в одном из принятых на съезде большинством голосов решений ничего подобного вы не найдете. Ни ставки на классовую вражду — к этому не призывал взпрямую ни один оратор, ни умаления приоритета общечеловеческих ценностей. Об этом четко сказано в Программном заявлении съезда.

Речь шла, правда, об учете и отстаивании КПСС интересов людей труда, их социальной защите. После острой дискуссии, в борьбе разных взглядов, поддержаны съездом и переход к рыночной экономике, и многообразие форм собственности и т. д. и т. п. Предостережение против упований на рынок отражено в стенограмме именно как точка зрения меньшинства. Перечитайте Резолюцию по Политическо-

му отчету ЦК КПСС или Программное заявление XXVIII съезда, новый Устав партии — везде не только провозглашается курс на демократизацию, но и заложены, пусть пока и не во всем совершенный, механизм обеспечения власти партийных масс. И резолюция о средствах массовой информации КПСС посвящена только партийной прессе, а отнюдь не всем существующим ныне в стране печатным органам — где же тут речь о монополии? О передаче всей полноты власти Советам и говорить не приходится — это азы перестройки, начатой еще в апреле 1985-го. И все, что сделано в этом плане для укрепления полновластия Советов, сделано не вопреки, а благодаря перестроечным силам в партии, силам, которые и сейчас, после съезда, разворачивают работу по дальнейшему обновлению КПСС, налаживая к взаимной пользе сотрудничества с советскими органами в центре и на местах.

Детально обсуждались на съезде, причем впервые, вопросы бюджета и имущества КПСС, использования средств партии, накопленных поколениями коммунистов. И на сей счет приняты решения, объективно учитывающие современные реалии, место и роль КПСС в современной политической структуре.

Можно ли, не кривя душой, говорить о неспособности КПСС к обновлению? Ведь по существу съезд положил начало процессу ее возрождения в новом облике как партии идеи, способной стать передовой идейно-политической силой общества в его движении к гуманному, демократическому социализму.

Чем больше размышляешь над «заявлением» двух «эмров», тем все более крепнет ощущение, что и здесь мы имеем дело со своего рода «домашней заготовкой», сработанной на случай провала съезда, победы на нем консервативных тенденций. В этом смысле съезд не «справдал» надежд тех, кто проводил заранее прочерченную линию на раскол. Ну и что, ничуть не смущаются «демократы», тем хуже для съезда. Все равно, дескать, оставаться в КПСС — значит оставлять иллюзию у народа, что она, мол, что-то может...

Наша противоречивая история — вернемся к ней — учит, что противопоставление партии и Советов добра не сулит. Ни тогда, когда партийные органы подменяют Советы, лишая их реальной власти. Ни сейчас, когда по принципу «от противного» иные «избавчики» пытаются устранить КПСС с политической арены. Новый диктат ничуть не лучше старого, отжившего. Нужна совместная конструктивная работа. И обнадеживает, что вопреки холодным ветрам конфронтации такой подход намечается и в Москве, и в Ленинграде, и везде, где здравый смысл берет верх над эмоциями.

И ПОСЛЕДНЕЕ, о чем хочется сказать, завершая эти заметки. Американский публицист Майкл Давидов с горечью писал в «Правде» о проявлениях антикоммунизма, с которыми, к крайнему своему удивлению, он столкнулся в СССР. Ряд недавних митингов-манифестаций с лозунгами «Долой КПСС!» и другими экстремистскими заявлениями ораторов, в том числе и недавних коммунистов, показывает, насколько серьезна эта опасность. Тем более — в обществе, где и без того крайне напряженная социально-экономическая атмосфера, где скудные прилавки магазинов, межнациональные конфликты, экологические «взрывы» раздражают людей, делают их восприимчивыми к разного рода скоропалительным призывам.

Разве это — не серьезнейшее предостережение тем, кто за деревьями не видит леса, кто ради политических эмбиций готов пойти ва-банк? И не шадит ли нашей истории, безжалостно искажая ее на новый лад, ни нашего настоящего, в котором всем нам, не чинясь и не сваливая вину друг на друга, пора спокойно и обстоятельно разобраться. Разобраться, чтобы найти желанный путь выхода из кризиса, занять достойное место в ряду действительно цивилизованных и процветающих государств. Будем же помнить, что будущее прорастает из настоящего.

Это, кажется, тоже сказано кем-то из классиков. Из тех, кого в лукавстве никак не упрекнешь...

Александр ИЛЬИН.

"ТАРАН КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ" - ВЫСШИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
СОВЕТ РОССИИ ВО ГЛАВЕ С МИХАИЛОМ БОЧАРОВЫМ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

15.08.90 № 33 (5307) 9

Михаил БОЧАРОВ:

500 дней

С Михаилом
БОЧАРОВЫМ,
народным
депутатом СССР
и РСФСР,
председателем
Высшего
экономического
совета
России
беседует редактор
литературно-
публицистического
отдела
Ирина РИШОВА

3 АЯВИВ: «Мы имеем шанс
придать больший динамизм
процессу обновления России,
и упустить эту историческую воз-
можность мы не имеем права».
— Б. Ельцин явно стремится упор-
но, упрямо, целенаправленно —
тут все слова к месту — сформировать
и законодательную, и исполнительную
власть из людей не только компетент-
ных, но и способных идти на таран
Командно-Административной Систе-
мы, вот именно — таран. Она же в сво-
ей многоопытности до того изощрена,
хамелеониста, что, кажется, только
какие-то невиданные силы смогут ее
одолеть. И все же с каждым новым

прибавлением и ельцинской коман-
де надежды на это прибавляется.

Как известно, на первом Съезде на-
родных депутатов РСФСР было ре-
шено учредить Высший экономиче-
ский совет России, так вот, Президи-
ум Верховного Совета, по предложе-
нию Б. Ельцина, утвердил — все бы-
ли «за» — председателем ВЭС М. Бо-
чарова. Я спросила сразу после засе-
дания члена Президиума, председа-
теля Комитета по экономической ре-
форме и собственности, зам. главного
редактора «Вопросов экономики»
С. Красавченко: каковы функции со-
вета?

— ВЭС — координатор, консультант,
разработчик, эксперт...

— А почему во главе Бочаров?

— Я думаю, что выбор, сделанный
Президиумом, оптимален. Бочаров
показал себя нонатором в экономике,
инициативным, деятельным полити-
ком. Не являясь ученым в узком
смысле слова, он очень восприимчив
ко всему новому и в науке, и в прак-
тике, не боится эксперимента, готов

НАДЕЖДЫ И РИСКА

реализовывать самые смелые идеи.
И — что тоже важно — он вы же
помните, будучи одним из претенден-

тов на пост Предсовмина, изложил
программу, которая в значительной
степени принята нынешним премьер-
министром.

...Помню, конечно, и программу, и
дебаты вокруг нее: например, выступи-
ление «против» В. Севастьянова —
на следующий после выборов день
случайно стала свидетелем продолже-
ния его с Бочаровым спора. И не мо-
гу согласиться, как объясняется кое-
кем причина этого неизбрания: ответы
на вопросы подвели. Тут, по мое-
му, ближе к истине те, кто считает:
«Голосовали не против Бочарова,
голосовали против доводов.
Как системы изменения представле-
ний о мире», «Подвела», не устроила
позиция. Именно об этом — о пози-
ции, поддерживая кандидатуру Бо-
чарова, говорил от имени членов МДГ
Г. Фильшин: «Его принципиальные,
глубокие выступления на Верховном
Совете Союза создали определенное
мнение, определенное отношение к
нему». Напомню одно: степенно, как
положено, обсуждалась повестка
дня — и вдруг: «Только один воп-
рос об устройстве СССР!.. Иначе

ни один закон не будет работать —
их будут игнорировать. Что мы тогда
будем делать? Войска вводить?..» Как
показали дальнейшие события, он
был абсолютно прав. Неужели оста-
нется невостребованным, думалось

"ТАРАН КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ" - ВЫСШИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
СОВЕТ РОССИИ ВО ГЛАВЕ С МИХАИЛОМ БОЧАРОВЫМ

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

15.08.90 № 33 (5307) 9

12/

в те июньские дни, организаторский, предпринимательский дар этого человека, авторитет которого зиждется не только на его остром слове, но и на его подвижнических делах, что, естественно, в особой цене — первый арендатор в промышленности, создатель концерна «Бутэк»... И вот этот беспокойный Бочаров получает государственную точку для приложения своих сил.

— На первом Съезде народных депутатов России вы сказали: «...Время для постепенных преобразований оказалось упущенным. Теперь только быстрота, радикальность и конкретность могут привести к намеченной цели...» Какую роль в этом будет играть ВЭС?

— Главная его задача — воздействовать на ход реформы, способствовать переводу экономики на рыночные рельсы. Создается он при Президиуме Верховного Совета, и тем самым определяется его статус.

— Сверхзадача ВЭС, как я понимаю, — оказывать содействие главе российского парламента в реформаторских начинаниях!

— Совершенно верно. Программа Ельцина, его курс на радикальные изменения четко обозначены, утверждены Съездом, и, безусловно, основная цель ВЭС — содействовать Председателю и Президиуму Верховного Совета в реализации этого курса. Подобного рода экономические советы существуют, кстати, в структурах власти США, ФРГ... — практически всех развитых государств. У нас такого органа не было. Чем вызвана необходимость его создания? Опыт работы союзного парламента — его комитетов, комиссий — и правительства показал, что возникающие между ними разногласия устраняются с большим трудом, иногда это длится чуть ли не месяцами. Скажем, правительство представляет какое-то предложение, проект закона, а Верховный Совет по ряду причин отвергает или требует серьезных изменений, дополнений. И принятие решения надолго затягивается. И наоборот, Верховный Совет выносит на рассмотрение сессии законоположение, а у правительства на этот счет нет четкой концепции. ВЭС будет помогать стыковке законодательных органов и исполнительной власти всех уровней. Причем не только осуществлять их координацию, но и отлаживать с помощью специалистов некоторые стыковочные узлы.

Для нас главное — это разработка стратегии и тактики внедрения в экономику рыночных методов, чтобы допустить как можно меньше ошибок. Механизм для быстрого внедрения должен быть продуман со всех сторон, иначе получится, как с Законом об аренде, над которым в Верховном Совете СССР ломали головы, наконец приняли, а он не работает. Требуется механизм, запускающий его в действие. При этом предусмотреть следует не только возможности перехода на аренду, но и санкции и там, кто сдерживает эти возможности. Мы не дадим кардинальную экономическую реформу, если к моменту принятия законов одновременно с ними не будут явлены механизмы воп-

лощения их в жизнь. Разрыв не должен быть, этот фактор — жесткие сроки — необычайно важен сегодня.

Могут привести и такой пример. Вот принял союзный парламент Закон о налогообложении. Депутаты требовали 35 процентов, ибо нельзя подавлять экономический интерес предприятия, нельзя убивать курицу, которая несет золотые яйца. Правительство устанавливало 55 процентов. Сошлись на 45 процентах ставки.

— А что бы мог сделать тут ВЭС?

— Составить документацию, которая убедила бы, что в подобном варианте принимать закон вообще нецелесообразно. Нельзя сегодня так обобщать. Есть приоритетные направления, есть дифференциация налоговых систем по видам деятельности, есть серьезная проблема существования микрокредитных и убыточных предприятий, кроме всего, нет системы ценообразования — вот о чем идет речь. И ВЭС, существуя он на союзном уровне как посредник между исполнительной и законодательной властью, был призван, на мой взгляд, не допустить ошибки — принятия такого закона; ведь он повлечет массу серьезных недовольств.

Говоря о координации деятельности органов власти всех уровней, я имел в виду, конечно, и местные. В этом направлении ВЭС уже сделал первый шаг. Только что мы с народным депутатом РСФСР В. Исправниковым вернулись из Кемерово, где промышленники, экономисты, руководство области посчитали необходимым создать местный экономический совет. Прямая его связь с ВЭС позволит, не теряя времени — за что, повторяю, мы особенно бьемся, —

"ТАРАН КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ" - ВЫСШИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
СОВЕТ РОССИИ ВО ГЛАВЕ С МИХАИЛОМ БОЧАРОВЫМ

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

15.08.90 № 33 (5307) 9

128

оперативно решать острые проблемы. Я уверен, что местные экономические советы возникнут и в других регионах.

— ВЭС возникает в раскаленной атмосфере забастовочного движения. Кузбасс — горячая российская точка. Перестройку начинали ради человека, а человек замотан, задерган, удручен. Но уже не молчит, как видим, созрел для публичных протестов. А Солженицын в публицистическом обращении «Жить не по лжи!» (1974 год) писал: «На Западе люди знают забастовки, демонстрации протеста — но мы слишком забиты, нам это страшно: как это вдруг — отказаться от работы, как это вдруг — выйти на улицу!.. Не призываемся, но созрели мы идти на площади и громогласить правду...» Теперь правду, слава богу, громогласят, но к чему приведут стачки! Уж очень тревожно становится.

— Впервые у нас в стране прошла стачка, которая не требовала: повысьте зарплату! Дайте продукты! Она носила политический характер. Лозунги рабочих свидетельствуют, что половинчатые,

уклончивые экономические меры ничего не устроят, терпению приходит конец. В Кемерове состоялась наша встреча с рабочими комитетами, руководителями Советов области и Новокузнецка. Вместе мы выработали конструктивные решения, и ВЭС тут же подготовил проект для рассмотрения в парламенте и правительстве. Они касаются изменений в структуре управления: необходимо предоставить шахтам реальную возможность выйти из-под диктата ведомств и самим решать свою судьбу, и прежде всего распоряжаться хотя бы частью продукции — тем углем, который так тяжело достается шахтерам. Пусть они

сами определяют: создать ли акционерное общество, выкупить ли предприятие... Теперь уже не до дискуссий, не до рассуждений: социалистическое — не социалистическое предприятие, социалистический — несоциалистический рынок, надо энергично, не мешкая, переходить к делу. Кузбассовцы поставили перед ВЭС целый ряд вопросов, и прежде всего это проблема строительных кадров, из-за чего срывается реконструкция предприятий, возведение жилых домов, больниц, детских садов... Мы подготовили проект постановления, который предоставляет возможность строителям работать на договорной ос-

нове. Теперь можно регулировать оплату, в зависимости от сроков исполнения поднимать ставки и т. д. Поездка выявила серьезнейшие проблемы шахтерского края, и ВЭС намерен и в дальнейшем помогать в их разрешении.

— А состав ВЭС уже определен!

— Формируется. Он, конечно, соберет авторитеты — крупных ученых-экономистов, организаторов производства, промышленников, аграриев, народных депутатов, юристов, социологов, психологов...

— Слушая вас, я вспомнил, как, рассказывая о себе, закончил индустриальный техникум, высшие инженерные курсы, учился в технических вузах Серпухова и Норильска, вы подчеркивали: «Но более всего ценю юридическое образование, за плечами юрфак Красноярского университета, уверен, что без гуманитарных знаний сегодня невозможно обойтись ни в какой сфере деятельности, без общей культуры нет сильного профессионала ни на производстве, ни тем более в политике». Так что наличие гуманитариев в ВЭС меня не удивляет. Но вы не упомянули предпринимателей. Было бы странно, если бы ВЭС не использовал опыт деловых людей, будь то Св. Федоров или А. Тарасов.

— Федоров выразил согласие стать членом ВЭС, Тарасов тоже будет постоянно участвовать в его работе. И когда среди членов совета я назвал организаторов производства, то имел в виду и их, и других, как вы верно сказали, деловых людей, предпринимчивых, с новаторскими идеями, смелыми подходами. В ВЭС сейчас подбираются, кроме того, консультанты — эксперты по всем направлениям. Они будут участвовать в отдельных временных акциях. Необходим анализ пожарной ситуации — подключается группа специалистов. Другая может вести, например, экспертизу определенных моментов, связанных с разграничением полномочий между Союзом и РСФСР. Еще одна группа займется, скажем, оценкой возникающих международных программ, ведь теперь в юрисдикцию России переходит внешнеэкономическая деятельность. Взаимоотношения с иностранными государствами по предоставлению и использованию кредитных ресурсов,

"ТАРАН КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ" — ВЫСШИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
СОВЕТ РОССИИ ВО ГЛАВЕ С МИХАИЛОМ БОЧАРОВЫМ

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

15.08.90 № 33 (5307) 9

141

так же как и экономические контакты с нашими республиками, — это тоже входит в компетенцию совета.

ВЭС, как я уже сказал, орган и координирующий, и консультационно-разрешительный, и экспертный. Рассмотрев, изучив разные концепции, подчас полярные взгляды на какой-либо процесс, он может выявить, отобрать самое ценное и наилучший вариант, основательно, глубоко проработанный, представить правительству как рекомендательное предложение. Считаю, что, никого не дублируя, совет будет тесно сотрудничать и с экономическими структурами парламента, и с экономическими ведомствами правительства, потому что цель у всех одна: чтобы люди как можно скорее ощутили, что их жизнь реально меняется и лучше.

Трудовые коллективы должны, конечно же, обрести полную хозяйственную самостоятельность, как каждый из 300 предприятий — членов нашего концерна «Бутэка».

— Уже столько! А в январе, когда вышло постановление о нем Совмина СССР и в брала у нас интервью, их было 28, и это казалось много.

— Интерес к «Бутэку» по всей стране большой. Я смотрю на рождение концерна как на прецедент создания нового экономического механизма, некоего мини-рынка, который вызывает сегодня столько беспокойства в умах. Приватизация собственности; свободное функционирование средних и мелких предприятий — а без них рынок просто немисляем, они в своей совокупности образуют рыночную среду, нормальную, конкурентную обстановку; отлаживание новой налоговой системы — и для предприятий, и для отдельных лиц; создание коммерческих банков; уход от монополии Внешэкономбанка; выкуп предприятий и т. д. ... На первые наработки «Бутэка», а здесь дале-

ко не все движется гладко, и это естественно, потому что наш концерн — опытное поле, где ведется поиск оптимальных, практических мер, мы опирались при составлении программы «500 дней».

— Хотя об этой программе говорил Б. Н. Ельцин и она «прозвучала» на сессии Верховного Совета России, все-таки

сложито, пожалуйста, еще раз о ее четырех этапах. Ведь сегодня она представляет интерес уже не для одной только России, а для всего Союза.

— А ведь она, собственно, так и задумывалась, в расчете не на одну только Россию.

Вот схема ее этапов.

Первый этап — 100 дней. Подготовительный. Объявление программы. Пропаганда. Ряд символических мер. Ревизия национального богатства, оборонной промышленности. Организация и законодательная подготовка следующего этапа реформы. Разработка системы социальных гарантий. Начало осуществления разгосударствления собственности. Предупреждение об отмене дотаций и субсидий. Критерий перехода к следующему этапу: завершение методологической, организационной, законодательной подготовки реформы.

Второй — 100—250 дней. Приватизация. Отмена субсидий и дотаций. Переход на принудительную аренду. Ликвидация и укрепление отраслевых министерств. Банковская, налоговая, бюджетная реформы. Введение антимонопольного законодательства. Законодательное и организационное обеспечение следующего этапа. Критерий перехода к следующему этапу; получение государством 200 млрд. рублей в результате мероприятий по приватизации и др.

Третий — 250—400-й день. Запуск рыночного механизма. Снятие в основном государственного контроля за ценами. Введение системы социальных гарантий (карточная система, индексация, целевые программы помощи и др.). Допущение глубокого спада в базовых отраслях экономики, регулирование безработицы, регулирование инфляции — с целью резкой структурной перестройки экономики. Критерий перехода к следующему этапу: 400-й день независимо от экономического положения для достижения видимых положительных результатов к концу действия программы. Достижение точки замедления спада в базовых отраслях экономики.

Четвертый — 400—500-й день. Стабилизация. Резкое включение селективных стабилизационных программ правительства: централизованные капиталовложения для ликвидации диспропорций; использование накопленных резервов и импортных ресурсов для регулирования (снижения) уровней потребительских цен, корректировка социальных программ и др.

blue-red

"ТАРАН КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ" — ВЫСШИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
СОВЕТ РОССИИ ВО ГЛАВЕ С МИХАИЛОМ БОЧАРОВЫМ

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

15.08.90 № 33 (5307) 9

— У подобного подхода, конечно, есть союзники. Вот, например, я читала: гарвардский профессор экономики Джеффри Сакс рекомендовал «нанести очень четкий и энергичный график, отчетливо показывающий, что и когда будет сделано в следующие несколько лет». Но знаете, Михаил Александрович, красное число «300» может вызвать и такой вопрос: не пахнет ли мне манипуляцией! Еще ничего, по сути, не начали, а уже объявляется, за какое время можно «вылечить» экономику. Зачем такие точные календарные сроки!

— Ну что ж, основания для недоверия, конечно, есть. Народу столько раз обещали заведомо невыполнимое... И все же — «цыпят по осени считают», хотя мы намеревались это сделать после каждого этапа. Прошло сто дней — отчет перед народом: что выполнено, что не получилось, что мешало... 250 дней миновало — снова отчет, анализ, все называется своими именами. Люди должны знать: это мы сегодня делаем, а это — завтра, то есть мы ставим программу под контроль общества. Над программой трудилась команда специалистов — молодежь, неординарно мыслящие ученые и практики. За основу взяли программу «400 дней», ко-

торую подготовил со своими помощниками Г. Явлинский. Он в те дни работал в Совмине СССР в комиссии у Л. Абалкина. Теперь, вы знаете, он заместитель Предсовмина РСФСР, председатель Государственной комиссии по экономической реформе. Мы тогда эту программу существенно дополнили, внесли коррективы, изменили сроки, она трансформировалась в 500 дней — примерно столько времени, на наш взгляд, надо для перехода на нормальную, то есть рыночную систему с высокой социальной защищенностью всех слоев населения.

— Получается, что если бы вы не выступили с программой на Съезде, то о ней, может быть, и не знали бы, она не имела бы столь широкой огласки!

— Почему работу Явлинского не использовали, не развили в абалкинской комиссии, мне неизвестно. Я очень доволен, что программа «500 дней» получила резонанс, что ее взяли за основу союзной концепции перехода к рыночной модели. Теперь экспертная группа детально изучит ее, даст свои рекомендации. Разумеется, может быть не 500, а 530 дней, суть не в этом. Просто, в считаю, нет другого пути, мы обяза-

ны четко определить сроки и приоритеты и взять на себя персональную ответственность за исполнение. Я бы не хотел быть обруган миллионами людей, если бы не сдержал слово. Вот именно моральная сторона, очень немаловажная, потребовала от меня просто как человека такого, и только такого подхода. Я готов был рискнуть головой, своим именем, практически всем, что сделано за жизнь. Не случайно программе дано название «Мандат доверия на 500 дней».

Представляя эту программу Верховному Совету России, я говорил, что она требует доработки, но это уже prerogative нынешнего Совмина. Естественно, и ответственность за исполнение на нем.

— Михаил Александрович, но вам ли, практику, не знать, что самые совершенные модели рушатся под натиском реальных обстоятельств! В программе предполагается, что в первые сто дней произойдет инвентаризация государственного имущества, начнется легализация частной собственности и т. д. в старье, еще крепкие кадры Системы, в мафиозные силы — они что же, не будут саботировать, сдадут позиции без боя!

— Трудности действительно будут возникать, и их, кстати, должен гасить и ВЭС, и прежде всего налаживанием той самой стыковки исполнительной и законодательной власти, о которой я уже говорил. Трудностей нас ждет много. В том числе надо преодолеть стереотип мышления, но и это предусмотрено российской программой. Все надо протестировать, предопределить четкий механизм преодоления различных неожиданностей. Много будет зависеть от постановлений нового парламента и нового правительства. У России есть колоссальные ресурсы, они позволяют уложиться в 500 дней, и природные ресурсы — золото, алмазы, лес, нефть, газ, руды и земля, и есть еще интеллектуальный потенциал, пока еще есть...

— Пока вы говорили по телефону, я взяла на вашем столе книгу Ю. Карякина «Достоевский и канун XXI века» (кстати, неужели вы еще успеваете книги читать, тем более такие!), в там на первой странице слова Достоевского: «...тут мысль, всего более меня занимающая: в чем наша общность, где те пункты, в которых мы могли бы все, разных направлений, сойтись!» — классики, они всегда вовремя высказываются.

— Демократические силы непременно должны объединяться. Сотрудничество, сотворчество — без этого мы, естественно, не продвинемся ни на шаг. В экономике нужна радикальная реформа, альтернативы нет. Исполнительная власть призвана с первого дня начать ее осуществление, а Высший экономический совет будет всячески стремиться к сотрудничеству, и, я надеюсь, в решении многих проблем оно окажется плодотворным.

CODE:

ITEM:

(К ВЫХОДУ ПЕРВОГО ВЫПУСКА
АЛЬМАНАХА «АПРЕЛЬ»)

Книжное обозрение
№ 5, 2 февраля 1990 г.

2

Колонка Обозревателя В ДОБРЫЙ ПУТЬ

«Танки идут по Праге... Танки идут по правде...». О существовании этих строк Евгения Евтушенко мы были наслышаны с того рокового августовского дня 1968 года, которым они датированы. Но прежде чем, наконец-то, увидели их напечатанными, прошло более двух десятков лет.

Стихи Е. Евтушенко открывают первый выпуск альманаха «Апрель» (М., 1989), призванного положить начало периодическому изданию писательского движения в поддержку перестройки. И тем самым задают тон и настрой, присущие ряду других публикаций.

...Андрей Вознесенский — «Сороковой день». Скорбный плач по жертвам тбилисского кровопролития. «Служи молебен, Сакартвело, сороковой. Я вижу души женщин в белом над головой. Не я убил их, безответных, но страшно мне, что их убил мой соотечественник в родной стране...».

Разнообразную, богатую выразительными интонациями, самобытными голосами поэзию представляют в выпуске стихи Татьяны Бек, Елены Аксельрод, Олеси Николаевой, Евгения Рейна, Дмитрия Сухарева, Олега Хлебникова, Льва Смирнова.

Столь же многообразна прозаическая палитра «Апреля». Рассказы Исаака Бабеля и «Крохотные рассказы» Александра Солженицына — те самые, что упомянуты в его знаменитом письме писательскому съезду, как невесты почему разделившие участь запретных романов «Раковый корпус» и «В круге первом». «Современные сказки» Анатолия Злобина и рассказы Фазиля Искандера, Евгения Полова, Юнны Мориц.

В рубрику «Молодой «Апрель» вынесены рассказ Антона Молчанова и повесть «Зёма» (в подзаголовке: иронический дневник) Александра Терехова. Как уместно напоминает в послесловии Андрей Мальгин, молодой писатель только-только закончил повесть и не успел предложить рукопись ни одному изданию, а журнал «Советский воин» заявил устами некоего майора Иванова, будто армия здесь «вывалена в грязи с головы до ног».

Но вернемся к первому разделу книги, энергично названному «Сredo». Помимо стихов Е. Евтушенко, под столь обязывающей рубрикой напечатан документ поистине исторического значения: «Предвыборная платформа А. Д. Сахарова». С чего вдруг в этом выпуске? — могут удивиться непосвященные. Объясним: Андрей Дмитриевич присутствовал на первом учредительном собрании «Апреля», благословил его на плодотворную литературную и общественную деятельность, устремленную к решению как раз тех гуманистических задач, которые составили фундаментальное основание и предвыборной платформы ученого, и программных документов писательского движения. О переключке, сродстве их свидетельствуют вступительное слово Анатолия Приставкина на открытии учредительного собрания «Апреля», Манифест и Резолюция движения, Обращение ко всем деятелям культуры и науки.

Практической реализацией программных позиций и творческих принципов «Апреля» как независимого общественного движения воспринимаются публицистика и критика выпуска: статья Анатолия Стреляного и Игоря Дуэля, Рейна Вейдемана «Эстонский прецедент» (сопровождая публикацией «Устава Союза писателей Эстонии»), статья-портрет Станислава Рассадина об Александре Галиче. В этом публицистическом и критическом ряду достойно выделить «Полумерами не обойтись» — литературную запись более чем четырехчасовой встречи с писателями Б. Н. Ельцина.

CODE:

ITEM:

(К ВЫХОДУ ПЕРВОГО ВЫПУСКА
АЛЬМАНАХА «АПРЕЛЬ»)

Книжное обозрение

№ 6, 2 февраля 1990 г.

2

- 2 -

Не будет преувеличением признать, что содержание выпуска в целом являет собой показательный и поучительный пример нового мышления. Его преимущества особенно разительны в сопоставлении со старым, догматическим и конъюнктурным, красноречивые стереотипы которого собрали Б. Сарнов и А. Приставкин.

Первый предлагает нам «Несколько штрихов к портрету принципиального человека» — монтаж обширных цитатных блоков из книг, статей, выступлений Феликса Кузнецова, которые приводятся — в этом соль! — без единого слова комментария. Не к чему, право, комментировать патетические заклинания критика на тему выдающейся роли А. И. Брежнева «в последовательном утверждении ленинских норм партийной и государственной жизни, социалистической демократии...».

А. Приставкин представил несколько писем из той обильной читательской почты, что хлынула к нему после публикации повести «Ночевала тучка золотая». Отобраны «письма сталинистов», то есть воинствующе нетерпимые по идейным соображениям все еще фанатичной преданности «вождю народов». «Рытье в помойных ямах», «мерзкий пасквиль на нашу жизнь» — такой ругней осыпают писателя авторы писем, мечтая воскресить Сталина «хотя бы на три дня». Глядишь — «и все замолкнут». Вожделенная, но не конечная перспектива. Как в «прежние времена», замечает А. Приставкин в предисловии к публикации, от нее совсем близко к тому, чтобы возгладать «бить интеллигентов и жидов, спасая Россию от внутреннего врага. И уже разгораются в народе шовинистические страсти, находя и своих теоретиков, и своих вожаков». О том же — в стихотворении Е. Евтушенко «Возрождение»: «Есть русскость выше, чем по крови: как перед нравственным судом, родившись русским, при погроме себя почувствовать жидом»...

Сказали — как напророчили. Так все и случилось в Центральном Доме литераторов, где 18 января началась распродажа альманаха. Неведомо как проникнув в зал, полсотни боевиков-погромщиков одной из чернорубашечных групп «Памяти» пытались сорвать вечер «Апреля», противопоставив его идеям защиты перестройки замшелю расистские, шовинистические, антисемитские лозунги.

О том, как все это происходило, в печати — «Комсомольской правде», «Вечерней Москве», «Литературной газете», «Огоньке» и др. — рассказано достаточно подробно. Чтобы не повторяться, сошлюсь лишь на один новый мотив, заявленный неделю назад на общем собрании московских писателей и тут же подхваченный газетой «Московский литератор»: хулиганское нападение на себя организовал, оказывается, сам «Апрель» в меркантильных целях саморекламы.

Но почему, спрашивается, новоявленные черносотенцы так рьяно пытались омрачить день первого выхода к читателям альманаха «Апрель»? Не в последнюю очередь, наверное, оттого, что распознали в издании восприимчива «Литературной Москвы», «Тарусских страниц», «Метрополя».

Пусть же судьба наследника сложится счастливее, чем у предшественников...

Валентин ОСКОДКИН.

- 1ф -

За какие же услуги 'взимает «проценты» ВААП ТАЛАНТЫ И ПОСРЕДНИКИ

ИЗВЕСТИЯ ● 2

№ 105 14 апреля 1989 г.

ЕЩЕ ВЧЕРА было так... Если советское издательство хотело, к примеру, издать иностранный роман, оно могло осуществить это только через Всесоюзное агентство по авторским правам. И любой творческий работник мог передать свое произведение для использования за границей — тоже только через ВААП. При том не задаром — взимался немалый «процент» за услугу, даже если «посредник» и палец о палец не ударял для того, чтобы коммерческая операция свершилась, чтобы быстро и полно был выплачен авторский гонорар.

Существовавшая система была по-своему логичной и последовательной. С заграничной торговли только специальные внешнеторговые организации, каждая была монополистом в своей сфере. По этой модели и ВААПу был выделен свой «прилавок» — он стал монополистом в торговле авторскими правами. А те особые полномочия, о которых я упомянул, были обусловлены характером «товара». Как-никак идеологическая продукция, тут нужен глаз да глаз! Кстати, именно монополист мог позволить себе работать плохо — но это разговор особый...

Теперь время изменилось. С монополией одной организации в области внешнеэкономической деятельности вроде бы покончено. Перестройка пришла и в эту

затененную сферу. 7 марта этого года было принято постановление Совета Министров СССР о государственном регулировании внешнеэкономической деятельности. Установлен важный принцип. Любая государственная организация, производственный кооператив, иная общественная организация могут непосредственно выступать на международном рынке. Надо только зарегистрироваться в этом качестве в Министерстве внешних экономических связей. И еще. Утвержден перечень продукции, работ или услуг, экспорт или импорт которых производится со специального разрешения — по лицензии. Для торговли «товаром», не входящим в перечень, специального разрешения не требуется.

А что же с авторскими правами? С покупкой, скажем, или продажей права издать роман или симфонию? Может ли издательство «Наука» или «Художественная литература» самостоятельно — без ВААПа — договориться об издании в СССР иностранного произведения? Увы,

прямого ответа нет — в списке товаров, которыми можно торговать только со специального разрешения, «авторские права» не внесены. Изобретения и другие результаты научно-технической деятельности — есть. Театральная, концертная, иная артистическая деятельность — тоже есть. Иначе говоря, некоторые ограничения для товаров, однородных с авторским правом, предусмотрены. А самого авторского права нет!

Действует ли тут принцип «разрешено все, что не запрещено»?

В ЮРИСПРУДЕНЦИИ существуют четкие приемы толкования законов. На их основе можно сделать вывод: монополия ВААП — в прошлом... Каждая организация, занимающаяся использованием авторских произведений, может самостоятельно заключить договор с иностранной фирмой и иностранным автором. Хочет — воспользуется услугами ВААП, если агентство способно выполнить конкретную работу, за которую действительно стоит платить. А не хочет — будет действовать самостоятельно. «Долю» монополисту (только за то, что он монополист) платить больше не надо. Пусть зарабатывает, а не просто получает деньги.

Итак, с импортом, с приобретением прав сейчас вроде бы все бесспорно. А как с экспортом? Имеет ли сейчас право, например, Айтматов заключить непосредственно с иностранным издательством договор об издании своей «Плахи» за границей? Или обязан действовать только через ВААП?

Попробуем разобраться. При продаже произведений есть два случая. Первый — авторское право принадлежит организации, и реализация произведения находится в сфере ее компетенции. Второй — авторское право принадлежит человеку.

Сначала об организации. Нет никаких оснований ограничивать ее в правах — по сравнению с организациями, торгующими другой продукцией. Ну, например, издательство «Советская энциклопедия». Почему лишать его права непосредственно продавать Советскую энциклопедию, энциклопедические словари иностранным издательствам? Почему оно должно действовать через посредника — ВААП — и платить ему деньги, даже когда оно не выполняет полезной работы? Объяснить эту нелепость в новых условиях невозможно.

Теперь о людях, творческих личностях, деятелях литературы и искусства. Будем откровенны: существующие здесь запреты в большой мере вызваны боязнью, что за границу пойдут «не те» произведения. И ВААП якобы можно использовать как еще одно сито, служащее целям цензуры нравственности. Правомерность отбора произведений по этому признаку, критерии оценки — вопрос, требующий специального рассмотрения. Однако сразу надо констатировать: как показывает опыт, метод идеологического контроля, увязанный с обязанностью передавать произведения для использования за границей только через ВААП, оказался малоэффективным. Устанавливать ограничения для произведений, опубликованных в СССР, просто неразумно. А неопубликованные? При вынешнем уровне международного общения, современных технических средствах удержать их от передачи за границу практически не удается. Следовательно, посредничество ВААП практически выпадает из круга.

Разумеется, государство должно принять меры против тех авторов, которые в своих произведениях проявляют неуважение к правам человека, его чести и достоинству. Это надо отнести и к обществу в целом. Меры должны быть приняты для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения. Об этом прямо сказано в Международном пакте о гражданских и политических правах.

Я полагаю, что в условиях, когда стоит задача укреплять уважение к личности, расширять ее свободы, надо предоставить автору больше прав напрямую заключать договоры о публикации своего произведения с иностранным контрагентом. Или через того посредника, которого он выберет. Не обязательно через ВААП. Можно и через «Межкнигу». Или через Центр пропаганды творческого союза. Или даже — кооператив.

Монополия внешнеэкономической деятельности, закрепляемая за одной организацией, в общем-то уже разрушена. Практически во всех сферах. Но, к сожалению, не в области авторских прав: здесь практически все еще пока остается по-старому. Не совсем, конечно, так. Интересно, например, что картины советских художников продает уже не ВААП. И на усло-

виях, значительно более выгодных, чем при его посредничестве.

И еще. Казалось бы, это удобно, когда все вознаграждение из-за границы идет по одному каналу — через ВААП. Но его деятельность по выплате вознаграждений вызывает еднородное недовольство авторов. Через узкую горловину идет очень медленный поток, к тому же часто нерегулярный. Нередко авторам недоплачивают. Монополист, как выясняется, может и не заботиться об интересах своих клиентов. Единый канал облегчает лишь взимание налогов. Но едва ли одно это служит оправданием остаточной монополии, особенно если она наносит ущерб основному делу.

ОДНАКО точки над «i» пока не расставлены. Больше того, акты, на которых основаны права этого агентства, пока не отменены; значатся в числе действующих. И нет сомнений, что ВААП будет бороться за сохранение своего статуса.

Думается, настала пора прямо, черным по белому записать право организаций, использующих творческие произведения, на контракты с иностранными организациями и авторами. И на равных — право советских организаций и авторов заключать контракты с иностранными издателями, театрами, киностудиями. В механизме реализации авторских прав тоже нужен плюрализм.

В. ДОЗОРЦЕВ,
доктор юридических наук,
профессор.
МОСКВА.

AC №6327. 15 ленинградских писателей (Михаил Чулаки и др.). Обращение к прокурору г. Ленинграда, в "Известия" и "Ленинградскую правду" в связи с угрозой уголовного преследования членов ленинградского "Демократического союза", Ленинград, 18.12.88.*

Прокурору г. Ленинграда т. Д. ВЕРЕВКИНУ¹,
редакции газеты "Известия",
редакции газеты "Ленинградская правда"

С тревогой мы узнали, что 14 декабря сего года на квартирах

ВЕК XX и МИР 3

„Уважаемая редакция...“

Постоянных читателей «Века» в этом году заметно прибавилось — число подписавшихся на русскоязычное издание возросло почти вдвое. И что характерно: судя по многим высказываниям, одним из привлекательных разделов нашего издания является именно эта рубрика, дающая возможность ознакомиться с интересными, иной раз парадоксальными, точками зрения на события в стране и в мире, самому вступить в спор, если есть что сказать по делу. Редакция рассчитывает, что и впредь каждый выпуск будут открывать честные, острые, глубокие откровения читателей.

Порочный рецидив

С тревогой мы узнали, что 14 декабря 1988 года на квартирах пяти ленинградцев — Р. Евдокимова, Е. Подольцевой, Ю. Рыбакова, А. Скобова и В. Терехова — состоялись обыски. Поводом для обысков было «расследование по факту распространения в Ленинграде клеветнических материалов, порочащих советский государственный и общественный строй». То есть фигурировала диспозиция печально известной 70-й статьи УК. В последнее время статья эта не применялась, она естественным образом отомрет при составлении нового Уголовного кодекса.

Весь опыт применения этой статьи показывает, что людьми, подлинно порочившими советский государственный и общественный строй, были те следователи, прокуроры, судьи, которые возбуждали и проводили политические процессы, — как явные, так и замаскированные под «чисто уголовные». Не книги А. Синявского и Ю. Даниэля нанесли вред нашей стране, а процесс над авторами. И громадный вред — как моральный, так даже и материальный. А. Сахаров

и А. Солженицын, которых преследовали подобными же формулировками, хотя и не решались довести дело до суда, признаны теперь совестью нашего народа. Обмен В. Буковского на Л. Корвалана поставил Брежнева на одну доску с Пиночетом. Смерть Ю. Галанскова и А. Марченко в тюремных лазаретах — несмываемое пятно на репутации нашей страны. Абсурдна сама мысль, что объектом клеветы может быть «строй». Государственный строй, социальная система — это предметы обсуждений, идеологических споров. Попытки же регулировать идеологическую борьбу статьями Уголовного кодекса абсолютно безнадежны — это подтверждает мировая и отечественная история.

Все цивилизованные страны преследуют за клевету на отдельных лиц или конкретные организации. И виновные в клевете должны безусловно нести ответственность — в том числе и пятеро наших граждан, если они виноваты в такой клевете; для этого в нашем Кодексе есть соответствующие статьи — не 70-я. Мы

не знакомы с этими людьми, не знаем, какие именно материалы искали у них — и что нашли. Но попадавшие нам в руки документы Демократического Союза, к которому принадлежат некоторые из упомянутых лиц, убеждают, что речь идет именно об идеологической борьбе. Уголовное же преследование идеологических противников создает мучеников идеи, что многократно усиливает воздействие их проповеди. Недаром же так хотел «пострадать» Лев Толстой — и не даром же умные царские власти не допустили его до «страдания». Хотят или не хотят те, кто санкционирует подобные обыски, но объективно они служат пропаганде идей ДС, окружая носителей этих идей ореолом мученичества. Точно так же, как обвинители и судьи по делу А. Синявского и Ю. Даниэля стали лучшими рекламными агентами их книг.

О нашем строе написано уже все, что возможно, и Р. Евдокимов со своими поделщиками не могут придумать ничего нового. Единственная

антисоветская акция, которая возможна в наше время — это процесс по 70-й статье. Такой процесс покажет, что строй наш не изменился, что по-прежнему он может противопоставить идеям лишь грубую силу — а это-то и явится клеветой, ибо на самом деле мы уже доросли до идеологических дискуссий.

Мы патриоты, нам дорога репутация нашей страны. Мы не можем допустить, чтобы репутация эта находилась в руках людей, втайне принимающих решения, неизвестных поименно и поэтому не несущих никакой гражданской ответственности за свои действия. Это должно получить полную огласку!

М. ЧУЛАКИ, А. КРЕСТИНСКИЙ,
Е. АНИСИМОВ, М. ГЛИНКА,
Н. КАТЕРЛИ, В. КОВТОРИН,
В. ПОПОВ, Ю. РЫТХЭУ,
Д. ГРАНИН, К. КУРБАТОВ,
В. ШЕФНЕР, А. УРБАН,
М. БОРИСОВА, Б. СТРУГАЦКИЙ,
В. ВОСКОБОЙНИКОВ,
г. Ленинград.

*) правильно: В. КАВТОРИН

166 30

Порочный рецидив

CODE: СССР

ТЕМА: "СОСТОЯНИЕ ДУШ, УМОВ, ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ УЖАСНОЕ" - ИНТЕРВЬЮ
ИТЕМ: С. В. ЛАКШИНЫ

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

2 МАРТА 1990 г.

БЕЗ ПОКАЯНИЯ

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Сегодня, в ситуации, когда общество делится на «правых» и «левых», очень трудно быть самим собой. Многие живут обрывками чьих-то мыслей и знаний. При дефиците самостоятельности мышления борьба «правых» и «левых» может восприниматься как перетягивание каната. Но если убрать экстремизм, то из консолидации этих сил может что-то получиться. Дальнейшее же размежевание может обернуться пролитием крови. Историю «белых» и «красных» мы уже проходили. Об этом мы и завели разговор с известным критиком Владимиром ЛАКШИНЫМ, бывшим членом редколлегии журнала «Новый мир» в период хрущевской оттепели — времени, так похожего на сегодняшнее.

— Как вы относитесь к расколу интеллигенции?

— Печально, что раскол существует. Но он неизбежен, хотя идеал в соединении.

— Стремление к этому идеалу способствовало тому, что журнал «Новый мир» смог в период хрущевской оттепели напечатать «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, к которому с уважением относятся и «левые», и «правые». Хоть прогрессивное направление журнала, защита Солженицына обернулись разгромом редакции, уходом Твардовского, да и сказались на вашей, кажется, судьбе?..

— Меня не печатали после этого несколько лет, вычеркивала даже упоминания обо мне в литературной прессе.

Однажды Твардовский принес рукопись «Один день Ивана Денисовича» и сказал: «Вот я получил рукопись. Я ее должен напечатать, но не знаю, как это сделать». Шел 61-й год. Эта задача оказалась невероятной. О лагерях никто не рассказывает. Это была закрытая тема: цензура останавливала ее в первом же прочтении. Но Твардовский сказал, что за эту вещь он идет до конца, даже если придется потом бросить

журнал... только чтобы ее напечатать. Мы все шесть человек проголосовали «за». Если неудача — вместе гибнем. Передали рукопись Хрущеву. Хрущев по своим политическим расчетам решил печатать.

Напечатали. Началась совершенно другая жизнь. Сталинисты, высокопоставленные в том числе, были тогда все живы, все в силе, на местах. Нас стали давить изо всех сил. Мы, продолжая свою линию, напечатали рассказы Солженицына. Во многих журналах и газетах стали появляться робкие намеки, что это не совсем социалистическое искусство. Тогда я взял и написал большую статью «Иван Денисович, его друзья и недруги». Вой поднялся бешеный.

— Когда это было?

— 64-й год. В «Новом мире». Она мне принесла первую известность и все невзгоды. Писали: Лакшин разделил всю нашу литературу на друзей и недругов. Что за деление? Мы все — друзья. Порочные методы. Эта статья — против основ партийности. Об этом — статья в «Коммунисте», «Правде»... Но мы на этом не успокоились, мы выдвинули Солженицына на Ленинскую премию. У меня большое подозрение, что если бы мы тогда добились этого, то путь Солженицына, путь нашей литературы стал бы иным.

Мы прожили довольно тяжелой жизнью до февраля 70-го года. 20 февраля в последний раз собрались полным составом редколлегии.

— Что дальше?

— Нас прогоняют. Механика такая: Твардовского уволить было нельзя. Слишком большая фигура в мировом масштабе — не оберешься протестов. Но Твардовский заявлял: если уберут его ближайших помощников, то он уйдет. И было решено сильным приемом убрать четырех человек, которые будто бы вредно влияли на Твардовского. Расчет был таков: нас уберут, назначат других, и Твардовский уйдет сам.

Нас вызвали в Союз писателей. И преподнесли это как сдержившийся фант. Мне предложили должность консультанта в одном из изданий, что и поставил мне в упрек Солженицын: почему я не сопротивлялся? Произошел в нашей литературе драматический момент: журнал разгромлен. Твардовский же, как человек благородный, подал заявление об уходе...

— Что вы испытывали?

— У нас, изнемогших от десятилетней борьбы, было такое чувство, что литераторы должны нас понять, ведь мы не отступились, не предали никого. Это был первый случай, когда никого не заставили покаяться. Пастернак каялся... Все каялись. Или уезжали.

— Сейчас слышатся возгласы, что те, кто уехал, — предатели Отечества, потому что им не хватило духовных ценностей, чтобы перенести угрозу испытаний. В том числе — и Солженицын.

— По отношению к Солженицыну это ложь, его скрутили и бросили в самолет. Пусть они сами отправляются к китайцам, говорил он про наше правительство. Тогда Китай был реакционным. «Я никуда не уеду, если только руки скрутят». Ему и скрутили.

...Твардовский был уверен, что наши лучшие авторы, а это была вся советская литература, не будут печататься в «Новом мире». Никто не понесет рукопись новому редактору, и журнал задохнется, и таким бойкотом будет

CODE: СССР

"СОСТОЯНИЕ ДУШ, УМОВ, ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ УЖАСНОЕ" - ИНТЕРВЬЮ
ИТЕМ: С В. ЛАКШИНЫМ

(2)

показано, что это значит. Но были писатели, которые говорили — не все ли равно, где печататься, и остались авторами «Нового мира», и Солженицын эту позицию принял: «Все советские журналы одинаковы». Нам ставили в обвинение, что мы гордецы, кичимся прошлым и т. п. и т. д. Возник конфликт.

Потом в 75-м году Солженицын выпустил в Париже книгу, в которой недобро отзывался о моих товарищах по журналу, не всегда лестно писал о Твардовском. Это — «Бодался теленок с дубом». Я на нее возразил. Очень резко.

Солженицын для меня не икона. Да и должны ли быть у нас иконы? Лысецы есть у любого трона, в том числе и литературного, но к их числу я не принадлежал и не принадлежу.

— Но в возвращении имени Солженицына вы участвовали?

— Я выступал еще год назад в Доме кино, говорил, что надо вернуть Солженицыну гражданство. Это великий писатель, который много сделал для народа.

— Мы говорили о размежевании общества. Может быть, Солженицын — лакмусовая бумага этого размежевания?

— Не знаю. Но он прав в одном. Мы потеряли идею, идеал. Впереди пустое будущее. Одни на Запад глядят, другие — на позициях русо-

фильства. И поскольку тяжело жить — поднимается волна ненависти.

Состояние душ, умов, психики человеческой ужасное. Голодных периодов было множество раз — и их переживали. А сейчас для иных будто ничего не существует: ни любви, ни природы, ни дружеских вечеринок.

Сегодня человек — гомополитикус.

Еще недавно маленького чиновника нельзя было задеть, за это выгнали с работы. Была отлажена антидемократическая система. Получив свободу, мы стали плавать, как шарик в воздухе. И не просто порой распознать, где политический деятель, где спекулянт.

— Но мы должны через это пройти.

— Переболеть и в момент перехода не сорваться с витка. Нам бы сейчас не свалиться в пропасть — в частности национальную. Тут пойдем к апархии, потом к диктатуре. Помня об этих опасностях, и надо держаться...

— Вы согласились быть кандидатом в народные депутаты РСФСР. Зачем вам это?

— Когда страна наша переживает такой момент, я не вправе уклониться.

— Ваша программа?

— Культуру на протяжении десятилетий считали чем-то второстепенным, приятным, но необязательным добавком к проблемам народного хозяйства, обороны и т. п., чем-то вроде аксельбанта на парадном мундире государства. Поедет наш руководитель за границу — дарит главе другого правительства картину или скульптуру. Навестит нас «высокий гость» — с ним надо выслушать оперу в ложе Большого театра. Пропало сознание того, что образование и культура народа — важнейшее условие возрождения России.

Слов нет, первостепенная задача — накормить, одеть и обути народ, дать вздохнуть от очередей. Но ни политика не найдет эффективных решений, ни экономист не осуществит сполна свои реформы при нравственном одичании, падающем образовании и низкой культуре населения.

Мы занимаем 28-е место по уровню образования в мире.

В острых проблемах Москвы — отражение общих бед России. Нельзя не замечать, что кризис национальной культуры коснулся и ее вершин: в Москве по разным причинам терпят бедствие Библиотека им. Ленина, Третьяковская галерея, Большой и Малый театры, консерватория, теряет свою былую славу Московский университет. Пора спасти авторитет Москвы как одной из духовных столиц мира.

— Как вы оцениваете политизацию общества?

— Сегодня у нас должно хватить ума увидеть новоявленных честолюбцев, карьеристов перестройки. Историк С. Соловьев разделял людей, действующих на историческом поприще, на «публичных» и «общественных». За «общественными» — внутренний двигатель пользы для других людей. За «публичным» человеком, говорящим порою теми же словами, о тех же проблемах, что и люди «общественные», — нет нравственной тверди, и самолюбивая внешность их речей в поступ-

ков обнажается достаточно скоро.

— Может быть, от недоверия к людям «публичным» родилось в молодежи и неприятии идеологизированной культуры?

— Недавно с горьким недоумением прочел я в молодежной газете диагноз специалиста по этим проблемам: «Наша молодежь устала от вербальности, словесности. Мы живем в мире слов, а не дел. Потому многие молодежные движения сегодня — протест против нашей заговоренной, засоренной словами (!) культуры. Выражается это в музыке, жестах, танцах. Это бунт против рационального языкового человека. Прорвись, мы слишком долго жили в иллюзорном мире слов».

Итак, слово долой! Долой литературу! Давай жест, движение, разрушение или, на вегетарианский случай, игру... Все преимущества первой сигнальной системы перед второй — инстинкта перед разумом.

Прежде можно было думать, что главная опасность культуры — это бюрократическое пренебрежение ею, утилитарное отношение к образованию, поскольку люди — не более чем рабочие лошади государства, «трудовые ресурсы», а воспитывать и образовывать их надо ровно настолько, чтобы они исправно функционировали, служили.

Но теперь стало выясняться, что другой враг культуры — молодежный бунт против нее, как против всего связанного с традицией.

Что-то похожее уже пережила Европа двадцать два года назад во время событий 1968 года. Такие вспышки ярости против традиции, а заодно и культуры время от времени дают выход инстинктам, и на них тоже греют руки услужливые теоретики.

Впрочем, к счастью, у нас до этого не дошло. Но между тем преступность молодеет. Чуткий к человеческой боли Виктор Астафьев криком кричит об этом в недавнем рассказе «Людочка», да мало кто его слышит.

Невольно приходит на ум: если это молодежное, презирающее мысль и Слово неонцишеанство соединится с урапатриотизмом, вот и готов нацистский комплекс: движение, сила, жестокость, кровь,

12.3.90

DAY MONTH YEAR

No. F-161 03

CODE: СССР

ТЕМА: "СОСТОЯНИЕ ДУШ, УМОВ, ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ УЖАСНОЕ" - ИНТЕРВЬЮ
ИТЕМ: С В. ЛАКШИНЫ

(3)

война... И теперь мы откажемся от русского слова, шлифованного поколениями предков, давшего нам славу, благодаря русским писателям во всем мире — в пользу движения без слов, действия без идей?

— Не зря, значит, старшее поколение ворчат на молодежь?

— Нынешняя быстрая политизация без культуры — путь к анархии, к демагогии, к популизму. Это крик вместо раздумья, лозунг вместо анализа, требования вместо ответственности.

Огромное преимущество молодости — отсутствие боязни в разрушении отжитого. Не зная броду, входил в воду смело. Но на то и культура, книги, воплощенный в слове опыт, чтобы по-детски не повторять былых ошибок. А то мы частенько все еще напоминаем возникну в рассказе Ивана Горбунова: он знал, что на дороге яма, всякий раз снова попадал в нее колесом, но после того как тряхнет, только чесал в затылке: «Каженный раз на эфтом самом месте!»

Г. РЕЗАНОВ,
Т. ХОРОШИЛОВА.

1310

CODE: " А и Ф" — журналистика

ITEM: ПОЧЕМУ В. СТАРКОВ НЕ ХОЧЕТ ПОКИДАТЬ "АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ"

● «Советская молодежь» ● 16 января ●

В. Старков:

«ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК НЕ ПОКИНУ»

ГАЗЕТА «Аргументы и факты» — самый популярный еженедельник в СССР. В этом году у него стало 33 миллиона подписчиков. Для еженедельных изданий, выходящих на одном языке, это рекордный тираж не только в стране, но и во всем мире. Между тем главному редактору «АиФ» Владиславу Старкову в конце прошлого года было предложено покинуть редакцию. Как заявил 9 января на встрече с читателями в Московском Доме литераторов В. Старков, «ситуация с «Аргументами и фактами» продолжает оставаться напряженной».

Встреча началась с разъяснений ответственного секретаря Николая Зяткова, когда же получил ряд читателей два последних номера газеты за прошлый год и первый номер нынешнего года.

— В типографии нам говорят, что у них нет бумаги и полиграфических мощностей, — сказал ответственный секретарь. — Но главные трудности — шперида. В этом году тираж вырос на 10 миллионов экземпляров. Но в этом же году мы уперлись в стену трудностей от полиграфии. Имеющих печатные станки не волнуют интересы дела, воля подписчиков, не интересует прибыль. В издательстве «Правда» нам заявляют, что на такой тираж «АиФ» никто не рассчитывал. Была, видимо, особая задумка у Сталина, когда он сосредоточил печатание 90 процентов всех газет и журналов страны в партийных типографиях...

В этот момент из зала пришла записка: «Где же находят бумагу для новой, но ничего не дающей ни уму, ни сердцу газеты ЦК КПСС «Рабочая трибуна?»».

Вместо ответа на этот вопрос Николай Зятков рассказал, что тираж газеты «Правда» упал в этом году на 40 процентов, но в результате этого увеличился объем «Правды». Теперь она выходит ежедневно не на четырех, а на восьми полосах. Пропорционально падению тиража возросли и оклады работников «Правды».

Многие записки из зала парламентскому корреспонденту газеты Наталье Желноровой содержали просьбу рассказать детали ее интервью с членом Политбюро Егором Кузьмичем Лигачевым. Замечу, кстати, что

публикацию интервью с Лигачевым многие читатели «АиФ» восприняли как уступку давлению партаппарата. Между тем, как подчеркнула Желнорова, редколлегия еженедельника была как раз против идеи интервью. Тут следует отметить, что редакция «АиФ», попросив интервью у Лигачева, тем не менее поставила свои, довольно жесткие условия: интервьюируемый должен отвечать на поставленные вопросы без предварительной подготовки. Егор Кузьмич взвешивал условия ровно месяц.

— После интервью в четыре с половиной часа я стала относиться к Лигачеву с гораздо большей симпатией.

— сказала парламентский корреспондент. — Я поняла, что он прост, как правда. Он однозначен, он как камень на рельсах. Он был очень добр со мной, даже отложил на день поездку на дачу под Куйбышев. Одна беда — после того, как я послала интервью на визирование, оно вернулось совершенно другим, его переписали процентов на 70. Даже мои вопросы звучали иначе. Когда я потребовала разъяснений, мне сказали, что личный разговор нельзя выносить миллионам читателей. В варианте, вернувшись из ЦК, исчез Лигачев-человек и появился стандарт Лигачева, Лигачев — деятель ЦК партии. В довершение всего, когда номер с интервью печатался, в типографию прислали человека, который следил, чтобы не были внесены изменения в текст. Справедливости ради, правда, следует оговорить, что Лигачев, в отличие от многих других членов Политбюро, не забрал свое интервью из редакции, когда начались гонения на главного редактора. Ради той же справедливости следует сказать и то, что, по сообщению

из ведомства гражданской авиации, благосклонное решение Лигачева перенести ради интервью отдых на даче стоило государству 58 тысяч рублей.

Рассказала парламентский корреспондент на встрече с читателями и о своем не совсем удавшемся интервью с Леонидом Абалкиным. Желнорова довольно неплохо знакома с академиком, и потому неудавшееся интервью было в виде непринужденного разговора. Журналистка говорила с Абалкиным в последний день второ-

CODE: " А и Ф" - журналистика

ИТЕМ: ПОЧЕМУ В. СТАРКОВ НЕ ХОЧЕТ ПОКИДАТЬ "АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ" (2)

го Съезда народных депутатов СССР. Она спросила, остановят ли принятые на Съезде решения кризис в стране? «Зачем вы спрашиваете? — ответил Абалкин. — сами же знаете, что не остановят». Затем журналистка спросила, будет ли этот год для страны, как говорилось на Съезде, переломным? Академик ответил просто — нет. Последний вопрос журналистки Абалкин назвал нетактичным, но все же ответил на него тоже одним словом — «нет». А вопрос был такой: «Можем ли мы приостановить нагнетание социально-конфликтной ситуации в стране?».

Как свидетельствует почта еженедельника, большой интерес у читателей вызывают подробности жизни и, если можно так выразиться, творчества не только современных лидеров партии, но и вождей прошлых лет.

— Беда нашей страны, в частности, и в том, — сказал работник редакции, журналист и историк Анатолий Логинов, — что вместо реальной истории нам вдобавля специально придуманный миф, в котором действуют не люди, а идеальные модели. Мы не знаем правды даже о жизни наших главных вождей. Только в Британской

энциклопедии написано, что Ленин был не первым мужем Крупской.

Когда Логинов это сказал, в зале воцарилась тишина.

— Да, — продолжил он, — в «Британике» написано, что первым мужем Крупской был эсер Борис Герман, кстати, друг Фанни Каплан.

Будто развивая достигнутый эффект, Анатолий Логинов заявил, что, по собранным им свидетельствам старых большевиков, и сам Владимир Ильич Ленин был женат на Крупской вторым

браком. На вопрос, кто же была первой женой вождя мирового пролетариата, Логинов ответил, что пока имя и фамилию он назвать не может, поскольку к необходимым для подтверждения сведений данным в архиве русского жандармского отделения его не допускают. Мне, правда, эта сенсация напомнила юмореску Задорнова, в которой сказано, что при современном развитии гласности вы можете подойти к Медному всаднику и крикнуть: «Не первый ты, Петр, не первый! У Екатерины». Но таково уж у нас гласность, таково историческое мышление...

ВОТ ТАК в общих чертах и прошла встреча «АиФ» с читателями. В заключение В. Старков заверил читателей, что, хотя вопрос о его снятии все еще остается открытым, он еженедельник свой не покинет, поскольку понимает: если уступит — наступление на гласность пойдет широким фронтом.

Григорий НЕХОРОШЕВ.
Москва.

CODE: ПЕЧАТЬ

ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ ПЕЧАТИ ОБСУЖДАЛИСЬ В АКАДЕМИИ
ИТЕМ: ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

«Труд» — 2 стр. — 17 января 1990 года

КАКАЯ ОНА, СВОБОДА ПЕЧАТИ?

Заметки с дискуссии за «круглым столом», состоявшейся в Академии общественных наук при ЦК КПСС

ОБСУЖДЕНИЕ это состоялось накануне публикации проекта Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации», предложенного комитетами Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка и по вопросам гласности, прав и обращений граждан. Группа слушателей Института повышения квалификации АОН при ЦК КПСС обсуждала проект весьма обстоятельно и заинтересованно.

В заседании участвовали народные депутаты СССР первый секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии Д. П. Брагиш, начальник нефтегазодобывающего управления «Коминтернефть» Коми АССР В. Е. Кармановский, первый секретарь Яшалтинского райкома партии Калмыцкой АССР А. В. Козачко, первый заместитель председателя Балашовского райисполкома, генеральный директор агропромышленного комплекса «Хопер» Саратовской области Г. И. Кривов, председатель колхоза имени В. И. Ленина Львовской области Д. В. Мороз, председатель колхоза «45 лет Октября» Калужской области А. А. Николаев, председатель колхоза «Авангард» Вологодской области А. С. Ручкин, заместитель редактора районной газеты «Коммунист» Калининградской области Г. И. Фоменко, директор совхоза «Искра» Сурхандарьинской области Парда Худаеров.

Необходимость по-настоящему демократического закона о средствах массовой информации сегодня вслух не оспаривается. Даже прямые противники свободы печати не хотят прослыть ретроградами. И ведут речь о том, как ее понимать — эту самую свободу. Вот и обсуждение за «круглым столом» показало: нет противников и у этого радикального, в недавнем прошлом просто немислимого проекта закона. Но суждения некоторых депутатов все-таки подтвердили и тот заранее понятный факт, что полноценная свобода печати, давно существующая во многих странах мира, пока еще попросту не укладывается в сознании части — пусть и небольшой — руководящих работников.

Их точку зрения можно сформулировать таким образом. Проект, конечно, привлекателен. Но абсолютной свободы не бывает. Значит, можно так или иначе «регулировать» прессу, рекомендовать, скажем, не публиковать слишком много критических статей в адрес партийных работников, и наоборот, увеличить число материалов положительного толка. Так говорил Г. Кривов. Эту же идею — чуть более тонко — выразил и Д. Брагиш, считающий, что в Законе должны быть четко оговорены цели и задачи различных средств массовой информации. Совместимы ли такие представления со статьей 1 проекта? Может ли быть свобода в условиях ограничений, дающих простор для вмешательства и манипулирования? Скажем прямо: мы все это уже «проходили». И дозированной информации, и дозволенную в определенных пределах критику, и «четкие рамки» целей и задач органов печати, и роль некоторых партийных комитетов, аппарата других организаций и ведомств, попросту запрещавших журналистам — и запрещающих во многих местах сегодня — иметь собственное мнение. Сейчас все хорошо знают: в итоге возникли целые зоны, находившиеся вне критики, целые власти руко-

водящих работников, выведенных из-под выскательного взгляда прессы. На пользу социализму это определено не пошло. Скорее, наоборот, способствовало углублению и развитию болезни общества, деформировало общественное сознание.

Одним из симптомов такой деформации и стало рождение стойкого стереотипа представлений о прессе, как о ручной, легко управляемой, четко выполняющей любые команды. Стереотип этот ломается трудно, привычки впитаны с молоком матери, они, наконец, удобны. Так просто: поменьше критики; побольше «позитива»...

Но как определять грань, за которой критика становится много? Чье представление здесь точнее: тех, кого критикуют, их руководителей, их подчиненных

или самых широких масс? История уже доказала: определив грань однажды и, конечно, сверху, начальственным перстом, затем уже сферу, дозволенную для критики, лишь уменьшали, как шагреновую кожу. Замалчивание недостатков привело к застою, что, казалось бы, давно и прочно уяснено. Но одно дело — признавать это по отношению к прошлому, другое — действовать под этим флагом сегодня.

Наверное, поэтому Д. Брагиш и А. Ручкин настойчиво ставили вопрос о предварительной цензуре. Как быть, если газета публикует материал, идущий вразрез с линией руководства? Как приостановить телепередачу в прямом эфире, если ее участники говорят такое, что ли в какие ворота не лезет? Естественно, оба депутата не против критики, они даже — за свободу печати. Но... Другие депутаты ответили весьма убедительно. Наиболее четко выразил иную точку зрения В. Кармановский:

— Сидит этот черт в шартрабочниках — и не только в них. Как это так — редакция, опираясь на читателей, имеет собственный голос? Пора, наконец, понять, что печать, радио, телевидение — наши главные доктора.

Если коммунист боится правдивой информации — то коммунист ли он вообще? Не случайно на заседании пришли к выводу: тот, кто стремится «укоротить» прессу, — человек из прошлого. Следовательно, свобода печати в том смысле, в каком это изложено в статье 1 проекта Закона, насущно необходима. Этого властью требует перестройка.

Что стоит за такой свободой? Об этом тоже шла речь за «круглым столом» и также высказывались разные мнения. Взять проблему «жареных» фактов. Имеют ли они право на жизнь? Смотря что под ними понимать. К примеру, скандальная история о связях какого-то руководителя с преступным миром — безусловно, «жареная». Про-

CODE: ПЕЧАТЬ

ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ ПЕЧАТИ ОБСУЖДАЛИСЬ В АКАДЕМИИ
ИТЕМ: ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

молчать о ней, поскольку некоторым руководителям, скорей всего, придется не по нутру еще одна сенсация? Нам — да и большинству наших коллег — это сделать не позволит партийная и журналистская совесть. Отсекая прогнившее, мы улучшаем целое. Сохраняя большой участок — заражаем здоровое. Так как быть с «жареными» фактами? Может, само это понятие пора сдавать в архив? Все дело в правде, в общественной значимости информации.

Другое дело — недостоверная информация, передергивание

фактов и т. п. Это, разумеется, злоупотребление свободой печати. Законопроект предусматривает статью 31 об опровержении сведений, не соответствующих действительности. Такое понимание ответственности работников средств массовой информации за распространение недостоверных сведений нашло понимание у участников заседания, считавших, что сам факт публикации опровержения является сильным моральным потрясением для любого корреспондента, для редакции. Правда, высказывались и требования лишить журналиста через суд, по примеру многих западных стран, права заниматься своей профессиональной деятельностью за сознательную дезинформацию.

Свобода печати останется пустым звуком, декларацией, если не будет обеспечена соответствующая материальная база. И это отлично понимают как противники, так и сторонники свободы печати. Не случайно спор по поводу экономической самостоятельности средств массовой информации получился столь острым. Одному депутату — А. Николаеву — не понравилась расплывчатость формулировки в проекте Закона. Конечно, право на экономическую самостоятельность, видимо, улучшит материальное положение журналистов, зарплата у которых сейчас нищенская. Но право определять, какую именно часть доходов выделять редакции, должно принадлежать, во мнению А. Николаева, все-таки именно ей, а не быть податочной с «барского стола» издателя или учредителя.

Такая идея активно не устроила Д. Брагиша. Явный приоритет учредителя совсем не казался ему таким уж плохим. Однако его точка зрения не была поддержана. Депутаты склонились к мысли о том, что отношения между редакцией и учредителем должны строиться на договорной основе. Это даст

возможность соблазна права учредителя и обеспечить свободу печати материальной базой. В конечном итоге этот спор разрешит Верховный Совет СССР.

Разговор за «круглым столом» показал, что большинство депутатов все-таки озабочено созданием подлинной, а не ограниченной свободы печати. И в этом контексте статьи о регистрации средств массовой информации слишком усложнены, что дает бюрократии возможность ставить рогастики появлению новых изданий. С точки зрения В. Кармановского, процедура должна носить чисто заявительный характер: кто-то решил издавать такую-то газету (разумеется, в конституционных рамках), редактор есть. Любые другие сведения — лишние.

Постепенно, в процессе обсуждения, участники заседания все больше склонялись к мысли, что запреты и ограничения в наши дни и в самом деле становятся бессмысленными. Какими бы хитроумными способами их ни вводили — результата уже не будет. Не будет больше бесконечной шеренги изданий, единодушно отстаивающих единственно верное официальное мнение. И чем скорее это произойдет — тем лучше. Пусть сегодня почти нелегальные листки неформальных объединений продаются по рублю, а то и по пять — их покупают из-за ореола «свободной» прессы. Завтра, когда свободными станут все, за читателя надо будет еще активнее, чем нынче, бороться. Простой «чернухой», руганью всего, что исходит сверху, читателя не удержишь, тем более за пять рублей. Конечно, и нынешним большим газетам придется нелегко — в том числе и «Труду», «Известиям» и другим. Что ж, тем интересней будет работать.

В проекте Закона нашли отражение все вопросы, имеющие прямое отношение к свободе печати. К примеру, непростая ситуация сложилась с институтом охраны государственной тайны. Цензура — по законопроекту — отменяется. Но тайны (военную, государственную) хранить все-таки надо! А как? Думаем, что эти вопросы должны быть регламентированы или в самом Законе, или в особых нормативных актах, утвержденных Верховным Советом СССР.

Тревожит и достаточно двусмысленное сегодняшнее положение собственных корреспондентов центральных и областных газет на местах. Квартиркорпункт, средства связи, транс-

порт — все это приходится просить у органов местной власти. Могут дать, а могут и не дать — закона на сей счет нет. А завтра надо критиковать действия этих органов. Поневоле задумается собкор: а стоит ли? Какая уж тут свобода... Думается, и этот вопрос стоило бы оговорить особо в Законе или в специальном положении.

Так же не затронутым оказался и механизм торможения критики. Сейчас очень усилилось поветрие отписок, исходящих от руководителей разного ранга в ответ на критические выступления прессы. Г. Фоменко предложила записать в Законе: лица или организации, подвергнутые критике в средствах массовой информации, должны в установленный срок сообщить о принятых для устранения недостатков мерах или давать ясное опровержение. Авторы отписок надо привлекать к ответственности. Иначе дело обернется правом замалчивания выступлений прессы.

Так какой же она будет, свобода печати? Разброс оценок проекта, мнений народных депутатов порой был велик. И все-таки в главном они совпали. Свобода печати — это ответственность журналистов перед обществом — по закону, и только по закону. Ответственность, если требуется, перед судом. И только перед ним. Должно уйти в прошлое «телефонное право», «мнение» высших лиц, «какашки» редакторов и т. п.

Некоторые волокиты проекта вызвали на сессии Верховного Совета СССР серьезные споры. Это — право отдельных граждан на учреждение средств массовой информации, ответственность в их деятельности со стороны должностных лиц, учредителя, производственно-финансовая деятельность органов информации и другие. Началось всероссийское обсуждение проекта Закона о печати. В ходе его советские люди помогут своим депутатам сформировать четкую позицию по этим вопросам.

Но уже сейчас есть уверенность: Закон о печати и других средствах массовой информации (его надо принимать быстрее!) позволит вашему обществу сделать еще один важный шаг на пути к подлинной демократии, на пути к правовому государству.

М. РАССОЛОВ,
инструктор Идеологического
отдела ЦК КПСС.

Ю. ЛУКАСИК
(Спец. корр. «Труда»).

МОСКВА

CODE: СССР

ИТЕМ: ПОЛНАЯ ВОЗМУЩЕНИЯ РЕАКЦИЯ ПИСАТЕЛЯ Б. МОЖАЕВА НА СТАТЬЮ В. ЛАКШИНА
"ЕЩЕ О ТВАРДОВСКОМ И СОЛЖЕНИЦЫНЕ" / 1 /

«Аргументы и факты» № 3 '90

5

КАИНОВА ПЕЧАТЬ И НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ

КТО только не цитировал слова из письма Пушкина к Вяземскому: «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? Черт с ними! Слава Богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своих врагов». Эти слова вспомнил и критик В. Лакшин, но не для того, чтобы утешить друга, скорбящего о потере записок великого поэта, а для того, чтобы дискредитировать книгу нашего великого современника. «Не знаю, как к Байрону, а к Солженицыну я готов отнести эти строки», — пишет Лакшин.

Не подумайте, уважаемый читатель, что это произошло в 1974 году, в пору беспардонной травли Солженицына, нет, нет! Это опубликовано только что в «Аргументах и фактах», в статье В. Лакшина «Еще о Твардовском и Солженицыне».

В этой небольшой статье столько злобы, лукавой неправды, что просто диву даешься. И высказано все это все в том же расхлыстанном стиле 1974 года: Солженицын обуреваем-де «дьявольским честолюбием» (так это он честолюбия ради «Архипелаг» написал?), или: «Солженицын смотрит на дело просто: для него «красная книжечка» — уже уничтожение человека, кайнова печать, по-видимому, в той же мере, как нательный крест — гарантия просветления и спасения». Конечно же, этих слов у Солженицына читатель не найдет, их сочинил Лакшин по принципу «Мели, Емеля, — твоя неделя».

Однако емелина неделя прошла: пужать сегодня читателя подобными побасенками — пустое дело. Этим никого не испугаешь и тем более не дискредитируешь знаме-

Письмо в редакцию

нитую книгу — ради чего, собственно, так старается Лакшин — «Бодался теленок с дубом». И все главные «грехи» этой книги — обвинения Твардовского в «трусости», в «гордыне» и в еще одном «страшном пороке» — «это водка» — сочинены Лакшиным.

Нет, не обвиняет Солженицын

Твардовского ни в трусости, ни в гордыне, и даже «страшный порок» — не обвинение. И не злокозненная выдумка Солженицына.

Хочу спросить Владимира Яковлевича: неужели вы забыли, как мы вместе с вами, с Дементьевым, Сацем предавались этому «страшному пороку» — кушанию с водкой? И песни певали при этом, вроде бы и неплохо получалось. И Александр Трифонович недурственно певал, и пить умел. Хорошо держался. И не надо ханжески скрывать правды. Бывали, конечно, и запои...

Так ведь недаром Шолохов ответил в 30-м году Сталину, толкнувшему пренебрежительно писателя в плечо: «Ты пьяный!»: «От такой жизни запьешь», — последовал ответ.

Или забыли, Владимир Яковлевич, где вы живете? Или не знакомы вам блоковские крылатые строки: «Ты будешь доволен собой и женой, своей конституцией куцой. А вот у поэта — всемирный запой, и мало ему конституций!». Если это и можно назвать страшным пороком, так не пороком поэта, а всего строя российской действительности.

Зачем же чернить писателя, посмевшего написать правду? Разве порочит Солженицын Твардовского? Сострадает ему... И писал он это в ту пору, когда вы покорно молчали или сочиняли свои «розовые» мемуары о Твардовском.

«Рак — это рок всех отдающих-

CODE: СССР

ИТЕМ: ПОЛНАЯ ВОЗМУЩЕНИЯ РЕАКЦИЯ ПИСАТЕЛЯ Б. МОЖАЕВА НА СТАТЬЮ В. ЛАКШИНА
"ЕЩЕ О ТВАРДОВСКОМ И СОЛЖЕНИЦЫНЕ"
121

ся жгучему, желчному... подавленному состоянию», — написал Солженицын, человек, не только переболевший этой страшной болезнью, но и писавший эти строки, еще не полностью избавившись от нее, писал, не щадя ни себя, ни других. Здесь, повторяю, — сострадание к Твардовскому, осуждение его гонителей... А вы делаете вид, будто Солженицын винит Твардовского в его болезни: «То есть сам себе и виной — зачем поддался настроению... Какая дурная игра слов: рок — рак; а за этим мучительные годы каждодневного противостояния Твардовского с тупостью, духовным насилием и фальшью... брань и задержание его книг», — пишете вы.

Для вас это, может быть, и «дурная игра слов», для Солженицына же — страшная жизнь под гнетом «духовного насилия и фальши», «оскорблений», «газетной брани», какие все-таки не выпали Твардовскому. И тем не менее под этим гнетом писатель достойно отстаивал и свою честь, и честь Твардовского, и честь русской литературы. Вспомните хотя бы его некролог на смерть Твардовского! Отчего же вы не написали тогда такой некролог, не выступили в защиту затравленного поэта? А теперь браните книгу Солженицына, и вовсе не потому, что там «оклеветан» Твардовский (эта мысль может родиться только в больной голове), а потому, что там вы получили хорошую трепку. И поделом.

Теперь предупреждаете издателя книги «Бодался теленок с дубом» — мол, появившись в свет книга сия — вы полностью опубликуете очерк «Солженицын, Твардовский и «Новый мир». А еще изволите напоминать — как там, в Лондоне, напечатали отповедь Солженицыну еще в 1977 году.

Что ж, этот «заграничный» очерк, которым пугает издателя Лакшин, я читал и немедленно отвечу Лакшину, появившись он в нашей печати. Лакшин козыряет перед читателем тем, что он лучше знал Твардовского, чем знал его Солженицын. У меня тоже есть козыри: я знаю Солженицына лучше Лакшина и знаю лучше Лакшина взаимоотношения Солженицына с Твардовским; в те критические дни, о которых ведется речь в книге Солженицына, я не отсиживался за двусторчатой кабинетной дверью, а действовал. Об этом сказано, кстати, в воспоминаниях Ю. Трифонова, опубликованных недавно на страницах «Дружбы народов». И я могу кое-что добавить: о той трусости, о страхе, о бездействии, которым была скована в те дни вся редакция «Нового мира», в том числе и вы, Владимир Яковлевич.

Нет, издать книгу «Бодался теленок с дубом» надо непременно.

Б. МОЖАЕВ,
писатель.

- 1-р -

CODE:

ITEM: L000027 - 01

JAKOREWAA

28-MAR-1990 09:50:34

ИСТОРИЯ ЗАКРЫТИЯ ГАЗЕТЫ "СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ". ИСТИННАЯ ПРИЧИНА "РЕОРГАНИЗАЦИИ" - РЕФОРМАТОРСКАЯ СУТЬ ГАЗЕТЫ

Сергей ПАНАСЕНКО,
Елена ЧЕРНОВА

ЛОЖКА ЗАСТОЯ В БОЧКЕ ГЛАСНОСТИ

ПРОШУ СЛОВА

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ЦК КПСС «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ» БЫЛА ЗАКРЫТА ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ОТ 23 ИЮЛЯ 1989 ГОДА.

В САМОМ ЭТОМ ФАКТЕ НЕ БЫЛО БЫ НИЧЕГО ПРИМЕЧАТЕЛЬНОГО:

В КОНЦЕ КОНЦОВ
ИЗДАТЕЛЬ ВОЛЕН РЕШАТЬ СУДЬБУ
СВОИХ ИЗДАНИЙ ПО СОБСТВЕННОМУ
УСМОТРЕНИЮ,
НО РЯД ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ
И СОПУТСТВОВАВШИХ
ЭТОМУ СОБЫТИЮ,
ВЫНУЖДАЕТ НАС
ВЗЯТЬСЯ
ЗА
ПЕРО.

Надо же когда-нибудь наконец вынести сор из избы, именуемой «Партийное руководство печатью». И не о нашей... персональной судьбе речь: мы-то, слава богу, устроены (чего, однако, нельзя сказать о всех сотрудниках ликвидированной газеты), но мы боимся, что в попытках остановить или хотя бы замедлить развитие событий будут еще сломаны судьбы многих газет и журналистов, — и об этом надо непременно знать и помнить, обсуждая, в частности, проект Закона о печати.

Давайте сперва вчитаемся в документ, поставивший точку в двадцатилетней истории «Социалистической индустрии». Здесь сказано: «В связи с реорганизацией ЦК и с переходом его от отраслевого деления к политическому реорганизуются и отраслевые издания». Вроде бы логично, но... Как объяснить, почему «Экономическая газета» и «Социалистическая индустрия» считаются отраслевыми, а «Сельская жизнь» и «Учительская газета» — нет? И почему одну отраслевую газету достаточно просто переименовать, а другую надо обязательно закрыть?

CODE:

ITEM: LO00027 - 02 JAKOREWAA

28-MAR-1990 09:50:45

ИСТОРИЯ ЗАКРЫТИЯ ГАЗЕТЫ "СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ". ИСТИННАЯ ПРИЧИНА "РЕОРГАНИЗАЦИИ" - РЕФОРМАТОРСКАЯ СУТЬ ГАЗЕТЫ

2

Впрочем, и с двумя закрытыми — «Социалистической индустрией» и «Строительной газетой» — тоже в конечном счете обошлись неодинаково. Хлопоты народных депутатов и коллектива редакции «Строительной газеты» увенчались неожиданным успехом: газету не закрыли, а формально вернули прежнему владельцу, у которого забрали несколько лет назад. — Госстрою СССР. Правда, вернули своеобразно: расторгнув с издательством «Правда» договор об аренде типографии и здания. «Строительная газета», таким образом, превратилась в нечто небывалое, на бумаге она существует, но не выходит, ибо нет типографии и нет помещения. Коллектив, естественно, потихоньку разваливается, так что, когда появится «жилплощадь», возникнет проблема кадров.

Что же касается «Социалистической индустрии», то ни коллективное письмо на имя Генерального секретаря М. С. Горбачева, ни заступничество членов Верховного Совета СССР, ни предложения «выкупить» газету у ЦК или отдать более заинтересованному издателю не возымели эффекта.

Сравнивая судьбу двух закрытых газет ЦК, невольно приходишь к выводу: дальнейшее существование «Строительной газеты» реформаторам было просто безразлично, а вот к «Социалистической индустрии» они относились куда ревностнее и внимательнее...

Корни этого «особого отношения» в многолетней истории конфликтов и примирений газеты и ее издателя. Возникшая на излете предыдущей, «косыгинской», хозяйственной реформы, «Социалистическая индустрия» пережила родительницу. И как бы ни коржило газету, куда бы ни швыряло ее, в те «застойные» годы она в общем-то числилась в «левых» (в «левых» той поры, разумеется). К этому обязывало ее звание «реформаторской газеты». Правда, по нынешним меркам та «левизна» была малопродуктивна. Критиковали нерадивых министров за отдельные упущения, отдельные предприятия за срыв отдельных заданий и так далее, но то, что эту роль «Социалистическая индустрия» исполняла ревностнее многих иных изданий, ей, понятно, друзей в высших эшелонах власти не прибавляло.

Ладно, про удушливую атмосферу тех десятилетий нам теперь все известно. Парадокс, однако, в том, что отношения ЦК и газеты начали стремительно портиться уже в перестроечную эпоху, когда мы, журналисты, всерьез восприняли лозунги демократизации и гласности.

Вот всего несколько примеров.

Многотысячный коллектив Павлодарского тракторного завода обратился в газету с просьбой помочь им грамотно организовать выборы директора. Об этом прослышали в бывшем Минсельхозмаше. Сперва посыпались звонки из министерства, редакцию просили не идти «на поводу», а когда журналисты не поддались на уговоры, потому что хорошо знали реальное состояние и отрасли, и предприятия, в дело включились партийные руководители высокого ранга. В результате выборы, объявленные редакцией, были скомканы, а статья обо всем этом так и осталась непечатанной...

Особенно «влетало» газете за ее экономическую тематику. В череду звонков по «вертушке» и устных «неудовольствий» в кулуарах, как два гика в горной цепи, выделяются два совещания (если это можно так назвать) в ЦК. Первое состоялось в 1987 году в Отделе пропаганды, куда «на ковер» была вызвана в полном составе вся редколлегия. Годом позже главного редактора газеты, его заместителя и редактора отдела экономики пригласил для беседы заведующий Экономическим отделом В. Шимко. «Собеседников» со стороны ЦК было больше дюжины, а поводом стала публикация нашумевшей статьи В. Селюнина «Темпы роста на весах потребления», а также проведенная газетой дискуссия «План или рынок». Тогда же у газеты, помимо традиционного куратора из Отдела пропаганды, появился и спецкуратор из Экономического отдела ЦК.

— У нас к газете никаких претензий! — соблюдая политес, повторяли нам идеологические руководители. И чем настойчивее это подчеркивалось, тем нам, профессиональным собирателям информации, умеющим делать выводы даже из умолчания, становилось яснее: хитрят товарищи!

— Вы же прекрасно понимаете, за что вас прикрыли! — сказал в лицо одному из наших коллег недавно заведующий отделом информации Совмина СССР Л. Вознесенский. — Мы не против критики, но нельзя же так. Ведь вы ни одного решения правительства не пропускали, чтобы не проревизовать его...

Вот она — одна из важнейших причин столь странной «реорганизации» партийной прессы...

Восемь месяцев в глубокой тайне наш Издатель трудился над пресловутым постановлением. Лишь обрывочные слухи долетали до нас: одобрили... нет,

CODE:

ITEM: L000027 - 03

JAKOREWAA

28-MAR-1990 09:50:55

ИСТОРИЯ ЗАКРЫТИЯ ГАЗЕТЫ "СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ". ИСТИННАЯ ПРИЧИНА "РЕОРГАНИЗАЦИИ" - РЕФОРМАТОРСКАЯ СУТЬ ГАЗЕТЫ

3.

Политбюро завернуло... нет, приняли... — гласность образца 1989 года. Наконец, когда все уже было решено, согласовано и подписано, нашего главного редактора А. Баранова и секретаря парторганизации В. Васильеву поставили перед фактом. Робкие возражения, что в духе времени и провозглашенных партией же принципов следовало бы посоветоваться с журналистским корпусом и миллионами читателей, были отвергнуты как «формальные». Зато была высказана просьба успокоить коллектив: все без исключения, кто не желает работать в реорганизованной газете, будут трудоустроены без потери заработка и статуса. Правда, никак не удавалось добиться, каким же Издатель видит реорганизованный печатный орган «Рабочая трибуна»; вопрос, согласитесь, не праздный. И только 15 декабря, то есть за две недели до официального закрытия газеты, было объявлено, что ЦК будет трудоустраивать лишь членов редколлегии.

Знаете, сколько членов редколлегии «Социалистической индустрии», не оставшихся в «Рабочей трибуне», трудоустроил ЦК? Не считая тех, кто ушел на пенсию, — ни одного. Все нашли себе работу самостоятельно, и в материальном плане никто из них не пострадал. Что же до «черной кости», то мы и вовсе были предоставлены сами себе.

Может быть, таков или примерно таков порядок закрытия газет во всем мире? Но тогда пусть у нас будут и зарплаты, «как во всем мире», и пособия по безработице, и мощные профсоюзы, а то ведь некоторые журналисты «Социалистической индустрии» после многих лет воспевания преимуществ социализма неожиданно очутились в обстановке, близкой к капитализму эпохи Карла Маркса, где ничего не стоит выкинуть с двухмесячным пособием вдову с большой дочерью на руках...

Продолжением этой пренебрежительной тактики стал подбор сотрудников в «Рабочую трибуну»: газету, создававшуюся, как мы уже упомянули, на развалинах «Социалистической индустрии». Теоретически новый главный редактор, создавая новую газету, должен, конечно, иметь свободные руки. В такой ситуации карт-бланш на любые кадровые решения вполне логичен. Однако без объяснений понятно, что от

нового главного редактора в такой ситуации следует ожидать максимум такта и деликатности. Между тем с появлением на эстаке новоназначенного главного редактора нервозность в коллективе поднялась до новой отметки. Он постарался окутать кадровый вопрос плотной завесой тайн и слухов. С коллективом прежней редакции он подчеркнуто не встречался, вынуждая людей недоумевать и беспокоиться: конец года стремительно приближался, надо было как-то определять свою судьбу, а здесь — полная неясность...

Попробуйте теперь наложить на описанную ситуацию с нашей газетой проект Закона о печати и других средствах массовой информации, и окажется, что он при кажущейся своей революционности ничем не облегчит жизнь какой-нибудь завтрашней «Социалистической индустрии» и ее журналистам. Отменяя в первой статье цензуру — строго говоря, и не существующую в явном виде, —

он не дает никаких инструментов борьбы против ущемления свободы слова со стороны Издателя, кроме непонятного редакционного Устава. Нет защиты в нем и для отдельных редакционных работников, которым — не приведи бог, конечно! — выпадет оказаться в аналогичной ситуации.

Да и о какой юридической защите может идти всерьез речь, если механизм давления на прессу реализуется сейчас в виде неуловимых и нематериальных «мнений»? Через них корректируется позиция любой газеты, любого журнала. Реакция на тот или иной материал — часто полтора-два строк — доводится быстро и решительно. Мы, например, очень скоро узнавали «мнение» ЦК о каждой нашей публикации. Репортаж с критикой «свободного» Арбата пришелся по душе, а заметки публициста о природе государственной собственности не понравились; когда это повторяется изо дня в день, поневоле начнешь делать выводы и «перековыряться».

Требуются ли перемены и реформы в ведомственной партийной печати? На первый взгляд безусловно. Первейшее доказательство этого — небывалое падение подписки на многие издания ЦК. Они проигрывают в оперативности, глубине анализа, а главное — в смелости суждений, поражая читателя порой полным отсутствием собственной независимой позиции.

CODE: .

ITEM: L000027 - 04

JAKOREWAA

28-MAR-1990 09:51:06

ИСТОРИЯ ЗАКРЫТИЯ ГАЗЕТЫ "СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ". ИСТИННАЯ ПРИЧИНА "РЕОРГАНИЗАЦИИ" - РЕФОРМАТОРСКАЯ СУТЬ ГАЗЕТЫ

4.

С другой стороны, так ли уж велика «заслуга» самих этих газет и журналов в том, что с ними приключилось? Не есть ли это отражение общего кризиса в партии? Судя по решительности реформаторов, они так не считают. Пусть. Но реформировать партийную печать нельзя, если процессы и сдвиги в современном общественном сознании воспринимаются иными из работников аппарата ЦК совершенно неверно, когда утеряна способность к адекватному, как это принято сейчас называть, реагированию на внешнее воздействие.

Судите сами. С высоких трибун раздаются заявления о готовности и жизненной важности для СССР вступить равноправным партнером в систему международного разделения труда. Принимается пакет законов и инструкций, направленных на активизацию деловой жизни в стране, на поощрение инициативы и предприимчивости (что законы эти могли бы быть много лучше, спору нет, но не о том речь). И одновременно закрывается единственная газета страны, реально способная стать рупором новых экономических кругов, деловой газетой, советским вариантом «Файнэншл таймс» или «Уолл-стрит джорнэл». Лихорадочные усилия многих журналистов, в том числе и бывших «социндустрийцев», создать такую газету с нуля свидетельствуют об имеющемся «социальном заказе» на такой печатный орган. Беда в том, что им потребуются одолеваять весь путь с самого начала, а «Социалистическая индустрия» в момент уничтожения прошла его уже до середины.

С тех же высоких трибун раздаются призывы поставить на первое место общечеловеческие, а не ограниченно-классовые ценности, прекратить наконец делить людей на плохих и хороших по социальной принадлежности. И одновременно ликвидируется экономическая газета, читателями которой в равной степени были и рабочие, и интеллигенция. Взамен же создается издание, которое общественным мнением уже прочно повязано с пресловутым Объединенным фронтом трудящихся, которое с первых же выпусков постаралось не посрамить это «рабоче-крестьянское» родство. Осуждение демократической платформы «партийных клубов», восторги по поводу недавнего митинга у телецентра в Останкине — вот наугад два выступления этой «пере-

строечной газеты», только что, напоминаем, созданной ЦК.

Так для чего же потребовалось затевать эту рокировку?

Мы можем предположить только два ответа: либо наши идеологи все еще считают пролетариат особым, боговдохновенным классом, контакт с которым для партии избирательно ценен, либо это попытка разыграть «рабочую карту» в политической игре, использовать накапливающееся недовольство рабочих своим положением для наведения в стране «порядка». Первое свидетельствовало бы о полном разрыве с реальностью, о попытках подогнать жизнь под старую-престарую идеологическую схему. Второе — о чрезвычайной тревожности, даже взрывоопасности ситуации. Повысить уровень жизни рабочих, удовлетворить их социальные и профессиональные запросы прежним образом, отбирая у одних и отдавая другим, уже невозможно: в обществе почти не осталось благ, которые можно попытаться перераспределить. Значит, остается одно: демонстрировать заботу о рабочем не на деле, а на словах, создавая рабочую газету, заодно получая и право говорить через эту газету как бы от имени рабочих.

Но все дороги ведут в Рим, времена меняются, и попытки аппарата через описанную реформу своей прессы, как бы это в действительности ни объяснялось, усилить влияние партии на рабочих едва ли принесут реальные плоды.

Механизм партийного контроля за прессой, конечно, сложнее того, что мы описали. В него органически входят и обязательные к публикации сообщения ТАСС, и постоянное психологическое давление на журналистов посредством санкционированных призывов «приструнить» средства массовой информации, и совещания в ЦК. Но вот что отраднее: в последние годы механизм этот, почти безупречный раньше, начинает давать все более заметные сбои.

Вернемся еще раз к истории с «Социалистической индустрией» и зададим себе вопрос: если бы газета эта была стопроцентно управляемой, потребовались бы такие крутые меры? Мы думаем, нет. В том-то и сердцевина конфликта, что газета уже была достаточно своевольна и независима, чтобы вызвать гнев живущего старыми представлениями Издателя, но еще достаточно покорна, чтобы позволить себя

CODE:

ITEM: L000027 - 05

JAKOREWAA

28-MAR-1990 09:51:07

ИСТОРИЯ ЗАКРЫТИЯ ГАЗЕТЫ "СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ". ИСТИННАЯ ПРИЧИНА "РЕОРГАНИЗАЦИИ" - РЕФОРМАТОРСКАЯ СУТЬ ГАЗЕТЫ

5

зарезать. Наше несчастье в том, что мы не успели продвинуться так далеко, чтобы нас нельзя было уже и пальцем тронуть из опасения скандала. Пока что скандал, огласка — это то, чего, как ни занятно, инициаторы гласности боятся пуще всего.

Закрытие «Социалистической индустрии», бессилие аппаратчиков трудоустроить своих же номенклатурных работников, россыпи нелитованных, самиздатских газет, в открытую предлагаемых распространителями, — все это говорит об одном: по-старому нельзя уже осуществлять контроль над средствами массовой информации в стране. Неизбежный, объективный процесскрепощения слова будет нарастать. Партийные идеологи в принципе могут отреагировать на него двояко. Могут пойти навстречу этому процессу, и это существенно облегчит переход к демократии, к правовому государству, а могут закрывать, вызывать «на ковер», судить и рядить печать и телевидение — такие случаи нам тоже известны. Испорченные рукописи и передачи, обиженные люди сопутствуют этому способу ведения дела. Демократия, будем надеяться, все равно пробьет себе дорогу: вопрос в сроках и в плате, которую возьмут со всех нас, журналистов и нежурналистов, писателей и читателей, те, кто привык решать наши взаимоотношения за нас и без нас.

49

CODE: УКРАИНА

ТЕМА: НЕСКОЛЬКО ЦИФР, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ОБМЕН УССР С ДРУГИМИ РЕСПУБЛИКАМИ

- 1 -

ПРАВДА УКРАИНЫ

17 марта 1990 г.

Стр. 4

КТО КОГО КОРМИТ

НЕСКОЛЬКО ЦИФР, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ОБМЕН УССР С ДРУГИМИ РЕСПУБЛИКАМИ

Сейчас все чаще предметом обсуждения в республике становятся вопросы взаимовыгодности установившихся внутрисоюзных экономических связей. Каких только суждений на тему «кто кого кормит» не доводится выслушивать.

А как же обстоят дела на самом деле? На этот вопрос может дать ответ только глубо-

кий анализ ввоза-вывоза продукции. Хочу предложить читателю некоторые статистические данные о таком обмене. Замечу, что подобные цифры публикуются впервые. Поскольку отчеты за 1989 год еще не сведены и не систематизированы, будем рассматривать вопрос на примере 1988 года.

Общий годовой объем ввоза-вывоза по Украинской ССР достиг тогда 96,8 млрд. рублей, что составляет примерно треть всего произведенного валового общественного продукта по республике и на 3,1 млрд. рублей больше, чем он был в 1987 году. При этом 79 процентов всего продуктообмена приходится на обмен с союзными республиками и 21 процент — на внешнюю торговлю. Причем в 1988 году ввезено на Украину продукции на 49,86 млрд. рублей, а вывезено ее в другие республики

и по экспорту лишь на 46,94 млрд. рублей.

Внутренние потребности экономики и населения Украинской ССР обеспечиваются продукцией собственного производства только на 82 процента (по РСФСР—86, Белоруссии — 74, Прибалтийским республикам — на 71—73 процента). Выходит, наша республика сегодня не может замкнуться только на своем хозяйстве, не обойдется без установившихся контактов с другими союзными республиками.

Правда, за счет собствен-

ных ресурсов практически полностью покрываем потребности в электроэнергии, угле, цементе, сахаре, мясной и комбикормовой продукции, хлебобулочных, макаронных и многих других изделиях. Более того, по отдельным видам производимой продукции занимаем монопольное положение в стране. У нас, например, производится значительная часть магистральных тепловозов, сосредоточен весь выпуск кукурузоуборочных комбайнов. Но и здесь велика зависимость от предприятий других союзных республик и, в частности, от поставок электрооборудования, силовых двигателей, радиотехнических изделий из Алтайского края, Оренбургской области, Калуги, Брянска и Владимира.

Недостающую для нормального функционирования народного хозяйства и обеспечения потребностей населения часть материально-сырьевых и товарных ресурсов наша республика восполняет в обмен на вывоз за свои пределы шестой части всего производимого общественного продукта. За счет ввоза со стороны полностью формируются ресурсы потребляемого каучука, на 60—80 процентов — потребности в нефти, цветных металлах, станках и инструменте, автомобилях, химических волокнах и нитях, парфюмерно-косметических изделиях, на 40—50 процен-

CODE: УКРАИНА

ITEM: НЕСКОЛЬКО ЦИФР, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ОБМЕН УССР С ДРУГИМИ РЕСПУБЛИКАМИ

2-

тов — в лесоматериалах, целлюлозно-бумажной, текстильной, медицинской продукции, электротехнических и кабельных изделиях.

По межреспубликанскому обмену (без учета экспортно-импортных операций) Украинская ССР вывозит продукции на 40,06 млрд. рублей, а завозит ее из других республик на 36,43 млрд. рублей. Эти данные говорят о том, что при соблюдении принципа хозрасчетной возмездности в экономическом сотрудничестве УССР может получать от других союзных республик продукции на 3,6 млрд. рублей больше, чем мы ее получаем в настоящее время. Безусловно, такая добавка заметно улучшила бы ситуацию и на потребительском рынке.

Однако получить ее не просто, и вот почему. Украина, увы, имеет «минус» в экспортно-импортных операциях. Мы сейчас потребляем продукции из-за рубежа на 13,43 млрд. рублей, а поставляем ее по экспорту лишь на 6,88 млрд. рублей.

Вот и получается, что, «выигрывая» 3,6 млрд. рублей в межреспубликанском обмене, мы проигрываем во внешне-

торговом товарообороте 6,5 млрд. советских рублей. А ведь эти «ножницы» покрывает Союз...

Часто утверждают, что основной и чуть ли не единственной причиной неэквивалентного межреспубликанского продуктообмена являются недостатки в ценообразовании. Да, несомненно, цены у нас далеки от совершенства. Но расчеты показывают, что и в условиях цен мирового рынка баланс товарооборота в целом по республике практически не изменится. Сократится валютная задолженность другим странам и примерно на такую же сумму увеличится зависимость от союзных республик. Украина по-прежнему останется ввозящей республикой с отрицательным сальдо товарооборота в 2,9 млрд. рублей.

Вывод из вышеизложенного очевиден. Экономика республики должна функционировать значительно эффективнее, чем прежде. Отрицательное сальдо товарообмена нетерпимо при любом положении Украины в союзном государстве.

В качестве основных мер по улучшению сбалансиро-

ванности ввоза-вывоза могли бы стать увеличение экспорта продукции, цены на которую на мировом рынке выше, чем на внутреннем (черные металлы, продукция машиностроения) и сокращение экспорта продукции легкой и пищевой промышленности, мировые цены на которые ниже, чем внутри страны. За счет этого можно было бы увеличить импорт товаров народного потребления.

Из приведенных данных видно, что, несмотря на некоторую напряженность, нормальное функционирование республики в условиях экономической самостоятельности может стать реальностью. Но потребуются дополнительные усилия всех трудящихся для наращивания объемов производства, обновления ассортимента и улучшения качества выпускаемой продукции, а также структурной перестройки экономики. Только это позволит добиться существенных положительных сдвигов в экономике и повышения благосостояния людей.

И. ИВАНЧЕНКО.
Заместитель председателя Госкомстата УССР.

-АФ

CODE:

ИТЕМ: ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВС СССР, ВС РСФСР И В ЦК КПСС О ТРАВЛЕ, ШЕЛЬМОВАНИИ И ПРЕСЛЕДОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ, ТО ЕСТЬ РУССКИХ

- 1 -

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ». 02.03.90. № 9 (1413)

Стр. 2-4.

В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР,
ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР,
В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

В последние годы под знаменами обьявленной «демократизации», строительства «правового государства», под лозунгами борьбы с «фашизмом и расизмом» в нашей стране разнуздались силы общественной дестабилизации, на передний край идеологической перестройки выдвинулись преемники откровенного расизма. Их прибежище — многомиллионные по тиражам центральные периодические издания, теле- и радиоканалы, вещающие на всю страну.

Происходит беспрецедентная во всей истории человечества массированная травля, шельмование и преследование представителей коренного населения страны, по существу объявляемого «вне закона» с точки зрения того мифического «правового государства», в котором, похоже, не будет места ни русскому, ни другим коренным народам России.

Тенденциозные, полные национальной нетерпимости, высокомерия и ненависти публикации «Огонька», «Советской культуры», «Комсомольской правды», «Книжного обозрения», «Московских новостей», «Известий», журналов «Октябрь», «Юность», «Знамя» и др. вынуждают заключить, что пасынком нынешней «революционной перестройки» является в первую очередь русский народ. Представители трех его ныне живущих поколений, начиная от ветеранов Великой Отечественной войны, спасших мир от гитлеризма, представители разных социальных слоев и профессий — люди русского происхождения — ежечувно, без каких-либо объек-

тивных оснований именуются в прессе «фашистами» и «расистами» или же — сугубо биологическим презрением — «детьми Шарикова», то есть происходящими от псов. Это прямо приводит на память гитлеровскую пропагандистскую терминологию относительно русских, «низшей» славянской расы.

Регулярному расистскому поношению подвергается все историческое прошлое России — дореволюционное и послереволюционное.

Россия — «тысячелетняя раба», «немая реторта рабства», «крепостная душа русской души», «что может дать миру тысячелетняя раба?» — эти клеветнические клише относительно России и русского народа, в которых отрицается не только факт, но сама возможность позитивного вклада России в мировую историю и культуру, к сожалению, определяют собою отношение центральной периодической печати и ЦТ к великому героическому народу-труженику, взявшему когда-то на свои плечи беспрецедентную тяжесть созидания многонационального государства.

«Русский характер исторически вырождается, реанимировать его — значит вновь (?) обречь страну на отставание, которое может стать хроническим» — читаем мы напечатанное на русском языке, на бумаге, выработанной из русского леса. Само существование «русского характера», русского этнического типа недопустимо по этой чудовищной логике! Русский народ обьявляется сегодня лишним, глубоко

CODE:

ITEM: ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВС СССР, ВС РСФСР И В ЦК КПСС О ТРАВЛЕ,
ШЕЛЬМОВАНИИ И ПРЕДЕЛОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
СТРАНЫ, ТО ЕСТЬ РУССКИХ

- 2 -

нежелательным народом. «Это народ с искаженным национальным самознанием», — заключают о русских советские политические деятели и журналисты. Желая расчленив Россию, упразднить это геополитическое понятие, они называют ее «страной, населенной призраками», русскую культуру — «накраденной» (1), тысячелетнюю российскую государственность — «утопией». Стремление «вывести» русских за рамки homo sapiens приобрело в официальной прессе формы ризиса клинического, маниакального, которому нет аналогий, пожалуй, среди всех прежних «скрижалей» оголтелого человеконенавистничества. «Да, да, все русские... люди — шизофреники. Одна их половина — садист, жаждущий власти неограниченной, другая — мазохист, жаждущий побоев и цепей» — подобная «типология» русских нарочито распубликовывается московскими «гуманистами» в прессе союзных республик — для мобилизации всех народов страны, в том числе и славянских, против братского русского народа. Русофобия в средствах массовой информации СССР сегодня догнала и перегнала зарубежную, заокеанскую антирусскую пропаганду. Особенность здешних хулителей и клеветников — в отрицании истинного характера своей деятельности, в отрицании непреложного факта — советской русофобии, в непризнании за собою состава преступления против России и русского народа.

Дискриминированный в реальных гражданских правах, ошельмованный как «раб», как «фантом» или «призрак», русский человек в то же время сплошь и рядом нарекается «великодержавным шовинистом», угрожающим другим нациям и народам.

Для этого лживо, глумливо переписывается история России, так что защита Отечества, святая героика русского патриотического чувства, трактуется как «генетическая» агрессивность, самодовлеющий милитаризм. «А с кем только не воювала?! — сокрушается насчет «забияки» России член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев в «Литературной газете» (14 февраля с. г.). — И все это в памяти. Все это формирует сознание, остается в генофонде... Психологически — наследие отягчающее».

И уж не для того ли, чтоб снять с нас генетическую, психологическую «тяжесть» патриотической ратной славы, центральная пресса ныне равно отказывает России и в победе над Наполеоном, и в победе над гитлеровской Германией? Примеры подобной беззастенчивой лжи средств массовой информации, которые пытаются перекричать и Карамзина с его «Историей государства Российского», и «Клеветникам России» Пушкина, и «Войну и мир» Л. Толстого, и свидетельскую память наших живых еще современников, — воистину бесчисленны.

Явно сочувствуя националистическим движениям и фронтам (от Прибалтики до Молдавии и Закавказья), проникнутым русофобскими настроениями, многие средства массовой информации замалчивают траге-

дию русского народа, его великие жертвы в прошлом и настоящем, многочисленные погромы, которым подвергается ныне русское население в союзных республиках.

На фоне этих погромов, организуемых в разных регионах страны, перед лицом десятков тысяч русских беженцев, лишенных приюта в собственном государстве, в средствах массовой информации учащаются грубые провокации, имеющие целью вызвать отвращение к русским, представить их в зоологическом виде — как это сделано было, например, в телепрограмме «Взгляд» 2 февраля с. г. в связи с вечером журнала «Наш современник». Провокационно раздувается жупел «Памяти», которую выдают за могущественно-агрессивную силу — нечто вроде гитлеровского эбвера, хотя речь идет, по сути, о нескольких маскарадных фигурах, которые во всех случаях не могут быть признаны выразителями мировоззрения целого народа, не говоря уж о том бесспорном факте, что их самодельные плакаты, попадающие в телекадры, ничуть не националистичнее лозунгов многих «демократических» «народных» фронтов в союзных республиках.

Пример крупномасштабной провокации, задевающей честь множества народов России, — дружные усилия центральной прессы объявить VI пленум правления СП РСФСР «антисемитским шабашем». Между тем едва ли не 70 процентов участников пленума были представителями братских литератур РСФСР.

Замалчивая многонациональный состав пленума, демократический механизм принятия решений, единодушие подавляющего большинства его разномациональных участников, центральная пресса нарочито суживает общественное мнение писателей России, ставит на один из полюсов нынешней литературно-идеологической конфронтации исключительно русских, только и именно их.

Ажеинтернационалистам из «Огонька», «Книжного обозрения», «Недели» и т. п., верно, невыгодно выявленное пленумом единство. Ибо это мощно заявившее о себе единство взглядов, сознание общности национальных судеб народов России не согласуется с клеветнической целью прессы и ЦТ — запугать население СССР «русским великодержавным шовинизмом». Центральная пресса игнорировала в своих «отчетах» о VI пленуме правления СП РСФСР выступления писателей из автономных республик, областей и округов России, не нашла для них места на своих многочисленных страницах, и уже одно это вынуждает подвергнуть глубокому сомнению якобы интернационалистическую позицию авторов провокационных «отчетов».

Возмутительный и, пожалуй, «новаторский» пример провокации — подстрекательство ленинградской прессы и телевидения накануне проведения в Ленинграде культурно-просветительского мероприятия «Российские встречи» с участием писателей из Москвы, Вологды и других городов России. «Политическим безрас-

CODE:

ИТЕМ: ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВС СССР, ВС РСФСР И В ЦК КПСС О ТРАВЛЕ, ШЕЛЬМОВАНИИ И ПРЕДЕЛОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ, ТО ЕСТЬ РУССКИХ

судством и безответственностью», «всплеском националистической волны», который угрожает городу актами «хулиганства, насилия и, не дай Бог, кровопролития», — вот как обозвала провокационно-клеветническая пресса приезд в «город на Неве» российских деятелей культуры и литературы. Словно вела речь о вражеском, иноземном нашествии! Словно русские деятели культуры направлялись не в русский город, недавнюю столицу России, а в ощеренный стан своих ненавистников и посягали на чужую землю, готовящуюся к отпору агрессорам! «Наш город должен ответить отказом... принять их на невской земле», — призывали в газете «Смена» члены бюро обкома ленинградского комсомола. «Проведение «Российских встреч» может стать элементом, стабилизирующим обстановку в нашем городе», — кликушествовали в письме в газету работники Ленинградского обкома ВЛКСМ, снова и снова призывая к «организации отпора» российским гостям.

Стоит заметить, что ничего подобного насчет куда более уместного отпора не публиковала ни «невская», ни другая советская пресса накануне слета в столице России, в декабре 1989 года, около 60 представителей крупнейших сионистских организаций Запада и Израиля, включая председателя исполкома Всемирной сионистской организации С. Динница.

А если вдуматься, что ленинградская пресса (и ТВ) желала бы запретить въезд в русский город таким знаменитым русским писателям, как, например, Василий Белов или Владимир Солоухин, фронтовикам — Сергею Викулову и Михаилу Алексею, а также детям и внукам тех, кто сложил головы на подступах к Ленинграду в 1941—1944 гг., тех, кто прокладывал Дорогу жизни по Ладоге ради помощи ленинградским блокадникам, — станет ясной всемирно-историческая беспримерность провокационной, организованной травли лучших представителей коренного народа России.

Эта оскорбительная травля не стихала и в саму неделю «Российских встреч», несмотря на успех литературно-публицистических, творческих вечеров у ленинградцев. Город был наводнен русофобскими, расистского толка листовками; у дверей концертных залов, где выступали российские писатели, вспыхивали провокации, гости нуждались в заботе правоохранительных органов. Одну из недостойных провокаций, учиненную ленинградской журналисткой А. Репиной, стремительно поддержала всесоюзная газета — «Известия», — вопреки разъяснению по ТВ работников Ленинградского ГУВД насчет мнимо пострадавшей от русских писателей неудачливой провокаторши.

Возникает вопрос: зачем некоторые журналисты ставят себя в столь незавидное, унижительное положение? Не только лгут очернительскими своими перьями, искаженными фокусами своих теле- и фотосъемок, уродующими расово «несимпатичные» лица людей, но готовы к практическим инсинуациям, к саморучному сотво-

рению «возмутительных» фактов в публичных местах, где немало свидетелей странного, порой именно буйного поведения «объективных» журналистов?..

Один из видов провокации — истерическое преувеличение, раздувание и натужное мушкетирование нежелательного события, даже и самого локального по его действительному масштабу.

Такой провокацией является опубликованное шестимиллионным тиражом «Литгазеты» (14 февраля 1990 года) «Открытое письмо членам Политбюро ЦК КПСС» от коммунистов раскольнической организации московских писателей «Апрель». Оно посвящено «налету (!) экстремистов из «Памяти» на Дом литераторов», или же — «достаточно подробно описанному в газетах» (и центральных журналах) «погрому в Доме литераторов».

Из «Открытого письма» выясняется, что экстремистские «налетчики», «погромщики» (группка лиц, откуда еще следствием не выясненных, бог весть как проникших в Дом литераторов, администрация которого несет полную ответственность за допуск в ЦДЛ не членов СП), были вооружены... мегафоном. Этот-то мегафон неведомых оппонентов «Апреля» авторы «Открытого письма» приравнивают к «самым смертоносным видам оружия», которым «набиты наши склады», наши «страшные арсеналы». А само обоюдоевглярное, не без комических черт происшествие в ЦДЛ фактически ставит в один ряд с «трагическими событиями последних месяцев в Фергане и Азербайджане».

Кажется, надобно знать меру в средствах и формах отпора даже неправому мнению и поведению! Но, как ни досадно скандальное происшествие в ЦДЛ, провокационность «Открытого письма» комитета «Апрель», похоже, далеко перебивает суть и фабулу этого явно раздутого факта. Ведь мегафон неизвестных пришельцев на заседании «Апреля» побуждает «демократических» членов этой политической организации схватиться за... автоматы. «Надо уметь постоять за себя!.. — пишут «апрельцы». — Среди нас достаточно еще фронтовиков, которые повидали автоматы в руках не менее волосатых. Так что от подобных налетчиков защитить себя можем». Характерно, что это «ответно-милитаристское» заявление в «АГ» подписано в том числе и женщинами «Апреля» (отнюдь не фронтовиками). В том ли достоинство и долг писателей, чтобы при виде «оппонирующего» их политическим страстям прибудного, а возможно, ангажированного мегафона взывать к репрессиям и, на корню отвергая дискуссию, настраивать себя, Политбюро ЦК КПСС, миллионы читателей «АГ» не иначе как на гражданскую войну?

Глубоко провокационно и бездоказательно обвинение правления Союза писателей РСФСР, будто оно причастно к obstructии «Апрелю» со стороны не числящихся в СП РСФСР лиц.

CODE:

ИТЕМ: ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВС СССР, ВС РСФСР И В ЦК КПСС О ТРАВЛЕ,
ШЕЛЬМОВАНИИ И ПРЕДЕЛОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
СТРАНЫ, ТО ЕСТЬ РУССКИХ

- 4 -

Глубоко провокационно и назойливое стремление ряда печатных органов «слить» СП РСФСР с ряжеными крикунами из тщеславного крыла «Памяти» — несколькими «присяжными» манифестантами. Это подобно тому, как если бы секретариат правления СП РСФСР взвалил непосредственно на «Апрель» ответственность за действия, скажем, известного провокатора А. Норинского. СП РСФСР, его печатные органы воздержались от подобной постановки вопроса, хотя — и этого нельзя оспорить — помянутый провокатор обязан популяризацией своих деяний как раз некоторым писателям-«апрельцам», и ныне запугивающим общественность жупелом «Памяти».

И тут надо сказать: попытка возвести всякую мысль о возрождении России, о ее политическом и экономическом равноправии, о самобытности ее исторического пути, неповторимости ее национальной культуры к плакатам ославленных, хоть по сути — безвестных или самозванных, лиц из «Памяти», несомненно, служит сегодня прикрытию истинного расизма и неонацизма, нешуточные силы которого объединены в Союзе сионистов СССР, имеющем военизированные отряды бейт-аро в це в. Истерично крича об угрозе человечеству, всем народам СССР со стороны одиозных фигур из «Памяти», центральная пресса упорно тушует или беззастенчиво приукрашивает идейную сущность сионизма и тщательно уводит сознание граждан нашей страны от того, что на счету легализированной в СССР организации «Бейтар» — не только расистские лозунги еврейской национальной «исключительности», но и причастность к таким

деяниям, как, например, резня в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила, к сотням кровавых преступлений, террористических актов, от которых не раз содрогалась мировая общественность.

Пряча в тени истинных «коричневорубашечников» сегодняшнего дня, антиконституционно вторгшихся со своим международным сборищем в самое сердце России — Москву (еврейско-сионистский съезд 18—21 декабря 1989 года), развернувших практическую деятельность, ультрарасистскую пропаганду по всей нашей стране, «прогрессивная» пресса, в том числе печатные партийные органы, насаждает кощунственное понятие «русского фашизма», «нацизма российского», «русского неонацизма» — явления, которого у нас никогда не было и нет.

Выступая на февральском Пленуме ЦК КПСС, академик С. С. Шаталин разглагольствовал о том, что «великорусские шовинисты», к его, академика, «стыду», «решили возродить на нашей российской почве национал-социализм, что... эквивалентно национал-шовинизму» («Правда», 8 февраля с. г.).

Характерно, что «стыдливому» академику с его безответственным, бездоказательным обвинением никто на Пленуме не возразил. Хотя «возрождение на нашей почве национал-социализма» означает, что

последний уже бытовал на ней в прошлом, и похоже, что академик как минимум перепутал народы, страны и почвы — Россию с Германией Гитлера, агрессоров — с жертвами агрессии. Такая «рассеянность», быть может, естественна для парящего в эмпиреях ученого мужа, но прилична ли для Пленума ЦК КПСС? Осталось неясным, что известно коммунисту С. С. Шаталину о «великорусских» планах завоевания мира, покорения других народов? И кого именно подразумевает ученый под «великорусскими шовинистами», а цистами, столь хищными, что вгоняют его в краску стыда за Россию?

В наглой, провокационной лжи о «русском фашизме», «давно зародившемся (I)», — по уверениям советской прессы, — но до поры до времени не афишировавшем себя», — содержится, помимо прочего, непростительное глумление над народом, победившим в 1945 году гитлеровский фашизм, спасшим от него мир, в том числе — миллионы евреев. Подобное кощунство особенно чудовищно выглядит в канун 45-летнего юбилея героической Победы народа, сплотившего против фашизма все народы страны, как и народы Европы.

Именно официальные средства массовой информации, сфабриковав подложное понятие «русского фашизма», несут моральную ответственность за распространение в Москве и других городах листовок-карикатур с изображением Гитлера в русской косоворотке и смазных сапогах. И что-то вовсе не слышно, чтобы авторы, издатели, распространители этой пропагандистской «изопродукции» привлекали к уголовной ответственности за клевету на русскую нацию, за кощунство над десятками миллионов русских, павших на фронтах Великой Отечественной — «народной, священной» — войны!

При отсутствии фактов насчет «великорусского фашизма» явственно проступают в печати социально-политические мотивы подобного вымысла. Вот газету «Известия» (19 февраля с. г.) «повергает в отчаяние», как провозвестник «беды» (I), «лозунг на площади», то есть «плакат, поднятый одним хулиганом (I)»: «Русским школам — русским учителям». Вот он, «русский фашизм!» — бьет «в набат» газета в обзоре писем читателей.

Являясь органом Советов народных депутатов СССР, «Известия» решительно отказывают русским в тех именно элементарных социальных правах, какие всячески приветствует эта газета, когда речь идет о любой африканской стране, когда аналогичные права укрепляются (хоть бы в гипертрофированном виде) в Прибалтике, Армении или Грузии. Так, «Известия» не усмотрели «фашизма» в выступлении на I Съезде народных депутатов Ш. Амонашвили, который призывал к развитию «грузинской школы» — не просто ведущей преподавание на грузинском языке, но воспитывающей в детях грузинские национальные идеалы, любовь к Грузии и национальную гордость.

CODE:

ТЕМА: ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВС СССР, ВС РСФСР И В ЦК КПСС О ТРАВЛЕ, ШЕЛЬМОВАНИИ И ПРЕДЕЛОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ, ТО ЕСТЬ РУССКИХ

-5-

Мы тоже согласны с народным депутатом из Грузии. Однако не возьмем в толк, чем по существу отличается от него тот «один хулиган», что размечтался о «русской школе» с русскими учителями, которые бы (по слову Некрасова) «русские мысли внушали в умы» русским детям, воспитывая их русскую речь, русский смысл — «русский взгляд на жизнь» (Тургенев).

И мы поневоле приходим к выводу: фантом «русского фашизма» призван сегодня «справдаться» длящуюся и, возможно, планируемую на будущее всестороннюю дискриминацию России.

Так, спроста ли бесславный протест против создания РКП и даже Российской академии наук был выдвинут на февральском Пленуме ЦК КПСС — тем же академиком Штатлиным — как раз вслед за его измышлениями о «великорусском национал-социализме», «национал-шовинизме»? Слово бы этим именно — фашизм — означена была история Российской академии еще со времен Михаила Ломоносова!

Фантом «русского фашизма» придуман для разнообразных, в том числе и внешнеполитических, конечно, целей. По замыслу его изобретателей, он способен с помощью средств массовой информации решительно отвлечь внимание народов нашей страны от какой-либо внешней опасности государства.

Фантом «русского фашизма», «антифашистская» истерия в средствах массовой информации СССР, развернутая по этому мнимому поводу, призвана вместе с тем загодя затруднить возможность союзнических блоков нашей страны с другими государствами в случае общей для нас и для них внешней угрозы.

Выдумка о «русском фашизме» насаждается и для того, чтобы оправдать разрушение Советской Армии, подрыв оборонной мощи нашей страны.

Внедряемая в массовое сознание — у нас и за рубежом — ложь о «русском фашизме» была разработана, в частности, во имя аннулирования внешнеполитических следствий второй мировой войны, результатов победы Советского Союза и европейских стран антигитлеровской коалиции — всех народов, поднявшихся для разгрома фашистской Германии. Провокационная ложь о «русском фашизме» выдвигается ныне как глубоко унижающий Россию «моральный фон» для объединения Германии. Как идеологическое средство превращения страны-победительницы в страну, покрываемую позором.

Насаждение вымыслов о «русском фашизме» фактически ведет к «переосмыслению», упразднению в качестве состава преступления таких реальностей, как измена Родине, сотрудничество с иностранными фирмами и правительствами на основе предательства государственных интересов нашей страны.

Что ж до внутренне-политических следствий, то безудержные измышления о «ве-

ликорусском национал-социализме» нанесла (и наносят) небывалый, глубоко расчитанный удар по традиционной, исторической дружбе народов в Советской стране, которые издавна «сплелила Великая Русь» и которые могут быть ныне обречены на губительно-авантюрную политическую судьбу.

Притворный ужас перед «русским фашизмом» доходит до абсурда, до самых дешевых провокаций, какими не брезгует, к сожалению, даже верховно-парламентская пресса. Ее «берет оторопь», например («Надо бить в набат, в колокол — кто во что может...», как пишут «Известия»), от «фашистского» желания русских помочь друг другу в общенародной беде. «Как же случилось, — ужасаются в «румпоре» Советов народных депутатов СССР, — что молодежная газета помещает объявление: «Готов приютить семью русского военнослужащего»? С адресом. Значит, если по этому адресу обратится оставшаяся без крова «смуглая» женщина — ей дверь не отворят?»

Таков, при всем его очевидном безумии, терроризирующий русского человека, науськивающий на него вывод всесоюзного печатного органа! «Вот где корень озверения», — прямо указуют «Известия» на русское племя.

Но следует сделать и общий, равно касающийся и «русских», и «смуглых» наших соотечественников, куда более объективный, правдоподобный вывод: та идеологическая, широко финансируемая и технически оснащенная антирусская кампания, что развернута в средствах массовой информации СССР, может иметь единственно логический практический итог — установление в России, в стране в целом бескомпромиссного «режима Претории». Ведь нетрудно заметить, что под моральный, политический трибунал последовательно, изощренно подводятся как «националистические», по-своему «шовинистические» и «расистские» все народы страны, даром что многие из них в то же время используются для глобальной антирусской кампании. Натравливаемые друг на друга и непременно при этом — на братский русский народ, они неизбежно увидят себя столь же «бросовым», как и русская нация, материалом для транснациональных экстремистов, политических гангстеров ультралевого, тираннического толка, а свою историческую территорию, природные богатства и культурные ценности — предметом международной спекуляции, источником наживы «общечеловеческих» мафиози от «национально-освободительного» движения и мифической «демократии».

Не замечателен ли сам по себе факт, что фабрикация мифа о «русском фашизме» проходит на фоне стремительной реабилитации и безоглядной идеализации сионистской идеологии?

Эта идеализация равно касается ныне и советских, и зарубежных культурных, общественных деятелей еврейского проис-

CODE:

ITEM:

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВС СССР, ВС РСФСР И В ЦК КПСС О ТРАВЛЕ,
ШЕЛЬМОВАНИИ И ПРЕСДЕЛОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
СТРАНЫ, ТО ЕСТЬ РУССКИХ

- 6 -

хождения — в том числе политических деятелей фашистского государства-агрессора Израиля. Эта чисто расистская идеализация дошла ныне до игнорирования едва ли не всей мировой общественности с ее трезвыми оценками и выводами. Так, сионисты и просионисты в советской прессе (среди них — и народные депутаты СССР, и некоторые работники Идеологического отдела ЦК КПСС, и отдельные лица из Политбюро ЦК КПСС) гримируют преступный лик сионизма, «отмывают» его, с крикующим утверждением уже, будто «сионизм... оклеветан. ООН», принявшей с 1948 года свыше тысячи резолюций по осуждению сионистской агрессии на Ближнем Востоке и определившей сионизм как форму расизма и расовой дискриминации. Эти фарисеи от «демократизации» в национальной политике пытаются придать сионизму то конфессиональный статус «духовного», «религиозного» течения, то героическую окраску «национально-освободительного» (от арабов Палестины? от русских — в России?) движения.

Подобная неисторичная планомерная идеализация — испытанное средство формирования представления о «супернации», «über-нации», высшей нации.

Некритическое, слащаво-умильное, по существу раболепное, отношение к еврейству в его прошлом и настоящем, к здешнему и зарубежному, к империалистам и сионистам в том числе, оказывается, с точки зрения ведущих средств массовой информации, главным мерилom личного, общественного, профессионального достоинства советских людей нееврейского происхождения.

Даже формальная констатация еврейской национальности конкретного лица или лиц обрывает русского человека (а впрочем, и украинца, и белоруса, и чуваша, и азербайджанца, и т. д.) на клеймо «антисемита». Такая объективная констатация расценивается как посягательство на «права человека», на — «нововведенную» — «национальную тайну», как «злостное» раскрытие ее, приравняваемое к разглашению врачебной да, кажется, и государственной тайны. Ибо права «высшей» нации на деле включают в себя разом: и сокрытие национальной принадлежности, и, напротив, спекулирование ею (ее льготным статусом), и национальное самозванство, маскировку под чужим именем, и националистическую гордыню. Это обеспечивает в итоге свободу от исторической ответственности и тем паче от того национального «покаяния», которого требуют у других народов страны, в первую очередь — у русского народа.

В этих условиях даже многие честные, справедливые советские евреи не застрахованы от обвинений в «антисемитизме» со всеми вытекающими отсюда грозными последствиями.

В этих условиях «сеянем» межнациональной розни в СССР оказывается на практике даже сочувствие борющемуся за свои законные права арабскому народу Палестины.

В этих условиях, следует с тревогой отметить, на особом подозрении в недостатке «надлежащего» раболепия и покорности оказываются русские, даром что — «тысячелетние рабы». Вопреки историческим фактам они обвиняются в «зоологическом», как бы врожденном антисемитизме. А Еврейский научный центр Советской социологической ассоциации АН СССР публикует ныне в «Вестнике еврейской советской культуры» (№ 4, 1990) отобранные академиком Заславской «данные» о первенстве России в «проявлении антисемитизма» (к сожалению, не названных), сравнительно с другими республиками нашей страны.

«Антисемитизмом», «расистской одурью», «русским фашизмом», «нацизмом российским» в давно уже перевернутом зеркале средств массовой информации является, если вдуматься, все, не выгодное — нет, не евреям в целом, но сионистам. А поскольку последним, сугубо ориентированным на интересы государства Израиль, на рваческие интересы вырождков еврейского народа, невыгодно отсутствие антисемитизма в России (сдерживающее эмиграцию в Израиль, препятствующее льготному статусу «политических беженцев» для евреев-эмигрантов из СССР), то и признание отсутствия антисемитизма в России расценивается как «антисемитизм». Такова казуистика националистического политиканства! Так совершается подлог истинных интересов множества советских евреев, не желающих оплевывать свою русскую родину, поддерживать агрессивные планы Израиля. Так сужается, превратно трактуется, заметим, объективное понятие фашизма, которое нарочито сводится исключительно к «проявлениям антисемитизма». Слово бы подлинный, слишком известный со времен Гитлера и Муссолини фашизм ограничивался преследованием лишь одной нации и был нацелен лишь против евреев — и, следовательно, «не бывает» фашизма, нацизма сионистского толка. Между тем именно последний несет прямую ответственность за многие, в том числе еврейские, погромы. За «обрезание сухих ветвей» древа своего же народа — в Освенциме и Дахау, во Львове и Вильнюсе.

В связи с расширяющимися вне воли русского народа дружественными контактами СССР с государством Израиль свободный экспорт сионизма в нашу страну стал грозной реальностью, и опасность его для всех народов страны выдвинулась на первый план. Эта опасность привычно маскирует себя разнообразными фактическими и идеологическими подлогами. Так, не отличаются ото всех названных выше подлогов и подрывные, сеющие злобу и панику слухи о готовящихся еврейских погромах в Ленинграде, Москве и других городах России. Эти слухи едва ли не ежедневно в последние месяцы транслируются телевидением, раздуваются прессой.

CODE:

ITEM: ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВС СССР, ВС РСФСР И В ЦК КПСС О ТРАВЛЕ, ШЕЛЬМОВАНИИ И ПРЕДЕЛОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ, ТО ЕСТЬ РУССКИХ

-7-

Пожалуй, можно указать на один из источников подобных слухов.

В уже упомянутом еврейском «Вестнике» сообщается, что среди «делегатов и гостей первого съезда еврейских общин и организаций», который состоялся в Москве, было проведено анкетирование, охватившее 352 еврейских активистов.

«Как вы считаете, — вопрошала анкета,

— возможна ли в вашем населенном пункте в ближайшее время вспышка антисемитизма, сопровождаемая актами вандализма, жестокости, насилия?» (разрядка Еврейского научного центра Социологической ассоциации, возглавляемой академиком Заславской).

Откровенная провокационность подобного опроса, его огласки, публикации в прессе не нуждается в комментариях.

Эти социологические игры — под эгидой Академии наук СССР и с одобрения «гостей» еврейского форума в Москве, среди которых оказались столпы международного сионизма, — состоялись еще в декабре прошлого года, предвзято собой широкую волну панических слухов о «ближайшей будущности» советских евреев.

А сегодня дело дошло до того, что иные руководящие партийные и советские работники, вместо того, чтобы вскрыть источники провокационных измышлений, тревожащих — подчеркнем — отнюдь не одних лишь евреев, и принять меры против мастеров запугивания советских людей, с телеэкрана «демократически» призывают население к базоглядному доносительству насчет всего, хоть бы и померещившегося по части «еврейских погромов».

Ни один другой народ нашей страны, пусть и давно уже втянутый в кровавые межнациональные конфликты, не удостоился подобной заботы со стороны «бдительных», «человеколюбивых» и могущественных средств массовой информации.

Впрочем, эта «забота» все более смахивает, в свою очередь, на едва прикрытую национальную провокацию, все более убеждает, что кто-то из «сильных мира сего» жаждет погромов и, по сути, готовит их, загодя перекладывая ответственность на непричастных, противоборствующих провокациям лиц: на правление Союза писателей РСФСР, его VI пленум, на целый ряд русских деятелей культуры, патристические организации России.

Слишком ясна конечная цель ширящейся политической провокации: несомненно задев как раз неповинных в низком политиканстве евреев, еврейские погромы, на сильно призываемые сегодня на русскую землю, стали бы в итоге «кровавой баней» для русского народа, а затем и других народов РСФСР. «А что, если не дожидаться погромов?..» — спрашивают уже самые нетерпеливые журналисты.

В этой связи весьма показательным муссирование в прессе вопроса о специфическом, исключительном, защищающем суверенитет одну нацию «законе об антисемитизме». Уже сама постановка такого, жизненно неактуального и узкого вопроса о преимущественной, выборочной национальной льготе, или особом праве на защиту со стороны государства, свидетельствует о национальной, по сути — националистической, предвзятости многих средств массовой информации. Ведь этот предвзято-законодательный, национально-эгоистический вопрос поднимается в обстановке неслыханных человеческих жертв, которые несут сегодня разные народы страны (но отнюдь все же не собственно еврейский)!

Нет сомнений, что все народы СССР имеют равное право на законодательную и практическую защиту их национального достоинства и жизненных интересов. И потому мы говорим решительное НЕТ как провокации (и возможному инспирированию) еврейских погромов, так и специфическому законодательству в пользу одного какого-либо народа. Мы говорим решительное НЕТ умышленному расчесыванию ненанесенных ран — культивированию, нагнетанию общественной истерии. В обстановке расчетливо организуемых вспышек братоубийства в стране мы глубоко возмущены ханжеской, спекулятивной прессой, впадающей в театральные мелодраматические «ужас... при виде пролитой крови» — «там, где она пролилась пока не буквально, а фигурально» («Известия», 19 февраля с. г.). Ибо, взвинчивая нервы читателей, эта пресса, освящая фигуральные жертвы, жестоко-равнодушна к жертвам натуральным. Она оставляет на обочине своего внимания и русских беженцев из союзных республик, и неисчислимые славянские жертвы Чернобыля, и угрозу самому бытию множества «забытых» народов РСФСР. Она бесстыдно клеймит «оккупантами» посланных на заключение, в полыхающие костры межнациональных усобиц, русских солдат — юность, надежду приговоренной к вымиранию русской нации.

Что же касается требуемого средствами массовой информации, группой народных депутатов СССР, рядом «демократических» фронтов и движений упомянутого «закона об антисемитизме», то, имея в виду все вышесказанное, этот искусственный закон особенно опасен для русского населения, сполна уже испытавшего на себе его действие в 20 — 30-е годы. Как известно, по существу это был ЗАКОН О ГЕНОЦИДЕ РУССКОГО НАРОДА.

Моральное шантажирование терпеливого, добросердечного, открытого к болям соседей русского народа, ежесуточное попрание его национального достоинства достигли того градуса, когда провокаторам не следовало бы с легкомыслием полагаться на русское всепрощение и незлоби-

CODE:

ITEM:

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВС СССР, ВС РСФСР И В ЦК КПСС О ТРАВЛЕ,
ШЕЛЬМОВАНИИ И ПРЕДЕЛОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
СТРАНЫ, ТО ЕСТЬ РУССКИХ

- 8 -

вость. Этот беспримерный моральный террор по национальному признаку происходит в условиях демографической катастрофы, переживаемой русским народом, 72-летней экономической, социальной и политической дискриминации, беззастенчивого грабежа его природных, трудовых, культурных богатств. Положение русского народа в собственном государстве таково, что он достоин, увы, стать предметом первоочередной, чрезвычайной заботы Организации Объединенных Наций и Совета Безопасности. Ибо лишь слепые или продажные политики могут уповать, что гибель русского народа, играющего огромную роль в мировой истории нового времени, не отзовется трагически на судьбах всего, прежде всего — западного, мира. Лишь параноические маньяки, превзошедшие своих учителей вроде Троцкого или «стратегов» из III рейха, могут, коптя русское небо, твердить в нашей печати катехизис самоубийственной злобы: «Россия должна быть уничтожена. ...Она вроде бы почти и уничтожена, но Кошчево яйцо цело».

Стоит помнить меж тем, что народ, доведенный до отчаяния, способен порой опрокинуть все «компьютерные» расчеты на его безропотную смерть.

Циничные ссылки на «плюрализм мнений», столь модные в средствах массовой информации (движущихся, однако, по монополистическому пути), иллюзии «равноправного диалога», якобы обеспеченного «эпохой гласности», какие навешиваются нам с самых высоких трибун, не могут унять нашей тревоги, скорби и гнева.

Не может быть двух, как и «множества», мнений насчет тотального — во всю историческую ретроспективу и перспективу — поношения русской (как и любой иной) нации.

Не может быть равноправного диалога между народом, шельмуемым как нация «рабов» или даже собачья «нация Шариковых», и представителями «высшей», привилегированной, «избранной» для господства и управления силы. Такие исходные принципы «диалога», восторжествовавшие в годы «демократической» перестройки, заведомо не предполагают для русских ни моральной, ни материальной, обеспечивающей реальное равенство базы. В этих условиях «диалог» клонится разве что к смертельному поединку.

Мы требуем положить конец антирусской, антироссийской идеологической кампании в печати, на радио и телевидении. Мы требуем немедленного категорического запрещения всех видов русофобии на всей территории России и других советских социалистических республик. Мы требуем справедливого перераспределения в пользу России печатных средств массовой информации, которое соответствовало бы материально-экономическому вкладу РСФСР в бумажный фонд страны и действительно бы служило интересам русского народа

и других народов, населяющих Российскую Федерацию, и было сообразовано с численностью каждого из них. Мы требуем равноправия РСФСР с другими союзными республиками в объеме теле- и радиовещания. Эти могущественнейшие средства массовой информации, играющие монопольную роль в формировании общественного мнения, идеологического воспитания населения, должны быть в РСФСР всецело повернуты к болям, тревогам, надеждам, национальным идеалам собственно русского народа и других народов нашей Федерации, прочно связавших с ним свою судьбу.

Соотношение: 1,5 млн. общего тиража патристических периодических изданий, выходящих на русском языке, против 60 млн. (не считая моря «неформальной» газетно-журнальной прессы) тиража русскоязычных, но проповедующих русофобию, оскорбляющих национальное достоинство русского народа, — такое соотношение решительно нетерпимо как разрушительное для России!

Вместе с тем мы призываем всех русских людей — рабочих, крестьян, национальную интеллигенцию:

несмотря на все беды, угнетение, унижение, которые постигли в XX веке наш народ, всегда помните о национальном достоинстве великороссов, завещанном нам нашими славными предками, тысячелетней историей России;

ежедневно помните, что мы, русские, — высокоталантливый, героически отважный, знающий радость осмысленного, созидательного труда, могучий духом народ. Что «русский характер», «русское сердце», бескорыстная русская преданность истине, русское чувство справедливости, сострадания, правды, наконец — неистребимый, беззаветный русский патриотизм — все это никогда и никем не может быть изъято из сокровищницы человеческого духа.

ВОСПРЯНЕМ ЖЕ! ВОЗЬМЕМ В СВОИ РУКИ СУДЬБУ НАШЕЙ РОДИНЫ — РОССИИ!

CODE:

ИТЕМ: ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ В ВС СССР, ВС РСФСР И В ЦК КПСС О ТРАВЛЕ,
ШЕЛЬМОВАНИИ И ПРЕДЕЛОВАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
СТРАНЫ, ТО ЕСТЬ РУССКИХ

- 3 -

Виталий МАСЛОВ (Мурманск), Сергей АЛЕКСЕЕВ (Вологда), Юрий КУЗНЕЦОВ (Москва), Петр ПРОСКУРИН (Москва), Леонид ЛЕОНОВ (Москва), Владимир ЛИЧУТИН (Москва), Виктор ЛИХОНОСОВ (Краснодар), Карем РАШ (Москва), Федор СУХОВ (гор. Горький), Анатолий ИВАНОВ (Москва), Михаил ВИШНЯКОВ (Чита), Николай ВОРОНОВ (Москва), Борис БУРСОВ (Ленинград), Ирина СТРЕЛКОВА (Москва), Виктор КОЧЕТКОВ (Москва), Владимир БУШИН (Москва), Татьяна ГЛУШКОВА (Москва), Тамара САБЛИНА (Омск), Михаил ЛОБАНОВ (Москва), Борис ЛАПИН (Иркутск), Егор ИСАЕВ (Москва), Владимир БОНДАРЕНКО (Москва), Анатолий ЗНАМЕНСКИЙ (Краснодар), Сергей ЛЬЖОШИН (Москва), Олег МИХАЙЛОВ (Москва), Анатолий ВАСИЛЕВСКИЙ (гор. Владимир), Николай ДОРОШЕНКО (Москва), Сергей ВИКУЛОВ (Москва), Дмитрий ЖУКОВ (Москва), Станислав КИТАЙСКИЙ (Иркутск), Станислав КУНЯЕВ (Москва), Эдуард СКОБЕЛЕВ (Минск), Арсений ЛАРИОНОВ (Москва), Валентин РАСПУТИН (Иркутск), Юрий ПРОКУШЕВ (Москва), Маргарита НОГТЕВА (Москва), Валерий МУРЗАКОВ (Омск), Вильям КОЗЛОВ (Ленинград), Юрий

СБИТНЕВ (Москва), Аполлон КУЗЬМИН (Москва), Ростислав ФИЛИПОВ (Иркутск), Игорь ШАФАРЕВИЧ (Москва), Владислав ШАПОВАЛОВ (Белгород), Вадим КОЖИНОВ (Москва), Татьяна ЧЕТВЕРИКОВА (Омск), Александр ПРОХАНОВ (Москва), Виктор ПЕТЕЛИН (Москва), Сергей ПАНЮШКИН (Липецк), Майя ГАНИНА (Москва), Валентин СОРОКИН (Москва), Михаил ГОДЕНЖО (Москва), Михаил ПЕТРОВ (гор. Калинин), Сергей ВОРОНИН (Ленинград), Николай ШУНДИК (Москва), Галина ЛИТВИНОВА (Москва), Виктор КОРОТАЕВ (Вологда), Виктор КАЛУГИН (Москва), Владимир КРУПИН (Москва), Юрий БОРОДКИН (Ярославль), Петр ВЫХОДЦЕВ (Ленинград), Григорий КАЛЮЖНЫЙ (Москва), Петр ПАЛАМАРЧУК (Москва), Александр БОЛОГОВ (Псков), Александр СЕГЕНЬ (Москва), Владислав МАШКОВЦЕВ (Магнитогорск), Лев КНЯЗЕВ (Владивосток), Олег КОЧЕТКОВ (Москва), Владимир ШИРИЖОВ (Вологда), Виктор СМИРНОВ (Смоленск), Николай КУЗИН (Свердловск), Юрий ЛОЩИЦ (Москва), Николай ШИПИЛОВ (Новгород), Валерий РОГОВ (Москва), Борис СПОРОВ (Москва).

- 4 (р) -

CODE:

ITEM:

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ О ТЕКУЩЕМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОЧТИ ВСЯ СЕГОДНЯШНЯЯ ЛИТЕРАТУРА НЕСЕТ НА СЕБЕ СЛЕДЫ КАКИХ-ТО СУДОРОЖНЫХ УСИЛИЙ И ЯВЛЯЕТ СОБОЙ ПОРТРЕТ РАСТЕРЯННОГО ЧЕЛОВЕКА

- 1 -

25 февраля 1990 года ♦ 4

Портрет растерянного человека

Субъективные заметки о текущем литературном процессе)

МНЕ, ПРИЗНАТЬСЯ, все более кажется, что наше общественное время строит себя не по законам социальной логики, а по законам поэзии. Душа волнуется, эмоции торопят, конечный итог пока неясен, и каждый шаг к нему непредсказуем. Но если непредсказуемость в поэтическом творчестве только прекрасна, то в общественной жизни она еще и тревожна. Потому что здесь мы не свободны и вовсе не эстетическими мерками станем оценивать конечный итог. Не свободны своей любовью к Отечеству и своей ответственностью за него. Мы все же не «тучки небесные», которым безразлично, куда лететь на ветрах демократии. Вопрос о личной ответственности за происходящее впрямую поставлен сегодня перед каждым. И каждый — вольно или невольно, сознательно или не очень — уже отвечает на него. Трудом, бездельем, участием в выборах, поддержкой или неодобрением, стремлением, как призывал А. Солженицын, «жить не по лжи». Правильно ли отвечает? — вот вопрос. Образ лжи сегодня многоголов, как Лернейская гидра. Для одних он — Сталин и его наследие, для других — партаппарат, для кого — армия, для кого — жидомасоны, для кого — российский шовинизм, для кого — Октябрь, для иных — и то, и другое, и третье. И всякий раз — от имени народа и вроде бы по его прямому поручению.

«Братья и сестры...» — обратился к многотысячному митингу, собравшемуся на Манежной площади, народный депутат Г. Попов. Трогательно. И, как говорится, до боли знакомо. Только в прошлый раз такое обращение стремилось объединить народ на борьбу с фашизмом. А в нынешний?..

Митинг, сообщила «леворадикальная» пресса, продемонстрировал единство демократических сил и являл собой волю народа. Ну насчет демократических — это кто как понимает, на любителя. Но вот насчет народа есть вопросы. Если участвовавший в митинге пресловутый «Демократический союз» представляет волю народа, то почему мои земляки-кубанцы, с непонятным для многих упорством отстаивающие колхозы, — всего лишь «население»? Почему «Щит» — народ, а миллионная армия с ее проблемами не народ? Почему выступавшие на митинге литераторы из «Апреля» — народ, а литераторы, предпочитавшие не участвовать в митинге, — права на это качество не имеют?

Оппозиция в наши дни, похоже, становится модой. Участие в ней, особенно шумное, как бы дает человеку мандат на общественное участие. Дополнительное, как спецпакет, если речь идет о писателях, правом на внимание изначально пользующихся.

Возьмем, к примеру, тот же «Апрель». Объявив своей главной целью поддержку перестройки, эта неформальная организация московских писателей собрала под свои «знамена» немало творчески интересных имен. И — сразу же внесла в непокойную московскую писательскую среду дух политического раскола, объявив свою оформляющуюся структуру как бы независимой и альтернативной сложившимся. Призывая к демонтажу Союза писателей, но до конца не порывая с ним.

Оговорю сразу свою точку зрения. Главное назначение писателя — при любой общественной погоде — писать, делая это как можно более честно, правдиво и, в меру отпущенного дарования, талантливо. Трудиться, как и каждому, на своем месте. Арена битвы писателя — рабочий стол, а не трибуна, ибо количество произнесенных речей и коллективно составленных петиций не добавляет нового творческого качества, но убавляет рабочее время, которого и так не в избытке. Конечно, в писательских структурах, в самой системе их взаимоотношений с литераторами, многое надо менять. Но ведь и структура, как говорится, не дура. И демократические перемены, во всяком случае в Московской писательской организа-

CODE:

ITEM:

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ О ТЕКУЩЕМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОЧТИ ВСЯ СЕГОДНЯШНЯЯ ЛИТЕРАТУРА НЕСЕТ НА СЕБЕ СЛЕДЫ КАКИХ-ТО СУДОРОЖНЫХ УСИЛИЙ И ЯВЛЯЕТ СОБОЙ ПОРТРЕТ РАСТЕРЯННОГО ЧЕЛОВЕКА

-2-

ции, — идут. Она стала больше заботиться о социальной защищенности писателя, его творческой независимости, активнее занялась проблемами молодежи, значительно расширила свои издательские «поля», восстановила несправедливо исключенные из нее имена. Укреплять эти процессы — и означает, на мой взгляд, помогать перестройке в писательском доме. А в попытках разрушать, демонтировать, противопоставлять себя другим писателям видится мне, грешным делом, всего лишь неудовлетворенные чьи-то амбиции да элементарная борьба за передел постов и портфелей.

У писателя есть единственный аргумент, который он вправе достойно предъявить согражданам и потомкам, — его книги. Цензурные запреты сняты, барьеры и рогатки устранены — пиши! Но в том-то и заковыка, что полная гласность и творческая свобода отнюдь не гарантируют литературе высокого художественного качества. И растущая тяга писателя к микрофону больше всего, на мой взгляд, похожа на творческую растерянность, на попытку не литературными средствами поддержать свое литературное реноме. Пролитайте прозу в периодике последних месяцев — почти вся она за редким исключением несет на себе следы каких-то судорожных усилий, являет собой набросанный неуверенной рукой портрет растерянного человека.

3 АПИСКИ экстремиста — так озаглавил свою повесть Анатолий Курчаткин («Знамя», № 1, 1990 г.). Жанр ее определить не берусь — нечто вроде социальной антиутопии или социальной сатиры.

Главный герой, ведущий в ней рассказ от первого лица, разворачивает перед читателем череду событий откровенно надуманных. В некоем крупном, еще «доперестроечном» городе, где оказались крайне сложны проблемы городского транспорта, возникает неформальная группа, ставящая своей целью строительство городского метро. Цель, замечу, до очевидности благая, но городские власти видят в ней проявление янкомыслия и начинают чинить

неформалам всяческие препятствия. Но те не сдаются и, соединив практическую цель с умозрительно построенной «идеей», начинают строительство самостоятельно, а потом и вовсе уходят под землю, отгородившись от жизни бетонной перемычкой.

Все по воле автора проходящее под землей — умышленный сколок с учебника советской истории. Трудовой энтузиазм. Самоотречение. Сложные взаимоотношения вождя по уже знакомому образцу: один умирает, другого «выпроваживают», третий, разумеется, захватывает единоличную власть, прибегает к публичным судам и репрессиям. Работа тем не менее идет. Действуют под землей свои электростанции, выплавляется металл, выращиваются хлеб и овощи, растут, мужают и продолжают дело родителей «подземные» дети. Все сурово, аскетично, жертвенно, целеустремленно и... нелепо. Вышедшие после окончания строительства метро «экстремисты» убеждаются в ненужности своего героизма и крахе своей «идеи», поскольку в городе уже несколько десятков лет работает «летающий» транспорт.

Прозаически реализовано это, как всякая схема, натушно, поэтому и читается с трудом. Авторское неприятие строительства социализма, который видится ему лишь чем-то неестественным и бессмысленным, прочитывается сразу. А кроме него, ничего в повести в сущности нет. Как же велика, однако, в иных писателях привычка к заданности, пришедшая из того самого соцреализма, методологию которого они столь решительно осуждают! Разумеется, подспудно возникает и вопрос: за счет чего оставшееся на земле общество достигло такого разительного прогресса? Однако автор этого и сам не знает.

О каких-то художественных реалиях: конфликтах, стиле, характерах и т. д., входящих за рамки авторской задачи, говорить попросту не приходится. Единственное, на мой взгляд, что выглядит в повести по нынешним дням жизненным и достоверным, —

это собрания неформалов да поэтизация толпы, взволнованно вложенная автором в уста своего героя: «Кто не знает этого восхитительного, великолепного единения с тысячной толпой, полного, до последнего атома твоего тела слияния с многоговым, многоглавым ее телом, когда ты сам по себе, как отдельная личность, становишься ничем, перестаешь существовать, сделавшись собственно толпой, ее силой, ее желаними, ее волей...»

Все это, замечу, романтично, но растворившейся телом и волей личности не худо бы сегодня все-таки и знать, на что именно направлено «великолепное единение» толпы. А то ведь и до погромов недалеко...

Пока экстремист А. Курчаткина совершает свои деяния под землей, Петр Николаевич Верлухин, герой повести Александра Житинского «Типичный представитель» («Звезда», № 1, 1990 г.) привычно ходит по земле и называет свои записки уже «исповедью конформиста». Обнаружив однажды, что ему «очень много приходится врать», Верлухин предпринимает собственное жизнеописание с попыткой разобраться, в силу каких причин он стал «человеком без мировоззрения». Жизнеописание это словно бравирует своей мало-значительностью. Социальных проблем почти не возникает. Чувства ленивы. Время как будто обтекает Верлухина — фоном проходит нечетко выписанная фигура нечеткого отца, упоминания о Сталине, Хрущеве.

«Мне очень хотелось бы узнать, — пишет герой, — каким образом из пионерского мальчика с искренним выдохом на губах «Всегда готов!» получился рефлектирующий ироничный субъект...» Читателю, вероятно, тоже. Но узнать это автор ему не дает. Впрочем, не случайно. «Правда заключается в том, что я боюсь правды. И в то же время страшно хочу ее узнать». Эту диалектическую «коллизю» своей исповеди герой оговаривает с самого начала. Читатель, таким об-

CODE:

ITEM:

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ О ТЕКУЩЕМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОЧТИ ВСЯ СЕГОДНЯШНЯЯ ЛИТЕРАТУРА НЕСЕТ НА СЕБЕ СЛЕДЫ КАКИХ-ТО СУДОРОЖНЫХ УСИЛИЙ И ЯВЛЯЕТ СОБОЙ ПОРТРЕТ РАСТЕРЯННОГО ЧЕЛОВЕКА

-3-

разом, лукаво поставлен в позицию должностянина: плохо написанная вещь должна восприниматься как сознательно реализованный прием. Иная же. Но здесь, скорее, изящество цирка, чем прозы.

А в это же самое или, вернее, так — в чуточку будущее время в Ленинграде по воле Вячеслава Рыбакова бедует молодой доктор Глеб Пойманов, герой повести «Не успеть» («Нева», № 12, 1989 г.). Сфера его тревог в отличие от предшественников — небо. В городе полным ходом и, судя по всему, далеко не первый год идет перестройка. Люди не работают, а только попеременно стоят в очередях, ежедневно отмечаясь и подменяя друг друга. Талоны и очереди за всем и на все — за творогом, в аптеку, на детскую коляску, на покупку билета в классе пригородной электрички. Стоящие в очередях слушают по транзисторам очередную съезд, где с обличением очередей выступает «не утративший пыла» Черныченко.

Отбирая реальные приметы дня нынешнего, автор намеренно укрупняет, шаржирует их, доводя до логического и социального абсурда. Тут и разрешенная демонстрация с лозунгами: «Перестройке — да! Анархии — нет!», и всезнающий, но усталый КГБ, и карикатурно выписанные «шовинисты» (непреренно бородатые и с нательными крестами), которые требуют от Горбачева... презервативов во имя «физического и нравственного здоровья русского народа». И все это накладывается на эпидемию новой апокалиптической болезни, признаки которой герой обнаруживает у себя где-то со второй страницы. Откуда она взялась — никто не знает: то ли от химии, то ли от Чернобыля, то ли от перестройки, но у человека, пораженного ею, болезненно и быстро начинают расти крылья. И когда они вырастают, человек независимо от своей воли поднимается в небо и навсегда улетает, приземляясь, впрочем, где-то в

Западном полушарии. Такая вот коварная эпидемия. И бедный Пойманов, ощутив в спине рост этих самых крыльев, предпринимает невероятные усилия, чтобы поспеть с находящейся на даче семьей и успеть передать ей талоны на продукты.

Социальная сатира становится фактом литературы лишь тогда, когда она достоверна и талантлива. В нашем же случае этого, увы, не произошло. Перед читателем опять заданная схема, весь социальный пафос которой определен уже в «оптимистическом» заголовке: «Не успеть». И очень характерно, что на стене телефонной будки, где раньше карапали неприличные слова, герой повести подмечает уже как бы адекватное ругательству по смыслу: «Люби свою Родину!»

ШУТКИ и метафоры, однако, в сторону. Родина действительно в опасности, и естественная для любого нормального человека любовь к ней, неизбежно связанная с состраданием, все более становится реликтом. Дефицит такой любви на страницах газет и журналов явно ощутим. Не знаю, к примеру, как вам, читатель, но мне было больно и стыдно смотреть на воспетую «Московскими новостями» длинную очередь соотечественников за заокеанским бутербродом или котлетой. Не гордыня во мне говорит и не имперское мышление. Готов поверить, что бутерброды эти хороши. Стыдно за то, что мы теряем чувство самоуважения.

Да, мы здорово ошалели от неразберихи больших и малых бед и проблем, количество которых нарастает. Но гласному и честному разговору о них на страницах печати давно уже недостает именно самоуважения. Противоречия здесь нет. Приучившись за много лет безудержно и предвзято обличать реальные пороки буржуазного общества, как бы не замечая при этом его реальных достоинств, мы механически перенесли эти сомни-

тельные навыки на себя самих и впали в ту же ловушку, сменив лишь ее знак — тотальное самовосхваление превратили в тотальное самоуничижение. Близорукость заменили на дальновидность — дефект зрения остался.

Читатель, кстати, уже понимает это — интерес к разоблачительным статьям, к многоумным проектам и обещаниям «футурологов» и экономистов стремительно падает. Классический русский вопрос «кто виноват?» сменяется в общественном сознании вопросом «что делать?». Русская литература умела достойно отвечать народу на эти вопросы на крутых переломах истории. Сейчас — наше время. И вряд ли писатель, наделенный талантом, совестью и болью, позволит себе безудержно митинговать на столичных улицах или проваляться литературными пустячками. Когда в великой стране пахнет большой бедой, почти ежедневно льется кровь, даже прогнозы погоды с мирными картинками республиканских столиц кажутся успокоительным обманом.

К СЧАСТЬЮ, не рефлектирующая проза делает сегодня в нашей литературе реальную нравственную погоду. Всеобщий интерес привлекают почти повсеместные публикации А. Солженицына. Свообразно и сильно прозвучала незаданная проза В. Шаламова. Да и признанные лидеры советской литературы дают коллегам достойный творческий пример.

В первой за этот год книжке «Нового мира» напечатана повесть Василия Быкова «Облава». Небольшая по объему, она поднимает целый пласт социальных взаимоотношений в деревне тридцатых годов, исследует страшную боль раскулачивания. Обращенная, казалось бы, в прошлое, повесть читается как вещь остросовременная. Черный и белый его предков предстают в ней как духовно неделимое единство, но с силой разорвать которое означает погубить и че-

CODE:

ITEM: СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ О ТЕКУЩЕМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОЧТИ ВСЯ СЕГОДНЯШНЯЯ ЛИТЕРАТУРА НЕСЕТ НА СЕБЕ СЛЕДЫ КАКИХ-ТО СУДОРОЖНЫХ УСИЛИЙ И ЯВЛЯЕТ СОБОЙ ПОРТРЕТ РАСТЕРЯННОГО ЧЕЛОВЕКА

- 4 -

ловека, и землю. Эту выстраданную истину особенно важно понять и напомнить именно сейчас, когда вопрос о земле поставлен на первоочередную повестку законодательства. Василь Быков делает это равнодушно и убедительно.

Самое же сильное впечатление в журнальной периодике последних месяцев произвел на меня рассказ Виктора Астафьева «Людочка», опубликованный «Новым миром» в миновавшем сентябре. Рассказ, поведавший об узнаваемо реальной и от этого еще более страшной жизни российской глубинки и сломанной ею простой человеческой судьбе. Над его страницами испытываешь почти физическую боль — верный своей жесткой, напроць лишенной мелодраматизма манере, Астафьев не щадит в нем ни себя, ни читателя. Рассказ взывает к самоуважению, состраданию, к духовному и нравственному очищению. Всей силой страсти и таланта писатель убеждает: так жить дальше просто нельзя. Если не остановиться, коренным образом не пересмотреть и не изменить все — собственные души, порядок в стране, свое отношение к людям,

земле, природе, труду, Отечеству, — последствия могут быть страшными.

И вопреки иным растерянными пророчествам нам все-таки надо успеть!

Это сейчас действительно самое главное — успеть остановиться на роковой черте, набросив на искусственно пробуждаемую стихию жесткую и честную сеть реально действующих законов. Одуматься. И не по интуиции, не по правилам поэзии — а предсказуемо, осмысленно, опираясь на любовь, совесть и закон, двигаться дальше.

«Я как стоял на этой земле, так и стоять буду, — писал в «Правде» тот же Виктор Астафьев. — Если совсем на ней нечего будет жрать и все будет гореть — стану тушить пожар... и сеять хлеб, буду пахать землю, пока не упаду за плугом».

Поздно митинговать, преступно рефлексировать — сегодня каждый на своем месте лично отвечает за происходящее.

Полковник
Юрий ВЕЛИЧЕНКО.

- 14 -

CODE: СССР

ITEM: ВИКТОР НЕКРАСОВ ВСЕГДА БЫЛ С НАМИ, С НАШИМ НАРОДОМ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ВИКТОРА НЕКРАСОВА

РАДУГА 2

Февраль

МЕЖНАРОДНИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
КУЛЬТУРНЫЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УКРАИНЫ

Ныне фигура Виктора Некрасова снова в эпицентре повышенного общественного интереса. Союзная периодика активно печатает как материалы, касающиеся его личности и биографии, так и не известные ранее советскому читателю собственные его произведения. При посредничестве давнего друга писателя Р. М. Немировского «Радуга», в состав редколлегии которой когда-то входил и Виктор Платонович, также получила недавно из Парижа большой пакет — повести, рассказы, эссе, написанные Некрасовым в изгнании. Читая их, я впервые не то чтоб не поверила человеку, создавшему первую правдивую книгу о войне и известному почти врожденным презрением ко лжи, а, скорее, горестно усомнилась от какого-то щемящего несоответствия. Бодрые, без намека на ностальгический сантимент слова, независимость тона, порой подчеркнутая, вызвали такую глубокую, такую не мгновенную грусть, что, вопреки прямым авторским констатациям, истина слышалась не в них, а вот в этом, думается, не субъективном читательском ощущении: что-то внутри этой прозы (именно внутри, а не на поверхности) не связывается. Что же?

Всякая попытка как-то опровергнуть или хотя бы «исправить» истолковать что-либо написанное писателем не только бестактна, но и бессмысленна. Поэтому когда Некрасов утверждает, что, выйдя в эмиграцию, «партия и правительство сделали мне подарок» и что традиционное «все о'кей» в письмах из Парижа к друзьям — «не особенное преувеличение», не будем обидчиво поджимать губы. Ибо за этими признаниями — общая (и главная!) для поздней прозы Некрасова мысль о свободе как первой жизненной необходимости.

Иное дело — и в этом-то глубинный раскол авторского самоощущения, который горестно резонирует и в читателе, — что свобода там и свобода здесь изначально, трагически не равнозначны. По крайней мере, для такого человека, как Виктор Некрасов. Кто спорит — воля вольная и сама по себе самоценна, воздух ее живителен на всех широтах, и все же свобода ценой утраты родины ущербна, она неподлинна, как все неестественное: Вот здесь-то и невозможный обрыв каких-то органических внутренних связей.

Ведь Виктор Некрасов, по свидетельствам многих близко знавших его людей, тягостно ощущал всякую неподлинность. По самой своей человеческой сути он был антитоталитарен, и, думается, поэтому его личность вызывает сегодня такой живой интерес. Некрасов нужен нашему времени и как честный одаренный писатель и как человек, сохранивший в условиях жесткой идеологической усредненности устойчивую мировоззренческую независимость и внутреннее чувство свободы. Сохранивший самого себя. Поток тоталитарности обтекал его, ранил и изматывая, и наконец вытолкнул за пределы страны, но так и не растворил в себе, не обезличил. Вот он, стоит уже над временем и... совсем рядом. — косою, как птичье крыло, срез волос, дерзкая неуступчивость во взгляде, вызов ли, ирония в уголках рта... Какое, в сущности, незащищенное, доброе лицо!

Сквозь завалы разделившего нас социального мракобесия хочется напрямую всмотреться в это лицо, свободно подумать. Хотя бы над тем, как повел бы себя сегодня этот прямодушный, отважный человек, который вступил в партию в окопах Сталинграда и, по собственному признанию,

CODE: СССР

ITEM: "РАДУГА" "ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ВИКТОРА НЕКРАСОВА"

«к концу пребывания в ней — возненавидел» ее. То есть тот авторитарный тугой диктат, который вершился в стране именем КПСС. Недавно журнал «Україна» опубликовал цифровые данные о количестве добровольно вышедших из партии киевлян. В этой связи невольно одолевает искушение умозрительного допущения: окажись сейчас в Киеве Виктор Некрасов — сдал ли бы он сегодня свой партбилет? Трудно ответить определенно. Ведь даже тогда, в застойные годы, билет был не сдан, а отобран, и есть горькая отрада в том, что первичная парторганизация «Радуги», где состоял на учете писатель-фронтовик Виктор Некрасов, не сочла возможным исключить его, хотя это «низовое» непослушание не повлияло практически на предрешенность исхода.

Так как же было б сегодня? Сожмнувшаяся завеса времени перечеркивает догадки, оставляя место для размышлений. Но если перестройка — это очищение правдой, путь от мертвящей тоталитарности к живому очеловечиванию общества и личности, от пошлой унификации — к многообразию социального бытия, то слово человека, отразившего в своей судьбе главные противоречия эпохи, должно быть услышано во всей его неоднозначной полноте. Этой подборкой «Радуга» начинает публикацию воспоминаний о В. Некрасове и его произведений, не издававшихся ранее в нашей стране. В грустную минуту, когда застой у нас достиг своего вульгарного апогея, Виктор Платонович сделал однажды такое вот безнадежное признание: «И понял вдруг я, что не хочется мне возвращаться в ЭТОТ Киев». Но тут, пожалуй, вышла ошибка. Ведь он вернулся — наш земляк, наш согражданин, ну и что уж там — человек перестройки. Вернулся потому, что, вопреки всему — травле, изгнанию, даже собственной душевной надорванности,— всегда был с нами, со своим народом.

Лада ФЕДОРОВСКАЯ

ВН

CODE: СССР

ТЕМ: СУДЬБА РУССКОГО ПОЭТА, ЖИВШЕГО В АМЕРИКЕ, И. ЕЛАГИНА — ТО ПО ОДНОМУ СТИХОТВОРЕНИЮ, ТО ПО ЦЕЛОМУ СБОРНИКУ ПРОСАЧИВАЛИСЬ ЕГО РАБОТЫ В СССР

РАДУА 2

Сфера

информационный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ОБЪЕДИНЕНИЕ
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
УКРАИНЫ

«В ЗАЛЕ ВСЕЛЕННОЙ, ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ТОПОРА»

© ВИТКОВСКИЙ Е., 1990.

«Таким одиночеством дует оттуда,
Что глянешь — и ты уж не так одинок».

Иван Елагин

Четверть века, с начала шестидесятых годов и до середины восьмидесятых, то по одному стихотворению, то по целому сборнику просачивались в СССР стихи Ивана Елагина — русского поэта, жившего в Америке. «Самиздат» обращал эти сборники в машинописные тетрадки, «тираж» которых увеличивается в геометрической прогрессии — как констатировал Александр Галич, «Эрика» берёт четыре копии. Проникали книги и других поэтов русского зарубежья, но их даже и в «четыре копии» превращали далеко не всегда. А с Елагиным получалось как-то странно: его читали вперемешку с Гумилевым, Ходасевичем, Георгием Ивановым — поэтами совершенно иных поколений, теми, чья литературная репутация давно и прочно устоялась. О личности же Елагина советский читатель не знал практически ничего, но сами за себя говорили его стихи, в которых чувствовалась ориентация именно на лучшие «здешние», а не эмигрантские поэтические эталоны. Таким от них веяло одиночеством, что читателю и вправду было уже не так одиноко в нашей самой передовой и благополучной литературе.

Лишь теперь, когда Ивана Елагина не стало, и по крохам начала восстанавливаться история его жизни, выяснилось, что в своих стихах он был насквозь автобиографичен. Он родился 1 декабря 1918 года во Владивостоке, детство провел в Подмоскovie. В двадцать восьмом году его отец, некогда прославленный на Дальнем Востоке поэт-футурист Венедикт Март (Матвеев), был арестован, попал в ссылку в Саратов на три года, в начале тридцатых годов попробовал переселить-

ся в Ленинград, где жил его крестный отец — народоволец Ювачев, в доме которого Иван — тогда еще Матвеев — обрел старшего товарища по литературе (сам Иван уже писал стихи) — Даниила Ювачева-младшего, вошедшего в литературу под псевдонимом Даниил Хармс. В Ленинграде прижиться не удалось, в 1934 году Венедикт Март-Матвеев с сыном поселились в Киеве: там, по сути дела, началась сознательная жизнь Ивана Матвеевича и определились первые вехи его творческого пути: в 1937 году его отец, поэт Венедикт Март, был повторно арестован и канул без вести — видимо, даже не в лагерях, а просто сразу был расстрелян: поводом могло быть что угодно, в юности Март некоторое время жил в Японии и Китае, его отец, известный дальневосточный краевед Н. П. Матвеев-Амурский, оказался в эмиграции, сам он znalся с «врагами народа», да и три года ссылки отбыл — какая разница, за что. В конце 60-х годов Иван Елагин писал об этом: «Еще жив человек, расстрелявший отца моего летом, в Киеве, в тридцать восьмом...»

Для Ивана началась самостоятельная жизнь: его, правда, не арестовали, но прибежищем — вместо отцовской квартиры — стала достопамятная по поздним стихам

...комнатенка
С полуслепым окном,
Куда меня, как котенка,
Вышвырнул управдом.

Комнатенка, как выяснилось уже в наши дни, была на Львовской улице. В том же году Иван Матвеев женился на Ольге Анстей — такой литературный псевдоним выбрала себе женщина, бывшая старше Ивана на шесть лет, урожденная киевлянка, поэт большого дарования и человек

CODE: СССР

ITEM: "РАДУГА" "В ЗАЛЕ ВСЕЛЕННОЙ ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ТОПОРА" - О СУДЬБЕ И.ЕЛАГИН

настоящей, европейской культуры, к тому же знавшая основные европейские языки. Последние четыре довоенных года Ольга и Иван прожили под общей фамилией — Матвеевы, а вот комнатенки свои в коммунальных квартирах им так и не удалось, кажется, сменить воедино. Довоенный быт со всей его неустроенностью, однако, не заставил впасть в отчаяние молодоженов: хотя и с трудом, но Иван поступил во Второй Киевский медицинский институт: ждали войны, врачи требовались везде, поэтому в этот институт приняли даже «сына врага народа». Ольга зарабатывала деньги тем, что служила в банке машинисткой. Оба писали стихи. Киев до самых последних дней жизни Ивана остался незабвенным городом детства, чьи черты то и дело всплывали в его поэзии:

Воздух темнел на Владимирской горке,
Где-то внизу тарахтели моторки,
Месяц за веткой спускался в проем,
Заколыхалась листва ворохами,
Мы на скамейке сидели втроем,
Мы говорили друг с другом стихами.
Недалеко над днепровской водой
Кто-то запел о любви молодой.
А от тайги до британских морей
Темные вышки росли лагерей (...).

«Втроем» — Иван, Ольга и, видимо, товарищ Ивана по институту, тоже «сын врага народа» Георгий Протасевич (в просторечии Жорж), — а может быть, другой друг, художник и поэт Сергей Бенгарт, тоже киевлянин, разделивший позже с Матвеевыми судьбу изгнанников. Киевскими реалиями — Андреевская церковь и т. д. — роль украинской культуры в жизни Ивана далеко не была исчерпана. Когда в советских высших учебных заведениях была введена плата за обучение, Ивану грозило немедленное отчисление — платить ему было нечем. Вечером того же дня «в память об отце» деньги на институт передал Ивану Максим Рыльский. Великий украинский поэт ценил и оберегал дарование молодого Ивана, тот часто бывал у него в гостях. Сохранились документальные свидетельства того, как Иван и Ольга приходили в гости к Рыльскому, одно из них хочется привести — письмо Ольги Матвеевой-Анстей к московской подруге, Б. Я. Казначей (ныне — лауреату Государственной премии СССР, автору ряда книг по гальванопластике), от 1940 года (без точной даты), — для его понимания надо знать, что «Заяц» — пожизненное домашнее прозвище Ивана, возникшее из его второго имени, данного футуристом-отцом — «Зангвильд»:

«Совершили мы с Зайцем паломничество к его величеству Максиму Рыльскому. Говорит его имя что-нибудь тебе, москвичке? Приняты были очень и очень тепло и хорошо (...). Хорошо слушал наши стихи. Потом сам читал нам свои, еще неизданные (ведь это довольно лестно для неизвестных поэтов?). Называл нас все время «дети». Оставил ужинать. Был только он и какой-то «литературный человек», его приятель. Прощался совсем трогательно: меня поцеловал в пробор, а Зайца — так совсем в умилении прижал к груди и лобызал, как Державин. Про мои стихи сказал, «что же делать», большинство «непечатные». А у Зайца все-таки более печатные. Взял некоторые Зайцевы стихи и хочет послать Антокольскому».

Чаепитиями и платой за институт Рыльский не ограничился: в газете «Советская Украина» от 28.1.1941 г. было опубликовано посвященное Павлу Тычине стихотворение Рыльского «Концерт» в авторизованном переводе с украинского Ивана Матвеева. Ольга Анстей писала тому же адресату несколькими днями позже:

«Посылаю тебе «выход в свет» моего Ивана. Радость ему была большая, носился с газетой и чуть не Нойне читал (собаке). Получил гонорара 50 р., с вычетом налога 49 р. (...) Переводили мы это вместе, как почти всегда переводим: другие переводы должны выйти поровну — то под моим, то под его именем (...).»

Планам определения Ивана в печать через поэтический перевод, увы, в те времена осуществиться было не дано: лето сорок первого года перечеркнуло всю прежнюю жизнь. Не закончил «Заяц» и медицинского института. После оккупации Киева фашистами не успевший эвакуироваться Иван попал в положение крайне опасное: по матери в его жилах текла «неарийская» кровь. Как-то, впрочем, удалось спастись, в 1943 году супруги попали сперва в Прагу, потом в Берлин, позже — в Мюнхен. В январе 1945 года в Берлине родилась у них дочь — будущая поэтесса Елена Матвеева (как сама Е. И. Матвеева писала в автобиографии, приложенной к коллективному сборнику русских зарубежных поэтов «Содружество» — Вашингтон, 1966: «Родилась в Берлине «по дороге оттуда», 8 января 1945 года. Начала писать стихи в подражание родителям и знакомым с пятилетнего возраста...»).

CODE: CCCP

ITEM: "РАДУГА" "В ЗАЛЕ ВСЕЛЕННОЙ ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ТОПОРА" - О СУДЬБЕ И.ЕЛАГИНА

Конец войны застал семью в лагере для перемещенных лиц под Мюнхеном. Возврата в СССР не было: бывшие пленные заведомо считались изменниками и шпионами. О причинах, превративших Ивана Матвеева в Ивана Елагина и даже побуждавших его до конца 50-х годов свое подлинное имя тщательно скрывать, рассказано в журнале «Новый мир», 1988, № 12 — в предисловии к большой подборке стихов Елагина, которой журнал отметил семидесятилетие со дня рождения поэта. Отметим его и ленинградская «Нева» (№ 8 за 1988 год, с послесловием Д. Гранина), и — публикацией переводов из американских поэтов — всесоюзная «Литературная газета» (30 ноября 1988 года). Поэт сразу обрел многомиллионного читателя в СССР — почти через полвека после того, как покинул родную землю, через полтора года всего лишь после своей смерти: Иван Елагин умер 7 февраля 1987 года в Питтсбурге.

Так или иначе, Елагин остался в Западной Германии. Там же, на серой «дипломатической» бумаге вышли первые его поэтические сборники — «По дороге отсюда» (1947) и «Ты, мое столетие!» (1948, Мюнхен). Оба сборника он послал И. А. Бунину в подарок — «Ивану Алексеевичу Бунину от автора. И. Елагин. 26.XI. 1948 г., Мюнхен». Сейчас эти сборники находятся в фондах Московского Литературного музея (их передала туда вдова Бунина вместе со значительной частью библиотеки). Что ответил Бунин молодому поэту — узнаем из его ответа, который я позволю себе привести здесь полностью — ксерокопию бунинского письма прислал мне сам Елагин в 1978 году (мы к тому времени уже много лет переписывались) с припиской на полях: «Посылаю Вам копию письма Бунина ко мне, еще очень неопытному и молодому автору. И. Е. Письмо это не было опубликовано». Добавлю, что письмо Бунина написано по старой орфографии:

12 янв. 49 г.

Дорогой поэт,

Вы очень талантливы, часто радовался, читая Ваши книжечки, Вашей смелости, находчивости, но порой Вы неумеренны и уж слишком нарочиты в этой смелости, что, впрочем, Вы и сами знаете и от чего, надеюсь, Вы скоро избавитесь.

Желаю Вам всего доброго и прошу извинить, что так поздно отвечаю Вам, — был долго нездоров в Париже, нездоров

и сейчас, пишу с трудом еще и потому, что лечу глаза; очень утомленные.

И. Бунин

В конце 40-х годов литературная жизнь русского зарубежья оживилась, но центр ее перекочевал за океан, туда, где существовало солидное русское «Издательство им. Чехова» (прогоревшее в 1956 году, но до того, в 1953 г., успевшее издать первый по-настоящему представительный сборник Елагина, для которого поэт использовал старое название — «По дороге отсюда»); где выходил толстый «Новый журнал»; где с 1910 года шесть раз в неделю выходила — да и по сей день выходит — старейшая газета русского зарубежья — «Новое Русское Слово». Весной 1950 года транспорт «Генерал Балу» выгрузил Матвеевых в нью-йоркском порту. Так оказались супруги в США, где, впрочем, скоро разошлись (сохранив добрые отношения до конца жизни). Ольга Анстей стала работать в ООН, сперва машинисткой, потом переводчиком, в 1966 и 1975 году даже прилетала в родной Киев «на побывку» вместе с дочерью. Иван Елагин, сменив десяток профессий, оказался сотрудником того самого «Нового Русского Слова», о котором было сказано выше. Писал грубоватые, но остроумные фельетоны в стихах, но известность ему дали не они, а публикация в «Новом журнале» (выходящем раз в три месяца) и изданные этим журналом сборники стихотворений Елагина — «Отсветы ночные», 1963, и «Косой полет», 1967. Они-то и принесли Елагину первую настоящую самиздатовскую популярность в СССР, их-то и размножали в геометрической прогрессии те поклонники его творчества, у которых дома имелась та самая «Эрика», которая «берет четыре копии».

Елагин тем временем окончил Нью-Йоркский университет, получил докторскую степень за перевод главного эпического произведения американской поэзии XX века — поэмы Ст. В. Бене «Тело Джона Брауна» (12.000 поэтических строк), — полностью перевод увидел свет, впрочем, лишь в 1979 году в издательстве «Ардис». Затем Елагин стал профессором русского языка и литературы в Питтсбурге, продолжал писать стихи, переводить — казалось, далекая Россия окончательно должна была для него погаснуть. Но нет: то родной Владивосток, то любимый город юности, Киев, все время проступали в его стихах сквозь черты ставших уже привычными американских городов.

CODE: СССР

ITEM: "РАДУГА" "В ЗАЛЕ ВСЕЛЕННОЙ ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ТОПОРА" - О СУДЬБЕ И.ЕЛАГИНА

Последние книги Елагина вышли уже в 70-е — 80-е годы: «Дракон на крыше», 1973, «Под созвездием Топо́ра» (избранное), 1976, « В зале Вселенной», 1982, наконец, незадолго до смерти безнадежно больного поэта друзья составили еще одну книгу «избранного» — «Тяжелые звезды». А в 1988 году журнальные и газетные публикации дали советскому читателю возможность прочесть около двух десятков его стихотворений, — слишком

мало, конечно, для тех, кто хочет видеть русскую литературу единой, а не расколотой на много несвязанных частей.

В предлагаемую читателям «Радуги» подборку включены стихи всех периодов творчества поэта — от довоенных, написанных еще в Киеве, до предсмертных, написанных на смерть друга-киевлянина.

Предисловие и публикация
Е. ВИТКОВСКОГО

ВИ

L000019

KUTSCHEM

04-APR-1990 07:11:05

К СОЗДАНИЮ ФЕДЕРАЦИИ НЕЗАВИСИМЫХ ПРОФСОЮЗОВ РСФСР

"ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ", № 13/90

«ДЕЙСТВОВАТЬ!**И НЕМЕДЛЕННО!»**

— СЧИТАЕТ НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ СССР, ЧЛЕН ПРЕЗИДЕНТСКОГО СОВЕТА В. А. ЯРИН, С КОТОРЫМ В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ РАБОТЫ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА РОССИЙСКИХ ПРОФСОЮЗОВ ВСТРЕТИЛСЯ КОРРЕСПОНДЕНТ «ЛР».

— **Ф**ЕДЕРАЦИЯ независимых профсоюзов РСФСР — это укрепление России или еще одна командно-бюрократическая структура?

— Честно сказать, в первый день съезда мне показалось, что это очередная попытка проаппарата в лице ВЦСПС перехватить инициативу, которая рождается снизу.

С облегчением вздохнул на другой день, когда начались смелые, острые выступления о возрождении России. В самом деле, мы ни у кого ничего не просим и не пытаемся на правах «старшего брата» кому-то что-то диктовать. Давайте же на договорной основе построим наш Союз.

Будут ли этому способствовать российские профсоюзы? Безусловно. Если они сразу начнут действовать, если будет обеспечена их жизнеспособность. Но вот на Учредительном съезде зазвучали предложения: давайте через 6 месяцев вернемся, уточним основные принципы организации, комплектования структуры... Немедленно, немедленно — за работу!

— Значит, у вас есть оптимизм в связи с будущим российского профцентра?

— Я не могу не быть оптимистом, потому что сам стоял у истоков этого съезда. Наличие разных мнений, которые на нем выявились, говорит о том, что мы на пороге многопартийности. Это уже реалии нашей жизни. Чем скорее мы научимся слушать и уважать друг друга, тем скорее мы сделаем шаг в правовое общество. И тут очень важно, чтобы права честного труженика охранялись крепким профсоюзом.

— В докладе, с которым выступил председатель оргкомитета И. Е. Ключков, сказано, что профсоюзы против использования забастовок в политических целях. Но сразу вспоминается известная истина: политика есть концентрированное выражение экономики. Не уходит ли таким образом профсоюзы от остроты реальных проблем?

— Если руководство российских профсоюзов будет действительно жить по методу страуса, то я не думаю, что это руководство долго продержится. Сегодня любой рабочий конфликт — это конфликт политический. Скажем, во время забастовок в Кузбассе выдвигались, казалось бы, лишь социально-экономические требования. Но в конечном счете эти требования — несогласие с политикой, которая привела к такому положению. Так что от политики никуда не уйти.

Другое дело — будут расти политическая культура, правовые знания людей. Но до этого надо дожить. А сегодня тревожит вот что: пытаемся сеять зерна разума, а они, к сожалению, мало прорастают. И мы всех призываем к консолидации. Давайте искать то, что нас объединяет. Пусть даже это будет и на 5 процентов — с этим надо идти в народ, а не на политические баррикады. Иначе мы только раскачиваем общество.

— **В**ениамин Александрович, вы сопредседатель Объединенного фронта трудящихся России. И вот — российские профсоюзы... Не дублируют ли эти организации друг друга?

— О чем я и говорю! ОФТ был организован для того, чтобы защитить человека честного труда, его право...

L000021

KUTSCHEM

04-APR-1990 07:17:15

ФЕДЕРАЦИЯ ПРОФСОЮЗОВ / 2 /

— ...То есть возникли на месте слабых профсоюзов?

— Конечно. И то, что с самого начала люди труда нас поддерживали, сегодня вот она, эта поддержка, на этом съезде. И может статься, что произойдет слияние обновленных российских профсоюзов и ОФТ.

— Независимость профсоюзов... Что это значит?

— Понятно, что это независимость не от народа. Это независимость от аппарата, от министерского давления, ведомственного диктата, от партийного вмешательства.

После Учредительного съезда состоялась пресс-конференция с руководителями Федерации независимых профсоюзов РСФСР.

— Какие самые неотложные вопросы стоят сегодня перед российскими профсоюзами?

— Чернобыльская беда, которая коснулась и РСФСР, — отвечает председатель Федерации И. Е. Клочков. — Вопросы зарплаты, пенсий, отпусков, условий труда — все то, вокруг чего кипят страсти, вплоть до забастовок. Этим и будем заниматься.

— Василий Иванович, — обращаюсь к заместителю председателя В. Романову, — выступая на съезде, вы назвали первоочередной проблемой — помощь русским беженцам. Что могут сделать для них профсоюзы?

— Самое главное — принять закон, регулирующий положение этой категории населения как в России, так и в целом по стране. Все другие решения, по-моему, малоэффективны.

L000012

KUTSCHEM

30-MAR-1990 08:37:38

РОССИЮ НЕВОЗМОЖНО ОТНЯТЬ У РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ, ГДЕ БЫ ОН
НИ ЖИЛ /возвращение гражданства СССР СОЛЖЕНИЦЫНУ и
другим писателям/

Книжное обозрение

5

№ 12, 23 марта 1990 г.

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

ВЕРНИТЕ СОВЕСТЬ НА РОДИНУ!

Беда стране, где раб
и льстец
Одни приближены
к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.
А. С. Пушкин. «Друзьям».

ВОССТАНОВЛЕНИЕ справедливости... Как это важно для каждого человека и для всего общества! Без этого невозможно жить, невозможно дышать. Особенно если несправедливость уже осознана. Тогда мучительно длить состояние, унижающее достоинство, ждать, когда же восторжествует правда.

Но тяжело не только такое внутреннее чувство — ведь в нем сказываются совесть, жизнь. Длеть несправедливость губительно для общества, для народа. Это и значит обрекать страну на застой, на гниение. Это значит отнимать надежду, перечеркивать будущее.

Напротив, восстановление справедливости подобно очищению, освобождению, духовному возрождению. И мы это уже знаем, вкусили, испытали. А потому верим, что правда не остановится на полпути. Осознанное обществом должно быть воплощено в реальности, и воплощено полно. Справедливость не бывает частичной. Жаждем всей правды и всей справедливости.

Возвращаются на Родину произведения Александра Исаевича Солженицына. Предстоит широко издать эти произведения — сегодня они доступны далеко не всем, хотя уже печатаются большими тиражами — и в журналах и отдельными южками.

Предстоит прочитать, для многих впервые, целое собрание сочинений. Предстоит осмыслить слово писателя, ставшее подвигом правды. И это замечательно, это великое событие.

Я держу в руках трехтомник — «Архипелаг ГУЛАГ» в издании «Советского писателя». Можно ли было еще вчера себе это представить! И можем ли мы не стать другими, когда произошло такое! Но не будем торопиться, как говорят, «впадать в эйфорию». Слишком тяжелы последствия того, что возвращение правды происходит с огромным запозданием и в ограниченных пределах, не доходя до корней и крон, не становясь всеохватывающим процессом возвращения самой жизни.

«Терпение, терпение... Сначала исцеление бедняги прокаженного, сначала воскрешение неправедно казненного, сначала возвращение изгоя окаянного... Весь мир творю я заново...». Но терпение не может быть бесконечным. Нельзя мириться с тем, что акты восстановления справедливости вырываются лишь единично из оставленного историей архипелага беззакония, что нам как бы оказывается некая милость, оставляющая нетронутым самый порядок, на основе которого творилась неправда, вершилась расправа.

ЕСТЬ такие «факты», в которых концентрированно выражаются несправедливость, попрание человечности и закона, господство произвола.

Да, мы более не можем мириться с тем, что до сих пор Александру Исаевичу Солженицыну не возвращено советское гражданство. Тут речь не просто о юридической форме, не об одном лишь правовом установлении, не только о «дубликате бесценного груза» (хотя все это и существенно), речь о нашей чести, о нашей совести, о благородстве, наконец, о здравом смысле. О достоинстве страны, народа, государства. О сознании вины и способности искупить вину. О необходимости вернуть доброе имя (наше имя!), восстановить в своих правах человечность.

И не случайно общественность не впервые ставит вопрос о том, что незаконный, в сущности, указ о лишении А. И. Солженицына советского гражданства должен быть отменен, что должно быть официально осуждено насильственное выдворение писателя за рубеж и что А. И. Солженицыну должны быть принесены официальные извинения. Впервые, если не ошибаюсь, проблема была гласно сформулирована на страницах «Книжного обозрения». Теперь,

насколько я понимаю, уже Союз писателей, отменивший свое решение об исключении из своих рядов А. И. Солженицына, поручил писателям — народным депутатам ставить перед нашим парламентом, перед руководством страны вопрос о

L00013 - 02

KUTSCHEM

30-MAR-1990 08:38:42

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ / 2 /

восстановлении А. И. Солженицына в гражданстве СССР.

Но время идет... И я думаю, не одного меня, а очень многих читателей Александра Солженицына беспокоит, почему же справедливое решение не принимается, почему унижение длится — унижение нас самих, унижение писателя, унижение страны. Согласимся, что подлинная культура не может смириться с таким надругательством. Вряд ли верно в данном случае занимать безразличную позицию, аргументируя тем, что имя и творчество Солженицына — независимо от каких-либо «указов» — принадлежат Родине. Это действительно так. Но тем более нас должно жечь: позор остается...

ОТДАЮ себе отчет, что мои личные усилия могут быть значимы в таком деле всего лишь символически. И все-таки я не удержался, написал в Верховный Совет СССР. В ответ я получил официальное разъяснение на бланке, мною никогда до того не виданном: «Секретариат Верховного Совета СССР. Отдел по вопросам гражданства и помилования. Москва, Кремль». Подписал ответ зам. заведующего Сектором по вопросам гражданства В. М. Сорокин. Привожу конкретную, интересующую нас часть текста:

«В связи с Вашим письмом по вопросу восстановления в совет-

ском гражданстве А. И. Солженицына сообщаем, что в Постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1989 года указывается на имевшие в 70—80-е годы факты необоснованного лишения советского гражданства ряда лиц в связи с их выездом за границу и выступлениями, которые расценивались как порочащие высшее звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу страны.

Президиум Верховного Совета СССР в названном выше постановлении признал целесообразным продолжать начатую работу по восстановлению в советском гражданстве необоснованно его лишенных лиц, выразивших желание о восстановлении в гражданстве СССР. По действующему законодательству вопрос о восстановлении в советском гражданстве может рассматриваться лишь на основании личного заявления. От Солженицына такого заявления не поступало».

Скажу сразу же, что я признателен В. М. Сорокину за недвусмысленный, как теперь говорят,

однозначный ответ. Я не юрист, а посему не вступаю в спор относительно правил действующего законодательства, регулирующих вопросы восстановления гражданства. Я только вижу, что наша правовая система, наши правовые учреждения не готовы к серьезному признанию и реальному исправлению ошибок, допущенных государством по отношению к людям, необоснованно лишенным гражданства СССР. С одной стороны, при-

знается, что такие люди есть, и выражается намерение продолжить начатую в этом направлении работу, с другой... требуется личное заявление того (тех), кто пострадал в результате несправедливости. Но если подобная несправедливость является беззаконием, неужели в наши дни Верховный Совет СССР не в силах по собственной инициативе отменить незаконный «указ» и тем самым сделать шаг навстречу справедливости? Оказывается, нет, не в силах. Пишите заявление, не надеясь на совесть и правосознание соответствующего учреждения, обязанного защищать граждан от беззакония.

«От Солженицына такого заявления не поступало». Вот и весь сказ. Вот вершина юридической мудрости, до которой поднялись сегодня в Отделе по вопросам гражданства и помилования Верховного Совета СССР. Но, может быть, это мнение Сектора по вопросам гражданства, а не Верховного Совета СССР? Обсуждал ли наш верховный орган этот вопрос? Вот что хотелось бы узнать. Терпение...

Что же получается?.. Всемирно известного русского писателя сперва выталкивают из родного дома, изгоняют с отчей земли, ни за что ни про что, без суда и следствия лишают гражданства, возводят на великого заступника нашего народа бесчестную напраслину, а теперь, когда советское государство начинает новую жизнь, когда возвращаются право и справедливость, некие чиновники, едва приоткрывая окошечко, от имени этого государства твердят: «...заявления не поступало».

НО ЕСЛИ так смеют обращаться с великим писателем, на что же надеяться простому человеку, чего ждать сотням и тысячам наших соотечественников, томящихся в вынужденном изгнании и ожидающих возможности вернуться на

родную землю?.. Теперь представим себе, сколько сложных, запутанных человеческих судеб не могут найти ни милости, ни права, ни справедливости.

Ведь вот даже наши писатели — народные депутаты СССР пока что, видимо, не смогли достучаться до тех столочальников, которые возвращают людям гражданство, несправедливо отнятое в застойные годы. Что же касается руководителей Союзов писателей СССР и РСФСР, то можно ли ждать от них борьбы за справедливость, если они сегодня почти те же самые, что славили «писателей» Брежнева и Рашидова и травили создателя «Одного дня Ивана Денисовича», «Матренина двора», «Архипелага ГУЛАГ»... Из выступлений этих личиновиков против Александра Исаевича Солженицына составила бы целая книга. Черная книга...

Напрасно ждем мы открытого раскаяния, очищающей самокритики, бесстрашного анализа, честных поступков со стороны тех, кто возглавлял и проводил клеветнические кампании против подлинных писателей. Единичные акты исправления прежних ошибок и несправедливостей совершаются половинчато, втихомолку (о чем недавно верно сказал Вл. Лазарев в «Аргументах и фактах»). Союзы писателей

СССР и РСФСР не только не готовы стать духовными наследниками Андрея Дмитриевича Сахарова, но, в сущности, занимают противоположную позицию. А могли бы, как призывает Елена Георгиевна Боннэр, бороться за официальную реабилитацию узников совести 70—80-х годов (см. «Огонек», № 11 с. г.) и на этой основе — за возвращение справедливости по отношению ко всем правозащитникам, священнослужителям, публицистам, общественным деятелям, писателям, подвергшимся разного рода гонениям.

Я думаю, никакие разногласия не должны помешать единству честных писателей в борьбе за отмену позорных приговоров по так называемым «делам» Юлия Даниэля, Андрея Синявского, Леонида Бородина, Иосифа Бродского, Феликса Светова, Зои Крахмальниковой. Конечно, ряд таких имен гораздо больше, и Союз писателей СССР обязан был бы считать для себя нравственным долгом решение проблемы в целом, исчерпывающе, не забыв ни одного имени.

LO00013 - 01

KUTSCHEM

30-MAR-1990 08:38:31

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ / 3 /

И убежден, что советское гражданство должно быть возвращено Андрею Синявскому, Иосифу Бродскому, Науму Коржавину, Владимиру Войновичу, Владимиру Максимова, Ефиму Эткинду, Василию Ахсену, Георгию Владимову, Анатолию Гладилину, Юзефу Алешковскому, Григорию Свирскому, Юрию Кублановскому и другим нашим соотечественникам, которые внутренне глубоко связаны с нашей общей Родиной.

Нас обнадеживает возвращение гражданства выдающимся творцам русской культуры — Мстиславу Ростроповичу и Галине Вишневской, друзьям и единомышленникам Александра Солженицына.

Автор этих заметок год назад на страницах «Книжного обозрения» сказал о своей вине перед Владимиром Войновичем. Я полагаю, что все, кто вольно или невольно участвовал в проработочных акциях Союза писателей (например, в «обсуждениях» альманаха «Метрополь»), обязаны сегодня заявить, как они смотрят на свою вчерашнюю позицию.

На мой взгляд, следовало бы создать представительную писательскую комиссию, чтобы изучить все доступные и (насколько удастся) пока что недоступные материалы по всем «делам», сострепанным против независимых писателей, против так называемых «диссидентов». Сегодня, по моему убеждению, литературные направления и группы не имеют морального права делить писателей на «своих» и «чужих», если речь идет о восстановлении законности, достоинства, чести.

Напомню вновь еще об одной драматической судьбе. Вслед за отменой прежнего решения Союза писателей, исключившего из своих членов Владимира Максимова, должно последовать возвращение советского гражданства известному русскому писателю, вынужденному в свое время покинуть Родину. Произведения Владимира Максимова в ближайшее время появятся в наших журналах и издательствах. Не сомневаюсь, станут доступны советским читателям и шестьдесят юниг журнала «Континент», вышедшие под редакцией Владимира Максимова.

Но до чего же медленно все у нас совершается! Оплаздываем, оплаздываем... Впору причислить к «русифобству» спокойное и тяжелое определение: «Мы ленивы и любопытны». По су-

ти это равносильно обвинению в покорности, безразличии, бездеятельности. Но какая национальная культура не обходится без национальной самокритики! Нам нужно менять всю атмосферу отношения к таланту, к правде, к самоотверженности. Отечество не должно побивать камнями своих пророков. И люди, считающие себя честными, не могут вступать в союз со лжесвидетелями.

Я был поражен недавно, услышав с экрана телевизора заявление одного из наших интеллектуалов, что, оказывается, Андрей Дмитриевич Сахаров никакой опасности не подвергался... Шла беседа литераторов, и никто не возмутился! «Весы» не покачнулись...

Только что в Калуге районный суд обязал молодежную газету поместить опровержение опубликованных ею материалов, в которых была предана гласности постыдная история заключения известного ученого Жореса Медведева в местную психиатрическую больницу. Для неправедных судей не существует того, о чем знает весь мир!

КСТАТИ сказать, атмосфера попрания законов, атмосфера торжествующей лжи порождает экстремизм. Напротив, там, где правда, вера, мысль, совесть, творческий дар окружены вниманием, свободой и уважением, вырастают поколения людей, исполненных достоинства, возвышенных человечностью, воспитанных демократией.

Мы еще от этого далеки. Мы еще должны были бороться за освобождение свердловского журналиста Сергея Кузнецова, вся «вина» которого состояла в пропаганде Всеобщей декларации прав человека. Это произошло буквально в самое последнее время, в эпоху гласности.

Но ведь у нас еще пытаются диктовать «правила хорошего тона» люди, преследовавшие Пастернака, Солженицына, Сахарова. Я не хочу разделять эти высокие имена: они воплощают идеалы свободы, правды, артистизма — человеческий гений.

Когда мы говорим: Александру Солженицыну должно быть возвращено гражданство СССР, это не значит, что мы забываем о других именах. Ведь «Архипелаг ГУЛАГ» — памятник множеству имен и судеб, да и эпопея! «Красное колесо» — подвиг памяти, неутомимое собрание. Писатель посвятил свой «Архипелаг...» «всем, кому не

хватило жизни об этом рассказать». Он добавил к посвящению слова неоплатного долга: «И да простят они меня, что я не все увидел, не все вспомнил, не обо всем догадался».

В дни, когда и священное понятие Памяти пытаются заморозить, мы провозглашаем:

— Верните Память на Родину!

— Верните Правду на Родину!

И повторяем, обращаясь ко всем, перед кем столь виноваты: «Простите нас». Мы помним, с этими словами люди недавно прощались с нашим великим гражданином, которому мы обязаны тем, что «идеология защиты прав человека стала всемирной».

И одно из этих прав — право человека жить на родной земле, право покидать страну и право возвращаться домой. Ныне это право признано всем мировым сообществом, признано и Советским Союзом.

Как обидно, что всего неделю назад большинство Съезда народных депутатов страны не согласилось с предложением снять из текста Конституции СССР положение о возможности лишения советского гражданства. Съезд проголосовал ниже уровня гуманности.

Да нельзя насильственно лишать человека гражданства! Ведь и заклятые преступники остаются до последней минуты гражданами... Нельзя отнимать у человека Родину, нельзя отнимать у Родины материнское чувство.

Россию невозможно отнять у русского писателя, где бы он ни жил. И все же до чего горько, когда склоняется «над русской могилкой... сын севера, бродя в краю чужом»...

CODE: СССР

ИТЕМ: БЕСЕДА С А. АВЕРИНЫМ, В КОТОРОЙ ОН ГОВОРИТ О ПОЗИЦИИ "КНИЖНОГО
ОБОЗРЕНИЯ", СВОЕЙ ПРОГРАММЕ КАК ДЕПУТАТА В ВС РОССИИ И ОБ ОТНО-
ШЕНИИ К ЗАКОНУ О ПЕЧАТИ

- 1 -

ЖУРНАЛИСТ
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» И СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ СССР

МАРТ. 3.1990.

Стр. 26-28

Главный редактор газеты «Книжное обозрение» Евгений АВЕРИН беседует с корреспондентом «Журналиста» Софьей ДУБИНСКОЙ

ДЛЯ КОГО «КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»...

— Евгений Сергеевич, может быть, нам лучше начать разговор с конца — с последних месяцев, которые принесли вашей газете немало неприятных моментов? Как вы объясняете парадокс: популярность газеты растет, а редакция в опале у издателя?

— В двух словах на этот вопрос не ответишь. Причина, на мой взгляд, все же в столкновении не характеров, а концепций. Долгое время газета была ориентирована на узкий круг читателей. Считалось, видимо: «Книжное обозрение» — издание отраслевое, следовательно, основной контингент читателей — это работники книжной отрасли. Когда в 1986 году я пришел в газету, мы решили внимательнее присмотреться к своему читателю. Провели широкое анкетирование, анонимное, но с указанием профессии, возраста и географии. Результаты нас удивили: оказалось, только один процент читателей газеты — работники книжной отрасли. А 99 процентов — творческая и инженерно-техническая интеллигенция, студенты, библиотекари, учителя-словесники, активисты общества книголюбов. И люди пишущие — не только профессиональные писатели, но и журналисты, и те, кто пока не вступил в творческие союзы. Словом, все, для кого книга — важная часть бытия.

CODE: СССР

ITEM: БЕСЕДА С А. АВЕРИНЫМ, В КОТОРОЙ ОН ГОВОРИТ О ПОЗИЦИИ "КНИЖНОГО
ОБОЗРЕНИЯ", СВОЕЙ ПРОГРАММЕ КАК ДЕПУТАТА В ВС РОССИИ И ОБ ОТНО-
ШЕНИИ К ЗАКОНУ О ПЕЧАТИ

-2-

— Эта аудитория сформировалась еще до вашего прихода в редакцию?

— Разумеется. И попытки ее расширить начались тоже до моего прихода. Только мы не стесняемся признать сознательную ориентацию именно на такую аудиторию, а не на завоевание чисто отраслевого читателя.

— И все же: от самого факта отраслевого характера вашей газеты не уйдешь. Один из ваших издателей — Госкомпечать, из этого следует, что и читателем, массовым, во всяком случае, должен быть работник отрасли...

— Почему «работник отрасли»? «Книжное обозрение» адресовано читателям, то есть потребителям продукции отрасли. Для освещения внутриотраслевых проблем есть другие издания. Да и пропаганду книги можно вести по-разному. Нам кажется, что чистая реклама, информация — хоть так делать газету легче — менее интересна. Труднее, но интереснее и для читателей, и для журналистов разговор о книге в контексте сегодняшней политической, идеологической, культурной жизни.

И вообще, для чего существует сама книжная отрасль? Разве не для удовлетворения широких и разнообразных читательских потребностей? Я не говорю уж о том, что каждый работник любого подразделения Госкомпечати — он еще и просто читатель. Такой же, как тот, что работал или работает в шахте, в больнице, на фабрике. Нас объединяет то, что все мы — граждане одной страны, члены одного общества. И нужды народа, интересы страны в первую очередь определяют ту общественную атмосферу, без которой немыслима никакая конкретная профессиональная деятельность. Вот эту-то атмосферу должна отражать, на мой взгляд, любая газета, особенно такая, как наша. Связанная с книгой — хлебом не только культуры, но и науки, политики, искусства, философии. К тому же второй наш издатель — Всесоюзное общество книголюбов. Мы просто обязаны учитывать и его интересы.

— Ваша концепция газеты понятна. Но в начале разговора вы употребили фразу: дескать, конфликт между газетой и ее издателем — это столкновение не характеров, а концепций. Выходит, издатель, Госкомпечать, видит газету иной?

Газета, по логике вещей, есть связующее звено между издателем и читателем. Конфликт — это вспышка, возникает часто внезапно, а вот погасить его так трудно... Должна же существовать какая-то средняя модель, которая учитывала бы интересы и читателя, и издателя? Ведь, учреждая газету, Госкомпечать вправе ждать от нее пусть не слепого послушания, но непременно проведения линии учредителя.

CODE: СССР

ИТЕМ: БЕСЕДА С А. АВЕРИНЫМ, В КОТОРОЙ ОН ГОВОРИТ О ПОЗИЦИИ "КНИЖНОГО
ОБОЗРЕНИЯ", СВОЕЙ ПРОГРАММЕ КАК ДЕПУТАТА В ВС РОССИИ И ОБ ОТНО-
ШЕНИИ К ЗАКОНУ О ПЕЧАТИ

-3-

— А мы и не мыслим себя без этого. Ни у кого из нас, работников «Книжного обозрения», нет и не было намерения отказаться от публикаций, связанных с планированием, производством, распространением книги и ее бытованием в читательской среде. Речь о другом — быть ли «Книжному обозрению» настоящей газетой с глубоким дыханием, точным пониманием современности, или издаваться эдаким информационным бюллетенем для узкого круга. А если отвлечься от «Книжного обозрения» и ситуации, сложившейся вокруг него, окажется, что не я один в таком положении. Есть какая-то закономерность в уязвимости положения главного редактора газеты. С одной стороны, он обязан учитывать и проводить в жизнь позицию издателя (а иначе газета издателю не нужна). С другой — должен учитывать интерес читателя, который имеет право прочесть в газете именно то, что ему требуется. Иначе зачем бы он выписывал именно эту газету? А само издание вроде бы между двумя жерновами. Может, не совсем удачное сравнение, но точное. От того, насколько «жернова» будут соответствовать друг другу, зависит качество продукции — в данном случае газеты. Если же интересы у издателя и читателя расходятся, возникает конфликт, который больно бьет по газете и ее редактору.

— Да, вот уже с полгода усиленно муссируются слухи о том, что главного редактора «Книжного обозрения» снимают. Мне довелось прочесть в газете «Московские новости» две публикации с интервалом в неделю. Вначале — интервью с главным редактором «Книжного обозрения», где вы изложили суть претензий председателя Госкомпечати Н. Ефимова к вам. Потом — с Николаем Ивановичем Ефимовым, где он обвинил вас в «окарикатуривании» его позиции. После этих двух публикаций оставалось только руками развести и задаться вопросом: кто же прав?

— Возможно, нашего издателя (как и многих других) устроила бы более спокойная газета, публикующая книжные обозрения, рецензии, литературные эссе, но не может сегодняшняя газета не отражать столкновения позиций, сформированных таким беспокойным перестроечным временем. Упреки в групповщине, в публикации «чужих» материалов повторялись работниками Госкомпечати и прежде. Тем не менее мне до сих пор не очень понятна суть претензий издателя делать газету, как выразился председатель комитета, на английский манер. Информационно-справочным и рекламным ревью? Идея интересная. Да ведь для этого надо прежде довести до английского уровня состояние потребительского,

CODE: СССР

ITEM: БЕСЕДА С А. АВЕРИНЫМ, В КОТОРОЙ ОН ГОВОРИТ О ПОЗИЦИИ "КНИЖНОГО
ОБОЗРЕНИЯ", СВОЕЙ ПРОГРАММЕ КАК ДЕПУТАТА В ВС РОССИИ И ОБ ОТНО-
ШЕНИИ К ЗАКОНУ О ПЕЧАТИ

-4-

и не только книжного, рынка. А то у нас книга нередко выполняет функции черной икры, то есть своеобразной свободно конвертируемой валюты. Что, кроме раздражения, может вызвать у читателя в таких условиях бесстрастное книжное ревью?

— Но ведь от этого своего тезиса, изложенного в вашей интерпретации в интервью «Московским новостям», Ефимов отказался?

— Я был бы рад, если бы не так его понял. Ведь дело не в личных амбициях, а в том, какой быть газете. Существует и такое обвинение в адрес «КО»: групповщина. Думаю, у нас часто путают групповщину с определенностью позиции. Ну, о какой групповщине на страницах газеты можно вести речь, если на них сосуществуют И. Шафаревич и П. Карп, В. Кожин и С. Лесневский, О. Михайлов и Т. Иванова. Причем свою точку зрения они, как правило, излагают в диалогах с нашим корреспондентом, который не просто «внимает», но высказывает свою позицию, размышляет вслух и призывает к осмыслению сказанного читателем. Можно ли назвать групповщиной острейшую борьбу позиций и общественных идей, которая происходит в стране? Некоторые органы печати ухитряются уклоняться от нее, но их становится все меньше. И подписчик выбирает те газеты и журналы, которые четко определяют свою позицию,— это естественно...

— Слышала, у вас вырос тираж и почта увеличилась?

— Тираж вырос с 280 тысяч до 430 тысяч. Динамика почты еще более характерна: 1987 год — 18 тысяч, 1988-й — 36 тысяч, 1989-й — около 50 тысяч. Когда мы уточнили эту цифру в первых числах января, оказалось: больше 52 тысяч читателей написали нам в прошлом году...

— Выразительно! И все же растущая популярность будто и не радует издателя?

— Судите сами: 14 ноября коллегия Госкомпечати заслушала вопрос о модели «Книжного обозрения». На конец марта назначено рассмотрение вопроса: «О работе газеты по новой модели». У меня и в мыслях нет подвергать сомнению право издателя на подобные мероприятия, но при том тяжелейшем положении, которое сложилось в стране с книгоиздательским делом, в течение квартала слушать на коллегии чисто профессиональный газетный вопрос о модели издания можно лишь при том условии, что под моделью понимается линия, позиция газеты. Что такое в конце концов модель? Это форма. А на заседании коллегии 14 ноября и. о. секретаря парткома Госкомпечати В. Молдован (правда, единствен-

CODE: СССР

ИТЕМ: БЕСЕДА С А. АВЕРИНЫМ, В КОТОРОЙ ОН ГОВОРИТ О ПОЗИЦИИ "КНИЖНОГО
ОБОЗРЕНИЯ", СВОЕЙ ПРОГРАММЕ КАК ДЕПУТАТА В ВС РОССИИ И ОБ ОТНО-
ШЕНИИ К ЗАКОНУ О ПЕЧАТИ

-5-

ный из присутствующих) потребовал освободить меня от обязанностей главного редактора... за идейно ущербную линию.

Поводом для такого обвинения (а работу редакции перед коллегией рассматривал партком) стали так называемые «сигналы». Один из них (анонимный!) содержал подсчеты, сколько среди наших авторов характерных нерусских фамилий. Дескать, русские талантливые писатели еженедельнику «КО» по каким-то причинам не подходят. Второй сигнал — заключение Мосгорлита о наших, как там сказано, «патологических» пристрастиях к Солженицыну.

— Очевидно, имелась в виду статья Е. Чуковской о необходимости восстановления Солженицына в гражданстве и о возвращении его творчества нашему читателю?

— Да, эта статья меньше года назад была напечатана без визы Мосгорлита, под мою личную ответственность. Однако сегодня «крамольные» мысли Е. Чуковской уже никому не кажутся чем-то смелым. Произведения Солженицына печатаются большими тиражами в толстых журналах, а писательская организация открыто высказалась за возвращение писателя в страну. И член Политбюро, секретарь ЦК КПСС В. Медведев с трибуны Съезда народных депутатов СССР, и все без исключения органы печати, «левые» и «правые», едины во мнении о правомерности издания книг выдающегося русского писателя на его Родине. Так что наша «идейная ущербность» оказалась просто трезвым взглядом.

— Интересно, а сегодня цензура или работники партийного аппарата вмешиваются в работу редакции?

— Сейчас — нет. Совершенно не вмешиваются. Хотя совсем недавно с разных сторон высказывались рекомендации, совершенно не касающиеся деятельности тех или иных ведомств. Вспоминаю, как нам настоятельно «советовали» отказаться от публикации «нобелевской» речи И. Бродского: «Ну, зачем вам это?» А ведь речь Бродского представляет собой вдохновенный гимн книге. Где же, как не в нашей газете, ее печатать?

— Да, в этом случае понять вас можно. Но каким образом на страницах «Книжного обозрения» появилась предвыборная программа покойного академика Сахарова?

— Не отрицаю, что к книге она прямого отношения не имеет. Но к культуре, к возрождению гражданского общества, к обновлению социализма имеет. Да и, если честно, я просто не смог отказать Андрею Дмитриевичу, когда он обратился к нам с этой просьбой.

— Подпись академика Сахарова, уже в качестве народного депутата СССР, вместе с подписями других видных деятелей науки и культуры стояла и под напечатанным

CODE: СССР

ИТЕМ: БЕСЕДА С А. АВЕРИНЫМ, В КОТОРОЙ ОН ГОВОРИТ О ПОЗИЦИИ "КНИЖНОГО
ОБОЗРЕНИЯ", СВОЕЙ ПРОГРАММЕ КАК ДЕПУТАТА В ВС РОССИИ И ОБ ОТНО-
ШЕНИИ К ЗАКОНУ О ПЕЧАТИ

- 6 -

вашей газетой обращением в защиту редакции журнала «Октябрь». Тут ваша газета четко заняла позицию одной из сторон. А где мнение других участников конфликта?

— Видите ли, это так и не так. Если бы речь шла только об оценке работы А. Синявского или повести В. Гроссмана, то — какова бы ни была позиция моя лично или большинства редколлегии — мы бы никаких обращений печатать не стали. Так сказать, всяк имеет право свое мнение иметь. Но тут ведь дело совсем в другом. Предпринималась попытка решать идейные, философские, нравственно-этические разногласия при помощи традиционных оргвыводов. К тому же отнюдь не первая за последние год-два попытка. И некоторые, увы, удались...

Впрочем, в январе коллегия Госкомпечати в основном одобрила концепцию «Книжного обозрения», предложенную редакцией. Надеемся, это добрый знак.

— А теперь, Евгений Сергеевич, сугубо личный вопрос. Несколько организаций двух столичных районов, Москворецкого и Киевского, выдвинули вас кандидатом в депутаты Верховного Совета России. Когда этот номер журнала выйдет в свет, уже будут, очевидно, известны результаты выборов. Скажите несколько слов, хотя бы в общих чертах, о программе, с которой вы идете к своим избирателям.

— Да какой же это личный вопрос! У меня и в мыслях не было баллотироваться в депутаты. Обратите внимание на такое обстоятельство: за меня ратовали и неформальные организации — клубы избирателей, и научные коллективы, и коллектив крупнейшего в стране вмести-

лица книг — Библиотеки имени В. И. Ленина. На собраниях по выдвижению моей кандидатуры некоторые ораторы говорили, что лично меня не знают, но постоянно читают газету... Согласитесь, эти обстоятельства делают вопрос о выдвижении отнюдь не личным. И совершенно независимо от исхода выборов я считаю себя обязанным оправдать общественное доверие. Что же касается программы, то я постараюсь изложить хотя бы некоторые ее положения.

Вместо горделивой, но вполне бессодержательной формулы «первая среди равных» применительно к России я хотел бы осуществления для республики формулы «подлинно равноправная среди равных». Считаю необходимой повседневную кропотливую работу для практического преодоления остаточного принципа финансирования социальных наук, культуры, народного образования и здравоохранения для всех регионов России. И в этом вопросе не обойтись без постоянного парламентского контроля.

CODE: СССР

ИТЕМ: БЕСЕДА С А. АВЕРИНЫМ, В КОТОРОЙ ОН ГОВОРИТ О ПОЗИЦИИ "КНИЖНОГО
ОБОЗРЕНИЯ", СВОЕЙ ПРОГРАММЕ КАК ДЕПУТАТА В ВС РОССИИ И ОБ ОТНО-
ШЕНИИ К ЗАКОНУ О ПЕЧАТИ

-7-

Еще один пункт своей предвыборной программы упомяну: в основу как взаимоотношений внутри РСФСР, так и взаимоотношений России с другими национальными образованиями страны должен быть положен подлинный интернационализм, глубокое уважение к истории, культуре, этнической самобытности всех народов. Пришло время восстанавливать нравственно-этические принципы, которые органично входят в марксистское представление об идеалах свободного человека.

Мне уже приходилось встречаться с людьми, оказавшими мне доверие. Должен сказать — это нелегкие встречи. Люди устали от слов, они дотошно интересуются, какие конкретные дела вижу я за положениями своей предвыборной программы. Ну, и везде абсолютно спрашивают, как разрешился конфликт «Книжного обозрения» с Госкомпечатью. Поскольку этот вопрос напрямую связан с обсуждением Закона о печати, интересуются и моим отношением к этому документу.

— *Может быть, вы и нам расскажете об этом?*

— Этот документ — тот самый глоток воздуха, которого нам все время остро не хватало. Могу пожелать себе, и вам, и всем нашим коллегам, чтобы он наконец-то начал действовать. Что же касается частных, мне кажется, требуется доработка вот в каком направлении: любое издание создается в конечном счете не для редакции и не для издателя, как бы он ни был заинтересован в своей газете или журнале. Оно — для читателя. Поэтому, на мой взгляд, Закон о печати должен стать и законом охраны прав потребителя средств массовой информации. Тогда он защитит и хорошего редактора, и хорошего издателя. Эту мысль я высказываю не впервые... Только учитывая интересы потребителя нашей с вами работы, Закон обретет настоящую жизнь.

-1Ф-

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ВПЕРВЫЕ ПОЗНАКОМИЛИСЬ С ПОВЕСТЬЮ
СЕРГЕЯ КАЛЕДИНА "СТРОЙБАТ"
ПЕРЕДАЧИ РАДИОСТАНЦИИ "СВОБОДА"

● 6 ● Советская молодежь ● 1 мая ●

ИСТОРИЯ самых громких запретительских кампаний последнего времени так или иначе связана с публикациями «антисоветских» произведений, будь то «Сто дней до приказа» Юрия Полякова (журнал с этой повестью изымался по высочайшему приказанию из библиотек в частях) или «Чоккия» Владимира Войновича. Когда вышла повесть «Сто дней до приказа», казалось, что наконец-то все, лед тронулся, и армия перестала быть «священной коровой». Но уже зимой прошлого года вся страна, слушающая «вражий голос», узнала повесть Сергея Каледина «Стройбат» в исполнении Юлиана Панюча по радио «Свобода». Повесть читали несколько вечеров подряд, сопроводив ее таким комментарием: «Стройбат» был запрещен к публикации военной цензурой и изъят из 12-го номера «Нового мира» за 1988 год. Глазки журнала с этой повестью случайно оказались на Западе, и мы сочли необходимым представить ее вашему вниманию». Вот такая почти детективная история. После этого сопротивляться публикации уже не имело смысла, и апрельская — по традиции последних лет все хорошее у нас происходит в апреле — книжка «Нового мира» вышла с повестью «Стройбат» без каких-либо купюр.

А литературный дебют Сергея Каледина произошел годом раньше в том же журнале «Новый мир», где через десять лет после написания была опубликована его первая повесть «Смирненное кладбище». До сих пор это две самые известные вещи писателя. Именно они и создали С. Каледина имя в литературе, хотя у писателя есть ряд других, не менее интересных. Особенность творчества С. Каледина — полная жизненность и реалистичность его сюжетов и персонажей.

ПЕРВЫЙ вопрос к писателю — о его биографии:

Сергей Каледин:

«Я запрещен
в эпоху гласности —
это же суперреклама»

— Мой жизненный опыт не очень большой, нормальный. Школа, армия, немного работы. Никакого сверх-уникального опыта нет. Обычный опыт советского человека плюс еще опыт работы мотильщиком на кладбище, плюс служба в стройбате, плюс работа каменщиком, плотником, бетонщиком на стройках коммунизма.

— В этот ряд как-то совершенно не ложится ваше нынешнее занятие...

— А я совершенно не собирался становиться писателем. Я хотел быть бездельником — это была моя основная цель и задача, которую я с успехом реализовывал. Тем более моя мать — литературный переводчик, и я видел, что это за дьявольский труд. Сызмальства я знал, что буду кем угодно, вплоть до космонавта, но писателем не буду никогда. Но тем не менее в Литинститут я поступил, потому что из технического вуза меня вы-

/мм/

/еще/

blue-red

Сергей Каледин 2

шности, а в литературном у мамы был блат. Поступил на странную специальность — переводчик с татарского языка, но с дневного отделения меня скоро выгнали. Я перешел на заочное, на критику. Доучился до конца положенного срока, знакомая барышня написала за меня диплом, в то время когда я строил мост на Сахалине. И тут — осечка. Оппоненты диплом прочли и сказали, что вяло и неинтересно. И в первый раз мне стало стыдно. Что же я — отучился, а диплома не получу. Посоветовался с матерью, она предложила защититься по прозе. А писать мне совершенно не о чем — ну мост строил, лес валил, это все неинтересно. Не писать же, как я на кладбище работал. Но матушка настояла на своем и убедила меня написать именно про кладбище, и не меньше ста страниц. Я отсчитал сто

страниц и в конце сотой, последней, написал: «Конец». И ровно через месяц поставил точку аккуратно перед словом «Конец». Это и было «Смирненное кладбище» в его первоначальном виде.

— В каком году это произошло?

— Конец 78-го — начало 79-го. С этого времени я и стал склочным профессиональным писателем. Начал посылать свои рукописи во все журналы и издательства. Завесло меня в этот момент. До первой публикации прошло десять лет. И очень хорошо, что были эти десять лет непечатания. Писал спокойно, переписывал каждую вещь по пять-шесть раз. Кроме того, я чувствовал, что совершаю какой-то подвиг — творческий, гражданский. Ощущение того, что я настоящий полуголый писатель, придавало силы и заряжало очень здорово.

— А почему вы посвятили себя именно социальной литературе?

— Я завидую тем писателям, которые могут фантазировать, выдумывать из головы, у меня так не получается. Я могу писать только о том, чему я был свидетелем и соучастником. Таких сюжетов немного. Кладбище, шашка, стройбат. Мой роман «Ко-

ридор» — автобиографическая вещь о моих делах, прадедах, коммуналке, где я жил.

— А что произойдет, когда опыт исчерпается полностью?

— Вот допишу сейчас новую повесть — тоже из собственного опыта — как я работал сторожем в деревенской церкви, и на этом опыт исчерпается действительно — я гляжу вперед трезво. Наверно, надо будет перекурить, подождать, не гнать кобылу. Перестройка и гласность не побуждают меня к писанию, это занимает ум.

— Страсти, но не больше. В творческий материал у меня это не отложилось.

— Каковы, на ваш взгляд, будущность социальной литературы вообще? Ведь количество «злободневных» сюжетов тоже подходит к концу.

— По большому счету, еще ничего не написано. Ничего не сказано о войне, о революции, о напе, о сталинском времени, о послевоенных временах, о застое, о проститутках, наркоманах, ворах. Литература только сейчас может начаться.

— Но тем не менее читатель, зритель уже устал.

— А его разрешения никто и не спрашивает. Писатель будет писать, читатель не будет читать — вполне нормально, во всем мире так происходит.

— Когда вы пишете свои произведения, вы ставите перед собой какие-то глобальные задачи?

— Никаких задач, кроме желания что-то рассказать, у меня нет. «Старый Мазай разболтался в сарае». Основа — вот эта болтовня, воспоминания прекрасных дней своих.

— Однако ваша болтовня была расценена военной цензурой как подрывающая устон. Что же произошло с повестью «Стройбат» зимой 88-го? Ведь весь набор был рассыпан, а повесть в результате всплыла на радио «Свобода».

— Со «Стройбатом» была напряженка. Его сразу же поставили в «Новый мир». Набвали, сверстали и верст-

на 10-го номера за 88-й год пошла в цензуру. Главлит, Главное управление по охране государственной тайны в печати. В ту самую цензуру, которая до сих пор не упразднена и курирует наше отечественное искусство. Но к тому времени цензура уже была чисто номинальной, никаких редакторских и жандармских функций она не несла. Мы были уверены, что все пройдет без сучка, без задоринки. И вдруг нам сказали: «Нет, стоп». И мало

того, по собственной инициативе передала в военную цензуру. А это уже заведение покрепче. И вот ответ из военной цензуры — письмом Сергею Зальгину с копией в Главлит: «...в повести Сергея Каледина «Стройбат» показан чрезвычайно низкий морально-политический облик личного состава Советской Армии. К такому же мнению пришло и ГПУ СА и ВМФ. Поскольку вышесказанное целиком подпадает под цензурные ограничения, повесть С. Каледина «Стройбат» опубликована быть не может. Главный военный цензор — имярек». Вот такое пришло любовное послание. Однако «Новый мир» это не запугало, они поставили повесть в 12-й номер. Ответ — тот же самый. Переставили в следующий номер, дело раскалилось докрасна. И вдруг неожиданное разрешение опубликовать «Стройбат». Откуда оно пришло, кем порождено, кто его изрек — неизвестно.

— В это время гранки были уже на радио «Свобода»?

— Главному военному цензору, генералу Филимонову я сказал: Сергей Алексеевич, то что вы запретили повесть, да так шумно — это сослужит мне великую службу. В Америке за такое деньги нужно платить. Это же великолепная реклама, причем в эпоху гласности — я запрещен, когда все можно, — это суперреклама. Генерал на это не отреагировал, зато отреагировала радиостанция «Свобода». И однажды вечером мне позвонил друг и попросил включить радио. А там идет полным ходом чтение повести. Сначала я заволновался. Я человек все-таки советский. Вдруг придет черная машина или из дурдома — все,

Сергей Каледин: 3

конец онографии. Но «Стройбат» читали пять дней, полностью, с четырехкратным повторением в день, а «воронки» или «козел» из дурдома не приезжали. Никто не позвонил, не сказал, что выгоним, осуждаем, ушли, приехали. Ничего не случилось. Только «Стройбат» до публикации узнала страна.

— После этого выше военные инстанции вас не взломали?

— Сейчас мы с Юрием Поляковым удостоены великой чести — на Всесоюзном совещании офицеров СА, проходившем в Театре Советской Армии, министр обороны товарищ Язов со сцены заявил, что огромный вред нашему делу, нашей армии и нашей идеологии нанесли повести Ю. Полякова и С. Каледина в особенности. Я почему-то вызвал у него максимальное негодование. Но парадокс перестройки заключается в том, что Язов поговорил, офицеры разошлись, а через несколько часов на той же самой сцене продолжились репетиции пьесы «Стройбат».

— Что же страшного, подрывающего нашли в вашей повести? Ведь описаны времена вашей юности, армия конца 60-х годов.

— Да, но не совсем обычная армия. Дело тут вот в чем. Я сам поначалу служил в нормальном стройбате. Но в этом стройбате повесился мой друг, и я занялся само-

деятельным расследованием всех обстоятельств. Это расследование не понравилось руководству, и меня выслали, как неугодного. История, аналогичная описанному в повести. Это были высланные за те или иные нарушения из всех стройбатов Советского Союза. В основном рвань, пьянь, бандиты. Но недодумали отцы-командиры в очередной раз. Везли нас всех в Читинскую область, чтобы мы там без воды, в холоде перевоспитывались. Но по пути тормознули и устроили весь шешелон в Ангарске, в индустриальном большом городе. Устроили практически посреди города филиал дисбата. Тут винные магазины, женские общепиты и рядом — сволочь отпетая, бандиты. В стройбате — пять офицеров и восемьсот человек отпетой шпаны.

Лагерь, только еще хуже. Полная вольница, к тому же денег — куча. Офицеры хватились за голову: кто, в каком горячем бреду мог такое отчудить?

— И чем все это в результате закончилось?

— Кончилось описанным в повести побоищем, дракой. И массовой посадкой. Насколько я знаю, такого больше не повторялось, то есть всю сволочь в одном месте больше не скучивали. И слава богу. Ведь все это было буквально спровоцировано слабыми руководящими мозгами: это побоище, эти суды, переломанные судьбы.

— А что такое вторая рота «блатных» в вашем стройбате?

— Она была целиком набрана в Красноярском крае из уголовников. На КПП зоны освобождали, здесь же стояли машины, которые везли в стройбат. Им даже не дали отдохнуть. И здесь они раздухарились. Вроде свобода, делай что хочешь, а свободы-то нету. Самоволка — и сразу спецсуд-40. Каждую субботу. А спецсуд выносит: самовольное оставление части — 2 года дисбата или 3 года лагеря. После суда не расходятся — будет кино. Как часы это работало.

— Позвольте привести вам интересное наблюдение: нынешние «дежбеда», возвращаясь из армии, находят вашу повесть чересчур гладкой, даже скучной и уж во

всяком случае далекой от того, что им приходилось пережить в современной армии.

— Я убежден, 20 лет назад ситуация в армии была качественно иная. Было лучше. Было бытовое безобразие. Молодых били по конкретному поводу — чтобы отнять деньги, заставить помыть пол. Но это не имело характера изуверства, не имело под собой национальной почвы. А сегодня бьют каждый день — за что? За то, что он азербайджанец, еврей, якут... За сам факт его существования, принадлежности к иной национальности. Страшнее ситуация в стране — страшнее ситуация в армии, где все гораздо емче, выпуклее. Нищета в стране, преступность на улице, меж-

национальные конфликты — представляю, что творится в армии. Причем происходит дегеронизация всего нашего военного дела. Афганская война, оказывается, обман и подлость, а в башку вдальблывалось, что это интернациональный долг. Развал всей коммунистической империи Восточной Европы — а что сейчас на политграмотах говорят отцы-командиры? Ведь самый тупой солдат понимает, что все это — лажа. Ведь когда я призывался зимой 68-го года, ребята гордились Чехословакией, говорили: вот мы дадим чехам, лишь бы туда послали. А сейчас знают, что это была наша подлость. И это подтверждено документально на самом высоком уровне. Так что настроение у пацанов, тот самый морально-политический облик, который так оберегает военная цензура, находится на чрезвычайно низком уровне.

— А вы хотите написать про современную армию?

— Я не знаю армии. Я знаю стройбат образца 68-го, 70-го годов в его худшей разновидности. И об армии я больше писать не буду, так же, как не буду писать про кладбище, шабашку — о том, о чем я уже написал. Армия меняется, а я ее не знаю и не узнаю. Журналистское прикосновение к армии мне кажется непродуктивным. Надо несколько месяцев вставать в шесть часов утра, побыть молодым, салабоном, чтобы понять, что там происходит. Но слухи до меня доносятся жут-

кие. Возвращаются дети друзей — все в основном комиссуются. Башку проломли, ногу сломали, печень отбили. А это дети из интеллигентных семей, значит, им приходится покруче, чем остальным. Я бы не хотел, чтобы мой сын — ему сейчас 15 лет — пошел служить. А три года назад я его всячески настраивал и готовил к службе.

— Значит, вы хотите, чтобы вашего опыта у него не было?

— Не хочу, чтобы он был изуродован.

— Распространено мнение, что армия — «школа жизни». Это заблуждение, иллюзия?

Сергей Каледин 4

— Это не иллюзия. Служба необходима. Без нее я не стал бы писателем... Служба в армии — единственные в моей жизни два года, когда я увидел вокруг себя всех. Это огромный жизненный опыт, необходимый, особенно писателю.

— Но опыт все же негативный?

— А опыт не бывает негативный или позитивный. Опыт есть опыт.

— Вы сейчас много занимаетесь общественной деятельностью. Вы — член Координационного совета комитета писателей в поддержку перестройки «Апрель», член исполкома русской секции ПЕН-клуба. Ведь писать, наверно, совсем некогда?

— А знаете, время такое. И я сейчас ни от чего не откажусь. В другое время, когда вся эта смута пройдет, нигде не буду. А сейчас наоборот. Если меня завтра выберут депутатом — буду и там, насколько смогу, рваться.

— Вам это интересно?

— А так вообще вопрос не стоит. Это необходимо сейчас. И ни один человек не вправе уклониться от этого общественного служения. Если раньше это было аморально, то сейчас все на самом деле иначе.

...А ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ повести не прекращаются. Нынче готовится к постановке совместный советско-французский фильм по сценарию С. Каледина. Так вот, французы, зная всю историю выхода повести в свет, категорически отказались снимать в Советском Союзе. Съёмки пойдут в Польше, где условия и пейзажи вроде бы те же. Сергей Евгеньевич обещал строго проследить за соблюдением жизнеподобия, однако насколько ему это удастся на польской земле с французским режиссером, понятия не имеющим о порядках в Советской Армии? Следует ожидать зрелищного и динамичного фильма, но... способного заинтересовать только западно-

го зрителя. В середине февраля состоялся худсовет Театра Советской Армии. Предмет обсуждения — спектакль «Стройбат», где заняты самые молодые артисты труппы. Результат: 10 выступлений «за», 6 — категорически «против», в двух выступлениях отношение выражено невинно и двойственно. Как ни странно, «против» выступили не только работники ГлавПУРА и ГПУ, но и известные артисты театра. «Позавчерашние щи» — так назвала эту работу народная артистка СССР Л. Касаткина. По мнению народного артиста СССР В. Зельдина, спектакль мог быть поставлен где угодно, но не в ЦАТСА. «Мы не можем рубить сук, на котором сидим», — сказал он. Главные претензии авторитетных противников спектакля — «нет увлеченности, любви к военной теме», «не увидели светлых людей», «не армия, а зона». Их сомнения разрешил в конце обсуждения сам автор: «Вы можете спорить, принимать, отвергать, но спектакль поставлен будет, зритель спектакль увидит».

Глеб БРЯНСКИЙ.
г. Москва.

CODE: ЛИТЕРАТУРА

ИТЕМ: ИНТЕРВЬЮ С ПИСАТЕЛЕМ СЕРГЕЕМ КАЛЕДИНЫМ
"НЕДЕЛЯ", №13/90, стр.20

Сергей КАЛЕДИН:

«ПОД ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ ВОДА НЕ ТЕЧЕТ»

Он обрел широкую известность в мае 1987 года, после того, как в «Новом мире» появилась его повесть «Смирненное кладбище». В прошлом году тот же журнал после полугодовой борьбы с военной цензурой опубликовал еще одну калединскую повесть — «Стройбат», ныне не менее популярную. «У меня повесть Каледина, — говорит о ней Анатолий Стрелный, лауреат Государственной премии СССР 1989 года, — вызвала чувство радости, такое, какое вызывает всякое произведение искусства».

Прежде всего не спрашивайте меня о том, что я хотел выразить тем или иным произведением. Я не хочу вставать в назидательную позу, учить, что такое «дело художника». У меня не было цели спасти страждущее человечество. Задача писателя — показать то, что он знает и умеет, чему он свидетель, что занимает его, чем хочет поделиться в первую очередь. Потом, если вещь удалась, включается аудитория. Она не только читает с интересом, развлекаясь, но и выискивает для себя педагогические, философские резоны. Но все это потом, это — не моя задача. Когда Пушкина спросили где-то на середине создания романа: «А что будет с Татьяной дальше?», он ответил: «Спросите у Татьяны». Так и нужно писать. Иначе будет мораль.

— Следовательно, вы пишете, не следуя принципам, традиционным в России: писатель в долгу у читателя, «поэт в России больше, чем поэт»?

— Пишу только для себя, испытывая графоманский зуд, своеобразный комплекс неполноценности. «Поэт в России больше, чем поэт» или «я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» — принципы, которые

кончатся большей частью плохо, как это кончилось (дыркой в сердце) у автора последней цитаты (Маяковского). Не нужно брать на себя непосильную ношу мыслителя, философа. Мы, писатели, — совершенно другая «конструкция», мы должны показать, отобразить, повторю, то, что люди не видели, или видели да не увидели, или лучше изобразить что-то привычное. Но это, опять-таки, выясняется в конце, когда вещь уже написана. Когда же литератор ощущает себя Мессией, ретранслятором Божьего гласа, то это часто завершается печально, как произошло, к примеру, с Н. В. Гоголем, другими писателями, в том числе и ныне живущими.

— Вы считаете, что сегодня литература может наконец-то сложить с себя обязанности публицистики, и интерес к поэзии и поэзии станет более естественным?

— Конечно. Она перебродит и займется своим делом. Однако сейчас, что ни говорите, революция, а когда гремят пушки, музы молчат. Кончится эта качка, волнение, и все вернется на круги своя. Будет спрос на лирику, повысится престиж поэзии, все образуется.

— А сами вы уверены, что ваши «новомировские» повести переживут период этой революции?

— Что касается «Кладбища» — уверен. Ибо я — лучший писатель среди могильщиков и лучший могильщик среди писателей. Никто не писал о кладбище, никто там не работал, а я «тормознулся» там на полтора года. К тому же эта тема, тема смерти, занимает и русских, и евреев, и негров преклонных годов. И потому эта повесть, так или иначе, обречена на успех. Не случаен и высокий интерес к «Кладбищу» за границей, его переводят на множество языков.

Насчет «Стройбата» — не уверен. Здесь я — не единственный, об армии пишут лучше и у нас, и за рубежом. Но вещь неплохая, мне нравится. Я не рассматриваю ее как «литературную». Но она суще-

CODE: ЛИТЕРАТУРА

ИТЕМ: ИНТЕРВЬЮ С ПИСАТЕЛЕМ СЕРГЕЕМ КАЛЕДИНЫМ /3/

— По тем же причинам, по которым не спеша вступаю в комсомол и в партию. Не хочу терять самостоятельность. В частности наша православная ортодоксия требует очень серьезного подчинения своим уставам и догматам. Если бы я был постоянным прихожанином, имел бы своего духовника, то был бы лишен непредвзятого взгляда на религию, на веру. Уж лучше я буду подчиняться самому себе; тем более что нахожусь в нашей церкви очень много минусов. А когда мне будет нравиться религия, то буду обращаться к ней за помощью, тянуть к ней ручки, а не будет нравиться — рученок тянуть не буду.

Писателю же, тем паче, не следует быть приписанным ни к какой организации, ни к какому ведомству. Иначе он будет уже не писатель, но рупор, в основном со знаком «плюс», усилитель идей своего сообщества.

— Вы — член Союза писателей?

— Член Союза писателей, но из чисто меркантильных соображений.

— Литфонд?

— Именно. Член Литфонда, профсоюза. Он дает мне путевку в Дом творчества почти за бесценок, паек с колбасой, очередь на машину, в конце концов, оплаченные похороны, что немаловажно. Надо быть приписанным не к СП, что не соответствует задаче литератора, а к Литфонду, профсоюзу. Ведь у всех есть свой профсоюз.

— И тем не менее, вы — член того самого СП, который был основан Сталиным, который громил Пастернака, Солженицына, «Метрополь» и так далее...

— ... и который я сейчас хочу развалить. Этот большой писательский «колхоз» распадается на глазах. Безусловно, он развалится, если не завтра, так через год. Это мертворожденное создание про-«существовало» полвека — пора уходить. А что придет на смену — пока неизвестно. Я-то хотел бы, чтобы на его месте остались одни руины. Каждый должен жить сам по себе, одиноко писать свои строчки, и чем неуютнее ему будет в этом мире, чем индивидуальнее, тем большая вероятность, что из-под его пера выйдет нечто стоящее. При наличии, разумеется, писательского профсоюза, заботящегося о материальной стороне нашей жизни.

— И ваш идеал, как человека и как писателя — любовь к таким неуютно живущим, маленьким людям или презрение к ним? Не считаете ли вы своих героев либо их прототипов, вроде Губаря, мразью, отбросами общества?

— Ни в коем случае! Вообще на свете нет мрази, отбросов общества. А для писателя есть удавшийся либо неудавшийся персонаж. Я думаю, что Гоголь обожал и городничего, и Плюшкина, и Хлестакова. Обожал и умилялся: до чего здорово выходит! Иначе не получилось бы так гениально.

А идеал? К сожалению, наиболее известны мои повести, построенные на «экзотическом» материале. Сам-то я считаю

лучшей своей вещью «Коридор», автобиографический роман, посвященный как раз Акакию Акакиевичам, где фигурирует гером из посадско-слободского люда, мещане средней руки, неэкзотические, внешне неброские. Для меня писать о них — самое любимое и дорогое. Кстати, готовится семисерийный телефильм по «Коридору», и я рад, что и эта вещь станет известной.

— Один уважаемый редактор толстого либерального журнала в одном из интервью заметил: «...скромней, достойней всего ведут себя одаренные люди. Но каждый день я принимаю авторов, которые сами идут впереди своей рукописи, грудью стараются проложить ей дорогу. Надо ли так делать? Этично ли? Рукопись не дитя, талантливой книге сегодня все рады». Как бы вы ответили на это замечание, вам же приходилось «пробивать» в печать свои рукописи...

— Есть прекрасная поговорка «под лежачий камень вода не течет». И режим прежде был настроен на то, что не хватит у писателей, особенно молодых, напора и силы для борьбы с такой химерой, чудовищем. А требовались большие усилия, от них зависела судьба писателя. Рукописи прекрасно горят, тонут, их авторам отбивают руки, ломают жизнь, они вешаются, спиваются, уезжают...

А эта благостная надежда на то, что талант сам собой выплывет, — неверна. Вспомним притчу о двух лягушках, которые попали в банку сметаны. Одна решила, что в самом деле обречена, не стоит бороться, все ясно. А другая колотила лапками, как дура, будучи уверена, что подохнет, но все же колотила — и вылезла жива-здоровая. Я, как идиот, десять лет ходил по всем редакциям. Меня все уже принимали за городского сумасшедшего, смеялись, едва показывалась моя бородастая рожа. Надо было бросить дело на полдороге? Ан нет. Ходил, шастал, надоедал, всем плешь проел. Правда, если бы не моя мама, которая меня поддерживала материально и морально все эти десять лет, то, бесспорно, я бы отказался от всяких литературных амбиций.

Возможно, третья причина нынешнего спада в литературе в том, что у многих писателей руки отбиты. Отбиты руки, нет больше сил, веры в себя.

Так что надо, надо бить лапками в этой сметане и не слушать высокомерные заявления седовласых мэтров, которые призывают быть скромнее, так как талантливые рукописи сами найдут дорогу и будут опубликованы. Будут... после смерти.

— Как вы относитесь к нынешнему делению писателей на «правых», «левых», «западников», «почвенников» и, как к следствию, групповщине в толстых журналах?

— Думаю, что такое деление неверно, ибо нет никаких «почвенников», «непочвенников», а есть хорошие писатели и плохие. Вот и все.

Беседу вел

Юрий ЗАЙНАШЕВ.

ПЕЧАТЬ

CODE: ВСТРЕЧА С ГРУППОЙ "АПРЕЛЬ" В СЕКРЕТАРИАТЕ СП СССР

ITEM:

СТР. 2 ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 17 ЯНВАРЯ 1990 г. № 3

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

В января в секретариате правления Союза писателей СССР по просьбе совета «Апреля» состоялась встреча с представителями этого движения, существующего в Московской писательской организации. В ней приняли участие секретари правления СП СССР В. Карпов, Н. Горбачев, Ю. Грибов, С. Михалков, К. Скворцов, Ю. Суворцев, Ю. Верченко, а также Е. Евтушенко и Ю. Черниченко, которые входят и в руководство «Апреля».

Вместе с ними «Апрель» представляли Вад. Соколов, И. Герасимов, А. Гербер, Я. Костюковский, А. Анфиногенов, А. Рекемчук, В. Оскоцкий, В. Кондратьев.

Одним из поводов для встречи послужило «Обращение к писателям Москвы и России, к правлению СП СССР», принятое на собрании «Апреля» в связи с пленумом правления СП РСФСР, состоявшимся в ноябре прошлого года.

В. Карпов отметил, что в работе пленума Российского союза писателей было немало полезного, направленного на усиление роли российской литературной общественности в делах перестройки, восстановлении памятников культуры на территории Российской Федерации, улучшении издательского дела в республике. Вместе с тем ряд секретарей правления СП СССР не разделяет позицию пленума по некоторым вопросам общественной и литературной жизни. На пленуме действительно прозвучали отдельные выступления, которые не содействуют интернациональному единству нашей литературы.

Председатель правления СП РСФСР С. Михалков подробно рассказал о том, как готовился пленум, как возник вопрос о журнале «Октябрь», являющемся органом Союза писателей РСФСР, и его главным редакторе А. Ананьеве. Он подчеркнул, что решение о публикации письма трех авторов в «Литературной России» и дате обсуждения журнала «Октябрь» на секретариате правления СП РСФСР было принято в его отсутствие, так же как и в отсутствие А. Ананьева. Это решение он считает поспешным и ошибочным, о чем уже неоднократно говорил на заседаниях сек-

ретариата правления СП РСФСР, а также и в интервью «Литературной газете».

В ходе беседы встал вопрос и о журнале «Ленинград». В. Карпов подтвердил точку зрения секретариата правления СП СССР — журнал должен снова стать органом Ленинградской писательской организации, потому что речь идет о восстановлении исторической справедливости. В то же время, сказал В. Карпов, мы понимаем необходимость создания собственного журнала для Ленинградской областной, Калининской, Новгородской и Псковской писательских организаций и будем совместно с СП РСФСР добиваться соответствующего решения.

В выступлениях Е. Евтушенко, Н. Горбачева, Ю. Суворцева был высказан ряд предложений по разрешению спорных проблем, возникших в современной литературной жизни.

Участники встречи Вад. Соколов, В. Оскоцкий, Я. Костюковский, А. Гербер, А. Анфиногенов отмечали, что движение «Апрель» до сих пор не оформлено как новая самостоятельная ассоциация при Союзе писателей СССР.

В Союзе писателей СССР создание всесоюзной ассоциации «Апрель» не ставится под сомнение, тем более что проект нового устава СП СССР дает такую возможность. Но для решения вопроса самому «Апрелю» необходимо создать учредительную конференцию и осуществить некоторые другие шаги, ведущие к утверждению всесоюзного статуса ассоциации. В нынешнем же положении «Апрель» существует и действует в рамках Московской писательской организации, но и здесь движение до сих пор организационно еще не оформлено.

Завершая встречу, первый секретарь правления СП СССР В. Карпов отметил обоюдное удовлетворение участников разговора тем, что она прошла в духе взаимопонимания. Хотя вполне понятно, что обсуждавшиеся вопросы находятся в компетенции пленума правления СП СССР и ему предстоит дать ответ на эти вопросы, выразить свое отношение к сложным моментам в литературной жизни страны.

ВЮ

ОДЕ: СИТУАЦИЯ С ЖУРНАЛОМ "ЛЕНИНГРАД"

ИТЕМ: ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТКРЫТОМ ПАРТИЙНОМ СОБРАНИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, А ТАКЖЕ МНЕНИЯ ГЛАВНЫХ РЕДАКТОРОВ МОСКОВСКИХ ЖУРНАЛОВ О СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ ЖУРНАЛА "ЛЕНИНГРАД" / 1 /

"ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА" №6/90 стр.7

Вокруг журнала «Ленинград»

НЕДАВНО НА БЮРО ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС БЫЛО ПРИНЯТО ПОСТАНОВЛЕНИЕ О СТАТУСЕ ВОЗРОЖДАЕМОГО ЖУРНАЛА «ЛЕНИНГРАД». В КАЧЕСТВЕ ЕГО ИЗДАТЕЛЯ ОПРЕДЕЛЕННЫ ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОРОДСКОЙ И ОБЛАСТНОЙ СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ. ПОДДЕРЖАНА ИНИЦИАТИВА СП РСФСР О СОЗДАНИИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА «ЛАДОГА» — ОРГАНА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ, НОВГОРОДСКОЙ, КАЛИНИНСКОЙ И ПСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ. СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СП РСФСР РАССМОТРИТ ПРОСЬ-

БУ ПРАВЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ О ТОМ, ЧТОБЫ ЖУРНАЛ «НЕВА» СТАЛ ТОЛЬКО ИХ ОРГАНОМ. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ — ЭТО ЖУРНАЛ СП РСФСР И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ ИНФОРМАЦИЮ НАШЕГО СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА ОБ ОТКРЫТОМ ПАРТИЙНОМ СОБРАНИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, А ТАКЖЕ МНЕНИЯ ГЛАВНЫХ РЕДАКТОРОВ МОСКОВСКИХ «ТОЛСТЫХ» ЖУРНАЛОВ О СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО?

«Я — один из немногих в этом зале, кто помнит тот августовский день 1946 года, доклад Жданова в Смольном, первое впечатление от постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», — сказал на открытом партийном собрании ленинградских писателей один из старейших членов Союза поэтов и переводчик В. Адмони. — Это было трагическое и позорное событие. То, что происходит сегодня, — его повторение. Это кощунство. Я предлагаю обратиться в Комитет конституционного надзора, ибо принятое решение прежде всего незаконно...» Речь шла о решении бюро Ленинградского обкома КПСС передать возрождаемый журнал «Ленинград» в распоряжение Ленинградского областного и городского Советов народных депутатов. То есть изъять его у писательской общественности вторично. Формально такое решение обосновывалось расколом писательской организации, отсутствием единства в ее рядах. Выступавшие на собрании литераторы напоминали при этом, что решение ЦК КПСС об отмене постановления 1946 года предусматривало возвращение «репрессированного» журнала именно Ленинградской писательской организации, что такова же была и позиция Союза писателей СССР, недавно высказанная на страницах «ЛГ» его первым секретарем правления В. Карповым: возвращение ленинградским писателям журнала «Ленинград» — акт «исторической справедливости». Для но-

вообразившей же областной писательской организации, а также писательских организаций Новгорода, Пскова, Калининна намечалось создать свой журнал под предположительным названием «Ладоба». Что же случилось на заседании бюро обкома? Областная организация получила обещанное, а основная масса ленинградских писателей законно принадлежащего ей

журнала лишилась. Правда, в последний момент родилось предложение о передаче Ленинградской писательской организации (видимо, в порядке компенсации) журнала «Нева». Но этот журнал и так издается в Ленинграде, силами ленинградцев, речь идет лишь о незначительном изменении вывески. Чем же объяснить такое явное предпочтение одной из сторон?

В резолюции открытого партийного собрания выражено недоверие обкому и горкому КПСС. После короткой, но бурной дискуссии принято также решение временно приостановить выплату членских взносов в партийную кассу, депонируя их в сейфе или на специальном счете в сбербанке. Писатели-коммунисты поддержали требования ряда партийных организаций города о созыве внеочередной партийной конференции.

И. ФОНЯКОВ

ЛЕНИНГРАД

CODE: СИТУАЦИЯ С ЖУРНАЛОМ "ЛЕНИНГРАД"

ИТЕМ: ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТКРЫТОМ ПАРТИЙНОМ СОБРАНИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, А ТАКЖЕ МНЕНИЯ ГЛАВНЫХ РЕДАКТОРОВ МОСКОВСКИХ ЖУРНАЛОВ О СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ ЖУРНАЛА "ЛЕНИНГРАД"

121

"ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА" №6/90 стр.7

ГРИГОРИЙ БАКЛАНОВ, главный редактор «Знамени».

Чудесные дела творятся в Ленинграде. Вслед за введением талонов и визитных карточек, отделивших Ленинград от городов и областей остальной России, откуда и поставляются в Ленинград продукты, теперь в самом Ленинграде отделивают литературно-художественный журнал от ленинградских литераторов. Что, у Леноблгорсовета других забот не стало, как только журнал издавать? И такой ли уж это рачительный хозяин, если вспомнить недавний пожар в библиотеке Академии наук, аварию в Пушкинском Доме, в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина и многие-много другие прорехи в культурной жизни города?

Решение обкома, вне всякого сомнения, — противоправное. Бывали случаи во времена Сталина и Жданова, когда закрывали издания, но никогда еще партия не отбирала у писателей журнал, чтобы передать его местной власти, которая, к слову сказать, вообще скоро должна перензбираться и куда сам глава Ленинградской партийной организации не решился баллотироваться, чтобы лишней раз не испытывать судьбу.

Видимо, здесь этот акт в отношении журнала и ленинградских писателей надо рассматривать как не произнесенное на VI пленуме СП РСФСР выступление Гидаспова, посланное теперь вдогон. И приобщить его к стенограмме.

Сергей ЗАЛЫГИН, главный редактор «Нового мира». В эти дни находился в поездке по местам Александра Твардовского в Смоленской области. Он высказывает свое мнение по возвращении в Москву.

Михаил АЛЕКСЕЕВ, главный редактор «Москвы».

Мне представляется, это самый разумный выход из ленинградского журнального писательского кризиса. А потом, всегда приятно, когда к двум журналам прибавится третий, которого не было. И поскольку название журнала — «Ладога», оно само по себе очень объединительно для четырех писательских областных организаций. Короче говоря, я нахожу такое решение этого сложного вопроса единственно разумным в сложившейся обстановке. Пусть эти три журнала соревнуются, спорят, а главное, чтобы они

делали наше общее дело — строительство литературы.

Сергей БАРУЗДИН, главный редактор «Дружбы народов».

Создание нового журнала «Ладога» — это прекрасно. Но понять решение о судьбе журнала «Ленинград», право, трудно. Нельзя, исправляя грубую ошибку ждановских времен, совершать новую. Наконец, почему судьбу литературного журнала решает обком партии, а не писательская организация? По этому поводу я уже послал телеграмму первому секретарю Ленинградского обкома и горкома КПСС Б. В. Гидаспову.

Станислав КУНЬЕВ, главный редактор «Нашего современника».

Решение поистине соломоново: и волки сыты, и овцы целы. Но я представляю себе, как трудно будет создавать новый журнал с нуля.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ, главный редактор «Юности».

Думаю, что не очень это разумно и красиво отбирать журнал «Ленинград» у ленинградских писателей. У журнала были свои традиции, которые вот таким волевым решением похоронили когда-то вслед за самим журналом. Вместо того чтобы их возродить, обком партии прибрал к рукам знаменитый журнал, за который так долго и упорно сражались писатели. Конечно, хорошо, что писательской организации Ленинграда будет передан журнал «Нева» и что создаваемый литературно-художественный ежемесячник «Ладога» станет органом писательских организаций — Ленинградской областной, Новгородской, Калининской, Псковской.

Но в таком городе, как Ленинград, в недалеком прошлом выходили десятки журналов, и сейчас тем более хотелось бы, чтобы наша северная столица, где трудятся сотни литераторов, имела возможность выпускать свой «тонкий» обновленный «Ленинград». Не для того Советы взяли власть, чтобы с помощью партийных органов перебарывать своих земляков, отбирая их детище.

Анатолий ИВАНОВ, главный редактор «Молодой гвардии».

Постановление о статусе возрождаемого журнала «Ленинград», на мой взгляд, не что иное, как неуклюжий ход партийных аппаратчиков. Что стоит за определением в качестве издателя областного и

CODE: СИТУАЦИЯ С ЖУРНАЛОМ "ЛЕНИНГРАД"

ИТЕМ: ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТКРЫТОМ ПАРТИЙНОМ СОБРАНИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ,
А ТАКЖЕ МНЕНИЯ ГЛАВНЫХ РЕДАКТОРОВ МОСКОВСКИХ ЖУРНАЛОВ О СЛОЖИВ-
ШЕЙСЯ СИТУАЦИИ ЖУРНАЛА "ЛЕНИНГРАД"

"ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА" №6/90 стр.7

131

городского Советов депутатов трудящихся? Да ясно же — фактическая передача журнала писателям-«городовикам». На мой взгляд, «Ленинград» лучше всего передать Ленинградской областной писательской организации, куда входят и писатели Псковской, Новгородской, Калининской областей. Всякому ясно: журнал им нужен. В связи с вышесказанным я положительно отношусь к просьбе правления Ленинградской писательской организации о передаче им журнала «Нева». Пусть у каждой писательской организации будет по журналу. Это будет справедливо.

Анатолий АНАНЬЕВ, главный редактор «Октября».

Совсем недавно все мы радовались тому, что «Ленинград» — журнал с таким символичным названием, некогда разгромленный и удушенный Ждановым, вновь получил право на существование. Именно ленинградские писатели были инициаторами его возрождения. Тем более удивило сообщение о том, что Ленинградский обком КПСС лишил писателей журнала и волевым решением передал его городскому и областному Советам. Как это стало возможным, когда все мы сейчас говорим, что каждый должен заниматься своим делом: писатели создавать литературу, а Советы решать социальные и хозяйственные вопросы? Насколько известно, в Ленинграде таких нерешенных жизненно важных для города вопросов более чем достаточно.

- АФ -

CODE: СССР-АРХИВЫ

ITEM: АКАДЕМИК ЛИХАЧЕВ НАМЕРЕН ВЫЙТИ ИЗ СОСТАВА АН СССР, ЕСЛИ НЕ ИЗМЕНИТСЯ ПОЛОЖЕНИЕ С ХРАНЕНИЕМ АРХИВНЫХ УНИКАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

советская культура

20 января 1990 г. ◀ 2'

Академия без Д. С. Лихачева?

С первых минут заранее запланированного заседания президиума Ленинградского научного центра АН СССР с эпически спокойной повесткой дня «О состоянии хранения и использования архивных фондов гуманитарных учреждений ЛНЦ АН СССР» стало ясно: заседание будет неординарным. Весть об очередной протечке в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, когда вода чуть не затопила — страшно подумать! — пушкинские рукописи, взорвала атмосферу чинного академического собрания. Председатель президиума ЛНЦ АН СССР академик Ж. И. Алферов признал: положение катастрофическое, необходимы экстренные меры.

Пожар в Библиотеке АН СССР, разразившийся около двух лет назад, Д. С. Лихачев сравнивал с «культурным Чернобылем». И как ему, помнится, досталось тогда и от некоторых коллег, и от иных средств массовой информации, обвинявших его в нагнетании панических настроений. А вот и теперь на заседании многие признали, что в старых, непригодных и перегруженных хранилищах академии, где нет необходимого температурно-влажностного режима, происходит постепенное, невидимое, как радиация, разрушение уникальных памятников истории и культуры. Но на этот раз Д. С. Лихачев предпринял последний отчаянный шаг, заявив, что он решил выйти из состава АН СССР, культурный уровень которой не может обеспечить сохранности бесценных исторических и культурных ценностей. Что это — отчаяние? Ультиматум? Последняя надежда разбудить разум коллег, руководство академии и города? Своего заявления о выходе из академии обратно он не взял и заявил, что покинет ее, если ситуация не изменится.

Долгая и жаркая дискуссия, которая проходила в историческом здании Российской академии наук, еще раз доказала очевидное: Ленинградский научный центр по своему ничтожному статусу не может в корне изменить положение в своей епархии. И бесконечно прав Д. С. Лихачев, утверждавший, что пора Ленинградскому научному центру придать права регионального отделения академии.

Постановление ЛНЦ АН СССР, как и положено, выдержано в академических «просительных» традициях. Ученые просят «обком КПСС обеспечить выполнение до 01.07.90 постановления секретариата обкома КПСС от 27.07.86» и выделить для архива АН СССР и ИРЛИ помещение в шесть тысяч квадратных метров во вновь построенном здании Института истории партии. Это все же позволит обеспечить надежное хранение рукописей русских писателей и ценнейших документов АН и высвободит помещения для других архивов. А в следующей пятилетке намечено построить новый архив АН СССР.

Однако странное впечатление оставило какое-то академическое благодушие: отчего это президиум не задался вопросом, кто же непосредственно в ЛНЦ виновен в невыполнении многих пунктов собственных постановлений, для реализации которых не нужно кланяться ни президиуму АН СССР, ни «отцам города»? И наконец зададимся вопросом: а какие выводы делаются в обкоме КПСС и Ленгорисполкоме, коими хронически не выполняются собственные решения?

Неужто вновь нас ждут «запланированные» катастрофы?

В. ПОТЕМКИН.
(Наш соб. корр.).

ЛЕНИНГРАД.

CODE:

ITEM: L000052 - 01

JAKOREWAA

5-FEB-1990 12:22:27

ИНТЕРВЬЮ С ПИСАТЕЛЕМ И НАРОДНЫМ ДЕПУТАТОМ ГРАНИНЫМ:
"МЫ НЕ ЗАНИМАЛИСЬ ЕЩЕ ИСТОРИЧЕСКИМ СУДОМ"

№ 5, 4 февраля 1990 г.

ПОЛИТИКА

ДАНИИЛ ГРАНИН: ПРАВОСУДИЕ ЕЩЕ НЕ СВЕРШИЛОСЬ

**Даниил Гранин — писатель и народный депутат СССР.
Как укладываются в его жизни, казалось бы,
несовместимые понятия: необходимые для творчества
удинение и общественная деятельность?
Об этом и многом другом с Даниилом Граниным
ведет беседу корреспондент «МН» Иван Подшивалов.**

— У вас есть политические противники?

— Было бы печально, если бы таковых не оказалось. Я ощущаю их противодействие, знаю про их нападки. Но у меня нет возможности и даже желания заниматься полемикой. Борьба личная поглощает душу, да и, кроме того, это всегда опасно для писательского организма. Злость и ненависть для литератора губительны. Кроме того, наши споры и дискуссии по большей части призваны не выяснить истину, а победить, одолеть. Я пытаюсь предлагать принцип сочувствия в любой полемике, попробовать поставить себя на место оппонента.

— А если единомышленники начнут тебя же за это сочувствие клеймить, как это нередко случается?

— Групповые требования большей частью писателя губят. У него всегда нетипичное отношение к жизни, чем, собственно, он и интересен читателю. Все эти наши писа-

тельские съезды, пленумы, клубные мероприятия стирают индивидуальность. Мы привыкли выражение: «Жить в башне из слоновой кости» — воспринимать негативно. А в нем есть дорогое и разумное начало. Писателю полезно быть одиноким. Во всяком случае мне не хватает одиночества. Трудно выполнять свои депутатские обязанности и писать. Народ выбирал писателей потому, что они среди первых рванулись поддержать перестройку и начинания Горбачева. Но сейчас, когда пошла повседневная парламентская работа, мы остро почувствовали, как не хватает нам юристов, политологов, экономистов. Наши депутаты призваны «представлять» рабочих, колхозников, журналистов, военных. Ни в одном из парламентов мира с вековой историей такого не встретишь, там такое представительство не требуется. К тому же мы хлебнули этого в

прошлых наших Верховных Советах и видели, к чему оно приводит: к безгласию и пассивности. Хотя есть, конечно, писатели-депутаты, которые приносят немалую пользу, писатели, обладающие даром политических деятелей, — Евтушенко, Адамович, Олейник, Кутультинов и другие.

— Сейчас очень внимательно присматриваются к тому, что тот или иной человек говорил или делал в минувшие годы. Как вы относитесь к тому, что люди меняют свои политические воззрения?

— Тут надо различать приспособленцев и тех, кто действительно пересматривает свои позиции. При-

CODE:

ITEM: L000052 - 02

JAKOREWAA

5-FEB-1990 12:22:38

ИНТЕРВЬЮ С ПИСАТЕЛЕМ И НАРОДНЫМ ДЕПУТАТОМ ГРАНИНЫМ:
"МЫ НЕ ЗАНИМАЛИСЬ ЕЩЕ ИСТОРИЧЕСКИМ СУДОМ"

мер последнего — Твардовский, который в силу своей честности и убежденности мучительно, тяжело переоценивал, например, свое отношение к Сталину. Это изменение взглядов происходит у каждого мыслящего человека. Я не очень верю людям, которые не меняют свои взгляды и знают заранее все, что есть и что будет.

— Что вы думаете о начале собственного пути?

— У меня есть вещи, от которых я отказываюсь как от художественно слабых. Но стыдиться мне нечего, все написанное было связано с той жизнью, которой я жил. С мечтами, волнениями, романтикой науки и творчества. Есть статьи, выступления, темы которых устарели. Не потому что они сняты, а потому что мыслить я догматично, был продуктом того времени и не мог подняться над ним, как это сумел сделать Андрей Сахаров.

— Вас не раздражают мода, новая живопись, рок-музыка?

— Мне помогает излишняя консервативность некоторых товарищей по перу. Когда я слышу их протесты — понимаю, что так мыслить нельзя. Есть вещи, которые мне чужды. Но это факт моей биографии. Есть и в литературе направления, которые я не понимаю и не понимаю. Отношусь к ним совершенно терпимо. Они мне не мешают. Во-первых, надо держаться своего читателя, во-вторых, искать, идти вглубь. Вглубь, потому что прогресс в искусстве — дело для меня весьма сомнительное. Каждая манера, каждый стиль имеют право на существование, свою нишу. Искусство скорее галерея, где сосуществуют разные картины.

— Какое место в общественном движении занимает Союз писателей?

— Он давно не устраивает уже самих писателей, потому что сохраняет окостеневшую структуру со времен сороковых годов, которая все укрепляется и твердеет в своем министерском виде. Перестройка ее не коснулась. Союзы писателей нуждаются — если они нужны вообще — в децентрализации. Необходимы свободные группы, салоны, творческие объединения. Союз писателей СССР существует как административная контора, куда приходят с просьбами. Вот эту функцию он как раз выполняет, а творческая жизнь сосредоточивается вокруг журналов. Те же журналы — почему они обязательно должны быть чьими-то органами? Журнал создается группой писателей, авторов, общей литературной идеей. И этого достаточно. История с журналом «Октябрь» показательна. Он орган СП РСФСР, но союз вспомнил об этом, когда понадобилось сменить неугодного редактора.

— А газеты? Нужны ли нам независимые издания?

— У партии должны быть свои газеты, у профсоюзов — свои, у Советов, естественно, тоже. Но нужны и независимые газеты, которых у нас нет сейчас. Свобода слова не может быть ведомственной. Печать должна быть свободной.

— Но решения такого рода по-прежнему зависят от высшего руководства страны... Я знаю, вы встречались с Горбачевым.

— Да, у меня были встречи с ним.

— И что вы о нем скажете?

— Конечно, он совершил великое дело. И те результаты — гласность и демократизация, которые мы имеем (а у нас часто говорят, что пока результата никакого), — его рук дело. Ведь жизнь людей состоит из духовной и материальной, а ны-

нешнее духовное изобилие несоизмеримо с прошлым.

Мне кажется, это человек с очень быстрой реакцией, хороший политик, прекрасно понимающий расстановку сил. И, кроме всего, с крепкой нравственной основой. В нем есть то, к чему все призывают сейчас: терпимость, терпение, желание убедить, а не заставить, он предпочитает действовать политически, а не диктаторски. Хотя хочется большей решительности, очень хочется!.. Иногда мне начинает казаться, что Горбачев очень устал. Огорчают грубые нападки в его адрес, от которых может устать и обидеться любой человек — все мы люди. Но это все лишь мои предположения.

Горбачева иногда обвиняют в том, что он срывается. Верно, но это становится заметным на фоне его чрезвычайной терпеливости. Это терпение, принимаемое за норму, на самом деле в наших условиях говорит о необходимости централизма. Вот что нам нужно, так это устойчивый центр.

— Вы не боитесь хвалить Генерального секретаря? Ведь многие подобные похвалы воспринимают как лесть.

— Даже в этих наших опасениях есть остатки монархического мышления. Мы вынуждены очень много внимания и значения придавать первому лицу в государстве. То количество проблем, которое сосредоточивается на этом человеке, и ему не под силу, и у нас, граждан, вызывает опасения. В нас есть воспаленная опасливость к проблеме культа, мы не умеем говорить об этом свободно, без напряжения. А кроме того, у нас дефицит политических лидеров. Горбачеву недостает конкурентов.

— Надо учиться говорить об этом свободно?

CODE:

ITEM: L000052 - 03

JAKOREWAA

5-FEB-1990 12:22:48

ИНТЕРВЬЮ С ПИСАТЕЛЕМ И НАРОДНЫМ ДЕПУТАТОМ ГРАНИНЫМ:
"МЫ НЕ ЗАНИМАЛИСЬ ЕЩЕ ИСТОРИЧЕСКИМ СУДОМ"

— Надо. Но опасения создать новый культ — опасения правильные.

— Считается, что политика — это не человеколюбивая специальность, хотя существует политика — для людей.

— Трудно сказать. Но вообще, наверное, политика требует и каких-либо малонравственных решений. Приходится глушить человеческие симпатии и антипатии, искать не всегда приятные компромиссы, и не во имя объективности, а во имя политики. В общем, дело это неблагодарное и вредное для нравственности работающего в ней.

— Как, по-вашему, существует ли в нашей жизни такое понятие, как политическая смерть?

— Может быть, это слишком сильное выражение, но примеров у нас много. Семичастный, Шелест или люди типа Кунаева, Бодюла и прочих. Причем у одних политическая смерть наступила при жизни, а у других после физической смерти. Политическая смерть как явление у нас, конечно, не исследована, а это весьма поучительное явление.

— Сталин как политическая фигура мертв?

— Думаю, нет. Мы не занимались еще историческим судом. Я уже не говорю о том, что вообще в нашей практике судопроизводство над такими фигурами отсутствует.

— А не возобладает при этом жажда мести над чувством справедливости?

— Нет. Такое представление о людях унижает их. Действуют гораздо более высокие мотивы и требования. До сих пор у нас ни разу не было открытого и честного суда над крупными чиновниками, которые во многом виноваты, — ни над одним министром, ни над одним секретарем ЦК или обкома, ни над одним членом Политбюро. Между тем мы знаем, что они во многом преступили закон. И эта продолжающаяся несправедливость волнует людей, тем более что в условиях нашего государства большая доля вины лежит не на учреждениях, не на порядках, а на личностях.

То, что у нас в стране творилось в тридцатых и прочих годах, называется беззаконием. Процессы шли над невинными, в сущности, людьми. А сейчас речь идет о виноватых. Мы, конечно, травмированы теми годами, но как же можно говорить о правовом государстве, если виноватые не осуждаются? Ведь это необходимая часть гражданской жизни общества. Справедливость — дело закона. Но над справедливостью стоит милосердие, и некоторых, может, мы должны простить и понять. Однако закон должен действовать. При входе в учреждения американского конгресса висит кодекс, который начинается так: верность закону выше, чем верность родине и своему народу.